
МИР
ПРИ-
КЛЮ-
ЧЕ-
НИЙ

Составитель А. П. Кулешов

МОСКВА
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»
1984

М $\frac{4801000000-316}{М101(03)84}$ 508—84

К. Селихов

ЖИЗНЬ ЗА ЖИЗНЬ...

(Из записок афгаиского офицера)

◇

Мы опоздали... А всему вииой эта проклятая сиежиая пурга. Налетела иежданио-иегадаиио, замела все тропы, с ног валит... Сколько живу, а такого яиваря еще не помию. Солдаты проваливались по пояс в снег, ругались, подталкивали друг друга, ползли иа карачках, выбивались из сил... Замрет цепочка, поостынет на ветру и снова вперед. Туда, где почти под облаками птичьими гнездами прилепились дома к вершиие белесой горы. Кишлак иебольшой, всего несколько семей. Сейчас оии все тут, эти люди, рядом, в конце кривой улочки, недалеко от старой развесистой чииары. Лежат посемейио: старики, дети, отцы, матери. Сиежиая пороша стала их саваном. Почти по-человечески воют собаки. Поджав хвосты, задрав морды к небу, оии ие уходят от своих хозяев. Ждут, когда их окликиут, погладят по жесткой шерсти, и воют, воют, проклятые, раздирая душу. Из всех жителей кишлака в живых остался одии Майсафа[1]. Белая борода, белая чалма, замусолеииый халат иа худых плечах. Лицо землистое, с глубокими морщииами. Говорит не спеша, каждое слово как через сито просеивает.

— Не знаю, почему ие упал. Видио, так было угодио аллаху. Промахиулся душмаи[2], что целился в меия... А другие иет... Все здесь полегли. И стар и мал. По приказу главиого иачальиика Али Шаха...

Опять он... Целый месяц иаш отряд идет по его кровавым следам. Сыи крупиого помещика, ои бежал в Пакистаи сразу же после Апрельской революции. Прошел хорошую подготовку в учебном лагере афганских коитрреволюциоиеров под Пешеварами. Его учителями были америкаиские и другие советиики. Вернулся на родину ие один — привел баиду душманов. Группа небольшая, мобильная и страшиая. Главиая ее задача — запугать местиое иаселеиие. Убивать всех, кто поддерживает народиое правительство Бабрака Кармаля. Убивать. Но

[1] Майсафа — старик.
[2] Душмаи — баидит.

не просто вешать или расстреливать — в каждую казнь вносить элемент садистской «романтики», чтобы ужас на всю жизнь сковал людей, лишил их мужества, воли, силы к сопротивлению.

Пытать Али Шах любит на глазах широкой публики. Душманы прикладами автоматов сгоняют людей на этот кровавый спектакль.

— Сейчас вы увидите танец короля! — объявляет веселый от стакана виски Али Шах.— А ну подать сюда корону! Надеть ему на голову, как подобает его величеству. И маслица, маслица побольше.

Обреченному со связанными руками надевают высокую «корону», слепленную из теста. В нее — на голову — щедро заливают подсолнечное масло.

— А теперь давай музыку! Включай магнитофон! — приказывает Али Шах.

Щелкает зажигалкой и подносит прыгающий на ветру огонь к голове несчастного. Снежной лавиной обрушиваются бешеные звуки джаза, вспыхивает масло, как яркий факел, и раздается крик... Надолго еще он повисает где-то в ущелье, пугая зверя и птицу, леденя человеческие сердца.

В этом маленьком кишлаке Али Шах задумал новую казнь. В программе лагеря под Пешеварами она значилась, как «своеобразный психологический этюд»...

— Люди Али Шаха нагрянули в кишлак как снег на голову. Говорят об аллахе, а поступают по-дьявольски. Овец наших без спроса режут, деньги требуют, греха не боятся...— рассказывает чудом уцелевший Майсафа.— Земля слухом полнится... Знали мы, что недалеко от нас охотитесь за Али Ханом... Староста Рахновар с согласия старейшин послал своего младшего, Махаммада, к вам навстречу... Да беда с ним приключилась... Не дошел...

Он глубоко вздохнул, закашлялся. С Махаммадом действительно приключилась беда. Недалеко от кишлака мальчик встретил троих вооруженных людей. Они были в форме солдат Народной армии. Обрадовался, бросился к ним.

— Скорее, скорее, дяденьки! Там банда Али Шаха! Меня к вам отец послал!

А дяденьки те оказались душманами...

...Их поставили рядом — отца и сына — лицом к толпе. Пригнали силой взрослых и детей, всех до одного человека. Через крепкий сук чинары перекинута веревка с петлей у земли. Али Шах уже успел принять солидную дозу спиртного... Глаза с прищуром стали хищными, как у коршуна, лицо разрумянилось — сытое, молодое. Подался чуть вперед и начал свой страшный спектакль.

— Уважаемые мусульмане! Этот гаденыш спешил сообщить неверным о нашем прибытии к вам в гости... Думаю, что будет справедливо, если за тяжкий грех перед аллахом его покарает рука самого отца... Верно я говорю? — спросил он толпу.

Ответа не последовало, только плотнее к матерям прижимались дети, опустили глаза в землю мужчины.

— Молчите?.. Ну, ну... Ваш староста клялся, что он не безбожник, а настоящий правоверный мусульманин... А ну, староста, докажи это нам, надевай петлю на шею своему щенку!

Ахнула толпа, попятилась назад, староста упал в ноги:

— О могучий начальник! Пощади мальчонку! Повесь меня! Будь милосердным!

— Э, нет! Ты будешь жить!.. А мальчонку на сук. Не тяни время, староста. Мы спешим, берись за веревку, подведите к нему его гаденыша!

Двое душманов схватили Махаммада, легко, как пушинку, бросили к отцу. Он не кричал, не плакал... Просто онемел от страха.

И вдруг сухой, раскатистый выстрел. Али Шах присел на корточки, судорожно стал расстегивать кобуру... Пальцы не слушались. Звериный страх вошел в его душу, сковал тело. Но пуля только обожгла висок Али Шаха и пронеслась мимо. Сетка чадры помешала быть глазу метким. Огненная лихорадка от материнской муки ослабила, сделала неустойчивой руку, державшую пистолет. Надо стрелять еще, толпа расступилась, но у женщины не было уже сил нажать на спусковой крючок.

Наконец расстегнулась кобура... И он закричал истошно, хрипло:

— Огонь! Огонь! Всех! Всех! Огонь!

Душманы не пощадили никого. От теплой крови растаял снег, где лежали убитые. Мы опоздали. Банда ушла, растворилась в вихре пурги.

— Рафик командир! Он жив!.. Он жив! — Это кричит наш санитар отряда Нарзула. Ему поручено осмотреть убитых, составить обвинительный акт злодеяний душманов.

Едва уловимо биение сердца, но жизнь не покидает маленькое, худое, скрюченное калачиком тельце Махаммада. Солдаты бережно перенесли мальчика в одну из осиротевших хижин, уложили на шинели.

Он был без сознания. Нарзула перебинтовал Махаммада, щупает пульс и с тревогой качает головой.

— Ну, как Нарзула? Будет жить? — спрашиваю я санитара.

— Совсем плох. Нужна срочная операция. Я ничего сделать не могу... Понимаете, не могу, рафик командир,— удрученный своим бессилием, с горечью оправдывается Нарзула.

Я понимаю его. Он недавно окончил всего-навсего трехмесячные курсы саниструкторов. Умел крепко раны перевязать, ногу при вывихе вправить, укол сделать. Но здесь нужен был опытный врач-хирург. А где его найдешь в этом высокогорном кишлаке?

В соседней комнате радист, подобрав под себя ноги, пытается установить связь со штабом полка. Надо сообщить сведения о противнике. Как-то попытаться спасти мальчика. Не то пурга мешает, не то сели батареи — в эфире один треск, никто не выходит с нами на связь. А мальчику все хуже и хуже. И вдруг радист поднял руку, просит тишины. Слушает внимательно, что-то записывает в блокнот. Поплотнее прижал наушники, сам заработал на ключе, заговорил на своем языке в эфире. Значит, с рацией все в порядке. Связист повеселел, докладывает с улыбкой.

— На связи советские товарищи! Что прикажете доложить?

А я, признаться, и не знаю, что сказать советским товарищам. Попросить, чтобы прислали вертолет, врача для Махаммада? Но вправе ли я рисковать жизнью нескольких советских воинов, чтобы попытаться спасти жизнь одному мальчику? Кто может летать в такую погоду? Вон как завывает ветер за стенами. А радист словно мысли мои читает — говорит с уверенностью, как само собой разумеющееся:

— Они могут... Я видел... Летают в такую погоду... Они же русские!

Собирался закурить, передумал, прячу пачку сигарет в карман. Еще несколько шагов от стены до стены. И решаюсь!

— Выходите на связь! С советскими товарищами! Передайте: «Нуждаюсь в помощи!»

Не знаю как, но в эту дьявольскую непогоду, когда в двух шагах ничего не видно, он нашел наш отряд. Завис над кишлаком, надрывно ревет мотор, а самого вертолета не видно из-за снежной завесы.

Все было похоже на волшебную сказку. С двадцатиметровой высоты, раскачиваясь на ветру, как маятники старых стенных часов, с неба по трапу спускались две человеческие фигурки. Чем ближе к земле, тем они становились выше ростом. Не дожидаясь последних ступенек, русские прыгают в глубокий снег. Вертолет сделал свое дело. Уплывает вместе с ним и шум мотора. Мы спешим к своим друзьям. За плечами у каждого рюкзак, одеты в белые бараньи полушубки. Представляются, как и положено настоящим солдатам, чеканно по уставу, лихо вскинув руку к шапке-ушанке.

— Лейтенант медицинской службы Петров!

— Сержант Ниточкин!

Я, по старому нашему обычаю, троекратно обнимаю гостей.

...Нам не нужен был переводчик. Лейтенант Петров свободно говорил на фарси. Увидев удивление на моем лице, пояснил:

— Отец — специалист по восточной истории, привил любовь к фарси с детства.

И сразу же о раненом с расспросами, заторопил, зашагал легко и быстро...

Спустились сумерки. Я ждал доктора во дворе, по которому расхаживали, кудахтая, голодные куры. Лейтенант вместе с Ниточкиным долго осматривали мальчика. Вышел один, без полушубка, взволнованный. Охотно взял сигарету из моей пачки, молча закурил. Петров хоть в халате медицинском, а на доктора не похож. Нет у него этакой солидности, докторской важности. У нас в Афганистане на доктора молятся, как на святого. Еще бы! На пятнадцать миллионов жителей Афганистана врачей приходилось до Апрельской революции чуть более тысячи. И лечили они только богатых и знатных людей. Многие бойцы моего отряда врачей и в глаза никогда не видели. Где их найдешь вот в таких кишлаках, как этот?

Мне повезло... Мой дядя по матери был доктором. Ходил он как индюк надутый, в глаза никому не глядел, слово молвил — что жвачку жевал. А этот в движениях быстр, глаза добрые, внимательные, голубые, как небо в ясный день. Белобрысый, губы девичьи, пухлые...

— Ну что, лейтенант, плохи дела у мальчика? — спрашиваю я его.

— Плохи,— говорит он тихо.— Две пули в брюшине. Надо срочно оперировать!

— Как, прямо здесь?

— Здесь... Ниточкин уже готовит раненого к операции.

— А ты не боишься ее делать?

— Откровенно? Очень боюсь. Это же моя первая операция в полевых условиях.

Не докурил, вмял с силой носком сапога окурок в снег.

— А может, не стоит... Зачем такого маленького перед смертью мучить...— неожиданно сорвалось у меня с языка.

Лейтенант так посмотрел на меня, что я отшатнулся. А он повернулся через левое плечо, одернул халат и твердой походкой пошел в дом.

...В комнату, где предстояло делать операцию, солдаты внесли топчан, покрыли его клеенкой. Это будет операционный стол. Другого не найти. Пусты крестьянские дома, нет здесь ни столов, ни стульев. Привыкли сидеть на полу, поджав под

себя ноги. Мы собрали все керосиновые лампы, какие нашли в кишлаке. Заправили керосином, поправили фитили, чтоб не коптили, отдраили стекла от копоти... Зажгли. Светло как днем. А он все недоволен.

— Это не свет, а черт знает что... Неужели больше ничего нельзя придумать? Думайте, думайте, командир!

Придумал.. У нас в отряде было несколько больших и ярких японских электрофонарей. Дал команду. Принесли. Несколько солдат будут светить во время операции.

— Мне нужны такие, чтоб хорошо светили, не дергались, крови не боялись во время операции. Смышленых и расторопных.

А сам над тазом медным нагнулся, стал мыться, готовиться к операции. Ассистировать будет сержант Ниточкин. Он же будет выполнять обязанности операционной сестры. Ниточкин по образованию фельдшер. Тесен операционный халат в плечах коренастому сержанту, руки сильные, с бугорками пухлых вен. Он готов, ждет только приказа лейтенанта. И он поступил. Вспыхнули яркие лучи, хирург склонился над мальчиком. Операция началась, и вдруг полоснула далекая, глухая автоматная очередь. Незамедлительно ей ответила встречная, уже громкая и длинная. Застучал, захлебываясь, пулемет. Это совсем рядом огонь ведет первый пост. Влетел, что вихрь, связной:

— Душманы! Спустились с перевала, выходят к околице!..

— Гаси свет! В ружье! — приказываю.

— Отставить! — неожиданно резко и громко на фарси командует лейтенант.

Солдаты в растерянности: кого слушать, браться ли за автоматы или светить фонарями? А он снова громко и повелительно:

— Свет! Давай на меня! Свети лучше... Да не дрожите вы...

Совсем рядом ахнула мина, посыпалась глина с потолка. Дальше рисковать было невозможно.

— Прекратить операцию! Слушай мою команду!

Петров даже головы не повернул. Молча работают с сержантом.

— Лейтенант, вы с ума сошли! Бой начался. Надо гасить свет, если не желаете стать мишенью для душманов!

— Да полно вам, прекратить истерику! — осадил меня чужим, незнакомым голосом. Оторвался на миг от стола, повернулся ко мне, лицо закрыто, видно только глаза... Смотрят на меня строго и холодно.— Не мешайте работать... Ваше место в отряде... Идите, принимайте командование, занимайте круговую оборону, бейте в хвост и в гриву этих мерзавцев!

— А вы?

— Не беспокойтесь. На крайннй случай оружне с нами...— И уже мягко, как уговаривают врачн больного проглотнть горькую пилюлю, проснт: — Постарайтесь, пожалуйста, не подпускать бандитов. По крайней мере, пока ие закончу операцню. Идите. Помогнте спасти мальчика. Договорнлнсь? Вот н хорошо... Займемся каждый своим делом.

Банда Али Шаха, как оказалось потом, не могла пройтн через перевал. Высланная вперед разведка душманов натолкнулась на прочный заслон солдат армейской части и отряда добровольцев защнты революцнн. Без единого выстрела, осторожно попятился назад Али Шах со своими головорезамн. Голод и холод погналн нх по старым следам. Расчет был прост: на пургу н иеожнданный ночной удар. Враг не застал нас врасплох. Похоронив до захода солнца погнбшнх сельчан по всем мусульманским обычаям, я удвонл караулы. Али Шах нарвался на плотный прицельный огонь. Освещая место боя ракетамн, мы с хорошнх позицнй расстрелнвали душманов в упор, не пропуская их в крнвую улочку, где в одном-единственном доме в эту темную тревожную ночь ярко горел свет.

Понеся большие потерн, Алн Шах отступнл. Мы сделали свое дело, как н полагается солдатам Народной армии. Справнлся со своей операцией и русский доктор, лейтенант Петров... Весь мокрый от пота, сорвал с себя маску, стащнл с рук операцнонные перчатки, сказал устало, негромко:

— Вот н все!.. Махаммад будет жить!

Прислоннлся спиной к окошку, чтобы остудиться, взвешнвает иа вытянутой ладоин две ставшие бурыми от запекшейся крови свинцовые пули, нзвлеченные нз тела мальчика.

— Это ему на память. От советского доктора дядн Ваии...— И заулыбался свонмн пухлымн губамн, довольный, что сумел-такн осилить, успешно провести эту сложнейшую операцию в иеобычных полевых, а точнее, фроитовых условнях...

Стекло в окошке треснуло мягко, без особого шума. Доктор вздрогнул от снльного удара в спнну, с удивлением оглянулся, посмотрел в темноту ночн н медленно, цепляясь рукамн за стеику, стал валиться, как подкошеииая сосиа от острой пилы лесоруба.

— Товарнщ лейтенант! Товарищ лейтеиаит! — закричал не свонм голосом Нпточкнн н броснлся к доктору, не дал упасть ему на земляной пол, принял на свон снльные руки.

...Он лежал на мягкой соломе, укрытый полушубком. Лицо сразу осунулось, потускнела голубнзна глаз. А рядом — Нпточкнн. Растерялся сержант, не знает, что н говорнть в такнх случаях надо.

— Раиа пустяковая... Я вот укольчик один сделаю...

— Не суетись и ие хитри, Саша,— отвечает Петров тихим голосом.— Укольчик твой ие поможет... Я врач... Все понимаю...

Попытался чуть пошевельнуться. Боль по всему телу. Застоиал тяжко.

— А вы потерпите, товарищ лейтеиаит... Скоро иаш вертолет прилетит... По рации сообщили... В одии миг в госпитале будем...— успокаивает Ниточкии.

Петров зиал, что свои в беде ие оставят. Интересио, кого пошлют? Вопрос только одии: ие поздио ли будет?

У нас все пилоты классиые. Отчаяииые. Особеиио когда иадо спасать человека... Вот и сейчас можио не сомиеваться: прилетят в любую погоду.

— А может, попить желаете? — Ниточкин иикак не угомоиится.— Чай чериый, как деготь, с лимончиком...

— Иди лучше к мальчику... Там ты больше иужен... Я здесь с комаидиром... поговорю. Иди же, Саша, иди!

Ниточкии бурчит что-то невиятиое себе под нос, но слушается лейтеиаита, идет в соседиюю комиату, где еще ие отошел от иаркоза Махаммад. Я ближе подсаживаюсь к Петрову.

— Что, прибавил я тебе хлопот, комаидир? — улыбается он через силу.

— Ничего... Все обойдется,— говорю я ему.

— Обойдется,— думая о своем, соглашается он со мной.— Махаммад будет жить! Это точио... Это главное... А остальное иесущественио... Главиое — мальчик!

— Мы все не зиаем, как и благодарить тебя, доктор.

— Свои люди — сочтемся,— пытается он шутить.

Помолчал иемиого, лизнул языком шершавые губы и с вопросом довольио иеожидаииым обратился ко мне:

— А ты жеиат, комаидир?

— Не успел еще, все воюем...

— Я тоже не успел... В отпуск собрался... Свадьбу играть дома. А ночью вот подияли... По вашей просьбе... На помощь...— Лейтенаит рассказывал с придыханием.— Невесту Таней зовут. Оиа у меня добрая. Лицо смешиое, в веснушках... А глаза сииие с отливом... Гляиешь в них — иа душе радость...

Веки прикрыл, устал, лежит тихо, Таию, иавериое, свою вспомииает.

Я хотел было встать потихоиечку, огоиь поубавить в керосииовой лампе, а ои сиова заговорил:

— Не уходи, посиди рядом. Весна скоро. Сеять иадо... Вы тут быстрее кончайте свою контру. А тогда ко мне в Орел в гости... Испечет мама пирог. Угостит молочком топлеиым с пеиочкой зажаристой... Только адрес запомни. Обязательно...

Я запомиил твой адрес, Ваия. На всю жизиь. Не раз брался за ручку, чтобы иаписать письмо родиым, и ие мог. Мы все же поймали Али Шаха, разгромили его банду. Скоро очистим всю иашу землю от этой иечисти... Скоро! И тогда я обязательио приеду в Орел, Московская улица, 114, квартира 9...

Приеду, чтобы иизко поклоииться твоим степным полям, отцу с матерью, твоей Таие...

А сегодня я опять в том самом гориом кишлаке, что почти под небесами. Приехал ие одии — с воспитаиииком иашего отряда Махаммадом. Мы будем участвовать в большом торжестве — открывать иовую школу. Школу имеии советского лейтеиаита Иваиа Петрова.

Юрий Папоров

ЭЛЬ ГУАХИРО — ШАХМАТИСТ

Повесть

◇

Глава I. Дебют

В кафе было шумио. По мере того как стрелка стариниых часов приближалась к семи, в иебольшом зале стаиовилось все теснее. По традиции пока еще собирались лишь одни мужчииы — выпить стакан ораижада, бутылку пива, передохнуть после рабочего дня, поиграть в шахматы, домино, побеседовать, а самое главиое — послушать, что говорят другие о событиях в городе, в стране, в мире, что иового в Гаване.

В дальием углу вокруг столика, стоявшего у самого окиа, сгрудилось столько иарода, что пробиться и узиать, как сегодня развивается ход сражения, было невозможно. Да в этом, собственно, ие было особой нужды — каждый ход тут же сообщался и вполголоса комментировался. Еще бы, за доской сидел сильиейший игрок города, который вот уже второй день подряд проигрывал партию за партией иеизвестиому молчаливому парию в спортивиой рубашке иавыпуск.

Коиечио же, все кругом болели за своего. Рассудительиый, всегда готовый помочь советом и делом Луис Гарсия, завскладом самого крупиого в городе завода, имел повсюду миожество друзей. Лучше других играя в шахматы, ои, однако, упорно отклонял предложения выступить в официальиых соревиоваииях, чем лишиий раз доказывал свою скромность и у многих вызывал восхищение полнейшим равиодушием к славе.

На вид Луису Гарсии было ие более сорока. Во всем его весьма заурядиом облике — он и одежду приобретал без всякого труда по размеру в магазинах — выделялись глаза, способные то вспыхивать дьявольским огием в гиеве, то лучиться подкупающей мягкостью внимательного слушателя, то убивать безучастием. Неторопливые, степениые движеиия его отнюдь не означали, что ои обладает темпераментом флегматика, а свидетельствовали об умеиии четко коитролировать свои поступки.

Он сделал очередной ход. Осторожно передвинул пешку на e5. Глянул по сторонам хитро, со значением. Внимательные болельщики тут же подметили, что партнер Гарсии насторожился. «Нашел-таки отличный ход! Везет! — подумал в тот момент неизвестный парень.— А ведь куда, казалось бы, лучше пойти вперед ферзем. Но это случайно. Ну что ж, тем интереснее игра».

В партии сложилась острая ситуация в миттельшпиле, точь-в-точь схожая с той, в которой Хосе Рауль Капабланка[1], играя однажды белыми против Дуз-Хотимирского[2], избрал единственно верное продолжение и неожиданно вышел победителем.

Молодой человек немного помедлил, как бы в поисках достойного ответа. Что-что, а продолжение этой партии он знал превосходно и не сомневался в положительном для себя исходе, так как был уверен, что его противнику не повторить Капабланку. Черная пешка от короля двинулась вперед, отражая угрозу белого ферзя. Но в следующий момент пешка белых была уже опущена на клетку e6!

«Черт возьми! Снова случайность? Впрочем, после предыдущего хода этот вполне логичен. А вообще... Не пойму! — Молодой человек внимательно посмотрел в открытое лицо соперника, глаза которого теперь едва заметно улыбались.— Неужели предчувствует победу? Возможно ли?» И парень невольно почесал затылок.

Ладья черных скользнула на f8, и тут же белый конь прыгнул на d3! Сомнений не оставалось — шахматист, игравший белыми, отлично знал точное продолжение партии.

«Странно! Когда капитан Родригес показывал мне эту партию, он уверял, что ее в литературе нет. Партию знали Капабланка, который обучал игре капитана, и еще один человек. Но тот после революции уехал с Кубы. Откуда же она известна этому типу?..» Теперь молодой человек, делая вид, что размышляет над очередным ходом, исподволь изучал партнера. Он запоминал форму его головы, цвет волос, глаза, строение рук, особые приметы. «Ну что ж, если он знает следующий ход, то придется повалить короля...»

Черные перевели своего ферзя на b7. Белые, не задумываясь, сыграли конем на f5. Лица болельщиков озарились улыбками — стало ясно, что на этот раз честь города спасена.

Положив короля на бок, парень в спортивной рубахе

---

[1] Капабланка-и-Граупера (1888—1942) — кубинский шахматист, чемпион мира с 1921 по 1927 г.

[2] Ф. И. Дуз-Хотимирский — старейший советский мастер.

встал — он был крепким, коренастым брюнетом — и протянул руку победителю:

— Спасибо! Сегодня вы отлично сыграли. Если будет время и желание — завтра в пять. А знаете, иной раз бывает приятно проигрывать!

Гарсия кивнул дважды в знак согласия, пожал протянутую руку, взял со столика недопитый стакан пива и произнес:

— Общий счет пока в вашу пользу! Но мы еще продолжим!

Однако очередная встреча не состоялась. На следующий день, окончив работу, Гарсия вышел с завода, свернул в улицу, ведущую к скверу, где находилось кафе, и бодро зашагал. Он раздумывал о том, какую партию ему предложит его молчаливый соперник, которому на сей раз предстояло играть белыми. У аптеки с Гарсией поравнялся старенький «форд». Оттуда выпрыгнул человек в военной форме и пригласил изумленного шахматиста поехать с ним.

Сколько ни ломал себе голову по дороге в отдел безопасности «лучший шахматист города», он менее всего мог предположить, что во всем виноват его вчерашний выигрыш. Молодой человек в спортивной рубашке, как только вышел из кафе, сразу же направился к небольшому зданию на тенистой улице. У входа он предъявил часовому удостоверение на имя Фауре Павона, сотрудника госбезопасности.

— Сегодня 23 ноября 1972 года,— заметил часовой.

— Ну и что? — не понял замечания входивший.

— Через неделю истекает срок!

— А! Знаю. Спасибо. Это старое удостоверение. Завтра получу новое.— И он козырнул.

Пройдя к дежурному, Павон попросил разрешения связаться с Гаваной, с капитаном Родригесом из Центрального управления. Прежде всего он рассказал капитану историю с шахматной партией.

Всю ночь, утро и день местные органы безопасности проверяли личность «симпатичного» Гарсии. Собранного материала оказалось достаточно, чтобы отменить очередную партию в кафе...

За окном, забранным в решетку, жизнь шла своим чередом. Люди отдыхали, веселились, как могли, строили планы, играли в шахматы. И каждый, возможно за самым малым исключением, знал, что принесет ему завтрашний день. Но для человека, лежавшего на голом топчане в небольшой комнате старого особняка, жизнь приостановила свой бег, отбросив его в прошлое.

Томительную, гнетущую, насыщенную тревогой тишину разорвал далекий крик петуха. И сразу его подхватил разно-

голосый хор. Последние два года Луис Гарсия часто просыпался с этими не похожими ни на каких других кубинскими петухами. Каждое утро заново, с трепетным волнением ощущал, что он дома, на родине,— на чужбине ему так недоставало именно этого хора. И порой до тошноты щемило сердце от подступающей злобы, от сознания, что он не в силах навестить родные места, повидать мать, побывать на могилах дяди и брата. Они были рядом, всего в пяти часах езды на автобусе, но он был не вправе сделать это...

Еще никогда в жизни Гарсия, способный в детстве часами разглядывать комиксы и громче других смеяться, так остро не понимал, что стряслась непоправимая беда. Снова и снова пытаясь найти ответ на вопрос, в чем была его ошибка, он почему-то, вместо того чтобы анализировать свое поведение в последние месяцы, невольно возвращался в далекое прошлое.

Счастливое, безмятежное детство... Поместье «Делисиас»... Самое голубое небо планеты над ним, самые зеленые и красивые пальмы, самый сочный сахарный тростник, самые вкусные в мире манго, самые красивые девушки... Ему, сыну одного из майоралей — управляющего огромным поместьем,— разрешалось бывать в хозяйском доме и даже играть с детьми дона Карлоса. Грозный хозяин был ласков со смышленым подростком, которому предстояло рано или поздно стать майоралем его наследников. Гарсию же к миру избранных тянула какая-то неодолимая сила, хотя по-настоящему он дружил лишь с сыном местного кузнеца. «Эх, найти бы его сейчас! Он бы сумел помочь... Но какое ему дело до меня! Наверняка стал большим человеком. Педро... Педро Родригес... Педрито... Слон. «Эль Альфиль».

Когда-то Гарсия считал, что весьма преуспевает в жизни. Единственно в чем он не мог сравниться с Педро «Эль Альфилем», так это в шахматах. Дон Карлос... Да что там дон Карлос, сам Капабланка, который в последние годы своей жизни любил приезжать на отдых в «Делисиас» и обучал подростков всевозможным тонкостям игры, прочил Родригесу блестящее будущее за шахматной доской. Но тот тянулся к политике. У Педро была настоящая идиосинкразия к тем, кто обладал богатством и безграничной властью, что так гипнотизировало Гарсию. И этим Педро был сильнее его, теперь Гарсия почти готов был признать превосходство друга. Нет, не потому, что наконец-то осознал его правоту. Просто здесь, ворочаясь без сна на тюремном топчане, он до слез жалел себя.

Луис Гарсия уехал в США через полгода после победы революции, когда д-р Мануэль Уррутия был смещен с поста президента республики. Уехал со старшим сыном дона Карлоса. Сам помещик заявил: «Для нас это конец!» Поспешно продал

свои земли и двумя неделями раньше улетел «умирать в Испанию»...

«Если бы тогда Педро не был так агрессивен!.. Да и отец... Зачем он сказал перед смертью: «Всю жизнь я считал тебя своим сыном, но помни: ты принадлежишь им, ты такой же, как они, ты им ровня...» Если бы я знал, что так все получится! Хотя, собственно, в чем меня могут обвинить? Чужое имя... Но это не такое уж преступление...— шептал Гарсия.— Марта! Да, девочка, ты не знаешь, а я тебя люблю... Однако может статься... больше не увижу... Что она делает сейчас? Одна ли? Помнит? Ждет? Ждет! Бывают же исключения... В это надо верить или... Быть с другим, куда ни шло, может. Главное, чтобы ждала. Выкручусь... И вот когда встретимся, чтобы тогда у нее не было большего счастья... Но что им известно? Это ошибка... Нет ничего тяжелее неизвестности...»

Рассвело. Принесли горячий кофе и булочку, но заключенный не притронулся к еде — страх и какое-то еще не совсем понятное ему самому чувство, похожее на раскаяние, спазмой сжимали горло.

Через час за ним пришли. В небольшом светлом кабинете Гарсия прежде всего вгляделся в лицо следователя и облегченно вздохнул: «Мальчишка. Что он сделает? В чем бы ни обвиняли, буду все отрицать!»

— Садитесь! И рассказывайте,— поднял голову от бумаг следователь.

Возникла пауза.

— Не понимаю. Что рассказывать? — выдавил Гарсия внезапно охрипшим голосом.

— Начните хотя бы с того, как вас зовут.

— Луис Гарсия.

— А как звали раньше?

— Не понимаю. Луис Гарсия... Всегда.

— Хорошо! Вы знаете, где находитесь?

— Ну да, конечно.

— Тогда должны понимать, что только чистосердечное признание может смягчить вашу участь.— Следователь принялся сосредоточенно листать папку с документами, словно предоставляя арестованному самому судить, насколько глупо его запирательство.— Ну? Молчите? Этим молчанием как раз вы себя и выдаете. Боитесь сказать не то. Не знаете, что нам известно. Хорошо! Я вам помогу. Расскажите поначалу хотя бы, где были и что делали последние десять лет. Вы ведь кубинец...

Последняя фраза — не то вопрос, не то утверждение — была произнесена таким тоном, что у Гарсии упало сердце. Сколько раз за последние годы там, в США, ему становилось не по себе только от одной мысли, что его могут об этом спросить!

— Конечно, кубинец! — Он судорожно глотнул слюну.

— Ну вот и начинайте с того, где родились, кто ваши родители... Коротко до 1959 года и подробно до вчерашнего дня.

«Что они узнали? Неужели кто-то предал?» — мучительно соображал Гарсия. Уголок его верхней губы нервно приподнялся, и воздух с шипением потянулся сквозь зубы.

— Молчите? Напрасно. Вам была дана возможность самому вспомнить кое-какие ваши... жизненные комбинации. Теперь придется объявить вам первый шах.— В голосе следователя звучала откровенная ирония.— Расскажите, как вам удалось возвратиться в Штаты после Плайя-Хирон?

«Неужели они об этом знают? Нет, скорее, берет меня на пушку».

— Я там не был.

— Значит, вам не знаком,— следователь посмотрел в папку, лежащую на столе,— Хосе Эдоси Бехар, наемник-парашютист? Вас не знает Мигель Сервера Консуэгра? И вы не знаете ни Орландо Куэрво Галано, ни пилотов с Б-26 Сирило Пьедру и Фариаса?

«Что за люди! А где они меня видели? В лагере Пуэрто-Кабесас, а потом и на Плайя-Хирон? Сволочи!»

— Слушайте меня внимательно. Я спрашиваю еще раз: вы были на Плайя-Хирон? — Теперь слова следователя прозвучали в ушах Гарсии не вопросом, а зловещим утверждением.

— Да, да! Был! Ну и что?! Кастро лишил меня всего, он... Он убил моих родных — брата, дядю!.. Зачем?! — закричал Гарсия, который за миг до этого понял, что все кончено. Перед глазами его отчетливо, до шрама над левой бровью, возникло лицо Альберти, инструктора спецшколы во Флориде, сообщившего ему эту зловещую весть. У Гарсии тогда словно лопнула какая-то внутренняя пружина, он утратил способность рассуждать, сознание затуманила ненависть ко всему, что творилось на Кубе. Теперь случилось нечто похожее, с той лишь разницей, что прежде казалось, будто все только начинается, а сейчас... сейчас ему было уже все равно, лишь бы скорее, скорее наступал конец этой пытке неизвестностью.

— Как ваше имя? — не давая ему прийти в себя, настойчиво потребовал следователь.

— Меня зовут Рамиро Фернандес Гарсия! Ну и что? — снова вскинулся он.— Почему расстреляли их?

— Так! — Следователь внимательно посмотрел на арестованного.— Во-первых, запомни: если тебя чего-то там и лишили, то сделал это не товарищ Фидель Кастро, а народ... Во-вторых, разговор наш продолжим завтра. Вижу, тебе надо на многое раскрыть глаза...

Следующая ночь также прошла без сна. Он понял, что это

провал... Провал непоправимый. Ему был известен не один способ покончить с собой, даже если тебя оставили в одном нижнем белье. Он готов был это сделать: все утрачено, последняя, единственная карта бита! Иного хода нет! Но... Было неясно, на что же они собираются раскрыть ему глаза... На многое... Бесплодно раздумывая над смыслом этих слов, Гарсия все чаще вспоминал Марту, ее родинку за правым ухом, пухлые влажные губы, постоянно что-то просящие глаза... Чувство, которое там, за пределами родной земли, было ему незнакомо, терзало его до изнеможения.

После завтрака бледного, осунувшегося Гарсию вывели во двор, посадили в машину, где уже находились следователь и тот, кто его арестовывал, и повезли по Центральному шоссе на восток.

По обе стороны дороги мелькали пальмовые рощицы, манговые и апельсиновые сады. В разные направления разбегались ряды стройных королевских пальм, от движения автомашины превращавшиеся в приятные глазу ровные линии. Позади оставались почти готовые к сафре плантации сахарного тростника, созревшей папайи — дынного дерева, изумрудные, во многих местах прикрытые тентами квадраты табачных посадок. Они проезжали знаменитый своими сортами район Ремедиос.

То здесь, то там зелень табачных полей прочерчивали цепочки соломенных шляп и согнутых белых спин. «Срезают лишние побеги»,— невольно подумалось ему, и тут же на память пришли слова дона Карлоса, которые тот любил произносить именно в это время года управляющему своего имения: «Срезание почек требует особого внимания, требует любви рабочих к табачному листу. Их рукам вверяется успех всего урожая, поскольку любая их оплошность уже никем не сможет быть исправлена».

На открытых участках, над распаханной красной землей белоснежным конфетти кружат стаи чаек, прилетевших сюда с моря в поисках пищи. Горбатые серые зебу пасутся на тучных лугах, кропя их светлым горошком. И колючая проволока, размечающая все кругом на участки, вдруг не кажется ржавой, враждебной, колючей.

Рамиро Фернандес Гарсия видит, как сидящий на переднем сиденье следователь отирает лоб, затылок, грудь носовым платком, и до боли в суставах ощущает, что все это — красная земля, зеленый тростник, королевские пальмы, зебу, чайки, даже влажный, липким жаром обволакивающий легкие воздух — как никогда прежде дорого ему, близко его сердцу, но... оно не принадлежит ему, оно недосягаемо, как мираж, как сновидение...

К середине дня «форд» достиг поворота, за которым начинались бывшие земли дона Карлоса. Еще десять километров,

и за группой серебристых тополей откроется въезд в аллею из королевских пальм, которая приведет к главному зданию «Делисиас». Но машина не свернула с шоссе, и он подумал, что они направляются в соседний городок. Когда «форд» приблизился к столь знакомому Рамиро двору, где раньше на цементном полу просушивали кофейные зерна, следователь посмотрел на часы и сказал:

— Стоп! Выходи! Станешь вон там, у бара...

«Зачем? Что они задумали? Убрать при попытке к бегству? Но здесь столько народа... И зачем надо было так далеко везти?» Рамиро Фернандес терялся в догадках. В этот момент из-за угла вышел его старший брат Хосе Луис. Он увидел и сразу узнал Рамиро, бросился к нему, схватил за руку:

— Идем! Скорее! Здесь могут увидеть! — Но, сделав буквально два шага, остановился.— Постой! Ты как здесь оказался? Зачем пришел?

— Хосе Луис, ты жив? Не может быть! А дядя? Где сестра? Как мама?..— От волнения Рамиро чуть не кричал.

— Тише! — испуганно произнес Хосе.— Какое тебе дело? Тебя все равно никто не примет. Слышишь? Лучше уходи!

— Да ты не бойся, Хосе Луис...

— Я и не боюсь. Не думай, это не страх. Или ты должен прийти к нам по-другому, сам знаешь как, или уходи. Я не знаю, что ты делал все это время, но ты был там, с ними...

— Скажи только, что все живы! Скажи...

— Конечно! Что с нами могло случиться? Уходи! Нас могут увидеть. Ты мне все-таки брат.

— Ладно, Хосе Луис! Скажи только им... А, не надо... Прости...— Рамиро повернулся и зашагал прочь.

— Ну что? — спросил следователь, когда он вернулся к машине.— Жив твой брат? А? Не хочет тебя знать? Вот так!

— Увезите! Увезите меня отсюда! Скорее! — Губы Рамиро Фернандеса зашептали слова проклятий, хотя он и сам не знал, кого и что проклинает: инструктора Альберти, себя, судьбу или... Он схватился за горло и, забившись в угол, умолк.

Когда они выехали на шоссе, следователь коротко бросил притихшему Рамиро:

— Сколько ты уже здесь?

— Скоро два года.— И Рамиро Фернандес Гарсия твердо и решительно посмотрел в глаза следователю.— Не думайте, что проговорился. Я сам! Я расскажу вам все...

Машинка стучала, словно сотрудник, сидевший за ней, стремился выйти победителем конкурса. Следователь то и дело просил Рамиро Фернандеса Гарсию говорить помедленней. Тот же весь ушел в воспоминания, и временами казалось, будто

он забыл, что находится на допросе в органах безопасности, и рассказывает о себе друзьям, с которыми давно не виделся.

В июле 1959 года они вместе с сыном дона Карлоса уехали с Кубы и сначала поселились в Майами-Бич, в дорогом отеле «Карибиан». Правда, жили каждый в своем номере — разница в цене была значительной,— но кругом бурлила с детства увлекавшая его жизнь. Деньги у Рамиро были — дон Карлос перед отлетом в Испанию снабдил его на первое время,— и Рамиро, очутившись на богатейшем из курортов, старался взять все, что мог. Однако деньги быстро кончились. Сын помещика купил себе небольшое дело, но Рамиро ни компаньоном, ни служащим в него не позвал. И тут начались неприятности. Не проходило и недели, чтобы его не вызывали в отдел иммиграционной службы США.

— Я не понимал, чего они добивались, пока однажды мистер Эверфельд прямо не сказал мне: «Ведь вас арестовывали после нападения на Монкаду». Я удивился, откуда им это известно, но позднее мне стало ясно, что этот Эверфельд из ФБР, хотя и работал в иммиграционном отделе. На Кубе меня действительно арестовывали после Монкады. Но членом отряда Фиделя я не был, хотя помогать им помогал через Педро Родригеса.

— Через кого?

— Педро Родригес Гомес — мой друг детства. Он был близок к отряду Фиделя, но перед самой революцией мы с ним поссорились — не сошлись во взглядах...

— Так, так! Продолжайте.

— Я помогал революционерам, хотя и не понимал, чего Кастро добивается. Но Эверфельд твердил одно и то же: «Мы не доверяем вам. Докажите свою лояльность. Докажите нам, что вы не кастровец. Иначе вышлем обратно на Кубу». Я не знал, какие ему нужны доказательства, и тогда он открыто предложил сотрудничать с ФБР — выявлять коммунистов и кастровцев среди кубинцев, которые приезжают в Штаты. Я сказал ему, что политикой никогда не занимался, почти все время провел в провинции, мало кого знаю. Но ему, видно, было все равно. А мне... Мне нужны были деньги.

Так Рамиро Фернандес Гарсия стал работать на ФБР. Вместе с пятью такими же, как и он, гусанос[1] он должен был следить за пилотами, совершавшими регулярные рейсы между Гаваной и Майами, подслушивать их телефонные разговоры в отелях и составлять по ним оперативные сводки.

В январе 1961 года ФБР передало Фернандеса в распоряже-

[1] Гусанос *(исп.)* — черви, слизняки — так на Кубе называют контрреволюционеров.

ние Центрального разведывательного управления США. Произошло это на частной квартире в центре Нью-Йорка.

— Поначалу часа три со мной беседовал рыжий детина.— По всему было видно, что Фернандес Гарсия охотно давал показания.— Потом мне сказали, что это один из помощников самого Аллена Даллеса. Расспрашивал о моей жизни, допытывался, хочу ли возвратиться на родину «без коммунистов».

— Как звали рыжего?

— Мистер Громан или Горман, точно не помню. Но на следующий день меня представили Вильяму Фримэну, который числился позже, в Гватемале, вторым шефом[1].

— А кто был первым?

— Главным шефом был некий мистер Мак Куорниг — тоже старший кадровый офицер американской армии. Мистер Фримэн, которого в Гватемале все звали «полковник Фрэнк» или «мистер Катт», предложил мне «спокойную работенку», как он выразился: следить за командным составом бригады и доносить ему обо всем подозрительном... Я согласился — что мне тогда оставалось делать? И меня отправили в Гватемалу. Поселили вместе с руководителями отрядов в доме помещика Роберто Алехоса. Инструкторами там были: Боб, Большой Джои, Сонни, Джимми, а старшими Адамс и Билл — начальник разведки.

— Расскажите подробнее о ваших «подвигах» на Плайя-Хирон.

— Какие там подвиги! — Рамиро махнул рукой.— Я хоть и был вооружен, ни разу не выстрелил. У меня было приказание от «полковника Фрэнка» в пекло не лезть, в плен не попадать, а если что... живым не сдаваться. Когда стало ясно, что никто нас не поддержал, что войска Кастро и не думают переходить на нашу сторону, а сражаются как львы, я сел на первый попавшийся баркас. Но тут к берегу подошел Т-34 и начал топить их одного за другим. Я бросился в море. Те, кто струсил, вместе с баркасом пошли на дно. Я поплыл в сторону транспорта. Меня заметили и выслали моторную лодку. «Вот это герой! Впервые вижу кубинца, который не побоялся акул!» — похвалил «полковник Фрэнк». А потом я узнал, что в это время, когда наши захлебывались в вонючей болотной жиже, боясь поднять головы, и раздирали себе тело в кровь, страдая от москитов, Даллес и Кеннеди упивались в Белом доме шампанским, закусывая икрой и фазанами, и оттанцовывали со своими разодетыми женами под оркестр военно-морских сил... Операция провалилась...

[1] Речь идет о формировании и подготовке к боевым действиям бригады кубинских контрреволюционеров № 2506, силами которой была организована в 1961 г. интервенция на Плайя-Хирон.

— По какой причине, как вы полагаете?

— Тогда я понимал, но не хотел верить: американское правительство думало загрести жар чужими руками. Да, собственно, и кому, как не нам, самим кубинцам, надлежало освободить Кубу от коммунистов... Только бригаду вооружить они вооружили, а во всем остальном обманули. Я был рядом, когда перед началом операции «Плутон» Фрэнк и Билл проводили последнее совещание с командирами подразделений бригады. Помню, как Билл утверждал: «Главное ваше преимущество заключается в том — и никакого сомнения,— что Кастро не сможет организовать отпор раньше чем через семьдесят два часа, так как он не располагает военными соединениями ни в районе, ни поблизости от места высадки. Ближайшие его отряды находятся в Сант-Кларе, а это далеко от зоны, и к ней нет должных подъездов. Кроме того, мы располагаем сведениями, что воинские формирования Кастро в ближайших провинциях Лас-Вильяс и Матансас слабы и дезорганизованны. Потребуется несколько дней, чтобы привести их в состояние боевой готовности». На этом совещании Маноло Артиме — вы знаете, он был гражданским представителем кубинского правительства в эмиграции — спросил Билла: «Скажите, Билл, в каком состоянии находятся средства связи в районе высадки? Хирон, Плайя-Ларга, Сан-Блас и другие населенные пункты сообщаются с остальной территорией Кубы по телефону или по радио?» — «Там нет решительно никаких средств связи,— ответил ему Билл.— Если кто и увидит вас во время высадки, ему придется проделать шестьдесят километров до сахарного завода «Ковадонга», чтобы добраться до телефона. Повторяю, зона операции пустынна, если не считать нескольких десятков рабочих, которые строят дома для туристов на Плайя-Хирон». Тогда командир бригады Хосе Перес Сан Роман спросил: «А какими сведениями вы располагаете о численности и силе вооруженных отрядов Кастро?» Билл не моргнув глазом ответил: «В час высадки Фидель Кастро будет располагать всего несколькими старыми танками и артиллерийскими орудиями и не будет иметь никакой авиации. Те немногие самолеты, которые достались Кастро в наследие от Батисты, будут уничтожены на земле бомбежкой наших Б-26. У вас будет абсолютное превосходство!» Черт побери! Свинья! Он ничего не знал...

— Вы это откровенно?

— Да! Это одна из причин. Тогда Артиме еще спросил о положении с восставшими против Кастро в горах Эскамбрая. Билл сказал, что в горах, близлежащих к Хирону, более семисот человек ожидают высадки бригады и что на вспомогательных судах заготовлено вооружения и боеприпасов еще на шесть тысяч человек. «В соответствии с расчетами на основании

данных разведки в первые три дня к бригаде присоединятся не менее пяти тысяч человек, которые ждут вас и добровольно выступят против Кастро. Кроме того, наши самолеты сбросят в районы городов оружие, которым могут воспользоваться все, кто недоволен коммунизмом...» В этом месте Фрэнк перебил Билла: «Главное, что вы должны помнить: ваша основная и единственная задача удержать захваченный вами плацдарм в течение семидесяти двух часов!»

— А что же должно было произойти затем? — Следователь улыбался.

— Вот то-то и оно! Фрэнк нам прямо так и заявил: «После семидесяти двух часов мы будем с вами, чтобы сделать следующий шаг! Но скорее всего, вы не станете нуждаться в нашей помощи. Вы сами окажетесь настолько сильными в военном отношении, получите массовое подкрепление тысяч добровольцев, недовольных режимом Кастро, что быстро, разбив вражеские силы, которые встретите на пути, пойдете вперед! Вы лично, Сан Роман, сядете за руль «джипа», промчитесь до Центрального шоссе, выкинете левую руку, чтобы показать, что сворачиваете налево,— и прямиком до Гаваны!» Алкоголик!.. Одно хорошо, что добрый, а так — самодовольный кретин! Никакой поддержки. Наоборот! Ваши не жалели крови, своих жизней, чтобы защитить Кастро... Никто и не подумал поддерживать нас...

— Так! Это вы себе четко представляете. Хорошо! Ну а что потом?

— Потом... Потом было еще хуже... Немного продержался на деньги, полученные за участие в деле. Получал пособие, как все. Ел сухой картофель... А когда пленных обменяли на тракторы и медикаменты, в Майами... Вы знаете, на футбольном стадионе Джон Кеннеди пожелал встретиться со всеми нами. На поле в боевых порядках, в новом, с иголочки, снаряжении были выстроены батальоны... Мне многое не понравилось там, на этом стадионе.

— Например?

— Когда Кеннеди сам за рулем открытого белого «линкольна» появился на стадионе, все повскакали с мест и стали размахивать американскими флажками... Ни одного кубинского...

— Как же? Там было так называемое «знамя»,— с нескрываемым удовольствием вставил следователь.

— Это-то мне больше всего и не понравилось. Перес Сан Роман возник на трибуне и продекламировал: «Сеньор президент, бойцы бригады № 2506 вручают вам этот штандарт; мы передаем его вам — временно, на хранение». Кеннеди взял и ответил: «Я благодарен бригаде за избрание Соединенных Штатов в качестве страны — хранителя этого знамени. Я могу

заверить вас, что знамя будет возвращено бригаде в свободной Гаване!» Потом попросил Факундо Миранду, который якобы украл знамя, вынес его с Плайя-Хирон и в течение двадцати месяцев бережно хранил, подойти к нему, чтобы лично познакомиться. Когда Миранда поднялся на трибуну, Кеннеди прокричал: «Я хотел лично видеть человека, которому должен возвратить это знамя в Гаване!»

— Тогда на трибунах поднялся сумасшедший шум. Охрана президента забеспокоилась за его жизнь, а президент США Кеннеди получил вовсе не боевое знамя, а кусок материи, поспешно приготовленный и вышитый за несколько часов до фарса на стадионе.

— Да! Так оно было! Многие знали об этом, но что делать? Надо было есть... пить... Знамя... Там было не до него. Как только наши подразделения почувствовали отпор и в ряде мест стали отступать, Сан Роман и Артиме были первыми, кто отдал приказ уничтожить все, что могло явиться уликой. И знамя, которое — да! — развевалось в течение нескольких часов над зданием штаба бригады в Плайя-Хирон, было утоплено в болоте, а члены штаба еще за три с половиной часа до окончания сражения разбежались кто куда. А на стадионе... Там я стоял и думал о том, что буду есть завтра.

— Что вы делали в октябре шестьдесят второго? — Следователь перевел взгляд на сотрудника, сидевшего за машинкой.— Рассказывайте помедленней! Не торопитесь!

— Как и многие, кто рассчитывал, что в октябре наконец-то Штаты раздавят Кастро, сидел и ждал начала... Двести пятьдесят тысяч лучших солдат армии США находились, как и мы, под ружьем и были размещены во Флориде, на юге озера Окичоби. Все кубинцы Майами ликовали, и я думал, что скоро увижу своих... Но янки — президент и его правительство — наложили в штаны перед силой русских... Договорились с ними. А нас — после стадиона — объединили в организацию «Ветераны залива Кочинос» и вскоре стали пихать туда, где было жарко. Многие пошли служить солдатами в форт Джексон, форт Кнокс, форт Беннинг, в американскую армию, другие стали военными советниками по вопросам Латинской Америки. Доминиканская Республика, Боливия, Колумбия, Лаос, Камбоджа, Вьетнам... Я на это не пошел... И было очень плохо — пришлось наняться портье в отель «Гранада» на Меридианавеню в Майами. Там примерно через год я снова встретил «полковника Фрэнка». Он был «в стельку», жаловался на судьбу, утверждал, что его ждут какие-то большие неприятности. Потом исчез — говорили, умер от разрыва сердца. Но тогда сжалился, помог мне поступить в специальную школу.

— Что за школа, где находится?

— Он же из ЦРУ, а школа находилась там же, во Флориде, в усадьбе, которая прилегает к Национальному парку Эверглейдс со стороны озера Окичоби.

— Так! О школе потом. Я дам бумагу и ручку — напишите. Сейчас расскажите, что вы делали после школы.

— Я отлично ее закончил. Хвалили. За это хотели поначалу направить для работы в Англию. Но в последний момент послали в «Альфу»[1]. Там шла драчка. Я должен был держать ЦРУ в курсе дела. Денег в кассе организации не было, и тогда там решили ограбить один подпольный игорный дом. Он действовал в том же районе Корал-Гейблс, в двух шагах от штаба «Альфы». Все было о'кей, но кто-то из наших проболтался или предал... Кому-то приходилось садиться, и жребий пал на меня. Через полтора года досрочно освободили.

— На Кубе сколько раз бывали? — прервал следователь, видя, что Фернандес несколько отклонился от основного разговора.

— Было дело...

— Расскажите об этом.

— В конце августа 1969 года ко мне — я жил в Майами в отеле «Корал-Гейблс» — зашел Тико Эррера, мой знакомый, с которым мы часто играли на скачках и во Фронтоне[2]. Эррера не был членом «Альфы», он действовал от ЦРУ самостоятельно. Про него говорили, что четыре раза ходил на остров. У меня в номере потолковали о том о сем, и он пригласил пообедать в «Бискайн». Там к нам подсел один босс. Тико перед ним держался как мышь. А тот даже не подумал и представиться. Тико все расхваливал меня и твердил, что я могу справиться с любым делом. Через три дня Тико заехал за мной и велел собирать вещи. «Ни о чем не беспокойся. Везде, и в «Альфе», все улажено, чико»[3],— сказал он и переселил меня в Помпано-Бич. Там мне пришлось прочесть все кубинские газеты за последние полгода, назубок выучить план района Мирамар города Гаваны и до одури насмотреться разных профессиональных и любительских фильмов про жизнь на Кубе. Да плюс еще каждый день тренировали в подводном плавании с маской и трубкой, обучили охоте на рыб, набили знаниями по ихтиологии. Вот, например, я знал в мельчайших деталях, как на

---

[1] «А л ь ф а - 6 6» — активная контрреволюционная организация, которую возглавлял Андрес Насарио Сархен — один из главарей кубинских гусанос, обосновавшихся в США, организатор целого ряда враждебных акций против Кубы.

[2] Место, где профессионалы играют в хайалай, народную игру басков в мяч.

[3] Ч и к о *(исп.)*. — мальчик, парень. На Кубе употребляется как дружеское обращение.

Кубе, у острова Пинос, проходило седьмое лично-командное первенство мира по подводной охоте. Так было. А в первый день сентября мы вышли в море с Тико и тем самым малоразговорчивым боссом. Фамилии и имени его я так и не узнал. Тико обращался к нему только почтительно: «Сеньор». Капитану катера и двум матросам — незнакомым, мне кубинцам — не приходилось говорить, что делать, и они тоже молчали...

— Потом...— Следователь поднял руку над столом и попытался поймать летевшего мимо комара.— Потом, когда получите бумагу, опишете его внешность. Так... И что же было в море?

— В открытом море с кормы забросили лески с пустыми крючками — создавали видимость, что на катере любители-рыболовы. А в каюте мне сообщили задание. Суть его заключалась в том, чтобы я тайно высадился на кубинском берегу в Варадеро, добрался до Гаваны, там встретился с действующим агентом — мексиканским дипломатом. Мне предстояло получить у него секретные, особой важности документы и опять же через «голубую» границу возвратиться с ними на катер...

— Фамилия мексиканского дипломата? — Следователь жестом предложил Рамиро взять сигару.

— Советник посольства Умберто Карильо.

— Так! Продолжайте!

— Да... Значит... Перед самым рассветом...— Рамиро покрутил взятую сигару и положил ее обратно.— Капитан катера увеличил скорость. Мы стали быстро приближаться к берегу. Примерно милях в пяти на воду сбросили легкую двухместную лодочку с мощным двигателем. Он не производил характерного для бензинового мотора треска, а только ровно гудел на низких тонах. Я уже был в полном снаряжении охотника: маска, трубка, ласты, подводное ружье, закрепленное линем к поплавку, с которого свисал кукан для рыбы. Меня усадили на сиденье. За руль лодки сел капитан катера — кубинец. Имени его не знаю. На все мои вопросы — странный какой-то, мы же остались одни — он лишь пожимал плечами и тыкал пальцем в сторону берега. Не глухонемой же он был. Когда заглушил двигатель, сразу сказал: «Отсюда мили полторы, не больше. Хоть ты и не боишься акул и у тебя есть порошок — гляди в оба! С этими тварями шутки плохи... Удачи тебе...» И этот туда же — «удачи»...

Рамиро, ни слова не сказав в ответ, кивнул капитану, натянул маску и, сунув в рот загубник, свалился за борт.

Море приняло его, обдав приятной свежестью. На несколько секунд загудел мотор, и тут же его звук смолк, растаяв в абсолютной тишине. Внизу была непроницаемая чернота бездны, полной неизвестности, а значит, и опасности. Рамиро содрог-

иулся. Поспешио раздавил капсулу в мешочке, висевшем у пояса. Мелькиула мысль: «А, все равио! Куда ииаче деваться! Если иападут, так пусть лучше коиец, чем искалечат».

Напряжеиио всматриваясь в темиоту пучииы, ои обнаружил, что оиа живет: там двигались тени, что-то поблескивало, светилось, даже, казалось, звучало. Но кто в этом мире друг, а кто враг?

Метрах в пятистах от берега Рамиро взял левее, ориеитируясь иа хорошо видиую с моря — уже заиималась заря — башию дома Дюпона[1]. Вскоре под собой Рамиро увидел светлое песчаиое дно. Мимо проплыли двое в ластах и с ружьями. Ближе к берегу охотииков оказалось больше. Теперь следовало смешаться с иими. Рамиро пристроился к одиой из групп и сразу же подбил иебольшого луира. Насаживая рыбу иа кукаи, ои ловко сиял ножом с поплавка ярко-красную пленку. Теперь поплавок стал цвета спелого лимоиа. По ииструкции это требовалось иа случай возможного иаблюдеиия за ним с берега. Ои поплавал еще часа два, иашел гиездо лаигустов, подстрелил приличного морского окуия, а когда на пляже появились люди, решительио иаправился к берегу.

Левее дома Дюпоиа, если глядеть иа иего с моря, среди острых коралловых обнажеиий приткиулся песчаиый пляжик, обиесеииый каменной террасой со ступеиьками, ведущими в воду. Рамиро хорошо зиал ее по миогочислениым фотографиям. В правом углу, у верхией ступеиьки, как и было условлеио, лежали одежда и сумка. В брюках должиы были иаходиться деиьги и ключ от коттеджа. Удостовереиие личиости на имя Луиса Гарсии, сотрудника Гаваиского иистиута океанологии Академии иаук, было запрятаио у иего в иепромокаемом пакете.

Ои обсох, огляделся. Пляж заполнялся медлеиио — был «диким», ие приспособлеииым для отдыхающих. Рядом устроились две пары с детьми. Рамиро услышал славяискую речь и подумал: «Посмотрим, какие оии, эти русские?» Утратил иитерес к соседям, когда по словам «Прага», «Братислава», «Брно» определил, что перед иим чехи. Неподалеку, метрах в пятиадцати, расположились три молодых кубинца. По внешиему виду трудио было определить, что оии собой представляют и чем заиимаются. В Майами ои прииял бы их за официаитов, возможно, продавцов второразрядиого магазииа. То, что оии были чересчур веселы, невольио иастораживало.

Рамиро собирал подводное сиаряжение, когда заметил, что тот, кто постарше, не спускает с него взгляда. Следовало

[1] Америкаиский миллиардер Дюпои раиьше владел кубииским полуостровом Икакос, где имел виллу и свой аэродром. В иастоящее время особияк заият музеем.

выясннть причину. Первое двнженне — встать, подойтн к нны и заговорить, то есть взять ннициатнву, Рамиро подавнл. Ведь теперь он действовал не на террнтории США, защиты здесь нскать было не у кого. Он поразмыслил и отправился прогуляться по пляжу. «Какого черта! Чего это ты так нспугался? Спокойиее. Все только начинается. Тихо!» — приказал он себе и увндел, как тот, что наблюдал за ним, подиялся н подошел к его вещам. «Ну н что? Рассматрнвает улов». Рамиро хотел бы, чтобы это было так. «Как же! Улов-то лежит в стороне — ои подошел к одежде. А я, болван, не зиаю, сколько в штанах деиег и от какого коттеджа ключ. Медлить нельзя!» Рамиро быстрым шагом возвратнлся к вещам.

— Что случнлось? Что-ннбудь нужно? — спроснл он, как казалось ему, с олнмпийскнм спокойствием.

— О, нзвини, чнко, во сколько обошлась пошлниа? Ружье — «чампион»! Совсем иовенькое. Оттуда прислали?

«Карахо! Обязан я, что лн, знать, что у них на острове ие продаются американские «чампноны»? Какая досада!» А вслух иачал, чтобы выиграть время:

— Как видишь, новеиькое, третнй раз в море... Тяжн отлнчные и... спусковой крючок железиый... не срывается... н бой...

— Ну что? — спросил подошедший только что большеголовый пареиь.

— Обновляет! Всего третий раз в море. Понимаешь, наш Альберто,— говоривший обратился к Рамиро так, будто тот должен зиать, кто такой Альберто,— он говорил, что посылкн с Севера не приинмают. Выходит, он ничего не знает?

Рамиро показалось, что его собеседник как-то многозначнтельио взглянул на своего товарнща.

— Может, спортивные прииадлежностн, спортинвентарь н разрешают,— объявил свое мненне большеголовый.— Спорт — это важно для революции.

— Прн чем здесь спорт? Политика поважнее! Еслн не разрешают посылки, зиачит, иичего иельзя присылать. А вот ружье оттуда, совсем новеиькое... Альберто ведь серьезный человек. Он говорил, что оттуда ннчего ие разрешают, а если что н прнходит, то здесь минсвязь коифискует. А ружье — последияя модель...

Рамиро приподиял верхнюю губу и с шумом втяиул через зубы воздух — в характеристике, составленной руководством спецшколы, значилась эта его привычка как признак высшего иервного напряжения,— а в сознаиин пробежало: «Аве Мария Пурисима! И пяти мннут не пробыл... Не успел н подышать всласть. Велнкие, а такую мелочь... Теперь расхлебывай...»

— Ты где работаешь?

— В нниституте.— У Рамнро заломило зубы: удостоверенне еще лежало в непромокаемом пакете.

— Каком это? — Тот, кто подошел первым, проверял действие предохранителя.

— Океанологии,— медленно процедил Рамиро.

— О!

Сердце Рамиро екнуло.

— Я тоже из Академии наук. Работаю в секретариате президента, капитана Нуньеса Хименеса. Он сам заядлый рыбак и отличный охотник. Бывает часто за границей. Вот у кого набор ружей! Есть испанский воздушный комплект «Марес» — подарок Фиделя. Они и вместе иногда охотятся.

— Фидель любит бывать у нас в институте.— Рамиро почувствовал, что ноги вновь становятся осязаемыми.— К нам приходит разное иностранное оборудование. Ну и род нашей работы... Мы без ружей редко уходим под воду. Мало ли что!

— И тебе приходилось охотиться с Фиделем?

— Мне лично — нет,— Рамиро понимал, что затевается длинный разговор,— а вот мой приятель не раз выходил с ним в море. И в тот день, когда они приезжали сюда, на мыс Икакос. Ну, когда Фидель охотился с чемпионами мира Педро Гомесом, Хосе Рейесом и Эверто Гонсалесом. Вы слышали об этом?

— Мой сосед Фико — он профессиональный ныряльщик — тоже был с ними...

— И видел, как Фидель за целый день не уступил ни одному из чемпионов? — Рамиро вновь был доволен собой.

— Чико, что ты говоришь? Да если бы... Так ведь они могли стрелять до следующего утра. Фидель силен, как лошадь, сам понимаешь, и не хотел быть хуже. Они дважды поднимались на борт, и оказывалось, что у ребят на одну-две рыбины больше. Фидель говорил, что еще рано возвращаться, и все снова лезли в воду. Пока Рейес не сообразил и не подмигнул ребятам — и Фидель вышел вперед...

— Да чего ты мелешь? Фидель сам не отличный охотник, что ли? Станешь утверждать? Ты видел, какие у него ружья? — Рамиро перехватывал инициативу в разговоре.— Ты, может, будешь настаивать?

— Нет, конечно... Я хотел только сказать, что он азартен. А так... Ну что, он превосходный охотник. А этот «чампион» казенный?

— Нет! — Рамиро внутренне содрогнулся, словно черт дернул его за язык.— То есть... Вообще-то оно мое, но было казенным...

— Ага! Ну, ладно. Ты извини, мы пойдем купаться.— И незнакомцы отошли к своим вещам.

Рамиро стал собирать подводное снаряжение, складывать в лежавшую рядом объемистую сумку. Натянул на себя одежду и заметил, как большеголовый быстро поднялся и зашагал к

дому Дюпона. «Час от часу не легче! Что у него там — море в доме? Или пошел принимать ванну? Вот когда надо уходить!»

Рамнро подозвал к себе мальчишек, гонявших по пляжу, и, к их велнкой радости, раздал им свой улов. Прихватил ружье с поплавком н куканом в одну, а сумку в другую руку н зашагал прочь от пляжа.

— Послушай, чико,— услышал Рамиро, сделавший не более пяти шагов, слова того, кто так интересовался его ружьем.— Ты не очень спешишь? Погоди немного. Сейчас возвратится мой брат.

— Зачем? — И в ту самую секунду Рамнро увидел, как от площадки трехэтажного особняка Дюпона к пляжу торопится большеголовый, а рядом человек в оливково-зеленой военной форме служащих министерства внутренних дел Кубы, очень чем-то схожий с падре Селестино, священником ближайшего к «Делисиас» католического прихода. Огромный, с бычьей шеей, но маленькой головой и длинными руками, падре был смешной на вид, но добрый, особенно к ребятам. Любнл играть в шахматы н, когда проигрывал только ему н Педро, злился и шептал какие-то слова. Педро утверждал, что то была отборная площадная брань. Дон Селестино гордился тем, что лучше его никто не знал историю Греции и Рима и все древние, особенно византийские, легенды. Он их, когда рассказывал, шпарил прямо наизусть. И теперь, когда сердце ухнуло в брюхо, перед глазами Рамиро замаячил дон Селестино в черной сутане. А навстречу ему, преграждая путь, шел человек, который вот сейчас, еще минута — и задержит его. «Черт возьми! Успеть бы вытащить удостоверение. Но как? Как это сделать у всех на глазах?»

Рамиро ощутил холодок — он возник где-то между лопаток н, неприятно обжигая, побежал вниз.

Военный с пистолетом на боку н большеголовый приближались.

«Океанолог» остановился. Бежать было некуда, да и как было бежать? Одна надежда на чудо. И он раздельно, от упадка сил, неуверенности, охватившей его помимо воли, тихо произнес:

— А что мне твой брат? Я его ни о чем не просил...

— Да он пошел за деньгами. Продай, я хочу купить твое ружье. Да вот и онн ндут!

— Нет! — вскричал Рамиро.— У тебя не все дома! Послушай, что за идея! Ты что придумал? — Рамиро нскренне возмущался.— Тоже мне! Продай ему ружье, а я, с чем я буду охотиться? Да и не нужны мне твои деньги. Извините, я опаздываю на автобус.— И Рамиро, приветливо махнув рукой, стал неторопливо удаляться от пляжа к дому, туда, где должна быть

автобусная остановка. «Черт его возьми! Вот напасть! Худо им: если увидят что новое — сразу бросаются».

— Погодите,— остановил его большеголовый юноша.

— Я все сказал! Не продаю! — Рамиро обрел уверенность, а подошедший военный уже говорил:

— Норберто, таких денег у меня при себе нет! Если поедем в Варадеро, там я смогу достать.

— Уже не надо! Я хотел, но ружье не продается.

Мозг, освободившись от обуявшего его минуту назад страха, работал четко: «Тщательно провериться. Спокойно! На Пятой улице поликлиника с черным ходом. У Центрального сквера общественный туалет с двумя выходами — и сразу скамейки и люди, среди которых можно затеряться и оглядеть каждого, кто выйдет вслед за мной».

Только сев в автобус, Рамиро опустил руку в карман. Там лежали пятьдесят песо и ключ с картонной биркой, на которой стояло: «Е, № 318».

Добравшись до Варадеро, Рамиро около часа удостоверялся, нет ли за ним наблюдения. И только убедившись, что он чист, выпил два стакана гуарапо — сока, тут же у него на глазах выдавливаемого из стеблей сахарного тростника. Утолив жажду, он улыбнулся самому себе и не спеша отправился искать улицу Е, выходившую на пляжи, и коттедж № 318.

В холле на журнальном столике, где стояла ваза с цветами, ему была оставлена записка: «Луис, располагайся и отдыхай. Меня срочно вызвали в Гавану. Скоро вернусь. Все, что тебе надо, найдешь на кухне и в чемоданах». Он поел и лег спать.

Проснулся Рамиро только под вечер, принял душ и вышел прогуляться. Сразу бросилось в глаза, что улицы, скверы и парки, кафе и бары полны народа. И не американские туристы разгуливали в Варадеро, как это было прежде, а простой, по всему видно, трудовой люд. Это было непонятно и раздражало.

«Зачем? Зачем так обманывать?»— подумал он. Те, кто рассказывал ему о жизни на Кубе совсем иначе, не могли не знать ее действительного лица. «Глупо! Это все равно, что строить дом на гнилых бревнах. Будет стоять до первого свежего ветерка. Вот так, во многом они не дальновидны. Лишь бы достигнуть успеха. И представляют себя непревзойденными. Ну и ладно, это их дело». Рамиро подумал еще, что люди, зажившие на Кубе иной жизнью, и веселятся по-иному. Их радость не носит показного характера, не бьет в глаза своей рассчитанной роскошью и вызывает, черт возьми, невольное уважение своей искренностью.

Утром следующего дня он сел в автобус, который по новой автостраде всего за два часа доставил его в Гавану. Времени у Рамиро было много, и, взяв такси, он поехал в район Мирамар. Мексиканский дипломат, которого он этой ночью должен был

навестить, не ждал его прихода. Рамиро имел приказание явиться к нему вечером или ночью, когда тот возвратится после работы домой. Перед этим, однако, следовало изучить обстановку.

Столицу Рамиро не узнал. Внешний вид Гаваны во многом изменился к худшему. Поголовно все дома давно не крашены, большинство улиц нуждалось в ремонте, открыты были только некоторые из некогда шикарных магазинов, автопарк обветшал настолько, что иные машины катили по городу без окон и дверей. Системы кондиционирования воздуха в общественных помещениях, кино, ресторанах, частных домах, за самым малым исключением, повыходили из строя и бездействовали. В городе днем летали москиты, чего прежде, к великой гордости гаванцев, никогда не бывало.

«Здорово их поприжало... Но является ли это доказательством провала экономики?— спросил самого себя Рамиро и тут же ответил:— Скорее всего, нет. Тут какая-то другая причина. С лиц людей не сходят улыбки, они жизнерадостны, стали заметно деловитее, спешат, при встречах то и дело говорят: «Извини, чико, у меня дела». Раньше этого не слышали. Одеты бедновато, но тому не придают значения. Главное, заняты. Что-то же делают... и с настроением. Однако Гавана здорово обшарпана. Мосты охраняются, и туннели, и входы в официальные учреждения — значит, им есть чего опасаться. Такие, как я, их беспокоят. Тем не менее парки ухожены и полны цветов. Причина не в том, что не хотят. Мешает другое, и серьезное. Но... не антикастровское настроение. Куда там! Все наоборот. Ладно, поживем — увидим!»

Рамиро был у цели. Он отпустил такси, подошел к перекрестку и тут же отметил, что небольшой одноэтажный домик под красной черепичной крышей, выкрашенный когда-то в бежевый цвет, хорошо просматривался со многих сторон на довольно далеком расстоянии. «Интересно, как этот перекресток освещен ночью?» Только Рамиро подумал об этом, как к дому подлетел шикарный «паккард». Шофер еще не успел до конца открыть дверцу, а из машины буквально выскочил элегантно одетый лысеющий мужчина и устремился в дом. Рамиро посмотрел на часы — без четверти двенадцать. Продолжая идти, он быстро оглянулся и успел заметить, как в окне ближайшего дома напротив поспешно задернулась занавеска.

«Пожалуй, надо постоять на той стороне. Из окна меня не видно. А если там пост наблюдения? Рядом может быть и другой... К черту! Нечего сразу себя запугивать»,— рассуждал Рамиро, стараясь не оглядываться по сторонам.

Через десять минут лысеющий мужчина показался в дверях дома. За ним следом высокий, худощавый молодой человек с объемистым портфелем в каждой руке. Он торопливо закрыл

дверь на ключ и сел в машину. Все это могло иметь только одно объяснение: за хозяином дома заехал, скорее всего, сам посол — Рамиро мельком видел его фотографию. Но занавеска, занавеска...

Вечером, с наступлением темноты, Рамиро вновь появился у дома. Дважды прошел мимо подозрительного окна напротив, и его сердце тревожно сжалось. Окно было открыто, свет в комнате не горел, но в ней явно чувствовалось присутствие людей.

«О моем приезде в Гавану мексиканца не уведомляли по радио из-за соображений конспирации,— старался успокоить себя Рамиро.— Дождусь его возвращения. Если будет один, тогда позвоню... «Привет от Энрике»[1]. Затем скажу, что больше всего мне нравится мексиканская «Голубка». Если не подействует, нужно назвать номер «зелененькой». Проще бы, конечно, было предъявить вторую половину банкнота. Но раз не дали, их дело. Мое — проверить, правильно ли он пользуется шифровальной инструкцией и рацией. Ведь у него лучший портативный передатчик — РТ-48А. И все-таки половины его шифровок прочесть не могут. Не иначе, эта дипломатическая шляпа что-то напутала. Ладно, разберусь... Только вот ночевать у него не буду. Лучше взять документы — и сразу в Варадеро. Задернутая занавеска днем и открытое окно темной комнаты вечером не давали покоя.

Рамиро стоял, опершись спиной о дерево, и последними словами ругал загулявшего дипломата, когда к дому напротив подъехала машина. Из нее вышли двое, но в дом не вошли, а стали, подсвечивая себе ручными фонариками, что-то делать у входной двери. Стрелки на светящемся циферблате наручных часов показывали один час сорок минут ночи. Рамиро слегка взъерошил волосы, вытащил рубаху из брюк и, пошатываясь, направился к дому. По первым же словам, произнесенным в ответ на его вопрос: «Где здесь автобусная остановка?»,— Рамиро понял, что неизвестные были мексиканцы. Занимались они тем, что опечатывали дверь особняка.

Едва Рамиро отошел, как из-за угла выскочила полицейская машина и резко затормозила у дома. Он четко расслышал слова полицейского: «Добрый вечер, сеньор консул».

Все кончено. Уходить! Скорее! А впереди ночь, которую предстояло провести на улицах спящего города, не привлекая к себе внимания. Он прошел пешком по Пятой авениде в район Ведадо. Там ходил часа три быстрым шагом спешащего домой человека, а потом поймал такси и попросил отвезти его на автостанцию.

Все обошлось, и с первым автобусом Рамиро отправился в

[1] Этим именем подписывались все послания ЦРУ, передаваемые Умберто Карильо в шифрованном виде по радио.

Варадеро. Он вздохнул спокойно, лишь когда запер за собой дверь коттеджа. Принял душ. Есть не хотелось. Он прилег, чтобы хоть немного вздремнуть после ночных треволнений.

Как ни устал Рамиро за прошедшие сутки, слабый шелест в холле заставил его вскочить с постели. Выглянув из спальни, он увидел на полу у входной двери газету. Кто-то бросил ее в специальную щель для почты. Интуиция подсказала, что она имела к нему отношение.

Действительно, на первой странице, в верхнем левом углу, было набрано жирными буквами: «Ответственный сотрудник посольства Мексики на Кубе на службе ЦРУ».

«Так!— подумал Рамиро Фернандес.— Пожелай дьявол или кто там еще привести меня в дом к этому Умберто на день раньше, и я сейчас бы...» От одной мысли, что бы с ним сталось, на лбу выступил холодный пот. Рамиро налил стакан воды. «Ничего, за мной слежки нет. Все-таки ЦРУ знает свое дело. Хорошо, что не предупредили мексиканца о моем приезде. Еще несколько часов — и можно будет считать, что все в порядке...»

В шесть вечера Рамиро был на пляже. Газету, подброшенную ему, он вложил в поплавок, который специально развинчивался для этой цели и в котором сейчас по плану должны были находиться секретные документы особой важности, означавшие для Рамиро хороший заработок. «А, черт с ним! Скорее в море!»— подумал он и поспешно разделся. На пляже было достаточно купающихся, но в море охотников не было. Рамиро вынужден был ждать и не заплывать далеко от берега. Томительно тянулось время, но вот солнце, пробившись сквозь далекие кучевые облака, коснулось морского горизонта, и небо озарилось причудливыми узорами, фантастически окрашенными во все цвета радуги. «Ни в Майами, нигде в другом месте мира нет таких закатов»,— с откровенной тоской подумал Рамиро.

Когда стемнело настолько, что Рамиро с трудом различал песчаный пляж, он поплыл в открытое море, раздавив прежде висевшую у него на поясе капсулу с порошком против акул. Прикинув по времени, что отплыл от берега более чем на две мили, он вынул нож из ножен, закрепленных на правой голени, повернул рукоятку и вложил обратно в ножны. Дорого стоили ему эти минуты! Рамиро чувствовал, что хладнокровие оставляло его — в душу, в сердце, в каждую пору его тела проникал дикий ужас. Ему стало холодно.

Наконец где-то неподалеку послышался знакомый гул. Когда лодка подошла, Рамиро ослабел настолько, что без посторонней помощи не смог в нее забраться. Капитан снял с головы наушники и протянул руку:

— Поплавок и нож.

И ни слова похвалы или одобрения.

— Что было в рукоятке ножа?— спросил следователь, внимательно слушавший рассказ Рамиро.

— Капитан ничего не сказал, но потом я узнал, что в рукоятке находился особой конструкции передатчик сигналов. Чтобы меня могли обнаружить в открытом море.

— Приходилось вам еще высаживаться на Кубе?

— Нет! То есть да! Конечно! Сейчас, когда я получил задачу на длительное оседание.

— Расскажите об этом поподробнее.

— К началу сентября семидесятого года я был полностью готов к делу. Проверял меня кубинец, по имени Фернандо, но в присутствии американца. Как тот назвал себя, я сейчас не помню, но во время подготовки в Гватемале, перед Плайя-Хирон, его звали Сонни. Он тоже узнал меня и поэтому особенно не придирался. Из их вопросов и инструкций я убедился, что моей заброске придают большое значение. Мне предстояло на несколько лет забыть обо всем, что было раньше, закрепиться здесь в городе и постараться «выбиться в люди». Нет, нет, не в начальство. Просто стать своим человеком, завести связи. Позднее, видимо, меня собирались использовать для легализации засылаемой агентуры, так я думаю.

— Когда, говорите, это было?— следователь стал перелистывать страницы лежавшего перед ним «дела».

— В середине сентября за мной в отель «Гранада», где я тогда проживал вместе с Фернандо, приехал сам Андрес Насарио Сархен — он был генеральным секретарем «Альфы-66». Сархен угостил меня дорогим обедом, и под вечер мы отправились на ранее неизвестную мне виллу под Майами. Там было много кубинцев, но со мной никто не разговаривал. В отдельной комнате находилось мое снаряжение: надувной жилет, ласты, маска, герметический мешок для документов и одежды, всякие мелочи. Даже гаванский автобусный билет и почтовую квитанцию не забыли...

— Какими документами вас снабдили? Какое было оружие? — перебил его следователь.

— Согласно легенде. В удостоверении говорилось, что я сотрудник Института океанологии Академии наук Кубы. Но это только на первое время. Постоянные документы, в том числе и удостоверение курсов техников, я забрал из тайника в городе Ольгин. Оружие? Я предпочитал в подобных делах его не иметь. Складной нож полезнее всего. Если уж дело доходит до оружия — это провал.

— Хорошо! Давайте по порядку. Что затем произошло с вами?

— Ночью, часов около двух, мы погрузились на спортивный катер и вышли в открытое море.

— Кто сопровождал вас?

— На катере были Фернандо, Сонни, капитан и моторист — оба последних кубинцы, но я их не знал. Насарио Сархен пожелал мне счастливого пути и удачи. Вручил письмо, которое я должен был опустить в городе Ольгин. Гаванский адрес на конверте я не запомнил... Через сутки мы заправились на острове Кэт, а потом зашли на Ки-Вильямс. Там пробыли день и к вечеру следующего подошли к островку Ки-Верде. Здесь были другие кубинцы, они прибыли на двух таких же катерах V-21. Меня никто из них не видел. К середине следующих суток мы пересели на более вместительный катер...

— Под чьим флагом?

— Американским. К вечеру на него погрузилась вооруженная группа. Их было девять человек. Им предстояло высадиться и заняться диверсиями — сорвать ремонт и переоборудование сахарных заводов провинции Ориенте. К трем часам утра 18 сентября катер, подняв кубинский флаг и ориентируясь по маяку Бока-де-Сама, подошел к берегу восточнее маяка километра на два. Я находился уже в полном снаряжении. Капитан застопорил мотор, и через специальный люк в днище я ушел в воду. Об этом, кроме двух моих сопровождающих, на катере никто не знал. Те девять в форме революционных вооруженных сил должны были высадиться на большой резиновой лодке западнее маяка. Их путь лежал в сторону города Ба́нес. А я шел по дороге через Бариай на Ольгин. Расчет был на то, что, если их засекут, завяжется перестрелка. Это меня надежно прикроет. Но у них высадка прошла удачно...

— Позднее мы их обнаружили.

— Я знаю... читал в газетах. Вы их захватили в районе Хигуани и Байре.

— Да! И захватили мы их после того, как они убили трех милисианос и ранили двух сотрудников министерства внутренних дел. А ты прошел спокойно?

— Не совсем... Но потом... все обошлось.

За три дня, в течение которых Рамиро, как сам считал, вел свой «последний на этом свете рассказ», он внутренне подготовился к суровому приговору. Но странное дело, на душе было легко, словно кто-то снял с его плеч непосильную ношу.

— Да, «подвигов» у тебя, Рамиро Фернандес Гарсия, немало,— подытожил следователь.— Говоришь, во время высадки ранил бойца береговой охраны? Что ж, сотню долларов на твой счет в Майами за это наверняка перевели. Не жалеешь, что пропадут?

Рамиро опустил глаза:

— Теперь уж все равно! Моя «Голубка» спета...

— Ты так считаешь? Значит, примирился с мыслью о смерти?
— Все равно...
— Ну, какая же у тебя тогда последняя просьба перед смертью? — серьезно спросил следователь.
Рамиро задумался и тут же оживился:
— У меня их три. Три просьбы! Можно?
— Ну давай!
— Сообщите матери и брату, что я все честно рассказал и покаялся. Потом скажите, почему меня взяли. А перед концом дайте сыграть партию с одним шахматистом... Его нетрудно найти в кафе...
Быстрые глаза следователя чуть улыбнулись:
— Ишь чего захотел! Эль Гуахиро [1] — шахматист! Такая, кажется, у тебя кличка в ЦРУ?
— Откуда вы знаете?
— Не все ли тебе равно? Ты ведь сам считаешь, что с этого света списан. Окончательно! Так?
Рамиро Фернандес понуро уставился в пол.
— Ну да ладно, скажу! Ты был откровенен, и мы не останемся в долгу. Слушай внимательно: подвели тебя... шахматы. Вспомни, как ты выиграл последнюю партию. Тот, кого ты тогда победил,— лучший ученик Педро Родригеса...
Пожалуй, никогда еще Рамиро не был так потрясен. «Вот тебе и мальчишки! — пронеслось в голове.— А Педро?..»
— Ну, а что касается последней партии перед смертью...— Казалось, никогда в жизни Рамиро не видел более искренней улыбки.— То... ты подожди! Я думаю, до смерти далеко. Считай, что твой дебют получился гамбитным... И возможно, он будет принят. Тогда ты еще поиграешь...— И следователь встал.

Глава II. Миттельшпиль

Студентки гаванской школы иностранных языков в три пары рук с трудом поспевали за одним рубщиком. Его мачете сверкал под лучами солнца, и звуки срезаемых и разрубаемых на части побегов сахарного тростника сливались в одну звенящую песню.
— Смотрите, девочки, до обеда осталось полчаса, а я сегодня даже не устала,—смеясь сообщила самая маленькая из них.
Девушки, хрупкие на вид, но быстрые и энергичные, подбирали рассеченные стебли, очищали их от листьев и укладывали в ровные кучки. Первое время им было трудновато, они не могли угнаться за малоразговорчивым рубщиком и прозвали его «перпетуум мобиле».

---
[1] Гуахиро *(исп.)* — крестьянин.

— Перерыв! — Из-за плотной зеленой стены в полтора человеческих роста, утирая широким жестом пот с круглого лица, вышел толстячок — соломенная шляпа на затылке, рабочие перчатки под мышкой.— Выключай мотор, Луис Гарсия! Дай отдохнуть телу, и душа запоет еще до приема пищи. Идем поразмыслим.

Рамиро не сразу остановился, ему до межи недоставало метров двадцать.

— Кончай, Луис! Я же вижу, ты пашешь уже завтрашнюю норму. Но я от тебя, сеньор Молчальник, не отстану. Сегодня я уже настриг, сколько надо. Останавливай... Ну, будь человеком! Тебя приглашают выкурить сигару дружбы.

— Полчаса отсюда, полчаса оттуда. Где ж тебе хватит времени? — продолжая рубить, спросил Рамиро у подошедшего.

— Не во времени суть, а в том, что рука твоя успела.

— Ты, Херардо, оттого, может, быстрее других норму выполняешь, что во время работы стихи сочиняешь?

— Вот и ты уже рифмуешь. А мои стихи не рифмуются и не укладываются в ритм. Они вообще...— Херардо обернулся, чтобы удостовериться, что их никто не слышит, так как девушки находились неподалеку, складывая тростник в кучки для погрузочной машины.— Они бунтарские...

— Против чего и против кого? — Рамиро отсек последний стебель у самой межи и разогнул спину.

— А, не спрашивай, Луис. Мне теперь и самому не ясно. Что это было и зачем? Твердо знаю: непонимание было. Я не понимал, и меня не понимали. Да ладно об этом... Пусть историки пекутся. Пойдем лучше посидим в тени.

— Эстер Мария, закончите — отдыхайте. Привезут обед — позовите нас! — Рамиро вытащил из кустов внушительных размеров глиняный кувшин, обшитый плотным сукном, занес его над головой, и из тупого носика потекла ему в рот струя свежей прохладной воды.

Когда они с поэтом уселись в густой тени деревьев, Херардо спросил, заглядывая Рамиро в глаза:

— Луис, мы с тобой знакомы уже скоро месяц, а я про тебя ничего не знаю. Кроме разве того, что ты хороший человек, честный, справедливый...

— Тебе этого мало, чико?

— Нет! Но ты пойми. Мы интеллектуалы, у нас брожение умов. Такое кругом происходит! Не просто... Ты человек труда. На заводе, говоришь, работал. Что там тебе было не ясно? Турнули ведь сюда по указу, на перевоспитание.

— Добровольно...

— Не говори, не глаголь впустую, брат. Я разобрался, кто здесь доброволец, а кто...

— Хватит, Херардо! Хочешь посидеть со мной, давай о поэзии. Мне нравится, как ты об этом говоришь и как стихи читаешь. Не скрою... Завидую.

— Я и толкую, вот она, вся разница между человеком труда и интеллектуалом. Я — пожалуйста, готов, в отличие от тебя, с удовольствием. Не упираюсь, как бык. Просят — я готов! О поэзии так о поэзии. Пиит — он должен прославлять! Итак... Кубинская революция, самая значительная из всех революций, когда-либо происходивших в Америке, породила неисчислимое множество стихотворных произведений, поскольку она, революция, вызвала к жизни, как принято выражаться, мощные творческие силы. Поэзия в нашей стране призвана отобразить величие народного движения...

— Мы не на лекции, Херардо! Иди к черту! Почитай что-нибудь.

— Что-нибудь этакое, что тебе должно понравиться.— Поэт подмигнул, улыбнулся лукаво, ласково-снисходительно.— Слушай:

Нас не разъять. Не одолеть нас блохам —
разряженным и жирным прыгунам.
Патронов горсть, ружье и друга локоть —
вот все, что нужно нам.
И если нас в пути настигнут пули,
пусть встанет Куба в скорбном карауле,
пусть память будет саваном сынам,
чьи тени через битвы, через бури
в историю Америки шагнули.
Вот все, что нужно нам.

— Это твое?

— Нет. Эрнесто Гевара, из «Песни Фиделю Кастро».

— Сам Че сочинил? Он сам?

— Да! А что? Ты сомневаешься? Почему, интересно?

— Ну, он... Да нет! Читай еще.

— Полагаешь, если человек взял в руки винтовку... Эка, Луис. Таким людям как раз и есть что поведать в стихах потомкам. А еще... Еще куски из поэмы — вымышленное послание Хосе Марти новой Кубе. Поэма большая, и я не все помню. Народный поэт Индио Навори. Децимы его ты, наверное, знаешь

Мне ненавистна ложь цветистых од!
Мне собственное имя ненавистно!
У ног моих венки из пышных роз,
но их шипы мне сердце занозили;
мне ненавистен глянец скользких слов,
грязь темных дел и узость нищей мысли!..

И далее:

И щедро я слова заветиые дарю,
цветут улыбкой камеииые губы;
я улыбаюсь людям иовой Кубы
и с иими, как живой с живыми, говорю.

— Как это? Я что-то не совсем понимаю.

— Мартн был поставлен памятннк. Темн, чьн нден он не разделяет. «В моей родной стране устал я камнем быть»,— говорнт он н сходит буднть сердца людей. Потом — «Победным маршем я спустился с древннх гор, чтоб вековой мечты увндеть воплощенье». Теперь ясно?

— Ага! А что-ннбудь свое, Херардо?

— Я дал слово, что больше ннкогда не буду чнтать своих стнхов. Это нн к чему!

— Ошнбаешься. Напрасно! Ведь ты не можешь броснть поэзню, н она тебя не оставнт. Так что где-то должна быть граннца, где-то снла данного тобой слова обязана нссякнуть. Проведи черту! Счнтай, что это случнлось сегодня.

— Мне это нравнтся, Лунс. Будь по-твоему! Но все равно — только для тебя. О кубинце, который был на Плайя-Хирон.

— А ты был там, Херардо?

— Суткн спустя после победы. Душа лнковала, но на все было печально глядеть. Разум заставлял сесть за машннку, а душа... душа страдала. Муза протнвнлась, протестовала: лнлась одна н та же кубннская кровь в угоду... в угоду тем, кто нас не поннмает, кто нам протнвопоказан... своею алчностью, зазнайством, тупостью, торгашеством, невежеством, отсутствнем душн, любви к поэзин...

«Да, амернканцы нам не пара. Мы для ннх — людн нного сорта»,— подумал Рамнро.

— Послушай, вот Нnколас Гнльен:

Эти пираты Аитильского моря,
дядюшки Сэма пиратский коивой.
Так же, как в годы Дрейка и Моргаиа,
чериое зиамя иад их головой.

Серые крейсеры их охраияют...
На корабли их в порту сажают,
чтобы пристать у чужой земли...

Кожи, камедь, табак или сахар,—
зиай стреляй и смотри сверху вииз!
Так же, как в годы Дрейка и Моргаиа,
золото, золото — их девиз.

— Хорошо тому, кто понимает, что не оно главное в жизни! Я это узнал недавно.— Рамиро хрустнул пальцами.— И почувствовал себя другим человеком. В экономике я тогда ничего не понимал, но мальчишкой... готов был, Луис, убить любого из янки, когда видел, как они заговаривали и развлекались за деньги с нашими женщинами...

— Ну и убил хоть одного?

— Из игрушечного пистолета... Но если бы и представилась возможность, я бы не сумел это сделать. Однако учить ненавидеть американцев, их помыслы, их образ жизни не устану. Перо мое не затупить!

— А рубишь тростник до седьмого пота почему?

— Как тебе объяснить...

— Ведь не из-за страха. Или боишься? А может, чтобы быстрее попасть в Гавану? — Теперь уже лукаво улыбался Рамиро.

— Там, где страх, Луис, у меня давно мозоль выросла. Никому бы не стал признаваться. Тебя бы хотел иметь братом. Я один на свете... В человеке, Луис, есть нечто такое, что, когда это самое затронут, с тобой происходит перемена... и ты, ты уже делаешь все и трудишься не для себя — для других. Жаль только, что такое состояние быстро проходит.

Издали послышался голос Эстер Марии:

— Джентльмены, компаньеро, обед подан! Мы ждем. Идите!

Рамиро молча поднялся с земли. «Да, прежде всего надо уметь видеть! И во всем разбираться. Ложное не принимать за веру. Хитрецов и мерзавцев просвечивать насквозь и не давать им резвиться! Человек податлив, его так легко обмануть. Доверчив и прет туда, куда ему совсем не надо»,— думал он.

После обеда Рамиро просмотрел свежие экземпляры газет «Гранма» и «Хувентуд Ребельде». Ему дали понять: необходимо их читать каждый день. Рамиро удивился самому себе, когда почувствовал, что втянулся, что стал следить за развитием отдельных событий в стране, в мире, быстро привык и уже ощущал потребность в ежедневном чтении.

Отложив газеты, он выбрал место поудобнее и растянулся на траве, пережидая, когда немного спадет полуденный зной. Лежа на спине, закинув руки за голову и слегка прикрыв глаза, он вспоминал мать и Марту... Сердце заныло: многое еще было неясным. И совсем не ясно, увидит ли он когда-либо Марту. Последние события, происшедшие в его жизни, необъяснимо сблизили Рамиро с ней. Расстались они перед его отъездом на Кубу как-то по-дурацки. Марта, своей женской интуицией предчувствуя разлуку, пообещала ждать его. А он... он ничего не ответил ей на это, за что сейчас ругал себя последними словами.

Когда другие рубщики потянулись каждый к своему участку, Рамиро с облегчением вздохнул и вскочил на ноги. На делянке дело спорилось. Девушки трудились не разгибаясь. Ближе к вечеру солнце уже клонилось к горизонту — за спинами работавших послышался громкий голос:

— Как сегодня у вас дела? Вчера вы вышли на первое место. Думаю, и сегодня будет то же.

Рамиро узнал голос Педро Родригеса, который вот уже три дня как навещал его под видом корреспондента из столичного журнала «Боэмия».

— А пока, может, стоит отдышаться? — продолжал Родригес.— И вы, девочки, отдохните, а потом еще часок и... Норму-то сегодня уже перевыполнили. Посидите, а я тут побеседую с лучшим рубщиком района. Он и сегодня обошел своего приятеля-поэта.

Родригес увел Рамиро к ручью. Оба разулись и опустили ноги в прохладную воду. Ветвистое дерево гваябы, в ветвях которого уже созревали плоды, давало густую тень.

— На заводе все в порядке! Там ни у кого никаких подозрений.— Педро увидел ползущую в двух шагах гусеницу и стал швырять в нее камешки.— Все считают, что тебя отправили на сафру в порядке дисциплинарного взыскания. О настоящей причине никто не догадывается. Ревизия, которую мы специально провели, конечно, не выявила недостатков, а на днях на общем собрании за тебя вступились рабочие. Мы на глазах у всех возвратили заводу инструмент, было признано, что хищение произошло до тебя. С этой стороны, как видишь, все в порядке. Письмо твое Фиделю — чересчур горячее. Но я тебя знаю, я поверил. Однако со стороны оно кое-кому показалось слишком эмоциональным и поэтому скороспелым, преждевременным. Слишком быстро...

— Не забывайте,— горячо перебил Рамиро,— я два года здесь! Все видел своими глазами. Внутренне за это время я...

— Так вот и понял Фидель! Но главное — выступления рабочих. Ни один не сказал о тебе плохо. А если бы они знали, с какой целью и как ты возвратился на Кубу...

— Ладно, это уже в прошлом! Их труд, их стремление видеть новую Кубу счастливой сделали свое. Сейчас, конечно, ты скажешь, что я могу говорить об этом сколько угодно, но, поверь, Педро, со мной происходило что-то внутри. Я не знаю, что стал бы делать, появись у меня связной с заданием.

— Словом, Фидель с вниманием отнесся к письму. И здесь тобой довольны...

— Да чего такого я тут сделал? — Рамиро знал, что он отличился, и ему доставляло удовольствие немного порисоваться.

— Ладно уж! — снисходительно бросил Родригес, отметив

про себя: если его друг гордится содеянным, значит, сознает, что общественно полезный труд есть правильный метод воспитания.— Помалкивай! Ты потрудился на славу! Доказал, что все понимаешь правильно.

— Знаешь, Педро, вчера устал так, что сел под эту самую гваябу, прислонился к стволу... девушки закончили и ушли, а я как провалился... Приснилось, что лечу над горами, вместо рук — крылья. Так стремительно, но плавно... И слышу голос любимой, она ведь осталась в Майами. Я тебе еще об этом не рассказывал. Ясно так слышу ее голос! Проснулся — уже темно. Заря, должно быть, только угасла. Сердце стучит, а над головой сенсонтле поет. Надо было спешить. Могли забеспокоиться, что меня нет. Точно, думаю, спохватились.

— Да! Так оно и было. Хотели уже искать. Все могло случиться. Однако кто-то сказал, что видел тебя спящим у ручья.

— Спал так крепко, что проснулся весь в поту. Вот сенсонтле выручил, успокоил. Педро, даю слово, никогда такого не слышал. Что мне эта птаха раньше? Для влюбленных. А тут сидел не шелохнувшись... Мать вспомнил. (Капитану показалось, что голос Рамиро задрожал.) Я в грозу, под дождь выбежал из дома, а рядом только что молния ствол каобы пополам расколола... Помню ее лицо и теплоту груди. Это первое воспоминание в жизни навсегда запомнилось. Мать несла меня на руках... А эта птица пела, и на душе стало так, как только бывало в детстве, рядом с мамой. И мне показалось, что я и сенсонтле и есть смысл всего... Я... птица... земля... Педро, моя земля! Ты должен помнить, как о нашей земле говорил отец Селестино. Где он сейчас? Ты его не встречал?

— О нем поговорим как-нибудь в другой раз. А тебе можно позавидовать!

— Да, Педро, это, наверное, и есть счастье, когда такое к тебе приходит...

— Кто как считает. Но то, что ты ощутил, как хорошо ни рассказывай, другому, не испытавшему то же самое, не понять. Я рад за тебя, Рамиро! Вижу, что я не ошибся. Пошли, а то девочкам будет трудно снова браться за работу. Сегодня вечером — тебе разрешат отлучиться — приходи в правление сахарного завода, там еще поговорим.

После ужина, когда застрекотали цикады и заквакали кругом лягушки, Рамиро зашагал к правлению завода, уже не ощущая усталости, которая давала себя чувствовать во время ужина. Над головой ярко сверкали звезды, щедро усыпавшие черное бархатное небо. Он предчувствовал, что предстоит серьезный разговор, но не желал к нему готовиться. «Как получится! Я чист! Давно не дышалось так легко»,— говорил он себе.

Они остались вдвоем — управляющий, молодой парень,

переговорив по телефону с Гаваной, попрощался и ушел,— и Родригес сразу перешел к делу.

— Вот бумага и ручка, Рамиро. Последнее слово за тобой! Но если хочешь, подумай еще. Время есть. Мы тебе верим, но дело опасное. Не хотим неволить...

— Педро, кто лучше, чем ты... Ты же знаешь! Но... честно... я скажу... Я не все еще понимаю, Педро. Главного не понимаю. Куда Кубу ведет революция, какую конечную цель преследуете вы с Фиделем Кастро? Я хочу понять, но, повторяю, эти два года на многое раскрыли мне глаза. Там, в Майами, все виделось по-иному, совсем по-иному...

— Постой, Рамиро! Ты сам понимаешь, сколько сто́ит это твое признание? Нам сейчас и важно, чтобы ты был с нами откровенен. Понимание, настоящее понимание придет к тебе позже. Я не сомневаюсь. А сейчас мы будем считать тебя пока попутчиком. Ты специалист, владеешь сложной профессией, и я, как твой друг и как человек, несущий ответственность за определенную работу, тебе верю! И не только я. Кое-кто еще... Мы знаем твердо: ты снова, второй раз, не пойдешь против... не предашь свою землю! Мы уверены!

Рамиро сжал голову руками, уперевшись локтями в стол.

— Что происходит? Как это понимать, Луис Гарсия? — спросил удивленно Педро Родригес, приглаживая пятерней свою густую шевелюру.— Дело не из простых. Опасное! Ни я, ни все мы тебя не неволим, повторяю!

— Я уже сказал! — решительно перебил своего собеседника Рамиро.— Давно все сказал! Вы тянете! Если не верите... Другое дело...

— Ну что ж, тогда слушай внимательно! Письмо о том, что ты думаешь и что готов на деле сознательно, без принуждения, напишешь потом.— И Педро Родригес подробно сообщил Рамиро Фернандесу Гарсии план дальнейших действий.

Хотелось смеяться... Ему не только простили, но и поверили! Поручают ответственное, горячее дело! Губы сами растягивались в улыбку, но что-то сдерживало. То ли серьезность поручения, то ли маячившая в сознании опасность, связанная с немалым риском, то ли уже укоренившаяся привычка не проявлять открыто своих эмоций.

Дослушав до конца, Рамиро вскочил на ноги и порывисто и горячо обнял своего давнего друга Эль Альфиля, принявшего столь активное участие в решении его дальнейшей судьбы.

— Педро, черт возьми, я готов! Давно готов! Скажи когда?

— Не горячись, чико! Это не в твою пользу, Гуахиро,— плеснул Родригес в своего чересчур распалившегося друга немного холодной водицы.— Хотя я тебя и понимаю, Рамиро. Но учти: то, что тебе сейчас стало известно,— это только в об-

щих чертах. Над деталями еще и нам и тебе самому придется поработать. Но главное нам ясно! Садись и пиши! Через неделю возвратишься в город, появишься на заводе. На третий день — это будет среда — придешь к нам за актом. Там еще поговорим и поставим точку.

Рамиро хотелось, чтобы в эту минуту рядом находились его мать и брат...

В кафе было, как всегда, шумно. А вокруг столика в дальнем углу собралось еще больше народа, чем обычно. Маятник старинных часов раскачивался беззвучно. Лучший шахматист города Луис Гарсия возвратился после сафры в превосходной форме. Вот уже несколько вечеров подряд он выигрывал большинство партий у своего давнего соперника — молодого офицера пограничной охраны Фауре Павона. Сражения за шахматной доской сблизили противников, и все знали, что они подружились. Теперь Гарсию и Павона видели вместе и в клубе, и в парке, и по воскресным дням на пляже.

Вот и сегодня они вдвоем ушли из кафе, о чем-то оживленно беседуя.

На следующий день Луис Гарсия зашел после работы в знакомый особняк. Там он сказал дежурному, что хочет видеть следователя, поскольку тот должен был выдать ему еще в прошлую среду справку-акт для завода. Часы показывали без десяти шесть. На стульях рядом сидели еще трое: невзрачный мужчина, глубокий старик и молодая женщина. В девять минут седьмого во двор въехал знакомый старенький «форд», из него под охраной двух сотрудников вылез арестованный. Еще через минуту, когда его ввели в дежурное помещение, воздух потряс оглушительный взрыв. Казалось, зашатались стены особняка. Вслед раздался второй, третий... Тут же захлопали двери, в коридор с автоматами в руках выскакивали военные и мчались во двор. В дежурке появился начальник.

— Живо! Всех в камеру! — коротко приказал он дежурному.— Гляди в оба!

— Я тут при чем? Мне нужна справка. Не пойду! — энергично запротестовал Гарсия.

— Так надо, товарищ! Потерпи, пока разберутся,— извиняющимся голосом произнес дежурный, настойчиво подталкивая Гарсию в спину.

Когда щелкнул замок, Луис, усаживаясь рядом с арестованным, которого привезли на «форде», довольно зло произнес:

— Тоже мне «товарищ». Простую справку пять дней выдать не могут.

— Вы что, собираетесь туда? — живо спросил сосед.

Гарсия, делая вид, что только сейчас заметил его, поглядел

в лицо арестованного. Тонкие черты безусого лица, широкий лоб, светлые глаза, стройная фигура — киноактер, как охарактеризовал его Педро Родригес. «Верно! Мечтает о Майами»,— подумал Луис. Тот не отвел глаз. Лишь слегка улыбнулся.

— На заводе кто-то совершил кражу, до меня еще, а я вот справку никак не могу получить.

В это время прозвучали еще два взрыва, но меньшей силы.

— Где это? — встревожился неожиданный собеседник.

— Возможно, на заводе... И справка тогда может не понадобиться,— сказал Луис повеселевшим голосом, как бы от пришедшей внезапно ему мысли, хотя он превосходно знал, что на полигоне, который находился неподалеку за территорией завода, специально точно в назначенную минуту подрывали старые боеприпасы.

Наступила пауза. Гарсия выждал. Сейчас важно не заговорить первым. Но время шло, а его отпущено не так уж много. Луис собрался было рискнуть, как почувствовал, что сосед заерзал на скамье. «Ага! Тоже понимает, что времени мало»,— подумал он и тут же услышал торопливый шепот:

— У меня есть деньги. Много! Мне надо послать письмо... Обязательно надо... Помогите.

— Да что сейчас делать с ними? Кому нужны песо? — тихо ответил Гарсия.

— Есть и драгоценности... доллары...

Гарсия наклонился к соседу.

— Что надо?

— Отправить письмо. А еще лучше, если зайдете к другу...

— Нет! Не впутывай. Письмо отправлю. Давай адрес и говори, что написать.

— Я заплачу, чико!

— Мне деньги не нужны. Я на хорошем счету. Даже разрешение имею на выход в море. Влипнешь с тобой, и моторку отберут.

Гарсия не глядел на арестованного, но почувствовал, какое впечатление на того произвела последняя фраза.

— Хорошо заплачу! Век буду помнить. Не пожалеете.

— Нет! — отрезал Гарсия.

— У меня много друзей... Есть и там...— И арестованный, сжав руку в кулак, большим пальцем показал на потолок.

Этот жест означал: там, на Севере, в США. Поэтому Гарсия испуганно осмотрелся, но было очевидно, что их разговора никто не слышал.

— А за что здесь?

— Нигде не работаю. Уже месяц, как сижу.

Гарсия задумался. В это время за дверью камеры послышалось движение.

— Мой тебе совет — молчи! Ни в чем не признавайся! Раз месяц держат, значит, прямых улик нет. Быстрее давай адрес.

Адрес оказался простым, а текст еще проще: «Жду помощи. Кинтана».

— Это все?

— Да, а где ты живешь?

— В кафе «Оазис» спросишь Луиса Гарсию. Каждый знает.

Дверь в камеру распахнулась, и Гарсия первым поспешил к выходу.

Прошел месяц. Возвращаясь поздно вечером из кафе, Гарсия почувствовал, что за ним наблюдают. По меньшей мере двое. Гарсия знал, что Кинтану, который подозревался в нелегальном возвращении на Кубу и связях с контрреволюционными организациями, выпустили пять дней назад. С него взяли подписку о невыезде из города. Но он, как только вышел, сумел ускользнуть из поля зрения оперативных сотрудников и замести след.

«Он в городе явно не один. Ему помогают. Если скроется сам, вся операция сорвется,— думал Гарсия, шагая домой.— Но тогда... Зачем им понадобилось устанавливать слежку за мной? Именно сейчас? Нет, не иначе он нуждается в помощи, а его люди помочь не могут. Скорее всего, Педро прав, расчет его не подвел».

Рассуждения Луиса Гарсии оказались верными. На следующий день Кинтана встретил его у дома.

— Салют, Гарсия! Знаешь, все получилось вдруг как нельзя лучше.

— Ну и хорошо! Зайдем ко мне?

Гарсия жил на втором этаже дома для рабочих, построенного уже после революции. Перед зданием был разбит палисадник, густо заросший высокими кустами липии и бугенвильи. Через них к каждой квартире были проложены дорожки. К входу в квартиру, где жил Гарсия, вела отдельная лестница.

— Не опасно?

— Не бойся. Я один.

Они вошли, Кинтана осмотрелся. Убранство комнат было простым. В спальне — кровать, комод, зеркало над ним, шифоньерка, ночной столик с транзисторным приемником ВЭФ, по стенам фотографии актрис и боксеров. В холле под лампой с абажуром стол, несколько простых стульев, небольшой зеркальный шкаф, книжная полка, столик с телевизором, мягкий диван, из-под которого высовывались рукоятка ружья и ласты для подводного плавания. На телевизоре лежало чучело морской черепахи. Стены были украшены фотографиями Гарсии и его друзей — подводных охотников с трофеями.

— Вчера, чико, в тюрьме появился какой-то капитан из Гаваны,— начал рассказывать Кинтана, пока Луис выставлял на стол ром, бутылки кока-колы чешского производства, еду.— Говорят, в город должен приехать Кастро. Так капитан половину сидевших приказал выпустить. Боится.— Кинтана опрокинул рюмку рома и запил кока-колой.

— Не такая, как там. Дрянь, верно? — спросил Рамиро.

— Ничего похожего. Там что надо!

— Я так и думал, что ты оттуда. Поэтому и работу найти не можешь.

— С чего ты взял? Ничего подобного! — Кинтана нагло улыбался, щеки покраснели, но было непонятно: то ли от выпитой рюмки чистого рома, то ли от злобы, что проговорился.

— Ладно, это я так, чтобы иметь представление, какую назначать цену. А Кастро действительно на днях будет митинговать у нас на заводе.

Кинтана взял себя в руки, но в следующей же фразе, произнесенной им, Гарсия почувствовал настороженность.

— Ну и пусть. Он знает свое дело.

— Послушай, Кинтана, говори сразу и открыто. Я ведь не мальчик. Понимаю, в чем дело. Здесь всякое может случиться. Ни «зелененькие», ни драгоценности не помешают, если не врешь, что они у тебя есть. Выкладывай, чего надо, чего ты от меня хочешь. Если смогу, договоримся о цене, и делу конец! — Гарсия видел, что перед ним хитрый, опытный и решительный человек, хотя на первый взгляд этого не скажешь.

Кинтана выпил еще рюмку и, не проронив ни слова, пристально уставился в глаза Гарсии.

— И что ты можешь? — наконец спросил гость.

— Чистые листы бумаги со штампом и печатью завода, чистые бланки удостоверения. Возьму дорого. Не уверен я. Попадешь им снова в руки, ведь выдашь меня.

— Не годится. Деньги, говорю, есть. Здесь надоело, понимаешь? Туда хочу. Туда, где кока-кола настоящая. Понимаешь? Рыбаки знакомые есть? — Кинтана рисковал, но, видно, страх перед мыслью вновь оказаться в органах революционной безопасности лишал его терпения и выдержки.

— Рыбаки есть, но... среди них сейчас трудно найти, кого надо. Большинство довольны всем. Да теперь в одиночку никто и не выходит,— ответил Гарсия, растягивая слова, словно обдумывал еще что-то.

— Три кольца с крупными брильянтами, два золотых браслета, портсигар и тысяча долларов. Но чтобы наверняка!

— Есть одна возможность, но будет дороже. Рискованно! Зря не хочу пачкаться. Да и человеку, от которого зависит, надо крупно дать.

— Кто он?

— Есть один. С ним-то будет наверняка, если согласится. Но не знаю. Парень молодой, деньги любит... Строгой дисциплиной очень недоволен...

— Лейтенант, шахматист, что...

Но Кинтана не договорил. Луис Гарсия опрокинул стул, одним прыжком оказался рядом, ударил гостя по скуле, вывернул ему правую руку и вытащил браунинг из заднего кармана его брюк.

— Ах ты сволочь! Говоришь, вышел вчера? Подлец! Кому служишь? Тихо! — Гарсия свободной рукой открыл дверцу шкафа и вынул длинный узкий мешочек, набитый дробью.— Отобью легкие — всю жизнь кровью харкать будешь. Откуда тебе известно о шахматисте?

Побледневшее лицо Кинтаны медленно розовело. Он с трудом проговорил:

— Отпусти! Извини. Тебя проверял. Вышел я раньше. Дело ведь серьезное. Кому охота здесь умирать? Боялся, что завалишь, вот и проверял.

— Смотри, гад! На первый раз поверю. Но чуть что, за мной не станет... Выкладывай все из карманов. Ляжешь спать на моей кровати. В той комнате, связанным. Понял? Остальные деньги где? За ними вместе сходим. Теперь ты в моих руках.

— Ладно. Делай как знаешь. Только помоги! Очень надо.— Лицо «киноактера» в эту минуту явно не годилось для съемок.

— Если клюнет, договоримся,— решительно сказал Гарсия.— Ему еще добавишь... Если нет, сорвется — втройне заплатишь. Мне ведь тогда тоже уходить придется.

В последующие дни Луис Гарсия под видом выездов на подводную охоту — о том, что после шахмат этот опасный вид спорта был его второй страстью, знали все — на безлюдном берегу островка Эскивель создал тайный запас горючего. Затем сообщил Кинтане, что лейтенант Фауре Павон, теперь начальник погранзаставы ближайшего рыбацкого поселка, долго ломался, не хотел брать денег, но, когда увидел драгоценности, дал согласие.

В ближайший воскресный день Гарсия и Кинтана с полным снаряжением подводных охотников задолго до рассвета появились на пристани Ла-Исабель. Лейтенант Павон сам проверял документы и сообщил дежурному бойцу, отмечавшему в списке выходивших в море, что у спортсменов все в порядке.

Вечером лейтенант — это для него не составит никакого труда — черкнет против названия их моторной лодки «Манглес» крест, что будет означать: лодка возвратилась в порт. В то время, как предполагалось, перед заходом солнца Кинтана вручит деньги Гарсии, высадит его на островке, а сам уйдет

в море. Гарсия же пересечет островок пешком до пляжа у маяка «Эскивель» и возвратится в Ла-Исабель на последней шаланде вместе с отдыхающими. Таков был план, сообщенный Кинтане. Однако в действительности расчет строился совсем на другом.

Весь день, пока они стреляли рыбу, готовили еду и отдыхали в ожидании захода солнца, Луис нервничал. Кинтана без труда это заметил, насторожился. Ему решительно не понравилось то обстоятельство, что Гарсия вдруг потребовал выдать ему тысячу долларов задолго до наступления сумерек,— он сказал, что оставит Кинтану одного с лодкой и уйдет раньше. Все это сработало, и «красавчик», когда подошло время расставаться, изловчился и неожиданно съемной рукояткой от руля ударил Гарсию по голове, связал ему руки, снес в лодку, побросал в нее снаряжение, завел мотор и, минуя островки, покрытые мангровым лесом, неуверенно направился в сторону Сотавенто. Кинтана намеревался обогнуть коралловый остров слева, выйти в открытое море и, ориентируясь по маяку «Мэгано», идти к банке — отмели Кай-Саль.

Луис очнулся и сразу же почувствовал сильную тупую боль в затылке. Первой его мыслью было: «Легко отделался — черепок, должно быть, вспух, но не раскололся. Значит, пока все идет как надо». Лежа ничком, он попытался пошевелить ногами. Но они, как и руки за спиной, были связаны. Мерно стучал мотор, и лодка легко скользила по небольшой волне. «Если не выбросил за борт, значит, боится остаться один. Не уверен. Ночью в море одному страшно. Подлец! Скорее всего, польстился на тысячу долларов. Стало жалко. А может... Кто его знает, что думает этот гад». Волна пошла крупнее, Гарсия с трудом открыл глаза и определил по равномерно вспыхивавшим отблескам на борту, что они уже находятся в зоне действия маяка «Мэгано». Значит, выходят из пролива. Перевернуться на спину стоило огромных усилий. Голова раскалывалась от боли.

— За что? — спросил Луис и испугался своего собственного голоса. «Что думает сейчас обо мне Педро? Стакан бы холодного пива...» — За что?

— Не скули! Еще будешь рад,— ответил Кинтана.— Посмотри лучше, правильно ли идем. Я на море — как рыба в пустыне.

— Денег пожалел, мерзавец! За все, что сделал, так платишь? Отпусти хоть сейчас. Я не хочу туда. Мне туда нельзя,— умолял Луис.

— Если поможешь, слово даю: деньги отдам! Да еще расскажешь по радио, как пять дней паршивую справку получить не мог, и про все другое, и про кока-колу, которую пить нельзя...

— Развяжи! Говорю тебе в последний раз. Отпусти, пока берег рядом. Доплыву...

— Идиот, акулы сожрут!

— Не твое дело. Отпусти... Потом пожалеешь.

— Заткнись! Еще угрожать вздумал,— грубо прикрикнул Кинтана.

Гарсия видел, что лодка шла верным курсом — строго на Полярную звезду, поэтому замолчал. Предвкушая удачный исход, он думал: «Погоди, таракан, в золу запрячешься, когда куры пировать станут. Погляжу я на тебя тогда».

К вечеру следующего дня «Манглес» заметили рыбаки с острова Кай-Саль, взяли на буксир, повели в порт.

Как только они подошли к причалу, Кинтана отправился в селение. Возвратился он менее чем через час в веселом настроении. От него попахивало джином, он был чисто выбрит, одет во все новенькое. Вместе с ним в полицейский участок пришел представитель «Центра кубинских беженцев» в Майами. По предъявлении удостоверения организации Гарсию выпустили.

В отдельном коттедже, где — он был уверен — под видом организации помощи беженцам размещалась резидентура ЦРУ, Гарсия наотрез отказался что-либо говорить. Он потребовал встречи с представителями властей США. Его отправили в Майами. Там офицеру иммиграционной службы он заявил, что он вовсе не Гарсия, а Рамиро Фернандес, что не желает встречи с прессой, что ни один фотограф не должен его видеть и что о нем немедленно следует сообщить руководству «Альфы-66».

Узнав об этом, Кинтана заволновался. Дело принимало для него явно неприятный оборот. Из-за тысячи долларов портить отношения с руководством «Альфы»... Нет, это не входило в его планы, и он, не задумываясь, заявил американцам и своим из «Движения за возрождение революции», членом которого являлся, что притащил Гарсию с собой, так как тот связан с кубинской контрразведкой. «Уж очень у этого типа все складно получалось»,— настаивал он в подтверждение. Руководство «Альфы» не поверило выдумке Кинтаны. В нее не поверили и те работники ЦРУ, с которыми Рамиро Фернандес был связан. Однако железный закон подозрительности и недоверия, царящий в ЦРУ, действовал неумолимо. Для Рамиро наступили тяжелые дни.

Встречи с представителями «Альфы» ему не устроили. Вместо этого передали в руки Федерального бюро расследования, где начались допросы на детекторе лжи.

Все это было Рамиро хорошо знакомо: и отвратительное ощущение прикосновения к телу холодных присосок, и яркий, ослепляющий свет в глаза, и специальные таблетки, и бессон-

ные ночи. Но тогда в душе, в сознании его было иное. А что, если сейчас их аппарат сработает? Что, если их методы раскроют его истинные намерения?

Рамиро впервые за много лет почувствовал, что нет у него в душе этого прежнего обреченного: «А, все равно!» Теперь хотелось победить.

Еще на Кубе, когда они с Родригесом прорабатывали вариант детектора лжи, Педро, помимо всего прочего, советовал во время допросов мысленно читать стихи. Поэтому на первый сеанс Рамиро Фернандес пошел, повторяя про себя четверостишие Хосе Марти:

Моя Куба — как лес одетый
Сумеречной вуалью печали.
Но я вижу, как черные дали
Светлеют в предверье зари.

Допрос длился уже час. Рамиро был тщательно психологически подготовлен, верил в непогрешимость своей легенды, знал и был готов к атаке на него при помощи специальных приемов. Офицер ФБР, бившийся над ним, не достигал желаемых результатов. Неожиданно он спросил:

— Вы агент Кастро?

— Я агент ЦРУ.

— Кто вербовал вас на Кубе?

«Чтоб жизнь была достойной, мы должны оправдывать ее борьбой и смертью».

— Я завербован в шестидесятом в Майами Эверфельдом.

— Кем еще? На Кубе!

— В Нью-Йорке мистером Громаном и мистером Фримэном.

— Мы знаем — вас перевербовали!

«Пусть я умру в борьбе — прекрасна смерть за родину и за свободу...»

Вслух Рамиро выпалил самую отборную ругань, которую знал.

— Говорю, меня силой привез Кинтана. Кретины!

Рамиро чувствовал, что выигрывает. Он был абсолютно уверен в себе. Даже в самых глубинах сознания не было ни малейшего ощущения страха.

На очередной сеанс Рамиро шел, твердо зная, что выстоит.

На пятые сутки его посадили в новенький «бьюик» и повезли в направлении парка Эверглейдс к озеру Окичоби.

За высоким забором богатой виллы его оставили одного в уютном бунгало. Просторный холл с цветным телевизором, мощный радиоприемник, обширная библиотека. Бар с напитками.

В спальне широченная мягкая постель. В туалетной комнате бассейн.

Рамиро раздвинул шторы, поднял жалюзи, постоял минут десять перед распахнутым окном, любуясь красками заката, потом принял холодный душ, залпом осушил стакан красного «Креста Бланка» и лег спать.

Рано утром его разбудили и сказали, чтобы он через час был готов. С особым удовольствием он побрился, размялся, поплавал в бассейне. Завтрак ждал его на веранде.

Тщательно подстриженный кустарник тянулся вдоль лабиринта аккуратно посыпанных желтым песком дорожек. То здесь, то там среди пышной зелени виднелись легкие элегантные строения. Тишина и безлюдие не вводили Рамиро в заблуждение. Он превосходно знал, что за каждой стеной этих «люкс-камер» находились на свободе опаснейшие из преступников, разрабатывая планы, усваивая задания, готовясь к действию...

Сопровождавший Рамиро мулат остановился у колонн парадного входа в сверкавшее белизной каменное трехэтажное здание. Дальше Рамиро повела миловидная рыжая девушка в очках. В разных креслах комнаты, куда он вошел, развалясь сидели и курили Насарио Сархен, генеральный секретарь «Альфы-66», инструктор Сонни, давнишний работник ЦРУ кубинец Фернандо и еще двое неизвестных Рамиро американцев. Тот, кто сидел за столом, очевидно, был старшим по положению.

Рамиро поздоровался, вяло пожал протянутую руку руководителя «Альфы», ругнулся крепким словцом и сел, не ожидая приглашения. Он еще не знал, что его показания были тщательно сверены с донесением Кинтаны. Анализ вскрыл, что Кинтана, сообщая те же факты, преподносил их явно тенденциозно.

— Извини, Рамиро,— первым заговорил Фернандо,— пока мы узнали...

Рамиро сжал зубы и пристально, с пренебрежением взглянул в сторону говорившего. Тот осекся.

— Чико, ты же знаешь, как я к тебе отношусь,— закартавил по-испански инструктор Сонни, встал, подошел к Рамиро и похлопал по плечу.

— Я не мальчик. Все понимаю. Но пока не увижу Кинтану, нам не о чем говорить,— решительно ответил Рамиро по-английски.

— Вот это мы и собираемся сделать,— сказал тот, которого Рамиро счел за старшего.— Надо все уладить. В таком деле всякое случается. Не надо горячиться раньше времени.— Он нажал на кнопку, вделанную в ручку кресла.

Почти сразу же в комнату вошел Кинтана и, кисло улыбаясь, протянул руку Рамиро, но тот в ответ, не вставая, резким дви-

жеиием левой наиес ему удар в живот. Кинтаиа согнулся и от второго удара в лицо полетел иа пол.

К Рамиро бросились со всех сторои, а ои спокойио откинулся на спинку кресла и сказал:

— И это еще ие все! Не советую тебе повстречать меия иа улицах Майами, кретин! Я ж тебя предупреждал... там, в лодке... Не поверил — умей рассчитываться!

Соиии стоял и улыбался, явио довольиый. Насарио Сархеи, видевший в лице Киитаиы представителя сопериичающей организации, тоже в душе иаверияка оправдывал действия Рамиро. Но тот, кто был за старшего из американцев, побагровел и гиевио спросил:

— Фериаидес, зачем вы помогали Кинтане? Вы, Киитаиа, идите, идите! — И когда тот, утирая разбитый иос, закрыл за собой дверь, шеф еще строже переспросил: — Зачем вы помогали Киитаие? У вас иа этот счет ие было иаших ииструкций!

— Перед ним я себя ие расшифровал. Я видел, что это свой. Он оказался в беде! Вы бы бросили своего?..— Почувствовав, что выигрывает, Рамиро продолжил: — Увереи, мистер, что и вы помогли бы своему. Но главиое, я думал: этот подоиок все, как положеио, честио расскажет, когда доберется сюда. А ои? Навыдумывал басеи. Я полагал, был увереи: вам стаиет известио от него, и вы поймете, что меия пора вводить в дело. Поймете, что мие тошно там сидеть, сложа руки. Два года! Вы шутите! Зачем? Я для этого ие гожусь...

— Хорошо, об этом позже. Но вы ведь рисковали в операции с лейтеиаитом. На это у вас тоже ие было ииструкций!

— Он у меия в руках. Любит деньги. Я его обработал, как иадо...

— Но это ие входило в ваше задаиие! — Шеф явно стремился прижать Рамиро к стеие.

— Не иадо было выбрасывать меия без связи... Вы зиаете, что я не могу без дела...

— Рамиро Фериандес! Задаиие вы ие выполиили, и это отразится на вашем счете в баике! — Шеф сердито стукиул ладоиью по лакированиой поверхиости стола.

— Мистер... ие зиаю как вас там,— довольио грубо ответил Рамиро,— когда вы, иакоиец, поймете, что есть кубинцы, которые делают это ие из-за ваших долларов? Плевал я иа иих! Я хочу действовать, чтобы «возвратимся через два месяца» ие превратилось в «о возвращении забудь». А с задаиием я справился. Надо было осесть? Я осел! Стал лучшим на заводе. Какого человека приобрел! Вы знаете, чего он стоит? Может быть, у вас много «окои»? Здесь меия зиают: если я работаю, то действую наверияка! — Рамиро помолчал, собираясь с мыслями.— Чем считать мои деньги в банке, вы бы лучше быстрее

распорядились отогнать «Манглес» к кубинским берегам. Пусть там думают, что с нами что-то случилось. А лейтенант еще пригодится...

Шеф встал, вышел из-за стола, вплотную приблизился к креслу, в котором сидел Рамиро, уставился ему в глаза, ожидая, чтобы тот поднялся. Рамиро продолжал сидеть как изваяние.

— Ну, хорошо, Рамиро Фернандес! Мы подумаем. Сейчас идите, отдыхайте, приведите нервы в порядок. Потом поговорим и о новом задании.— Шеф достал из кармана тонкий золотой портсигар, щелкнул затвором, предложил сигарету.

Рамиро закурил и молча направился к выходу. Следом за ним вышел Фернандо.

— Ладно, чико, все утряслось. На́ вот, держи,— и он протянул пакет с деньгами и брелок с ключами.— Это от зеленого «шевроле», что стоит рядом с «бьюиком». Пользуйся! Поселяйся в «Гранаде» на Меридиан-авеню. Там мало кого встретишь. Номер будет оплачен. Рад тебя видеть! Потом посидим, пропустим, расскажешь, как там. Уверен, все будет о'кей! А сегодня не откладывай, сходи послушай Ольгу Гильот. Она возвращается в Мексику. Да смотри, чико, кто спросит — говори, что живешь в Чикаго,— учтиво, с явным уважением, как бы советуя, говорил Фернандо.

К вечеру Рамиро Фернандес обзавелся всем необходимым и снял не очень дорогой, но вполне приличный номер в отеле «Гранада». За окнами виднелся Фламинго-Парк, чуть дальше просматривались пляжи Майами-Бич.

К концертному залу, где выступала знаменитая кубинская певица, жившая в эмиграции, он пришел пешком и, не понимая еще причины, почувствовал, что за два года его отсутствия Майами как-то потускнел. Даже в сверкании тех же неоновых реклам не ощущалось прежнего блеска. На улицах было меньше «кадиллаков», «паккардов», «линкольнов».

Рамиро приобрел билет с рук за тройную цену у перекупщика-кубинца. Среди публики, занявшей все места и проходы, почти не было американцев. Аплодисменты гремели после каждой песни, но как-то очень быстро обрывались. Когда Ольга Гильот спела «Кубинскую ночь», треть зала захлюпала носами. А после «Ностальгии по моей Гаване» плакали уже все. Рамиро не выдержал этого зрелища и ушел. Но, приехав в отель, он подумал, что следует отправиться в бар и там напиться, «подавляя страдания», хотя ему так хотелось, не медля ни минуты, проехать к Марте. «Нет, следует выждать еще несколько дней. Лучше пусть они не знают о Марте!»

На следующее утро Рамиро поднялся к ленчу. Побаливала голова, настроение было плохое, причину этого он хорошо знал: напился без всякого желания, в то время как ему без-

удержно хотелось видеть Марту. Проглотив две таблетки аспирина и выпив чашечку крепкого черного кофе, он вышел из отеля и незаметно для себя оказался на Флаглер — главной улице делового центра. Она была, как и прежде, торговой, прямой, шумной и однообразной. Но не хватало чего-то, и что-то явно было лишним. Те же роскошные магазины. Но продавцы почему-то не столь предупредительны. Вскоре Рамиро понял: магазины полны кубинцев-эмигрантов, которые без устали кочуют от прилавка к стенду, от стенда к прилавку, берут в руки товар, вертят его и кладут на место. Уходя из магазина, оставляют там не более девяноста девяти центов.

Рамиро вышел на Восьмую улицу юго-запада и здесь почувствовал, что к прежним запахам прибавились запахи жареной поросятины, подгоревшего масла и самых дешевых в Майами сигар. Тут более чем за полчаса он не встретил ни одного американца.

Завернув за угол, Рамиро не поверил глазам: сеньор Эдельберто де Каррера́, бывший хозяин более чем десяти гаванских кинотеатров, которого так любил принимать у себя в «Делисиас» дон Карлос, перекладывал овощи на лотке, вынесенном на улицу из небольшой лавочки. Редких покупателей он неизменно встречал деланной слащавой улыбкой. Плечи его сгорбились. Приличным был лишь белоснежный фартук, надетый поверх изрядно помятого длинного жакета из легкой материи и фланелевых брюк.

Рамиро остановился чуть в стороне. Сбор информации о разложении кубинской эмиграции не входил в его задание, но Рамиро было интересно узнать новые факты. Он достал кожаный портсигар, вынул сигару «Партагас» за доллар тридцать центов. И сразу его окружили, появившись словно из-под земли, худущий продавец лотерейных билетов, коротышка, тянувший к сигаре зажигалку, тут же предложил услуги гида, третий пригласил сыграть в кости, четвертый пытался засунуть в карман Рамиро визитную карточку игорного дома, пятый пообещал хороших девочек... Рамиро, не произнеся ни слова, резко повернулся и почти столкнулся с человеком, лицо которого за последние три года тирании Батисты не сходило со страниц кубинских газет и журналов. Имя его чаще произносили шепотом, а у большинства кубинцев от мысли попасть в руки Караталы, одного из главных батистовских полицейских, по телу пробегали мурашки.

Теперь Караталу трудно было узнать. Не спеша он подошел к лотку бывшего владельца кинотеатров, заискивающе, как клиент перед торговцем, которому задолжал, поздоровался с ним и стал набирать в авоську два фунта картофеля, фунт фасоли, полфунта моркови, столько же чеснока и петрушки.

Сердце Рамиро учащенно забилось, и он впервые в жизни испытал незнакомое ему доселе чувство злорадства. Он дал волю новому для него ощущению и почти бегом бросился к машине. Дверцу перед ним распахнул высокий седой человек в поношенной, но чистой гваявере. Гарсия сунул ему в длинные, тщательно вымытые руки доллар, а когда сел за руль и услышал сбивающиеся на хрипоту слова благодарности: «Gracias, mister! Señor, thank you», достал из портсигара оставшиеся там четыре сигары и отдал их ошалевшему от удачи старику.

«Неужели все это произошло за два года? Нет! Просто раньше я этого не замечал»,— думал Рамиро, вылетая, с явным превышением скорости, на Флаглер.

Опять же не отдавая отчета в том, зачем он это делает, Рамиро повел «шевроле» в самый богатый район города Вест-Палм-Бич. По дороге почувствовал голод и заехал в ресторан «Ла Карета».

До обеда было еще далеко, и официант, расставив перед одиноким посетителем закуски, заговорил с ним. Рамиро сказал, что он мексиканец, и в ответ получил комплимент по поводу его английской, почти без акцента, речи и признание:

— А знаете, я поначалу принял вас за кубинца. Они любят у нас бывать.— И официант стал перечислять хорошо известные Рамиро имена.

Все это были так называемые вожди отдельных организаций, групп и группировок гусанос, крупные предприимчивые дельцы, большинство из которых сумели еще до революции разместить свои капиталы в США. Два года назад таких групп в Майами было более сотни.

— Странно только,— продолжал официант,— раскланиваются друг с другом издали, вежливо, но никогда между собой не говорят...

«Еще бы! — подумал Рамиро, всаживая в холодного лангуста тупой рыбный нож.— Каждый из этих мечтает возвратиться на Кубу президентом... при помощи Сонни, «полковника Фрэнка», Мак Куоринга... После обеда непременно поеду к Марте... Похоже, что не следят... Да и она лучше других расскажет... Каналья, и тебе не стыдно? Разве ради этого ты хочешь ее видеть?..»

До революции Марта была звездой телевидения в Гаване. Рамиро не пропускал ни одной передачи с ее участием. Вздыхал, подшучивал над собой — иногда зло. В его мечтах она была недосягаемой королевой. В Майами, выйдя из тюрьмы, где просидел полтора года за ограбление игорного дома, он встретил Марту у Мирты де Products Пералес, активной контрреволюционерки, содержавшей дамский салон. Но Марта на знакомство не пошла. Лишь несколько дней спустя случай положил начало

их дружбе. Молодая женщина, переходя улицу, оступилась и подвернула ногу. Рядом оказался Рамиро, да еще с машиной. Он подвез Марту к врачу, а затем и домой. По дороге Марта с удовольствием обнаружила, что Рамиро умеет слушать и во многом разделяет ее взгляды на жизнь и на то, что кругом происходит.

Днем Марта помогала хозяйке салона принимать клиенток, а вечерами у нее не было другого занятия, как без конца до самых мельчайших подробностей, порой казавшихся Рамиро смешными, вспоминать прежнюю жизнь в Гаване.

Марта не любила Мирту де Пералес, экзальтированную, взбалмошную, надменную, не любила еще и за ее дикую ненависть к тому, что происходило на Кубе. Молодая женщина тихо тосковала по оставленной родине, тяжело переживала разлуку с родными. Рамиро не посвящал Марту в свои дела. Ему с ней было уютно, тепло, особенно когда они оставались одни — будь то дома, в зале кинотеатра, на пляже, в парке. С ней он отдыхал душой, был к Марте предельно внимателен и вскоре почувствовал, что ей хочется создать семью, стать матерью. Рамиро не без труда всякий раз уходил от разговоров на эту тему, заводимых Мартой робко, стыдливо, с опаской.

Разыскивая сейчас Марту, Рамиро с затаенным теплом думал о том, что с ней, как она его встретит.

Дом на углу Одиннадцатой и Двадцать четвертой улиц юго-запада по-прежнему был занят дамским салоном, но уже не принадлежал Мирте де Пералес. Эта «сеньорита» однажды по неизвестной, никем не установленной причине исчезла с горизонта своих клиенток и знакомых, и старая вывеска была заменена новой. Рамиро все-таки узнал одну из прежних маникюрш, и та поведала ему, что Марта ушла примерно за полгода до таинственного исчезновения хозяйки, рассорившись с ней и не получив даже расчета.

Миновала неделя, прежде чем Рамиро напал на след Марты. Еще три дня он шел по нему, метаясь по городу из одного частного дома в другой, пока наконец не нашел ее. Встреча была радостной.

Марта, в легком розовом платье, кружевном передничке и таком же накрахмаленном чепчике-венце на голове, казалось, была готова к выходу на сцену. Но, увы, теперь она была всего лишь служанкой в доме богатого промышленника, чьи химические предприятия находились в Джексонвилле и Атланте.

— Рамиро, ты? Какое счастье! Не может быть! Входи, Рамиро! Я так рада! Я думала, ты пропал, забыл меня. Входи же, дорогой! — Марта бросилась ему на шею.— Мне было плохо, плохо без тебя, очень...— Торопливо произнося слова, она провела его в маленькую комнатку для прислуги.

— О'кей, Марта! Я с тобой. Мне приятно, что ты рада.— Он обнял ее и нежно прижал к груди. Губы потянулись к ее уху, к родинке за ним.

Марта усадила гостя в удобное кресло рядом с торшером. В глазах ее стояли слезы.

— Думала, встретил другую... Плакала, Рамиро. Но потом, потом вдруг сразу поняла, что ты иначе жить не можешь. Иначе тебе не одолеть эту жизнь. Ты делал то, что должен был делать...

Рамиро молча смотрел на Марту. Воспоминания о былых встречах с ней, о прошедших двух годах на Кубе, о встрече с Педро Родригесом, злобная радость, испытанная им на днях при виде Караталы с авоськой, сознание, что он очищается от грязи, ощущение, до боли в груди перехватывающее дыхание и возникшее от мысли, что было бы, не встреть он сейчас, потеряй он Марту,— все перемешалось в одном судорожном вздохе.

— Рамиро! Я так рада! Но как ты нашел меня? Хочешь что-нибудь выпить? Пиво, виски, оранжад?

— Почему ты ушла из салона? — неожиданно для самого себя спросил Рамиро.

— Там... там, знаешь, стали появляться... клиенты.— И Марта опустила глаза, покраснела.

— А здесь...

— Нет, Рамиро! Потому мне здесь и спокойно! В других домах было иначе, и я уходила... Ты же знаешь...

Рамиро спохватился, почувствовал прилив стыда, рывком привлек к себе Марту, усадил на колени и стал осыпать ее волосы поцелуями. Но в это время над дверью загорелась лампочка — Марту вызывали.

Встретившись во второй половине субботы, Рамиро и Марта весь вечер потратили на поиски места, где можно было бы потолковать по душам. Но в какой бы ресторан, кафе или бар юго-запада, северо-востока, районов Хайали и Пасториты они ни заходили, везде им встречались кубинцы. Слушая пластинки Бени Море, Фахардо, Лучо Гатики и «Пяти латинос», после рюмки дешевого виски они непременно начинали плакать и набрасывались на свежего человека с одними и теми же вопросами: «Что нового там? Вы что-нибудь слышали нового?»

Рамиро предложил Марте поехать в районы дорогих отелей, стоявших у шикарных пляжей, и там найти местечко поуютней. Она было сочла себя недостаточно хорошо одетой, чтобы появиться там в ночное время, но потом решила:

— А, все равно!

Из всего, что Рамиро слышал за эти дни от других, и из рассказов Марты он мог сделать прежде всего один безошибочный вывод: положение с кубинскими беженцами серьезно волнует американские власти.

Кубинцы не желали добровольно расселяться в других районах страны. В Майами их скопилось более трехсот тысяч, и жизнь города изменилась. Курорт, его хозяйство, приносившее прежде высокие прибыли жителям, приходили в упадок. Богатые туристы в силу этой причины устремились в Калифорнию и Мексику. Многие американские семьи покинули Майами. Так называемая кампания «релокализейшен», придуманная иммиграционной службой США и проводившаяся при сильном нажиме — беженцам решительно отказывали во всякой помощи, если они не хотели переселяться в другие города,— не принесла желаемых результатов. На севере страны кубинцы не могли жить из-за холода. В Калифорнии негры и брасерос — сезонные мексиканские рабочие — встречали кубинцев более чем недружелюбно. В индустриальных районах непрофессиональные руки беженцев не могли быть использованы. Многие, чтобы как-то прокормить себя и свою семью, брались за самую черную работу, которую прежде выполняли негры и пуэрториканцы. Это вызывало к кубинцам неприязнь. И по этой причине тоже они стремились возвратиться туда, где их хоть понимали и как-то могли защитить земляки.

— Более или менее благополучно решили свою судьбу инженеры и учителя,— говорила Марта, когда они свернули с авениды Флаглер к морю.— А еще лучше устроились врачи. Ты знаешь, оказалось, здесь на тысячу жителей был всего один врач. Ты меня слушаешь, Рамиро? Тебе скучно со мной?

— И да и нет!

— Что «да» и что «нет»?

— «Да» — слушаю! «Нет» — не скучаю, милая. Я думаю, где бы нам повкуснее да побыстрее поесть и завалиться ко мне. Я страдаю от того, что так медленно переключаются светофоры. Говори, говори, мое сердце!

— Так вот, поначалу нашим врачам несладко было — учить английский, пересдавать экзамены... Но худо-бедно они устроились. Остальные живут и думают о возвращении. Почти никто не слушает местные передачи на испанском. А когда говорит Фидель... О! Все сидят у приемников. Ругают его последними словами, но слушают и плачут...

— Многие улицы теперь просто похожи на гаванские,— подхватил Рамиро.

— Да! И подпольных игорных домов развелось... Дома терпимости, продажа наркотиков...

— Каждый зарабатывает как может,— сказал Рамиро, чувствуя, что едва сдерживает желание открыться Марте.

— Женщинам труднее.— Марта пытливо заглянула в глаза Рамиро и внезапно переменила тему разговора: — Скажи, ты

ведь ие ездил в Европу, как собирался... Ты был там? Был иа острове?..

«Вот бы сейчас на мие висели эти чертовы присоски «детектора лжи»! — подумал Рамиро.— Я бы погорел... Обидио! У меия нет родией человека. Но иельзя! Ей я мог бы все рассказать, открыть себя до последиего нерва... Увезу на Кубу, там расскажу...» А вслух предложил:

— Дорогая, давай поговорим об этом завтра утром, когда пойдем иа пляж. А сейчас... Сейчас будем есть и веселиться...

Подиялись они раио и прямо до завтрака отправились к морю.

Трудио объясиить, как срабатывает у людей иитуиция, ио, когда оии вошли в воду, Рамиро — ои собирался рассказать, как иа Кубе хорошо,— произиес:

— Марта, действительио все это время я был там. Все эти два последиих года. Это ужасио тяжело! Там все плохо! Прежией Кубы иет! Я рад, что выбрался оттуда. Сидел там и иичего ие делал. Ни иа что глаза мои смотреть ие хотели. Так что, поиимаешь, рассказывать ие о чем. Все в руках Фиделя! Никто иичего там ие может, да и здесь... Здесь все делают только вид, а... чтобы его сбросить, одии разговоры.— И, в сердцах махиув рукой, побежал иавстречу волиам легкого прибоя, увлекая за собой Марту. Свежий, набежавший вдруг порыв ветра и солеиые волиы были свидетелями того, как гулко стучало сердце Рамиро.

Лишь полгода спустя ои узиал, что в то утро выиграл, как иной боксер иокаутом, важиый для себя бой. С чердака отеля, стоявшего иапротив пляжа Оклеид-Парка, аппаратурой особой коиструкции их разговор был записаи и засият иа плеику. О том, что оии собирались имеиио иа этот пляж, оии говорили в машиие, в ресторане и в иомере отеля. А за Рамиро Фериаидесом все эти дии велась тщательиая слежка.

Рамиро заметил, как еще на пляже резко измеиилось настроеиие Марты, хотя оиа и ие решилась сказать ему ии слова. В душе ои радовался этому, но пока решил ие подавать виду. В тот вечер иа прощаиье он, одиако, иежио взяв за подбородок Марту и поцеловав ее, заявил:

— Дорогая, запомии, прошу тебя, это очеиь важно для меия и для иас обоих: как бы иеожиданио я ни исчезал, жди меия! Я обязательио вериусь! Я люблю тебя, девочка!

Марта схватила руку Рамиро и прижала к губам его ладонь.

Глава III. **Эндшпиль**

Дня через два рано утром в отель к Рамиро приехал Фернандо, и они вместе отправились в усадьбу к озеру Окичоби. Там в присутствии американца, которого Рамиро видел впервые, инструктор Сонни изложил суть задания. Рамиро Фернандесу предстояло вскоре отправиться на Кубу. По тому, как был построен план операции, Рамиро понял, что успеху ее придают серьезное значение. Он внимательно слушал, переспрашивал, уточнял. Когда речь зашла о способе высадки, он высказал соображение, что для этого можно использовать надувную лодку.

— Мы думали об этом, но... ты ведь хороший пловец и не боишься акул,— ответил Сонни, а незнакомец, худой и плоский, словно по нему проехал дорожный каток, с налетом некоторого раздражения добавил:

— Вы ведь сами не уверены, Фер-р-р-нандес, будет ли с вами работать тот лейтенант. Зачем давать им в руки лишнюю улику? А?

— Похоже, что вы отправляете меня, заранее зная, что высадка обречена на провал,— искренне возмутился Рамиро.

— Мы учли и эту возможность при определении суммы вознаграждения. А потом, не забывайте, что с вами пойдет еще группа. Значит, мы вам верим.

— Что? Так сразу?

— Нет! Вы вначале подготовите на месте все необходимое... Может, и тот лейтенант — начальник погранпункта — уже не там... Главное, мы вам верим!

— Я не об этом! У вас на все есть цена, вы думаете, что все способны купить...

— Рамиро, так действительно будет лучше. Да потом, и сам ты всегда ведь любил трудности.— Сонни пытался вернуть беседу в деловое русло.— Если все пройдет благополучно, в двенадцать ночи на следующий день поставишь указатель волны на отметку 13.8 и выйдешь в эфир со словами: «Аэропорт Нассау готов к приему». Повторишь фразу три раза. Помни, что заднюю стенку приемника ты сам ни в коем случае не должен открывать!

По мере того как Сонни уточнял подробности, становилось явным главное: Рамиро предстояло высадиться, установить связь с лейтенантом Павоном и убедиться, что тот готов оказать еще одну услугу за вознаграждение. Затем оговорить с Павоном детали и обеспечить высадку группы в три человека. В следующую ночь возвратиться с ними в море.

Рамиро понял, что ЦРУ ухватилось за возможность создания действующего «окна». Очевидно, пути переброски на Кубу

агентуры через морскую границу были ограниченны. Но главное заключалось в том, что ему поверили!

Поскольку все развивалось, как было спланировано в Гаване, Рамиро, помня договоренность с Педро Родригесом, по понедельникам и вторникам ровно в полдень выходил к месту, где в киоске у гольф-клуба «Гренада» продавались лотерейные билеты, и закуривал там сигару. Это означало, что его готовят к возвращению на Кубу через район Ла-Исабель.

Высадка, естественно, прошла благополучно. Часа за два до рассвета легкая быстроходная лодка была спущена с сейнера, подошедшего к территориальным водам Кубы. Лодка с мотористом и Рамиро на борту осторожно приблизилась к берегу острова Эскивель. Рамиро оставалось доплыть каких-нибудь триста метров. На сей раз на поплавке, который тянулся за ним, висел непромокаемый мешок с одеждой и радиопередатчиком, вмонтированным в транзисторный приемник «Сельга» завода ВЭФ.

Когда катерок, доставивший на пляж первую группу отдыхающих — операция проводилась специально в воскресный день,— отправился в обратный рейс, на его борту был всего один пассажир. Не успел он как следует устроиться на корме, чтобы согреться под лучами поднимавшегося из океана солнца, как дверь капитанской рубки открылась и на палубу вышел Педро Родригес.

— Поздравляю,— сказал он и присел рядом.— Нагло действуют. Поверили тебе. Поздравляю, Гуахиро!

— Спасибо, Педро. Обошлось. Думаю, что пока все о'кей! — ответил Рамиро и поежился.

Педро снял с себя куртку и накинул на плечи Рамиро.

В доме начальника погранпункта лейтенанта Фауре Павона Рамиро прежде всего повторил то, что считал самым важным. Он высказал предположение, что те трое, которых он должен провести через «окно», придут с диверсионным заданием. Затем, когда хозяин дома и Педро Родригес ушли, чтобы связаться с Гаваной, Рамиро надиктовал на магнитофон подробный отчет о том, что с ним приключилось, что он видел и слышал.

Вскоре возвратился Педро Родригес.

— Знаешь, все-таки они не особенно тебе поверили, Рамиро,— первым делом объявил он.

— Почему ты так думаешь?

— Судя по твоей информации и обстановке в районе,— ответил Родригес.— Их диверсия может быть направлена лишь против одного из трех сахарных заводов. Больше здесь ничего интересного для них нет.

— Во-первых, сахарный завод — это уже немало. Во-

вторых, я тебе говорил, что их главная, общая слабость, беда их как раз и заключается в отсутствии свежих и достоверных сведений. А потом, согласись, ведь логично — они ждут от этой операции доказательства того, что я им там наговорил. Им надо убедиться, что Фауре существует, и насколько действительно безопасно его использовать. Те, кто придет, особой ценности для них не представляют. Все они новички. Только что с курсов. Кстати, как ты думаешь, какой из трех заводов они могут избрать?

— Все три довольно близко один от другого. Но мы им сами поможем «выбрать». К двум централям их просто не подпустим. Кругом будут стоять войска. Сами наверняка не решатся сунуться. А третий подлежит реконструкции. Специалисты считают, что снос взрывом одной стены и даже разрушение старого цеха рафинирования пойдет только на пользу. Плохо вот, что мы с тобой точно не знаем, какого рода у них взрывчатка и какие взрыватели.

— Дистанционные. Скорее всего, сработают по радиосигналу. Взрывчатка типа С-3 и С-4. Убежден, что с момента установки мин и до взрыва должно пройти не менее получаса. Все заинтересованы, чтобы эта затея закончилась благополучно. Повторяю: там надеются на будущие возможности. Поэтому группе обязательно дадут время на отход в безопасное место.

— Ну, хорошо! Ты сейчас отдыхай. Ночью тебе выходить на связь. В среду или четверг подберем старика и лодку. Фауре переоденет тебя в форму, и ты встретишь их вместе со стариком. Лучше всего, думаю, на островке Верде. А высадишь на берегу бухты Караа́тас, восточнее селения у самого края болота. Если уйдут все трое, к тебе выйдет наш человек. У него будет рация. Линию Кемадос-де-Гуинес — Кагуагуасимы мы перекроем, чтобы не пропустить к городу. Таким образом, этим молодчикам ничего другого не останется, как идти через железнодорожную ветку и шоссе к заводу,— излагал свои соображения Педро Родригес.— Посудина, которая доставила вас, по даным авиаразведки, отошла, чтобы не вызывать подозрений, до самого острова Ангила.

— Учтите, Педро, это сейнер только с виду.— Рамиро глубоко затянулся только что раскуренной сигарой.— На посудине, как ты говоришь, установлена очень чувствительная радиоакустическая и оптическая аппаратура. Там сидят сильные специалисты. С нами пришел ас по радио, инструктор Рекс. Как бы вас не услышали. Ты говоришь, что когда те трое высадятся, ко мне подойдет человек с рацией. Надо действовать очень осторожно! Не забывайте «Оксфорд». Стоял в десяти милях от Гаваны, а подслушивал переговоры полицейских

машнн, фотографнровал людей на гаванской набережной Малеконе.

— Ты прав, но мы уже приняли меры н, конечно, будем осторожнее! В этом деле нельзя просчнтаться. Мы тобой дорожим! И знаешь, Рамиро, я уже думаю о том, что будет дальше. Каким будет следующее заданне?

Рамнро ночью вышел на связь н передал сообщенне о своей готовности. Он указал: «Место сбора углежогов — бухта на северном побережье кораллового островка Верде».

Ночь с пятницы на субботу Рамиро провел на берегу вместе со старым рыбаком, доверенным человеком Фауре Павона. Не привыкший к условням на заболоченных коралловых островках, он страшно страдал от москнтов. И все оказалось напрасным: те, кого он ждал, не пришлн.

В следующую ночь Рамиро, расчесавший лицо, шею н руки до крови, в третьем часу забыл о москнтах. Его охватило глубокое волненне: «Неужели не повернлн? А что, если через свою агентуру получнли сведения о затее Родригеса? Нет, этого не может быть. Да н тогда проще было бы прнйтн сюда н разделаться со мной. Что же там могло стрястнсь?»

В эту самую мннуту в море мелькнула тень. Первымн заметнлн ее зоркне глаза рыбака. Рамнро просигналнл ручным фонарнком, и вскоре послышалнсь всплескн от ударов весел.

Надувная лодка, обойдя нзвестняковый уступчнк, ткнулась носом в песок, нз нее выскочнл невысокого роста, крепкнй, без фуражкн, подстриженный под профессионального борца лейтенант вооруженных снл Кубы. Рамиро не знал его в лицо.

— Рукн вверх! — скомандовал лейтенант н направнл на Рамиро пнстолет.

Сержант, спрыгнувшнй на песок следом, уже обыскнвал старика...

— Что еще за фокусы? — недовольно заворчал Рамиро, однако не оказывал сопротнвления лейтенанту, который вытаскивал пистолет из кобуры, внсевшей у Рамнро на поясе.

Третий, с чешским автоматом на нзготовку, бежал в сторону прнбрежных зарослей.

— Так будет спокойнее,— ответнл лейтенант.— Ты не мог прндумать островок повеселее? Здесь углежоги, и отсюда до берега...

— Будешь на моем месте, прндумаешь по-другому,— сердито перебнл его Рамиро.— Ты знаешь, с кем разговариваешь?

— Это лучше тебе, чико, знать, с кем нмеешь дело. Я...

И Рамнро услышал хорошо известное в эмиграционных кругах имя одного нз руководнтелей. «Должно быть, сын. Захотел повеселнться. Ну, на этот раз счнтай. что тебе повезло»,— подумал Рамнро.

— Пошевеливайтесь, чего стоите? — грубо окрикнул «лейтенант», явно показывая, что он здесь старший.— На чем отсюда пойдем?

— Прежде надо укрыть вашу лодку. У старика есть баркас с хорошим мотором, а потом на веслах. Переносите ящики! — приказал Рамиро.

— Какие ящики? Ты это о чем? — В голосе «лейтенанта» зазвучало подозрение.

Рамиро почувствовал, что оплошал. Ему ведь не должно было быть известно о задании группы. Он только теперь заметил чересчур широкие пояса-патронташи. «Взрывчатки в них,— подумал он,— должно быть, новый вид». Вслух же, чтобы перевести разговор, произнес:

— Что вчера не приходили? В штаны наложили?

— Было дело, Рамиро,— ответил «сержант» за «лейтенанта».— В самую последнюю минуту. Наш старший весь ужин рыбам скормил. Теперь у нас вот он.— «Сержант» осторожно положил руку на плечо «лейтенанта».

А тот распорядился:

— Ну, хватит! Пошли!

Диверсанты, одетые в форму бойцов революционных вооруженных сил, действовали нагло. «Лейтенант» принимал быстрые, смелые решения. Но как он ни старался, его группа вынуждена была идти к сахарному заводу, где их ждали. Обычно вход на централь не охранялся, поэтому проникнуть туда не составляло трудности. На территории завода, где диверсанты появились ближе к вечеру, во время пересмены, они повели себя как дома. Было очевидно, что им превосходно знаком план расположения цехов, известно, какое в них оборудование. То обстоятельство, что кругом на полях работали добровольные дружины военнослужащих и на территории завода было много разных людей в военной форме, благоприятствовало успешной работе диверсантов.

Действовали они порознь, поддерживая связь при помощи скрытых под рубашками ультракоротковолновых передатчиков. Пока свою задачу решал кто-то один, двое других наблюдали, подстраховывая.

— Р-три, Р-три, я Р-один. Выхожу из электрического. Увидишь меня, двигайся к своей цели,— шептал себе в грудь «лейтенант».

— Р-один, я Р-три. Тебя понял...

Третьему надлежало заложить взрывчатку под котел цеха рафинирования.

В это время «сержант», обогнув основное здание завода, подходил к машинному отделению.

— Компаньеро, вы кого-нибудь ищете? — спросил его молодой долговязый парень, выходя навстречу «сержанту» из ворот машинного. Он вытирал ветошью испачканные в масле пальцы. Если бы «сержант» внимательно посмотрел на руки парня, он бы сразу понял, что это не руки рабочего.

— Нет, мы из соседней части. Я раньше никогда не бывал на сентрале. Интересно.

— В машинном нет ничего интересного. Одно масло. В цехе рафинирования — там другое дело. Сахар! Идите лучше туда,— ответил «рабочий» и встал в воротах, широко расставив ноги.

Содержание этого разговора слышал Р-один. Поэтому, как только у него на груди зашипело: «Р-один, Р-один, я Р-два. Препятствие на проходе в машинное», он тут же ответил:

— Р-два, Р-два, я Р-один. Заверни за угол, там должен быть проем, через который подвозят нефть.

Но и там «сержанта» встретили рабочие, возившиеся у вагонетки, загородившей собой проем в стене цеха. Следующим указанием, полученным «сержантом», было:

— Р-два, иди к приемнику-транспортеру, в конце его закладывай под котел с патокой. Смелее! Не тяни!

Р-три доложил о выполнении, и «лейтенант» распорядился:

— Р-два, Р-два, я Р-один. Мы отходим к гаражу. Ждем тебя там. Пошевеливайся!

— Порядок! Иду! — ответил «сержант».

Как только трое диверсантов скрылись за поворотом дороги, ведущей на тростниковые поля, в ворота сентраля въехали четыре крытых грузовика с саперами. Директор завода объявил по радио о немедленном прекращении работы во всех цехах, кроме машинного отделения, и о сборе всех рабочих у здания правления. Не более чем через десять минут все три пояса-патронташа были обнаружены. Два из них обезврежены, а третий положен между котлом и стенкой цеха рафинирования.

Завод был подорван примерно через полчаса после ухода диверсантов. Дирекция и местные органы безопасности побеспокоились о том, чтобы не распространились ненужные слухи. Сразу после взрыва сентраль окружили войска.

В последующие дни в газетах было опубликовано сообщение о взрыве завода. В заметке «Происки врагов революции» говорилось, что «трудящиеся района ответят на эти выпады врага подъемом трудового энтузиазма». Через месяц те же газеты сообщили, что завод полностью восстановлен и теперь производит сахар больше обычной нормы.

В день празднования годовщины победы на Плайя-Хирон Эль Гуахиро доставил на Кубу новую партию, теперь уже из пяти человек. То была группа опытных агентов. В их число

входил и Тико Эррера, ас-разведчик, который уже не раз высаживался на острове с ответственными заданиями.

Рамиро знал, что прежде всего ему следовало провести своих подопечных поодиночке мимо одной из условленных точек — толстого, разбитого молнией дерева, что стояло у тропинки, пролегавшей через топь, или заброшенного домика углежогов. Таким образом, хотя дело и происходило ночью, аппаратурой, скрытой в стволе дерева и в стене хижины, были получены фотографии всех агентов.

В задание разведывательной группы входили визуальный сбор сведений по определенным объектам, связь с уже осевшей, но пока бездействующей агентурой, получение информации, установление новых контактов — преимущественно с родственниками находившихся в Штатах гусанос. Рамиро знал об этом и поэтому, перед тем как отправиться обратно на сейнер, в беседе с Педро Родригесом настаивал на аресте заброшенных в этот раз агентов.

— Это вам не те трое юнцов,— убеждал Рамиро.— Они такое натворят... С ними шутить нельзя.

Рамиро так настойчиво уговаривал, что Педро Родригес доложил о его опасениях в Гавану. Однако там решили не спешить, а лишь усилить наблюдение за действиями агентов. В результате в распоряжении органов безопасности оказались ценные сведения о работе отдельных ячеек контрреволюционного подполья, были засечены новые связи, обнаружены остатки уже ранее разгромленных групп.

Прошло четыре недели, и Рамиро вновь высадился у островка Эскивель. Он привез с собой крупную сумму денег для лейтенанта Фауре Павона. Рамиро надлежало провести его формальную вербовку. За согласие лейтенанта постоянно работать на «Альфу» в банк, который он укажет, на его имя должно быть положено двадцать тысяч долларов, не считая определенных сумм вознаграждений за выполнение каждого задания. Рамиро доставил и портативную рацию РС-48, на которой следовало научить работать Фауре. И это задание он выполнил успешно, возвратившись в Майами вместе с пятью агентами — живыми и невредимыми. Акции Рамиро неимоверно возросли.

В ЦРУ им были довольны. Счет его в банке «Джефферсон Нейшнл», отделение Майами-Бич, заметно рос. В отделах же приступили к разработке планов более интенсивного использования нового и бесперебойно действовавшего «окна». Вскоре Фауре Павон сам принял в одну ночь сразу восемь человек. Рамиро, который сопровождал этих людей на надувных лодках до островка Верде, успел сообщить старому рыбаку, что «группа представляет собой повышенный интерес, так как ее высадке придают особое значение».

Когда уже на рассвете вторая четверка — прибывшие были одеты в форму вооруженных сил Кубы — выбралась иа топкий берег восточиее Караатаса, из зарослей кустарника донеслось властное приказаиие:

— Стой! Кто такие?

Черный как смоль, с кошачьими повадками крепыш сорвал с груди автомат, остальиые повалились иа мокрую землю, ио Фауре, опережая выстрел, придержал автомат и крикиул:

— Солдат Фатуте, это свои! На пост!

— Слушаюсь, мой лейтеиант! — Солдат козыриул и пошел прочь.

По стволу поваленного дерева ои перебрался через чистое, ие поросшее болотиой растительиостью место. Еще через миг ои скрылся бы в мангровой чаще. Фауре взял из рук крепыша автомат и пустил очередь в спину солдата. Тот взмахиул руками, выроиил винтовку и повалился лицом в вонючую жижу.

— Уходите скорее! Контакт со миой через Цеитр. Быстрее! — Фауре знал, что каждый агент имел свою рацию.

Крепыш получил свой автомат обратио из рук Павоиа и, пока остальные подиимались, направился туда, где упал солдат:

— Ты что? — спросил Павон.— Уходить надо!

— Прежде добить иадо!

— Это дело мое! И так стрельбу открыли. Быстрее, пока живы! Здесь рядом еще пост. Уходите! Связь через Центр!

К крепышу присоедииился было агент, у которого вместо оружия в руках поблескивал иож, ио старшему группы передалось иебезосиовательиое волнение Павоиа, и он крикиул:

— Выполиять приказ! Отходить!

Сцеиа с солдатом, разыграиная специальио, чтобы на время прикрыть «окно», удалась. Фауре был ие только хорошим шахматистом, ио и превосходио владел оружием самых разных систем. Ни одна из пуль пущеииой им очереди ие задела солдата.

Одиако таким образом был создаи предлог подольше задержать группу иа острове. Преследовалась цель заставить ее члеиов действовать вие рамок заранее отработанного в деталях плана. В подобиых ситуациях агенты разведслужб обычно вынуждеиы переходить иа запасиые варианты, вести себя по своему усмотрению, выявляя при этом методы, прииятые (в даиюм случае) в ЦРУ, раскрывая убежища, приготовлеииые иа случай длительиого оседаиия, давая в руки коитрразведывательиых оргаиов материал, по которому можио судить о иаличии запасных «окои».

Наблюдение первых же дней показало, что в группу входили два американца. Их интересовали сведеиия сугубо воеииого характера.

Одии из яики сразу направился в порт Кабаиьяс, где связал-

ся с мотористом, работавшим в запретной зоне порта. Радиосеансы этого разведчика были запеленгованы и записаны, но код, которым он пользовался, раскрыть не удалось. Не удалось и удержать его под контролем. Получив сведения от моториста, он как сквозь землю провалился. А неделю спустя после того, как янки исчез из поля зрения сотрудников оперативной группы, поблизости от островов Инес-де-Сото, что напротив порта Ла-Эсперанса, засекли неизвестную подводную лодку. Скорее всего, она приходила за этим ловким разведчиком.

Второму янки устроили аварию. Автомашина, в которой он ехал с одним из действовавших на Кубе агентов, столкнулась с грузовиком и скатилась в кювет. Агент отделался легким ушибом, и его не стали задерживать, американца же, который сломал руку и от боли потерял сознание, доставили в больницу. Осмотр его вещей и документов заинтересовал полицию. Но после первого допроса разведчика обнаружили в палате мертвым. Он отравился ядом из капсулки, зашитой у него под кожей на левой руке.

Тем временем Рамиро, который на сей раз ожидал возвращения членов группы в доме старого рыбака, регулярно выходил на связь. Он сообщил, что солдата, в которого стрелял лейтенант, разыскали, и на этом оборвал передачу. Через неделю — Рамиро хорошо знал, как все эти дни нервничали в ЦРУ,— он объяснил, что возникли обстоятельства, которые мешали ему работать, и что найдены винтовка и обрывки одежды солдата, а труп его съеден крокодилами. Обстановка в районе напряженная. Лейтенанта Павона вызывали на доклад к начальнику — вначале в главный город провинции, а затем и в Гавану.

Два месяца наблюдения дали ценный материал, и, когда стало ясно, что дальнейшая слежка ничего нового не даст, Рамиро сообщил по радио о готовности вывести группу в море и без осложнений с этим справился.

Затем через «окно» Фауре Павона на Кубу отдельными партиями было заброшено еще девять человек, которые осели в Гаване и других городах.

Прошел почти год с того дня, когда Рамиро получил удар по голове рукояткой от руля. Органы безопасности Кубы собрали за это время обширный компрометирующий ЦРУ и организации кубинских контрреволюционеров материал. Назрела необходимость проводить операции по ликвидации вражеской агентуры. Но...

Но прежде следовало возвратить Рамиро Фернандеса на Кубу... В противном случае он, вне всякого сомнения, подвергался бы серьезному риску.

Между тем руководство ЦРУ, как нарочно, больше не использовало его по мелочам. Им не хотели зря рисковать. Так

везде в один голос и отвечали ему: «Эль Гуахиро, вы ценный человек! Разве можно рисковать вами, часто ставить вашу жизнь на карту?»

На самом же деле Рамиро грозила опасность. Кому-то в аналитическом центре ЦРУ пришла в голову мысль: не является ли странным тот факт, что все задания, даваемые Эль Гуахиро — шахматисту в течение года, выполняются без сучка и без задоринки, в то время как усилия, направляемые по другим каналам, взять хотя бы «Белую розу», «Альфу», «Омегу», Революционную хунту и другие антикастровские организации, терпят провал за провалом?

Отделу, к которому был приписан инструктор Сонин, не удалось отвести возникшее подозрение, и над Рамиро навис дамоклов меч.

Эль Гуахиро ни о чем не догадывался. Впервые он жил с сознанием, что кому-то нужен, с чувством, что исполняет долг — рискует собой ради родной Кубы. Как-то в одну из многочисленных ночных бесед с Педро Родригесом, в уютной квартирке, после работы на заводе, Рамиро спросил Педро, куда они ведут Кубу, к чему стремятся. И Эль Альфиль сказал: «Чтобы новый кубинец сознавал, что защита интересов родины есть его священный долг».

Свободного времени у Рамиро было хоть отбавляй. Субботние и воскресные вечера он неизменно проводил с Мартой. Той очень хотелось снять небольшую меблированную квартиру или даже купить ее — их возможности позволяли сделать это — и жить вместе. Марта знала, что у Рамиро есть немалые средства, но не знала, как он их зарабатывает, и это сдерживало ее. Не могла она забыть и состоявшийся однажды разговор, когда на вырвавшиеся у нее слова — не создать ли им семью? — Рамиро ответил так сбивчиво, так уклончиво и неясно, что лишил ее всякой надежды.

В обычные дни недели Рамиро, неожиданно для самого себя, завел привычку сразу после обеда, а то и с утра отправляться в Бейфронт-Парк, в публичную городскую библиотеку. Там, в тиши просторных залов, он с жадностью принялся пополнять и систематизировать свои знания.

Теперь ему стало известно, что полуостров Флорида, в юго-восточной оконечности которого расположен Майами, открыл в 1513 году Хуан Понсе де Леон. Испанский завоеватель, увидев в марте месяце расцвеченную неисчислимым количеством красок землю, назвал ее Паскуа Флорида — Цветущая Пасха. А Майами — это записанное по-французски индейское слово «маумее» и означает оно «мама».

«Да, для многих заблудших земляков — одни испугались, струсили, другие, как и я, рвались к райской жизни — этот

благодатный уголок земли стал второй матерью,— подумал Рамиро,— но, как неблагодарные сыновья к матери... так и мои земляки. Майами на глазах хиреет. И янки!.. Не по нутру им наш темперамент, наш образ мыслей, наша жизнь. Потихоньку целыми семьями снимаются. Город становится негритянско-кубинским. Одна треть негров, одна треть — уже порядка четырехсот пятидесяти тысяч — кубинцев...»

Рамиро узнал также, что Хосе Марти, создававший в 1892 году среди эмигрантов, проживавших во Флориде, Кубинскую революционную партию, проездом бывал в Майами, тогда небольшом поселке, называвшемся Флаглер. Неуклюжая и уже немолодая библиотекарша, когда принесла заказанные им книги Марти, открыла страницу, на которой цитировались статьи Хосе Марти, опубликованные им в газете «Патрия». Рамиро прочел: «Вряд ли разумно подталкивать Кубу к аннексии страной, где народ с каждым днем все более обескровливается внутренней борьбой и где с неумолимой силой возникают проблемы в тысячи раз более глубокие и сложные, чем те, что стоят сейчас перед народом Кубы».

Эту фразу библиотекарша, на редкость чисто, без акцента говорившая по-испански, отметила своим твердым ярко-красным ногтем. Рамиро ничего не сказал, лишь учтиво поблагодарил. Когда же он в тот же вечер сдавал книги, «женщина-монстр» любезно предложила:

— Сеньор Фернандес, мы вчера получили новый сборник речей и выступлений Кастро. Хотите, я вам его завтра оставлю?

— Не надо! Там ничего не может быть интересного.— Рамиро уже познакомился с этим сборником в библиотеке школы, куда поступали не только издававшиеся на Кубе газеты, но и наиболее значительные книги.

В первую же встречу в школе с инструктором Сонни Рамиро спросил:

— Скажи, Сонни, ты, случайно, не знаешь библиотекаршу из «Майами паблик лайбрери»? В очках, кривоногая, страшней ее там нет.

— Кто ее не знает? — ответил инструктор.— Отец ее пять лет отсидел по обвинению комиссии по расследованию. Да и она сама коммунистка. Не нашел что-нибудь поприличнее?

— Ты это лучше директору библиотеки скажи.— Рамиро достал из нагрудного кармана две сигары «Ромео № 1. Люкс» в алюминиевой трубочке и одну предложил Сонни.

— Богато живешь, Фернандес! — с нескрываемой завистью заметил янки.

— Бедно живут только дураки, инструктор,— ответил Рамиро и направился в класс.

Если бы у Рамиро на затылке были глаза, он увидел бы коварную ухмылку на лице Сонни.

В следующую субботу, полюбовавшись с набережной морем и надышавшись его соленой свежестью, Рамиро поехал к Марте. Она торопливо вышла из дому и бегом направилась к машине. Рамиро сразу почувствовал что-то недоброе.

— Дорогой, я звонила тебе вчера весь вечер...— теребя сумочку и явно волнуясь, заговорила Марта.

— Не ревнуешь ли? — Рамиро попытался шуткой развеселить Марту, но та лишь махнула рукой.

— Оставь, радость моя, не до этого. Я хочу есть! Специально не завтракала. Давай поедем в ближайшую пиццерию. Так люблю эту итальянскую еду. И не пойдем сегодня в ресторан? А?

Когда принесли бутылки кьянти и дымящиеся пиццы с анчоусами, Марта, отправив кусок пирога в рот, тут же заговорила:

— Рамирито, любовь моя, я не хочу, чтобы они меня затянули. Что-то надо делать! Это страшные люди! Они ничего не боятся. У них нет ничего святого...

— Постой! Погоди! Так можно и подавиться, Мартика. Поешь, девочка, потом расскажешь.— Рамиро ловил ножом тянувшуюся за куском пиццы нить расплавленного сыра.

— Нет, я не могу молчать ни минуты! Я знаю, ты любишь, чтобы по порядку. Значит, так! Еще в понедельник ко мне заехала Кика. Это моя знакомая — мы одно время снимали вместе комнату. Подругой она мне не была, просто хорошая знакомая. Мы не виделись больше года. И вот... приехала раз, потом второй. А вчера... Вчера хозяин и хозяйка уехали на уик-энд. Она явилась, мы поужинали у меня, выпили ликеру.

— Хозяйского? — Морщинки у глаз Рамиро собрались в гармошку.— Ты угощала?

— Нет, Кика с собой привезла. Выпила, расплакалась и все мне начистоту выложила. Если узнают, они с ней что-нибудь сделают.

— Да кто это «они»? Марсиане? — Рамиро положил вилку рядом с тарелкой.

— Хуже! Кику заставили сделать вид, что она влюблена в Адальберто. Она заманила его на виллу, а там... Ты знаешь, как вся колония его хоронила. Кика боится, но ее заставили прийти ко мне. Она и сказала, что им нужны настоящие кубинские патриотки. Сказала, что они очень рассчитывают, надеются на меня...

— Да кто это «они», Марта? Не делай пиццу невкусной! И что это за птичка твоя Кика? — Рамиро налил доверху стакан кьянти.

— Кика, когда мы с ней перестали видеться, тут же встретила Фелипе Риверо. Стала с ним... Теперь она... И они...—

Сквозь грим на верхней губе Марты проступили росинки пота.

— Стоп! — Рамиро поднял руку.— Это надо обсудить на сытый желудок, Марта. Давай поедим.— Улыбка получилась у него достаточно кривой.

Рамиро превосходно знал, кто такой Фелипе Риверо Диас. Бывший батистовский чиновник, владевший акциями медных рудников Матамбре, еще в 1960 году в Нью-Йорке основал организацию, названную им «Кубинское националистическое движение». С первых же дней своего существования немногочисленная группировка эта, объединившаяся вокруг таких отчаянных людей, как братья Игнасио и Гильермо Ново Сампол, Сантьяго Гонсалес Наранхо, Мигель Сампедро, объявила, что ее конечная цель — создание на Кубе режима, подобного тому, который установил в Италии еще в 1922 году Бенито Муссолини.

Этот же Фелипе Риверо Диас в апреле 1961 года, будучи плененным на Плая-Хирон, был вместе с другими наемниками приглашен в студию Гаванского телевидения. Ответы Риверо на вопросы кубинских журналистов обнаружили его незаурядную эрудицию, достаточно глубокую культуру, бесстрашие и политический фанатизм. Он открыто осудил за провал вторжения американский империализм, стоявший за спиной бригады № 2506, и во всеуслышание заявил, что он — откровенный приверженец идей итальянских фашистов и испанских фалангистов.

С той поры акции Фелипе Риверо, как ни странно, возросли, несмотря на то что он так же упрекнул кубинскую буржуазию, госдепартамент и Белый дом в том, что по их вине «на Кубе процветает коммунизм». Националистические идеи Риверо Диаса и его дружков, однако, не имели, да и не могли иметь, успеха среди гусанос. И тогда в дипломатических, торговых и иных представительствах Кубы и Канады, Мексики, Англии, Японии — стран, в той или иной степени сотрудничавших с революционной Кубой,— стали одна за другой рваться бомбы. В 1964 году был совершен, к счастью неудавшийся, выстрел из миномета по зданию ООН в Нью-Йорке.

Федеральное бюро расследования заставили поприжать фашиствующих гусанос, и Риверо Диас угодил на несколько лет за решетку. Вскоре «движение» изменило свою тактику, убедившись в том, что бомбы против дипломатических представительств лишь вызывают, как следствие, аресты и широкое осуждение в международном масштабе.

Теперь Риверо Диас обвинил таких видных руководителей кубинских контрреволюционеров, как Торрьенте, Масферрер, Артиме, Санчес Аранго, Маноло Рейес, в том, что главными виновниками морального разложения, политической разобщен-

ности и физического распада антикастровских сил являются они и им подобные политические деятели, которые уже давно своей деятельностью преследуют личные, корыстные интересы. Было заявлено, что за подобное «преступление» лица эти должны понести заслуженную кару. Таким образом, утверждали люди Риверо Диаса, «на основе ликвидации предателей будет произведена оздоровительная чистка эмиграции».

Все это в один миг всплыло в сознании Рамиро Фернандеса, и, как бы еще продолжая вспоминать, он произнес весьма невесело:

— «Торрьенте, положивший себе в карман четыре миллиона долларов, собранных в кассу «национальной прогрессивной коалиции»,— вредное насекомое... а их просто следует давить!» — так в январе заявил журналу «Реплика» твой Риверо Фелипе.— «Торрьенте умрет в час ноль-ноль!» Сейчас начало апреля, а Торрьенте весело живет. Я за то, чтобы угроза Риверо не осталась пустым словом...

— Да и он сам такой же! Аристократ, купается в золоте, любит сладкую жизнь. Кика из-за него страдает — хочет наложить на себя руки, утопиться...

— Надо срочно научить ее плавать,— перебил Рамиро. У него созревал план, как сделать так, чтобы отпала заинтересованность Риверы Диаса Мартой, красивой, одинокой, ни с чем не связанной женщиной.— Марта, ты мне веришь? Знаю — не до конца! Но в главном веришь?

— Да, Рамиро! Да, верю. Очень! Когда любишь...

— Ну вот! Скажешь в следующий раз своей Кике, что я сделал тебе предложение и что ты раздумываешь, но, поскольку... нет ничего лучшего... склоняешься к тому...

— Рамиро, побойся бога! Как ты можешь такое говорить?

— Так надо, Мартика! — уговаривал Рамиро, вкладывая в голос всю нежность, на которую только был способен.— Точно так надо ей сказать! «Поскольку нет ничего лучшего...» Поглядим, что будет дальше. Надо выиграть время.

— Хорошо, Рамиро, как скажешь,— покорно согласилась Марта.— Только вот еще... У меня от тебя секретов нет. Но, ради бога, не сделай хуже себе. Кика так и сказала, прощаясь со мной: «Помни! Фелипе — человек слова! Пепе Торрьенте осталось жить не больше недели!»

— Пусть грызутся! Лишь бы нас с тобой не трогали, Мартика. Кончай свою пиццу, и едем на пляж. Ты знаешь, вчера я дочитал «Семь грехов» Эрнандеса Ката. Превосходно! Советую. Теперь берусь за «Контрабанду» Энрике Серпы. Хочешь, поедем в Коллинз-Парк или в «Бас-клаб»? Отлично проведем день. Но главное, Марта, помни: нам с тобой необходимо выиграть время!

Однако время работало не на Рамиро. Каждая неделя приносила ему новые, далеко не приятные сюрпризы.

В следующую пятницу Рамиро намеревался с утра просмотреть книги, подобранные для него «женщиной-монстром» по теме «Социологи о развитии современного общества». Но кривоногой библиотекарши за стойкой не оказалось, и книги ему принесла молоденькая стройная девушка. Он посмотрел вслед грациозно удалявшейся восвояси девице и подумал, что ей более подходило бы красоваться в дансинге, в бикини на пляже, а то и в постели на киноэкране.

Однако это рассуждение тут же сменилось недовольством, как только Рамиро принялся разбирать стопку книг. Николас Гильен, Алехо Карпентьер, Хулио Кортасар, Рубен Мартинес Вильена...

«Какого черта! — ругнулся он про себя.— Что за выходка?» — и Рамиро немедленно направился к стойке.

— Querida! Darling![1] Я просил социологов, а не коммунистов! — нарочито громко произнес он, вертя в руках чужие книги.

— Извините, произошла маленькая путаница.— Щедрая, обворожительная улыбка озарила юное, казавшееся непорочным лицо.— Вот ваши книги,— и девушка указала на стоявшего тут же кубинца средних лет.— Он тоже Фернандес. Извините!

Длинный, узкоскулый человек, названный Фернандесом, с худой шеей, на которой выдавался острый кадык, с интересом листал книгу. Рядком лежали приготовленные для Рамиро издания.

— Забавная подборка! Здесь есть кое-что эдакое, из-за чего зря не потеряете время.— На первый взгляд блеклые, выцветшие глаза ожили и засветились, и свет этот показался Рамиро единственной приятной деталью в облике однофамильца.— А мой заказ по логике вещей, конечно же, оказался у вас. Мне очень приятно! Рауль Луис Фернандес. Бухгалтер, временно без работы,— представился долговязый и стал складывать книги одну на другую.

Рамиро хотел было тут же обменять те, что находились у него в руках, но долговязый Фернандес заметил:

— Идемте, сегодня я устроюсь в вашем углу. Там посвободней! С таким букетом идей и мыслей в руках приятно хотя бы прошагать по залу. Редко сегодня встретишь соотечественника, которого так вот, всерьез, волнует ответ на коренные вопросы общественной жизни в условиях... империализма.

Фернандес аккуратно опустил стопку на край стола, у которого остановился Рамиро, взял у него свои книги и сделал

[1] Дорогая (*исп., англ.*).

шаг к свободному столнку, но тут же Рамнро лоспешно прошептал:

— Вы курнте? К однннадцатн пойдем передохнуть?

Закурив — наслажденне, которое европейцам впервые открыли аборигены, населявшне берега острова Куба во времеиа Колумба,— оба Фериаидеса селн на масснвиую чугунную скамейку перед небольшнм бассейном с рыбкамн под не очень густой тенью королевских пальм. По правую руку от ннх вндневлась опрокннутая гигантская раковнна, прнкрывавшая эстраду.

— Ага! Вот то, что вы мне сейчас сказалн, дает объясненне, отчего это вы пребываете в состояннн понсков обобщающей соцнологнческой теорнн.— Фернандес отшвырнул сигарету н с удовольствнем потер рукн.— Современные соцнологи, особеиио там, в Европе н... дальше, давно прншлн к сознанню необходимостн диффереицированиого подхода к оценке различных соцнологических идей и, повторяю, нуждаются в обобщающей теорни.

Рамнро ие очень поинмал, о чем вел речь его собеседник, н злнлся иа себя н на него. Фернандес же поглядел в упор и задал вопрос:

— Вы делаете внд нлн действнтельно не понимаете, что я говорю... о марксизме?

Рамиро сиял ногу с ногн, отшвырнул носком гальку через дорожку, посыпанную желтым морскнм песком, н встал.

— Ты к какой организацни прннадлежншь? Еслн к «Кубннскому нацноналнстнческому двнженню», то передавай прнвет Фелипе Риверо,— сказал довольно грубо Рамнро н собрался было зашагать к зданию библиотекн, но длиииоиогнй Фернандес — как только не переломнлнсь его конечностн! — проворно вскочил и преградил ему путь, шнроко улыбаясь.

— Ну зачем же так сразу, Фернандес? Фашизм н его иден — это, честио скажу, не мое кредо. Не по мне! Мы с вамн связаны одиой судьбой. Апатрнды! Мы товарнщн по несчастью... А Риверо Днас н нже с ним не прннесут нам нзбавления. Однако и ие нден Штнрнера, Прудона, Бакуннна, смею вам заметнть! Так что таким, как мы, следует держаться вместе. Наша сила в еднненин.

— Хорошо! В два поедем обедать. Я угощаю! — уже мнрно ответил Рамиро. Ему, с одной стороны, было просто ннтересно новое знакомство с человеком явно незаурядным, весьма отлнчным от остальных кубннскнх эмнгрантов, а с другой — следовало ответить на вопрос, почему этот Фернандес вот так, вдруг, появнлся на его дороге?

В середине дня оба онн оставилн читальный зал, чтобы отправнться иа обед. В парке нх вниманне привлекла шумевшая и быстро растущая у эстрады толпа.

— Что-то случилось,— первым заметил Рауль Луис.— Будем снова митинговать...

Бейфронт-Парк вот уже десять лет как являлся излюбленным местом кубинских эмигрантов для встреч, сборов и различного рода собраний и манифестаций.

— Похоже, что-то серьезное! — И Рамиро остановил спешившую мимо кубинку в короткой юбке.

— Вчера ночью выстрелом в спину и тремя в голову убили старика Торрьенте около его дома. Сейчас передают по радио,— сообщила та, не поднимая головы, и заспешила к эстраде.

— To the victors belong the spoils[1],— сказал Рауль Луис, лицо его ничего не выражало.— А победителей уж нет!

— Четыре миллиона, собранные на общее дело, этими выстрелами не возвратить! Но урок другим будет! — И Рамиро выплюнул набор бранных слов.— Мы грызем галеты «Госо», а кое-кто...

— По вас это не видно, мой друг,— не без иронии заметил Рауль Луис.— Но все, что ни делается, к лучшему!

— Каждый занимается своим! Хотите есть — поехали! — отрубил Рамиро и указал на «шевроле».

Расстались они после обеда, а наутро Рамиро был уже снова в библиотеке и рассказывал историю с книгами «женщине-монстру».

— Этот Фернандес много знает. Энциклопедист. Спиноза! Не признается, но я вижу, что в душе он рассуждает правильно. Вы пообщайтесь с ним — многому научитесь,— заметила она.

«Спиноза! Уж очень все знает. Давит. Долго быть с ним рядом — стошнит»,— подумал Рамиро и спросил:

— А с чего это он такой умный? Что читает?

— Да вы взгляните на его карточку,— предложила библиотекарша, и Рамиро установил, что его новый знакомый не случайный посетитель, он уже два года как является постоянным читателем «Майами паблик лайбрери».

«Осторожность не мешает. Ведь есть что-то... непонятное»,— оправдывал самого себя Рамиро.

В тот же день он с удивлением узнал и то, что Фернандес был близок с красоткой Долли — так звали молоденькую библиотекаршу. И еще раз убедился, что внешность мужчины отнюдь не всегда является решающим фактором, женщину куда более привлекает интеллект, умение бойко, уверенно держаться и говорить, внушать ей веру в себя, в свои силы. Узнал он и то, что Фернандес человек весьма независимых взглядов, поэтому и безработный.

Их знакомство переросло в приятельские отношения. Они

[1] Добыча принадлежит победителям (*англ.*).

стали вместе бывать на ипподроме, где в центре круга, в прудах, жили розовые фламинго и лебеди; появлялись в кино, во Фронтоне, на собачьих бегах. Рауль Луис не играл, давал лишь — и иной раз весьма точные — рекомендации. Он хорошо знал Майами, окрестности его, людей и разные организации и кубинскую эмиграцию. Его, однако, знали не многие. Видно, потому, что сам он явно к этому не стремился. Он был затейником, помнил массу занимательных историй, умел рассказывать анекдоты. Чего совершенно не умел Рауль Луис, так это играть в шахматы. Но он с удовольствием ходил с Рамиро в клуб и терпеливо и подолгу ожидал его там.

Со временем Рамиро отметил, что всякий раз, как он или кто другой заводил разговор о Кастро, Рауль Луис отмалчивался, не поддерживал беседы. Но однажды, после нескольких лишних рюмок, выпитых на коктейле в «Госпитале ветеранов», куда они были приглашены администратором-кубинцем, в машине по дороге домой Рауль Луис обронил пару лестных фраз в адрес Кастро и новой Кубы. И это насторожило Рамиро.

В середине мая, после просмотра нового фильма о Кубе, инструктор Сони отозвал Рамиро в сторонку. Лента была приобретена за большие деньги в Швейцарии у какого-то дипломата, которому удалось заполучить пленку в Праге у чешского специалиста, только что возвратившегося из Гаваны. Ее смотрели многие неизвестные Рамиро приглашенные. Сони представил толстенького, лысеющего человека с маленькими, цепкими глазками и просил подвезти того на Коллинз-авеню, в отель «Сан-Суси». Из разговора, который состоялся по дороге, Рамиро смог сделать единственный, совершенно определенный вывод: приезжий американец с лисьими глазами осторожно интересовался Раулем Луисом.

Прошло еще два уик-энда. Первый они с Мартой провели в клубе «Индиан Крик Кантри», а во второй летали в Вашингтон. Рамиро давно обещал показать своей любимой «белую столицу великой страны».

С начала этой недели он занимался сочинениями апологетов детерминизма и экзистенциализма, разбираясь в том, что такое свобода и необходимость, и, делая паузу и отдыхая, читал «Мартина Идена». Джек Лондон ему нравился. Читать его было легче, чем Хемингуэя. В этом они сходились с Раулем Луисом.

Раскуривая сигарету в парке, Рамиро подумал, что вот уже несколько дней не видел своего нового приятеля. «Не заболел ли он? Где его тогда искать?» Но рассуждения прервал Рауль Луис, показавшийся на дорожке. И без того бледное лицо его было желто-серым, черные круги под глазами и бескровные губы выдавали усталость и волнение.

— Что происходит, Рауль Луис? Влюбился? Страдаешь?

С таким, как ты, всевышний так и поступает. На тебе лица нет!

Рамиро предложил ему выкурить «Измир», настоящую турецкую сигарету.

— Да нет, ничего! Все о'кей! С чего ты взял? — Рауль Луис сделал две глубокие затяжки.— Все девы мира одинаково... привлекательны, а влюбляться — занятие пустых, неполноценных мужчин.

— Ладно! Как хочешь. Только любую ношу на двух спинах всегда легче нести. Скажи, чем это все закончится? Одни убирают Торрьенте, другие мстят за него. Бьют и уничтожают друг друга. Чем это кончится?

— Поражением одних и победой других,— рассеянно и не очень понятно ответил Рауль Луис и неожиданно спросил: — Рамиро, если мне понадобятся четыреста — пятьсот долларов, ты сможешь одолжить? Я непременно верну их!

— Если у меня будут свободные, когда потребуется, поговорим. Вечером поедем в кафе.

После пяти они заглянули в малолюдное кафе выпить по чашке шоколада с бисквитами. Рамиро показалось, что за ними наблюдают. По дороге в «Бискейн Хай-Алай-Фронтон» он убедился в этом. Как только окончилась первая партия, Рамиро пошел к телефону и, вернувшись, сказал Раулю Луису, что должен на час отлучиться.

Ни двое мужчин — молодой и пожилой,— ни ярко накрашенная женщина, кого Рамиро определил наблюдателями-филерами, не тронулись со своих мест. Однако, когда Рамиро оказался на Тридцать шестой улице и пошел вниз, у первого же перекрестка на него наскочил подстриженный под спортсмена дылда, извинился и исчез.

«Не хватило тебе места! Проверим!» — с этими словами Рамиро толкнул дверь ближайшего бара и прошел в туалет. Там он снял с себя пиджак и при тщательном осмотре на спине, у левого рукава, нашел липкую точку.

«Миниатюрный электронный датчик! Так! Выходит, что это за ним. Ко мне прямого отношения не имеет. Меня берут как связь. Чем же ты занимаешься, Фернандес? Все уголовное исключается. Политика? Значит, ты против них... Вот оно тайное, высказанное в пьяном состоянии. Фидель Кастро! А если и он такой же?.. Какого дьявола ему тогда делать рядом со мной? Ну а если не знает? Не имеет возможности проверить? Вот задача! Наэлектризован — не такой, как обычно. Чувствует, что не все в порядке. Надо высказать ему как бы невзначай... Нет, следует подумать...» — рассуждая так, Рамиро покинул бар.

Зайдя за угол, он догнал шедшего в пяти метрах впереди него мужчину, пересадил датчик ему на спину, галантно из-

винился за нечаянный толчок и влетел в первую попавшуюся дверь аптеки.

Однако тут же он осудил себя за эту поспешность. «К чему? По номеру машины установят, кто я такой. Да ладно! Пусть не думают, что я глупый, и пусть побегают за тем техасским фермером. Хотя ведь это тоже служба. И они ее обязаны нести исправно. Палачи тоже люди, и у них есть жены, дети... Нет, это сидящее в каждом чувство неподчинения чужому превосходству взяло верх. Напрасно! Все равно ведь возвращаться».

В кафе по окончании очередной партии Рамиро предложил своему приятелю пораньше отправиться по домам. Перед тем как им расстаться, Рамиро сказал:

— Давай, Рауль Луис, завтра сходим в зоопарк. Я давно там не был. Если есть время, встречаемся в двенадцать в кафе напротив, за столиками под тентом.

Рауль Луис согласился.

Утром Рамиро удостоверился, что за ним нет наблюдения, оставил «шевроле» на Сто двадцать пятой улице и за полчаса до встречи прошел в бакалейную лавку, находившуюся ярдов в восьмидесяти от кафе. Через стекло витрины он видел, как на такси подъехал Рауль Луис и тут же причалил серый «додж», из которого выскочили старик и два молодых парня. Проворный старикашка с одним парнем сел, как и Рауль Луис, за столик. Второй стал прохаживаться по тротуару.

Минут через десять Рамиро позвонил из лавки в кафе. Он видел, как официант подошел к Раулю Луису и тот отправился внутрь помещения к аппарату.

— Алло, это Рамиро. Послушай, Рауль Луис, у меня срочное дело. Не могу приехать сейчас. Жди меня в холле моего отеля в четыре. О'кей!

— Обязательно! Мне нужна твоя помощь,— в голосе Рауля Луиса звучало неподдельное волнение.— Не в деньгах. Буду ждать!

— О'кей! В четыре! — И Рамиро положил трубку.

Рауль Луис вышел под тент и направился прямо к столику, за которым сидел старикашка с парнем. «А, сволочь!» — пронеслось в голове Рамиро, но Фернандес проковылял мимо к стенду с газетами, взял одну, бросил в блюдце никель и возвратился к себе за столик. «Так! Хорошо! Обоюдного контакта нет. Привязан лишь он. И не подозревает! Надо помогать!»

Оказавшись в номере лишь после двух, Рамиро отдохнул, принял холодный душ. Он взвесил все и твердо решил, что будет действовать на грани, соблюдая максимум осторожности.

Легкий стук в дверь застал Рамиро выходившим из ванной в халате. То был Сонни и с ним рыжий незнакомец.

— Извини, что без звонка. Знакомься.

Рыжий откинул полу пиджака, у пояса висел знак сотрудника ФБР.

— Слушай, серьезное дело, Гуахиро! Хорошо, что тебя застал. Что-нибудь прохладительное есть? — И Сонни сам раскрыл холодильник, в котором на верхней полке стоял высокий стеклянный кувшин, полный апельсинового сока.— Утром оживляет, ночью убивает, а днем в самый раз! Гуахиро, сегодня к вечеру эту жердь, с которой ты встречаешься в библиотеке и шляешься последнее время — ты меня понимаешь? — сегодня вечером его будут брать!

Сонни и фебеэровец пристально глядели на Рамиро, у которого, к счастью, в тот момент развязался поясок халата, он распахнулся и обнажил голое тело.

«Они ждут! Что делать? Думай, Рамиро! Все ломается. Думай! Он уже, наверное, внизу. Горит! Думай, Рамиро! Он свой! Как же он вышел на меня? Надо спасать! Завалюсь и сам...»

— Извини! Я не могу за него быть в ответе. Наркотики? Контрабанда? Мокрое дело? Сутенерство? — Рамиро машинально запахивал халат, а под черепной коробкой пульсировало: «Педро, что делать? Надо выручать! Имею ли право? Да! Поменять бы нас местами? А правила? Дисциплина! Закон! Погорел один... Нет, не имею права! Педро... Как должен поступить коммунист? Ты — новый человек...»

— Ни то, ни другое, ни третье! — Сонни поставил на телевизор стакан, покрывшийся мелкими бусинками влаги.— Ну, мы пошли!

«...Коммунист — это тот, кто выигрывает. Фернандес, потом тебе будет поставлен памятник, и я первый положу к нему цветы. Прости, друг!» — пронеслось в голове. Рамиро затянул поясок.

— Погоди, Сонни. Ты молодец! Хорошо, что приехал! По телефону я мог бы и не ответить. Жарко! Что делать? В четыре я с ним встречаюсь...

— Где? — спросил рыжий и поглядел на часы.

— Здесь! В холле отеля!

— Оп! — Сонни приятно крякнул.— Ты куришь дорогие сигары. Угостил бы нас, Гуахиро.

Рамиро полез в ящик стола.

— По телефону утром он сказал, что нуждается в помощи. Вначале просил денег, а теперь... что-то другое.

Сонни улыбнулся и тоном старшего распорядился:

— Отделайся! Чтобы после восемнадцати тебя с ним рядом не было. Вечером позвони мне домой. Сегодня интересный бокс по пятой из Нью-Йорка. Буду пить с женой, сидеть у ящика и вспоминать тебя.— Сонни весело хлопнул Рамиро по ягодице.—

Спеши! Уже скоро четыре, Гуахиро.— Он взял из ящичка три сигары, одну протянул рыжему, и они удалились.

...Рауль Луис сидел в той части холла, которая была отгорожена от входа живой стеной из цветов. Рамиро горячо его обнял и тут же остановил себя. «Чего это я? А если наблюдают? Хорошо! Друг, я не могу тебе помочь даже взглядом!»

— Ты извини! Дела. Завтра спешно улетаю в Чикаго. Зоопарк потом...

— У тебя,— Фернандес посмотрел по сторонам, а потом просящими глазами на Рамиро,— у тебя... здесь нет места, где бы мне укрыться на несколько дней? Не спрашивай! Это серьезно. Помоги, будь другом.

Мучительно тяжелыми были эти несколько секунд. Рамиро знал, что ему делать перед дулом пистолета, в море, полном акул, с присосками «детектора лжи» на теле или когда встретил брата, отрекшегося от него, но сейчас... сейчас он был растерян и собирал всю силу воли в кулак, чтобы не обнаружить себя... «Как помочь? Как? А... Жизнь только и может торжествовать, если все делать, подчиняясь железным правилам, ею же самой выработанным! Все!»

— Э! Рауль Луис, ты хороший парень. Умный! Но извини! Ты принял меня не за того. Я в эти игры не играю. Так что... извини!

Последнее «прости» получилось с хрипотцой, и Рамиро поспешил подняться на ноги. Свести в бар. Угостить! Пусть ему... может, в последний раз... будет хорошо. Нет! Он обязан быть трезвым. Предстоит... и одному... серьезное сражение. И надо выстоять!

— Если что, кому сообщить?

Рауль Луис ответил пустым взглядом и защелкал сухими суставами. Встрепенулся.

— Надо меня укрыть!

— Улетаю в Чикаго! — Рамиро протянул руку, и если бы Рауль Луис был наблюдательным, то отметил бы, что рука Рамиро непривычно для него дрожала и была влажной.— Желаю тебе! — И почти бегом оставил холл.

Прошла неделя. Острота переживаний притупилась. Рамиро продумал, как станет докладывать об этом печальном случае в Гаване, знал, что станет краснеть.

Третьего дня, на субботу и воскресенье, они летали с Мартой в Сан-Франциско. Тоже американский город, но резко отличающийся от здешних, восточных. Марта заметила, что Рамиро был не в настроении, отнесла это на свой счет. Потом Рамиро стоило труда разубедить ее.

Вторник начался с экзаменов — проверяли будущих выпускников спецшколы. Все они были зафиксированы фотографичес-

кой памятью Эль Гуахиро — шахматиста. Ему удалось узнать н настоящне фамнлнн мнохнх. Весь этот деиь, где бы он ни был, Рамиро испытывал чувство эйфорнн. Его распнрало, н он радовался жнзин. Сердце ликовало.

Выйдя из кафе, где он слегка перекусил, Рамнро пешком дошел до Флаглер. Неоновые вывескн, разноцветные рекламные щиты вспыхивалн, гаслн, прнвлекали вннмание, слепнли и тревожили. Когда-то, в былые годы неувереиной жнзнн, он часами простаивал на углу Третьей, Восьмой, Двенадцатой нлн Двадцать седьмой авеню н в точно размеренном, монотонном повторенин вспышек света находнл движенне. Мыслямн ои непремеино уноснлся в будущее. Тогда помогало жнть воображенне. Сегодня он был рад действнтельностн. За год столько сделано! Собран ценнейший для Гаваны материал.

В блнжайшне неделн, месяц-другой — и предлог, возможность отправиться на остров и тем самым положнть конец, нет, точнее, отметнть важный этап, утверждающнй его новое существованне, найдется сам по себе. Так полагал Рамиро Фернандес.

Сев в машнну, он отправнлся в Луммуз-Парк, к морю. Облокотившись о парапет веранды, об основание которой в шторм разбнвалнсь волны, Эль Гуахиро вспомннл тнпа, консультнровавшегося у него вчера. Тому, по всей вероятности, предстояла в скором времени поездка на Кубу. Запоминлнсь его руки, огромные, неуклюжие, тяжелые, словно два висячих пятнфунтовых молотка, и глаза — светлые, но холодные н цннннчные глаза убийцы.

На пляже рядом ннкого не было. Ои поднес руку к лицу, н в его воображеинн легко возинк образ Марты и ее громкий смех. Он вспомннл, как она совсем недавно в загородиом клубе, на внду изумленной разодетой публики бегала, скинув туфлн, по теплой бархатиой траве газонов, чтобы ощутить свободу н поступить всем назло. С каким удовлетвореинем ои внес тогда в кассу клуба тридцать долларов — наложенный дежуриым адмнннстратором штраф.

Вспомнился вдруг сгорбленный старнк Эдельберто де Каррера, бывший владелец гаванских кинотеатров, н с инм те, кто там, на его родине, когда-то жнли шнкарной жнзиью, вызывая у него завнсть, а теперь здесь влачнли жалкое существованне. И подумалось: «Отгороднться от всего мнра стеиой любви и...» Перед глазамн возник Педро, любнмый друг Эль Альфнль, не устававшнй к месту и без места повторять слова Марти: «Кто не ндет вперед, тот двнжется назад!»

В метре от лица Рамнро над парапетом нависала цветущая ветвь хакаранды. Он притянул ее к себе, уловнл легкий аромат н поглядел на часы. Время было отправляться на встречу со

старым знакомым по «Альфе», который задолжал ему триста долларов и теперь готов был их возвратнть.

Лучнстая лунная дорожка, искрясь не греющнм мерцаннем, убегала до горизонта, где проходила грань между темным небом н светлым от луны морем. Загадочные воды Гольфстрима... «По ту сторону они омывают мои берега. Что проще? Броситься в их теплые объятия и... через девяносто миль... дома». Рамиро улыбнулся, закурил сигарету и неторопливо зашагал к своему «шевроле».

Как только швейцар — негр-велнкан во всем белом — закрыл за Рамиро масснвную, обнтую красной кожей дверь и Рамиро остался в полутьме, в нос пахнуло острой специфической и единственной в своем роде смесью ДДТ, спиртных и винных паров вперемежку с людским потом и духами.

Высвечивая маленьким ручным фонариком путь, метр провел Рамнро, назвавшего себя, к отдаленному от эстрады столику.

Знакомый встретил его радушно, но ближе к полуночи стал заметно нервничать н заторопился домой, как только окончилось первое шоу. Онн расстались у туалетной комнаты.

На улнце, сделав несколько быстрых и глубоких выдохов, Рамиро ощутил сладкое желание вытянуться в постелн, застланной свежими простынями. Луна добралась почтн до зенита. У стоянки он не обнаружил негра-старика, но перед его машиной не было других. У самой дверцы он еще раз взглянул на луну. Ему показалось, что ночное светило растянуло губы в приветливой улыбке. И тут же Рамиро услышал: «Эй, амиго!» Услышал прежде, чем увидел, как сбоку, из-за третьей от него машины, показалась голова в светлом соломенном сомбреро.

Рамиро не успел, хотя обязан был сделать рывок в сторону. Дуло пистолета уперлось ему в спину под лопатку. Рука незнакомца проворно скользнула под пиджак, за спину, к поясу, где в легкой кобуре находился браунинг. Обожгла мысль: «Знают, где я ношу оружие!»

— Не вздумай шалить, чико! Нас много, ты один! Шагай! К машине! — негромко, но властно приказал незнакомый голос.

Навстречу из-за черного «паккарда» вышел еще один тип с лицом астматика.

— Иди сюда! Поживей! — В левой руке говорившего, опущенный к земле, тускло поблескивал пистолет-пулемет.

У машины, перекатывая языком из-за щеки за щеку жвачку, стоял, широко расставив ноги, верзила, похожий на медведя гризли, с большими телячьими глазами и в соломенной шляпе на затылке. Он открыл заднюю дверцу и пихнул Рамиро на сиденье. Там находился четвертый кубинец с оружием в руках.

«Не грабители. И знают, с кем имеют дело. Так! Предстоит

серьезный разговор. Спокойно, Рамиро! Без этого жизнь не была бы жизнью».

Позапрошлогодний, уже не раз мятый и потертый «крайслер» вырулил на Коллинз-авеню. Рамиро завязали глаза платком. У Бискайского бульвара машина свернула влево и тут же начала кружить и разворачиваться. Рамиро потерял ориентировку.

— Ты знаешь, что тебя ждет? — спросил «Гризли».— Чего молчишь?

— Предпочитаю играть черными. Да и что с вами говорить?

— Ах, ты так! — взвился «Гризли».

— Джо! Тихо! Успокойся! Нашел место!

— Сейчас приедем! Ты у меня по-другому заговоришь! — зло засопел «Гризли».

Еще через четверть часа они оставили город и вскоре въехали в какой-то двор. Левая створка ворот скрипнула, и сидевший за рулем астматик с недовольством прохрипел:

— Этот болван! Он опять забыл открыть гараж!

— Ты нажми на кнопку, чико! Под зажиганием, чуть слева,— спокойно бросил находившийся по правую руку от Рамиро, и тот услышал, как, получив сигнал по радио, автоматическое устройство стало поднимать железные жалюзи.

Когда жалюзи спустились за машиной, с глаз Рамиро стянули платок.

— Ну вот и приехали! Выходи, Хосе Марти! В доме выпьем и поговорим!

Рамиро окончательно понял, что главным будет выступать тот, кого он не успел разглядеть.

— Меня зовут Рамиро Фернандес,— спокойно ответил Эль Гуахиро, разминая ноги и одергивая на спине задравшийся пиджак.— При чем тут Хосе Марти?

— Не знаешь? Не ведаешь, Рамиро Фернандес... Ну-ка скажи ему, Лу,— обратился главарь к астматику. И пока тот набирал в легкие воздуха и собирался произнести, как потом оказалось, дикую нелепость, Рамиро успел подумать: «Джо, Лу — должно быть, Хуан и Луис... За деньги? По велению души? Или бытие?»

— Поэтишка средней руки, никудышный писатель, тяжелое перо,— выпалил астматик.— Фанатик! Отрицательная личность в истории Америки.

— Отлично! Ну как, Рамиро?

Главарь, ничем не приметный человек, видимо, с расстроенной нервной системой, утирал белоснежным платком пот, обильно выступивший на лбу.

— Похвально! Но не думайте, что, утверждая подобное, вы и кто там стоит за вами, добьетесь успеха в объединении

нашей эмиграции,— спокойно ответил Рамиро, а про себя подумал: «Сволочь, вставшая из гроба. Заучил слова своего дуче Фелипе Риверо! Чтоб тебя... Ладно, за Марту мне легче будет выдержать их издевательства».

В просторной гостиной, куда они все вошли, пол был убран пышным ворсистым ковром, а стены увешаны порнографическими репродукциями европейского происхождения.

— Виски, водка или коктейль «Куба-либре»? Марти служил англичанам, а ты кому?

«Гризли» подошел вплотную, но Рамиро спокойно повернулся к нему спиной и уставился в глаза главному.

Первым моргнул и отвел взгляд «Скряга» — так Рамиро прозвал про себя главаря. «Гризли» двинул Рамиро промеж лопаток, да так, что тот толкнулся вперед и упал в кресло.

— Стоп, Джо! Успокойся! Не спеши. Мы же культурные люди.— И обратился к Рамиро: — Предпочитаешь выпить или сразу начнем разговор?

— Ты хоть бы назвал себя. Сказал, на кого работаешь. Может, мы друзья! Тогда выпьем, а если враги...— И Рамиро окатил присутствующих отборной бранью.

«Гризли» выхватил пистолет, щелкнул затвором, дослал патрон в ствол.

— Дай я с этой гниды... Дай! Другим языком заговорит! — Большие, влажные, поначалу казавшиеся телячьими глаза налились кровью.— Тебя не сразу отправили на кладбище. Поговорить хотели, а ты... Дай!.. Я...— «Гризли» замахнулся.

— Стоп! Стоп, Джо! Отойди! — «Скряга» схватил «Гризли» за рукав, отпихнул его.— Не хочет выпить, пусть говорит! Рамиро Фернандес, меня зовут Гильермо. Я представляю секретное кубинское правительство.

— Какое кубинское правительство? Все правители перецапались, передрались! Есть дельцы, вроде вас, которые за деньги готовы на все, кроме освобождения Кубы. А за это надо кровь пролить! — Рамиро вынул из бокового кармана расческу.

— Вот ты и прольешь! — вставил «Гризли» и опрокинул в рот двойную порцию виски.

— Те, Рамиро, кому ты служишь, не наши друзья! Они наши богатые партнеры.— «Скряга» на слове «богатые» сделал нажим.— Они сидят на своем золоте и могут забот не иметь! Мы единственная справедливая власть Кубы, временно захваченной коммунистами. Мы обязаны знать, кто здесь, в Майами, кто. Рассказывай, как ты снюхался с коммунистами! — «Скряга» стукнул кулаком в свою раскрытую ладонь.

— Гильермо, у тебя хватило мозгов при помощи радиоаппаратуры открыть жалюзи гаража. И все-таки это не кто-то там,

а ты дурак! Подумай, что ты спрашиваешь? Во-первых, если я твой враг, как вы это себе вообразили, то с какой стати я тебе обязан об этом говорить? Во-вторых, те, кто тебе поручил это грязное дело, должны меня знать...

— Мы знаем! Мы знаем, что ты двойник! Здесь гребешь деньги, а там зарабатываешь прощение!

— Это детский лепет! Плохо тебя готовили к разговору со мной! Ты хоть бы одно доказательство подкинул. Прижал бы, а то...

— Хватит, Гильермо! Что мы зря тратим время? — «Гризли» приблизился к креслу.

— Скажите, в чем конкретно меня обвиняют? В чем? Не мотайте мне душу. Каждый час, который я проведу здесь, дорого обойдется всем вам. Мне не в чем раскаиваться! Я не имею за собой вины. Покончить со мной вы не посмеете! Я выйду отсюда, и мы поменяемся ролями. Это я вам обещаю. А нет, так я достану каждого из вас поодиночке!

— Заткни ему глотку, Джо! И ты, Роландо!

Джо и Роландо, тот, что обезоружил Рамиро у машины и стоял все это время с лицом подслушивавшей чужие разговоры женщины, одновременно сорвались с места. Рамиро вскочил на ноги, но Лу швырнул ему в спину тяжелую диванную подушку. Замок наручников щелкнул у правого запястья. «Гризли» сунул кулаком под ложечку Рамиро. Эль Гуахиро свалился, и все трое принялись пинать его ногами. Рамиро, как мог, прикрывал руками то пах, то лицо.

Пришел он в себя от вылитой ему на голову воды из ведерка со льдом. Рядом на ковре валялась его расческа. «Так! Выходит, дело не в Марте. И что-то совершенно определенное. Без этого было бы бессмысленно...» — подумал Рамиро и с ощущением боли во всем теле повернулся на бок, подтянул ноги к животу. Огнем полоснуло в области печени Он отдышался и, согнувшись, сел в кресло.

— Гильермо, ты можешь из меня сделать фарш. Слышишь? Но так... я вам ничего не скажу. Бывают люди — исключение. Биография моя тебя не интересует. Ты хочешь знать что-то конкретное? Говори! Буду отвечать! — Рамиро сплюнул, на светлый ворс ковра легло розовое пятно.— Хотя... после этого,— Рамиро указал рукой на свое лицо,— после этого тебя следует послать...

— Не расходись! А то больше нет воды со льдом! — «Скряга» приблизился.— Как, через кого ты передал сообщение о предстоящей ликвидации кастровского представителя в ООН Рикардо Аларкона Кесады. Выкладывай!

— Так! — Эль Гуахиро попытался улыбнуться и тут же зло произнес: — И из-за этого тебе надо было меня разукрашивать?

Да, я зиал о плаие! В общих чертах. Тот, кто рассказывал мне о своем разговоре с Фабнаиом, был пьян. Ни места, ии срока я ие зиал. Да и ои — и это тебе должио быть известно — сам ие мог мне сказать...

— Короче! Рамнро, короче! Не толки воду в ступе! Как, через кого?..— «Скряга» выразительио обвел взглядом «Гризли», Лу и Ролаидо.

Те стояли, готовые к действию.

— Подойдн поближе,— произиес Рамиро, иемиого подумав.— Есть вещн, которые предпочтнтельиее знать тебе одиому. Не каждому всякая иоша по плечу. Ты меия выиуждаешь силой! Но помни: оин свидетели, что я тебе сейчас скажу, будет моим алибн, ио для тебя стаиет лишним грузом... Ты будешь в ответе за то, что выиуднл меия. Подойди! Подставь ухо!

«Скряга» прнблизился вплотиую и, когда Рамиро перестал шептать, отскочнл с крнком.

— Вот об этом и речь! Как раз там ты это и сделал! Говори! Или у тех, кто тебя туда посылал, останется по тебе хорошая память. Все, что оии выплатнли, получат обратио... по свидетельству о твоей коичние.

«Скряга» отошел еще далее, как бы освобождая место своим партиерам.

— Хорошо, Гильермо! Ты ие вернишь, а оин мие полностью доверяют и дорожат миой, учти! Оин докопаются до сути моего исчезиовеиия. Я был в клубе ие одии, н вас много... Им рано или поздно стаиет известио, и они ие замедлят с тобой разделаться...

— Не угрожай! И коичай сказки. Последииий раз спрашиваю: будешь говорнть?

— Мне нечего сказать более того, что ты уже зиаешь, Гильермо. И любой иа моем месте ннчего не сумел бы тебе доказать. Наговарнвать иа себя я ие стаиу... Так что выводнте... н кончайте... н пусть святая дева Каридад выжжет раком ваши внутреиности...

Тревожная, угрожающая тишииа воцарилась в гостниой. Прошла мниута, всем показавшаяся часом.

За окиом послышался шум подъехавшего автомобиля. Хлопнулн дверцы. До слуха донеслись отдельные слова явио подвыпнвшнх людей. Оии прошли в соседнюю комиату, очевидио, с вераиды другой стороиы дома, и Рамнро четко разобрал фразу: «Вот теперь мы с тобой поговорнм. Мы хорошо подкрепились. Вяжи н иачинай закручивать!»

Вскоре послышался стои, тут же перешедший в крик.

— Хватнт! Оставьте! Я иичего ие зиаю... О... а... о!

Глухой удар, по всей видимости — в жнвот, и крик отчаяиия поиесся в темноту иочи.

«Где мы? Где это? Неужели вокруг нет живых людей?» — Рамиро потрогал распухший глаз, полез в карман за платком.

— Очередь за тобой! Они приехали вовремя! — устало, но зло произнес «Скряга».

— О! Что вы делаете? Ох! О... а... о!!! — неслось из-за стены.

— Рассказывай! Колись, чико! Рассказывай! Работаешь на Кастро? — гудел густой баритон.

— Да! Да! Ну и что? Да, я агент Кастро! И сделал все, что надо! А вы ублюдки, подонки... Я ничего... вам... не... скажу...— Чувствовалось, что силы оставляют кричавшего, и вдруг, как последний порыв ветра, уносящий с собой ураган: — Да здравствует Фидель! Революцию вам не одолеть!

— Джо! Заткни этому глотку,— с перекошенным лицом прохрипел «Скряга».— Живо! Нет, постой! Тащи его сюда! Сейчас поглядим... Может, узнают друг друга...

У Рамиро екнуло, сосредоточенно забилось сердце. «Стоп! Ты же был готов умереть. Марте и маме... расскажут...»

В дверях гостиной показался подталкиваемый со спины Джо, изможденный, избитый, шатавшийся из стороны в сторону... совершенно незнакомый Рамиро парень. С головы на плечи мелкими струйками стекала кровь.

— Перестаньте издеваться! У меня больше нет сил. Я все сказал.— Вошедший опустился на колени, сел на пол.

— Ты все сказал! И он все сказал! Смотри на него! Узнаешь? — прокричал «Скряга».

Несчастный поднял голову, отрицательно покачал ею и уронил на грудь.

— Вы навоз, клубок змей! Кончайте...

— Выводи его в гараж! — «Скряга» толкнул дверь в коридор.— Ты, Рамиро, тоже выходи! Джо, сними с него наручники.

В гараже незнакомого поставили к дальней стене, хорошо освещенной специально направленной лампочкой в узком колпаке. «Скряга» подошел к Рамиро, вложил ему в руку пистолет. Джо, Лу и Роландо стали рядом.

— Если ты не гад и не продался красным, стреляй! И об этом тоже... все узнают... Стреляй!

Рамиро предпочитал не думать, но сердце сжалось до боли. Он почувствовал, что куда-то проваливается, и... вдруг всем своим до бесконечности обострившимся чутьем он понял, что это фарс! Фарс!!

Он быстро вытянул вперед правую руку и хотел было левой оттянуть затвор.

— Я сам! — «Скряга» выхватил пистолет, чуть отвернулся и, лязгнув затвором, возвратил оружие Рамиро.— Стреляй!

В тот миг Рамиро страстио жалел лишь о том, что в руке ие было его брауиinга, бьющего иаверияка!

Вслед за его выстрелом раздались другие. Рамиро видел, как пули впивались в мягкую поверхность стеиы, отбивая штукатурку и подиимая пыль. Пареиь, очевидно работавший за иемалые деиьги, превосходио, свалился, дериулся и замер.

Но этого Рамиро уже не видел. «Скряга» утащил его за рукав со словами:

— Идем, Рамиро! Ты на моем месте поступил бы точио так! Чем игра сложнее, тем железиее ее правила! А? Я же постараюсь ие встречаться на твоем пути. А предателя будем искать! И иайдем! Хочешь выпить? Или предпочитаешь, чтобы ребята сразу тебя отвезли?

— Дай рюмку водки...

Уже заиималась заря, когда Рамиро с платком иа глазах, Джо, Лу и Ролаидо сели в «крайслер». Через иесколько миიут Рамиро потребовал остановить машииу и выпустить его.

— Катись! Катись! Только не здесь, Лу. Давай там, за крутым поворотом. Уже иедолго! — сказал «Гризли» Джо повеселевшим голосом.

Когда машиua остаиовилась, Рамиро вывели из иее, заставили лечь иа землю и, ие снимая с глаз повязки, толкиули в бок. Ои покатился под откос. Обдирая руки о сухостой, Рамиро задержал падение, сдериул платок, ио «крайслера» уже и след простыл.

За невысокой открытой изгородью красио-сиие-ораижевого загородного дома росли фиииковые пальмы, давали густую тень деревья авокадо и маиго, низеиькие апельсииовые и дыииые сажеицы радовали глаз зрелыми плодами. Ближе к здаиию виднелась баиаиовая рощица, укрытая пышиыми ветвями огнеиирыжего фламбояиа, кустами ибикуса — белой япоиской гвоздики, пасхальиыми цветами пойнсеттии и причудливой монстеры — львииой лапы.

От цветка к цветку ибикуса и моистеры порхали колибри, замирая перед раскрытыми лепестками ровно настолько, чтобы клювиком собрать иектар. С шумом иосились шмели. Моиотоиио жужжали пчелы. Где-то вдали промычала корова, а поблизости послышались детские голоса и гортаииый крик попугая.

«Да иет! Разве можио?.. В таком-то земиом раю... Все это мие только присиилось!» Рамиро, как мог, привел в порядок волосы иа голове, расчесав их пальцами, отряхиул и поправил костюм и вышел иа шоссе. Проезжавший иа своем грузовичке круглолицый мулат подвез его в город, к отелю.

Теперь Рамиро твердо зиал, что ему иеобходимо как можио скорее вырваться иа Кубу, и он иачал действовать.

Фериандес «стал злоупотреблять спиртиым», «запил»,

в общественных местах устраивал дебошн, перестал прнезжать в школу на лекцин и даже на экзамены. Во время последней встречи с инструктором Сонни серьезно подрался с ннм, а потом заявил, что ему надоело, он не может жить без настоящего дела. Сонни прнгрознл Рамиро, что запрячет его в психиатрическую больницу. На этом онн расстались.

Докладывая руководству, инструктор Сонни в самом деле высказал мысль, не сошел лн Рамиро с ума. Однако Сонни не все знал. В Центре же было хорошо известно, что у Рамиро Фернандеса «все дома» н что он стойкий, до конца преданный агент. Поэтому руководство ЦРУ, развивая план осуществления одной грандиозной, наподобие Плайя-Хирон, операции, санкционировало использование Эль Гуахиро — шахматиста в весьма ответственном н очень серьезном деле. И не кому другому, как инструктору Сонни, надлежало вручить Рамиро деньги н передать приказ о том, что Фернандес на время поступает в распоряжение организации, которую возглавляет Маноло Артиме.

Тот самый Мануэль Артиме Буэса, который был одним из руководителей бригады № 2506 на Плайя-Хирон и который затем, по возвращении в США, в 1963 году возглавил организацию в Никарагуа н Коста-Рике двух лагерей по подготовке саботажников, диверсантов и групп просачивания на Кубу специально подготовленной агентуры. Пять миллионов долларов получил от ЦРУ Мануэль Артиме для того, чтобы затея с Пунта-дель-Моно, или «Монкей-Поинт», как этот мысок на карибском побережье Никарагуа именовался в бумагах ЦРУ, выгорела. Однако затея эта провалилась.

В сентябре 1964 года трое наиболее подготовленных командос нелегально высадились на кубинском берегу. Не прошло и нескольких часов, как они обнаружили себя н были задержаны. Выступая перед телевизионными камерами Кубы, эти командос подробно рассказали о целях создания лагерей. Всему миру также стало известно, что Артиме одновременно использовал существование лагерей для контрабандной торговли шотландским виски н сукном через свободный порт Колон в Панаме.

В результате возникшего скандала конгресс США потребовал отказать в дальнейшем финансировании Артиме и «прикрыл кубышку». Но Мануэль Артиме, любимчик ЦРУ, умножил свой счет в банке до нескольких миллионов долларов продажей во Флориде, в паре с никарагуанским диктатором Анастасио Сомосой-младшим, мороженого никарагуанского мяса.

Артиме, используя контрреволюционную деятельность, как курицу, несущую золотые яйца, превратился во владельца земельных участков, домов и в совладельца двух наиболее дорогих ресторанов Майами — «Бискайя» н «Бильбао». Многие знали, что руки Артиме обагрены кровью не одного собрата, вздумав-

шего выступать против него или решившего порвать с бесплодной затеей гусанос.

Такому человеку в беспрекословное подчинение и передавался Рамиро Фернандес.

В сейф-хауз — конспиративной квартире на авениде Анастасия неподалеку от гольф-клуба — Рамиро встретили «Эль Маго» и второй помощник Артиме «Эль Гальего» Санс. Вскоре подъехал и сам шеф.

В светлом кримпленовом костюме, в белоснежной рубахе на номер больше, повязанной галстуком в синюю полоску, Артиме появился в холле как человек, знающий себе цену. Круглое мясистое лицо с наметившимся тройным подбородком слегка улыбалось, обнажая крепкие широкие зубы. Темные глаза из-под густых бровей в первую минуту знакомства казались даже добродушными. Вдоль уха мимо густых бакенбард к вороту рубахи скатывалась капля пота. В левой руке была начатая и, видимо, в дороге погасшая сигара.

Маноло Артиме повел разговор с Рамиро с глазу на глаз. Задание было действительно ответственным. Следовало нелегально пробраться в Гавану, установить там связь с главой агентурной группы и заставить его — в этом состояла вся сложность и ответственность задания — действовать.

— У них есть все! Им передано необходимое оружие, лучшие телеприцелы и надежные глушители,— говорил Артиме, ковыряя в зубах.— Пусть не трусят! Тебе следует их встряхнуть! Годы идут, а мы все сидим здесь. Понимаешь? Надо действовать! — Возбужденно жестикулируя, Артиме принялся раскуривать сигару. Заметно было, что он приехал на встречу с Рамиро после сытного обеда.— Знаю, что он боится. Думает, потом его не поддержат. Ты должен убедить его! Понимаешь? Пусть для успокоения запасется лодкой, катером. У него там столько друзей! Да и своя власть в руках есть. Какого дьявола! Все они там любят прогулки по морю... Но главное, главное, наконец, должно быть сделано!

Рамиро слушал внимательно. Конечная цель задания была столь чудовищной, что он был не в состоянии скрыть своего волнения. Однако его собеседник не замечал этого или делал вид, что не замечает.

— Если струсит, сообщишь! И тогда...— Артиме сделал небольшую паузу, в его глазах, в его голосе не было и намека на сомнения.— Тогда тебе придется убрать... его и еще по меньшей мере двоих! Но я думаю, до этого не дойдет. Они готовы, только трусят! Разъясни им, что мы должны знать хотя бы примерный срок плюс-минус пять дней. Нам ведь надо завести машину... Убеди его, что мы здесь активно готовимся и нам необходимо от него сообщение хотя бы о примерной

дате! И не позже чем через семьдесят два часа после его удачного выстрела мы начнем вторжение. Шепни трусу, что американцы с нами, а США не могут проигрывать! Понял? И еще! Он обязан предупредить нас! Иначе... Иначе он может сделать свое, а мы не успеем поддержать...

— Как я понимаю,— медленно, подавляя волнение, начал Рамиро,— многое зависит от того, насколько он уверен, что вслед начнется...

Но Артиме не дал ему договорить и, снова ругнувшись, со злобой произнес:

— Я про то и говорю! Но пусть не сомневается! Пусть делает все, как мы с ним договорились в Мадриде! Передай, что я по-прежнему готов, если, конечно, он сделает все как надо... Вбей это ему в голову! Я по-прежнему готов разделить с ним руководство страной...

С того дня у Рамиро появилась «тень». То один, то другой доверенный Артиме человек постоянно находился рядом с ним.

Перед самым отъездом на уже известную виллу Рамиро решил встретиться с Мартой, которую не видел более недели, с того самого дня, как получил новое задание. Артиме, зная о его отношениях с этой женщиной, любезно предложил ему провести вместе с ней последнюю ночь перед отъездом на дело. Но Рамиро на это не пошел. Теперь он уже твердо знал, что тогда сразу после его отъезда с Мартой стрясется «несчастный случай». Рамиро придумал свое.

В последний момент, когда уже готовился сдать номер в отеле, он в присутствии «тени» вошел в туалет. Вышел оттуда с куском туалетной бумаги и завернул в нее деньги. Тут же позвонил по телефону Марте и договорился, что она через полчаса встретит его у парадной двери дома, в котором служит...

Подъехав на машине вместе с «тенью», Рамиро вручил Марте пакет. При этом он незаметно, но многозначительно подмигнул ей, поцеловал и сказал:

— Жди, дорогая! Я спешно вылетаю в Чикаго. Недели на две. Это пересчитай и положи в банк на свое имя.— И он указал на пакет.

Уже в своей комнатке Марта развернула пакет и прочла на туалетной бумаге, в которую были завернуты деньги: «Немедленно поезжай отдохнуть в Мехико. Там **обязательно** зайди к консулу. Так надо!»

Судебный процесс в военном городке Ла-Кабанья начался, как было объявлено, ровно в девять утра. В зале находились трудящиеся Гаваны, местные и иностранные журналисты. Подсудимые внимательно слушали председательствующего, который объявлял состав трибунала.

Тишина воцарилась сразу, как только ввели подсудимых, но сидевшие в зале люди не переставали с удивлением переглядываться. На скамье перед революционным трибуналом находились активные в прошлом сторонники вооруженной борьбы Кастро против тирании Батисты. После победы они занимали ответственные посты в профсоюзах, различных министерствах. Теперь же обвинялись в тягчайших преступлениях против «государственной независимости и территориальной неприкосновенности», обвинялись в шпионской деятельности в пользу США и в попытке совершить убийство вождя кубинской революции Фиделя Кастро.

Из допроса обвиняемых, которые перед неопровержимыми уликами признавались в своих преступных помыслах, вырисовывалась четкая, ясная картина. Подсудимые, которые в народной революции усматривали лишь способ прихода к власти, убедившись, что строить новую жизнь во имя блага народа было им не по душе, вошли в противоречие с генеральной линией партии, руководящими указаниями Фиделя Кастро и стали на преступный путь. Будучи облеченными доверием революционного правительства, некоторые из них с различными поручениями выезжали за границу. Там они и вступили в тайную связь с руководителями кубинских контрреволюционеров.

Прокурор в своей обвинительной речи сообщил, что органами революционной безопасности в последние дни раскрыта не одна сеть предателей родины и агентов империализма, что во многих городах страны проведены аресты и ведется расследование. Говоря о постоянном вмешательстве во внутренние дела Кубы и засылке на ее территорию агентуры ЦРУ, прокурор процитировал слова премьер-министра революционного правительства Кубы товарища Фиделя Кастро: «И пусть они не думают, что сумеют повторить историю с Плайя-Хирон, пусть не думают, что, занимаясь всякой там враждебной деятельностью, они увидят нас сидящими сложа руки. Когда воображение начинает работать, всегда находится выход. Так что пусть они не думают, что, если будут продолжать вести против нашей страны тайную войну, они останутся безнаказанными. Мы найдем средства повести войну против них на их же собственной территории... В нашей стране нет недостатка в добровольцах, готовых исполнить свой долг перед революцией и перед родиной и выполнить любое задание в любом месте, где это потребуется!»

Зал встрепенулся бурными аплодисментами. Лишь сидевшая в последнем ряду, на самом крайнем стуле, ближе к выходу красивая стройная женщина утирала платком глаза.

— Да ты что, Марта? — Соседка, видимо, подруга, радост-

но улыбалась.— Что ты вздумала? Сегодня первое твое выступление. Что скажут телезрители? Перестань! Ведь все же хорошо, дурочка...

К середине дня — работа трибунала длилась уже около четырех часов — для допроса со скамьи встал восьмой, и последний, подсудимый.

— Ваше имя, фамилия, год и место рождения, национальность?

— Рамиро Фернандес Гарсия, 1930 года, уроженец поместья «Делисиас», кубинец.

— Место работы?

— Органы революционной безопасности Республики Куба! — чеканя каждое слово, гордился собой Рамиро — сколько ждал он этой счастливой минуты!

В зале меж тем поднялся невообразимый шум. Председательствующий с трудом установил тишину и переспросил Рамиро Фернандеса о его месте работы. Когда тот повторил, сразу захлопали стулья — это корреспонденты иностранных агентов срывались со своих мест, чтобы опередить коллег и первыми передать столь сенсационную новость. Вслед им раздались дружные аплодисменты.

— Не пойму! Какая нелепость! — повышая голос, сказал сквозь шум корреспондент агентства ГДР сопровождавшему его кубинцу.— Зачем нужно раскрывать такого человека? Театр! Несерьезно!

— Почему? — с искренним удивлением спросил кубинец.— Это так здорово! Сенсация. На весь мир!

— Но... Нет, на такое способны только здесь, в Латинской Америке,— заключил немец и захлопал в ладоши.

Председательствующий выждал несколько минут, попросил тишины, пригласил на заседание трибунала представителя органов безопасности Кубы и объявил, что продолжение работы переносится на следующее утро.

Установив подлинность заявления Рамиро Фернандеса, трибунал вынес частное определение: «Ввиду выявленных в судебном следствии новых материалов по делу считать Рамиро Фернандеса Гарсию свидетелем».

Через два дня в Гаване невозможно было купить ни одну газету, не выстояв длинную очередь у киоска.

Все газеты давали подробнейший отчет о последнем дне судебного процесса, и во всех было опубликовано письмо премьер-министра Фиделя Кастро Рус прокурору-обвинителю на процессе.

Гаванцы с особым восхищением читали последние абзацы письма Фиделя, на жизнь которого подсудимые готовили покушение: «Мы вынуждены признать, что из всего этого следует

извлечь урок, урок горький, ио полезиый. Одиако, товарнщ прокурор, советую тебе ие требовать у трнбуиала нн для одиого из подсуднмых высшей меры иаказания. Революцня снльиа, мы ннчего ие должны бояться».

А в это самое время Педро Родригес, по-прежнему аккуратно подстрнженный под полубокс, с веселой улыбкой пронзносящий к месту и ие к месту слова Хосе Марти: «Кто ие ндет вперед, тот двнжется иазад!», входнл в кабииет шестого этажа большого здаиия в цeитре Гаваиы. Ои пропустил вперед себя Рамнро Фериандеса.

— Вот! — сказал Роднгес.— Вот оио, твое иовое рабочее место.— Педро указал иа стол, где рядом с пншущей машиикой стояла синего стекла высокая тоикая вазочка с пышиой красиой гвоздикой.— Сейчас пойдем, и я представлю тебя твоему новому шефу. А партию свою, Рамнро, ты сыграл превосходио! Кстатн, с часу до двух здесь перерыв иа обед. На втором этаже есть специальиая комиата. Там играют в шахматы. Приглашаю тебя. Сыграем... И может, повторим партию Капабланки с Дуз-Хотнмнрским, которая так тебя подвела.— Роднгес лукаво прищурнл глаза.— Но... в коице концов я рад, Рамнро. Она привела тебя к иам! Так что сыграем сегодия, Эль Гуахиро — шахматист? Мы ведь с тобой давио не сражались... за шахматиой доской,— закончнл Педро Родригес и подмигнул: — Ну так что, сыграем? Мне приезжать?

Рамнро кивнул.

— А что касается твоих сомиенинй, об этом мы говорим в последиий раз. Рамиро, поверь, мы поступнли лучшнм образом. Тебе все равио следовало выходить нз нгры. Мы стольких сняли! А твое выступлеине иа суде дало иужиый эффект и имело серьезное политическое зиачеине. Это подействует кое иа кого. А ты гордись, ты сделал такое... Ты герой!

Рамиро ие мог иайти нужиых слов. Что-то подкатило к горлу. Ои только рассмеялся и с жаром протяиул руку другу.

А. Р. Палей

ОГНЕННЫЙ ШАР

◇

1

Профессор Эмиль Рошфор был одним из тех немногих счастливцев, которых справедливо называют баловнями судьбы. В день своего сорокапятилетия он мог подвести блестящий итог прожитым годам.

На старинной улице Женевы, узкой, напоминающей тесное горное ущелье, еще существует пятиэтажный дом, где в убогой квартире третьего этажа в семье многодетного часовщика родился Эмиль Рошфор. Недавно городское управление, гордящееся своим знаменитым гражданином, торжественно прикрепило к фасаду этого дома мраморную доску с надписью золотыми буквами. В остальном дом не изменился. В нем так же живут мелкие торговцы и ремесленники. Фасад дома выходит прямо на юг. Но лишь скудные отблески солнечных лучей, улавливаемые приоконными зеркалами, попадают ненадолго в комнаты с улицы-щели, сжатой с обеих сторон такими же однообразными пяти- и шестиэтажными домами.

Рошфор всем был обязан самому себе — своей необычайной одаренности и столь же исключительной настойчивости. Он имел право гордиться, оглядываясь на пройденный путь. Ценой упорного труда и лишений он добился высшего технического образования. Его изобретения были остроумны и смелы до дерзости. Промышленная удача неизменно сопутствовала ему. На его текущем счету в банке лежала очень крупная сумма. Изящный особняк в одной из широких улиц-аллей ничем не похож на мрачную квартиру, где он провел детство. У него милая, молодая, любящая жена. Жизнь его полна, и, казалось бы, ему больше нечего желать.

Но Рошфор не из тех людей, которые успокаиваются на достигнутом. Стоит ему реализовать одну смелую идею, как в его голове рождается новый, еще более смелый и оригинальный проект.

Вот и теперь, в день своего рождения, когда у жены уже собрались гости и пора выйти к ним, Рошфор сидит в своем

кабинете с помощником Карлом Грейфером и развивает новую идею.

Карл слушает внимательно. Если бы то, что он слышит, говорил кто-нибудь другой, а не учитель, в которого он глубоко верит, он отнесся бы к этому как к ребяческой затее. Но он уже десять лет работает с Рошфором, он знает гениальные догадки профессора, обоснованные холодным и точным расчетом. Так было не раз.

Рошфор ведет беседу в своей излюбленной манере — недоговаривает, то и дело задает вопросы. Мягкий свет от затененной матовым абажуром настольной лампы падает на его усталое, немножко одутловатое лицо с гусиными лапками у глаз. Никак нельзя назвать это лицо красивым. Но так юношески блестят глаза за стеклами очков, так мальчишески задорно выражение лица, что профессор временами кажется моложе Грейфера — высокого, темноволосого, солидного. Грейфер сидит в тени против Рошфора, слегка наклонившись к нему.

— Вы помните, Карл,— говорит Рошфор, и легкая улыбка обнажает его молочно-белые, не тронутые временем зубы,— какова температура поверхностных слоев морской воды в тропических широтах?

Грейфер послушно, как ученик, отвечает:

— Двадцать пять — тридцать градусов, причем она очень мало колеблется в течение года.

— Правильно,— говорит Рошфор, совсем как школьный учитель, и спрашивает дальше: — А в глубине океана? Скажем, на глубине в тысячу метров?

— Разумеется, значительно холоднее. Даже в тропиках — четыре-пять градусов в течение всего года.

— Какая получается разница?

— Мы уже дошли до приготовительного класса,— усмехнулся Грейфер,— разница на двадцать — двадцать пять градусов.

— Ничего,— возразил учитель,— следующие вопросы будут опять на уровне старших классов.— Как вы думаете, что получится, если опустить на глубину в тысячу метров трубу?

— Какую трубу?

— Обыкновенную металлическую.

— Труба будет открыта с обоих концов — сверху и снизу?

— Пускай так.

Теперь улыбнулся Грейфер:

— Предвидеть нетрудно. Холодная вода поднимется в трубе согласно закону сообщающихся сосудов.

— Разумеется.— Рошфор сказал это одобрительным тоном и, немного помолчав, пристально поглядел на Карла из-за очков.—

Так... Ну а теперь приспособим к трубе насос и начнем выкачивать из нее воду. Что тогда будет?

Карл чуточку подумал:

— По мере выкачивания воды труба будет продолжать наполняться холодной глубинной водой, которая будет подниматься до поверхности. Таким образом все время, пока работает насос, наверх будет идти непрерывным потоком глубинная вода. Но,— внезапно спохватился он,— это вам ничего не даст.

— А вам ясно, что это должно дать?

— Мне кажется,— Грейфер встал, вытянувшись во весь свой высокий рост, и заходил по комнате,— вы рассчитываете использовать разницу температур глубинной и поверхностной воды для получения дешевой энергии.

— Браво,— вскричал Рошфор и вскочил с кресла, чтобы лучше видеть лицо своего ученика.— Вы читаете мои мысли! За это я вас и люблю, Карл! Да, я именно на это и рассчитываю. Разве мыслим вообще тепловой двигатель без использования разницы температур? Вы знаете это не хуже, чем я. Почему двигается поршень паровой машины? Потому что его толкают молекулы водяного пара. А для этого необходимо, чтобы они ударяли в него с большей силой, чем молекулы окружающей его среды — воздуха, иначе удары с разных сторон уравновесят друг друга, и никакого движения не получится. Но ведь чем выше температура тела — в данном случае газа,— тем быстрее движутся в нем молекулы. То же и в дизеле, и в автомобильном моторе. Это азбучная истина, но сейчас не мешает ее вспомнить. И именно потому, что вы вовремя вспомнили ее, вы так легко уловили мою мысль... Поверхностная вода будет испаряться у меня при пониженном давлении и охлаждаться глубинной водой. И тут разница температур настолько велика, что давление пара будет приводить машину в движение. Совсем не нужно добывать, перевозить, сжигать уголь, нефть, торф, дрова. Правда, потребуется довольно крупный расход энергии на работу насосов, зато остальное океан даст даром. Неисчерпаемое количество даровой энергии! Если труба будет хорошо изолирована, то глубинная вода при подъеме и перекачке не станет нагреваться.

Грейфер колеблется: до сих пор Рошфор не ошибался в своих предположениях. Неужели на этот раз он упустил из виду столь существенную деталь?

— При такой небольшой разнице температур...— начал он.

— ...давление пара будет слишком ничтожно и не сможет служить источником энергии — так, Карл?

И опять Грейфер испытал величайшую неловкость: как мог он заподозрить Рошфора в таком грубейшем упущении? Профессор предусмотрел его возражение.

— Да,— сознался Карл,— я именно это хотел сказать. Я никак не представляю себе...

— Вы ошибаетесь,— твердо возразил Рошфор.— Паровая турбина вполне сможет работать при этой разнице температур. А за то,— притворно строгим тоном заговорил он после короткого молчания,— что вы позволили себе усомниться, вы понесете наказание не позже сегодняшнего вечера.

Нежный мелодичный звон прервал его слова. Это били стенные часы. Медлительно звучали удары, и с последним из них распахнулась портьера. В дверях появилась стройная, невысокая женщина с изящной, окруженной сиянием золотистых волос головой. Карл встал и почтительно поклонился красавице. Она подошла и крепко пожала ему руку.

— Это вы, Карл,— мягким грудным голосом спросила она,— похищаете моего мужа в поздний вечерний час, когда гости уже начинают терять терпение?

— Нет, напротив, это я похитил его по важному делу,— сказал Рошфор,— но мы уже идем, идем к гостям!

— Важное дело — не предлог,— смеясь, возразила жена,— у тебя не важных дел не бывает.

В гостиной все уже были в сборе. Гостей было немного: напряженная трудовая жизнь Рошфора не позволяла ему часто бывать на людях, заводить многочисленные знакомства. Да он и не стремился к этому. Его вполне удовлетворяло общество близких товарищей и друзей.

Гости поднялись, приветствуя виновника торжества, и он тепло поздоровался с каждым — здесь были все свои. Карлу тоже все были знакомы — он был своим человеком у Рошфоров. В числе приглашенных на это скромное семейное торжество оказалась его хорошая знакомая, молодая студентка-гидролог Ирэн Жуо. Пожатие ее маленькой энергичной руки наполнило его сдержанным волнением. Он с нежностью заглянул в ее глубокие темные глаза. Она улыбалась — Карл ясно чувствовал это — ему одному. И все же он был рассеян, он был далеко отсюда в этот теплый летний вечер...

В комнате было не очень светло. Люди разбились на небольшие группы и негромко беседовали между собой.

Огромные окна были распахнуты настежь, и в них вливалось влажное дыхание вечера, волнующий запах липового цветения. Широколиственные старые деревья тихо шумели; их шевелили осторожные вздохн ветра. И как-то так вышло, что, оставив Ирэн болтать с хозяйкой, Карл уединился и стоял у широкого окна, полускрытый краем слегка вздрагивающей шторы.

Краткий разговор с учителем потряс его. Простота идеи Рошфора могла соперничать только с ее гениальностью.

Речь идет, по существу, о паровой машине.

Вода температурой в двадцать пять градусов выше нуля при обычном давлении далека от кипения. Но Рошфор целиком прав: ей предстоит кипеть не при обычном давлении, а при очень низком. Очевидно, резервуар с этой водой придется поместить в пространство с сильно разреженным воздухом. Здесь же будет и холодная глубинная вода. В этих условиях двадцатипятиградусная вода должна бурно кипеть. Да, но все-таки сможет ли этот холодный пар привести в движение турбину?

Рошфор говорит — сможет. Вероятно, он рассчитывает полностью освободить морскую воду от растворенного в ней воздуха, присутствие которого при испарении может уничтожить и без того небольшую разность давлений в обеих частях установки.

Но если так...

Запас теплой воды в поверхностных слоях тропических океанов практически неисчерпаем. Количество холодной воды в глубине безгранично. Безграничен, значит, запас дешевой энергии, которую дает в руки человечества гениальная и в то же время до смешного простая идея Рошфора.

И тогда... Люди будут черпать полными пригоршнями из этой неистощимой сокровищницы, открытой им.

Легкое прикосновение пробудило Карла от мечтаний. Он вздрогнул и обернулся. То был Рошфор.

— Следуйте за мной,— прошептал он и приложил палец к губам.

Эта таинственность гармонировала с настроением Карла и потому не удивила его. Он на цыпочках последовал за учителем, шагавшим бесшумно, как тень. Гости не заметили их исчезновения. Они прошли узкий коридорчик и подошли к маленькой незаметной дверце. Карл знал эту дверь. Она вела в личную лабораторию Рошфора. Здесь он в полном одиночестве проделывал первые опыты. Величайшая осторожность при зарождении новой творческой мысли была одной из характерных черт этого удивительного человека.

Дверца бесшумно открылась и так же беззвучно захлопнулась за ними. Рошфор повернул выключатель. Лампа под невысоким потолком, без абажура и непропорционально сильная для этой небольшой комнаты, залила ее ярким светом. Резкость освещения еще усиливалась белой штукатуркой стен и потолка. В комнате не было ничего, кроме самых необходимых для работы вещей: простые, выкрашенные в белое столы, шкафчики, стулья, лабораторная посуда, инструменты, физические приборы. Лишь в одном углу стояла походная койка, застланная белоснежным бельем: случалось, что Рошфор, увлеченный какой-нибудь новой идеей, сутками не выходил из лаборатории, перемежая напряженную работу краткими часами сна.

Только двое имели право беспрепятственного входа сюда: сам Рошфор и его старый слуга. Грейфер за долгие годы совместной работы с ним был здесь впервые. Он оглядывался с волнением и любопытством.

Единственной роскошью этой комнаты, напоминавшей одновременно монашескую келью и палатку полководца в походе, была безукоризненная чистота. Самый придирчивый глаз не нашел бы ни пятнышка, ни пылинки на всей этой сверкающей белизне.

— Внимание! — сказал Рошфор, и голос его стал резким, высоким, как иногда случалось с ним в минуты особого волнения.— Начинается наказание Фомы Неверного! Пожалуйте сюда, Карл!

Грейфер подошел к невысокому столу в центре комнаты, на котором находилась несложная на вид установка — два небольших стеклянных сосуда. Один из них был до половины наполнен водой, в другом лежали кусочки льда.

— Смотрите, Карл,— сказал Рошфор,— под дно каждого из сосудов подведены одинаковые трубки, расширяющиеся на концах в воронки. Только под сосуд с водой трубка идет от электрической печи, а под другой — из электрохолодильника. В воду погружен термометр с электрическими контактами, который поддерживает постоянную температуру в тридцать градусов. Конструкция, как видите, совсем простая... Теперь смотрите — оба сосуда соединены стеклянной трубкой с краном посередине. Таким образом, можно по желанию устанавливать или прерывать сообщение между обоими сосудами. От горла сосуда, в котором находится лед, идет резиновая трубка к воздушному насосу. Как вы думаете, что получится, если насос заработает?

— Ничего особенного не получится,— ответил Карл.— Начнет образовываться вакуум в обоих сосудах.

— Ясно. Вы видите в сосуде со льдом вертикальную ось. На нее насажен крохотный ротор паровой турбины — как раз на пути пара, который пойдет по трубке из сосуда с водой...

— А он обязательно пойдет,— подхватил Карл,— вакуумное пространство будет его всасывать.

— Безусловно. С турбиной соединена такая же маленькая динамо-машина, дающая ток вот этим трем лампочкам накаливания. Теперь смотрите!

Рошфор повернул выключатель. Заработал воздушный насос, электрохолодильник, и включилась электрическая печка. Через полминуты теплая вода в первом сосуде стала выделять пузырьки — она кипела, и пар устремлялся через стеклянную трубку во второй сосуд.

Учитель указал глазами на турбину. Она уже вращалась!

Сначала медленно, потом быстрее и быстрее — и вот ее лопасти слились в сплошной диск. Заалели нити всех трех лампочек. Еще секунда — и они уже ярко светятся. На дно сосуда со льдом, тихонько постукивая, падают капли воды, в которую, охлаждаясь, превращается проделавший свою работу пар.

— Пять тысяч оборотов в минуту,— сказал Рошфор.

Он хотел выключить установку, но Карл умоляюще посмотрел на него, и профессор, усмехнувшись, опустил руку. Карл с жадностью смотрел на крошечную турбину, на маленькие лампочки — он не мог оторвать от них глаз. Ну да, ведь это точная модель будущей океанской станции! Теперь он видит, как работает холодный пар, пар тридцатиградусной воды.

— Как вам нравится эта игрушка? — весело спросил Рошфор.

— Это не игрушка! — горячо возразил Карл.— Она дает настоящую энергию.

— В миниатюрном масштабе,— заметил Рошфор,— но, как видите, вполне реальную энергию. А как вы думаете,— продолжал он,— сколько можно построить таких станций?

— Сколько угодно! — воскликнул Карл.

— Ну да! Неограниченное количество. При этом я не забываю о том колоссальном расходе энергии, который потребуется для работы воздушных насосов,— примерно сорок процентов всей мощности станции. Но ведь источник энергии практически неисчерпаем. Все, что я сделал до сих пор, показалось мне ничтожным перед этим новым открытием, перед тем переворотом, который создаст оно в жизни людей.

В тот же вечер, поздно, когда гости уже разошлись, Рошфор повторил эти слова, когда они с женой остались вдвоем в его кабинете. Было очень тихо, глубоким сном спал город за темными окнами.

Рошфор любил эти поздние часы вдвоем, когда, как это бывает только между очень близкими людьми, фразы и даже отдельные слова теряют четкие очертания, когда полунамек раскрывает интимнейшие мысли и настроения собеседника, которые чужому не передашь во всей их полноте даже самой точной речью.

Это был втройне знаменательный день: день его рождения, годовщина их первой встречи, происшедшей шесть лет назад, и день, когда его новая изумительная идея оформилась настолько, что он решил поделиться ею с Карлом и Жанной.

Но он сказал эти слова и немного испугался. Не потому, что усомнился в их справедливости. Нет, теперь он уже был твердо уверен в своей правоте. Но не произведут ли они на Жанну впечатления бахвальства? До сих пор этого никогда не случалось. И все же ему иногда казалось, что он не до конца

узнал эту маленькую, такую бесконечно любимую женщину. Он немного робел перед ее скептическим умом, перед ее житейской практичностью. До сих пор она всегда первая выслушивала его идеи, соглашалась с самыми смелыми из них, поддерживала его в моменты сомнений и затруднений — как многим он ей обязан! Но ведь ему еще не случалось высказываться до такой степени самонадеянно!

Она без слов поняла его опасения и, отвечая на непроизнесенный вопрос, встала с кресла, подошла к нему и горячими губами прижалась к его лбу.

— Я верю в тебя, ты знаешь, Эмиль,— шепотом сказала она, хотя никто не мог их услышать.— Ты победишь, как побеждал всегда.

2

Был ли Рошфор мечтателем?

Да, в той мере, в какой мечтателем является каждый гениальный изобретатель: он видел не только сегодняшний день, но и завтрашний, и многие другие, бесконечной перспективой уходящие в грядущее. Набрасывая первый, еще неточный чертеж, он уже видел все здание завершенным. Без этого нет творчества.

Но в то же время он был человеком практики и трезвого расчета, это во многом и определило его блестящую карьеру. Как бы ни было велико его законное нетерпение увидеть полностью воплощенной в жизнь новую идею, он всегда проверял ее самым тщательным образом на всех решительно стадиях ее осуществления. Это было важно для себя — лишняя проверка никогда не помешает. Это было важно и для других — пусть они постепенно привыкают к новому, еще необычному, тогда прочнее поверят в него и охотнее придут на помощь.

В справедливости этого Рошфор убедился еще раз после того, как опубликовал в одной из крупнейших парижских газет краткую, но популярную статью об океанских энергетических станциях.

Статья произвела сенсацию. Сразу же на нее широко откликнулась печать. Одни газеты перепечатали ее полностью, другие — в выдержках, третьи ограничились изложением ее содержания. Началось горячее обсуждение в общей и специальной прессе.

В принципе против идеи Рошфора не возражал никто: теоретически она была обоснована безукоризненно. Однако нашлось и достаточно скептиков, именовавших себя «людьми практики». Они утверждали, что осуществить идею Рошфора очень трудно, если не совсем невозможно.

Говорили и писали, что бури, морские течения, прибой — все это не поддается учету, что все эти стихийные силы будут разрушать океанские станции или во время постройки, или — что еще хуже — после ее завершения. А ведь в каждую такую станцию придется вложить большой капитал.

В общем, критика была, если принять во внимание необычайность идеи, довольно сдержанной: действовал авторитет имени Рошфора, приобретенный десятилетиями удачной работы над изобретениями и их промышленным освоением.

Рошфор внимательно прочитывал все статьи, доставляемые ему из бюро газетных и журнальных вырезок. С тех языков, которыми он сам не владел (а статьи были на десятках языков), ему переводили специалисты-переводчики. Он встретил несколько дельных замечаний, но не нашел ни одного серьезного возражения, которое поколебало бы его уверенность в своей правоте.

Наиболее обоснованные и наиболее резкие возражения он передавал для прочтения Жанне. Она добросовестно прочла все, но осталась непоколебима.

— Ты прав, Эмиль! — говорил его маленький оруженосец.— Ты справедливо уверен в себе!

Он был достаточно силен, он мог бы обойтись и без помощи. Разве не во сто раз труднее было ему, когда юношей без имени и средств он выступал со своими первыми изобретениями? Но, правда, тогда он был моложе...

С глубокой благодарностью принимал Эмиль поддержку жены. Эта поддержка была для него тем более дорога, что он знал твердо: Жанна кривить душой не умеет. Прежде чем высказать свое мнение, она тщательно ознакомится со всеми данными и скажет тихо, очень спокойно, но категорически и веско.

Ему импонировало также, что солидный и вдумчивый Грейфер зажегся энтузиазмом. Он торопил учителя.

В эти дни Рошфор не работал ни в лаборатории, ни за письменным столом. С утра он прочитывал вырезки из газет и журналов или переводы иностранных статей — весь этот материал подбирали и подготавливали для него накануне секретари. Поток статей был еще велик, но явно сокращался — острота новизны притуплялась.

Затем он гулял, много занимался греблей, плаванием. Такой образ жизни он вел всегда, когда обдумывал практическое воплощение уже проработанной в теории идеи. Он думал напряженно, но спокойно.

Акционерное общество? Об этом говорил Грейфер.

Нет, к этому предприятию вряд ли удастся сейчас привлечь акционерный капитал: слишком уж оно необычно.

Кроме того, ему противны банковские дельцы. Он еще никогда

не был их приказчиком. Каждое новое свое изобретение он осуществлял сам или продавал патент. И каждое предприятие приносило ему солидный доход. Теперь он богат. Средств у него хватит для постройки океанской станции. Она оправдает себя и даст немалую прибыль. Конечно, чтобы поднять это дело в масштабе целой планеты, капитала не хватит не только у него, но и у самого крупного миллиардера. Но это потом. Куда легче будет говорить об океанских станциях после того, как первая из них уже будет давать невиданно дешевую энергию.

Но надо еще и проверить себя. Цифры, расчеты уже сказали все. Маленькая лабораторная установка подтвердила их правоту. Однако хорошо бы найти еще какую-нибудь промежуточную ступень между этой игрушкой и тысячеметровой морской трубой.

Рошфор и Грейфер много ходили по городу, избегая центра, предпочитая тихие, богатые зеленью окраины и берега Роны. О делах разговаривали на ходу. Однажды они медленно шли вдоль берега спокойной реки и, увлеченные беседой, приблизились к центру города, подошли к плотине. Невысокие шлюзы были открыты. Маленькими водопадами низвергалась вода, бурля и взбивая пену. Солнце клонилось к закату, бросая розовый отблеск на зеленую воду и белую пену. Ровный плеск воды был успокоительно однообразен. В нем тонули нечастые автомобильные гудки и шум моторов.

Воспоминание по контрасту развернуло перед Рошфором другую картину, смысл которой ему стал ясен не сразу.

Было это в ноябре прошлого года.

Он возвращался с Жанной из театра. Им захотелось пройтись пешком. Отослав шофера домой, они медленно шли. Улицы покрывал тонкий слой снега, усеянный следами пешеходов.

Они шли через мост. Там было безлюдно. Снежная громада Салева казалась неправдоподобно близкой. Густой пар клубился над Роной, катившей внизу черные, чугунно-тяжелые воды...

...Рошфор резким движением схватил Карла за руку:

— Нашел!

Карл изумленно обернулся:

— Что нашли?

— Температурный перепад на реке! Ведь на этой самой Роне во Франции, не так далеко отсюда, есть тепловая электростанция, спускающая в реку горячую воду!

3

Вода, охлаждающая пар, отработавший в турбинах электрической станции, похищает его тепло и сама нагревается.

Измерения температуры речной воды около самой станции и в

некотором отдалении от нее показали, что разница вполне достаточна даже в летнее время, особенно ночью, не говоря уже о зиме.

Рошфор заказал небольшую турбину на пятьдесят киловатт. Он торопился. Завод обещал сдать турбину через месяц. Чтобы не терять времени, Рошфор принялся за подготовку трубопроводов, насосов, дезаэраторов — аппаратов для удаления газов из воды.

Администрация электрической станции любезно уступила Рошфору место на своей территории. Здесь, на небольшом огороженном участке, работа шла очень интенсивно. Самому же Рошфору, в сущности, тут делать было нечего. Он приезжал раза два в неделю, осматривал сделанное, давал указания, однако больше ничем серьезным не мог заняться. Так всегда бывало с ним, когда он был увлечен какой-нибудь целиком заполнявшей его идеей. Разбрасываться он не умел.

Это был резкий контраст с теми лихорадочно горячими, до предела концентрированными днями и ночами, какие он проводил в кабинете и в лаборатории в первой стадии разработки идеи.

Дни Рошфор заполнял спортом, чтением, прогулками. Он непрерывно думал в это время об океанских станциях. Перед ним рисовались картины будущего. Тысячи своеобразных, никогда доселе не виданных конструкций возникали у берегов тропических морей и на специально созданных плавучих островах. Солнечная энергия, заключенная в морской воде и миллионы лет бесплодно пропадавшая, безотказно служит людям. Высокие, щедрые фонтаны бьют в Сахаре, Аравийской пустыне, в Центральной Австралии — там, где от века царствовали сыпучие пески да безжизненные граниты. Сплошным морем зелени темнеют эти бескрайние пространства, в них вкраплены зеркала искусственных озер и морей, миллионные города смутно шумят там, где раньше бедствовали убогие, малочисленные племена кочевников.

Своими мечтами Рошфор охотно делился с другими. Был в этом и трезвый расчет практика. Когда к нему приходили журналисты — они еще являлись от времени до времени, хотя волна сенсации уже давно схлынула,— он не только сообщал им принципы устройства океанских станций, но и рисовал увлекательные картины будущего. Рошфор был очень доволен, когда один журналист в большом газетном подвале весьма популярно рассказал об идее использования разницы температур океанской воды, о будущих энергетических станциях, о мощном воздействии на климат.

Цену рекламе Рошфор знал хорошо.

Несколько раз уезжали в горы маленькой дружной компа-

нней: он, Жаина, Карл н Ирэн. Дружба Карла н Ирэн, вндн-мо, крепла. Жанна тоже подружнлась с девушкой, которая была много моложе ее, но обладала уже зрелым, сложнвшимся умом. Эта четверка, объедниенная общей, увлекавшей всех нх целью, хорошо чувствовала себя вместе.

Но Рошфор иачинал тяготнться ожиданием.

И вот — уже осень по утрам стала наливать прохладой прозрачный воздух, уже лнстья лнп сталн желтеть н вянуть, и почти незаметное дуновенне ветра сбрасывало нх на землю — наступнл давио намеченный день. Завод не просрочнл нн часу. Пыхтящнй грузовнк прнвез турбину на участок, н краи, с натугой подняв стрелу, осторожно опустил турбниу на землю.

Рошфор разом окунулся в напряженную работу. Всего четыре дня потребовалось для полного монтажа всей установкн.

В маленьком зале одноэтажиого здания, выстроенного иа террнторнн электрической станцнн, было тесно. Рошфор стоял впередн всех. Он пристально смотрел на турбниу. Гудел воздушный насос. Испарялась едва теплая вода. Турбниа была неподвнжна. Мннуты шлн. Он твердо знал, что сейчас турбниа прндет в двнженне, н все же нервннчал, чувствуя на себе выжндательные взгляды прнсутствующнх. Еще минута, еще...

Она пошла! И вместе с ней, дрогнув, пошла по кругу стрелка счетчнка оборотов.

Турбнна ускоряет ход. Она стремнтельно вращается, жужжа, как чудовнщное насекомое. Счетчнк показывает пять тысяч оборотов в мниуту. Молчание нарушнлн возгласы восторга. Рошфор поискал глазамн Жанну. Она была тут, рядом, и не отрываясь смотрела на турбнну. Почувствовав его взгляд, Жанна обернулась. В ее глазах было столько сияння, что слова оказалнсь лншннмн.

Турбнна работала непрерывно, равномерно, давая нзо дня в день, нз часа в час, нз секуиды в секунду пятьдесят киловатт, как и было рассчитано. Примерно двадцать киловатт поглощалн насосы. Оставалось около трндцатн киловатт, обходнвшнхся втрое дешевле, чем энергня, вырабатываемая электрической станцией. А ведь это почтн кустарная установка! Энергня океанскнх станцнй будет еще дешевле.

Однажды, когда Рошфор находился однн в турбннном зале и следил, не отрываясь, за работой турбнны, вошел днректор электрнческой станцнн. Худощавый, высокнй, с тонкой нзломанной линией губ, в строгом черном сюртуке, он походнл скорее на теоретнка-ученого, чем на ннженера-практика. Дружескн улыбаясь, он поздравил Рошфора с блестящей победой.

— У меня есть предложение,— добавил он.

Рошфор выжндательно посмотрел на него.

— Продавайте мне вашу энергию. Она войдет в общий баланс станции.

Он опять улыбнулся.

Рошфор был тронут: это был акт большой любезности. Его тридцать киловатт почти ничего не составляли для станции. Он понял, что директор просто хочет подчеркнуть целесообразность его достижения.

Однако, правда, ведь станция на этом ничего не теряет и даже, хоть и немного, выигрывает благодаря крайней дешевизне его энергии.

Он принял предложение с благодарностью. Договор был заключен.

Газеты опять заговорили о Рошфоре. Факты были неопровержимы. Небольшая, но вполне реальная турбина — это уже не лабораторная игрушка с тремя лампочками.

Но через несколько дней в одной из крупнейших газет, отражавшей точку зрения промышленников, появилась большая, резко враждебная статья. Она подробно развивала уже высказывавшиеся раньше возражения. Автор не отрицал успеха Рошфора, но настаивал на том, что и пятидесятикиловаттная турбина — все та же лабораторная модель, лишь увеличенная в соответственное число раз. Он напоминал, что здесь соблюден только физический, но отнюдь не конструктивный принцип океанских станций. Температурный перепад достигается по горизонтальной, а не по вертикальной линии. Весьма сомнительна возможность постройки такой огромной трубы, какая понадобится для океанской станции. Ведь непосредственно у берегов вряд ли удастся найти требуемую глубину. Поэтому трубу придется спускать наклонно, и она получится длиной минимум в полтора километра. Если и удастся построить такое чудовище, то еще вопрос, можно ли будет его транспортировать на место и благополучно опустить. Скорее всего, труба сломается во время спуска и затонет. Если учесть ее колоссальную стоимость, то только сумасшедшие смогли бы решиться финансировать такое предприятие.

Но допустим, что все это пройдет благополучно.

Труба в полтора километра длиной и в несколько метров в поперечнике будет представлять огромную поверхность для разрушительных ударов воды и ветра. Ее погубит первый шторм, прилив или даже просто свежий ветер. Срок ее жизни нужно исчислять днями, если не часами. Миллионный капитал будет погребен на дне океана, как печальный памятник легкомысленного прожектерства.

И совсем бегло, в самом конце статьи, указывалось на то, что вся эта затея не нужна даже в том случае, если бы она была технически безукоризненна. Резкое увеличение количества деше-

вой энергии при нынешнем экономическом положении может, во-первых, вызвать усиление безработицы. Во-вторых, оно обесценит уже существующие электрические станции, убьет их конкуренцией и омертвит вложенные в них крупнейшие капиталы.

Это заключение, добавленное как бы между прочим, больше всего встревожило Рошфора. В нем угадывалась основная цель статьи.

Было яркое осеннее утро. Рошфор сидел в своем большом кабинете, залитом солнечным светом, который сияющими неровными полосами ложился на цветистый ковер, на огромный стол, на развернутый газетный лист.

Рошфор вздрогнул: кто-то чуть коснулся его плеча. Это была Жанна.

— Ну, что? — спросила она, бросив на него пытливый взгляд.

Удивительно было богатство интонаций в тихом голосе этой женщины. В ее вопросе Рошфор явственно слышал: «Какая-нибудь неприятность? Разве мало их у тебя было и разве ты не все их побеждал? Ну, расскажи, ведь я самый близкий твой друг».

Он протянул ей газету.

Она забралась с ногами на широкий диван и погрузилась в чтение. Солнечные лучи мешали ей читать, и она отодвинулась в самый угол.

Рошфор невольно залюбовался ею.

Яркая солнечная полоса легла на ее скромное темно-синее платье, перехваченное широким кожаным поясом. Она читала молча, и лицо ее постепенно становилось сосредоточенным, почти строгим. На лбу образовались продольные морщинки, и резкие морщинки легли в уголках губ. Она показалась Рошфору утомленной, даже чуть постаревшей, озабоченной. Ему захотелось ободрить ее веселой шуткой. Но она уже прочла статью и вялым движением отложила газету на диван. Затем, в ответ на вопросительный взгляд мужа, расцвела своей обычной веселой улыбкой, смывшей следы усталости.

— Бывало хуже, милый! Разве ты не помнишь?

Нет, конечно, он помнит очень хорошо. И с этим препятствием он справится, как и со всеми предыдущими,— идея его безукоризненно правильна. Только придется взяться за осуществление ее иначе, чем делает большинство изобретателей.

— Именно?

Вопрос Жанны звучал строго по-деловому.

Лучше всего, как он это делал не раз, выступить самому в роли предпринимателя.

Она встала и, неслышно ступая по пушистому ковру, подошла, положила ему на плечо узкую руку.

— Это предприятие будет как будто много крупнее всех твоих предыдущих?

— Безусловно. Тебя это тревожит?

— Нет, милый. Вернее, это меня не тревожило бы... В случае неудачи у нас останется вполне достаточно средств.

— Почему ты думаешь о неудаче?

— Я не думаю. Но ведь она возможна?

— Конечно, все может случиться.

— И тогда?

— Я начну сначала.

— Я тебя полюбила и люблю за смелость,— сказала Жанна.— Если бы ты даже потерял все, у тебя останутся твоя голова и твои руки.

— Но все-таки, мне кажется, ты немного встревожена?

Она слегка прижалась к нему.

— За меня и за тебя я не тревожилась бы. Но...

— Так за кого же?

Он с изумлением и недоумением взглянул на нее.

Она ничего не ответила.

Внезапно он понял.

За себя и за него она не боится. Она тревожится о судьбе третьего, которого еще нет с ними.

Но Жанна уже взяла себя в руки. Смущенно и весело улыбнувшись, она легкой, стремительной походкой вышла из комнаты, и по тяжелой темно-малиновой портьере пробежала волна, словно от дуновения ветра.

4

Наступили дни напряженной деятельности.

Прежде всего нужно было выбрать место.

Атлас мира распластался на рабочем столе Рошфора, и он вместе с Карлом тщательно изучал пояс земного шара, заключенный между линиями тропиков. На суше эти линии пересекали массив Африки в пустынных, мрачных местах. Синие просторы Атлантического и Тихого океанов лежали между этими линиями.

Выбор на первое время был не слишком велик.

Группа больших островов недалеко от Центральной Америки — вот наиболее подходящее место.

Острова густо населены и близки к материку. На них множество крупнейших — преимущественно сахароваренных и табачных — предприятий, которые станут потребителями дешевой энергии океанских станций.

На одном из островов расположена столица колонии — город почти европейского типа, с полумиллионным населением. Здесь, совсем близко от берегов, имеются большие глубины — как раз то, что нужно для станции.

Но это все в общих чертах. Нужно детально изучить намеченный берег, чтобы найти место, наиболее подходящее по глубине, защищенное от ветров, удобное по температурным данным.

Рошфор решил отправиться с ближайшими помощниками на остров.

Он предложил Жание принять участие в этой далекой и сложной поездке. Но она неожиданно отказалась. Она привела неопровержимые доводы: поездка и работы на месте — даже до начала строительства станции — продлятся очень долго, а между тем каждый месяц приближает время, когда на свет должен появиться их первенец...

Через несколько дней Рошфор выехал. С ним отправились немногочисленные, самые близкие помощники. Карл был в их числе. Была также Ирэн, которая недавно стала женой Карла. Она только что окончила институт, и Карл с некоторым смущением предложил Рошфору ее услуги.

Долгое океанское путешествие прошло незаметно. В каюте Рошфора был штаб, он и его помощники по целым дням почти не выходили оттуда. Сидели над картами, энциклопедическими словарями, справочниками, трудами географов.

За бортом парохода расстилался необозримый водный простор. Небольшие волны, белея в синеве, шли навстречу в первый день, а потом и они исчезли. Стройные пассажирские и тяжелые грузовые суда обменивались с теплоходами приветственными гудками: путь шел по оживленной океанской трассе.

Однажды рано утром, когда штилевое стеклянное море отражало у самого горизонта тончайшие краски зари, показался берег — далекий, неразличимый, почти призрачный. Он стал шириться и расти, и путешественники глядели на него с нетерпеливой жадностью. Остроконечные башни небоскребов врастали в безоблачное небо. Мачты многочисленных судов становились выше, вырисовывались отчетливее. Крики грузчиков, пыхтение паровых судов и дизелей, многоязычный говор, среди которого чаще всего слышался испанский язык,— и вот уже корабль пришвартовался в огромном порту среди других кораблей, пестревших флагами чуть ли не всех стран мира.

5

Рошфор арендовал небольшую яхту для обследования прибрежной части моря. Закупил необходимую для этого аппаратуру. Подсчитав расходы, он убедился, что они уже составили весьма значительную сумму. Это, однако, не удивило и не огорчило его: на то он и шел. До сих пор все складывалось нормально.

Плавучая лаборатория вышла в море по маршруту, выработанному Рошфором вместе с Карлом и Ирэн. Предстояла упорная, кропотливая работа. Для обследования был намечен небольшой участок близ побережья, но его нужно было очень тщательно изучить: промерить глубины, нащупать течения, установить их мощность, быстроту и направление, измерять температуры. В две смены работали океанографы — днем и ночью. Картами, чертежами, цифрами ложились результаты их исследований на стол Рошфора в его тесной каюте. Он работал каждый день с предельным напряжением, до тех пор, пока усталость не валила его на узкую койку.

И все же, несмотря на напряженность работы, она отняла больше времени, чем предполагалось вначале. Существовало, конечно, множество сведений о глубинах, температурах, течениях в этой части океана, тесно прилегающей к густонаселенным промышленным районам. Но эти данные не могли удовлетворить Рошфора: для его предприятия они были слишком общи. При поисках подходящего места картами этой части моря, даже самыми детальными, можно было пользоваться лишь для ориентировки. Приходилось создавать новую карту, прощупывая каждый метр дна, нанося добываемые данные мельчайшей ажурной сетью.

Как воин, он был оторван от дома, от семьи, и все его мысли, чувства, силы были направлены к одному — к победе.

Над его койкой единственным украшением маленькой каюты висела фотография Жанны. Поднимая воспаленные глаза от письменного стола, он видел ее перед собой. Воображение дополняло портрет, давало ему краски: пышные золотистые волосы, темно-синие глаза...

Иногда глубокой ночью, в смутные мгновения между бодрствованием и сном, она улыбалась ему ласково и немного укоризненно. В беспокойных снах он слышал ее грудной голос, обнимал ее, но линии течений, цифры показаний глубинных термометров и эхолота оттесняли дорогой образ, мысли его раздваивались, он просыпался в непонятной тревоге.

Так шли месяц за месяцем.

Иногда проливные дожди останавливали работу, иногда ее темп замедляла слишком сильная жара. Тогда он отдыхал, давал отдых сотрудникам, писал письма Жанне. Он писал короче и реже, чем ему хотелось бы. Его письма казались ему сухими: в них было слишком много цифр, но ведь Жанна так интересовалась его работой! Он с волнением спрашивал о ее самочувствии, о маленьком, которого она ждала... которого они оба ждали.

Ее письма были нежны, ласковы и подробны. Она не

уставала ободрять его. Самочувствие ее было прекрасно, все шло нормально. Она недоумевала: почему так долго продолжаются исследования? До каких пор они не будут видеться? Ведь ему все-таки легче приехать к ней, чем ей к нему.

Нет, это было невозможно. Оставить работу без своего участия и руководства хотя бы на короткий срок... Его страшила мысль об этом.

Нотки недовольства — сначала очень слабые — стали проскальзывать в ее письмах: пусть он так занят, как еще никогда не был за время их совместной жизни, и пусть он увлечен идеей, еще не виданной по размаху, но ведь в ее — и в его — жизни происходит исключительное событие.

Она была, безусловно, права.

Ее письма стали немного реже, немного короче и суше. Все же они были более часты и подробны, чем те, которые она получала от него. А он не мог заставить себя писать иначе. Чем дольше длились работы, тем напряженнее стремился он к их окончанию, которое уже намечалось: небольшой участок у побережья уже определился как наиболее подходящий. Работы теперь сосредоточились внутри этого участка: надо было найти самый выгодный пункт.

Но до этого прошло еще немало времени.

Шла зима, в этих краях она давала знать о себе только яростными ливнями и оглушающими, ослепляющими грозами. Там, дома, тоже обильные зимние дожди, временами снег, влажные, облачные ночи, пар, клубящийся над Роной.

В однообразном мелькании дней подошла весна. Здесь почти не чувствовалась привычная резкая грань между двумя временами года.

Яхта блуждала по небольшому участку моря. Необозримые водные пространства были уже привычным пейзажем для ее обитателей. Солнце выходило из воды и заходило в нее, оно отражалось в ней, когда море было спокойно, а ночью в ней мерцали огромные звезды тропиков и сияла холодная луна. Когда же ветер рождал однообразно-ритмичные волны и бросал в лицо соленые брызги, в работе нередко наступало затишье, и люди злились на задержку. В сильную непогоду приходилось отстаиваться в бухтах.

В один из таких дней, выбрав время, когда Рошфор остался один в своей каюте, осторожно постучав, к нему вошла Ирэн.

— Мсье Эмиль, мне необходимо поговорить с вами,— сильно волнуясь, сказала она.

— Садитесь, Ирэн, я вас слушаю.

И, пододвинув ей кресло, он усадил ее напротив себя. Он внимательно посмотрел на нее: она заметно осунулась, как и все на яхте. Кроме того, он отметил про себя, что лицо ее стало

более взрослым, взгляд глубокнх темиых глаз тверже н сосредоточеннее.

Она сидела и молчала, смущениая.

— Ну, я слушаю вас, мой друг,— ободрил он ее.

Он думал, оиа хочет сказать что-нибудь отиосящееся к работе. Ему нередко случалось слышать от иее дельиые замечания; из этой молодой жеищниы выйдет, пожалуй, серьезиый учеиый. Возможио, у иее возниклн какие-либо существеииые соображеиия.

Он ждал.

Но оиа собиралась говорить совсем о другом.

В последиее время, до отъезда, оиа очеиь подружилась с Жаиной. Дружба укрепилась перепиской. Жаниа писала ей о миогом.

— Мсье Эмиль,— повторила она и вдруг разом растеряла все заготовлениые дипломатические фразы. С ужасом чувствуя, что стаиовится до крайиости нескромиой, оиа выпалила: — Вы очеиь любите Жаииу? Ах, простите меия, ради бога!

Рошфор иакрыл своей широкой короткопалой ладоиью ее малеиькую ручку, вздрагивающую иа столе.

— Ничего, ие смущайтесь, Ирэи! Ведь вы ее закадычиый друг!

Ирэи уже оправилась.

— Вы великий учеиый, геииальный изобретатель,— горячо говорила она (теперь смутился Рошфор),— вы делаете изумительное дело, но ведь Жаииа — лучшая женщина в мире...

— Вы правы,— подтвердил он.

— И оиа отдала вам всю жизнь. И теперь она так одинока, в такое время... Я знаю, я нехорошо делаю, оиа доверилась мие, а я говорю вам. Но я не могу больше! Она так тоскует...

И Ирэн выбежала нз каюты, почти по-детски порывистая, но какие взрослые, твердые и осуждающие интоиации прозвучали в ее голосе!

«Зиачит, Жаниа писала, жаловалась, делнлась тоской,— думал Рошфор,— и не со миой, самым близким ей человеком».

Ему стало стыдио перед самим собой за преиебрежеиие, которое — пусть иевольно — он проявил к дорогому для себя существу.

Но его мыслн былн очеиь скоро прерваиы. Сквозь неплотио прнтвореиную дверь, оставлеиную Ирэн, он услышал громкий голос капитаиа, отдающего немногочислеииой команде приказанне сияться с якоря н выйти в море. Ветер упал, работы возобновляются. И, как воин, услышавший боевой клич, Рошфор сиова забыл обо всем иином.

6

Пришел долгожданный день.

Поиски окончены. Исследования, которые велись в последние дни на маленькой площади по концентрическим кругам, с неопровержимой ясностью определили самое подходящее место.

Небольшая бухта располагалась примерно километрах в ста от столицы и главного порта острова. Не очень далеко здесь протекал Гольфстрим, что сильно затрудняло работу, так как влияние Гольфстрима чувствуется на большой глубине и уменьшает температурный перепад.

Но эта бухта оказалась полностью изолированной от мощного теплого течения. Кроме того, тут же проходило сильное постоянное поверхностное течение, не отличающееся своей температурой от окружающей воды. Это очень важно: течение будет уносить отработанную холодную воду, иначе она станет скопляться и нарушать необходимый температурный перепад. Очень близко от берега есть глубина в семьсот метров, и разница температур между поверхностью и этой глубиной здесь вполне достаточна. Как можно судить по многолетним океанографическим данным, перепад температуры должен оставаться почти одинаковым в течение круглого года. Результаты исследований Рошфора подтверждали это.

Вблизи — сахарные плантации и сахароваренные заводы. Они предъявляют большой спрос на электрическую энергию.

Было твердо решено остановиться на этой врезающейся далеко в берег бухте.

Вечером, когда багровое, уже неяркое солнце ушло в море и напоенный блеском и зноем тропический день почти без сумерек провалился в огромную ночь, безлунную и испещренную звездами, радист вручил Рошфору радиограмму от Жанны, от которой уже довольно долго не было писем: «Поздравляю с сыном».

В глубокой задумчивости перечитывал он это краткое сообщение.

Он чувствовал себя виноватым перед Жанной и решил хоть отчасти искупить свою вину. Как никогда еще, ему захотелось увидеть ее и, конечно, сына. Он решил съездить домой, совсем ненадолго.

Утром он заказал билет на самолет, отправлявшийся на следующий день в Женеву. Затем занялся хлопотами о приобретении намеченного для океанской станции участка побережья. Хлопоты оказались несложными. Участок принадлежал владельцу одной из сахарных плантаций. Тот охотно

уступил его за недорогую цену, заявив, что его очень устраивает перспектива пользования дешевой энергией: владельцы местных электростанций, объединившись в трест и устранив всякую конкуренцию, до крайности взвинтили цены.

В тот же день вечером Рошфор расплатился с командой яхты, щедро вознаградив всех сверх договоренной платы: эти люди все время работали добросовестно и напряженно. На следующее утро он со своими ближайшими сотрудниками переехал в лучшую гостиницу города — им нужно было дать отдых после бешеной работы. Впереди предстояло немало дел.

Еще через день Рошфор был в Женеве.

Шофер ждал на аэродроме. Автомобиль понес Рошфора домой. Он жадно вдыхал влажный воздух своей родной тихой Женевы, любовался ее омытой вешними дождями яркой зеленью. На площади Ронд-пуан, как всегда, дремали, греясь на солнце, старухи, белели многочисленные детские коляски. В университетском саду группами гуляли студенты — юноши и девушки.

Машина быстро пересекла центр и покатилась по широколиственной, вымощенной мелким гравием аллее старых разлапистых лип.

Вот и его дом — двухэтажный, невысокий, отступивший вглубь от проезда и тонущий в зелени.

Задыхаясь от волнения, Рошфор выскочил из машины и бросился к двери. Но уже навстречу ему с легким криком выбежала Жанна — опять стремительная и стройная, как прежде,— и упала в его объятия со слезами и смехом.

Сын оказался здоровым крупным мальчиком — даже не верилось, что его родила эта невысокая, хрупкая на вид женщина. Рошфор подолгу и пристально всматривался в него. Он нашел в нем свои черты: узкие, орехового цвета глаза. Зато нос был материнский — прямой, без горбинки.

На третий день после своего приезда Рошфор сказал Жанне, что на завтра заказывает место в самолете.

Она странно взглянула на него, но тотчас же взяла себя в руки и внешне спокойно, только очень тихо, почти шепотом, спросила:

— Разве нельзя было немножко дольше?

Он тоже тихо, извиняющимся тоном ответил, покрывая поцелуями ее руку:

— Я не могу быть спокоен ни на минуту, пока не кончу все.

7

Вернувшись на остров, он устроил в своем номере совещание с ближайшими сотрудниками и приглашенными тремя местными инженерами для выработки плана дальнейших действий.

У приобретенного для станции участка дно, очень полого опускаясь, идет на незначительной глубине от берега на расстояние в тысячу триста метров и затем падает крутым обрывом на семьсот метров.

Значит, нужно построить трубу длиной в два километра: часть ее, в тысячу триста метров, проложат почти горизонтально, а другую, в семьсот метров, опустят вертикально.

Труба — это было решено уже раньше — будет стальная, сварная, из листов толщиной в три миллиметра. Толщина вполне достаточная, если учесть, что снаружи труба будет покрыта тепловой изоляцией, чтобы холодная вода не нагревалась во время подъема. Для изоляции можно использовать пенобетон — легкий, ячеистый материал, хорошо задерживающий тепло.

Диаметр трубы — пять метров.

На острове, да и нигде поблизости не было завода, который мог бы принять заказ на такое сооружение. Наиболее целесообразным было признано заказать трубу во Франции. Транспортные расходы, безусловно, сильно удорожат предприятие. Но другого выхода нет.

Разумеется, никому не пришло бы в голову везти трубу из Франции целиком, это просто было бы невозможно. Труба должна быть заготовлена и привезена секциями. Длина секции была принята в двадцать два метра. Монтаж будет произведен на месте.

Немедленно же Рошфор связался по телеграфу с одним из крупнейших заводов Франции.

8

В кабинете директора завода было тихо и спокойно, даже, пожалуй, слишком спокойно. Люди входили редко, телефоны звонили мало. Завод работал далеко не с полной нагрузкой.

Тем не менее директор, Эжен Жюзо, был сегодня в недурном настроении. Причиной этому послужила телеграмма Рошфора, лежавшая на его письменном столе. Директор, тяжело и прерывисто дыша, еще и еще раз перечитывал короткий текст, отпечатанный на узкой белой ленте. Очень, очень кстати, черт возьми!

Дела завода были неважны. Принятые заказы постепенно выполнялись и сдавались, а новые поступали редко, и притом все случайные, небольшие.

И вдруг этот заказ, крупный и поступивший от человека, внушающего полное доверие.

Жюзо знал из газет о проекте Рошфора, читал сообщения о его экспедиции. Итак, Рошфор отнюдь не думает бросить начатое дело. Он вкладывает большие личные средства... Очень большие.

Директор повертел диск внутреннего телефона, набрал двузначный номер. И тотчас в трубке отозвался ровный, спокойный голос его помощника:

— Я слушаю вас, мсье Жюзо.

— Прошу зайти ко мне сейчас на минуточку, мсье Шателье,— глуховатым голосом сказал директор.

— Хорошо, иду.

Когда Шателье вошел в кабинет, директор протянул ему телеграмму и сказал:

— Давайте сообразим, сколько это будет стоить. Заказчик требует срочного ответа.

Когда Шателье вышел из комнаты, неслышно затворив за собой тяжелую дверь, директор встал из-за стола — грузный, неуклюжий, с неровным дыханием астматика — и стал ходить взад и вперед по большому светлому кабинету.

Даже для их большого завода по теперешним тяжелым временам этот заказ — крупное подспорье. И вдруг Жюзо вздрагивает от твердого отчетливого стука в дверь. Так властно, уверенно стучит тюремщик в камеру заключенного. Тьфу, черт, какое нелепое сравнение!

— Войдите! — говорит Жюзо.

Входит незнакомый человек, немного выше среднего роста, безукоризненно одетый.

— Прошу вас,— говорит директор, указывая на удобное кожаное кресло, и сам занимает свое место за письменным столом.— С кем имею честь?

— В данном случае это несущественно,— с едва заметным иностранным акцентом отвечает посетитель, неторопливо усаживаясь.

— Но...— удивляется Жюзо.

— Важно дело, по которому я к вам пришел,— перебивает его странный посетитель,— оно не терпит отлагательства, и, если разрешите, я вам немедленно изложу его.

Жюзо отвечает не сразу. Он внимательно разглядывает собеседника. Тот вполне корректен, даже деликатен. Но манеры его повелительны.

Директор говорит:

— Пожалуйста, я вас слушаю.

При этом он опускает руку в карман пиджака и вынимает коробочку с мятными лепешками. Он кладет лепешку в рот, ощущая языком мгновенный приятный холодок, и пододвигает коробочку посетителю:

— Астма. Курить пришлось бросить.

Посетитель вежливо берет конфетку и приступает к делу, смотря в упор на директора холодными серыми глазами:

— Вы получили большой заказ от Рошфора.

— Откуда вы знаете? — изумляется Жюзо.— Мне только что доставили телеграмму.— И спохватывается, досадуя на себя: — Насколько я понимаю, этот заказ не имеет прямого отношения к вам. И, простите, я не могу говорить о нем с посторонним человеком.

Теперь посетитель выдерживает паузу. Затем он улыбается слегка, одними губами; глаза его остаются холодными.

— Вы правы,— говорит он,— этот заказ не имеет ко мне ни прямого, ни косвенного отношения. Я пришел к вам исключительно как доброжелатель. Я вам настойчиво советую, и притом исключительно в ваших собственных интересах, в интересах вашего предприятия, немедленно и безоговорочно отклонить этот заказ.

— В интересах нашего предприятия,— резко отвечает Жюзо,— принять и выполнить этот заказ.

Он пристально смотрит на собеседника. Но тот молчит, и его крупная белая рука неподвижно лежит на толстом стекле стола.

Закат догорел. В углах начинают сгущаться еще прозрачные тени.

— По чьему поручению вы пришли ко мне? — спрашивает Жюзо.

— Это несущественно,— отвечает посетитель, и в его голосе звучат нетерпеливые, нагловатые нотки.— Лучше всего будет допустить, что мне никто ничего не поручал.

Но Жюзо уже остыл. Зачем допытываться? Разве и без того не ясно, по чьему поручению действует этот человек?

Те, кому угрожает конкуренция со стороны энергетических станций Рошфора, безусловно, будут бороться. Ну, что ж, и мы поборемся. Завод нуждается в этом заказе, он примет и выполнит его. Кроме того, важна и честь фирмы. Нет, Рошфор не получит отказа.

Жюзо встает со своего кресла, и тотчас же встает и посетитель. Они стоят друг против друга — невысокий, грузный человек с беспокойным хрипловатым дыханием и стройный, с военной выправкой. Жюзо твердо говорит:

— Благодарю вас за совет. Заказ Рошфора будет выполнен.

— Ясно...— Посетитель прощается и, щелкнув каблуками, выходит из кабинета.

Жюзо ждет, пока за ним закроется тяжелая дверь. Затем снова садится и звонит помощнику:

— Вот что, Шателье. Сейчас же сообщите Рошфору, что мы принимаем заказ и выполним его в кратчайший срок. Немедленно запросите Рошфора о подробностях и по получении ответа поручите приступить к составлению чертежей. Обеспечьте этот заказ особо усиленной охраной на всех стадиях его выполнения.

Получив от завода ответ, Рошфор не только послал по телеграфу подробное описание трубы, но также передал по бильдтелеграфу тщательно выполненный чертеж. Это облегчило задачу руководителей завода, и они уведомили Рошфора, что назначенный ими срок сокращается еще на четверть. Рошфор остался этим очень доволен.

9

В кабинете директора беспрерывно работал телефон. Жюзо отдавал приказания, звонил в цеха, помощнику, инженерам. Он словно помолодел, голос его стал крепче, дыхание ровнее.

Опять позвонил Шателье. Голос его спокоен, как всегда, но то, что он говорит, не сразу укладывается в сознании Жюзо.

— Я плохо слышу, повторите, пожалуйста,— просит директор.

— На заводе пожар,— повторяет Шателье,— меры к тушению приняты.

— Где горит?

— В чертежной.

Жюзо повесил трубку, быстрыми шагами вышел в коридор, направился к лифту. Чертежное бюро находится двумя этажами выше. Когда директор подошел к нему, заводские пожарные уже почти ликвидировали огонь. Глаза слезятся от густого, едкого дыма. Разлетаются дотлевающие клочья обгорелой бумаги. Шателье здесь. Он отводит директора в сторону, чтобы их не слышали служащие.

— Что сгорело? — торопливо спрашивает Жюзо.

— Ничего особенного. Часть не очень важных чертежей. Но вот что интересно: по-видимому, в первую очередь сгорели чертежи Рошфора. С них-то, кажется, и начался пожар.

— Это не страшно,— замечает Прево,— чертежи несложные. Задержка будет небольшая.

— Да,— соглашается Шателье,— но у меня такое впечатле-

ние, что это, безусловно, поджог и что в первую очередь имелись в виду именно чертежи Рошфора.

В эту минуту к директору подходит рассыльный.

— Господин директор,— бодро говорит он,— вас просят по срочному делу.

— Кто? — отрывисто спрашивает Жюзо.

— Неизвестный мне господин. Он ждет у вашего кабинета.

У входа в кабинет директору почтительно кланяется незнакомец, приходивший на днях.

— Что вам надо? — резко спрашивает Жюзо.

— Добрый день, господин директор,— тихо произносит посетитель.

Директор внимательно смотрит на него. Тот спокойно и вежливо выдерживает взгляд. Жюзо сдается:

— Войдите.

Оба садятся.

— У вас на заводе сегодня несчастный случай,— сочувственным тоном, полувопросительно, полуутвердительно говорит посетитель.

Директор резко поворачивается в кресле и смотрит на него вполоборота:

— Вы знали о телеграмме Рошфора в тот момент, когда я ее получил. А о сегодняшнем «несчастном случае» — у меня такое впечатление — вы узнали, пожалуй, раньше, чем он произошел.

Посетитель обходит щекотливое замечание:

— Похоже, что происшествие не причинило заводу особого вреда.

— Вам и это известно?

— Будем надеяться, что больше никаких несчастных случаев не будет,— продолжал посетитель, глядя на Жюзо в упор серыми наглыми глазами.

— Вы говорите так, словно это зависит от вас.

Посетитель опять предпочел не отвечать прямо:

— Впрочем, мы говорим как будто не на тему. Я пришел повторить свой совет.

— А мне кажется,— уже грубым тоном, прерывисто и хрипло дыша, сказал Жюзо,— что мы говорим именно на тему и что невыполнение вашего «совета» вы связываете с возможностью дальнейших «случаев».

Посетитель учтиво поклонился:

— Как вам будет угодно.

Директора взорвало:

— Мне угодно выполнить заказ Рошфора. А против шантажа и поджогов существует уголовный суд!

Посетитель остался невозмутимым:

— Я не шантажирую, а только советую. Случайности могут

быть и гораздо серьезнее сегодняшней, а с моим советом вы связали ее сами.

Он сказал это четко, словно поставил в конце фразы большую точку, и, поклонившись, быстро повернулся и вышел. Дверь за ним не закрылась. Директор вопросительно поднял голову. В кабинет входил Шателье.

— Вы телеграфировали Рошфору? — спросил его Жюзо.

— Нет.

— Это еще почему?

Жюзо уже не владел собой. Но Шателье ответил, как всегда, невозмутимо:

— Через четверть часа состоится экстренное заседание совета акционеров. Мне сию минуту сообщили об этом.

— Что же будут обсуждать?

— Заказ Рошфора.

— А что именно?

— Я еще точно не знаю. Но слышал стороной, что речь идет об отказе ему.

— Вот как!

Значит, не один Жюзо получил предупреждение!

Как, наверно, смеялся над ним про себя учтивый незнакомец! Уголовный суд! Попробуй-ка докажи наличие шантажа! Докажи, что был поджог! А если и докажешь — этим не воспрепятствуешь новому пожару или еще какой-нибудь «случайности».

А ведь охрана на заводе поставлена хорошо, и она была еще усилена. Чертежное бюро охраняется особенно тщательно. Очевидно, здесь действует какая-то сильная организация. Первый акт был выбран весьма обдуманно. Ясно дано понять, что могут нанести удар в любой момент и по самому чувствительному месту.

— Ну что ж! Мы еще поборемся...

Но тотчас же он вспомнил о заседании совета акционеров. Они уже, верно, собрались — кучка хозяев завода, его хозяев.

Ему импонирует Рошфор, всемирно известный гениальный конструктор и удачливый предприниматель. Но им плевать на Рошфора и вообще на все на свете, кроме денег. Крупный заказ обещает деньги. Но шантаж угрожает убытками. Что пересилит — жадность или трусость?

Ответа ждать пришлось недолго. Шателье, присутствовавший на кратком заседании совета акционеров, вошел к нему в кабинет. Жюзо вопросительно взглянул на помощника.

— Без всякого обсуждения решили отказаться,— сказал Шателье,— как видно, их здорово запугали.

— Кто?

— Это мне трудно сказать. На заседании никого, кроме своих, не было. Но, по-видимому, каждого обработали в отдельности, и все они категорически потребовали отказа.

— Значит, с заказом Рошфора кончено?

Шателье не ответил. Жюзо, прерывисто дыша, устало опустил голову.

10

Карл вошел в номер Рошфора и молча положил на стол телеграмму. Рошфор пробежал ее, дернул плечами:

— Я ждал этого.

Карл изумленно посмотрел на него.

— Во всяком случае, чего-нибудь в этом роде,— продолжал Рошфор.

— Но почему завод мог отказаться? — недоумевал Карл.— Они пишут: «По независящим от нас причинам».

— Охотно верю этому,— ответил Рошфор,— по своей воле они не стали бы отказываться от такого заказа. Сырье и технические ресурсы у них имеются, иначе они сразу не приняли бы его. Скорее всего, им кто-нибудь помешал.

— Но кто? И зачем?

— Энергетические тресты.

— Как же они могли помешать?

— О, для этого всегда найдется способ. Подкуп или угроза.

Помолчали.

Затем Рошфор встал, выпрямился.

— Борьба продолжается. Завтра еду в Европу.

Рошфору пришлось столкнуться с большими трудностями при устройстве своего заказа. Заказ этот был лакомым куском для заводов, но история с отказом на первом заводе была уже широко известна во всех деталях: об этом позаботились заинтересованные люди. На нескольких заводах Рошфору отказали с искренним сожалением, но очень решительно. Наконец в одном месте у него приняли заказ с таким же сроком исполнения, как и на первом заводе. Однако администрация потребовала от Рошфора оплаты всех расходов по охране работ и по транспортировке трубы на место ее установки. Это значительно увеличивало затраты на его предприятие.

В ожидании прибытия трубы начались подготовительные работы.

На берегу бухты постепенно рос городок. Появились рабочие. Для жилья было построено несколько бараков. Выстроили небольшой домик для конторы. В этом же домике были отведены

очень скромные жилые комнаты для Рошфора, Грейфера и Ирэн. Местные инженеры остались жить на своих городских квартирах и ежедневно приезжали на работу.

Испаритель, пока не очень большой, генератор, конденсатор были заказаны в городе и скоро доставлены. Там же были куплены насосы.

Работы на берегу маленькой полукруглой бухты шли днем и ночью в три смены. Строили помещение станции, ряд подсобных зданий. Рошфор был на ногах с раннего утра до поздней ночи. Рабочих поражала его неутомимость.

Он весь ушел в работу, окружающий мир перестал для него существовать. Изредка, отрываясь от дела, он смотрел в море — туда, где длинный мыс наискось врезался в водное пространство, храня бухту от сильных ударов волн. Далеко-далеко, отмечая свой путь разорванными полосами дыма, проплывали корабли.

Домой Рошфор писал не часто, но подробно и ласково. Жанна отвечала добросовестно, но немного сухо. Она присылала карточки сына. Он рос хорошо, был здоров и весел. На фотографиях он неизменно улыбался — значит, шел в жизнь легко и уверенно.

Ирэн — или это казалось ему? — избегала говорить с Рошфором о чем бы то ни было, кроме работы.

Впрочем, его беспокоило сейчас другое.

Осенью в этих краях начинались бури. Бухта защищена от волн, но большая глубина находится у выхода в открытый океан. Заниматься монтажом трубы на судне, раскачиваемом штормовыми волнами,— задача не из легких. А спуск трубы во время бури — и вовсе рискованное предприятие.

Правда, назначенный срок сдачи трубы приходился на начало лета. Но уже с весны море бушевало неоднократно. Местные жители с недоумением пожимали плечами и уверяли, что этот год какой-то особенный. Обычно весной и летом море здесь очень спокойно. Труды географов подтверждали это. Но не ждать же будущего года! Да и где гарантия, что следующий год будет лучше?

Когда начинался шторм, Рошфор в бессильной ярости бродил по берегу. Даже здесь, в бухте, мощные волны бежали к берегу, нарастали, изгибались и, мутно зеленея, обрушивались на отлогий песчаный берег с оглушительным ревом, распластываясь лохматой шипящей пеной, медленно сползавшей обратно.

Он уходил на мыс, на его узкий конец, вреза́вшийся в открытое море. Брызги и водяная пыль обдавали его с ног до головы. Волны неслись на узкую полосу суши без конца, ряд за рядом, словно войско на приступ, разбиваясь вдребезги, отступая и

сменяясь новыми. Земля дрожала под ногами, и грохот ударяющих в нее волн был похож на залпы орудий.

Он возвращался мокрый, злой и полный решимости.

В другие дни море лежало тихое и ровное, без единой морщинки. Оно манило и обещало.

Рошфор телеграфировал на завод. Ему ответили немедленно: заказ будет готов через неделю, точно в срок.

Он по телеграфу дал распоряжение своему уполномоченному в Женеве. Уполномоченный погрузил ронскую турбину на скорый товарный поезд и в тот же день выехал в Лион. Там он зафрахтовал быстроходный теплоход, на который погрузили турбину и все секции трубы.

В ясный летний день теплоход, давая издали знать о себе резкими гудками, вошел в бухту и, осторожно разворачиваясь, остановился у причальной стены.

11

Рошфор переселился на теплоход.

Начался монтаж трубы.

Лебедка поднимала из трюма на палубу огромные секции, покрытые светло-серой тепловой изоляцией. Они были сделаны из слегка волнистой стали. Ложась на палубу, они издавали глухой звук. Диаметр их был таков, что в них свободно мог бы пройти поезд метро.

На борту судна работы велись круглые сутки, в три смены. Работали и по праздничным дням. Рошфор не жалел денег, стремясь выиграть время до наступления штормового сезона. Синеватое автогенное пламя, ослепительно яркое и днем, то и дело вспыхивало на палубе, и сварщики в темных очках, сосредоточенные и молчаливые, соединяли разрозненные секции в крепкое целое. Труба быстро росла. Ее первый горизонтальный кусок должен был достигнуть длины тысяча триста метров. В мелкой части бухты на якорях расставили понтоны и, наращивая трубу, делали из нее как бы мост между понтонами, как бы гигантский плавучий тоннель. Ее мощное тело, похожее на туловище невиданного морского чудовища, росло с каждым днем.

Все эти дни стояла ясная штилевая погода.

Но когда уже было готово около половины горизонтальной части трубы, разразилась буря. Понтоны прыгали как бешеные. Злобные волны перехлестывали через гигантскую стальную змею, они толкали ее со страшной силой, и она, как живая, металась по воде, то опускаясь, то поднимаясь. Теплоход ушел к берегу и там бросил якорь: он спасался не столько от волн,

сколько от возможного удара этой стальной змеи. Ее четыреста тонн в мгновение превратили бы его в металлический лом.

Рошфор стоял на берегу, прижав к глазам сильный бинокль.

Бухта кипела, как огромная чаша. Понтоны держались долго. Но вот один из них ушел слишком далеко от своего места. Волны гонят его к берегу. Видно, не выдержал якорный трос.

Какие же чудовищные валы должны бушевать в открытом океане, если здесь, в бухте, все бурлит и грохочет!

Еще один понтон сорвался и скачет по волнам вслед за первым.

Буря бушевала до заката, а затем море долго успокаивалось. Ночью, при ярком свете прожекторов, подсчитали потери. Они были не страшны. Труба не повреждена. Волнами сорвано всего четыре понтона. Но кто может поручиться за завтрашний, за послезавтрашний день?

В ту же ночь на борту теплохода состоялось совещание.

Инженер металлургического завода, прибывший с грузом и участвовавший в сварочных работах, невысокий, полный француз с красивым, если бы не нервный тик, лицом, высказал неожиданное мнение. Раньше он был за сварку на месте, чтобы избегнуть сложной транспортировки готовой трубы туда, где ее полагалось погрузить. Теперь, однако, он видит, что это опасно. Сегодня сорвало четыре понтона, а завтра может снести все.

— Что же вы предлагаете? — задумчиво спросил Рошфор.

Француз ответил не сразу.

— Собрать ее на суше? — как бы спрашивал он себя.— Потом тащить по земле — слишком велика тяжесть. Труба к тому же будет слишком длинна, чтобы ее на чем-нибудь можно было везти, а если волоком — это для нее не очень полезно...— Он подумал, тик на мгновение исказил его лицо.— Я не знаю этой местности. Если бы неподалеку была река...

— Есть река,— быстро сказал на ломаном французском языке молодой местный инженер.

Все обернулись к нему.

— Есть река,— повторил он и продолжал, запинаясь, подыскивая слова: — Она впадает в эту самую бухту в шести километрах отсюда.

— В самом деле,— вспомнил Рошфор,— есть река, правда, не судоходная, но близ устья она довольно широка...

— И глубока? — спросил француз.

Все взоры опять обратились на молодого инженера.

— О нет,— сказал он,— ее даже при самом впадении в бухту свободно переходят вброд.

— Необходимо посмотреть на месте.— Француз с грохотом

отодвинул стул и встал, словно собирался отправиться туда немедленно.

Однако это пришлось отложить до утра.

Утром Рошфор вместе с инженерами, Карлом и Ирэн отправился к устью реки. Она действительно оказалась очень мелкой. Но дно покрывал толстый слой чистого песка. Медленно протекавшая по слабому уклону река столетиями откладывала его здесь. Француз обрадовался — его предположение подтверждалось. Вычерпать этот песок до нужной глубины обойдется не слишком дорого. На реке можно будет установить понтоны и здесь произвести сборку, а потом пробуксировать смонтированную трубу в бухту.

Этот план был единогласно одобрен. Наступала осень. Вторая осень с тех пор, как Рошфор взялся за реализацию своей идеи. Он нервничал. Все чаще бушевало море, все меньше становилось спокойных дней. Он торопил работы.

Ирэн пришла к нему проститься: ее работа здесь закончилась, гидрографические исследования давно завершены. Она оставалась некоторое время ради Карла, но теперь трудно было сказать, как долго он еще пробудет здесь. Он решил идти со своим учителем до конца трудного пути.

Ирэн была взволнована, ее глубокие темные глаза блестели. Она радовалась скорой встрече с Жанной, с родителями, жившими в Женеве. В то же время ее тревожила неизвестность: где и когда она снова встретится с Карлом? И где она будет продолжать работу по своей специальности? Все это пока оставалось неясным.

Карл пришел вместе с ней, они втроем сидели в номере Рошфора. Рошфор был грустен. Он думал о своей семье, о том, когда кончится для него бурная походная жизнь. Ирэн смотрела на него: он осунулся, редкая короткая улыбка по временам открывала его блестящие белые зубы, но воспаленные глаза не улыбались. Она не решилась произнести приготовленный упрек, крепко пожала его руку, сказала:

— Я передам Жанне, что все идет хорошо, что скоро вы будете вместе, я поцелую за вас вашего сына.

Он молча пожал ее маленькую руку и благодарно улыбнулся.

12

Реку нужно было очистить от наносов на два километра от устья. На этом отрезке она текла почти прямо — значит, буксировать смонтированную трубу будет сравнительно легко.

Землечерпалки работали день и ночь без перерыва. Натужно пыхтели паровые машины, отхаркивая черный дым и белый пар,

бесконечной цепью бежали вверх и вниз черпаки, чавкая, поднимая обильно струящийся водой песок и выплевывая его на баржи. Однообразно, медлительно, ритмично бежали конвейеры с черпаками. Когда широкая плоскодонная баржа наполнялась, ее зачаливал буксирный пароходик и утаскивал вверх по реке с тяжелым, насыщенным влагой грузом.

Ночами ярко светили прожекторы.

Порой разражались бури, и грохот прибоя, доносясь сюда, заглушал пыхтение паровиков и чавканье черпаков.

А затем опять взялись за дело сварщики. Небольшая часть их работы была сделана уже раньше, в бухте. Сваренный кусок трубы с большим трудом выгрузили на берег.

Теперь нужно было сварить все секции, включая этот, уже готовый, доставленный на реку кусок, в две прямых трубы неодинаковой длины — тысячу триста и семьсот метров — и один небольшой коленчатый отрезок. Этим коленом водолазы уже в воде соединят вертикальную и горизонтальную трубы в одно целое.

Для удобства буксировки концы обеих готовых труб заделали широкими дисками, диаметром равными сечению труб. Крайние секции их имели на концах винтовые нарезы. Диски плотно ввинтили в трубы, которые оказались как бы закрытыми крышками. Пустые внутри, они приобрели огромную плавучесть. Три непропорционально маленьких буксирных парохода уже стояли впереди их наготове.

Однако приходилось ждать: в эти дни море опять бушевало, бухта кипела и пенилась. Рошфор запрашивал бюро погоды. Ответы были неутешительны: вряд ли на ближайшее время можно ожидать штиля.

Рисковать?

Чем дальше, чем глубже в осень, тем все меньше шансов на хорошую погоду.

В первый же день, когда волнение стало немного ослабевать, Рошфор, посоветовавшись с инженерами, распорядился приступить к буксировке.

Буксиры зачалили трубы. Несколько минут пароходики пыхтели, не сдвигаясь с места, а затем, натянув тросы, дымясь и звонко покрикивая, медленно-медленно поволокли трубы к морю.

Рошфор наблюдал с берега. Теперь обе трубы напоминали чудовищных змей, вытянувшихся на речной поверхности. Сходство довершалось буксирами, которые сбоку были похожи на маленькие змеиные головы. У большей змеи было две головы, у меньшей — одна.

Вот буксиры уже вышли в бухту, и высокие волны стали сильно подбрасывать и опускать их.

Затем очень медленно стали вытягиваться из устья на простор трубы.

Волны подхватили их и стали швырять из стороны в сторону, вверх и вниз. Их огромные полые тела представляли собой великолепные мишени для яростных ударов волн. Трубы глухо гудели, жалуясь и сопротивляясь.

А ветер усиливался. Громады валов росли, опрокидывались и вновь вставали, бесчисленные и неудержимые. Пушечным грохотом и ревом они старались заглушить металлический стон труб.

Буксиры по очереди скрывались за мощными грядами волн и попеременно возносились на их вершины.

Меньшая труба продолжала вытягиваться в бухту, и та часть ее, которая оставалась в реке, двигалась сначала спокойно. Потом и она начала раскачиваться медленно и плавно, а вышедшая в бухту часть трубы металась, словно ища спасения от крепнущих беспощадных ударов.

Бо́льшая труба выползала дольше.

И вот они уже обе в бухте.

Рошфор стоял, окруженный сотрудниками. Ветер орошал их дождем брызг и рвал плащи, унес шляпу Рошфора, но тот не заметил. Он пристально смотрел в бинокль на трубы. Еще недолго...

Кажется, волнение немного слабеет... Нет, наоборот, скорее усиливается.

Налетел бешеный порыв ветра, люди невольно пригнулись. Рошфор вскрикнул, но голос его утонул в реве прибоя: трубы несло на берег, и меньшая, более далекая от него, догоняла бо́льшую.

Буксиры отчаянно дымят, они напрягают все силы, танцуя на гребнях волн. Выдержат ли тросы?

Тросы держат.

Но трубы — слишком большая мишень для ветра и волн. Теперь трубы тянут за собой буксиры и все сильнее жмутся к берегу.

Рошфор невольно кричит, вытянув руки. Он слышит рядом с собой испуганные, взволнованные голоса. Но он смотрит, не отрываясь, туда, в море.

И вдруг страшный грохот потряс окрестность, пересилив даже вой ветра и орудийную пальбу волн: меньшая труба ударилась в бо́льшую, а та боком, во всю свою длину, грохнулась о берег. Трубы застонали, и берег ответил им чудовищным громом и стоном.

На палубах буксиров засуетились люди, скидывая тросы.

Теперь обе трубы метались по волнам, наклоняясь и стремительно уходя в воду.

Рошфор не мог оторваться от этого зрелища.

Он отчетливо видел огромные исковерканные тела труб. Страшный удар сломал их, смял, и сотни тонн морской воды хлынули в образовавшиеся огромные отверстия. Это уже были не трубы, а почти бесформенные груды металла. Они быстро потеряли плавучесть, ушли на дно, и на поверхности воды не оставалось ничего. Только кипели яростные волны и боролись с ними маленькие буксиры, пробираясь обратно в устье реки.

13

Вечером в номере Рошфора опять собрались основные работники строительства океанской станции.

Рошфор был молчалив. Плечи его опустились. Он не успел побриться. На щеках и подбородке вылезла неопрятная черная щетина, перебивавшаяся седыми и рыжими кустиками. Свет падал прямо на него. Он был некрасив: лысина, левая щека толще правой, в углах глаз мелкая сетка морщин.

Он случайно взглянул в большое стенное зеркало и пересел в тень.

Инженеры и Карл выглядели растерянными.

Долго никто не прерывал молчания. Все смотрели на Рошфора. Он, казалось, глубоко ушел в себя.

Наконец француз не выдержал.

— Я во всем виноват, мой план провалился,— глухо произнес он, и тик передернул его лицо.

Рошфор вскочил. Оцепенения как не бывало.

— Вы не виноваты, господин Карре,— громко сказал он,— не вы один, мы все не смогли предусмотреть того, что произошло.

— Господин Рошфор,— осторожно подбирая слова, сказал местный инженер,— вы понесли большие материальные потери. Думаете ли вы продолжать?..

— Обязательно! — воскликнул Рошфор, быстро поворачиваясь к нему.— Игра только начинается!

Свет электрической лампочки блеснул в стеклах его пенсне, ослепительная улыбка осветила лицо. Он стал строен, молод, мешковатость исчезла, он был почти красив. Карл с восторгом смотрел на него.

— Прежде всего обсудим, стоит ли организовывать подъем затонувшей трубы.

Общее мнение было: не стоит. Она разбита вся, вряд ли хоть несколько секций уцелело. Трубы, собственно говоря, уже не существует, а подъем ее обломков труден и дорог, он не оправдает расходов.

Что же дальше?

— Дальше,— говорит Рошфор (он уже опять по-деловому спокоен и напорист),— трубу, очевидно, придется монтировать на суше.

И в ответ на недоумевающие взгляды продолжает:

— Ее не надо будет тянуть волоком. Мы проложим перпендикулярно берегу узкоколейку и будем собирать новую трубу прямо на двухкилометровой цепи железнодорожных платформ. Когда труба будет готова, сзади платформ поставим паровоз, и он подтолкнет поезд к берегу. Тут трубу зачалят буксиры и потащат на место.

Наступило долгое молчание. Затем слово взял Грейфер.

— Это остроумно,— сказал он.— Во-первых, за счет времени монтажа сокращается опасное время пребывания трубы на воде, во-вторых, не придется тянуть ее волоком. Но ведь буксировка все же остается.

— Ну, этого, конечно, не избежать,— возразил Рошфор,— некоторый риск неминуем. Но зато мы сможем сделать это в более спокойное время — будущей весной. Нынешний сезон все равно потеряи — дело идет к зиме.

Инженеры нашли, что Рошфор предложил единственно правильный выход.

Тому же заводу был передан повторный заказ. Ввиду того что Рошфор оказался очень крупным заказчиком, завод на этот раз счел возможным сделать скидку в двадцать процентов. Администрация сообщила также, что в случае надобности срок сдачи секций может быть еще сокращен. Однако этого не требовалось — теперь спешить было некуда. Рошфор уведомил завод, что заказ должен быть сдан весной будущего года.

14

В тот же самый вечерний час, когда у Рошфора обсуждался новый план монтажа трубы, в самом комфортабельном номере той же гостиницы, находившемся двумя этажами выше над номером Рошфора, происходило другое совещание: заседал совет треста электростанций, обслуживающих остров.

Заседание было неофициальным, точнее, строго конспиративным. Не было ни секретаря, ни стенографисток. Прения не фиксировались. Да и не весь совет треста был налицо. Присутствовали лишь четыре человека — фактические вершители дел. Пятый участник сидел в углу у двери.

— Ну, как дела нашего друга Рошфора? — прямо приступая к делу, спросил председатель треста Гомец, сухопарый, высокий человек лет сорока.

— Дела его неплохи,— отозвался тучный член совета, при-

хлебывавший ликер из стройной узкой рюмки,— он сейчас обсуждает новый план.

— Вы гений, Педро,— фамильярно похвалил его Гомец,— ваша разведка работает образцово.

— Даже лучше, чем вы думаете,— самодовольно ответил Педро.

— Может быть, вы даже знаете, что он решит? — улыбнулся Гомец.

— Конечно, знаю.

Все взоры с удивлением обратились на него.

— Ого! — не унимался Гомец.— Я знал, что вы блестящий организатор и разведчик, но не подозревал, что вы обладаете даром предвидения.

Педро пожал плечами:

— Немножко психологии, вот и все. Зная характер человека, легко сообразить, что он сделает при данных обстоятельствах.

— Ну что же сделает Рошфор?

— Он еще не выдохся. Он будет продолжать.

— И что же дальше?

— Нас много, а он один. Мы его уничтожим с такой же неизбежностью, как огонь уничтожает брошенные в костер дрова.

Гомец презрительно усмехнулся:

— Пока что не мы его уничтожаем, а природа. Но слепая стихия не преследует обязательно наши интересы. Она может благоприятствовать и ему. Что же касается Переса, то он очень быстро утихомирился после маленькой истории с первым заводом. Дальше у Рошфора все пошло беспрепятственно.

Встал невысокий стройный человек и сел поближе к столу.

— Во-первых,— сказал Перес, пристально глядя на Гомеца холодными серыми глазами,— не так уж беспрепятственно шло дело у Рошфора. Ему пришлось потерять некоторое количество времени и нервов, прежде чем он снова устроил свой заказ. Расходы его несколько возросли при этом. Но главное — даже небольшая задержка увеличила надежды на помощь нам природы. Здесь мы не прогадали. Наконец, он почувствовал враждебную руку, получил моральный удар. А для подготовки поражения это весьма существенно...

— Но почему же вы оставили в покое второй завод? — грубовато перебил Гомец.

— Потому,— ответил Перес,— что такая игра была бы бесконечно длительной и утомительной для нас. Кто знает Рошфора, тот не усомнится, что он объехал бы весь мир, а добился бы принятия и выполнения заказа. Нет, его надо бить на более поздних стадиях его предприятия, бить по его нервам и по капиталу сразу. И то и другое имеет границы.

— Я согласен с вами,— уже вежливее возразил Гомец,— что буря очень удачно уничтожила трубу в момент ее спуска, после того как на нее была затрачена большая сумма денег Но ведь не вы же устроили эту бурю.

— Нет, не я,— ответил Перес, раскрывая в быстрой улыбке широкий рот,— но я устроил нечто другое. Если бы и не было бури, то трубу в последний момент постигла бы не лучшая участь. Но я забочусь о разнообразии впечатлений Рошфора. Если ему угодно будет пережить гибель трубы хоть десять раз, то каждый раз она будет гибнуть по-другому.

— Ну, насчет десяти раз можно быть спокойными,— заметил один из молчавших до сих пор членов совета,— средства Рошфора иссякнут гораздо раньше.

15

На постройке океанской станции наступил период длительного бездействия. И Рошфор, поручив инженерам строительство узкоколейки, закупку подвижного состава и приемку трубы, решил вместе с Карлом вернуться домой. Он хотел провести зиму в домашнем кругу.

Жанна встретила его тепло, но сдержанно. Сын радовал его: он сильно вырос за эти месяцы, был по-прежнему здоров и почти всегда весел. Его личико стало выразительным. Рошфор многие часы проводил с ним, всматриваясь в его улыбающееся, лукавое лицо, в его живые, карие с ореховым оттенком глазенки.

Но Жанна ревновала сына к нему. Странно, Рошфор чувствовал, что не он теперь самый близкий для нее человек, а вот этот крошечный, которого она исступленно любила. Часто она деликатно забирала его у отца, под каким-либо предлогом уносила в детскую — и Рошфор чувствовал себя брошенным.

Однажды вечером, после того как маленького уложили, Рошфор подробно рассказал Жанне о всех перипетиях борьбы за океанскую станцию. Она слушала внимательно. Потом спросила:

— Что же дальше?

— Все то же,— с улыбкой ответил он,— будем бороться до полной победы!

— Хватит ли у тебя денег?

Его болезненно покоробило, что она сказала «у тебя», а не «у нас», но он сдержался. На вопрос он ответил не сразу, немного подумав:

— Полагаю, что да. Полагаю, что таких катастроф больше не будет.

— А если будут? — настаивала она.

— На одиу еще хватнт,— полушутлнво ответил он.

— А на две?

Эмиль замолчал, потом встал, легко положил ей руку иа плечн, заглянул в ее мнлые темно-синне глаза.

— Жанна,— сказал он,— а еслн даже так! Еслн мие суждено долго еще бороться, может быть, потерпеть пораженне? Ведь я все равно ие сдамся. Разве ты не была все этн годы монм верным и самоотвержеиным другом? Разве еще недавно ты ие сказала мне, что любншь меня нменно за храбрость, за верность ндее, за уменне рнсковать? Ну, я точно не помню, как ты выразнлась, ио смысл твонх слов был такой.

— Это правда,— тнхо сказала Жанна,— но я говорнла так за себя н за тебя. А за него (кивок в сторону детской) я иичего сказать не могу, н ои, маленькнй, еще долго сам ннчего не сможет нн сказать ни сделать.

И после коротенькой паузы:

— Мне за него страшно, за иего, Эмиль!

Затем, иеслышно ступая по ковру, она вышла из комиаты.

Больше онн к этой теме ие возвращалнсь. Онн разговарнвалн между собой о самых разных вещах, порой вполне безразличных для ннх, но, словно по молчаливому уговору, не говорнли о том, что было главным содержаннем жизни Рошфора за последиее время. Это было иеестественио и тяготило нх.

Виешне их отношення оставалнсь прежннмн — оин были вннмательны н нежны друг к другу. И все же оба чувствовалн какую-то неуловнмую взанмную отчужденность, мучнлнсь ею, но инчего ие моглн поделать. Это тяготнло нх. Рошфор инкогда бы ие подумал, что дома, с Жанной, после столь долгой разлукн, он будет чувствовать себя так...

И он даже сократил срок своего пребывання дома, сославшнсь на то, что лучше вернуться на место работ пораньше, хотя можно было бы не спешить.

Он уехал ранней весной.

16

Прнехав иа остров, Рошфор убеднлся, что ннженеры выполннлн все порученное нм весьма добросовестно. Узкоколейка была готова, путь доходил до ннзкого отлогого берега. Подвижной состав — платформы и паровоз — стоял в полной готовностн под легкнм навесом для предохранения от тропнческнх дождей.

Расходы по предпрнятню непредвнденно рослн: аренда землечерпалок, барж, железнодорожное полотно, платформы,

паровоз — все это, не говоря уже о новой трубе, стоило немалых денег.

Сменив зимние проливные дожди, весна наступила в этом году рано, обильная жарой и светом, полная ясных, безветренных дней. Бюро погоды обещало их много, на неопределенно долгий промежуток времени. Поэтому Рошфор запросил завод, нельзя ли ускорить срок изготовления трубы. Ему ответили, что все секции давно готовы и не отгружаются лишь потому, что назначенный Рошфором срок сдачи заказа еще не наступил. Если ему угодно, труба может быть погружена в любое время.

Он по телеграфу просил сделать это немедленно.

Через две недели теплоход, тот же, что и в прошлом году, доставил точно такой же груз, как и в прошлый раз.

Среди людей, приглашенных для монтажа труб, было большинство прошлогодних рабочих. Найти их оказалось нетрудно — на острове была безработица.

Навес над поездом платформ сняли. Сидя на них, рабочие приваривали секцию за секцией к уже готовой части трубы. С каждым днем уменьшалось число пустых платформ, с каждым днем труба росла от хвоста поезда.

Когда она была готова вся (это были опять-таки два отрезка неравной длины, наглухо закрытые с концов привинченными крышками), к заднему концу необычайно длинного поезда, со стороны суши, подошел паровоз, подавая сигнальные гудки. Лязгнули буфера, зазвенела сцепка. Оба отрезка трубы были прикреплены друг к другу коротким тросом. Коленчатый отрезок уже лежал на борту одного из буксиров. Рошфор поднял руку, машинист дал свисток, паровоз запыхтел и двинулся, подталкивая платформы. Они дрогнули, опять звучно залязгали буфера, поезд медленно пошел. Когда он остановился у воды, к берегу подошли счаленные между собой гуськом три буксира, зацепили обе трубы и стали тихо отползать от берега. Труба по наклонной, очень пологой плоскости, опущенной с передней платформы, стала съезжать в море, и через минуту под ее передним концом забурлила вода. Очень медленно, друг за дружкой, шли буксиры. Долго сползала труба. Вот уже вытянулся на воде более короткий отрезок, предназначавшийся для погружения в глубину. Затем прошел пустой промежуток: трос повис, его не видно в воде. Промежуток уменьшается, на воду сползает длинная часть трубы. Не стукнутся ли обе трубы друг о друга?

Нет! Люди на буксирах работают внимательно и умело. И уже оба отрезка плывут один за другим.

Рошфор глядел, нервно потирая руки, но теперь все шло совсем по-другому. Море было спокойно. Буксиры плыли друг за другом как по линейке, и за ними двигалось нескончаемое, в одном месте разделенное промежутком туловище трубы.

Еще несколько минут, и буксиры без всяких приключений дошли до семисотметровой глубины. Здесь отвинтили крышку с переднего конца более короткой трубы, и лебедка стала медленно, осторожно спускать ее вертикально вглубь.

Рошфор бросил бинокль, сел в моторный катер и подплыл к месту спуска.

Там, где вошла труба, море забурлило и сейчас же успокоилось. Оно принимало ее молча, доброжелательно, и труба входила в него медленно, но безостановочно, метр за метром, секция за секцией.

Все.

Семьсот метров.

Спуск кончился, лебедка остановилась.

Вертикальная часть трубы на месте.

Местный инженер, находившийся на заднем, ближайшем к трубе буксире, распорядился продолжать работу — приступить к погружению горизонтальной части, пока еще плававшей на поверхности. К ней подошли несколько моторных катеров, в разных местах с обеих сторон ее зачалили стальными тросами, открыли крышку, и в трубу, бурля и завиваясь водоворотами, хлынула зеленоватая вода.

У Рошфора отчаянно билось сердце, он стоял, вытягивая плечи, обняв кистью правой руки сжатый кулак левой и делая такое движение, словно силился и не мог открыть кулак.

Все шло отлично.

Катера суетились по бухте, подтягивали горизонтальную часть трубы на тросах к тому месту, где она должна была прочно улечься.

Внезапно странный звук — металлический, звенящий, оглушительный раздался в тишине.

Никто не понял сразу, откуда он.

И вдруг все катера врассыпную бросились в стороны.

С горизонтальной частью трубы что-то творилось. Она сильно вздрагивала, волнуя и пеня воду, а затем сразу рухнула в воду, вытолкнув высокие разбегающиеся волны.

Все это произошло быстрее, чем люди могли сообразить, в чем дело.

Потом поняли: потеряв равновесие, вертикальная часть трубы наклонилась и обрушилась в семисотметровую бездну, увлекая за собой связанную с ней горизонтальную часть. Прошли немногие минуты, и вся двухкилометровая труба лежала — на этот раз, очевидно, целая и невредимая — на такой глубине, откуда ее нечего было и думать достать.

Море долго волновалось в том месте, где оно так неожиданно поглотило гигантское сооружение.

На катерах, на буксирах люди стояли в оцепенении. Все

взгляды были обращены на Рошфора: что он сделает теперь, после второй катастрофы?

Долгие месяцы вынашивания зародившейся идеи — размышления, расчеты, лабораторные опыты. Месяцы подготовки к экспедиции. Детальное изучение местности. Упорная борьба за заказ трубы. Монтаж ее. Первая катастрофа, миллионы франков, ушедшие на дно моря. Вторая попытка. В общей сложности — годы напряженного труда, затрата большей части крупного состояния. И в одно мгновение бездна опять поглотила все.

Если есть предел человеческим силам...

Нет, этот предел для Рошфора еще не наступил.

Он почувствовал на себе пристальные, пытливые взгляды, подтянулся, улыбнулся и ровным, лишенным интонаций голосом бросил два слова мотористу. Тот направил катер к берегу. Сев в такси, Рошфор уехал в гостиницу. Там он принял ванну, надел выходной костюм, пообедал за общим столом: он крепко завинчивал себя. Он повторял про себя лозунг, который усвоил в самом начале своей жизненной карьеры и которому всегда неуклонно следовал: если хочешь победы, то не сдавайся и не отступай!

Он мерял свой номер по диагонали большими шагами и, забывшись, повторял вслух:

— Не сдавайся и не отступай!

В это время в дверь постучали.

— Да!

Дверь тихо открылась. Вошел мулат лет тридцати, с утомленным желтоватым лицом. Рошфор всматривался в него. Он не сразу узнал в нем одного из своих рабочих-сварщиков. Узнав, попросил сесть. Но рабочий не садился: он подошел к столу и положил на него кусочек блестящей стали. Рошфор посмотрел: что это? Рабочий, объясняясь на плохом французском языке, просил посмотреть внимательнее. Рошфор увидел: это был кусок одного из тросов, поддерживавших трубу во время спуска. С одной стороны кусок был отрезан — явно ацетиленовой горелкой. С другой — в половину своей толщины ровно разрезан каким-то орудием, может быть напильником, а наполовину разорван.

Рошфор долго смотрел на этот кусочек стали.

— В чем же дело?

Рабочий объяснил: ацетиленом отрезал он, чтобы принести этот кусок сюда — не тащить же в гостиницу всю уцелевшую часть троса. С другой стороны — место его обрыва.

— Значит, трос лопнул,— сказал Рошфор.

— Они все, наверно, лопнули,— подтвердил рабочий.— Все они, как этот, были до половины надрезаны.

— Разве вы все их видели?

— Нет, конечно. Я посмотрел три или четыре на выбор. Они были надрезаны. Значит...

— Да, это ясно! Но кто мог это сделать?

Рабочий помолчал.

— Знаете,— сказал он,— среди ваших рабочих был один человек, лицо его показалось мне очень знакомым. Я не обратил на это внимания. Теперь вспомнил. Я работал несколько лет назад на одной из электрических станций. Этот человек — оттуда, и он не рабочий.

Рошфор спросил:

— Вы думаете, это его рук дело?

— Безусловно!

Рошфор помолчал и сказал:

— Вы правы... Да, я думаю, что вы правы!

Рабочий стал прощаться. Рошфор задержал его, вынул чековую книжку и стал писать чек. Рабочий сказал:

— Нет, этого не надо, я не возьму.

— Почему? Вы оказали мне большую услугу, вы открыли мне глаза...

Рабочий упрямо повторил:

— Я не возьму. Вы не наживетесь на этих делах — скорее, прогорите со всем своим капиталом. Да, да, я не очень-то верю в успех, вас сожрут. Но я читал статью о вас. Вы думаете не о себе, а о счастье человечества.

Он крепко пожал руку Рошфора твердой ладонью и вышел. Удаляющийся стук его каблуков прозвучал в гулком коридоре.

17

Рабочий говорил об одной из старых статей. В последнее время о Рошфоре писали мало, газеты давно уже кормились новыми сенсациями. После первой катастрофы появилось несколько сообщений. Большая часть их была несочувственной. Газеты уже начинали говорить о Рошфоре как о маньяке, между тем как серьезные ученые в специальных журналах отзывались о нем с большим уважением. Но эти журналы не влияли на общественное мнение.

Учитывая недоброжелательность газет, Рошфор в последнее время старался как можно меньше привлекать внимание к своей работе. Это ему не удалось: сейчас же после второй катастрофы появились широковещательные сообщения о ней, притом сильно преувеличенные. Некоторые газеты отозвались так быстро (в вечерних выпусках того же дня), что можно было подумать — они получили сообщения о катастрофе раньше, чем она произошла. Создавалось впечатление, что сообщения исходят из

одного центра, заинтересованного в том, чтобы дискредитировать предприятие Рошфора.

На следующий день появилось несколько статей, в основном явно враждебных. Общее мнение было таково: с океанскими станциями кончено раз и навсегда.

Еще через день Рошфор получил воздушной почтой письмо от Жанны. Она писала:

«Мой милый! В эти тяжелые дни не забывай, что у тебя есть верные друзья на всю жизнь — я и наш маленький. Я верю в гениальность и плодотворность твоей идеи, но мир еще не созрел для нее. Ты будешь продолжать работу на благо человечества в других областях, и, может быть, еще при нашей жизни настанет день, когда можно будет вернуться к осуществлению этой замечательнэй идеи. Как нам обоим ни тяжело сейчас, я счастлива, что мы опять будем вместе, все втроем. Мы потеряли значительную часть нашего состояния, но я знаю, что твоя воля и энергия вернут все, а мне (и, конечно, тебе) хочется, чтобы наш маленький не терпел недостатка ни в чем до тех пор, пока он не будет сам за себя отвечать.

Итак, все будет очень хорошо.

Я жду тебя скоро».

Рошфор ответил в тот же день:

«Моя Жанна! Я ни на минуту не сомневался в твоей стойкости — даже тогда, когда мне казалось, что мы не вполне понимаем друг друга. Ты хорошо думаешь обо мне. Я хочу, чтобы ты думала еще лучше. Нет, я не собираюсь сдаваться. Я истрачу все состояние, но предприму новую, грандиозную попытку в совершенно иных условиях, и, я твердо уверен, она увенчается успехом. Нашему сыну ни в чем не придется нуждаться, потому что очень скоро мое предприятие даст плоды и сторицей вернет затраченный капитал. Жанна, мой маленький оруженосец, поддержи меня своей любовью и преданностью. Я доведу борьбу до конца и во что бы то ни стало добьюсь победы! Крепко целую тебя и сына, до скорой встречи!»

18

На этот же вечер Рошфор созвал новое совещание своих сотрудников. На нем присутствовал и Карл, выехавший из Женевы тотчас по получении известия о катастрофе. Рошфор не вызывал его, но был глубоко тронут его приездом.

Рошфор показал подпиленный трос и сообщил о разговоре с рабочим. Возмущению, негодованию не было конца. Экспансивный Карре предложил привлечь негодяев к ответственности.

— Нет,— сказал Рошфор. Он встал, вытянулся во весь

свой невысокий рост. Его темно-карие, орехового оттенка глаза сверкали под очками.— Нет! — повторил он.— Я не хочу зря тратить энергию, она понадобится мне для других дел. Да и бесполезно: уличить виновных трудно, а судить — и того труднее. Они за деньги найдут покровителей в суде, как нашли за деньги исполнителей. Как-нибудь на свободе я разделаюсь с ними. Теперь мне надо раньше всего довести до конца начатое дело.

На него смотрели с изумлением: нет, он отнюдь не чувствует себя побежденным!

Рошфор продолжал:

— Я мобилизую все средства, которые у меня остались, ведь на капиталистов теперь еще меньше можно рассчитывать, чем раньше. Я перенесу строительство океанской станции очень далеко отсюда. Здесь для этого климат неподходящий (он усмехнулся, ослепительно блеснув зубами). В Южное полушарие. Я ведь думал о возможности неудачи, изучал вопрос и нашел в литературе данные: есть место, где вполне подходит и температура воды, и глубина, и экономические условия. Я берусь сейчас же за подготовку предприятия, с тем чтобы осуществить его как можно скорее. Спасибо за все, друзья, а кто хочет со мною — милости прошу!

Велико было обаяние этого человека, целеустремленного, полного воли и несломленной энергии. Местный инженер предложил свои услуги. Они были приняты с благодарностью. Карре был удручен: он охотно отправился бы с Рошфором, но не имел возможности оставить свой завод. Он дружески простился с Рошфором.

Грейфер сказал:

— Я с вами до конца, учитель!

19

А наутро Рошфору принесли письмо из Женевы. Но почерк был незнакомый — не твердый, высокий, узкий почерк Жанны, а крупный, широкий, угловатый, полудетский.

От кого бы это?

Он взглянул на подпись: «Ирэн». Встревожился: почему Ирэн ему пишет? Что-нибудь случилось с Жанной?

Ирэн писала:

«Дорогой Эмиль!

Пишу по просьбе Жанны. Она не нашла в себе сил написать Вам то, что считает нужным, и поручила сделать это мне. Мне очень тяжело, но исполняю ее просьбу.

Жанна считает, что ее путь расходится с Вашим. Дело не в том даже, что Вы решили истратить последние средства на но-

вую попытку и в случае неудачи остаться ни с чем. Ведь Вы и начинали с ничего. Вы опять могли бы добиться независимого положения. Но она думает, даже уверена, что и в случае новой неудачи Вы не прекратите своих попыток. А к чему это может привести, и представить себе невозможно. Она считает, что Вы уже идете по избранному Вами пути как-то машинально, без участия своей воли».

Сказала бы прямо: правы те, кто пишет о Рошфоре как о маньяке. Он горько усмехнулся и продолжал чтение.

«Жанна не вправе подвергать сына, который ей всего дороже на свете, таким испытаниям, каких она даже не может предвидеть. Она решила: она уходит от Вас вместе с сыном».

Строки письма затуманились перед глазами, но он читал дальше:

«Она будет жить с ним у своих родителей. Она дает Вам полную свободу действовать, как Вам заблагорассудится. Вы не должны чувствовать себя связанным ничем.

Ей кажется, что Вы ее недостаточно любите, если вовсе не посчитались с ее мнением. Ведь она никогда не стояла поперек Вашего пути. Но раз предприятие становится безнадежным, то, по ее мнению, настаивать на нем — не мужество, а упрямство».

Ну, вот, теперь она уже очень прозрачно называет меня маньяком!

«Она от всей души желает Вам успеха. Но если Вас снова постигнет неудача и Вы решите последовать ее совету, она вернется к Вам вместе с сыном. Пока же она просит Вас не писать ей и не пытаться ее увидеть. Ей это было бы сейчас очень тяжело, да и Вам, верно, тоже. Она шлет Вам самый горячий привет, и я присоединяю к нему такой же свой».

Он долго стоял неподвижно, ссутулясь.

Итак, у него нет ни жены ни сына.

Ну что же! Воин должен быть одинок, семья его связывает. Теперь ему не придется оглядываться назад.

Нужно стиснуть зубы, сжать кулаки. Борьба еще не кончилась. По существу, она только начинается.

Он выпрямился, гордо поднял голову.

20

Теперь ехать домой было незачем. Рошфор принялся за подготовку нового грандиозного предприятия.

Место, которое он имел в виду, находилось у восточного берега Южной Америки, вблизи одного из крупнейших ее городов. В последние годы там усиленно развивалось скотоводство, с

каждым годом все больше мяса вывозилось в Европу. Потребность в искусственном холоде там должна быть очень велика.

Рошфор решил уложиться в минимальный срок, чтобы смонтировать станцию в ближайшую весну. Для тех мест она приходится на осенние месяцы Северного полушарня. Времени оставалось сравнительно немного, это радовало его: он работал с большим напряжением, жил только работой и своей целью, забывался от тяжелых мыслей.

В третий раз была заказана труба.

Рошфор мобилизовал все свои средства. Он реализовал ценные бумаги, продал различный уже ненужный инвентарь, оставшийся от прежних предприятий, взыскал все, что было можно, с дебиторов, снял деньги почти со всех текущих счетов.

Он занялся подбором людей: пригласил нового океанографа, инженеров, сварщиков. Среди рабочих был тот, который принес ему кусок надрезанного троса.

С помощью Карла было зафрахтовано семь судов. Получилась целая флотилия общим водоизмещением в пятнадцать тысяч тонн. Включая экипаж судов, штат экспедиции состоял из восьмидесяти человек.

За всеми этими делами Рошфор редко думал о жене, о сыне — он оттеснял мысли о них. Много работал и мало спал. Но случалось, ночью он мерял большими шагами свой узкий номер и думал, думал о тех, кого нет с ним и... будут ли? Может быть, и не будут. Словно треснуло между ними ледяное поле. Вот трещина еще невелика, ее можно перешагнуть. Потом перескочить. Потом переплыть. А затем все дальше и дальше расходятся льдины, растет разводье, ширится полынья, и, быть может, навсегда разойдутся они, стремительно уплывая друг от друга.

В тяжелый, налитый усталостью сон его входили они расплывающимися образами: невысокая стройная женщина с темносиними глазами, такая дорогая, и ореховоглазый мальчик, его сын. Он говорил с ними, простирал руки, вот-вот он коснется их — и все будет по-старому. Но они уходили. Он гнался за ними, они расплывались в бесформенное облако...

А дни были до предела насыщены трудами.

Скоро в третий раз пришел все тот же грузовой теплоход и опять привез секции трубы. К этому времени все уже было подготовлено, началась перегрузка. Точно, ловко работали подъемные краны, хватая куски стального передвижного тоннеля, снимая их с теплохода, перенося на новый теплоход. Глухо, но сильно позванивали секции. Грузчики тщательно укладывали их. Грузили инструменты и материалы. Старая турбина, так и не работавшая с того дня, когда она оставила берег Роны, тоже была сюда доставлена.

Кончилась погрузка. Рошфор и Грейфер перебрались в свои каюты. Раздалась последняя команда.

Линия судов стала вытягиваться из бухты, с места проигранного, но не последнего сражения.

«Проиграно сражение, но не война, она еще продолжается»,— говорил себе Рошфор, глядя на удаляющуюся бухту, на дне которой заносятся илом, ржавеют две грандиозные трубы. Но третья плывет с ним — к победе!

21

В знойный октябрьский день неподалеку от столицы одной из крупнейших южноамериканских республик появилась экспедиция Рошфора.

Солнце и море ослепительно блестели, ни одного облачка не было в голубой глубине, отграниченной от моря совершенным кругом горизонта. Маленькая флотилия ровно скользила по гладкой поверхности моря, вытянувшись гуськом, сохраняя почти одинаковые расстояния между судами. На носу последнего парохода стоял Рошфор.

После долгого плавания люди готовились к высадке, к работе. Они ждали ее с нетерпением. Отчетливо звучала энергичная команда молодого капитана. Рошфор видел и слышал все происходившее вокруг него, но был безмолвен и задумчив. Теплоход медленно шел по блестящей, рассекаемой и бурлившей у носа воде.

Напрягши всю свою волю, всю энергию своего ясного разума, Рошфор стоял спокойный, уверенный в себе. Он собирал силы. У него их много, еще очень много! Побеждает тот, кто отчетливо видит свою цель, кто хладнокровно и неудержимо стремится к ней.

На палубе большого теплохода ровными рядами лежали новые секции трубы. В третий раз родились они на далеком заокеанском заводе, чтобы приплыть сюда. Их предшественники лежат на морском дне далеко от этих мест. Не суждено ли этим новым широким, похожим друг на друга, как близнецы, отрезкам трубы разделить их участь?

Нет и нет! Все рассчитано и выверено. Печальный опыт не пропал даром. Порт и город были отчетливо видны в сильный бинокль.

Завертелись барабаны брашпилей, разматывая цепные канаты, опуская в толщу воды грузные якоря. Был полный штиль.

Рошфор не ошибся. Вблизи берега находилась глубина в восемьсот метров и был достаточный температурный перепад,

который к тому же, по данным многолетних наблюдений местной океанографической станции, был почти неизменным из месяца в месяц, из года в год. Здесь же проходило сильное поверхностное течение — оно будет уносить отработанную холодную воду.

С экономической стороны предприятие сулило успех. Предварительные переговоры с мясозаготовительными фирмами выяснили, что фирмы нуждаются в больших количествах дешевого льда. Отпускные цены на лед, о которых им говорил Рошфор, вызвали восторг, смешанный с недоверием.

— Вы очень скоро убедитесь в справедливости моих слов,— усмехаясь, отвечал Рошфор на скептические взгляды.

Решение новой технической задачи заключалось в следующем.

В открытом море устанавливается плавучая станция, укрепленная на якорях. Впоследствии для этого будет сооружен стальной плавучий остров. Пока же временно будет использован один из теплоходов рошфоровской флотилии.

С этой станцией соединяется восьмисотметровая труба, всасывающая глубинную воду. Значит, горизонтальная часть трубы здесь уже не нужна, и потому на этот раз было заказано значительно меньше секций. Это сильно облегчало и удешевляло предприятие. Чтобы труба держалась вертикально, к ней прикреплялся груз — тяжелый кессон, нагруженный балластом. Вместе с ним кессон будет весить около двухсот тонн. Он подвешивается к трубе снизу на крепчайших тросах. Кессон лежит на дне, а между ним и трубой остается расстояние около метра. Сверху в нем большое круглое отверстие, диаметр которого равен диаметру трубы. Через это отверстие будет засыпаться в кессон балласт, опускаемый в верхний конец трубы. Сверху трубу должен поддерживать поплавок — громадный пустой шар. Он весит около ста тридцати тонн, но вытесняет большое количество воды и потому должен обладать огромной плавучестью. Поплавок прикрепляется к трубе так, чтобы после ее окончательного погружения он плавал не на поверхности воды, а значительно ниже, на такой глубине, куда не достигает волнение. Тогда волны даже в сильную бурю не станут швырять его из стороны в сторону. Поэтому ему не грозит опасность быть оторванным от трубы.

Соединение трубы с плавучей станцией — гибкое, чтобы ветры и волны, раскачивая, не повредили ее.

Генераторы электрохолодильной установки будут получать энергию от тепловой океанской станции. В отличие от обычных условий, в лед будет превращаться не теплая, а пятиградусная глубинная вода — это еще удешевит его стоимость.

Рошфор приказал прежде всего собрать кессон и поплавок,

привезенные в виде фасонных железных листов. Эти листы он заказал одновременно с секциями трубы.

Поплавок имел сверху и снизу, одно против другого, совершенно одинаковые отверстия, каждое диаметром несколько больше пяти метров. Эти отверстия были соединены внутри него прямой трубой.

На следующий день начались работы по монтажу и опусканию восьмисотметровой трубы. На этот раз она должна была монтироваться в открытом море, прямо на месте спуска.

Царил тропический зной. В прозрачном небе сверкало раскаленное добела солнце, и спокойное море, отражая его, блестело нестерпимо, так что даже автогенное пламя казалось бесцветным. Люди были почти без одежды, обливались потом, но работали энергично и споро, с величайшим подъемом. Их возбуждало сознание, что близится завершение предприятия, на которое положено столько труда, с которым было связано столько испытаний, сулившее столь важные перспективы для человечества. Ведь эти люди уже сроднились с делом Рошфора, это был сложившийся коллектив работников.

— Скоро, друзья, мы начнем получать холод! — говорил Рошфор.— Он пойдет к нам из глубины мощной неисчерпаемой струей воды, имеющей всего около пяти градусов тепла!

Люди предвкушали наслаждение принимать щедрые холодные души, пить охлажденную воду.

Подхваченный подъемным краном шаровой поплавок покачался в воздухе, словно примериваясь, и легко лег на воду. Он чуть-чуть колебался на ее поверхности, такой легкий на вид. Невозможно было поверить в его стотридцатитонную тяжесть.

Так же лег на воду недалеко от него еще пустой, без балласта, кессон. Кран подвел его ближе к шару. Затем в кессон насыпали немного балласта, и он опустился под поплавок. В дальнейшем балласт — свинцовая дробь — должен был поступать в кессон со строгой постепенностью, чтобы затопление происходило равномерно.

Кран, раскачивая, поднял нижнюю секцию трубы и опустил ее над шаром. Направляемая рабочими, она вошла в канал поплавка (канал был шире ее почти только на толщину ее стенок), прошла его насквозь и чуть вышла снизу. Это было глубоко под водой, этого не было видно сверху, несмотря на большую прозрачность воды. Это видели водолазы — их было двое. В легких водолазных костюмах они спустились на тросах и прикрепили кессон к нижнему концу секции. Теперь кессон будет опускаться вместе с трубой, пока не дойдет до дна.

Поплавок держался на поверхности. В нем еще не было балласта: сперва нужно было последовательно продеть в него все секции трубы.

Опустили вторую секцию, насадив ее на верхний конец первой. Теперь вторая секция торчала высоко над поверхностью воды, возвышаясь над шаром. На шар забрались сварщики. Они сварили обе секции. Затем через трубу стали досыпать в кессон балласт. Кессон начал опускаться, увлекая вниз трубу. Когда вся система опустилась настолько, что вторая секция оказалась на той высоте, где раньше была первая, балласт сыпать перестали.

Затем наступила очередь третьей секции.

Работа шла быстро, ровно, слаженно. Рошфор, стоя на палубе теплохода, следил по часам за временем опускания секций. Он был доволен. На спуск первой секции ушло пятьдесят минут. Второй, третьей — по сорок. Неплохо. Четвертая — тридцать минут. Пятая — тридцать. Ощутительно близок стал момент окончания монтажа трубы. Скоро можно будет взяться за монтаж турбины. Шестая секция...

Непонятно! Море спокойно. Ветра нет. Почему так сильно вдруг заколебался поплавок? Почему дрожат торчащие сверху над ним две секции? Все сильнее, сильнее...

Вероятно, это сейчас прекратится.

Нет, содрогания не прекращаются. Они усиливаются. Вся конструкция раскачивается из стороны в сторону, и амплитуда ее колебаний увеличивается.

В чем дело?

Среди монтажников началась паника. Два-три человека, надев спасательные пояса, бросились в море, поплыли к судам. Остальные прекратили работу и стояли, озираясь во все стороны.

Рошфор не растерялся. Схватив рупор, он закричал:

— Балласт! Сыпьте балласт!

Оставшиеся на конструкции рабочие начали сыпать добавочную порцию балласта. Рошфор рассчитывал, утяжелив кессон, увеличить его устойчивость. Но, возможно, ему слишком поздно пришла эта мысль. Конструкция несколько успокоилась, потом внезапно пришла в сильное движение. Шар заметался, поднимая волнение, со страшной силой задрожала труба, издавая негромкий, тяжкий звон. Под водой раздался глухой, но мощный, гулкий удар. Две секции трубы, прикрепленные к остальным, уже вмонтированным в кессон и торчавшим над водой поверх шара, стали быстро опускаться сквозь канал поплавка.

Рошфор махнул рукой.

— Спасайтесь! — крикнул он монтажникам.

Но все они и без того уже прыгали в воду и затем стремительно поплыли к теплоходу, темнея под ослепительным солнцем загорелыми до черноты телами.

Быстро пересекли они пространство, отделявшее их от теплохода, и по трапу взобрались на палубу. Теплоход стал отходить подальше. Рошфор опасался за судьбу барж, стоявших ближе к конструкции, но они остались невредимы. Поплавок, еще не связанный с трубой, колеблясь от поднявшейся зыби, лежал на поверхности. Смонтированный кусок трубы и кессон безвозвратно ушли под воду, на глубину восьмисот метров.

Рошфор стоял без движения, глядя на воду. Пред ним возникло видение, отчетливое почти до степени галлюцинации.

Вот уже вся установка готова: труба погружена, полным ходом работает океанская станция, укомплектованная обслуживающим персоналом. И вдруг — та же самая авария... Ведь сейчас нельзя установить ее причину...

Начинает дрожать все гигантское сооружение с восьмисотметровой трубой. Соединение не выдержало, отрывается поплавок... Обладая огромной плавучестью, он с чудовищной быстротой взлетает с двадцатиметровой глубины, стотридцатитонная масса стремительно ударяется снизу в плавучий остров и разносит вдребезги его, станцию, людей!

«Итак,— говорил себе Рошфор, глядя на еще покачивающийся на воде шар,— нужно начать все сначала. Заказать кессон, секции трубы. Привезти их сюда. Вновь начать монтаж и спуск...»

Все это осуществимо. Но...

И тут впервые он задал себе вопрос: может ли все это сделать и довести до конца один человек, даже обладающий нужным капиталом и железным упорством?

Что касается капитала, то надо посмотреть, подсчитать, выявить все ресурсы. При большом напряжении можно будет, пожалуй, сделать еще одну попытку.

А где гарантия, что эта последняя попытка будет удачна, что ее не постигнет участь предыдущих?

В чем причина сегодняшней катастрофы?

Система не была как следует уравновешена?

Все расчеты были сделаны заранее и тщательно проверены. Мало того, Рошфор заказал точную модель установки и детально изучил ее в то время, как экспедиция плыла к месту назначения.

Но допустим самое маловероятное: ошибка все же была. Это-то еще не так страшно: можно все проверить сначала, опять и опять.

Самое страшное другое: кто может поручиться, что и теперь не было диверсии со стороны энергетических трестов?

Правда, здесь речь шла о производстве холода, а не энергии. Но заправилы трестов, конечно, великолепно понимают, что в случае удачи предприятия Рошфор не остановится — ведь он

не обычный предприниматель, ему важна не только прибыль от одной или даже нескольких установок, но главным образом торжество его идеи.

Да, они должны понимать, что он по самому существу дела их смертельный враг. И они не успокоятся, пока не уничтожат его.

А если так, не исключено, что сегодняшная авария — дело их рук. И если это удалось им сегодня, то может удасться и в следующий раз, и так далее, до бесконечности...

Впрочем, речь может идти только об одном следующем разе. Дальше средств у него, безусловно, не хватит. А шансы на чью-либо помощь, и вначале ничтожные, уменьшались с каждой аварией и теперь дошли до нуля.

В самом деле, кто свяжет судьбу своего капитала с предприятием, которому грозит гибель не только от стихий, но и от могущественного, безжалостного, методически настойчивого врага?

Этот враг вездесущ. Он без помехи проник в самое сердце завода. Он легко — и уже во второй раз — пробрался в среду помощников Рошфора.

В первый раз подрезали тросы. Что сделали теперь? Этого не узнаешь: тайна ушла на дно океана вместе с обломками установки.

Сделали ли? И что именно? И кто?

Неизвестность мучительнее всего. Враг не только безжалостен и хитер — он неуловим, как ветер, как облако.

Рошфор перебирает в памяти все лица сотрудников, рабочих. Кто из них предатель?

Да, впрочем, что толку? Если бы он и нашелся и его удалось обезвредить, удалить, разве они не сумеют подослать нового, тщательно замаскировав его? Их средства и силы неограниченны.

22

Бывает так.

Человек, обладающий большой физической силой, легко переносит огромные тяжести. Он нагружает себя все больше и больше и наконец, не рассчитав, берет последний небольшой груз, который, добавленный к прежде взятым, уже переходит меру его возможностей, пересекает роковую грань. И вот что-то обрывается в человеке — кончено. Он уже не тот...

Так думал Карл, глядя на безмолвного, ссутулившегося Рошфора.

А может быть, он оправится снова, как после предыдущей катастрофы?

Он не решался заговорить с Рошфором, а тот упорно молчал, внезапно обрюзгший, зажав левую руку в правой и подергивая плечами.

Затем так же безмолвно ушел в свою каюту и заперся в ней

Карл долго ждал. Потом его охватила безотчетная тревога

Он постучался в каюту Рошфора. Тот приоткрыл дверь и, не впуская его, тихо сказал:

— Ничего, Карл. Завтра поговорим.

23

Сотрудники и рабочие экспедиции Рошфора не спали всю ночь, потрясенные происшедшим. В то время как телеграф и радио разносили по всему миру весть об очередной катастрофе, на всех судах рошфоровской флотилии беспрерывно обсуждалась авария, шли споры о ее причине. Но дальше предположений, высказанных Рошфором самому себе, никто не мог пойти, все терялись в догадках. И все испытывали чувство гнетущего отчаяния. Не только потому, что гигантское сооружение лежало разбитым на дне океана, а, главным образом, потому, что Рошфора не было среди них. Они привыкли к его нерушимой вере в победу, он ободрял их в самые тяжелые минуты. Теперь он сидит, запершись в своей каюте. Что он делает? О чем думает? Им хотелось надеяться, что он все тот же, что он ищет и найдет выход, что он появится в дверях каюты и, как всегда, глуховатым, властным голосом скажет:

— Мое правило остается неизменным: не сдаваться и не отступать!

Но он не шел, и росла тревога.

Только перед самым рассветом все наконец уснули, измученные бесплодными разговорами о причине аварии, тяжелым, нарастающим беспокойством.

Карл, не раздеваясь, забылся в своей каюте смутным сном

Была особо глухая предутренняя тишина. Рошфор, медленно, осторожно ступая, вышел на палубу. Чуть-чуть занимался свет на востоке, едва начинали меркнуть огромные, мерцающие, незнакомые созвездия южного неба, повторяясь в зеркальной, еще таинственно темной воде.

Рошфор постучал в каюту Карла, и Карл, вздрогнув, вскочил на ноги, бросился к двери, быстро открыл ее.

— Тише,— прошептал Рошфор,— успокойтесь. Я кое-что придумал, помогите мне.

Карл, недоумевая, но не решаясь спрашивать, наскоро оделся, и они вдвоем вышли на палубу. У Рошфора в руках был небольшой пакет, он засунул его в карман брюк.

На судне никто не проснулся. Они тихонько спустили двухвесельную шлюпку, вода слабо плеснула. Рошфор сел на руль.

— Гребите,— тихо сказал он.

— Куда? — удивленно спросил Карл.

— К поплавку.

Весла почти бесшумно погружались в воду. Направляемая умелым рулевым, лодка шла прямо, как по нитке.

— Зачем вам к поплавку? — спросил Карл.

— Увидите.

Восток медленно, нерешительно начал розоветь.

Шар возвышался над темной поверхностью спокойной воды гигантской массой. По мере приближения он вырисовывался отчетливее, становился огромнее. Наконец лодка вплотную подошла к нему — крошечная в сравнении с ним. Теперь сидящим в лодке была видна лишь небольшая часть боковой поверхности подавляющего их своей величиной сооружения. Выпуклость шара нависла над ними, и им показалось, что снова надвинулась ночь. Рошфор взобрался на шар по лесенке, устроенной для монтажников. Карлу за выпуклостью поплавка не видно было, что он там делает. Карл начал тревожиться.

Он подождал немного. Великая тишина океана окружала его, ему казалось, что он бесследно тонет в этой глухой тишине. Он не выдержал и крикнул преувеличенно громко:

— Профессор!

И так сильна и плотна была охватившая его тишина, что ему показалось: его голос упал в нее незаметной пылинкой. Но Рошфор тотчас же откликнулся откуда-то, невидимый, но голосом спокойным и как бы бодрым:

— Что, Карл?

— Что вы там делаете? — с невольной неожиданной хрипотой спросил Карл.

Рошфор чуть помедлил.

— Ничего особенного. Сейчас иду к вам.

И правда, тотчас же спустился.

— Теперь вы на руль, Карл.

Карл повиновался. Он ждал ответа на свой вопрос, но Рошфор молча работал веслами. В том, как он греб, чувствовался спортсмен. Он ритмично наклонялся, полной грудью вдыхал воздух, плавно откидывался всем туловищем. Он не торопился, но лодка неслась как бешеная. В несколько минут они подошли к теплоходу и поднялись по трапу на палубу.

Стало светло. Поплавок темной массой лежал вдали.

Вдруг из него поднялся ослепительный столб пламени и тяжелый грохот потряс мир. То место, где лежал поплавок, заволокло дымом. Оттуда побежали волны и с силой стали бить о борт теплохода.

Карл схватил Рошфора за руку:

— Что вы сделали?

Рошфор повернул к нему бесконечно утомленное лицо — неряшливая щетина, морщины у глаз.

— Зрение и слух не обманывают вас, Карл. Я взорвал его.

— Но зачем, зачем?

На судах рошфоровской флотилии перепуганные, потрясенные взрывом люди выбегали на палубы. Рошфора и Грейфера окружили полуодетые, ошеломленные рабочие и инженеры. Раздавались беспорядочные крики, недоуменные вопросы:

— Что случилось?

— Взрыв! Что за взрыв?

Рошфор поднял руку, возвысил голос, требуя внимания:

— Спокойствие! Не случилось ничего непредвиденного. Вы скоро узнаете, в чем дело.

Затем он отошел с Карлом в сторону.

— Вы спрашиваете зачем? — Он помолчал утомительно долго, поскреб пальцами небритый подбородок.— Технически все это возможно начать сначала. Но я выдохся. Капитал кончается. Никто не поможет. Нужно еще расплатиться с людьми. Останется едва на жизнь. Мне мучительно трудно было заставить себя поставить крест. И чтобы не было соблазна продолжать...

Он потупился.

Нежно-розовая, потом алая пылающая заря залила восток, огненный край солнца вырвался из воды.

На том месте, где так недавно лежал шар, не было ничего, только колыхалась затихающая зыбь.

От автора

В основу этой повести положены подлинные факты из жизни и деятельности крупнейшего французского ученого и изобретателя Жоржа Клода. Вместе со своим сотрудником Полем Бушро он в конце 1926 года изложил в Парижской академии наук свой план добывания энергии, о котором идет речь в повести. Основные узлы ее совпадают с действительностью. Сущность изобретения согласована с докладом Клода академии. Опыт с миниатюрной турбиной, работавшей в условиях температурного перепада, был показан Клодом как иллюстрация к его докладу. 50-ваттную модель будущей океанской установки он поставил и привел в действие в Бельгии, близ Льежа, на реке Маас, куда ближайшая фабрика спускала горячую воду. В 1928 году Клод уже начал создавать свою станцию на побережье Южной Америки. Основные принципы ее устройства и данные об этапах

строительства заимствованы автором из опубликованных в печати материалов, так же как и описания происходивших во время строительства аварий, организованных капиталистическими магнатами энергетики.

Прежние изобретения материально обогатили Клода, и значительную часть стоимости постройки океанской станции (которая обошлась более чем в миллион долларов) он покрыл из собственных средств. Убедившись после долгой борьбы, что его личных средств ни в коем случае не хватит для дальнейшего преодоления помех со стороны мощных трестов, он в конце концов сам взорвал свою установку и поставил крест на этом деле.

Однако повесть не является биографическим очерком. Автор задался целью дать обобщенный образ талантливого изобретателя, изнемогающего в непосильной борьбе с монополиями в условиях жестокой капиталистической действительности. Поэтому он вывел изобретателя и других действующих лиц повести под вымышленными именами, несколько омолодив главного героя и обрисовав личные взаимоотношения в жанре беллетристического произведения. Но принцип изобретения и перипетии его реализации соответствуют действительности. Автор только несколько сжал время действия, чтобы придать ему большую динамичность, и перенес действие в нейтральную Швейцарию, в ее французскую часть, территориально и этнически близкую к родине Клода.

Установка Клода погибла, уничтоженная отчаявшимся изобретателем. Но идея талантливого ученого жизненна и жизнеспособна, она продолжает занимать умы его последователей. Об этом говорит хотя бы заметка, опубликованная в «Правде» 6 января 1974 года. Вот извлечение из этой заметки:

«Энергия из океана.

Ученые Массачусетского университета (США) разработали предварительный проект подводной станции для извлечения поглощаемой океаном солнечной энергии. Принцип действия станции основан на разнице температур поверхностного и глубинного слоев течения Гольфстрима. Теплый слой воды доводит до кипения специальную рабочую жидкость — аммиак, фреон,— пар которой и вращает электротурбины. Затем он поступает в охлаждаемый глубинной водой конденсатор, где снова превращается в жидкость.

Как известно, Мировой океан поглощает около 70 процентов энергии Солнца, падающей на землю. Только Гольфстрим, протекающий у берегов США, при перепаде температур от 16 до 22 градусов Цельсия, может, по расчетам, дать количество энергии, в 75 раз превышающее потребность в ней страны в 1980 году. К этому надо добавить, что морские установки значи-

тельио дешевле аиалогичиых стаиций иа суше и ие вызывают загрязиеиия окружающей среды».

Как видим, идея Клода имеет еще важиое зиачеиие для охраиы окружающей среды, вопрос о которой с особой остротой стал в иаши дии. Как сообщалось в иашей печати, разрабатывались и у нас сходиые проекты, и даже для Арктики, где, как иашли учеиые, достаточеи для использования перепад температуры от 0 градусов воды подо льдом до мииус 22 градуса (воздух иад океаиом). Так что и ие иужиы километровые трубы. Только здесь обратиое иаправлеиие перепада — сравиительио «теплая» вода виизу, а холодиый воздух вверху. Одиако вода при такой температуре замерзает, и потому советские учеиые предлагали использовать в качестве рабочего вещества аммиак, который должеи подогреваться 0-градусной водой, так как при этой температуре ои дает пар с давлеиием в 4,5 атмосферы — этот его пар и будет вращать турбиию.

Итак, идею Клода в разиых иаправлеииях развивают учеиые различиых страи, и, иадо полагать, оиа может быть осуществлеиа у нас, если будет призиаиа экоиомически целесообразиой, а в капиталистических страиах — если, сверх того, там сумеют преодолеть противоположиость иитересов различиых групп предприиимателей и моиополий. Но последиее, разумеется, сомиительио.

Е. Ефимов, В. Румянцев

ДВА ГОДА ИЗ ЖИЗНИ АНДРЕЯ РОМАШОВА

Повесть-хроника

◇

В основе хроники «Два года из жизни Андрея Ромашова» лежат действительные события, происходившие в городе Симбирске (теперь Ульяновск) в трудные первые годы становления Советской власти и гражданской войны. Один из авторов повести — непосредственный очевидец и участник этих событий.

Глава 1

ТРЕВОЖНЫЕ ДНИ

Летние сумерки медленно опускались на Симбирск. Угнетающая июльская духота отступала, уходила куда-то за речку Свиягу. Изнуренные жарой горожане привычно потянулись на Новый Венец. Здесь, в тенистой аллее, на высоком холме над Волгой, ветерок слегка шевелил листья деревьев и приносил хоть какую-то прохладу. Несмотря на тревожные времена, на стрельбу по ночам, на страшные слухи о бандитах, о наступающих белочехах, аллея наверху была заполнена гуляющими.

Проплывали светлые платья барышень из «порядочных» семей, сопровождаемых студентами в куртках внакидку, гимназистами в лихо заломленных форменных фуражках. У одной из скамеек столпились девушки в цветастых ситцевых кофточках — портнихи с первой в городе государственной швейной фабрики. Устало шаркая огромными пыльными сапогами, прошел высокий длиннобородый дядька в косоворотке и плотном, темном, несмотря на жару, пиджаке. За ним парни с гармошкой, в военных гимнастерках, в пиджаках, подпоясанных ремнями,— рабочие заволжского завода, добровольцы красных отрядов. Под руку с женой важно прошествовал известный в городе врач Николай Николаевич Сазонов...

На всю эту публику рассеянно посматривал белобрысый па-

ренек, одиноко сидевший на скамейке невдалеке от повисшей над крутым обрывом беседки.

Время от времени он приподнимался, высматривая кого-то в аллее. Во всей его фигуре чувствовалось напряжение. Не увидев, кого ждал, он снова садился на скамейку и равнодушно переводил взгляд с толпы на раскинувшуюся внизу величественную панораму, освещенную последними лучами заходящего солнца,— на Волгу с переброшенным через нее мостом, на зеленый Попов остров, на темнеющие вдали дома большого села.

Вскоре стало почти темно.

— Молодой человек, разрешите присесть рядом с вами,— услышал он вдруг над собой мужской голос.

Паренек с досадой взглянул на подошедшего: невысокий, рыжеволосый, в темной накидке. Словно не заметив недоброжелательного взгляда, мужчина спокойно уселся рядом и стал обмахиваться соломенной шляпой:

— Ф-фу! Ну и жарища! Вечер, а никакого облегчения...

Паренек не проявил желания поддерживать беседу. Но незнакомца это нисколько не смутило.

— А я вас знаю,— заявил он вдруг, внимательно оглядывая соседа сверху вниз, словно его очень заинтересовали его рубашка и защитные галифе, туго перехваченные внизу короткими зелеными обмотками.

— Я с вами не знаком! — отрезал паренек и, приподнявшись, снова нетерпеливо посмотрел поверх голов гуляющих в конец аллеи.

— Ну-ну, молодой человек! Нельзя так грубо, я же старше! И напрасно вы сердитесь, я вас действительно знаю. Вы Андрей Ромашов, курьер из ЧК. Так ведь?

Парень взглянул на незнакомца, на этот раз с изумлением. Кто такой? Кажется, он раньше где-то видел этого рыжеволосого человека. Но где, когда? Что ему надо?..

— Вот видите,— продолжал тот, усмехаясь.— Наконец-то вы обратили свое благосклонное внимание на мою скромную особу. А между тем у меня есть к вам интересное дело. Весьма...

— Нет уж,— поднимаясь, ответил Андрей.— Вы меня извините, но мне надо идти. К тому же... Не знаю я вас...

— Напрасно вы так. Мы ведь с вами действительно знакомы, правда, заочно.

— Это как же? — спросил Андрей, снова опускаясь на скамейку. Может, стоит еще подождать Наташу? К тому же занятно: где же они с этим человеком встречались?

— Да вот так! Вы ведь хотите стать актером? А я режиссер. Недавно приехал из Самары. Может, слышали? Собираюсь тут театр организовать. Губисполком уже дал разрешение. А когда

я стал расспрашивать о способных для нашего дела людях, мне вас назвали и даже издали показали... Внешние данные у вас есть...

Гм, режиссер, тот самый... Может, и правда где-то он его видел, и, кажется, не раз... В исполкоме, наверно? А вдруг этот человек — его судьба и осуществится давняя мечта играть в театре! Интересно, надо с ним поговорить. Но как же Наташка, что с ней случилось?..

— Вы, очевидно, кого-то ждете? — словно угадав смятение Андрея, снова нарушил молчание незнакомец.— Смотрите, стемнело уже. Видно, не явится ваша пассия... Женщины — народ неверный, легкомысленный! — Он помолчал.— А мне почему-то кажется, я даже уверен в этом, что мы с вами подружимся,— заговорил он снова.— Кстати, у меня есть к вам, так сказать, просьба личного характера. Да что мы? Народу здесь многовато, побеседовать нам как следует не дадут. Может, спустимся пониже? О, вы, я вижу, струсили, юный Нат Пинкертон? — воскликнул он, заметив колебание парня.

— Ну вот еще, чего мне трусить! — пробасил Андрей, поднимаясь.

Он еще раз осмотрелся: нет, не видно Наташи... Теперь-то уж наверняка не придет — действительно совсем стемнело.

— Пойдемте.— И он решительно, не оглядываясь, зашагал вниз.

Когда они ступили на пустынную, обсаженную кустарником дорожку, снова раздался хрипловатый голос режиссера:

— Вот сюда, мой юный друг, сюда. Здесь удобная скамеечка, прямо прелесть...

Андрей почувствовал, как его мягко, но настойчиво тянет вниз рука незнакомца, и опустился на невидимую в темной пахучей влаге густого кустарника низкую скамейку. И тут его вдруг охватила тревога. Черт-те что! Какой-то странный тип, утверждает, что режиссер, и знает его, даже знает, где Андрей работает, а он-то и размяк и, как баран, идет за ним в темноту, в безлюдное место. Еще кокнет его тут — сколько уже раз было с другими... Андрей машинально нащупал в кармане наган.

— Да не бойтесь вы, ради бога! — воскликнул, заметив его движение, незнакомец.— Ничего я вам не сделаю. Говорю же, что хотел бы потолковать с вами об одном сугубо личном деле.

Режиссер вдруг перешел на негромкий шепот, но речь его попрежнему текла свободно, без запинки. «Как хороший докладчик на митинге»,— подумал Андрей.

— ...Театр, знаете, теперь, в такие-то времена, дело крайне сложное. Но я добьюсь своего обязательно. Театр — мое призвание! Мне, как и вам, наверное, без искусства жизни нет! Положитесь на меня, если у вас есть актерские способности, я от-

крою перед вами путь в святой храм искусства. Вы даже представить себе не можете, какое наслаждение творчеством ждет вас. А успех? А слава? У вас будет все! У вас будут деньги! Вы еще очень молоды и не представляете себе, какую власть дают человеку деньги. А я умудрен опытом, я знаю... Это же тот самый рычаг, которым Архимед собирался перевернуть мир. Человек с деньгами — князь, царь, бог! Вы мне сразу понравились, Андрей, и я хочу дать вам немного этой власти. Так сказать, авансом под ваш талант. Смотрите: у меня здесь две тысячи...— Сверкнул фонарик, и Андрей увидел на коленях режиссера внушительную пачку кредиток.— Две тысячи! Берите! На обзаведение театральным гардеробом. Я, знаете ли, человек широкий. Правда, мне бы хотелось, чтобы и вы оказали мне в благодарность пустяковую услугу...— Он помолчал.— Если бы вы могли, Андрей, добыть для меня пять — десять штучек чистых бланков губернской чрезвычайной комиссии с круглой гербовой печатью в левом нижнем углу, я был бы вам очень признателен. У вашего начальника в столе наверняка много таких лежит, он и не заметит, что нескольких не хватает, а меня бы вы очень одолжили...

Андрей молчал, ошеломленный. Вот гад! Схватить его за горло?.. Но ведь Андрей тут один, а режиссер — дядька сильный, это видно, да и в кустах, может, еще кто-нибудь сидит, его помощнички... Ну, идиот! Полный, круглый идиот, куда полез-то!

— Знаю, знаю... Вы, наверно, решили, что я какая-то контра крупная,— заговорил, не дождавшись ответа, незнакомец.— Нет, нет! Я, мой юный друг, действительно режиссер, обыкновенный режиссер, и нам с вами предстоит еще хорошо поработать вместе в театре. Просто сейчас я оказался в несколько затруднительных обстоятельствах: дело в том, что мой родной брат недавно арестован за мелкую спекуляцию, и я очень боюсь, что вдруг его в суматохе расстреляют, ведь белые подступают к Симбирску — скоро здесь такая будет заварушка!

Андрей продолжал молчать.

— Ну как? Может, мало за такую услугу я вам дал? Извольте — добавлю пятьсот.

Андрей сидел как парализованный — ни двинуться, ни слова сказать.

— Ну, три тысячи? Хорошо?.. Пять! Подумайте только, какие деньги — и за пустяк! Берите! — С этими словами он положил на колени Андрея увесистую пачку и встал.— Теперь договоримся конкретно,— сказал он жестким, не похожим на прежний — заискивающий — голосом,— завтра, не позже полудня, принесете бланки в Колючий садик. Там около будочки — помните, где раньше торговали шипучкой,— есть дуплистая липа. Чтобы вы не ошиблись,— на одном из ее сучков бу-

дет висеть бечевка. Положите бумажки в дупло, и мы квиты. И вот еще что: не вздумайте финтить или доложить там своему начальству. Я, знаете ли, ужасно не люблю, когда со мной такие шутки играют! Надеюсь, вы понимаете? Ну пока, желаю успеха...— И с этими словами он исчез, словно растворился во тьме.

Андрей продолжал сидеть в каком-то оцепенении. Все произошло так неожиданно, что он не мог прийти в себя. Рука механически нащупала плотный пакет. Деньги! Значит, он, начинающий чекист, принял деньги — взятку?.. Та-ак! Теперь никто не поверит ему, скажут: «Продался, гад, контре».

Он тихонько вытащил из кармана спички, прислушался — никого. Зажег одну. Да, деньги, настоящие деньги! И все — сторублевые бумажки. Андрею вдруг стало холодно. Никогда, никогда еще за всю его шестнадцатилетнюю жизнь не было у него в руках такой суммы. А хорошо бы братьям и сестрам всем одежду и обувь купить. И себе галифе, красные, суконные, и сапоги хромовые... Вот бы девчонки смотрели!.. А Наташка уж прибегала бы на свидание как миленькая. Не то что сегодня... Андрей с ужасом спохватился: о чем он думает? Это же взятка! Самая настоящая взятка! Чекисты — стражи революции. Так ему Лесов еще при первом знакомстве сказал. А он-то, хоть и курьером, но в ЧК!.. Какой же он страж? Деньги взял и эту контру не задержал!..

Режиссер? Врал, наверное. Да и зачем ему бланки? Про брата чего-то, спекулянта, плел. У, вражина!.. Как же быть? Пойти домой, с отцом-матерью посоветоваться? Нет! Отец и так косится: «В Чеке работаешь, а кто позволил?» И бабка с дедом сразу же на батину сторону станут. Ничего они в его работе не понимают. Мать? Ей, бедной, и без того худо: ребята мал мала, полна куча, а она еще теперь красным директором на швейной фабрике стала. Батя и на это сердится: неграмотная почти, а в начальство лезет. Да еще бабка все твердит, что большевикам скоро каюк и всю семью за мать да за Андрюшкину Чеку постреляют. Нет, домой нельзя!..

А может, выкинуть или спрятать эту проклятую пачку — и, мол, ничего слыхом не слыхал, видом не видал? Не-ет! Тот, рыжий, не напрасно сказал: «Ужасно не люблю, когда со мной такие шутки играют». Как же теперь объяснить все товарищу Лесову? Что с деньгами делать?..

Вопросы, вопросы, а ответов нет. Кто их подскажет? И тут в памяти всплыло спокойное бородатое лицо. Широков! Дядя Петя, Наташкин отец. Он большевик, в губкоме работает и давно знает Андрея. Вот он-то уж наверняка поверит, что не взятка это, а случай. И посоветует, как быть. Недаром же Петр Андреевич два месяца назад рекомендовал его на работу в ЧК.

Андрей решительно поднялся со скамьи...

* * *

Жаркое и тревожное лето 1918 года. Молодую Советскую Республику со всех сторон сжимало тесное кольцо фронтов. В Поволжье бушевал мятеж белочехов. В Симбирске и губернии было введено чрезвычайное положение. Белые совсем близко: захватили Ставрополь, Сызрань, Бугульму и рвались к Симбирску. Молодые, только что сформированные красные отряды с трудом сдерживали натиск хорошо вооруженных белочехов, отборных белогвардейских офицерских частей и казаков Каппеля.

А в самом губернском городе этим событиям предшествовали не менее драматические. Только-только удалось чекистам обезвредить контрреволюционную подпольную организацию «Союз защиты», как вспыхнул левоэсеровский мятеж под руководством самого главкома Восточного фронта изменника Муравьева. Лишь решительные самоотверженные действия местных большевиков и командующего Первой армией Михаила Николаевича Тухачевского спасли тогда положение. Но, к сожалению, ненадолго.

...В большом, уставленном швейными машинами зале старинного двухэтажного кирпичного здания, где разместилась швейная фабрика, собрались все работницы. Несмотря на раскрытые окна, было очень душно. Под сводчатым потолком тускло горели пыльные электрические лампочки.

— Товарищи! — негромко говорил коренастый широкоплечий человек в распахнутой тужурке — комиссар из отдела военных заготовок Стежкин.— Я пришел сюда, чтобы откровенно рассказать вам о текущем моменте. Белые близко и через день-два могут прорваться в Симбирск. Нашим отрядам придется временно отступить. Положение тяжелое. Транспорта не хватает, и мы не имеем сейчас никакой возможности вывезти все сшитое вами для наших красных бойцов обмундирование. А еще у вас тут есть большие запасы шинельного сукна. Это дорогое военное имущество, очень нужное нам, революции. Не можем мы его белым оставлять. Подскажите, товарищи, что делать?

— Да чего там,— послышался голос сидевшей за столом, рядом с директором Ромашовой, председателя фабкома Осиной,— раздайте нам, и дело с концом! А возвратятся наши — работницы все принесут назад, до ниточки...

— Дельное предложение,— одобрительно кивнул Стежкин.— Как думаете, Евдокия Борисовна? — обратился он к Ромашовой.

— Да, конечно! Давайте сейчас же и раздадим — времени-то особо думать нет. И выхода другого не вижу.

— Все согласны? — спросил Стежкин.— Тогда приступайте к раздаче, товарищ Ромашова.

У стола быстро выстроилась длинная очередь. Кладовщица выдавала пачки готового обмундирования и тяжелые рулоны сукна.

— А вам, Евдокия Борисовна, надо уезжать. Оставаться тут никак нельзя,— тихо сказал Стежкин, отведя Ромашову в сторонку.— Машины и моторы фабрики тоже не сегодня завтра снимем и спрячем. Когда вернетесь, все наладите.

— Не могу я уехать, семья у меня, сами знаете — мал мала меньше. Как их оставишь?

— Ничего, с родственниками побудут. Недолго ведь. Вы не медлите — уходите, а то беляки вспомнят, что вы красный директор, несдобровать вам...

— Евдокия Борисовна! — прервала разговор подошедшая к ним кладовщица Катя Кедрова.— Сукна еще много осталось, да и обмундирования тоже, а раздавать больше некому. Что будем делать?

— Я знаю, Борисовна, где спрятать,— вмешался вдруг стоявший неподалеку сторож фабрики Асафьев. Старик осмотрелся и поманил их за собой в угол: — Идите-ка сюда. Береженого и бог бережет, а то как услышит кто неподходящий. Да, так вот. Служил я еще при старом режиме у одной очень богатой помещицы. Может, знаете: госпожа Френч?..

— Знаем, Кузьмич, знаем. Не тяни ты душу, бога ради! Говори дело,— нетерпеливо воскликнула молодая черноглазая Катя.

— А ты не спеши, торопыга... Значит, как началась заварушка ета, она и отъехала в Англию, к родственникам каким-то там, што ли. А домина у ей на Московской улице остался преогромный, пустой совсем. Никто в ем не живет. И под ним — подвал, весь хламом заваленный. Так што, ежели сукна там схоронить и той рухлядью завалить, то никто и не догадается.

— А может, и правда? — сказала директор.— Но если прятать, то надо везти сейчас же, пока темно. Лошадь с телегой есть — как раз дрова привезли.

— Только возчик-то нам здесь ни к чему,— опять вмешался сторож.— Вы тихонько погрузите, а я отвезу и схороню.

— Я отошлю возчика, это наш транспорт, воензаговский,— сказал Стежкин.— Скажу: не стоит, мол, тащиться так поздно в конюшню. Лошадь и здесь постоит, а он пусть завтра за ней придет.

Работницы разошлись, таща на плечах тяжелые пачки. А Евдокия Борисовна, Стежкин, кладовщица и сторож принялись за погрузку.

— Ну и запасли сукон-то! — ворчливо заметил старик, ког-

да после двух его ездок вместе со Стежкиным они снова начали накладывать на телегу тяжелые рулоны.

— Последние, Кузьмич, остатки. Вишь, светлеть начало, побыстрей бы управиться,— ответила Ромашова.

Серый сумрак рассвета уже заливал город, когда Евдокия Борисовна возвращалась по пустынным улицам домой. «С утра надо будет приняться за машины,— думала она.— Тут без мужиков не обойдешься. Попрошу помощи у военных...»

* * *

Андрей быстро шагал по Московской улице. «Вот незадача-то — проспал. Надо бы спозаранку, но, как назло, никто не разбудил. Что Лесов теперь скажет?» — думал он, почти переходя на бег.

Вчера вечером, когда он, запыхавшийся, взволнованный, пришел к Широковым, Петр Андреевич что-то писал, сидя за круглым столом под большой керосиновой лампой. А Наташа с матерью зашивали прямо на полу посреди комнаты большие узлы.

— Андрюша, мы уезжаем,— бросилась к нему девушка.— Завтра пароходом в Казань, к папиной сестре.

— Как же так?

Широков оторвался от своих бумаг:

— Не завтра послезавтра нам придется оставить город — Каппель прорвался с юга. Там, в Казани, им поспокойней будет. А я воевать ухожу...

Наташа стояла опустив руки и как-то жалостливо смотрела на Андрея.

— А у меня к вам срочное дело, Петр Андреевич,— сказал Андрей, стараясь не глядеть на нее.

— Ну что ж, пойдем в сад, а то здесь духотища — дышать нечем.

Когда они уселись в крохотной беседке, Широков внимательно, не перебивая, выслушал подробный рассказ Андрея о происшествии на Венце.

— Покажи деньги,— попросил он, когда паренек кончил.— Да, настоящие, без обмана. И сумма крупная. Тут что-то есть...

— Сунул мне, гад, а я его не задержал. Получается, купил он меня... Что теперь ребята в ЧК скажут? Продался! А Лесов, наверное, в расход велит пустить?

— Эх, молодо-зелено! — Широков засмеялся.— Да тут дело, очевидно, посерьезнее, чем простая взятка. И вполне может быть, ты хорошо сделал, что взял деньги и не отказался от предложения.

— Это почему же?

— Думаю, хотят они перед самым нашим уходом освободить

кого-то своего из тюрьмы. Говоришь, брата? Постой, постой! Ведь он у тебя просил несколько бланков. На каждого арестованного нужен свой, отдельный бланк. Значит, стараются вытащить нескольких гадов. Да, да, так и есть. Молодец...

— Что так и есть? — Андрей ничего не понимал.

— Молодец,— продолжал Широков,— все правильно. Значит, так: утром увижу Лесова на губкоме и скажу ему. А ты с утра прямо в ЧК и тоже доложи ему, да поподробнее. Только ни в коем случае не проговорись нигде.

— А я, дядя Петя, в Красную Армию хочу записаться. Уж сейчас-то меня наверняка примут.

— Ну, тут ты, брат, не совсем еще уразумел, где и какое дело важнее. Понятно? Кстати, как мать? Ей, да и тебе тоже, надо уходить из города. Вас каппелевцы по головке тут гладить не будут.

— Все равно воевать пойду. Я в ЧК только бумажки по канцеляриям таскаю. И без меня найдется кому их носить. А мама, наверное, уедет. Младших вот жаль только...

— Ничего, и с бабкой поживут. Голову сохранить важнее. Ну, я пойду, у меня дела, а ты поступай, как договорились.

Широков быстро вышел из беседки, а вместо него тут же появилась Наташа.

— Не сердись — меня мама не пустила,— начала Наташа, усаживаясь рядом с Андреем на скамейку,— велела помогать ей вещи укладывать. Потому и не пришла.

— А я и не сержусь.

— Проводишь нас завтра на пристань? Мне ужасно не хочется уезжать. Папа говорит, белые вот-вот придут в Симбирск и нас из-за него сразу же арестуют. А я-то думала поступить здесь на работу. Знаешь, недавно я познакомилась с двумя замечательными девочками. Они члены Союза III Интернационала и меня к себе зовут.

— И у нас в ЧК уже есть три парня из соцмолодежи. Говорят, ячейку организуем. Эх, Наташка, как мне не хочется, чтобы ты уезжала! Все так замечательно шло, и на́ тебе...— Он слегка притронулся к пепельной косе девушки.— Помнишь, как вы у нас на квартире жили? Я на тебя тогда ну никакого внимания... Знаешь, если бы не беляки, я бы на артиста пошел учиться. Вот разгоним всю контру, обязательно поеду в Питер или в Москву. Конечно, неплохо быть и сыщиком, как там Нат Пинкертон или Ник Картер... Но мне и театр нравится очень. Помнишь, как я в Булычевский театр ходил? Там мальчик играл, сын артиста. Один раз он заболел, так я его заменил — на сцену выходил.

— Наташа! — послышался из окна голос матери, Веры Константиновны.

— Сейчас, мама. Андрюша, ты проводишь нас? И обещай,

что без меня в Москву не поедешь. Я тоже хочу там учиться.

— Обязательно! — с жаром воскликнул Андрей.— Я тебя очень буду ждать. Вот завтра запишусь добровольцем в 1-й Симбирский полк, разобьем беляков, а там вы приедете — и опять вместе будем.

— Я тебя тоже ждать буду,— тихо сказала девушка и добавила уже совсем шепотом: — Только тебя...

...И вот сегодня, вспомнив по пути все это, Андрей радостно улыбнулся и прибавил шаг. Интересно, успел Петр Андреевич все рассказать Лесову? Что-то он скажет сейчас?

Кивнув знакомому красноармейцу-часовому у входа, он быстро взлетел по лестнице, проскочил пустую приемную и приоткрыл тяжелую дверь. Лесова в кабинете не было... Андрей устало опустился на стул. Может, Широков неправильно понял его вчера? А что, если все не так?

В комнату заглянул оперуполномоченный Никита Золотухин.

— Ты что как на похоронах своих сидишь? — заметил он.— Не выспался? Или натворил чего и исповедоваться к начальству пришел?

— А ты уж больно веселый, как я погляжу,— сердито буркнул Андрей.— Радоваться-то чему? Беляки на носу...

Вид у Золотухина был действительно бодрый: кожаная фуражка на затылке, старая, потрескавшаяся, пожелтевшая кожанка распахнута, а под ней — сине-белые полосы матросской тельняшки. Сверкает ярко начищенная бляха на матросском поясе, и болтается на длинных ремешках чуть ли не до колена наган в черной кобуре. И вся крепко сбитая невысокая фигура, смуглое, скуластое лицо оперуполномоченного выражают непреодолимую энергию, а от узких черных глаз остались, казалось, один щелочки.

— Чего унывать-то? Я вон сегодня ночью одну такую операцию провел — куда там! А беляков погоним, не бойся.

Бывший матрос-балтиец за эти два месяца стал буквально кумиром Андрея. Золотухин ведь быстрее и лучше всех раскрывает самые запутанные дела. Бандиты боятся одного его имени. Андрей мечтал вместе с Никитой участвовать в его рискованных операциях. «Освойся да подрасти и подучись»,— отвечал на его просьбы Лесов.

В приемную быстро вошел высокий худой человек с папиросой под пожелтевшими от частого курения пышными усами — наконец-то товарищ Лесов. Председатель губчека что-то говорил, размахивая правой рукой, как рубил, своему заместителю Крайнову — плотному, коренастому, немолодому рабочему заволжского завода.

— А-а, Ромашов, заходи. Что скажешь?

Андрей покоснлся нерешительно на зашедшнх вместе с нным в кабниет Крайнова н Золотухниа, но, увндев ободряющнй кивок Лесова, быстро вытащнл нз кармана пачку сторублевых кредиток н осторожно положнл на стол:

— Во-от... Здесь точно пять тысяч, я счнтал.

— Знаю, знаю, мне Широков сказал. Ну-ка, сынок, давай подробнее. Саднтесь, вы тоже нужны,— сказал Лесов сотрудннкам.

Он вннмательно выслушал рассказ Андрея н, задав еще несколько вопросов, коротко заключнл:

— Ну что ж, получнлось у тебя в основном как надо — если, конечио, учесть, что чекнст ты начннающнй. В общем, будет время — тебе Золотухнн объяснит, что н как в такнх положеннях следует делать.— Затем, обратнвшись к товарнщам, председатель губчека добавнл: — Прнвыкли получать за деньгн все и думают, что купнлн парнишку. Понялн, в чем дело?..

Крайнов н Золотухнн молча кнвнулн.

— Значнт, вот тебе, Ромашов, пятнадцать бланков.— Вынув нх нз стола н отсчнтав нужное колнчество, Лесов стал ставнть на ннх печать.— Отнесешь н положншь, куда условилнсь.

— Но как же, Грнгорий Ефнмович?..— недоумевно начал Андрей.

— Так надо, ясио? — прервал Лесов.— А потом вернешься сюда н пойдешь на операцию вместе с Золотухиным.

— Ясно, товарнщ председатель! — вытянулся, расплывшнсь в улыбке, Андрей н, схватнв пачку бланков, вылетел нз кабннета.

— Вернн нх. И аккуратно там, незаметно! — крнкиул ему вдогонку Лесов.

— А ты, Борнс Васнльевич,— обратнлся он к Крайнову,— сейчас же поезжай к начальннку тюрьмы, скажешь, что мон белые бланки отменяются, а вместо них вводятся розовые. Тут, на наше счастье, у тнпографии как раз белой бумагн не было, так онн мие часть бланков на розовой отшлепалн. А если кто явнтся якобы от меия с прнказом на белом бланке об освобожденнн заключенных, пусть потянет мннут двадцать — полчаса, подготовнт свою охрану, тех задержнт н мне сообщнт. Потом сразу катай сюда — надо готовнться к эвакуацнн.

Крайнов молча встал н вышел нз кабннета.

— Ннкнта,— повернулся Лесов к Золотухнну,— тебе предстонт еще одно дельце — возможно, со стрельбой. Прнготовь взвод охраны, н пулемет захватнте... Эх, еслн бы нам не отходнть... Онн же, ясно как день, тех эсеровских деятелей спастн хотят.

* * *

В Колючем садике не было ни души. Обыватели, напуганные гулом усилившейся артиллерийской канонады, боялись высунуть нос из наглухо закрытых калиток и ворот. Еще раз оглядевшись, Андрей осторожно прошел по пустынной аллейке к заколоченной досками зеленой будке. Где же эта чертова липа? Ага, вон болтается какая-то тесемка. Он пролез через кусты. Фф-у! Вот и дупло. Сунув туда сверток, он снова оглянулся и с независимым видом зашагал к выходу.

Ну и жарища! Зато как быстро все получилось! Еще есть время — может, забежать на минутку к Наташе? Ноги сами собой повернули на Мало-Казанскую. Сердце Андрея тревожно забилось. Неужели уехали? Но на стук раздались шаги, дверь осторожно приоткрыла Вера Константиновна.

— Здравствуйте. А я было подумал, вы раньше времени уехали,— все закрыто.

— Нет, мы сегодня часов в десять-одиннадцать вечера уезжаем. Заходи, Андрюша. Ты нас проводишь? Петр Андреевич не сумеет.

— Конечно, обязательно. А где Наташа?

— Пошла к твоей матери, на фабрику, хочет уговорить ее поехать с нами. Нельзя Евдокии Борисовне здесь оставаться.

— Нельзя. Но боюсь, не поедет она.

— Да ведь каппелевцы убьют ее!

— Вот и я ей говорил. Не знаю уж, что и будет... Ну, я побежал, привет Наташе. Вечером обязательно приду.

Издалека грозно, как приближающиеся раскаты грома, доносились артиллерийские залпы. «Беляки совсем близко»,— подумал Андрей, направляясь обратно на Московскую. Что же это будет с матерью? С братьями, сестрами, отцом?.. Перед его мысленным взором замелькали картины их жизни.

...Вернувшись с фронта, отец никак не мог найти себе постоянного дела. Все по мелочам работал — кому комод сделает, кому дом подремонтирует — или на пристань нанимался. Зарабатывал мало. Мать по-прежнему шила, но теперь уже обмундирование и белье для красногвардейцев. Однажды она пришла с фабрики растерянная какая-то, будто даже виноватая. «Ну вот, Василий Петрович,— сказала отцу,— избрали меня, хоть и отбивалась, да избрали...» — «Это куда же?» — спросил батя. «Да заведующей, понимаешь, красным директором нашей фабрики! — почти с отчаянием выкрикнула мать. «Эх, дура ты глупая! — Василий Петрович только махнул рукой.— Ты же малограмотная. Небось Широков посоветовал согласиться?» — «Он!» — кивнула Евдокия Борисовна...

Теперь мать уходит на свою 1-ю фабрику Губодежды чуть

свет, а возвращается за полночь. Ходить поздно вечером ох и страшно! На улицах стреляют, грабят. Андрей вместе с отцом встречают ее. А бабка всем недовольна — ворчит и молится, молится и ворчит. Больше, конечно, от нее деду достается, но тот отмалчивается...

И чего ей быть недовольной — непонятно. Власть теперь своя, семья их рабочая. И дед, и отец, и мать, да и бабка всю жизнь спину не разгибали, а поесть досыта не могли. Бабка твердит: большаки, мол, теперь дом отберут. Ерунда! Дед с отцом дом этот своими руками по бревнышку, по досочке собирали, прилаживали.

Нет, Советская власть — она за всех, кто сам трудится. Андрей это сразу почувствовал сердцем, хотя и не все еще понимал тогда, в семнадцатом. Потому и бегал на митинги, и листовки разносил, добровольцем записывался, и к Широкову за советом пошел — куда определиться.

И еще зачастил в Народный дом. Там собирались молодые рабочие, солдаты, студенты, гимназисты. И Наташа приходила... Пели песни, читали стихи. И спорили, спорили без конца: какая будет жизнь, какое теперь нужно искусство народу, какие пьесы ставить... Он слушал, слушал, готов был сидеть здесь вечно.

Андрей остановился: вот штука-то, даже не заметил, как у самых дверей губчека оказался.

* * *

У городской тюрьмы в этот душный послеполуденный час не было ни души. Лишь одинокий часовой тоскливо маячил у входа, на самом солнцепеке, но и он время от времени скрывался в двери — видно, отдохнуть от нестерпимо горячих лучей.

Лежать в густом бурьяне не жарко, но Андрею то и дело хочется встать, перевернуться, почесаться. Вот, кажется, муравей пополз по руке. Ой, как щекотно!.. Надоедливые мухи так и вьются вокруг, а шевелиться нельзя — Золотухин строго-настрого запретил.

Когда, наконец, гады эти появятся? Нельзя же целую вечность здесь лежать! А может, и не будет никого? Андрей скосил глаза влево. Никита снял свою неизменную кожаную шоферскую фуражку и прикрыл голову огромным лопухом. Дремлет? Нет, глаза открыты, смотрят на дорогу. И как у него терпения хватает?

Сбоку послышался громкий шорох — кто-то из красноармейцев не выдержал.

— Н-ну, вы что там? Как маленькие! — строго зашептал Золотухин.

— Да никакого ж терпения нет,— ответил за красноармейца Андрей.— Лежишь как привязанный, и никого...

— А ты что думал: у нас только стычки, драки да погони с револьвером... В ЧК работа, брат, потруднее и потоньше. Бывает, сутками ждать приходится, да не в прохладе теплой, как сейчас,— в болоте, под дождем, а то еще в мороз лютый... Нука, ша!

Опять томительно, нудно потянулись минуты. Ужасно хочется спать! Сколько событий за сутки... А беляки совсем близко стреляют. Наверное, бронепоезд. Нет, ни в какие артисты он не пойдет. Сегодня же — нет, сегодня не успеет,— завтра с самого утра пойдет и запишется добровольцем. Прибавит себе года два-три — и все в порядке. К тому же ЧК все равно уедет. Лесов сам сегодня на совещании объявил. Правда, сказал, что людей надо сохранить, дел им предстоит еще немало, особенно когда вернутся. Но его-то отпустят — хотя бы до освобождения Симбирска. Можно уговорить...

А как же тогда Наташа? Уезжает... Вот уж никогда бы не думал, что у него с Наташкой будет любовь. Любовь? Ничего такого они друг другу не говорили. Она сказала, правда, вчера: будет ждать его, только его. И он, он тоже будет ждать ее...

А мама, как же мама? Что она на это скажет? Перед глазами всплыло круглое, доброе лицо матери с темными, такими родными глазами. Нет, она будет только рада. Вот отец — тут дело потруднее... Ну, да Андрей все равно не уступит ни бабке, ни отцу. Пусть себе сидят в своем пятистенном дому и хвастают, что своими руками его по бревнышку собирали. Пусть дрожат за него! А он пойдет воевать за мировую революцию. И мама его поддержит, и Наташка...

Эх, жаль только из города уходить. Город-то какой! Говорят, сам Ленин здесь родился и рос, учился, ходил по улицам, гулял, верно, на Венце. Повидать бы Ленина! Вот поедет он в Москву...

— Едет кто-то, приготовиться! — прервал размышления Андрея громкий шепот Золотухина.

Красноармейцы тихонько зашевелились, защелкали затворами винтовок. Андрей сжал рукоятку нагана, приподнял голову. С нижнего конца улицы послышался шум мотора, вскоре из облака пыли выплыл грузовик. В кузове его, поблескивая штыками, сидело человек шесть или семь красноармейцев.

— Это ж свои,— прошептал Андрей.

— Не спеши, сейчас узнаем.— Золотухин напряженно всматривался в машину.

Автомобиль подъехал к тюрьме и остановился. Из кабины выскочил военный в перехваченной ремнями гимнастерке и молодецки заломленной фуражке. Из-под нее выбивался клок

огиенно-красиого чуба. Из кузова соскочнл еще одии с винтовкой. Вдвоем оии подошли к часовому.

— Рыжий!..— зашептал, задыхаясь от волнеиня, Андрей.— Тот самый, вчерашиий...

— Спокойио.— Золотухни положил ему руку на плечо.— Точио ои?

— Точио!

Между тем двое, перекннувшись иесколькими словами с часовым, вместе с иим скрылись в темиом проеме двери. Остальиые продолжали сидеть в кузове, только шофер вышел н толкал ногой колеса.

— Вот что,— Золотухин посмотрел иа Андрея,— к инм иадо подойти, пока их иачальиики виутрн. Там их задержат... Мы с тобой тут одии в гражданском.— Ои иадел фуражку, посмотрел зачем-то в дуло нагаиа и сунул его в кармаи, затем переверииулся иа спииу и стал застегивать кожаику иа все пуговнцы.— Передай по цепн: как взмахну рукой — пусть стреляют. Первый залп в воздух. Ясно? Надеюсь, его достаточно будет. Ну, поехали, Андрюха...

Золотухии ловко скатился вииз, в сухую канаву, и, согиувшись, побежал куда-то в сторону, Аидрей — за иим. Ужом проползли под изгородями, продрались через кустариик. Пот заливал глаза, едкая пыль иабилась в иос. И когда Аидрей почувствовал, что больше уж не сможет сделать ии шагу, Никита вдруг остановился:

— Ну вот, давай отдышимся маленько. И почисть брюки. Да нагаи, черт-те возьми, иаган спрячь!

Только теперь Андрей заметил, что бежал все время, сжнмая рукоятку иагана.

Отряхнувшись и осмотрев приднрчиво себя и Андрея, Золотухин вышел из-за кустарника в глухой переулочек. Вблизи залаяла собака. Не обращая иа иее виимаиия, оии медлеино пошли посредиие мостовой к повороту.

— Свободней, свободней!.. Будто что рассказываешь мие,— шептал Золотухин.— И улыбайся. Подойдем — заходи иазад, и иаган иаготове. Поиял?

Вот и улица с крутым подъемом, тюремиая стена, пыльная дорога, грузовик у входа... Поблескнвают иа солице штыки в кузове. Созиаиие отмечает все это как-то автоматнчески. Андрею кажется, проходнт вечиость, пока оии шагают. Ои изо всех снл жестнкулирует и сквозь зубы читает Никите какое-то стихотвореиие, тот улыбается и кнвает. А рука сама, иепроизвольио, тяиется к кармаиу — туда, где наган.

Дальше все помчалось, как в приключенческом кннематографе, который так любил смотреть Аидрей.

Грузовнк уже совсем близко. Золотухин толкает спутнника

в бок, Андрей замолкает, смотрит на сидящих наверху. Самые обыкновенные солдатские лица, звездочки на фуражках. Дымят самокрутки, спокойно смотрят вокруг. Наши? Но тот, рыжий, что внутри...

Поравнялись с шофером. Золотухин снова быстро толкнул Андрея локтем — мол, давай заходи сзади — и выхватил из одного кармана наган, из другого — «лимонку». Мгновение — и он на подножке, дуло нагана у груди побледневшего шофера, рука с «лимонкой» поднята. А Андрей позади машины, тоже с наганом. В кузове — секундное смятение, и сразу же он ощетинился винтовками.

— Сдавайтесь, вы окружены! — хрипло закричал Золотухин.— Смотрите! — Он взмахнул рукой с «лимонкой».

Солдаты инстинктивно пригнулись. Тут же раздался залп. Мгновенная тишина, и винтовки полетели на землю, вслед из кузова прыгали люди, а из бурьяна выбегали красноармейцы...

— Так-то оно лучше,— блеснул зубами побледневший Никита,— без кровопролитий...

В это мгновение от входа в тюрьму послышался выстрел, за ним другой. Тяжелая дверь в глухой стене распахнулась, и выскочили те двое. Они стреляли куда-то внутрь.

— Стой, гады! — кинулся к ним Золотухин, размахивая наганом.

Рыжий, уже без фуражки, обернулся, поднял наган, но из двери снова раздался выстрел. Как шмель, прожужжала пуля. Рыжий моментально метнулся вбок, его спутник — в другую сторону. Андрей из-за грузовика бросился ему наперерез, успел поставить ногу. Тот упал. И только Андрей наклонился к нему, как беглец вдруг изо всей силы ударил его сапогом в живот и быстро вскочил...

Когда он очнулся, прямо над ним склонилось красное, потное лицо Золотухина без фуражки.

— Очухался? Здорово он тебя! Ну, ничего, вон стоит, контрик! А другой, рыжий твой, убежал, гад. Ладно, я до него еще доберусь!

Андрей приподнялся, и перед глазами сразу все поплыло. Опираясь на плечо Золотухина, он с трудом встал. Красноармейцы обыскивали задержанных.

— Иди домой, отлежись. Хватит с тебя на сегодня. Проводить?

— Сам дойду.

Андрей попробовал улыбнуться, сделал несколько шагов. Чертова слабость! Вдруг вспомнил: сегодня уезжает Наташа с матерью. Их ведь проводить надо! Ускоряя шаг, Андрей на ходу обернулся и махнул рукой Золотухину:

— До завтра!..

* * *

Никогда еще за всю историю Волжско-Камского пароходства у симбирских пристаней не причаливало столько пароходов, буксиров, барж и катеров, как в эти тревожные июльские дни 1918 года. В душных сумерках по булыжным мостовым Подгорья то и дело грохотали тяжело груженные телеги, иногда проносились грузовики с ящиками и мешками, сопровождаемые вооруженными людьми. Губисполком увозил банковские ценности, военные материалы и другое имущество.

В маленьких деревянных лавчонках, рассыпанных около невысокого забора, отделяющего пристань, уже зажгли тусклые керосиновые лампы. Здесь бойко торговали махоркой, свежими огурцами, кремневской малиной, немудреной снедью. Вокруг толпились красноармейцы, матросы с пароходов, моряки. Пестро одетые босоногие цыганки не давали им проходу, прося позолотить ручку за предсказание судьбы... Шныряли какие-то юркие личности с кошелками, будто разыскивая кого в толпе. Иногда они останавливали кого-нибудь и отходили с ним в сторонку — туда, где потемнее. И тогда из кошелок извлекались бутылки с самогоном...

У подгорного яхт-клуба ярко пылал костер. Над ним в большом черном ведре что-то кипело и булькало. Вокруг расположились, отдыхая, усталые крючники.

А выше, на пригорке, сидели двое — коренастый рыжеволосый красноармеец лет сорока с рукой на перевязи и тощий взлохмаченный крючник.

— Видите, сколько пароходов согнали? — сказал крючник.— Собираются давать тягу господа большевички. Эх, из-за сегодняшей вашей промашки мы и ударить тут не сможем. А то бы как дали им с тыла...

— Д-да, чекисты всполошились,— виновато кивнул раненый.— Мне уже сообщили: успели и в городе арестовать коекого из наших. Ну, ничего, не все еще пропало. Вот оружие захватим в интендантских складах...

— Вечно вы, Николай Антонович, фантазируете,— ворчливо заметил «крючник».— То с бланками вам эта история понадобилась, то еще оружие захватить. Люди у нас есть, оружия тоже не так уж мало. На тюрьму надо было прямо идти. А то, видите ли, сами им козыри в руки дали. Так ударили бы по ним — пух и перья полетели бы! Наши-то совсем близко, слышали — в Белом Ключе? Верст десять всего будет.

— Да поймите же вы! Если мы эти склады не захватим, они оружие шантрапе своей раздадут. Вот тогда и дерись с ними. А с бланками действительно дал я маху, поверил этому змеенышу. Ну, я еще доберусь до него... Постойте, постойте...— «Крас-

ноармеец» даже приподнялся, опираясь на плечо «крючника».— Видите, пролетка остановилась у пристани, видите?

— Ну, да, да! А чего там?

— Вон из нее высокий светлый парень узел тащит. Это же тот самый ублюдок! Вот бы попался он мне сейчас...

— Так за чем же дело стало? — «крючник» сунул руку в карман.

— Вы что, Алексей Григорьевич, забыли, где вы? — жестом остановил его «красноармеец».— Или вас ненависть к большевикам до такого безрассудства довела, что вам и умереть сразу охота? Не велика цаца, чтобы нам с вами из-за него пропадать. И так от нас не уйдет...

— Видишь, сколько пароходов,— говорил в это время Андрей Наташе.— И все кверху идут, в Казань, в Нижний... В Самаре уже беляки.

Они стояли у самого края пристани. Быстро темнело. Чуть слышно плескалась внизу совсем черная вода. На мачтах зажигались сигнальные огни. Прямо над ними возвышалась двухпалубная громада парохода.

Над самой головой раздался очень громкий басовитый гудок. Они вздрогнули от неожиданности.

— Пора мне, Андрюша. Мама там уже беспокоится.— Наташа на мгновение прижалась к нему.— До свидания. И помни: я тебя жду, очень!..

Долго, словно в каком-то оцепенении, Андрей провожал глазами огни удалявшегося от пристани парохода. В раздумье он даже не заметил, что стоит на самом краю неогороженной носовой части огромной, как лабаз, плавучей пристани. Кругом не было ни души.

Увидятся ли они? Завтра он уйдет воевать. Обязательно уйдет! Как-то все обернется? Нет, все будет в порядке: беляков разобьют, Наташа приедет обратно, и их дружба... Дружба? Нет, он ведь любит Наташу. Любит!.. Какое слово!.. Так и не успел ей сказать его. Никогда не знал, что это так трудно — расставаться. «Жду тебя!..»

Вдруг Андрея будто что-то толкнуло. Инстинктивно он быстро обернулся и вздрогнул: прямо перед ним, шагах в двух, затаился в узком проходе между горами тюков высокий худой мужчина. Вот он шевельнулся, и в руке его что-то блеснуло в отсвете слабых огней.

«Нож!» — мелькнуло у Андрея.

Незнакомец еще шевельнулся. Андрей попятился назад, совсем забыв, что стоит почти на самом краю пристани.

— Молись богу, паскуда,— процедил сквозь зубы незнакомец.

Еще шаг назад, и Андрей потерял палубу под ногами — по-

летел в черную бездну. Раздался лишь короткий вскрик, затем плеск...

— Туда тебе и дорога...— Оглянувшись, «крючник» вороватo шмыгнул за тюки...

* * *

— Я, как светать начнет, уеду, Вася,— говорила Евдокия Борисовна, сидя тем же поздним вечером с мужем на неосвещенной терраске.— Приходится так. Ты уж не обижайся, побудь сам с детьми. А мне никак тут оставаться нельзя.

— Эх, Дуня, Дуня! И что наделала, чего добилась? А если они надолго, навсегда, как быть-то? И зачем тебя в красные директоры понесло!..

— Не надолго они, временно. До седых волос дожил, а все не понимаешь, что власть-то Советская — наша с тобой власть, народная. Мы теперь хозяева жизни, а не они. Хватит, погнули на них спину.

— Да мы-то неграмотные, воевать как — не знаем даже толком. А у них господа офицеры сызмальства к военному делу приучены. Вон они Симбирск берут. И Самару прихлопнули... И Казань вот-вот, говорят, заграбастают. А красные твои сопляков, вроде нашего Андрюшки, набрали с заволжского завода да думают побить настоящее войско. Ерунда это!..

— Так войска и у них-то настоящего мало. Сами господа офицеры и воюют за солдат. А которых они мобилизовали, те скоро поймут, что супротив себя идут...

— Тебя не переговоришь,— с неудовольствием прервал жену Василий Петрович.— Да и не поможешь теперь ничем. Все равно тебе надо от них схорониться. Может, и правда ненадолго это. А куда ж ты теперь уедешь? Последние пароходы уж, верно, сейчас уходят.

— Нет, не последние. Да и на лошадях можно с обозниками уйти. Пока не знаю, куда-нибудь схоронюсь. Будет возможность — весточку пришлю. Не беспокойся, главное — детей береги.— Евдокия Борисовна не выдержала — негромко всхлипнула в темноте.

— Ладно, не плачь. Думаю, обойдется все,— примирительно сказал муж.— Вот только с Андреем как быть?

— И где же он сегодня пропадает? — сокрушенно вздохнула Евдокия Борисовна.— Не попрощаешься даже. Он тоже должен уходить, Петрович, обязательно должен. Ему ведь еще опаснее, чем мне.

* * *

Сильно ударившись о воду, Андрей погрузился в нее с головой. В ушах зашумело, все тело охватила страшная слабость. В его сознании мелькнуло: «Тону? Ну нет, у самой пристани — и утонуть! Не-ет!..» Он сильно взмахнул руками и оказался на поверхности. Кругом, куда ни взглянешь, возвышались борта пароходов и барж. Как в колодце — не выберешься. Закричать? А если тот бандит следит? Еще пальнет. Нет, лучше потихоньку самому...

Быстрое течение бурлило у судов, затягивало под борт. Одежда и ботинки намокли, тянули вниз, мешали плыть, карман тяжело хлопал по ноге. «Казенный наган,— вспомнил Андрей.— Еще потеряю». Он вытащил револьвер, зажал дуло зубами и энергичнее заработал руками и ногами. Но прохода к берегу не было видно: везде, казалось, сплошной стеной темнели суда. Куда же плыть? Андрей уже совсем было начал терять надежду выбраться отсюда живым, когда сбоку появился просвет. Вскоре ноги коснулись дна.

Он свалился на еще теплый прибрежный песок. Сколько лежал — не помнил. Когда поднялся, весь дрожа в мокрой одежде, над Волгой уже брезжил сероватый рассвет, подул легкий предутренний ветерок, а у пристани опять загрохотали по булыжной мостовой телеги.

«Ну, подождите же! — Андрей медленно поднимался по бесконечно длинной лестнице в город.— Мы с вами еще расправимся».

Добравшись до дому, он с наслаждением сбросил в своей каморке прямо на пол мокрую одежду и мгновенно заснул.

* * *

— Вы сначала испытайте меня, а тогда уж гоните,— с обидой говорил Андрей Ромашов, стоя перед начальником штаба 1-го Симбирского полка.— Я же не какой-нибудь там буржуйский маменькин сынок, а рабочий. С двенадцати лет в типографии. Работать не мал был, а вы теперь: «Не дорос!»

Андрею так и не удалось прибавить себе годы — потребовали документы. Пришлось показать единственное, что у него с собой было,— похвальный лист об окончании церковноприходской школы. И вот теперь его отказывались записывать в полк.

— Вижу, что не барчук,— возразил начальник штаба, до которого добрался упрямый парень,— а все же молод очень. Ну что это — шестнадцать, хоть и рослый ты.

— А в ЧК с бандюгами воевать — не молод?

— Ну ладно, ладно. Видно, уж больно хочешь повоевать за

революцию. Зачислим! Только, если труса сыграешь, выгоню и собственноручно по шее надаю.— Начальник штаба что-то написал на клочке бумаги.— Вот найдешь командира третьей роты товарища Мельникова и отдашь ему. Ясно?

— Так точно! — по-военному щелкнув каблуками, радостно воскликнул Андрей и вылетел из комнаты.

Однако все это оказалось легким разведывательным боем по сравнению с тем, что пришлось выдержать Андрею, когда он уговаривал Лесова. Битый час просидел он в кабинете у председателя губчека. Лесову было совсем не до Андрея. То и дело приходили сотрудники, беспрерывно звонили два телефона. Где-то на улицах стреляли — подняли голову при приближении своих скрывавшиеся раньше враги. Надо было обеспечить порядок, эвакуацию людей, имущества... Но несмотря на все это, Лесов успевал в промежутках между решением очередного вопроса говорить со своим курьером:

— Нет, нет, братец! Поедешь в Алатырь.

Хотя и с превеликим трудом, но Андрей все же настоял на своем.

— Видно, ничего с тобой не поделаешь,— сдался наконец Лесов, пожимая ему на прощание руку.— Иди уж, скажи там, чтобы тебе документ выписали о работе у нас. И помни: как вернемся в Симбирск, мы тебя обратно заберем. Нам такие ребята нужны...

Командир роты Мельников, маленький, толстый, со сбитой на затылок фуражкой, сидел в насквозь прокуренной комнате, с почему-то наглухо, несмотря на жару, закрытыми окнами. Он медленно прочитал направление из штаба полка и критически оглядел Андрея:

— Еще один молокосос!.. Когда же настоящих солдат пришлют? Давай-ка иди в цейхгауз, вот записка. Получишь обмундирование. Только ботинок нет, в своих будешь ходить. А потом найдешь комвзвода Корнеева, он тебе винтовку выдаст. С оружием-то умеешь обращаться?

— Как-нибудь управлюсь, не впервой!

— Да, документик у тебя что надо!

Часа через полтора Андрей уже стоял с винтовкой на посту у склада во дворе Ленкоранских казарм.

Темнело. Длинное одноэтажное каменное здание склада, раскинувшееся в самом конце огромного пустынного двора, у спуска с горы, казалось от этого еще угрюмее. Маленькие слепые его окошки с железными решетками мрачно уставились на одинокого часового.

Держа винтовку наперевес, Андрей прохаживался взад-вперед, стараясь не уходить далеко от двери, куда привел его разводящий. Когда совсем стемнело, он подошел к ней еще ближе и

даже ощупал рукой огромный замок с пломбой. Где-то выстрелили. «Смотрн в оба, Ромашов,— предупредил разводящий,— прошляпишь нлн засиешь — так по закоиам воеииого времеии зиаешь что?»

Андрей изо всех сил всматривался во тьму, прнслушивался к каждому шороху. Зловещую иочь вдруг разрезал гулко понесшийся иад городом пароходиый гудок. Заправский волжаиии, Аидрей сразу определил «голос» «Кавказа и Меркурня». Гудит что иадо! Навериое, последиий. На этом уехали и работиики ЧК. Лесов говорил: уйдем из Симбирска с последиим пароходом. «Зиачнт, в городе теперь из иаших только военные остались, да еще вооружеииые рабочие отряды».

Мысли его прервал какой-то шорох. Аидрей встрепеиулся и, взяв виитовку иа изготовку, тихонько подошел к двери, еще раз пощупал пломбу. Все как будто иа месте. Прислушался — иичего... Но что это? Опять шебуршит, и как будто из склада слышится. Что там храиится? Может, взрывчатка? Разводящий иичего про это ие сказал. А если кто забрался туда, чтобы взорвать? Полетят тогда в воздух казармы и все вокруг... Но как забрался, откуда? По спиие забегали мурашки.

— Кто там?! — дрогиувшим голосом выкрикнул он и, ие дожидаясь ответа, выстрелил вверх, затем еще раз... Изнутри раздался лай. Черт-те что, собака как-то забралась! Вот позор-то!..

— Что случилось? — появнлись в конце огромного двора несколько красиоармейцев.— Чего палишь?

— В складе кто-то шебуршит! — крнкнул в ответ Андрей.— Я выстрелил, а там собака лает.

— Да бросай ты этот склад! Сейчас его вывознть будут. Уходнм мы...

И как бы в подтверждение этнх слов, послышался стук колес, появились телегн, какне-то людн с фоиарем и факеламн.

— Назад! Не пущу без разводящего. Не подходи — стрелять буду! — Андрей снова взял винтовку на изготовку.

— Ну-иу! Ты что, очумел — в своих стрелять!..

— Не очумел, а молодец,— прервал подошедший сбоку разводящнй.— Хоть н молод, а солдат, видио, получается стоящий. Не то что вы — кулн мучиые. Что, ие зиаете: без разводящего караул ие сиимают!

Светало, когда Аидрей вместе со своей ротой покндал казармы, иаправляясь к Казанскому тракту. В сером предутреиием сумраке перед ним проплывалн пустыииые улицы родиого города. Малеиькне домншкн в зелеии садов, ставни наглухо закрыты, ворота иа запорах. Как вымерло все. Но иет, жизнь тут есть еще: кричат петухн, лают глухо во дворах собаки. А с Волги, со стороны моста, слышится частая стрельба. Вндио, нашн

напоследок от беляков отбиваются. Но мы еще вернемся сюда, обязательно вернемся. Андрей поправил на плече ремень винтовки и прибавил шаг, догоняя передних...

Глава 2

ПОЛКОВОЙ РАЗВЕДЧИК

Полная луна стояла высоко в небе, освещая своим бледным призрачным сиянием широкую Волгу, желтеющие поля, луга, темные леса и спящие села. Мир, казалось, замер, спокойствие разлилось вокруг, и нет нигде ни войны, ни жарких, кровопролитных битв.

Но так только казалось. Жестокий, беспощадный враг обложил молодую Советскую Республику со всех сторон, захватил огромные территории страны. Особенно увеличивало опасность падение Симбирска и Казани. «Сейчас *вся* судьба революции,— писал в те дни В. И. Ленин,— стоит на *одной* карте: быстрая победа над чехословаками на фронте Казань — Урал — Самара. Все зависит от этого». Тысячи большевиков уходили на Восточный фронт. Рабочие и крестьянская беднота брались за оружие — вливались в крепнущую регулярную Красную Армию. Все делалось для разгрома врага на Волге.

Давно уже беспокойные деревенские петухи прокукарекали полночь, а в небольшой мазанке на восточной окраине села еще светилось одинокое окошко. Здесь, склонившись над столом при свете коптилки, сидел плотный военный с обветренным красным лицом. Он то что-то помечал синим карандашом на лежавшей перед ним большой географической карте Казанской губернии, то о чем-то напряженно думал, попыхивая едким махорочным дымком из прокуренной трубки.

Вдруг во дворе залаяла собака, и тут же раздался оклик часового, а потом в окно сильно постучали.

— Кто там? — Военный встал и распахнул дверь. При свете луны во дворе виднелись всхрапывающие лошади, около них — часовой и какие-то люди.

— Вот говорят, товарищ командир, из штаба приехали.

— Давайте сюда.

В низенькую дверь, чуть пригнувшись, вошел высокий человек в защитном френче, перетянутом ремнем.

— Товарищ Мельников?

— Да.

— Ну, насилу вас разыскали, чуть было к белякам не угодили. Широков Петр Андреевич из Первой армии. Вот мандат.

— Наконец-то,— прочитав бумагу, улыбнулся Мельников.— Я к вам уже двух гонцов посылал. Понимаешь, в трудном мы положении очутились. От соседей нас отрезали, справа и слева чехи вклинились. Связь со штабом липовая — почти никакая. А отходить нельзя: Казань-то тут близко, можно сказать, прямо под боком, жалко такую позицию терять.

— Потому и прислали меня. Выясним обстановку, уточним расположение противника. Подкрепления подойдут, начнем наступать. Указание самого Ленина.

— Вот здорово! А то все отступаем да отступаем.

— Вот-вот. Под Симбирском Первая армия перестраивается, здесь, под Казанью, скоро Пятая армия будет создана. Уже есть Реввоенсовет Восточного фронта. А с запада к нам новые части перебрасывают, да еще направляются сюда рабочие отряды из Питера, Москвы и других городов. На месте тут тоже мобилизацию проводим — бедняков в первую очередь.

— Понятно! Есть хотите?

— Неплохо бы с дороги, но, как говорится, дело прежде всего. Времени у нас мало. Надо решить, как поскорее разведчиков к белякам заслать — уточнить их силы, расположение...

— У нас неплохая группа разведки. Ее командир — бывший прапорщик — под видом каппелевца прямо верхом у беляков по тылам разъезжал, самогон с офицерами пил даже. И еще есть у нас паренек один, совсем мальчишка. Но молодец! Отличный разведчик. Под мелкого торговца работает. Много ценных сведений добыл.

— Надо бы в Казань людей послать — пощупать, чем там беляки дышат,— сказал Широков.

Мельников задумался:

— Неплохо бы, конечно, но опасно уж очень. В самое логово ведь идти... Тут опытные разведчики нужны. А впрочем... Вчера мне один местный татарин сказал: в Казани контры что-то встревожены сильно, мечутся, как крысы в горящем амбаре, грузят на пароходы имущество, ценности. Может, и правда попытаться? Разведчики у меня ребята толковые...

— Надо! — сказал Широков.— А знаешь, у меня в Казани сестра. И жена с дочкой у нее живут. У них наш разведчик мог бы остановиться.

— Это хорошо. Тогда что ж тянуть? Позовем ребят, обсудим... Парфенов! — крикнул Мельников в дверь.— Пошли-ка сюда Ромашова!

— Ромашо-о-ва? — протянул Широков.— Это кто же такой будет?

— Я же тебе говорил — разведчик, боевой парень.

Минут через пятнадцать дверь отворилась, и на пороге показался высокий, худой, белобрысый парень без фуражки, в гим-

настерке, туго перетянутой ремнем, в ботинках с обмотками.

— Андрей! — вскочил со скамейки Широков.— Так я и думал, что это ты, то есть... догадывался... Ну, здравствуй, здравствуй. Покажись, какой стал. Ничего, подрос, повзрослел.— Он повернулся к Мельникову.— Я же его знаю вот с таких,— показал ладонь невысоко от пола.— Этому можно верить. Вот Наташка-то обрадуется!..

— Наташка!..— оживился ошеломленный неожиданной встречей Андрей.

— Его одного посылать нельзя,— прервал их Мельников.— Туда надо татарина еще, обязательно татарина. И чтобы хорошо знал город. Ты же симбирский, правда? — спросил он Андрея.

Тот кивнул.

— ...Вот я и думаю,— продолжал Мельников,— пусть вдвоем идут. Есть у меня один казанский — Еникеев Садык, командир взвода. Большевик, член РКП(б), за власть Советов жизни не пожалеет. Пусть идут вместе.

— Дело говоришь. Давай и того сюда.— Широков потянул Андрея за руку: — Садись пока, рассказывай, как сюда попал, где был...

Вскоре в мазанку вошел смуглый, черноволосый парень лет двадцати двух в ловко пригнанном обмундировании и мягких сапогах.

— Еникеев явился, товарищ командир отряда!

— Садись, Садык, разговор есть.— Мельников посмотрел на Широкова.— Сам скажешь?

— Давай я. Так вот, друзья, предстоит опасная операция. Поэтому заранее предупреждаю: приказом вас посылать не будем. Дело добровольное: хотите пойдете, не хотите — нет.

Ромашов и Еникеев оба подались вперед, жадно слушая.

— Надо пробраться в Казань, выяснить, какие части там стоят, почему белые грузят имущество на пароходы, какие настроения у жителей. В общем, надо провести глубокую детальную разведку. Дело опасное еще и потому, что до Казани придется добираться через фронт, да и контрразведчики там опытнейшие, звери. К ним попадешься — пощады не жди. Помните это! Явок в Казани подпольных дать вам не можем — у нас их нет. Но там, ты знаешь, Андрей, живет моя сестра, а у нее сейчас и Наташа с матерью. Пойдете к ним... Если согласитесь, конечно. Подумайте, прежде чем давать ответ...

— Чего думать, я согласен,— нетерпеливо прервал Широкова Андрей.

— Решено, товарищ командир, иду! — коротко отозвался Еникеев.— И правда, думать нечего.

— Тогда уточним подробности,— вмешался Мельников.— Но прежде поедим, наконец: гость с дороги,— кивнул он на

Широкова.— Парфеиов, закусить ты нам дашь? Готово там у тебя или нет еще?

С аппетнтом уплетая горячую картошку и запивая ее чаем из большой жестяиой кружки, Широков расспрашивал Еиикеева о Казанн:

— Так, говорншь, родственннкн у тебя там и жена? А не опасио это, ие узнают тебя?

— Казаиь большая. Как ни хочется повидать жеиу, к ней ие пойду. А родствеиннкн — дальние, семь лет ие виделись.

— Смотри... А ты, Аидрей, как думаешь там обосиоваться?

— Думаю, Петр Аидреевнч, лоточником на эти дни стать. Помиите, когда я в типографин учеинком был, то еще газеты, конверты да лубочные книжки с лотка продавал. Тогда матери помогать иадо было. И недавио вот так же в разведку ходил. Даднте деньги — заведу и в Казани лоток.

— Ну, что ж, дельио. А вот с документами как? Еиикееву мы добудем от муллы какого-ннбудь бумажку, ио с тобой-то как быть? Свидетельство о рождении есть?

— Нету у меия с собой иикакнх документов. Только похвальиый лнст об окончании церковиопрнходской школы сохраннлся.

Мельииков взял у Аидрея туго сложенную в несколько раз плотиую бумагу.

— Что же ты ее так скомкал?

— А в кармаие вот ношу.

Комаидир отряда развериул лист, просмотрел, потом передал Шнрокову:

— По-моему, подходит.

— Что ж, и это там может послужить документом для «коммерсаита». Даже очеиь неплохо,— улыбиулся тот, возвращая лист Аидрею.— Ну вот что! Утром займемся подготовкой к экспедиции, а сейчас отдыхайте, путь предстоит иелегкий.

* * *

В предрассветиом сумраке у околнцы небольшой татарской деревушкн, верстах в двадцати от села, в котором расположилась часть Мельиикова, медлеиио брели по дороге два оборваица-татарииа с котомками за спиной.

В согнутом татарние с порваииой круглой шапочкой иа бритой иаголо голове едва-едва можио было узнать молодцеватого, веселого Садыка Еннкеева. Да н чумазый татарский пареиек рядом с ним иикак ие иапоминал светловолосого Андрея Ромашова.

— Жеиа у меия саратовская, русская,— тихо рассказывал Садык.— Я с ией позиакомился, когда служил в солдатах. Оиа горничиой была у фабриканта. Грамотная, телефоиисткой

сейчас работает. Вот бы повидать! Да нельзя. У тебя есть девушка?

— Есть,— покраснел Андрей.— И тоже в Казани.

— Разъезд! — прервал Садык.— Вот шайтан, прямо на самых отъявленных каппелевцев, видно, наткнулись.

Навстречу, не торопясь, легкой рысью ехали на сытых конях пять всадников, у одного слегка блеснуло золото погона.

— Офицеры,— дрогнувшим голосом прошептал Андрей,— ну и влипли мы!..

— Держись, помни, как договаривались.

— Эй, кто такие? — подъехали всадники. Кони горячились, наезжали прямо на остановившихся путников.

— Татар мы, господин,— ответил Еникеев, низко кланяясь,— татар. Вон с той село.

— Куда идете, зачем? — спросил старший, с погонами штабс-капитана. Остальные молча разглядывали оборванцев.

— В Казан идем с братом меньшим. С братом беда. К профессор идем. Стрелял у нас пушка, брат совсем говорит перестала. Немой, и все... Сказали, профессор поможет.

— Нужен ты профессору со своим братом, татарская морда. Чего несешь? Посмотрите, Алексей Николаевич,— обратился он к щеголеватому подпоручику.

Тот нехотя, медленно слез с лошади, подошел, помахивая легким стеком.

— Что здесь? — брезгливо сморщившись, ткнул он в котомку Еникеева.

— Профессор за лечение,— с готовностью снял и раскрыл тот котомку.— Вот яйца, баран, кура и... это,— он брезгливо сморщился,— самогон... Говорят, для профессор очень всегда надо — лэчит чтоб.

— Господа, смотрите,— засмеялся подпоручик,— этот кретин вместо спирта самогон медикам тащит. И где ты его достал, вы же, магометане, я слышал, непьющие?

— Это лучше спырт,— обиженно затараторил Еникеев,— лучше. Я сам у русский мужик, когда покупал, видел: горит лучше спырт.

— Гм, светлая, первач? — Подпоручик еще раз взглянул на две соблазнительные бутылки, затем на офицеров.— А ну пробуй, болван.

— Ой, нельзя мне, господин полковник, нельзя. Аллах сердит будет.

— Пей, говорю. Вот идиот! Да не из бутылки, ты что, ошалел? Вон кружка у тебя, только немножко, смотри...

Еникеев, морщась и всем своим видом выражая крайнюю степень отвращения, несколько раз быстро глотнул из жестяной кружки. Затем упал на колени и стал что-то шептать по-татар-

ски, ударяя себя в грудь кулаками и кланяясь до самой земли. Офицеры загоготали.

— Не нравится татарам русский первач,— усмехнулся штабс-капитан.— Возьмите-ка бутылки, подпоручик. А что, не перекусить ли нам, господа? С самого рассвета болтаемся...

Раздались одобрительные возгласы. Подпоручик быстро сунул бутылки в свои седельные сумки и вскочил в седло.

— А это,— ткнул он стеком в сторону распотрошенной котомки,— можешь забирать к своему профессору. И проваливайте отсюда, живо — пока целы!

Разъезд повернулся и на рысях направился к деревне.

— Ф-фу, пронесло,— облегченно вздохнул Садык.— Пошли скорей, Казань совсем близко.

* * *

Бойцы армии революции оставляли Симбирск под жестоким натиском значительно превосходившего по силам врага. До последнего патрона сражались отряды молодой Красной Армии. Бронепоезд под командованием Полупанова стал у входа на огромный мост через Волгу и своей единственной пушкой долго сдерживал белогвардейцев, пока были снаряды. Затем его команда взорвала бронепоезд. А оборонявшийся тут же, у моста, отряд симбирских коммунистов погиб целиком. Враги уже подняли мятеж и в самом городе. Успев захватить в интендантских складах оружие, они открыли стрельбу на улицах.

Часам к десяти утра 22 июля перестрелка почти утихла. С юго-запада в город вступили сытые, хорошо обмундированные, вымуштрованные отряды каппелевцев, проносились на рысях белоказаки, громыхала артиллерия. Снизу, с Волги, поднимались белочехи. Всех их радостно встречали на улицах те, кто прятался от большевиков. Церкви гремели праздничным перезвоном, светились тысячами свечей торжественных молебнов. Но ни приветственные крики, ни церковный звон не могли заглушить выстрелов и стонов. Зверски расправлялись белые с коммунистами, рабочими, красноармейцами, не успевшими уйти из города...

— А железнодорожник тот знакомый уже второй день застреленный на улице валяется,— рассказывал сторож швейной фабрики Федор Кузьмич Асафьев своей заведующей Евдокии Борисовне Ромашовой.— И убирать его не дозволяют. Убили-то его прямо на женниных глазах. И все ходят и ходят по домам — ищут советских.

Евдокия Борисовна слушала, замирая от ужаса. Как там ее дети, муж, родители? Сама она решила не уходить из города

и после долгих раздумий спряталась у Федора Кузьмича. Старик жил один в небольшом домике на Бутырках, буквально в нескольких саженях от реки Свияги. В этот глухой угол редко кто заглядывал, только женатый сын Асафьева — Семен, помощник железнодорожного машиниста, когда не бывал в поездках.

Длинно, нудно тянулись для нее эти жаркие летние дни. Она почти не выходила днем из дому, вымыла стены и полы, почистила Кузьмичу его нехитрое кухонное хозяйство, готовила обед, но голову все время сверлили одни и те же навязчивые мысли: как дети и муж? Что с Андреем? Уцелело ли спрятанное солдатское сукно? Когда вернутся наши? Ответов нет и нет, а дни тянутся, тянутся...

Первое время сторож тоже отсиживался дома — ладил лодку, рыболовные снасти. А потом зачастил в центр и стал приносить новости.

— А на городской управе плакат повесили,— рассказывал он после очередного посещения центра,— большое полотнище, через всю домину. И написали на ем: «Вся власть учредительному собранию». Тоже мне, думают, мы — простые, так ничего не поймем. Видали мы ихнюю учредилку — вон сколько народу погубили. Еще больше, сказывают, сидит в арестантских ротах. И бьют там их, и мучают. А ночами выводят на Стрижев овраг — знаешь, где свалка,— и стреляют, стреляют. Вот что их учредительная власть с простым народом-то делает! Ты уж сиди, Борисовна, не рыпайся.

Как-то Федор Кузьмич пришел веселый, возбужденный.

— Встретил сиводни одну нашу фабричную, помнишь Анну, такую черномазую? Фамилию-то запамятовал... Она говорит: все обмундирование у них по домам припрятано надежно. И никто не выдал, не донес пока што. И знаешь, я после встречи с ней сходил на Московскую, к дому Френчихи, прошелся мимо. В дому, видно, кто-то из важных поселился — часовой стоит. А подвал пустыми окнами светит. Так что не беспокойся: белые наши сукна с часовым охраняют и слыхом не знают, какое добро у них под полом.

— Кузьмич, а Кузьмич,— попросила однажды Евдокия Борисовна,— может, сходил бы к моим, узнал, как там?

— Ты что? Эх, бабье сердце — не выдюжила! Да ведь я пойду — мне-то, старику, ничего. А как за твоими следят, да за мной пойдут? Пропадешь ведь.

— Ничего, ничего. Им не до слежки за моим домом, и так у них дел хватает. Да и поуспокоились, может. Ведь десятый день уж, как они в городе. Сходи, терпения больше нет моего.

Федор Кузьмич только крякнул и стал свертывать самокрут-

ку. Но через день он как-то молча тихонько зашел в дом, осторожно прикрыл дверь и долго смотрел в окно на улицу, потом обернулся к Евдокии Борисовне:

— На Полевой, у твоих, побывал. Хорошо ты схоронилась, а то приходили за тобой да за Андреем аж два раза. Супруга твоего, Василия Петровича, да отца, Бориса Максимовича, вызывали к им. Как это теперь жандармерию зовут? А, контрразведка!.. Ну, значит, вызывали их туды, допрашивали. Там один рыжий очень лютует, сказывал мне Василий Петрович. Бил его плеткой по лицу, кричал, что найдет тебя, а большевистскому отродью — значит, Андрею — не жить на свете. И обыск у вас делали.

— А где же он, Андрюша?

— Ушел в Красную Армию, отступил с ними. Остальные дети здоровы все, мать твоя — тоже. Она в церковь в Куликовскую теперь по два раза на день ходит. Говорит, грехи ваши отмаливает и за вас господа бога просит.

— А что искали?

— Не известно это никому. Ну, не нашли, чего искали, и то ладно. Зато ты теперь за своих спокойна: живы...

Однако вскоре старик принес неприятную весть: Катю Кедрову, кладовщицу фабрики, арестовали. Видно, что-то узнали про шинельное сукно. На всякий случай Кузьмич снова сходил на Московскую улицу, к заветному подвалу. Там вроде все было в порядке. Да и то, что Катя сидит еще в арестантских ротах, свидетельствовало о том, что она ничего не сказала.

Евдокия Борисовна немного успокоилась, однако дни потянулись для нее еще медленнее, а тоска по детям не давала ни спать, ни есть. Уже две недели, как она здесь. Сколько же можно так сидеть? Наверное, все уже утихло совсем. И к ним в дом теперь, после обыска и допросов, никто не придет. Убедились ведь, что ее нет. Значит, можно уйти к своим? Только не выходить во двор днем, чтобы соседи не увидели. Вот так, все передумав и, как ей казалось, взвесив, она однажды вечером, когда Федор Кузьмич был на рыбалке, собралась, оставила ему записку и ушла домой.

Но радость свидания с семьей оказалась непродолжительной. Два дня сидела Ромашова в комнате, даже к окну не подходила, а все же каким-то образом контрразведчики узнали, что она прячется дома. Ранним утром в дверь сильно постучали. Оттолкнув бледного Василия Петровича, в комнату ворвались солдаты во главе с рыжим плотным офицером.

— А-а, мадам Ромашова! — ехидно заговорил он, увидев укрывшуюся одеялом до подбородка Евдокию Борисовну.— Ну вот, наконец-то изволили прибыть. Мы-то вас так ждали, так ждали, дождаться не могли. Ну-ка собирайся, да побыстрей,

черт возьми! — резко сменил он вдруг тон.— Некогда тут цацкаться с тобой, красная директорша.

Евдокию Борисовну привезли прямо на допрос. Допрашивал ее рыжий почти целый день — упорно, то угрожая, то переходя на ласковый, уговаривающий тон. Ему, видно, во что бы то ни стало хотелось выяснить, куда спрятаны запасы шинельного сукна.

— Не знаю, ничего не знаю,— неизменно отвечала Ромашова.— Я уехала раньше, а без меня, наверное, увезли его красные, если на фабричном складе его нет.

Дважды во время допроса заходил высокий плечистый офицер со страшным лицом — почти без носа. Он молча слушал, постукивал короткой палочкой с ременной петлей на конце по блестящим прямым голенищам высоких сапог, затем так же молча, усмехаясь, уходил. В третий раз он зашел, когда рыжий, потеряв всякое терпение, бил ее изо всех сил по щекам и кричал:

— Долго будешь притворяться, стерва? Я тебя уничтожу, с землей смешаю. Где сукно, спрашиваю?

— Хватит, Николай Антонович,— негромко сказал безносый.— Отдохни. Поехали со мной. А эту...— он, казалось, несильно, но резко стукнул Евдокию Борисовну своей палочкой по голове. От удара у нее все поплыло перед глазами, и она свалилась с табуретки на пол.— Эту отошли в арестантские. Пусть посидит, может, одумается. От нас ведь никуда не уйдет...

Первое, что увидела Евдокия Борисовна, когда ее втолкнули в камеру, было бледное, изможденное лицо Кати Кедровой.

— Ой, неужели и вас захватили? — бросилась к ней Катя.— Как же так, вы ж уехали? О сукнах спрашивали?..

Ромашова кивнула.

— А я им ничего, ничего не сказала,— перешла на шепот Катя.— Им сукно очень нужно, до зарезу. Я сама слышала, когда сидела в коридоре — ждала допроса. Дверь была приоткрыта, и тот рыжий говорил с безносым. Безносый — наш симбирской помещик, полковник Баньковский. Его тут многие раньше знали. Теперь он главный палач, начальник контрразведки ихней. А рыжий — его заместитель, Логачев. Самый страшный здесь человек: мучит — жуть, до смерти людей забивает... Так вот они говорили, что мобилизуют сейчас крестьян и их срочно одеть нужно. А еще они говорили, что на этой операции можно хорошо заработать. Как я поняла, они хотят это сукно забрать и продать своим же.

— Ничего, Катя, мы хоть умрем, да ничего им не скажем. Правда?

* * *

В небольшой мазанке на окраине села было тесно и накурено. Командиры только что прослушали доклад Широкова о текущем моменте. Шел восьмой день с того времени, когда разведчики отправились в Казань. «Как там дела?» — с беспокойством думал Петр Андреевич, складывая свои бумаги. Ни на минуту не оставляла его эта тревожная мысль.

Сколько близких, дорогих ему людей замешано в этой операции — дочь, жена, сестра, Андрей... А если провалятся?.. Нет, невозможно, нельзя просто... Что же принесут ребята? Срочно нужны подробные сведения о белых тылах, особенно о Казани. Там, говорят, враги захватили золотой запас молодой Республики Советов. Неужели они его вывезли? Вполне возможно. Недаром же рассказывают, белые грузят что-то на пароходы. Да, а силы какие у них там? Вот-вот начнется большое наступление. Уже создана крепкая регулярная Красная Армия. Теперь мы вполне можем потягаться с вами, господа. Недолго вам осталось гулять по Волге...

Комната давно уже опустела, все вышли покурить на свежем вечернем воздухе, а Широков сидел, задумавшись.

— Пришел, явился! — прервал вдруг его раздумья Мельников.

— Кто, кто явился? — встрепенулся Широков. Из-за плотной фигуры командира отряда выглядывало побледневшее, обросшее бородой лицо Еникеева.

— А Андрей где, Андрей Ромашов? И Вера, Наташа?..

— Погиб Андрей, убили его гады, а жена ваша и дочка в порядке.

— Как же так, как случилось?

— Я, я виноват! — На глазах Еникеева выступили слезы.— Дайте закурить.

— Ну-ну, успокойся, садись и говори по порядку,— вмешался Мельников.

— Значит, когда мы ушли от офицерского патруля,— рассказывал Садык, жадно затягиваясь второй самокруткой,— добрались мы до Казани уже без происшествий. Город, вы знаете, торговый. Телеги с товаром, много народу, торгашей всяких — и на базарах, и на улицах шумно везде. Тут уж нам с Андреем хорошо: никто на нас никакого внимания. Ну, нашли мы домик, тот, на Арском поле. Вот нам обрадовались! Все про вас спрашивали,— обратился он к Широкову,— как себя чувствуете, как выглядите, даже что едите. А потом Андрей с Наташей пошли покупать лоток и всякую ерунду для него. А я отправился на базар — послушать, что говорят мои земляки, как им живется. Очень недовольны татары белыми, притесняют их сильно. Ну

а Андрюша накупил всякнх книг про сыщнков да любовь, конверты, карты игральные, еще там что-то...

На следующий день вышел он, значнт, уже торговать. А я рядом крутился. Ох н ловкнй он парень! Взял еще в тнпографни пачку свежих газет, и вовсю его торговля пошла. Так мы и броднли с ним целымн днями по улицам. Больше около штаба ходили, он даже в казармы попадал. Рассмотрели как следует этих народармейцев. Воюют они якшн только с женщинамн и водкой, а с нами ие очеиь-то рвутся драться.

Офицеры тоже все больше по ресторанам. Поют там, танцуют, клянутся, что скоро начнсто разделаются с большевикамн. И все своими полками да вооружением хвастают громко. Ну, мы тут тоже запомннть старались назваиия всяких частей и сколько у них сил. Я на память много помню. Сами понимаете...

— Потом, позже об этом подробно доложишь. Начальинка штаба позовем, отметим на карте. С Андреем что? — поторопил Широков.

— Дня четыре так бродили, разнюхивали все. А затем я смотрю — вроде легкая паннка у беляков: офицеры беспокойные, как на плите горячей сидят. А еще их грузовики все возят на пристань тюки да ящики. Прнстань в Казани, знаете, далеко, верст пять или шесть будет. И патрулей там, на этой дороге, много — прохожих всех проверяют, документы смотрят. В общем, опасно туда ходить. Но мы подумали, подумали и решились — пошли. Андрей с лотком, а мы с Наташей вырядились, вроде гуляю я с барышней. Нас н не остаиавливалн почти. Один было раз, да у Наташн документы в порядке, а у меня татарские, от муллы. Нас сразу же отпустили, только сказали, что нечего нам делать на прнстани. Я и объяснил, что мать моя там торгует, ларек у нее. А Андрюшку раз пять задерживалн. Я один раз видел, как он свое свндетельство вытащил, офицер посмотрел н отпустил его. Молодец он парень...— Еникеев запнулся на секунду,— был... Жалко его очень. Как только пришел на базарчик у пристаии, так во все горло н закричит: «А ну давай, налетай! Налетай! Только у меня вы сможете купить игральные карты да узнать свежие новости из газет». И что вы думаете — покупали, и еще как!

А дело под вечер было, теплый вечер, хотя и начало сентября. Небо чнстое, солнце за Волгой красиво так заходит. Народу полно. Пароходов там собралось! Стоят плотно друг возле друга. Походнли мы с Наташей около них, а тут Андрей к нам вроде случайно подошел. «Попробую-ка на самую пристань пробраться,— говорит.— Гуляйте здесь пока».

Мы сели на травку, ждем, а его все нет и нет. Совсем стемнело, огни зажглнсь, а Андрея не видно. Я уже думал сам туда пойти — выяснить, в чем дело, хотя и опасно это. Только

встал — смотрю, он появляется, веселый такой, н тнхо говорит: «Ну, ребята, много я интересного узнал. Знаете, я на пароходах был, по каютам даже ходнл. Господам очень карты мои нужны. А однн мне вот что подарнл,— и показал нам японского сукна гнмнастерку с какнмн-то темными пятнами.— Только кровь на ней: вндно, убили кого нз нашнх. Мне неудобно было отказаться — еще заподозрят чего».

Потом он стал рассказывать мне, какне части на пароходах и куда их везут. Раза два повторнл, чтобы я запомннл. А я ему, шайтан меня за язык дернул, н говорю: «Ты гнмнастерку спрячь где-ннбудь, а-то на ней кровь н носнть ее с собой опасно. Подкинь,— говорю,— под какой-нибудь торговый ларь, они уже закрыты все».

Он и пошел прятать. Вдруг крнк, шум. Оказывается, хозяин, торгаш, у того ларя был, ночевал там, что лн? Он н схватнл Андрея — думал, грабнть лезет. Ну, н гнмнастерку ту заметнлн. Тут сразу же н повелн его в контрразведку. Мы все ходнлн, ждалн — никак я не мог допустить, чтобы такой ловкнй, умный парень пропал нз-за пустяка. Думал: ведь докажет же он, что офнцер подарнл.

Ну, значнт, ходнм вокруг н ждем, ходнм н ждем. Наташа нзвелась прямо вся. Часа два прошло. И нам уже ходнть стало опасно. Только вдруг какне-то выстрелы. Подошлн блнже, слышнм, крнчат: «Вон там ловнте! Не уйдет!» А в это самое время с Волгн как затарахтнт пулемет, да пушка ударнла. Снаряды где-то позадн нас рвутся. Мы упалн на траву, лежнм. Среднбелых паннка, огнн все на пароходах погаслн, стрельба идет вовсю. Потом мы слышалн: нашн красные катера — вндно, из Маркннской флотнлнн — налетелн.

А когда все кончнлось, опять темнота сплошная. Так н остались мы там Андрея до утра ждать, замерзлн очень. С рассветом пошлн на базар. Ну н узналн: однн татарнн рассказывал всем, что после допроса хотелн того парня — Андрея, значнт,— в городскую тюрьму отвестн, а он перемахнул через барьер — да в воду. По нему, конечно, стреляли н попали...

Я спроснл татарнна, откуда он знает, что попалн. Он мне объясннл: мол, утром сегодня нnже по берегу нашли убнтого. «Снльно,— сказал,— его обезобразнлн. Много раз, вндно, в голову попалн».

Пошли мы тогда обратно в город, Наташа очень плакала дорогой н дома потом тоже. И все я! Не сказал бы ему прятать ту гимнастерку, обошлось бы...

— Нет, Еннкеев, ты действовал правнльно,— вздохнул Шнроков.— Случай! Ннчего не поделаешь — война. Ну что ж, давай теперь твои сведення .

* * *

Евдокия Борисовна и Катя изнемогали от ежедневных допросов, побоев и голода. Рыжий штабс-капитан оказался действительно лютым и дотошным. Он даже сумел найти у каких-то двух-трех работниц фабрики пачки готового обмундирования. К счастью, видно, на этом у него дело опять приостановилось. Работницы клялись, что утащили обмундирование, когда красные отступали, и ничего больше ведать не ведают. Тогда Логачев перенес всю свою злость на заведующую фабрикой и кладовщицу. Их вызывали из арестантских рот почти каждую ночь, допрашивали с пристрастием, избивали и отводили обратно.

Камеры в арестантских ротах были так переполнены, что люди могли только сидеть. Каждую ночь приводили новых арестованных, вызывали старых, уводили куда-то. Многие не возвращались. Ужасное положение еще больше усугублялось слухами, передававшимися из уст в уста: «Слышали — говорят, Ленина на днях в Москве убили. Что же теперь-то будет?»

Услышав такое, Евдокия Борисовна буквально окаменела. Что же это? Ленина? Не может быть, нет, нет!

— Не может этого быть! — уже вслух твердо сказала она.— Они нарочно такую сплетню пустили, чтобы нам тяжелее было.

Ее твердая уверенность убеждала многих лучше всяких доказательств. Из камеры в камеру летели сигналы: «Ленина не убили. Это провокация, ложь».

Но положение арестованных становилось все труднее. Их почти перестали кормить. Из камер уводили на расстрелы теперь не одиночек, а целые группы. Ромашова и Кедрова каждую минуту ждали, что вызовут и их.

— Наши-то наступают, вот-вот сюда придут,— сообщила недавно приведенная в камеру женщина.

— Потому и лютуют напоследок,— заключила Евдокия Борисовна. А у самой не выходила из головы мысль: неужели не дождется освобождения, не увидит больше своих детей?..

* * *

По пустынному Казанскому тракту в сумерках осторожно двигался, опираясь на сук, какой-то оборванец. Время от времени он садился отдыхать на обочину, затем с трудом подымался и опять, прихрамывая, упорно шагал к Симбирску. Было уже за полночь, когда бродяга, сопровождаемый лаем собак, добрался до небольшого деревянного домика в Бутырках, на самом берегу Свияги. Оглянувшись, он наклонился и постучал в окошко.

Федор Кузьмич уже давным-давно спал, когда его разбудил

тихий стук. С минуту старик полежал, прислушиваясь. Стук повторился. Кто бы это? Сын, Семка? Он же еще позавчера сказал, что будет два дня в поездке. А может, полиция или бандиты? Нет, они так тихо стучать не будут.

В окно снова застучали, на этот раз хотя и тихо, но продолжительно. Видно, не терпится человеку. Старик, кряхтя, поднялся, посмотрел на едва видневшееся во тьме окошко и двинулся к сеням. По дороге нащупал на лавке топор, крепко ухватил за ручку — мало ли чего...

— Кто там?

— Открой, Кузьмич, открой скорей. Это я, Андрей, Андрей Ромашов. Помнишь — сын заведующей.

— Чего не помнить-то. Заходи. Откуда взялся?

— В разведке был, в тылу у белых. Ранили меня — вот я сюда и добрался. Хотел к своим идти — опасно, к Мишке Камышову — людно там очень. И вспомнил: рыбу с тобой около дома вашего когда-то ловили, глухо тут, тихо. Вот и пришел...

— Как же, как же, хорошо, что пришел,— говорил старик.— Вот засвечу коптилочку, поесть дам, уха у меня в печке. Вчера рыбки наловил, хороший улов.— Он тихо суетился у печки, долго выбивал искру огнивом, а когда зажег огонь и оглянулся, то увидел, что на лавке, неудобно привалившись к стенке, спит оборванный, грязный бродяга с забинтованной рукой и обмотанными тряпками ногами.

— Как умаялся парень! Ну, давай поспи, утром поешь.

Солнце еще только вставало, когда Андрей, будто его подтолкнуло, быстро поднялся и сел на лавке. Ну и спал — как провалился в глубокий колодец! Где это он? Ага, у Кузьмича... Он, кажется, что-то насчет еды ночью говорил? Андрей почувствовал резкий голод. За последние три дня он съел маленький кусочек хлеба да два яблока. Шел ночами, остерегался белых патрулей.

— Ну что, парень, выспался? — раздался с порога голос Федора Кузьмича.— Я только тебе ушицы дать хотел, а ты и заснул сразу. Сейчас подогрею — поешь. Может, сперва помоешься да рубашку другую наденешь?

Когда Андрей, умытый, в чистой сатиновой рубахе, доедал вторую миску ухи, старик, сидевший за столом и куривший неизменную самокрутку из крепчайшей махорки, сказал:

— И мать твоя здесь же, у меня, хоронилась. Да не усидела, к детям пошла. Там ее и взяли...

— К-куда?..— поперхнулся Андрей. Он весь подался вперед, на глаза навернулись слезы.

— В арестантские роты. До сих пор держат. Мне верные люди говорили: на допросы каждую ночь водят. Ее и Катьку Кедрову, кладовщицу. Знаешь?

— А отец, дети как? — В прерывающемся голосе Андрея слышались и надежда и страх.

— Живы оии. Давно не был у них. Но тоже горя хлебиули.

— Эх, мама, мама! Как же она оплошала? Ведь говорили ей: уходи из города. Что же теперь делать будем?

— Да она бы и здесь, у меня, пересидела, если бы потерпела немного. Вон, сказывали, наши-то верстах в двадцати пяти всего...

Стук в дверь прервал старика. Ои вышел и через минуту вернулся с высоким светлым парнем в железнодорожиой фуражке.

— Не бойся, это сын мой, Семка, помощником машиниста на паровозе работает. Он все понимает, может, присоветует, что делать-то. А это,— обратился Федор Кузьмич к сыну,— Андрей, сын нашей заведующей Евдокии Борисовны, ты зиаешь. Разведчиком был у наших.

Парень с любопытством посмотрел иа Андрея.

— Как сюда попал?

— Целая история получилась. Я, понимаешь, в Казань по заданию был послан, в глубокую разведку. Мы уже почти все сделали — еще один товарищ со мной был. А тут меня беляки и схватили. Хорошо, сведения я своему напарнику передать успел. Ну, когда меня в тюрьму-то повели, я и думаю: «Каюк, расстреляют!» Темно иа пристани было, я в воду и сиганул. Что тут поднялось: стрельба страшиая, прожектора. Уж не пойму — по мие ли все так стреляли или еще что было? Только задели меня по руке, вот тут. Но я до баржи какой-то добрался, никого иа ней иет, и скобки железные к воде. Залез я по ним наверх, а оиа — палубная. Я в трюм и забрался, за какие-то ящики лег. Рубашку порвал, руку перевязал — крови потерял миого. А потом иезаметио усиул.

Проснулся — день уже, и плывем, вода журчит за бортом. А по палубе ходят, разговаривают, смеются — может, солдаты белые. Так я и сидел в трюме трое суток, пока плыли, пить хотелось ужасно. У меия сухарей в кармаие немного было, размокли все — как каша. На третью ночь остановились. Я на палубу выглянул — иикого, потом в воду тихонько спустился, до берега иедалеко оказалось, хотя и холодно было.

Вылез я, дрожу весь. Избы стоят — ии огонька, собаки лают. Я поскорее подальше от берега пошел. На самой окраине забрался в сарай какой-то, до света в соломе продрожал. А утром мужичонка пришел. Я вылез когда, он испугался, бежать хотел. Едва уговорил, что не бандит и не дьявол я. Оказывается, завезла меня баржа аж в Тетюши.

Ну, принес мне тот мужик поесть и говорит: «Удирай поскорее: офицеров да казаков в село полным-полно наехало».

Я ушел сразу, кустарником к лесу добрался. До ночи прятался, думал, куда идти. К своим, в полк, никак не доберешься: далеко очень и фронт там, нарваться можно. Вот и решил — в Симбирск, подождать своих. А тут, оказывается, мать у беляков сидит...

— Верно ты решил. Недолго, видно, ждать нам осталось,— откликнулся Семен.— Наши близко уже. Я вот этой ночью на собрании секретном был...— Он на мгновение запнулся, потом махнул рукой: — Да чего там, все свои... Так, значит, решили мы в Верхней Часовне партизанский отряд создать и ударить с тылу по белякам. Прямо на город идет красная Железная дивизия. Командир ее — фамилия вроде Гай. Ох, и жмут они контру! Говорят, поклялись отомстить за раны товарища Ленина.

— А что с ним? — в один голос воскликнули Андрей и Федор Кузьмич.

— Говорят, убить его хотели контрики, но только ранили. Жив, значит, Ленин!

— А можно мне с вами? — спросил Андрей.

— Ты же раненый.

— Да задело только, уже присохло все. Вот, смотри...

* * *

В эту ночь заключенные арестантских рот не сомкнули глаз. В камеры доносились глухие орудийные залпы, иногда совсем близко слышалась ружейная перестрелка. Тюремщики не показывались еще с вечера. Но вот на рассвете раздался топот, звон ключей.

— Выходи! — распахнулась дверь камеры, где сидели Ромашова и Катя Кедрова.— Все до единого выходи!

Женщины потянулись к двери. В тускло освещенном коридоре поблескивали штыки конвойных. Размахивая маузером, бегал от двери к двери рыжий штабс-капитан:

— Скорее, скорее! Некогда с вами тут валандаться.

В последние несколько дней рыжий, казалось, забыл о Евдокии Борисовне и Кате Кедровой. Это сперва обеспокоило Евдокию Борисовну. «Неужели нашли сукна?» — тревожно думала она. А затем, когда в тюрьму дошли слухи о наступлении красных и о том, что они совсем близко от города, она успокоилась: просто не до этого сейчас контрразведчикам.

...Зябко поеживаясь от предутреннего ветерка, заключенные сбились у выхода на улицу.

— Ну, торопись, по четыре человека становись,— пинал ногами людей у ворот безносый полковник.

Накомец тюремщикам удалось выстроить всех в колонну.

— Стрелять ведут,— шепнула Евдокия Борисовна Кате, глядя на лица и винтовки окруживших их охранников.— Наши подходят, вот они и...

— Пошли, пошли!

И в тот же миг рядом раздались выстрелы, над головами прожужжали пули. Женщины завизжали, длинная колонна испуганно подалась назад. Охранники, отстреливаясь, разбегались кто-куда. С одного конца улицы мчались, размахивая шашками, кавалеристы с красными звездами на шапках, с другого бежали вооруженные железнодорожники.

Заключенные бросались к железнодорожникам, обнимали их. Конники гнали охранников дальше.

— Андрюша! — вдруг встрепенулась Евдокия Борисовна.— Андрюшка, родной!

К ним подбежал Андрей, пиджак перепоясан лентой с патронами, винтовка наперевес.

— Мама! Я уж думал, не успеем.

— Как ты, как дома? — плача и целуя его, спрашивала Евдокия Борисовна.

— Все в порядке. Некогда, мам. Наши уже, видишь, в городе. Ты домой иди, а мы еще им добавим...

Прямо на плечах отступавших в беспорядке белых на улицы Симбирска ворвался Московский полк. Другой полк красных отрезал врагу путь на мост. В Подгорье шла частая стрельба. Сбрасывая снаряжение, белые в панике хватали лодки, пытались перебраться через Волгу...

Вечером того же дня возбужденный, веселый Андрей стоял на митинге в огромной толпе бойцов и горожан.

— Читаю телеграмму Ленину! — слышался над притихшей площадью голос человека с трибуны.— Слушайте, товарищи: «Дорогой Владимир Ильич! Взятие Вашего родного города — это ответ на Вашу одну рану, а за вторую будет Самара!»

— Ура, ур-ра! — разнеслось далеко вокруг.

А вскоре телеграфисты Первой армии, освободившей город, приняли ответную депешу из Москвы:

— «Взятие Симбирска — моего родного города — есть самая целебная, самая лучшая повязка на мои раны. Я чувствую небывалый прилив бодрости и сил. Поздравляю красноармейцев с победой и от имени всех трудящихся благодарю за все их жертвы».

Глава 3

ПОМОЩНИК УПОЛНОМОЧЕННОГО

На Новый Венец то и дело налетали холодные злые ветры, по-хозяйски мели опавшие листья на пустынных дорожках, нагоняли из-за Свияги низкие свинцово-серые тучи, сеявшие мелкими, как сквозь сито, нудными дождями. Печально обвисли ветки на деревьях, липы уныло шумели пожелтевшими кронами, роняя на землю мокрые, крутящиеся в воздухе листья. И только солнце еще никак не хотело сдаваться: временами оно прорывалось сквозь густой облачный заслон и посылало вниз такие неожиданно яркие и теплые лучи, что мгновение казалось: лето вот-вот вновь возвратится. И тогда долетали на высокий симбирский берег из-за Волги пряные запахи мокрой земли, осенних лесов, прелой соломы с полей и... дыма.

Дым?.. Андрей остановился. Такой знакомый, приевшийся за последние недели запах. Опять где-то горит... Где? Ведь так тихо стало вокруг. Впервые за сколько дней? Фронт наконец-то откатился далеко от города, перестали рваться снаряды на улицах, отгорели домишки в Подгорье, а запах дыма все еще чувствуется в воздухе.

Он еще раз посмотрел на быстро скрывающиеся за туманной дымкой заволжские поля и глубоко вдохнул холодноватый сырой воздух. Как все же хорошо, когда так вот тихо вокруг — не слышно ни винтовочной трескотни, ни уханья пушек, ни визга снарядов. Хорошо! Он специально пошел сегодня через Венец, чтобы взглянуть вниз, на Волгу, еще раз почувствовать, послушать эту тишину. И ни души кругом... Словно вымерли все. Вон как плотно закрыты ставнями, занавешены окна, заперты калитки и ворота в глухих заборах. Даже собаки и те не тявкают из-под подворотен. Спрятались обыватели, затихли.

А ведь среди этих запершихся есть и люди, которым Советская власть — своя, родная. Только не понимают они этого. Вот как его бабка с дедом да отец! Сидят тоже взаперти в доме и мать никуда от себя не отпускают. Лишь бабка Аграфена Ивановна каждый день в церковь бегает — грехи дочки и внука замаливать. И с попом Константином советоваться: мол, как теперь дальше жить?

Еще три дня назад рабочий коммунистический отряд Андрея участвовал в одном горячем деле — группа беляков прорвалась... А сегодня вон тихо стало как. Неужели это уже насовсем? Он снова взглянул на Заволжье. Хоть и осень, а хорошо как! Но надо идти. Золотухин, верно, ждет уже...

Андрей пересек площадь, свернул на пустынную улицу и

прибавил шаг, перепрыгивая на ходу через лужи, оскальзываясь на мокрых листьях. Что он теперь будет делать? Ведь тишина обманчива, где-то там, на востоке, не так уж далеко от города, идут бои с белыми. И на западе Советская Республика из последних сил отбивается от врагов, и на юге... А он вот здесь идет к товарищу Золотухину, вместо того чтобы ехать на фронт, как его друг Санька Смышляев или Семен, сын сторожа Кузьмича. Нет, не так, совсем не так представляет Андрей свое участие в революции. Вот бы мчаться на боевом коне с шашкой в руке впереди эскадрона лихих конников!..

* * *

За день до этого в казарме, где разместился их отряд, вдруг появился Никита Золотухин. Андрей не видел его целый век — с тех пор, как ушел добровольцем в Симбирский полк. Никита ничуть не изменился: по-прежнему выдавались его круглые, докрасна загорелые скулы, весело блестели черные цыганские глаза. И фуражка та же — кожаная, шоферская, и вылинявшая тельняшка пестрит полосками в расстегнутом вороте рыжей кожаной куртки. И кобура черная по-морскому болтается сбоку на длинном ремешке, почти до колена.

Увидев Андрея, Никита обрадовался:

— Жив, значит, парень? Воюешь? Молодец, хорошо, очень даже здорово! А ты вроде подрос немного.— Он энергично похлопал Андрея по плечу и, не замечая, как тот сморщился от боли, продолжал: — Боец отряда? Ага, это хорошо. А мы с Лесовым тебя уже искать собрались. Зачем? Нужен, значит. Ну да об этом потом. Ты мне, браток, сейчас канцелярию вашу покажи. Тут? Бывай, увидимся...

Ночью их подняли по тревоге. Когда строились во дворе, Андрей в сумраке разглядел рядом с командиром Золотухина.

— Задача, товарищи, у нас сегодня непростая,— сказал Никита перед строем.— Мы получили сведения: в город пробралась вражеская банда. Хотят подожечь мельницы на северной окраине. Если им это удастся, симбирские трудящиеся и воинские части останутся без хлеба. Ясно? Так вот: надо скрытно, без шума, подойти к мельницам и плотненько оцепить их. А там неплохо бы захватить контру живьем... Главное — не допустить пожаров...

Андрея с первой группой привезли на грузовике, высадили на пустынной улице. Золотухин вместе с командиром разводил их по местам, усаживал по два-три человека в засаду возле мучных лабазов.

— Лежать не двигаясь,— строго наказывал он шепотом.— Стрелять, только когда увидите ракету. Ясно?

Андрею вместе с немолодым усатым рабочим досталось место у забора, около угла лабаза. Каменная громада еще больше сгущала темноту осенней ночи. Струйки мелкого дождика затекали за шиворот, холодили спину. Ни звука, ни шороха кругом, только от Волги доносится редкая ружейная перестрелка да изредка ухает разрыв снаряда.

До боли в глазах вглядываясь снизу в беспросветную тьму, Андрей постепенно стал различать контуры огромного мучного склада на чуть сереющем фоне неба. Немного дальше виднелось еще одно темное пятно. «Мельница»,— догадался Андрей.

Усатый сосед пошевелился, разминая затекшую руку, повел плечом.

— Зябко, едят тя черти,— прошептал он.— Покурить бы... А может, и напрасная тревога — не придут они?..

Слушая едва слышный шепот соседа, Андрей как-то упустил мгновение, когда над темными крышами не спеша выплыла яркая звездочка ракеты. Только хлопок ракетницы привлек его внимание. В быстро меркнущем свете он успел заметить две пригнувшиеся фигуры и тут же рванулся вперед.

— Сдавайся, гады!..

Рядом слышались топот и тяжелое дыхание напарника, кругом раздавались выстрелы, вскрики, стоны. Пробежав шагов двадцать, Андрей споткнулся о лежащего человека, чуть не упал. Наклонился:

— Ты кто?

Тот неожиданно сильно дернул Андрея за ногу. Андрей выронил винтовку, и они покатились по траве, сдавив друг друга. И в это мгновение вспыхнуло яркое пламя. «Подожгли все же!» — мелькнуло у юноши. Собрав последние силы, он рванулся, приподнялся и ударил врага по голове. Тот дернулся, руки его ослабели. Тяжело отдуваясь, Андрей встал.

Казалось, прошла вечность — не секунды. Лабаз по-прежнему спокойно темнел несокрушимой глыбой, а сбоку весело потрескивало пламя костров, бросая беспокойные отблески на каменную стену и забор. Чуть подальше, у мельницы, стояло несколько фигур с поднятыми руками и металась, поблескивала в свете костра кожанка Никиты.

«Молодец Золотухин, костры приготовил,— подумал Андрей.— Но где же винтовка?» Сделал шаг, два... Черт, в таком бурьяне и оружие потеряешь.

Наконец ткнулся ногой в приклад. Поднял винтовку, стер землю с затвора, передернул его и огляделся. Далеко же они по земле прокатились. Только теперь Андрей осознал, как близко был от смерти. Но где же тот? В неверном пламени костров человека на земле не было видно. Где он? Ведь оглушен вроде был. Вдруг у самого забора, там, где они совсем недавно

лежали в засаде, заметил: как-то странно качаются высохшие стебли колючек. Уходит!..

— Стой, стой, застрелю!

Когда почти добежал, с земли поднялся невысокий, плотный человек в солдатской гимнастерке и без шапки. В черных спутанных волосах торчали сухие травинки. Андрей подошел поближе, уперся штыком ему в грудь.

— Руки!

Тот, молча сверкнув глазами, нехотя поднял руки. «Где-то я его видел? — подумал Андрей.— Знакомое очень лицо». И тут же приказал:

— Давай шагай туда,— чуть качнул винтовкой в сторону мельницы.

На миг, только на короткий миг штык отклонился от груди. И этого было достаточно, чтобы задержанный схватил ствол винтовки, изо всех сил дернул его и тут же отпустил. Андрей крепко держал оружие, но рывок был такой неожиданный, что юноша упал. Когда он вскочил, бандит уже сидел на заборе.

— Стой!..— Андрей выстрелил, человек исчез за забором. На помощь бежали красногвардейцы.

— Там он, я, кажется, подстрелил...

Несколько человек перемахнули через высокий забор, но беглец исчез — как провалился...

— Эх ты! — с сожалением произнес Никита, выслушав бессвязный рассказ Андрея.— Смотреть надо...

Обида захлестнула Андрея: разве он виноват? Костры раньше зажигать надо было. Но тут же чувство справедливости подсказало: нет, виноват! Все думает, что здесь, мол, не фронт — ерунда, детские игрушки. Оказывается, и в тылу враг встречается лютый.

Бандиты уже были построены по два и окружены плотным кольцом отрядников с факелами. И первый, кого Андрей увидел, когда подошел, был «крючник». Тот самый — с пристани.

Юноша тогда видел лицо «крючника» буквально одно мгновение. Но на всю жизнь запомнил копной взлохмаченные волосы, как бы провалившиеся в глубокие ямы глаза с крутыми надбровьями. И сейчас, когда он подходил, его прямо ожгло этим горящим ненавистью взглядом. Андрей вздрогнул, остановился и внимательно взглянул на арестованного. Ну конечно же, он — тот самый!.. Дальше руки, ноги, язык Андрея начали действовать сами по себе. Возбужденный, взволнованный только что пережитым, он уже больше не в состоянии был контролировать себя...

Едва-едва Золотухин и еще два отрядника удержали его.

— Ты что, соображаешь! — на ходу, по дороге в ЧК, сердито выговаривал ему Никита.— Знаешь, как это называется — со

штыком на пленного? Самосуд! Мы не бандиты какие-то, а блюстители закона. Ясно?

— Закона? Это какого же? Убийцу, гада белого беречь?

— Революционного закона, установленного Советской властью. И она никаких тебе самосудов не позволяет. За это трибунал!..

— Слушай,— вдруг прервал его Андрей,— а ведь я, знаешь, вспомнил, где того убежавшего видел.

— Где?

— Это рыжий! «Режиссер»! Помнишь тюрьму? Тот самый! Только он сегодня не рыжий был. Волосы у него черные, а я его все равно узнал!

— Рыжий тот, говоришь? — Никита остановился, задумчиво взглянул на Андрея.— Вот что, иди-ка сейчас домой — отоспись, а завтра утром прямо к нам. Ясно?..

* * *

Как в тумане, прошел перед Евдокией Борисовной день освобождения. Такого счастья она уже и не ждала, не надеялась больше ни на что. Думала только о детях да о том, как бы подостойнее принять смерть. И вдруг сразу: и свобода, и сын старший дома, и свои в городе. Сердце ее не выдержало такого. Едва-едва помнит она, как Андрюша с товарищем довели ее до дому, как плача встретила ее мать, как муж с отцом укладывали в постель. И забылась в беспамятстве, в горячке...

Лишь через несколько дней сознание вернулось к ней. Желтая, исхудавшая, приподнялась на постели:

— Где белые? Наши в городе?

И, получив утвердительный ответ, тут же заторопилась вставать. Надо немедленно идти в губсовнархоз, в губисполком, надо собрать розданный работницам материал, откапывать сукно и машины.

— Да ты что — совсем рехнулась? — рассердилась мать.— Едва на ногах стоишь, детей даже не посмотрела как следует. Белые совсем близко — в Заволжье, по городу из пушек палят.

Чуть ли не силой Аграфена Ивановна снова уложила дочь в постель. Евдокия Борисовна лежала обессиленная, а беспокойные мысли продолжали одолевать: «Не пропало бы шинельное сукно! Такая ценность — и лежит в земле без присмотра, под кучей старого хлама, в подвале пустого дома. Мать говорила, что здание уцелело и при белых никого там не было. Поскорее бы пойти туда, все посмотреть самой, попросить охрану. А может, уже и фабрику можно открывать? Беляков прогнали из города, а обмундирование красноармейцам позарез нужно. Ма-

шины вот еще поглядеть бы — пылятся, ржавеют в подвалах фабрики; прятали впопыхах, даже смазать их не успели».

Думала, засыпала, просыпалась — все тело болело от недавних побоев, опять проваливалась в тяжелый сон. Вдруг села на постели — стены дома дрожали, слышалась сильная стрельба, ухали разрывы снарядов. Догадалась: бой идет на берегу Волги. Вскоре стрельба затнхла. Ходившая по воду мать слышала у колодца — красные начали наступление.

Евдокия Борнсовна решительно встала с постели, оделась, разыскала в глубнне буфета маидат красиого директора н, несмотря на протесты матери, вышла из дома.

Она побывала в губисполкоме, в совнархозе, в губодежде. Получив различные полномочия, указания, денежные документы, она уже в сумерках, еле передвигая ногн от усталости, возвращалась домой.

«Дай-ка хоть взгляиу на фабрику,— подумала она,— а уж завтра объявление вывешу, что фабрика открывается, обойду работннц, у которых материал спрятан, найду Катю. Встречу охрану — обещали прислать. Рабочие должны прийти, перенесут швейные машнны из подвала, соберут, установят, наладят. Дел невпроворот!»

Вот и знакомое кнрпичное здание. Железные ворота на запоре, кругом тишина, только собаки лают из подворотен. Подошла, тронула огромный внсячий замок. Он тнхо лязгнул о металл ворот.

Из-за угла вышел какой-то человек н, прихрамывая, быстро направился к ней. В сумерках не видно было его лица.

Евдокия Борисовна вдруг поняла, что уже почти темно, улица безлюдна и она стоит одна у пустынного запертого дома. «Не бандит ли какой? — мелькнуло беспокойно.— Их, говорят, сейчас полно ночью по улнцам шастает. Грабят, убивают!» Она прижалась спиной к холодиому железу.

Человек приближался. И тут Евдокия Борисовна его узиала. Не узнала — скорее, почувствовала: Кузьмич! Сторож Федор Кузьмич!

— Вот встреча-то! — кинулась оиа к нему, как к родному.

— Здравствуй, здравствуй, Борисовна,— протяиул ей руку сторож.— Выздоровела, значнт? Это хорошо. А я к тебе домой заходил, мать сказывала: побежала ты по нашим делам. Вот я и поджидаю тебя здесь. Знал: все равно не утерпишь, придешь к фабрике. Заодио н присмотреть тут иадо за порядком, такое уж мое дело — сторожевое...

— Как там сукно-то, Кузьмич? — иетерпеливо прервала его Евдокия Борисовна.— Не наведывался?

Кузьмнч замялся:

— Да вот, знаешь, Борисовна, сегодня заглянул я туда — не пондравилось мне чтой-то...

— Что, что?

— Говорю, не пондравилось!.. Рухлядь, что мы навалили сверху, вроде бы на месте, а и не на месте, если присмотреться.

— А ты копнуть пробовал?

— Да нет, неудобно было одному-то, без тебя.

— Идем! — Евдокия Борисовна сразу забыла про свои страхи, про усталость и решительно зашагала на Московскую. Прихрамывающий сторож семенил за ней.

Приблизившись к мрачному заброшенному особняку, заведующая фабрикой невольно замедлила шаги. В полутьме быстро надвигающейся осенней ночи дом с пустыми глазницами выбитых окон на пустынной улице мог напугать и вооруженного мужчину. Подошел запыхавшийся от быстрой ходьбы Федор Кузьмич.

— У меня вот свечка есть,— деловито сообщил он,— а за дверью лопата спрятана. Сейчас все и осмотрим...

Внизу Федор Кузьмич поставил свечу на земляной пол, разыскал первым делом в темном углу какое-то тряпье и плотно завесил два маленьких окошка, выходящих на улицу. Сдвинув в сторону ломаные стулья, рваные тюфяки, старые книги, он внимательно осмотрел пол.

— Тут, кажись... Ох, не ндравится мне ето,— бормотал он, примеряясь, где лучше начинать копать.

— Что не нравится, Кузьмич?

— Да, понимаешь, когда мы сукно-то закопали, я сверху землю сперва трухой соломенной из матраса присыпал, чтобы, значит, не видно было свежего раскопа. А уж потом барахло ето навалил сверху. Ну так вот...— Он остановился, вытащил кисет и стал задумчиво скручивать «козью ножку».

— Да не тяни ты душу! — воскликнула Евдокия Борисовна.— Потом покуришь! Что там?

— Ну, нет, значит, той трухи, земля свежая — заровнена, а трухи нет. Я ето еще днем приметил.

— Тогда давай копать скорей! — Она схватилась за лопату.

— Сейчас, сейчас. Надо же место точно отметить.— Сторож отобрал лопату и принялся что-то отмерять ее ручкой от одной стенки, затем — от другой.— Здесь, ето уж точно.— Наметив квадрат, он принялся копать.

Когда все было изрыто и перекопано, он разогнулся и вытер рукавом вспотевший лоб.

— Нет ничего! Видно, ухватил кто-то наше сукно, Борисовна!..

— Как это нет? Не может быть! Ты, наверно, не там копаешь! — Евдокия Борисовна схватила валявшийся тут же же-

лезный прут от старой кровати и принялась с силой втыкать его в пол. Прут легко входил в рыхлую землю, ни на что не наталкиваясь.

— Но кто выкопал, кто? Ведь знали только четверо!

— Да, в этом еще разбираться надо.— Сторож присел на ящик и закурил.— Вот что я тебе скажу: заявляй в Чеку. Они там для таких дел поставлены.

* * *

Вот и знакомый дом — бывший пивзаводчика Скачкова. Будто вчера отсюда ушел. Те же стены, та же мебель в большой сумрачной прихожей перед кабинетом Лесова. А сколько событий прошло за три месяца, что он здесь не был! У стола печатает на машинке какая-то незнакомая девушка, да у окна стоит, скучая, паренек в длиннополой шинели. Может, это новый курьер — вместо него?

— Ромашов? — переспросила девушка.— К Лесову? Подождите, он занят. Сейчас освободится.

Дверь кабинета председателя губчека открылась, и вышел Золотухин, в расстегнутой тужурке, раскрасневшийся, веселый, будто и не было у него никакой бессонной ночи.

— О, Андрей! Погоди, я сейчас.— Он скрылся в соседней с кабинетом двери и буквально через мгновение показался снова. «Как чертик из коробки в детской игрушке»,— подумал Андрей и улыбнулся. От веселого сравнения стало легче. Нет, не будут его ругать за то, что он вчера упустил бандита.

— К Лесову иди, я тоже сейчас зайду.

Андрей прошел в кабинет и нерешительно остановился у двери.

— А, Ромашов! Здравствуй, здравствуй! Проходи,— вышел из-за стола к нему навстречу председатель губчека.— Давно не виделись, давно. Можно сказать, целую историческую эпоху. Садись, рассказывай!

Андрей смущенно пожал протянутую руку. Присев на кончик стула, он только теперь заметил сидящего сбоку у стола улыбающегося Крайнова.

— Вы, товарищ Лесов, простите уж меня,— начал Андрей,— но я и сам не знаю, как того гада упустил... Думал, пристукнул его, а он вот ожил...

— Ты о чем? — прервал его Лесов.— А, о вчерашнем? Знаю уже, Золотухин доложил. Я тебя о жизни твоей спрашиваю.

— Так что жизнь! Повоевал с контрой совсем чуть-чуть. Не повезло. А теперь вот никак на фронт отсюда не выберусь.

— Ну, это ты, браток, брось! Фронт революции сейчас везде.

И здесь тоже! Что у тебя вчера не бой разве был? Да еще рукопашный!

— Бой, только...

— Никаких «только»! Знаешь, какой враг здесь — коварный, жестокий, из-за угла, втихую действует, пощады не жди. Вчера небось сам почувствовал?

— Почувствовал...

— Вот-вот, и я говорю: ты парень понимающий. Мы тебя хорошо знаем — и происхождение твое, и образование, и преданность делу революции. А порыв твой — повоевать с врагами... У нас сколько угодно для этого условий есть. Ну как, пойдешь к нам?

— А куда — опять курьером?

— Да нет. Подрос ты, опыт кой-какой накопил. Будешь помощником у Золотухина. Он уже за тебя просил. Подучишься у него — настоящим чекистом станешь. Помни: не просто это. Знаешь главную заповедь чекиста?

— Нет.

— В ЧК можно работать только с чистыми руками и горячим, до конца преданным революции сердцем.

— Понятно...

— Да, кстати, и ты Золотухину кое в чем поможешь. Парень ты грамотный, начитанный. А у него с грамотностью дела неважно обстоят — два класса церковноприходской школы. Как напишет протокол допроса, так сам разобраться в нем не может. Вот и обогащайте друг друга знаниями. Будет польза и делу и вам обоим. Борис Васильевич,— обратился Лесов к Крайнову,— значит, с сегодняшнего дня зачислить Ромашова в штат СимбгубЧК помощником уполномоченного. Оформи ему все документы и перевод из отряда сюда. Ну вот, желаю успеха...

В это время в комнату вошла девушка, которая печатала на машинке, быстро подошла к Лесову и что-то зашептала ему на ухо.

— Ромашова? — громко спросил тот.— Пригласи-ка ее сюда.

Андрей весь напрягся, даже подался вперед на стуле. Мать?.. А в кабинет уже входили Евдокия Борисовна и Федор Кузьмич. Вслед за ними вошел Золотухин. Лесов внимательно, не перебивая, выслушал рассказ заведующей швейной фабрикой, затем спросил:

— Кто еще, кроме вас двоих, знал о запрятанном сукне?

— Катя Кедрова, кладовщица,— ответила Евдокия Борисовна.— Но она человек надежный, со мной вместе в тюрьме за тот материал страдала. А сейчас, после этого, вот сразу и свалилась — сыпняк... Да еще товарищ Стежкин из воензага. Но он как ушел тогда на фронт, так и воюет где-то по сей день.

— Как вы думаете, почему белые так охотились за сукном?

— Да Катя как-то случайно услышала перед допросом: те двое — полковник безносый и заместитель его, рыжий,— хотели на этом сукне у своих же заработать...

— Рыжий? — вскочил, прервав мать, Андрей.— Так это ж, верно, тот самый! — И, тут же сообразив, что вмешался не в свое дело и перебил важную беседу, густо покраснел и опустился на стул.

— Тот самый, говоришь? — спросил Лесов.— Это становится интересным. Оче-ень...— Он взглянул на Золотухина.— Соображаешь? Ну ладно, потом поговорим. А вы, товарищи, не беспокойтесь, вы сделали все, что велел вам революционный долг. Поищем вашу пропажу.— Он вышел из-за стола и пожал руки Евдокии Борисовне и Федору Кузьмичу.

Когда посетители ушли, Лесов сказал Андрею:

— Ну вот, товарищ помощник уполномоченного, не успел ты приступить к исполнению своих обязанностей, а уж первое серьезное дело тебе подворачивается. Будешь искать сукно вместе с Золотухиным. Не возражаешь, Золотухин?

— Нет, конечно, товарищ Лесов! Я же его сам просил себе в помощники,— весело ответил Никита.

— Ну вот и хорошо! — отозвался Лесов.— А теперь, товарищи, давайте-ка подведем предварительный итог по «делу» рыжего.

Лесов снова уселся на свой стул, взял карандаш и стал что-то чертить на лежащем перед ним листе бумаги.

— Значит, так. Перед нашим отступлением из города какой-то человек — рыжеволосый — предлагал Ромашову крупную взятку за бланки губчека. Затем тот же рыжий пытался с их помощью освободить из тюрьмы заключенных там руководителей левоэсеровского мятежа. Помните, Андрей тогда узнал его? Потом вдруг появился в городе рыжеволосый заместитель начальника белогвардейской контрразведки — палач, каких мало. Тот ли самый, надо еще установить.

Теперь дальше. Белые отступили, а мы в городе столкнулись с целым рядом диверсий. Чувствуется чья-то опытная рука: весьма точная корректировка огня белой артиллерии, поджоги продовольственного склада и казарм, наконец, вчерашняя попытка взорвать мельницы. И вот что интересно: Ромашов считает, что человек, сбежавший от него,— тот самый рыжеволосый. Похож, мол, очень, только волосы черные. Так я говорю, Андрей? У тебя, видно, память на лица хорошая.

Давайте рассуждать дальше. Ромашова после неудачной операции с тюрьмой пытались убить на пристани, хотя он всего-навсего был курьером в ЧК. Значит, месть за провал. А вчера тот убийца — «крючник» — попался нам на мельницах, Рома-

шов узнал его. И опять обратите внимание: там и тут участвовал твой старый знакомец, Андрей. Как фамилия заместителя начальника контрразведки белых, Борис Васильевич? — обратился к Крайнову Лесов.

— Логачев, штабс-капитан.

— Итак, и тут Логачев, и там Логачев — везде. Даже в деле с шинельным сукном он замешан. Любопытно, не правда ли? Ну так вот. Дело о штабс-капитане Логачеве поручаю вам, товарищ Золотухин. В помощь — товарищ Ромашов. Общее руководство за тобой, Борис Васильевич. Мне регулярно докладывать о ходе расследования.

* * *

...Андрей был крайне раздражен. Третий час допрашивает он эту старуху, а толку все нет: то плачет, то начинает нести какую-то несусветную чепуху про спасение души да про отца Константина, который ей уж наверняка обеспечит царство небесное. Какое отношение может иметь поп к его вопросам? Знает он этого отца Константина года два — поп как поп, служит в их церкви, на Куликовке. Бабка Аграфена Ивановна только к нему на исповедь и ходит. Днюет и ночует в этой церкви. Видно, всех старух в округе околдовал попик. Ну да ни к чему это для дела, просто никак не вяжется с тем, что у этой старухи на квартире проживал «крючник». Путает бабка. Кто же все-таки привел его к ней, поставил на квартиру? Третий раз ее вызывает Андрей, и все бабка не отвечает толком.

Он прикрыл глаза. Устал до чертиков — опять целую ночь на облаве провел. Людей в ЧК не хватает, все на фронте. Два месяца промелькнули, как один день, а они почти ничего так и не выяснили в деле рыжего. Сам-то он, видно, скрылся из Симбирска — больше с ним никто из чекистов не встречался. «Крючник» на допросах то молчит намертво, то начинает нести околесицу: он, мол, сын бедного крестьянина, безграмотный, контуженный на фронте еще в войну с немцем и к диверсантам попал случайно, по пьяной лавочке. Как же — крестьянин! Руки одни чего стоят — барские, холеные...

С трудом удалось узнать — да и то не у этого «крестьянина»,— где он живет. А теперь вот домохозяйка его что-то путает... Другие диверсанты, правда, кое-что рассказали. Но они о белом симбирском подполье ничего не знают — их через фронт всех переправили. И о штабс-капитане Логачеве не слыхали, в один голос утверждают, что руководителем операции у них был какой-то Никитич, который успел убежать.

Задумавшись, Андрей так и сидел, прикрыв глаза. Старуха, которая, уставившись в пол, бормотала что-то о царстве божием

на земле, вдруг посмотрела на следователя и умолкла. Затем, повернувшись лицом в угол, опустилась на колени, стала быстро креститься и отбивать поклоны. Открыв глаза, Андрей с минуту смотрел на кланяющуюся фигуру перед его столом, не поняв сразу после короткого сна, где он и кто это.

— Долго молиться будете? — вскочил он.— Здесь не церковь! Да знаете ли, что вам будет за отпирательство? — Старуха продолжала кланяться, и Андрей незаметно для себя перешел на крик: — Хватит, слышите, что я говорю, хватит притворяться! Вот отправлю в тюрьму, тогда поймете, что к чему!..

Дверь открылась, и в комнату вошел Золотухин. В первое мгновение он буквально застыл — настолько удивительная картина открылась ему: стоящая на коленях спиной к столу старуха, беспрерывно отбивающая поклоны, и возвышающийся над ней Андрей, красный, беспомощный. Никита быстро подошел, склонился над старухой.

— Вставайте, бабуся, вставайте.— Усадив ее на стул, налил в кружку воды из графина.— Вот выпейте и идите себе тихонько домой. Там и помолитесь спокойно. Идите, бабуся, идите...

Проводив старуху в коридор, он вернулся к ошарашенному Андрею.

— Ну, товарищ помуполномоченного, опять не тем методом работаете? — Никита усмехнулся.— Сколько раз я тебе говорил, что чекист никогда не должен на допросах повышать голоса даже с врагом. Спокойствие и уверенность — знаешь, как этого контра боится? А тут ты даже не с врагом дело имеешь, с рабочим человеком...

— Как же — с рабочим,— буркнул Андрей.— Она саботажница настоящая. Так и не говорит, кто к ней того типа привел.

— Нет, она наш, пролетарский человек. Только темный, забитый жизнью и религией. Это понимать нужно, чекисту особенно. Надо отличать настоящего врага от человека, который заблудился по неразумению, но нутром наш. Понял? А то так мы можем знаешь каких дров наломать! Нам Советская власть доверила большие права, и мы должны ими пользоваться осторожно, с умом.

— Уж когда дрова рубят, щепки обязательно бывают...

— Как это щепки, какие щепки! — не на шутку рассердился Никита.— Да ты соображаешь, что говоришь? Ишь какой — щепки!.. С людьми ведь дело имеем, с живыми. И к каждому нужно подходить очень осторожно. Добрым тоже нельзя быть, но это когда мы до конца уверены, что перед нами настоящая контра. Я считаю, чекисты и есть те люди, которым рабочий класс доверил отделять правых от виноватых. И не только беспощадно бороться с врагом мы должны, но и видеть, кто просто

ошибся, воспитывать их. А ошибиться сейчас ох как легко — вишь катавасия какая кругом! Тут многие, кто послабее, голову теряют, только смотри... На кого ты кричал-то? На старушку, вдову портного. Может, ты ее так своим криком запугал, что она со страху все и позабыла, ведь ей небось уж за семьдесят. А может, и другой кто ее раньше припугнул... Не знаешь? Вот-вот... Что-то не усвоил ты того урока как следует. Помнишь еще хоть?..

Андрей опустил голову. Никита напомнил ему об одном из его первых шагов в ЧК.

Буквально через неделю после того, как он стал помощником уполномоченного, его и Золотухина срочно вызвал Лесов.

— На станции Брендино из трех вагонов исчезло зерно, предназначенное для отправки пролетариям Петрограда,— сказал председатель губчека.— О значении хлеба для революции говорить не буду — и так все понимаете. Возьмете у железнодорожников дрезину и срочно туда...

За двое суток они с несколькими красноармейцами облазили станцию и ее окрестности, опросили всех, начиная с начальника станции и кончая стрелочниками и обходчиками. Пустые вагоны стояли в тупике, сиротливо зияя раскрытыми дверями,— часовой, стоявший около них, был убит. Железнодорожники в один голос утверждали, что ничего не видели и не слышали, даже, мол, не знали, хлеб ли в этих вагонах или что другое.

— Ну уж, что хлеб там, наверняка знали,— твердо заявил Никита после допроса.— Крутят граждане что-то.

— А я думаю, надо вызвать начальника станции и его помощника и припугнуть: дать два часа на раздумье, а если не скажут, расстрел,— сказал Андрей.

— Крут ты, братишка, больно. Знаешь, как это называется? Сапоуправство! Ведь если они ничего не знают, а ты их кокнешь, то, во-первых, невинные люди пострадают, а во-вторых, ты все равно дело не сдвинешь.

— Ну а если скажут с испугу? К тому ж я ведь только пригрозить хотел расстрелом.

— Пригрозить расстрелом — тоже не метод. И почему именно начальнику и его помощнику? А остальные как же — дежурные, сцепщики, стрелочники?.. А может, и вправду железнодорожники здесь вовсе ни при чем? Нет, конечно, кто-то из станционных обязательно замешан — иначе откуда же те неизвестные нам грабители узнали, что в вагонах зерно? Правда...— Никита задумался на мгновение.— Слушай, а почему ты именно начальника и его помощника предлагаешь?

— У этого начальника уж больно вид буржуйский: толстый, в шинели с пуговицами — вон какой! Такой обязательно Советской власти навредить постарается, уж будьте уверены.

— Уверенным-то быть особо нечего. Он же начальник, на виду. Так что, даже если и захочет, остережется вредить, знает: его первого и потянут. Да, а по внешнему виду ты людей не суди. Иной на вид буржуй буржуем, а наш. Вон я Луначарского, народного комиссара, недавно портрет видел в книжке. Так он, знаешь, даже в галстуке и в жилетке. Во как! А ты говоришь!.. А помощник, помощник-то чего тебе не понравился? Вид у него вполне рабочий, и тощий он...

— Он, знаешь, как-то глазами сильно косил, когда мы их допрашивали.

— Вот те на, тоже признак нашел! Так всех перестрелять можно. Но... В общем-то, доверимся твоему пролетарскому чутью — поспрашиваем их еще. Только безо всяких там «расстреляем», понял? Зови!..

И опять двухчасовая беседа с начальником станции и его помощником ничего не дала. Когда они ушли, Золотухин сказал:

— Так я и думал: не тот метод. Но и мне что-то в них не нравится. Что — не пойму... Ладно, ты оставайся здесь, продолжай поиски, поспрашивай еще женщин, детишек, а я катану на денек в Симбирск, посмотрю, может, там в управлении этих двух знают, документы их есть. Ясно?

Никита уехал, а Андрей прилег на лавку в вокзале и незаметно крепко уснул. Проснулся он вечером. В зале тускло горела керосиновая лампа. На соседней лавке, привалившись друг к другу, сидя похрапывали, обхватив винтовки, два красноармейца из батальона ЧК. Третий поодаль пил кипяток из котелка. Все тут как будто спокойно, тихо. А где же хлеб, кто убил часового? Нет, надо действовать, и решительно! Андрей встал, разбудил красноармейцев:

— Зовите сюда начальника станции и помощника, побыстрее...

В кабинете начальника станции Андрей важно прошелся перед бледными, встревоженными тем, что их подняли ночью с постели, железнодорожниками.

— Вот что, граждане,— торжественно начал он.— Нам уже известно, кто убил часового и утащил хлеб из вагонов, знаем мы и кто из вас тем бандитам помогал. Сейчас мы хотим просто вас последний раз спросить об этом. Кто честно признается, тому помилование — трибунал учтет, а не признается — расстрел. Даю вам пятнадцать минут на размышление.— Он быстро вышел из комнаты.

Признаются или нет? Ох и влетит от Золотухина за эту штуку! А если выйдет! Что ж, победителей не судят... Он нервно прохаживался по коридору, жадно потягивал едкую махорочную цигарку. Пятнадцать минут! Где бы посмотреть на часы? Откуда они здесь! Он как-то слышал: когда ждешь, каждая

минута кажется часом. Вот и сейчас... Нет, хватит, надо идти!

— Ну! — раскрыл он дверь.— Надумали, граждане?

— Разрешите, товарищ чекист,— подался вперед высокий худой помощник в засаленной потрепанной железнодорожной шинельке.— Я слыхал... Ну, знаю... В общем... я это сказал им насчет хлеба...

— Кому им?

— Да этим — ну, бандитам. Приходили тут двое ко мне домой ночью несколько раз, убить грозились. А у меня жена, детей трое. Они и их обещали порешить в случае чего. Вот я и... Струсил, в общем, и сказал, в какие вагоны хлеб погрузили и какая там охрана.

— А хлеб-то, хлеб куда они дели, увезли?

— Не-ет, они его спрятали там, в овражке.

— Пошли!

Хлеб оказался спрятанным в старой землянке, вырытой в откосе глубокой выемки невдалеке от тупика, где стояли вагоны. Подъехать на телеге туда было невозможно, и Андрей оставил там до утра усиленную охрану. А через несколько часов приехавший на дрезине Никита Золотухин с удивлением смотрел, как предводительствуемые возбужденным, раскрасневшимся Андреем рабочие и красноармейцы в сером сумраке осеннего утра карабкались по крутому откосу с тугими мешками на плечах и сваливали их в вагоны.

— Как нашел? — коротко спросил Никита подбежавшего Андрея и, выслушав его сбивчивый рассказ, заключил: — Ну что ж, за инициативу хвалю.— Он сунул руку за пазуху: — Вот тебе за это часы, мои фамильные. Будешь теперь точно время знать.

Перед самым носом Андрея на короткой толстой цепочке болтались большие карманные серебряные часы с крышкой — заветная мечта каждого подростка в городе. Часы! Но ведь они Никитины, семейные. Нет, нет!

— Бери и не смей отказываться,— продолжал Золотухин.— Это тебе награда за первую твою удачную операцию. Ясно? Ну а за самоуправство тебя наказать следует. Ведь говорил я тебе перед отъездом: расстрелом грозить нельзя! Говорил. А ты что?.. Как приедем, доложу рапортом Лесову свое мнение и попрошу дать тебе несколько суток губы. Это для того, чтобы ты лучше запомнил главные правила работы чекиста. Ясно?

...Так и отсидел тогда Андрей на гарнизонной гауптвахте пять суток. Об этом-то напомнил ему сегодня Никита. Да, Золотухин, конечно, прав. Как всегда! Сорвался с этой старухой. Нет, видно, не подходит он для следственной работы — не хватает у него выдержки, нервы не те.

— Ладно, не унывай,— похлопал его по плечу Золотухин.—

Бывает, и я тоже не выдерживаю. Так ведь кто об этом скажет, если не мы сами. Эх, Андрюха, учиться нам еще и учиться, чтобы стать настоящими чекистами. Лесов как-то на партсобрании про Дзержинского говорил нам. Какой человек! Выдержка железная, смелость. А знаний сколько!.. Вот кончится война, пойду учиться в университет — юристом стать хочу. А ты?

— Я бы, знаешь, в театр пошел. На актера учиться. Очень я театр люблю.

— Ну, это и сейчас можно. Комсомольцы что-то там шумят насчет театра рабочей молодежи. Я не вникал, но узнать можно. А кстати, как твои комсомольские дела?

— Скоро рассматривать должны мое заявление. Мне Губарев говорил, что тогда позовут на заседание городской ячейки КСМ.

— Поторопить бы их. С тобой у нас, в ЧК, уже три комсомольца будет, ячейку создадим...

* * *

В большой комнате бывшего особняка известного в городе владельца фотографии Петрова собралась невиданная здесь в довоенные времена публика. В синем махорочном дыму толпились и сидели на разнокалиберных стульях и табуретках парни в обмотках, валенках, растоптанных сапогах, в кожанках, шинелях, в гимназической форме, коротко остриженные девушки в красных косынках, гимнастерках и телогрейках. Андрей с трудом протолкался в угол и уселся на подлокотник огромного дивана.

— Здравствуй, Андрюша. И ты здесь?

Андрей оглянулся. Оля Капустина, невысокая, сероглазая девушка, подруга Гены Смышляева, его товарища, ушедшего на фронт.

— Здравствуй. Тебя сегодня тоже в комсомол принимают?

— Нет, я уже три месяца как комсомолка. Нас насчет ТРАМа позвали. Не знаешь? Это театр рабочей молодежи. Мы его организуем. Приходи к нам, ты же когда-то даже в Булычевском театре выступал.

— Ну уж выступал! Один раз, случайно...

— И режиссер у нас есть, из самарского театра, Старцев Евгений Александрович. Знаешь?

— Да нет, откуда...

Вот бы в этот театр попасть! Мечта... Андрей вспомнил, как летом на Венце рыжий представился ему режиссером. Откуда он узнал о его любви к театру? Да нет, сейчас не до театров — мировую революцию делать надо.

— Послушай, Андрей, а где Наташа Широкова? Ты ведь с ней дружил.

Андрей слегка смутился: оказывается, знают, что он дружил с Наташей. Он поднял глаза на девушку:

— Исчезла куда-то Наташа. Они с матерью тогда, летом, в Казань от каппелевцев уехали. Мне пришлось у них побывать. Потом я писал, писал ей, а ответа до сих пор нет...

— Товарищи, товарищи! — раздался голос от окна.— Прошу побыстрее рассаживаться. Начинаем заседание нашей ячейки Российского Коммунистического Союза Молодежи.

Сквозь туман табачного дыма Андрей рассмотрел высокого курчавого паренька в военной форме.

— Сегодня на повестке,— продолжал тот,— у нас двенадцать неотложных вопросов. Первый — прием в члены РКСМ, второй — об организации театра рабочей молодежи, третий — мобилизация комсомольцев на фронт, четвертый — мобилизация девушек в симбирские госпитали и больницы, пятый...

Андрей задумался, и голос оратора куда-то исчез. Вот сейчас его будут принимать в Российский Коммунистический Союз Молодежи. Коммунистический!.. А что он для мировой революции успел сделать? Считай, что ничего. В разведке раз побывал да хлеб украденный нашел. Мало, очень мало. Ну, еще перестрелки там всякие, обыски и погони за бандитами. Но это же не он один, а все товарищи-чекисты. Нет, не примут его сегодня, скажут: «Не достоин». И поделом. Учил его Золотухин, учил, а толку пока маловато: сукно шинельное до сих пор не найдено, рыжий где-то гуляет на свободе, «крючник» молчит... И вообще не везет ему в последнее время. Вчера шестое письмо Наташе в Казань отправил. Куда она могла исчезнуть? Вот будет навигация, он хоть на лодке, а доберется до Казани...

— Кошелев Алексей здесь? — донеслось до Андрея.— Товарищ Кошелев, подойдите к столу.

К длинному, застланному кумачом столу пробрался невысокий краснощекий паренек в расстегнутой телогрейке и огромных валенках.

— Товарищ Кошелев в своем заявлении о приеме в РКСМ пишет, что хочет вместе с рабочим классом воевать за мировую революцию. Какие будут вопросы к нему?

— Пусть расскажет свою жизнь, про отца-мать! — крикнул вихрастый парень в матросском бушлате.

— У меня нет ни отца ни матери,— ответил Кошелев.— Я воспитывался у дяди, крестьянина-бедняка. А сейчас работаю на почте.

— Брось ты, Кошель, заливать! — снова поднялся вихрастый.— Я тебя специально спросил. Обманом в комсомольцы хочешь пролезть! Я, товарищи, сам сенгилеевский и дядю его

хорошо знаю. На весь уезд мельницы этого Кошелева известны, кулак он, мироед...

У окна кто-то громко свистнул. Со всех сторон раздавались выкрики:

— Ишь гад! Обмануть хотел!

— Давай-ка отчаливай на легком катере!

— Видали, какой бедняк? В ЧК его для проверки!

Под свист и крики Кошелев быстро исчез из комнаты.

— Ромашов Андрей Васильевич,— раздалось от стола.

Андрей встал, чувствуя, как краска заливает лицо. Он плохо помнил, что говорил, как отвечал на вопросы. И только когда секретарь ячейки сказал: «Кто хочет высказаться», он взглянул на сидящих. Молодые лица, горящие глаза, сурово сжатые или улыбающиеся губы. Да это же свои все ребята — точно как его друзья детства, с которыми гонял в лапту, купался в Волге, таскал яблоки в подгорных садах, учился в церковно-приходской...

— Я хочу сказать,— поднялся в темном углу человек в кожанке.

Андрей вздрогнул: Никита! Ну, сейчас начнет перечислять его проступки.

— Знаю я товарища Ромашова,— продолжал Золотухин,— недавно сравнительно — около года. Он у нас в ЧК до прихода Каппеля курьером работал, потом в Красной Армии воевал, а сейчас на оперативной. В общем, жизни для революции не жалеет. Мать — швея, Советской властью назначена заведующей фабрикой губодежды, отец — столяр. Парень-то наш, пролетарский до мозга костей. Как член большевистской партии могу ручаться за него вполне..

Когда Андрей возвратился на свое место, Оля Капустина с удивлением посмотрела на него:

— Давно с тобой знакома, а не знала, что ты такой.

— Какой?

— Да геройский. Обязательно напишу Генке, пусть тоже знает...

— Борчунов Вадим,— раздалось от стола.

С дивана не спеша поднялся высокий красавец, с тщательно, на пробор причесанной шевелюрой.

— Мне девятнадцать лет,— начал он.— Я родился в Самаре, в семье служащего. Учился в гимназии. Отец работает в железкоме Волго-Бугульминской железной дороги, а я второй год там же телеграфистом.

— Зачем вступаешь в комсомол?

— Чтобы вместе со всеми бороться за победу мировой революции,— так же медленно ответил Борчунов,— чтобы помочь уничтожить всех буржуев и контриков...

— Какие еще будут вопросы?

Вопросы сыпались со всех сторон: почему такая фамилия — Борчунов, не от барчука ли? Верует ли он в бога? Что слышал о вождях мирового пролетариата? Состоит ли членом профсоюза... Борчунов отвечал спокойно и обстоятельно, но члены ячейки минут десять спорили между собой, стоит ли его принимать сейчас или подождать, проверить на деле. Наконец решили принять — большинством в один голос.

— Переходим ко второму вопросу,— объявил председательствующий.— Кто хочет из вновь принятых товарищей, может остаться.

Только было Андрей решил, что остается, как его толкнул в плечо Золотухин:

— Пошли, дело есть.

Глава 4

КОНЕЦ ШТАБС-КАПИТАНА ЛОГАЧЕВА

Почернели и осели сугробы, задули порывистые сырые западные и теплые южные ветры, ослабли крепкие симбирские морозы. Весна стремительно приближалась к городу. А жизнь становилась все тревожней и тревожней. Снова над молодой Советской Республикой нависла опасность. С востока надвигались полчища белогвардейских армий Колчака. В начале марта 1919 года они развернули общее наступление. Симбирск опять стал жить под угрозой удара контрреволюции.

Колчаковцы забросили в Поволжье большую группу своих агентов. И вспыхнули в Симбирской губернии кулацкие мятежи — «чапанки». Сенгилеевский, Сызранский, Мелекесский, Ставропольский уезды — где только не побывал Андрей с чекистскими отрядами в течение февраля — марта; сколько повидал истерзанных большевиков, замученных бандитами их жен и детей, сожженного хлеба, взорванных домов!

В сизом дыме лица председателя губчека почти не было видно. Опять Андрея после бессонной ночи сильно клонило ко сну. Он совсем замотался. Даже дома после двухнедельной отлучки не успел еще побывать. Как там все, как мать? И дела-то его следственные из-за этих восстаний приостановились; сукна он не нашел, рыжего штабс-капитана тоже, а «крючник»-то уж, верно, решил, что о нем забыли совсем.

— Положение в Сенгилее еще тяжкое,— говорил Левин.— Хотя основные очаги восстания уничтожены, разбитые бандиты рассеялись по уезду. Особенно свирепствует банда Никиты Ухначева. Два наших кавалерийских отряда зажали было

ее у села Беклемишево, а бандиты как сквозь землю провалились. Видно, помогает им местное кулачье. И еще...— Председатель на мгновение остановился, внимательно посмотрел на присутствующих.— Есть сведения, что руководители Сенгилеевского ЧК — пособники бандитов. Об исключительной опасности такого предательства говорить не буду...

— Ясно! — раздались голоса.— Все понятно!

— Что понятно — то хорошо. Надо немедленно это проверить и в случае подтверждения оперативных данных ликвидировать опасность. В Сенгилей сегодня же отправляются все здесь присутствующие. Руководить операцией будут товарищи Крайнов и Золотухин. В помощь им для разгрома банд придаются два кавалерийских отряда, рота из батальона губчека и местные отряды сенгилеевских коммунистов и бедняков. О том, что каждый из вас будет делать конкретно, скажу каждому особо. Имейте в виду: это не недоверие, а простая мера предосторожности. Мало ли что бывает! Вдруг кто-то попал к врагу и там — во сне или еще как — проговорился. Поэтому сейчас прошу всех выйти и заходить ко мне поодиночке.

Когда Андрея снова позвали из приемной к Лесову, он увидел, что лицо председателя губчека совсем посерело от усталости. Потягивал неизменную махорочную самокрутку Борис Васильевич Крайнов. Рядом стоял Никита, как-то поособому собранный.

— Вот что, Ромашов,— вынул папироску изо рта Крайнов.— Тебе в этом деле предстоит трудная роль. Мы тут решили, что больше некому...

— Что некому?

— Да вот, понимаешь, председатель и заместитель Сенгилеевской ЧК всех нас хорошо знают... А ты человек у нас новый, тебя они не видели. И в Сенгилее ты не бывал. Так что там тебя, считай, никто вообще не знает. Поэтому пойдешь к ним в ЧК под видом связного от карсунских бандитов. У нас для этого есть пароль. Мол, карсунские повстанцы хотят объединиться с сенгилеевскими и снова ударить по Советам. Понял?

— Понять-то понял, а вдруг они не предатели и задержат меня как врага Советской власти? Что тогда?.

— Никита с отрядом будет в лесу наготове. Если не явишься в условное время — постарается выручить. Но риск, конечно, есть, и немалый. На то мы и чекисты...

— Я на это всегда готов, Борис Васильевич...

— Вот, вот,— вмешался Лесов,— я тоже говорил, что парень ты боевой. И бывал уже в разведке. А другого выхода у нас просто нет. Надо выяснить все до конца. Понимаешь, если правда насчет этих сенгилеевских «чекистов», то мы одним ударом разрубим все бандитские связи.

Андрей кивнул.

— Тогда, товарищ Ромашов, иди готовься: переодевайся, получи явки, выучи пароль, легенду — что говорить там будешь... В общем, Золотухин тебя подробно проинструктирует. Помни только: люди они умные, проницательные, а заместитель председателя — у того просто нюх какой-то на всякую опасность. Обдумайте с Никитой каждую деталь, каждую лазейку и доложите нам.

Через два часа, когда приемная председателя губчека совсем опустела, в кабинет Лесова зашли Золотухин и высокий, складный деревенский парень в синем чапане и добротных смазанных сапогах.

— Готов, товарищ председатель,— четко щелкнув каблуками, доложил Никита.

И тут Андрей вдруг оказался под перекрестным допросом: Лесов и Крайнов наперебой стали спрашивать, как его зовут, откуда он родом, кто родители, кого знает из руководителей карсунских бандитов, где базар в Карсуне, какие есть села в окрестностях, какие явки ему известны... Вопросы так и сыпались один за другим. Наконец они умолкли, посмотрели друг на друга.

— Как думаешь, Борис Васильевич?

Крайнов кивнул:

— Пойдет, парень подходящий.

* * *

Сухонькая сгорбленная старушка в телогрейке, темном платке и длинной ситцевой юбке опасливо обходила по узкой кромке у забора огромную лужу, перегораживающую изрытую, незамощенную улицу.

— Откуда, Аграфена Ивановна? — Высокая, полная старуха в плюшевом жакете поджидала ее на другой стороне лужи.

— Со службы, матушка, с нее. А вас чего же я сегодни не видела? Воскресение ведь.

— Не была, не была, правда, грех большой. Невестка занемогла, а внуки малые совсем. Вот и провозилась до сего часа. Придется у отца Константина отпущение просить, отмолить...

— А какую он проповедь сказал — все плакали!

— О чем же это?

— Да о том, какие времена тяжкие для православных настали. Из Откровения Иоанна Кронштадтского, святого человека. «Поздравляю, говорит, вас, братья и сестры, с новым небом и новой землею». А дальше вопрошает: «Неужто нашему миру

скоро конец придет, неужто светопреставление скоро наступит? Люди мрут, как тараканы».

— Истинно так...

— Конечно, истинно! Недаром же все в слезы. Погибаем прямо от голода и холода. Дров нет, хлеба едва-едва, тиф кругом косит народ. Отец Константин говорил: знамение было в селе одном... Запамятовала по старости, в каком... Явился Николай-угодник народу хрестьянскому и изрек: «Вы зачем Николая изничтожили? Погибнете без него». А его спрашивают: «Какого Николая, отец святой?» Он и ответил: «Которого все знаете. Боритесь за него, а то кара божия постигнет вас».

— Говорят, вон в Сенгилее все церкви большаки закрыли — конюшни да склады там устроили. Грех-то какой — храмы божии испоганили! Вот и насылает господь на нас сыпняк да мор.

— Истинно так. Недаром отец Константин говорил, что скоро постигнет кара нечестивцев всех, божие воинство огнем и мечом изничтожит их. А еще сказал, что истинные православные в сей тяжкий час должны помогать церкви.

— Вот видишь, Ивановна. А дочь-то твоя совсем к им в услуги пошла. И внук твой, Андрюшка,— вся улица говорит,— прямо в антихристы записался. Покарает их господь!..

— Я сколько твердила им — не слушают. Уж я и отмаливаю за них троекратно, к отцу Константину каждую неделю, а то и по два раза исповедоваться хожу, за них все. Батюшка говорит: они сами не ведают, что творят, а господь узнает и простит.

— Может, и простит, а может, и нет. Ты бы прикрикнула на них как следовает. Чай, ты мать и старшая в семье. Да еще мужиков своих настрополила бы.

— Нет, не слушают они меня старую. А старик мой с зятем Василием Петровичем в отход ушли — в Большие Ключищи, избы мужичкам подправляют. Хлеб-то надо зарабатывать. Ладно уж, прощай, Анна Александровна, внуки некормленые ждут. Ох, грехи наши тяжкие!..

Весеннее мартовское солнце заливало улицу, веселый ручеек что-то бормотал сбоку, нахально чирикали воробьи, роясь в навозе. На пустыре слышались ребячьи голоса, смех. Но мирная весенняя картина совсем не радовала старушку. Огорченная разговором с приятельницей, она мрачно перебирала в уме события последних месяцев.

Когда она ходила к отцу Константину насчет Дуняшиной пропажи советоваться, никак не могла вспомнить, как то учреждение называется, что сукно искать будет. Батюшка сам догадался, когда сказала, что Андрей там служит. Хороший все же поп им в приходе попался, душевный! И когда Дуня из бегов вернулась при белых, Аграфена Ивановна к нему сразу побежала — молебен заказывать благодарственный. Он тогда

по-настоящему обрадовался вместе с нею, что дочка вернулась, что жива. С чувством, благостно отслужил. Правда, тогда же ночью Дуню забрали. Но если бы не материнские молитвы да не молебны отца Константина, наверняка расстреляли бы ее, а так господь помиловал...

Аграфена Ивановна остановилась у своих ворот, долго смотрела на играющих у дома, на подсохшем пятачке земли, внуков, вздохнула. Да, в тяжкое время растут. И без родительского присмотра. Что она одна на старости лет с такой оравой поделать может, как воспитать? Дай бог хоть накормить их...

— Марш домой, пострелята! — деланно сердито крикнула она.— Щи хлебать... Небось проголодались?

* * *

— Был сегодня у председателя,— шептал в темноте двора в щель забора Андрей.— Вроде признал пароль, но явно виду, что есть связи с бандитами, не подал.

— Что сказал?.. — послышался шепот Золотухина.

Андрей добрался до Сенгилея только к вечеру и прямо пошел к председателю ЧК на квартиру. Тот принял его по паролю, но говорил крайне сдержанно. Сказал только, что завтра они с Андреем поедут в Буераки — там сейчас его заместитель находится — и во всем разберутся. А сегодня пусть посланец переночует в одном доме на окраине... Хозяин оказался крайне подозрительным стариком: при каждом шорохе вскакивал и зажигал фонарь. С большим трудом Андрею удалось выскользнуть — якобы по нужде — во двор, где по ту сторону забора сидел уже основательно продрогший после двухчасового ожидания Никита.

— В Буераки, говоришь? — Золотухин на секунду задумался.— Верст пять отсюда. Всем отрядом там будем, в оврагах схоронимся. Держись. Мы рядом. Помни, о чем уговорились. Бывай...

Под недовольными косыми взглядами хозяина Андрей возвратился в дом, улегся на лежанку и сразу же как в яму темную провалился — уснул. Казалось, через мгновение его разбудили снова.

— Вставай,— толкал в бок жесткой ладонью старик,— вставай, ехать пора.

Когда Андрей, поеживаясь и позевывая, вышел на крылечко, хозяин в тулупе запрягал в сани небольшую пузатую лошадку.

«Ишь живоглот, хоть бы пожевать чего-нибудь дал»,— подумал Андрей, с ненавистью взглянув на скуластое лицо, обрамленное благообразной седой бородой.

— Саднсь, садись, некогда мешкать.— Старнк пошел отворять тяжелые ворота.

У крыльца стояла тощая старуха с лицом, наполовину закрытым черным платком. Ее Андрей заметил, только когда саии выезжали уже иа улицу. Она провожала их тяжелым, неподвижным взглядом.

— Начальство где? — спросил он старика.

— Ась? — приставил тот ладонь к уху.

Черт возьми! Он же ночью от шороха тараканьего вскакнвал.

— Начальство где, говорю!

Возница неопределеиио махнул рукой и уселся поудобнее на охапке соломы. А что, еслн слышалн его иочиую беседу с Золотухиным?.. Только без паникн, спокойиее... Андрей пощупал в кармаие браунинг. Нет, главиое, спокойствие! Никита предупреждал: могут проверять, нельзя поддаваться на провокации.

Вот и дома какого-то села. Буераки? Действительио, иедалеко. Тогда легче. Если бы подозревалн н захотели убрать, увезли бы подальше...

Саии подкатнли к большой пятистенке на кирпичиом фуидаменте. Старик постучал киутовищем в крайиее окошко, у калитки. Белая занавеска колыхиулась, показалось чье-то лнцо, нсчезло. «Богатый дом»,— подумал Андрей. Все происходящее он отмечал как-то механически, иеподвижио лежа иа боку в сеие.

Ворота отворнл высокий пареиь в чапаие, очеиь похожем на чапан Андрея. Когда они въехалн, от амбара подошли еще два молодца. Без оружия, но... рукн в карманах. На крытом крылечке, украшенном витыми столбиками, показалась высокая сухощавая фигура в бекеше. Председатель! Аидрей даже обрадовался.

— Подождите пока, я позову вас.— Председатель Сеигнлеевской ЧК скрылся за дверью.

Парнн молча стояли у саией, поглядывая иа Аидрея.

В просториой гориице между тем происходил разговор:

— Связиой из Карсуиа, господа,— говорил председатель, стоя посреди комиаты в расстегнутой бекеше.— Сомиеиия у меия не вызвал — пароль зиает и на вопросы правильио ответнл. Надеюсь, все, здесь присутствующие, прекрасно понимают, как нам важио иаладить такую связь.

— Думаешь, ие провокация? — понитересовался его заместитель.

— Стал бы он лезть к черту в самое пекло! Ведь вериая смерть.

В ответ с лавок послышалось:

— Ладно, давай его сюда.

— Чем мы рискуем!

— Предлагаю остаться только штабу,— сказал председатель.— Остальным перейти в соседнюю комнату. На всякий случай,— добавил он, усмехаясь.

Когда Андрея ввели в горницу, там сидело человек семь. В полусумрачном низком помещении с завешенными окнами едва белели их лица, было душно и накурено.

Из сумрака выплыло продолговатое, носатое лицо председателя:

— Вот рекомендую. Связной от карсунского освободительного движения. Полномочия проверены. Вопросы есть?

— У меня вопрос! — раздалось из темного угла.— Я сейчас, погодите...

Послышалось какое-то перезвякивание, и перед Андреем возник плотный коренастый человек лет сорока, во френче и скрипучих сапогах.

— Полномочия проверены, говорите? — Он приблизил лицо к Андрею, взглянул ему прямо в глаза.

Андрей вздрогнул: рыжий! Рыжий!.. Перекрашенный, но он, точно!.. Все пропало!.. Бежать? Некуда. Там, в сенях, дюжие парни. Окна? Нет, не выбраться. Значит, погиб, погиб Андрей Ромашов в самом начале своей жизни во славу мировой пролетарской революции. Рука инстинктивно дернулась к карману, но его уже держали, заворачивали локти назад.

— Проверили? — ехидно продолжал между тем рыжий.— Ничего вы не проверяли. Мы с этим,— он ткнул кулаком в лицо Андрея, у того из носа показалась кровь,— мы с этим большевистским щенком давно знакомы. И с мамашей его достойной тоже.— Он сорвался на крик: — Знаете, кто это? Чекист, шпион красный! Теперь, все, все пропало, простофили! Убить его, придушить немедленно!..

— Логачев, тише,— поднялся заместитель.— Тише, говорю, без истерики! Сейчас разберемся, может, ты ошибаешься?

— Я ошибаюсь? Да я из-за этого змееныша чуть два раза не погиб!

— Успокойте его,— невозмутимо продолжал заместитель.— Если это чекист, тоже не столь уж страшно. Он ведь вчера только приехал. Так? — обернулся он к председателю. Тот, бледный, кивнул.— Ночевал где, у Кирьянова? Ну что ж, человек надежный, глаз с него наверняка не сводил. Значит, ни с кем связаться он не успел. Кроме того, по нашим сведениям, в уезде никаких чекистских отрядов из губернии нет...

— Я ему вчера ничего по существу не сказал,— вставил председатель. Только предупредил, что поедем в Буераки.

— Вот видите. Убрать его успеем, сейчас надо допросить.— Заместитель повернулся к рыжему: — Вы, господин Логачев, кажется, большой специалист по допросам? Вот и займитесь...

* * *

День у Евдокии Борисовны выдался очень уж хлопотный. С самого раннего утра бегала по учреждениям. Надо было срочно сдавать партию обмундирования для фронта, а ниток не хватило. Потрясая добрым полудесятком мандатов, охрипнув от крика, она все же добилась, казалось бы, невозможного — достала ниток столько, что должно было хватить и на белье для отрядов, отправляющихся на подавление «чапанок» — кулацких восстаний в уездах.

При упоминании о восстаниях сердце ее тревожно сжималось. Как там Андрей? Которую уж ночь не ночует дома. Материнская душа чувствовала: он в самом опасном месте, всегда ведь лезет на рожон. Но за делами и заботами она отвлекалась от мрачных мыслей. А тут еще ждала ее нечаянная радость... Когда зашла в свой закуток с громким названием «Кабинет заведующей», навстречу ей поднялась худая, бледная до желтизны женщина с головой, низко, по самые глаза, повязанной платком.

— Вам кого? — Евдокия Борисовна остановилась на пороге и окинула посетительницу взглядом.— На работу наниматься? — И тут же бросилась вперед, будто кто толкнул ее: — Катя? Жива, Катюша!.. А я уж не чаяла... Жива-а!

Женщины, плача и смеясь, обнимались, на мгновение отстранялись, смотрели друг на друга и снова обнимались.

— Я думала все! — говорила Евдокия Борисовна, когда они уселись у заваленного какими-то бумажками и образцами тканей шаткого стола.— Искала тебя. Я тоже после тюрьмы-то свалилась. А ты как в прорубь провалилась. Нету, и все...

— Сыпняк...

— Знаю. Уж не упомню, кто мне сказал, но я в тифозные бараки даже ходила...

— А меня в Инзу вывезли. Тут тогда фронт близко был, нас и отправили подальше...

— Ну ничего, главное, жива.— Евдокия Борисовна сияющими глазами осматривала, казалось, ощупывала подругу.— Подкормить бы тебя, да вот как? Может, паек тебе какой повышенный удастся выхлопотать.

— Ничего, теперь все позади... А с едой... Так муж мой в Симбирск вернулся.

— Он ведь в армии был?

— И сейчас военный. Новобранцев тут учит.

— Это хорошо. А ты? Рассказывай, что же ты... Работать-то у нас будешь?

— Буду, буду! А у вас тут как дела, с материалом тем все в порядке? Сколько из-за него муки вытерпели!

— Да не совсем...

Горестно вздохнув, Евдокия Борисовна стала рассказывать о пропаже сукна, о том, как ходила в ЧК и что ведут это дело Золотухин и Андрей, да вот прошло несколько месяцев, а толку пока нет.

— Ничего, Андрюша парень бедовый,— утешила Катя,— найдут. Помните, как он нас освобождал? — Она задумалась на минуту.— Да, досталось нам за это сукно... А знаете, Евдокия Борисовна, тот рыжий-то — он родом из-под Симбирска. Из поповской семьи...

— Да что ты, откуда тебе известно?

— Я, когда выздоравливать начала, с одной женщиной рядом лежала. Ну, рассказывала ей свои приключения. Она и спрашивает меня: «Он рыжий, плотный такой, невысокий?» В общем, тот самый оказался, Логачев. Эта женщина его с детства хорошо знает. Отец у него в Сызрани настоятелем собора был. И два сына у него, старший одно время там же в городе жандармским офицером служил. Говорит, лютовал при царе, людей бил смертным боем. А этот, младший, в гимназии учился, потом на фронт ушел, офицером, даже вроде гвардейским стал. А отец их в начале той войны овдовел, монашество принял и где-то в архиереи вышел. Богатые были — ужас. Несколько домов у них, хутор...

— Сгинул тот рыжий. Видно, ушел с белыми тогда... Так что теперь все это безразлично.

— Да, действительно... Ну а мне когда же на работу можно выйти?

— Хоть сейчас...

Довольная Евдокия Борисовна поспешила на заседание городского Совета. Наконец-то у нее появилась надежная помощница.

Зал Дома свободы был переполнен. В президиуме — председатель губкома РКП(б) Варейкис, председатель губисполкома Гимов и другие знакомые и незнакомые Ромашовой люди. Она опоздала и, с трудом протискиваясь в проходе, разыскивала свободное место.

— В связи с докладом товарища Гимова должен сказать городскому Совету,— говорил с трибуны высокий худой человек («Председатель ЧК, Андрея начальник»,— узнала Евдокия Борисовна),— что в последнее время у нас в городе появилось много каких-то довольно странных спортивных обществ, всякие там вроде культурнических организаций — «Труд и Свет» и

другие, а главное, множество различных релнгнозных сект н общин: общниа еваигелистов, баптисты, марковцы, сторонники какой-то жнвой церкви, братство верующих славян... При этом вовсю идет служба в православных церквах. Вам нзвестно, товарнщн, что по декрету Советского правнтельства церковь у нас отделена от государства. Это значнт, что кто вернт в бога, тот пусть себе молится ему, мы не вмешиваемся. Но только чтобы церковь тоже не мешалась в дела пролетарского государства, не занималась политнкой. А вы знаете, сколько попов помогает белым, участвует в «чапанках», открыто призывает к коитрреволюцин? С такнмн днктатура пролетарната борется беспощадно... Но что мы имеем сейчас? По городу ползут провокацнонные слухи, будоражат людей, возбуждают нездоровые иастроения. Причем многие из таких слушков ндут нз церквей и молельных домов. Я хотел бы обратнться к вам, товарнщн, с прнзывом активнее помогать иам бороться с коитрреволюциоииой пропагандой, решнтельно пресекать ее.

Когда Лесов сошел с трнбуны, Евдокия Борнсовиа вновь подумала об Аидрее. Тяжело им, чекистам, приходится. Вон сколько врагов у республнкн — и на фронтах, н здесь. Ох как трудно!..

* * *

— Шагай, шагай! — лениво толкал прикладом в спиину Аидрея худой мужнк в огромиых растоптаииых валеиках. Оии промокли, видио, насквозь иа потемиевшем, набухшем водой снегу, но Андрей не мог оторвать от иих взгляда. Каждый шаг его нзранеииых босых иог по твердой, проваливающейся сиеговой корке отдавался острой болью в груди и затылке.

Ои взгляиул вверх — ии облачка. Март, а солице как в апреле. Увидит ли он когда-иибудь еще это небо и деревья? Вои иа том коице поляны, у могучего дуба, стоят люди в чапаиах и полушубках. И петлю, гады, уже приготовнли. Болтается пока пустая веревка иа крепком суку, а внизу — поленница. Видио, заготовил дровишки какой-то хозяйствеииый мужичок иа полянке, да вывезти к сиегу не поспел, а оин вот и пригодились для такого дела...

Ноги все уже в крови, ие ндут совсем, а голова ясная, глаза каждую деталь замечают.

— Шагай, шагай давай!

Вчера на допросе с «прнстрастием» он потерял созиаиие и ничего ие помиит, что было дальше. Очиулся в том же подвале, весь мокрый. Темио, на земляном полу хлюпает. Поливали, верио, водой. Пошевельнулся н опять провалнлся во мглу.

Открыл глаза от света лампы и тут же прижмурил. Чей-то голос спросил:

— Ну, господин большевистский шпион, надумали сказать, кто вас послал и с каким заданием?

Заместитель, его голос. Андрей едва поднял руку, сложил кукиш — и снова тьма, небытие...

В третий раз очнулся от острой боли во всем теле, когда его вытаскивали из подполья. Как бревно, связанного, с кляпом во рту уложили в сани, забросали соломой и повезли. Вон, оказывается, куда — в лес, вешать... Его, Андрея Васильевича Ромашова, семнадцатилетнего чекиста, комсомольца... ждет смерть! А они там, под дубом, ухмыляются, гады,— сытые и в сапогах все. В сапогах удобно ходить по такому снегу.

Усмехаются? Он им покажет, как умирают чекисты... Выпрямиться, грудь вперед! Хорошо бы развернуть плечи, взмахнуть руками, да связаны крепко сзади, веревки впились в запястья. Больно — плевать! Никита вам, гады, выдаст еще. И революция наша все равно победит. Победит!..

Вот и дуб. Рыжий, конечно, впереди всех. Ишь какой важный, индюк прямо.

— Ну-с, товарищ Ромашов... Говорил я тебе, щенок паршивый, что мы еще рассчитаемся? То-то же!

Над ухом что-то прожужжало. Рыжий пригнулся и ухватился за деревянную кобуру маузера, болтавшуюся у него сбоку. Андрей удивленно оглянулся. Стреляют? Почему он не услышал сразу? По густому перелеску вдоль поляны как будто прошелся великан с большой трещоткой, люди у дуба попадали в снег, ощетинясь обрезами... Андрея будто что-то сильно толкнуло в плечо. Он упал. Последнее, что увидел: со всех сторон выскакивают конники в краснозвездных шлемах и с шашками наголо...

Когда он опять очнулся, услышал голос:

— Осторожнее, укройте получше и побыстрее в Сенгилей. Да не растрясите.

Никита! Пришел друг на выручку! Недаром он так верил ему.

— Никита, подожди-ка...

На слабый зов к саням подошел Золотухин, еще разгоряченный боем, в сбитой на затылок шапке.

— Очухался?

— Там рыжий...

— Где «там»?..

— Близко!.. Скорее, а то сбежит опять...

— Уже не сбежит — все до одного побиты контры,— ответил Никита, и тут же его осенила догадка: — Это он тебя признал?

— Да... Ои такой толстый, с маузером...

Когда саии с Аидреем скрылись за деревьями, Никита подошел к лежащему навзничь с маузером в руке убитому бандиту. Так вот вы какой, штабс-капитаи Николай Антоиович Логачев? Взять бы его живьем! Миого ииточек в городе, видио, связаио с этой матерой коитрой.

* * *

После заседаиия Совета Евдокия Борисовна зашла на фабрику, до дома добралась поздно. Мать еще не спала, сидела в кухие у коптящей лампы н вязала.

— Опять, Дуия, затемно приходишь. Я уж вся извелась, дожидаючись. На улице бандиты лютуют. И как ты ие боншься?

— А кому я, мама, нужиа? Ни одежды у меия богатой, ии молодости иет.— Евдокия Борнсовна быстро разделась, достала из печкн чугуи, иалила в тарелку щей и прнсела к столу.

— Как дети?

— Вот доработалась ты иа свою Совецку власть — даже детей родиых сутками не вндишь. И какое же спасибо тебе за это говорять? Может, нам особияк иа Московской по талонам выдадут али имеиие какое?

— Что это ты, мама, все иедовольиа Советской властью? Не пойму я иикак почему. Власть-то иаша, бедных защищает, а ты рассуждаешь, будто буржуйка какая. Я вон прн белых в тюрьме сндела, чуть ие расстреляли...

— А это потому, что ие в свои дела полезла. Я ж тебе говорнла... А власть-то? Так какая же оиа иаша, когда детям есть нечего. Когда же такое было?

— Да всегда было при царе. Что ты, мама, не помиишь, как мы из-за корки хлеба сутками спину гнули? Забыла? А сейчас еще враги со всех сторон иа нас лезут, задушить хотят пролетарскую власть. Вот и трудио приходится.

— Не будет нам и опосля облегчеиия иикакого. Отец Коистаитии в проповеди сказал, что чем дальше, тем тяжельше. Конец мира скоро из-за этих большаков будет, светопреставление.

— Кто, кто сказал?

— Отец Коистантии, говорю. Уж до чего дошло — попа приходского и того забыла, безбожиица. Поп-то зиает, что говорит. Рассказывал, зиамеиие иедавио было: если, мол, царя не будет, погибнут все христняие.

— И что ты веришь такой болтовие...

— «Болтовие, болтовне»! Всегда все отрицаешь... Я нз церкви шла, встретила Аииу Александровну. Зиаешь, оиа мие такие страстн порассказала, просто ужасть. Говорнт, скоро офнцеры

сюда придут, большакам конец. Значит, опять тебе хорониться придется. А если они уже навсегда, тогда что?

— Ерунда все это, мама, контрреволюционные слухи. Специально враги распускают, чтобы испугать народ. Сегодня в Совете об этом говорили.

— Вот видишь, опять ничему не веришь. Как тогда, когда Каппель приходил. Я ж тебе сказала: поп Константин, человек святой, и тот твердит это, а ты все свое долдонишь. Нет моих сил больше с тобой спорить. Сама погибнешь и нас погубишь, прости меня, господи!

Окончательно рассердившись, старушка поднялась и ушла в свою горницу, что-то шепча и крестясь. А Евдокия Борисовна еще долго сидела у стола, задумавшись.

Только сегодня говорили о злостных слухах, распускаемых врагами, и вот тут столкнулась с ними прямо у себя дома. Как это ее мать, такая добрая, умная, не может понять, что все неправда? Она вспомнила отца Константина — невысокий, худощавый, с добрым морщинистым лицом и умными глазами. С каждым здоровается, останавливается поговорить. Вроде ничего поп. Почему же он слухи такие распускает?

Может, сходить в ЧК? Лесов просил помочь в борьбе со слухами. Да нет, ничего такого страшного как будто и нет, чтобы беспокоить людей. Вот Андрюшка приедет, она с ним поговорит. Он-то уж разбирается в таких делах лучше ее. Да, да, надо подождать сына...

* * *

Андрей сидел на подоконнике и тоскливо смотрел на озорных воробьев, прыгающих и дерущихся на черной раскисшей дороге. Весна в полном разгаре, а он все торчит в этой больнице, и доктор даже не говорит, когда можно будет выйти отсюда.

— Ну что, поправляешься? — Невысокий военный со свертком под мышкой заглянул в комнату.— Как плечо?

— Борис Васильевич,— спрыгнул на пол Андрей,— товарищ Крайнов! А я думал, забыли меня совсем...

— Дела, дружище, сам должен понимать. К тому же Сенгилей — не Симбирск: далековато к тебе добираться. Плечо-то как? Никита очень тобой интересуется, привет передавал. Он мотается с отрядами по губернии, бандитов ловит.

— Спасибо. Плечо поджило: ранение легкое оказалось.

— Вот это тебе ребята наши прислали, кое-какая еда. Поправляйся скорее.

— Да вроде бы уже поправился. Хоть сегодня уезжай. Надоело — жуть, три недели!..

— Доктор говорит, еще с недельку лечиться надо. Ты уж тут дисциплину соблюдай, не маленький. А вернешься — дел тебе еще хватит. Колчак-то — слышал? — опять наступает. У нас в Симбирске почитай все члены партии почти на фронт ушли. А в тылу контры зашевелились вовсю. Вот мы, чекисты, и остаемся. Здесь ведь тоже нелегко!..

— А как там сенгилеевские «чекисты»?

— Неужели Золотухин не рассказывал? Расстреляли их — по решению военного трибунала.

— А рыжий?

— Убит твой рыжий, когда тебя Золотухин выручал...

Глава 5

НОВЫЕ ЗНАКОМСТВА

Андрей стоял у борта и печально смотрел, как медленно удаляется грязная казанская пристань. Сколько сил пришлось потратить, чтобы добраться сюда, а что получилось? И жить не хочется после такого...

Приехав в Казань, он, горя от нетерпения поскорее увидеть Наташу, почти бежал на Арское поле. Вот и знакомый двухэтажный деревянный дом. Открыл невысокий черноглазый парень, подозрительно посмотрел на худощавого, в военном, юношу:

— Вам кого?

— Наташу, Наташу Широкову.

— Какую еще Наташу?

За плечами парня показалась пожилая женщина.

— О, это ты, верно, про прежних жильцов спрашиваешь? Съехали они. Как красные пришли, так и съехали.

— Куда?

— Откуда мне знать? — пожала плечами женщина.

— А девушка, Наташа?..

— Замуж твоя Наташа вышла — за командира красного.

— Как так замуж?..

— Да вот так, получилось. Точно, вышла и уехала с ним...

Долго бродил он по пыльным улочкам Казани. Неужели правда вышла замуж? А дядя Петя где? Вопросы, вопросы... А ответов не было. Горе сдавило грудь. Нет Наташи, исчезла в безбрежном море гражданской войны. Что делать?.. Потерял, потерял Наташу...

Измученный происшедшим, усталый, разбитый, еле дотащился он до пристани. Ее осаждала бесчисленная толпа. Андрей едва пробился к военному коменданту и, потрясая мандатом,

получил разрешение на посадку. Да какое! — В двухместную каюту второго класса. Должно же было ему хоть немного повезти в такой невезучей поездке...

Он отошел от борта и, переступая через лежащих на палубе людей, отправился искать свою двенадцатую каюту. Маленькая, полутемная от закрытых жалюзи, она оказалась загроможденной узлами, чемоданами, ящиками. Мужчина лет сорока пяти торопливо распихивал все это добро под диваны.

— Вы сюда? — спросил он.

— Да, это мое место, вот билет.

— Сейчас освобожу. В спешке навалили все. Посадка, сами знаете, какая была, через борт бросали.

Андрей пробрался к окну, поднял жалюзи. Ничего себе барахла!.. Его попутчик протянул руку:

— Давайте знакомиться. Коренастов Филипп Антонович.

Андрей взглянул на него и слегка вздрогнул. Рыжий! Нет, не он... И в то же время будто он... Такие же маленькие, узко поставленные, пронзительные глазки, тот же приплюснутый нос и вздернутый подбородок. Но ростом повыше, и волосы черные, густые, с проседью. Нет, не он, похож только очень. Да и убит ведь тот...

— Агент Симбирского губпроса,— представился его спутник.— Ездил вот по поручению начальства в Казань. Намучился страсть как... А вы симбирский?

— Симбирский.— Андрей на минуту запнулся.— В Симбгубодежде работаю. Андрей... Андрей Лосев...

Почему он вдруг сказал так новому знакомцу, он и сам в тот момент не смог бы объяснить.

Смеркалось. Пароход, наполненный гулом машины, плеском воды на плицах, людскими разговорами, руганью, плачем детей, мерно подрагивая, устремлялся к Симбирску. «Неплохо бы поесть»,— подумал Андрей и потянулся к своему мешку, в котором лежали кусок хлеба, вареная картошка, огурцы да лук.

— Давайте поужинаем,— как бы угадав его мысли, предложил Коренастов.— Я, знаете ли, человек компанейский, не люблю один за столом сидеть. Время, правда, сейчас такое, что насчет нормальной еды не разгонишься, не то что разносолов всяких там, но я тут кое-что припас.— Он открыл небольшой чемодан и поставил на столик у окна два синих стаканчика, бутылку с какой-то жидкостью и буханку хлеба.

— А это вот стерлядка жареная,— продолжал он,— и еще сальца кусочек есть.

— Неудобно, знаете ли,— попытался возразить Андрей, чувствуя, как рот его наполняется липкой слюной.

— Что вы, что вы! Мы же соседи, в одной каюте едем. И никакого убытку мне нет от этого, уверяю вас. Одно удовольст-

ние.— Он ловко нарезал хлеб, разлил в стаканчики жидкость
— Ну, за встречу и, так сказать, приятное путешествие Самогончик — смак, первач. Прошу!..

Отказываться дальше показалось неудобным. Андрей быстро вытащил свою провизию и присоединил к уже лежавшей на столике. Кореанастов ел жадно, быстро, самогон опрокидывал в себя сразу, одним глотком. Оглянуться не успели, как он уже полез в чемодан за второй бутылкой.

— Хорош первач? — Лицо его покраснело, глаза заблестели.— Я в ваши годы, правда, получше напитки пробовал — коньячок там шустовский, спиртик чистенький еще любил, но и это неплохо. Ну-с, еще по одной...

Посмотрев на окосевшего соседа, Андрей быстро плеснул самогон под диван.

— В наше время, знаете, зевать нельзя,— рассуждал тот заплетающимся языком.— Вот ты говоришь — Симбгубодежда. Тьфу, слово-то какое! Если не ловчишь там, помрешь с голоду. С одним мешочком вот из Казани едешь. А я, знаешь,— он огляиулся,— знаешь? Мыльца и соли с собой прихватил. Тут дешевле, а в Симбирске — чистая прибыль. Вот тебе! — Он довольно щелкнул пальцами и захохотал.

«Спекулянт, сволочь! — возмутился Андрей.— Прихвачу тебя на пристани в ЧК, будешь знать, как на бедах наших наживаться».

— Если с умом жить,— продолжал между тем Кореанастов,— то такие дела можно провернуть, ах, какие дела!.. У меня вот связи, связи...— Он вдруг как-то дернулся и быстро взглянул на Андрея.— Ты что? Кто сказал про связи?..

— Какие такие связи? — быстро сориентировался Андрей, притворившись совершенно пьяным.— Ни с кем я не связан. Я в губсимб, нет в симбгуб, в губодежде — вот, связей не держу...

— Что ты мелешь? — Глаза спутника теперь были совсем трезвые, колючие, злые.

— Я не мельник, чтобы молоть...

— Давайте-ка лучше спать. Видно, перебрали мы с вами — вон и вторая бутылка уж пустая...

«Нет, брать его сразу на пристани нельзя,— думал Андрей, лежа на диване.— У него, видно, какие-то связи есть, может, целая группа таких спекулянтов. Не упустить бы только.— И, уже совсем задремав, вдруг весело подумал: — А ты, Андрей Васильевич, настоящим чекистом становишься. Вот и в этом спекулянта почуял с ходу. Никита сказал бы: «Чутье чекистское пробудилось».

* * *

В небольшой полутемной комнате библиотеки Губпрофсовета собрались несколько парней и девушек. Сидели тихо, переглядывались, будто виделись впервые. Несмотря на теплый июльский вечер, окна были закрыты, и все изнывали от духоты. Но вот в комнату быстро вошла Оля Смышляева в сопровождении какого-то незнакомца.

— Товарищи,— начала Оля, подождав, пока шум утихнет,— сегодня мы собрались вот тут — будущие актеры Драмтеатра рабочей молодежи. Занятия с нами будет вести Евгений Александрович Старцев. Он выступал в Самарском драматическом театре под фамилией Арканов. Итак, передаю слово товарищу Старцеву.

— Прежде всего давайте знакомиться,— поднялся со стула худощавый, длинноволосый человек.— Сначала о себе. Как я стал актером? Зачем? Да затем же, что и вы. Я вижу: вы к театру-то приобщаетесь впервые. И вижу еще: в душах ваших смятение — годитесь ли в актеры? Между тем талант артиста рождается вместе с нами. Я сам из дворян; отец, акцизный чиновник, мечтал сделать из меня юриста. А я мечтал о театре. Но уступил отцу — начал учиться на юридическом факультете, в Казани. Однако храм Мельпомены звал меня так сильно, так настойчиво, что я бросил университет и пошел в театр на разовые, бессловесные роли. Постепенно пробился, стал выступать на первых ролях. Если бы у меня не было артистических способностей и такого влечения к театру, я никогда бы не стал артистом. Вот почему нашу встречу я хочу начать с того, что тем, у кого нет неодолимого, властного влечения к театру, лучше сразу уйти, сейчас же!..

Все молчали. Затем поднялся невысокий, коренастый паренек:

— Товарищи, это же неправильно! Тут гражданин артист проповедует буржуазные идейки насчет того, что в театре только избранные, всякие там дворянчики и купеческие сынки могут быть, с гимназиями да с талантами. А как же трудящиеся люди? Выходит, если у меня три класса и я не знаю, сидит во мне артист или не сидит, значит, и не суйся? Неправильно же это, товарищи!

— Ничего ты, Болтянкин, не понял. Как всегда! — вскочила Оля.— Товарищ Старцев сказал только о том, что настоящий артист должен иметь талант и стремление к театру, а ты уже оргвыводы...

Шум, выкрики прервали девушку. Все повскакали с мест, кричали, размахивали руками. Старцев несколько минут, молча улыбаясь, наблюдал эту сцену, затем поднял руку:

— Товарищи! Товарищи! Прошу тишины... Вот так. Раз уж мне доверили руководить вашим театром, позвольте взять все бразды правления в свои руки. О том, что такое талант артиста, веками спорили лучшие умы человечества. И мы сегодня ни до чего здесь не договоримся. Давайте-ка лучше начнем занятия по актерскому мастерству и в ходе их выясним, кто на что пригоден. Хорошо? Тогда познакомимся.— Он заглянул в длинный серый лист бумаги.— У меня тут список желающих играть. Прошу вставать и рассказывать о себе. Первая — Абакумова Лидия.

Темноволосая, стройная девушка поднялась со стула.

— Работаю на телеграфе, но мечтала стать портнихой,— негромко начала она.— Подруги твердят, что в моей внешности есть что-то артистическое. Вот и пришла в ТРАМ.

— Ясно, прошу следующего. Басов Александр...

— Безумно люблю театр, давно мечтаю о нем,— взволнованно говорил высокий парень лет шестнадцати.— Работаю делопроизводителем в Совнархозе.

— Борчунов Вадим.

— Это я буду. Уже играл в театре.— Высокий красавец самоуверенно улыбнулся, показав белоснежные зубы.— В театре Вовки Корытина — знаете? — вместе с Зоей Сазоновой.— Он остановил взгляд на миловидной девушке с пепельными косами, заложенными вокруг головы. Но нам там не понравилось, вот мы и решили перекочевать к вам...

— Киреев Николай...

Круглолицый, среднего роста паренек смущенно мял в руках фуражку:

— Вообще-то я мечтаю стать красным командиром. Но меня пока не принимают. Работаю слесарем в железнодорожных мастерских. Мой дружок Андрей Ромашов уговорил меня попытать счастья в актерах. Он сам даже выступал раз в Булычевском театре, а сегодня вот не пришел...

— Где же этот Ромашов? — обратился Старцев к Оле.

— Не знаю,— пожала она плечами.— Он очень хотел в ТРАМ попасть. Может, уехал куда — он ведь в ЧК работает. Я с ним давно знакома. Парень болеет театром, даже пьесы и стихи сам пишет.

— Пьесы?

— Ну да. Он говорил, что хочет написать пьесу про революцию в нашем городе.

— О, это уже интересно, весьма... Когда он появится, вы его ко мне обязательно приведите. Хорошо, Оля?

* * *

Едва пробившись через толпу, рвущуюся к пароходу, Андрей вышел на полную сутолоки площадь у пристани. В голове шумело, перед глазами плыло: он же пьян и как вообще-то еще соображает, на ногах держится? Сосед по каюте буквально не просыхал всю дорогу: чемоданчик его оказался прямо-таки бездонной бочкой самогона. Не любит этот Филипп Антонович пить один... А Андрей решил, что раз нужно выяснить связи спекулянта, то отказываться от его компании не стоит. Но Коренастов держался и ни о каких связях больше не заговаривал. Как только пароход причалил, в дверях каюты показался благообразный бродатый мужик.

— О, Иван Иванович! — обрадовался Коренастов.— Начальство прислало? Наш возчик, губпросовский,— объявил он Андрею,— заботятся обо мне начальнички, чтобы с грузом не возился.

Черт бы тебя побрал с твоими заботливыми друзьями! Надо поскорее выбираться на пристань: может, там знакомые чекисты или милиционеры найдутся, помогут. Андрей быстро попрощался и вышел. Однако в страшной толкотне на пристани нечего было думать кого-нибудь разыскать. Несколько красноармейцев с трудом сдерживали натиск толпы. Один из них на вопрос, где комендант, только крепко выругался.

Кто-то тронул его за плечо. Филипп Антонович! Милости просим — легки на помине...

— В город? — Коренастов покачивался, видно, еще хлебнул с возчиком.

Андрей кивнул.

— Значит, вместе? Возьмем извозчика?

В руках у Коренастова был только его небольшой «самогонный» чемодан. Где же многочисленные тюки и ящики? «Эх, дурак ты, простофиля! — выругал себя Андрей.— Не надо было уходить из каюты. Ладно, поеду с этим».

Когда пролетка выехала наверх, Коренастова совсем разморило.

— Какая же это Гончаровская? — говорил он, заплетаясь, Андрею.— Главная улица, а дома без стекол. Раньше тут что было — благочиние, чистота, витрины. А теперь вон — тьфу!.. Знаешь, поедем подальше от этой мерзости. К моей сестричке, на Северный Выгон. Там у меня еще самогончик есть, а?

Андрей кивнул.

— А сестренка моя, Симочка, знаешь? — Коренастов пьяно громко захохотал.— И еще там сестры Христа. Вот это цветничок!..

— Какие сестры Христа?

— «Какие, какие»! Говорю — христовы сестры. Увидишь...

Добротная пятистенка, выкрашенная зеленой краской, стояла на пустыре, окруженная сзади высоким забором с торчащими гвоздями.

«Мрачное место»,— подумал Андрей, когда они выходили из пролетки перед крылечком с резными столбиками. Северный Выгон издавна славился в городе как прибежище воров. Еще до войны тут сгорели казармы и теперь высокая кирпичная труба от них одиноко высилась посреди пепелища. А неподалеку распространяла свои запахи городская свалка, по которой бродили стаи голодных одичавших собак.

— Да у вас, никак, пир? — сказал Андрей, когда Филипп Антонович, открыв своим ключом парадную дверь, ввел его в прихожую.— Вон как шумно...

В раскрытые двери была видна небольшая квадратная комната. При свете подвесной пятилинейной лампы вокруг стола, заставленного бутылями с самогоном, вареной картошкой, огурцами, жареной рыбой и еще чем-то, сидело несколько сильно накрашенных девиц — одна с гитарой — и два парня лет двадцати.

— А чего же? — ответил Коренастов.— Симочка моя — известная в городе хиромантка. Знаешь, как по руке гадает! Достатки у нее есть, отчего не повеселиться? А эти,— он махнул рукой в сторону девушек,— они и есть сестры христовы. Половину дома у нас снимают.

Навстречу им поднялась полная брюнетка лет двадцати восьми, в светло-голубом шелковом платье.

— Знакомьтесь,— сказал Коренастов.— Серафима Ивановна Ковригина. А это — друг мой, Андрей Лосев, хороший парень, прошу любить и жаловать. Давай, Андрей, с дорожки-то тяпнем по маленькой.

Шагая поздним вечером домой по совершенно безлюдной улице, Андрей инстинктивно сжимал в кармане рукоятку браунинга. Ну и места! Нападут бандиты — хоть кричи, хоть вопи, никто даже не покажется, не то чтобы на помощь прийти. А дом, куда он попал? Уж не притон ли какой бандитский? И сестры Христа — веселые. А хиромантка, гадалка эта, как кокетливо посматривала на него. Коренастов — тот сразу свалился совсем. Нет, не сестра она ему вовсе, врал он. Так с сестрами не разговаривают... И отчество у нее другое. Зато теперь точно известно, где этот спекулянт обитает... С утра к Никите — рассказать ему.

Вот поездка-то какая получилась! К Андрею вернулись грустные мысли. Неужели Наташа его разлюбила и вправду вышла замуж? Если б любила, обязательно написала бы, хоть матери его, а написала бы. А может, погибла?..

* * *

— Интересно, кто же такой этот Коренастов? — задумчиво говорнл Никита. Он сидел на подоконннке н время от временн посматривал на улнцу.

— Спекуляит, кто же еще,— отозвался от своего стола Андрей.— Я ж говорю: мешкн у него там былн, узлы...

— Я про эту хиромантку уже слышал. Говорят, здорово гадает.

— Вот у нее н погадай, кто такой Коренастов. Да что думать! Я который раз твержу: надо туда с обыском н брать их всех разом.

— А я тебе, Андрюха, который раз твержу: в нашем деле такая спешка годится только при ловле блох.— Никита рассердился, соскочнл с подоконннка и зашагал взад и вперед по комиате.— Ну, возьмем его, а что дальше? Сам говорнл: сплавил свой багаж куда-то. Значнт, от всего отопрется, даже если что было. Так, братншка, работать нельзя.

— Но я точно чувствую: контра. А еще связн какие-то, поминшь?..

— Это все слова, а нам факты нужны, факты, дорогой товарнщ! И еще — вещественные доказательства, вещественные! Ясно? Так что вот как поступим. Пойдешь в губпрос, выяснншь, кто такой этот тнп, откуда. И наведайся еще к иему в гостн. Я, зиаешь, чем дольше в ЧК работаю, тем больше убеждаюсь: с маху рубить надо, когда вполне ясио, что контра. Да еще когда баидиты там, в лесу, кулачье... Так что учись, братишка, и не спешн. Понял?

— Понять-то поиял, а только чует мое сердце: можем упустнть этого.— Андрей встал, махиул рукой.— Что тогда — будем слезы лнть? И почему ты чутью моему не доверяешь?

— Плохо еще чуешь. Да не вздумай-ка самодеятельностью заннматься, как тогда... И со старухой — помнншь? — иаколбасил. Я вот поговорил с ней по-человечески н выяснил: постояльца-то ей рекомендовал куликовский поп.

— Отец Константни? Не может быть! Бабушка моя все твердит: душевнее этого батюшки не встречала. А как ты узнал?

— «Как, как»! Пришел к бабке домой, в гостн. Сахар прннес, чай с ней пнл. Ну н рассказал ей, значит, зачем это иам иужио, объясинл, что, мол, к ией, трудящей бабке, инкакнх претензий от пролетарской власти нет, а она должна помочь нам выяснить личность врага революции. Подход нужен к человеку, тем более, люди-то свон.

— Отец Константин? — задумчиво повторил Андрей.— Значит, арестуем его?

— Это зачем же опять так сразу? Может, н поп не виноват

вовсе ни в чем. Вполне возможно, и его кто-то попросил за «крючника». Ты вон сам говоришь — добрый батюшка. Правда, я слышал, проповеди у него больно скользкие. Да кто из попов сегодня за Советскую власть молится? В общем, и здесь надо дальше тянуть эту ниточку. Возьми-ка и попа твоего куликовского на заметку.

— А как? Он же знает, верно, что я в ЧК работаю.

— Поговори с бабкой своей, с ее знакомыми, которые в церковь эту ходят. Узнай толком, что он там за проповеди произносит, у кого бывает, кто к нему ходит. А я попробую личность его выяснить. Надо сегодня же доложить Лесову об этих делах. Но вот если он спросит про сукно, то что ответить, не знаю...

— Мы же все время на «чапанках»,— вставил Андрей,— по губернии мотались. И ранен я был. Что, Лесову не известно, что ли? А тут еще рыжий убит.

— Никто с нас этого задания не снимал пока, так что отвечаем за него полностью. И что рыжий убит, тоже не оправданье.— Никита остановился, посмотрел внимательно на Андрея.— Ты вот что: поговори-ка с матерью своей, спроси, когда я с ней повидаться смогу. Да так, чтобы не дома и не здесь.

— Может, у Кузьмича?

— У сторожа? Можно, он человек надежный, и сын у него геройский парень, я его знаю. Действуй!..

* * *

«Ночь-то какая,— думал Андрей, спотыкаясь на выбоинах тротуара,— тьма-тьмущая, ни зги не видать». Они сегодня засиделись на заседании комсомольской ячейки, а когда вышли, Оля Смышляева крепко ухватила его за руку:

— Как хочешь, Ромашов, ты должен проводить меня. Одна боюсь.

— Ладно уж,— ответил Андрей,— только с условием: без дискуссий. А то у меня голова от них сегодня распухла. Я ведь на ячейку прямо после работы, и целый день не евши.

— Хорошо, хорошо,— рассмеялась девушка,— не буду. Лучше скажи, почему ты на занятия в ТРАМ не приходишь? Знаешь, как интересно актерским мастерством заниматься! Этот Старцев — молодец. Мы ему паек даже повышенный выхлопотали.

— Занят я очень, Оля!

— А мы уже рассказали о тебе Евгению Александровичу...

— Кому, кому?

— Да Старцеву же, режиссеру нашему! И про то, что ты в

настоящем театре играл, и что стихи писал и пьесу собираешься сочинить. Он ждет тебя: пьеса нам нужна.

— Ну уж там — играл, писал,— пробормотал польщенный Андрей.— Пока ничего путного не написал, работаю день и ночь.

— Приходи, Андрюша. Мы по воскресеньям теперь в Нардоме собираемся.

— Приду как-нибудь. Вот освобожусь немного. Сейчас прямо ни минутки, сплю и то урывками...

Так незаметно за разговором дошли они до бывшей гимназии Якубовича, в которой теперь помещался интернат имени Карла Маркса.

— Пока, Оля,— попрощался Андрей.

Он подождал, пока девушка скрылась за дверью, скрутил махорочную самокрутку и быстро направился к Дворцовой улице, но тут же остановился. Черт! Совсем забыл, что дамба, соединявшая центральную часть города с западной, рухнула. Придется идти в обход — по Кирпичной. А может, лучше через Курмышок?.. И вот теперь бредет он по улице в такой тьме, что собственную руку протяни — не увидишь. Раньше, когда на Курмышке толкучка была да цирк, тут вечерами не так глухо было. А теперь огонька из домов не видно, не то что фонарь какой-нибудь горел бы. Вот бандюгам раздолье...

Андрей остановился. Ни звука, даже собаки не лают. Двинулся дальше. Где-то слева пугающей чернотой зиял глубокий Марышкинский овраг. Справа чуть светлее, там пустырь, заросший бурьяном. Еще раз остановился. Из оврага раздалось рычание, затем собачий вой — бродячие псы... Андрей вытащил из кармана револьвер. Вот дьявол, понесло его сюда!..

— Помогите!.. Караул, помоги-и-ите! — вдруг явственно услышал он.

Крик был приглушенный, будто кому-то зажимали рот, и разом оборвался. Андрей остановился как вкопанный.

— Помоги-и-и-и...— снова донеслось до него.

Надо идти на помощь. А если там их целая банда? Да что это он — чекист, комсомолец... Крик женский, определенно... А он еще раздумывает. Из оврага кричат, где-то у мостика. «Ну что ж, пошли, Андрей Васильевич!»

Осторожно, стараясь не шуметь, он стал спускаться по крутому откосу. Совсем близко послышалось журчание. Ручеек... Значит, он уже на дне оврага. Пригнувшись, двинулся вперед, то и дело спотыкаясь на бугорках, проваливаясь в какие-то ямки.

— Ну что ты орешь, паскуда? — услышал он вдруг совсем близко и тут же замер, прилег на землю.

— Тебя же живой хотят оставить,— гнусаво сказал кто-

то другой,— а ты тявкаешь.— Еще слово — придушу, как блоху!..

— Сбежал твой кавалер — и следа нет,— вставил еще один бандит.

«Третий,— отметил Андрей.— Сколько же их?»

Дальше медлить было нельзя. Андрей быстро вскочил, затопал ногами по сухим веткам, закричал:

— Давай, Николай, заходи справа! Ты, Золотухин, к мостику, к мостику. Сдавайся!..

Он выстрелил два раза во тьму, остановился, прислушался. Бегут! Только топот раздавался вдоль оврага, а кто-то из бандюг с испугу ломился прямо вверх по крутому склону. Андрей снова выстрелил. Бандит на склоне притих на мгновенье, а потом с новой силой стал продираться через кусты. Не прошло и минуты, как все стихло. Андрей усмехнулся. Ну и драпанули... Не ожидали небось, что здесь кто-то окажется, а тут на́ тебе — так смазали пятки, что и на самокате не догонишь. Но где же женщина?

Еще несколько шагов вдоль ручья. Вот и мостик чернеет над оврагом. Где же она? Молчит. Испугалась до смерти и молчит, а темень такая...

— Эй! — крикнул он.— Где вы там, отзовитесь!..

Молчание... Вот еще забота, черт возьми! Будто вымерло после стрельбы все вокруг. Шаг, еще шаг... Чуть не упал — споткнулся обо что-то. Да это же тело, человек... Неужели успели убить? Он присел, зажег спичку. Девушка, бедняжка, лежит, одежда растерзана, глаза закрыты... Спичка догорела, обожгла палец. Мертвая? Андрей торопливо зажег вторую спичку, дотронулся до ее глаз. Веки чуть дрогнули. Жива!.. Побежал к ручейку, обмакнул носовой платок в воду, снова к ней — приложил ко лбу. Послышался долгий вздох.

— Пожалуйста,— чуть слышно прошептала она,— берите все-все, только не убивайте...

— Ничего мне не надо,— ответил Андрей.— Убежали бандиты, не бойтесь...

— А вы кто?

— Андрей я... Да вы вставайте, накиньте плащ. Вот вам.— Он быстро снял свой видавший виды брезентовый балахон.— Я вас провожу домой.

— Спасибо, я живу на Старом Венце.— Все еще дрожа, она встала, взяла плащ.— Спасибо!

— И как вы тут оказались в такой час? — спросил Андрей, когда они выбрались на дорогу.

— У меня жених, Вадим, на Курмышке живет. Мы у него засиделись, потом он провожал меня домой. А тут на мостике эти... Вадим убежал, они меня и схватили.

— Убежал? Хорош жених! Невесту, значит, бросил и убежал?

— Что он мог поделать один против троих! Вы не думайте, он даже крикнул, что за помощью пойдет. Я слышала, точно. А бандиты только засвистели ему вслед.

— То-то они сразу побежали от меня — видно, решили, что уже пришла эта помощь.— Андрей чуть поддерживал свою спутницу под локоть, лица ее он не видел.— Ну а кто же такой ваш жених?

— Вадим, я же сказала, Вадим Борчунов, телеграфист. А вас как зовут?

— Ромашов, Андрей...

— Ромашов... Ромашов?.. Я эту фамилию вроде уже слышала... Где же? А, в ТРАМе, кажется. Вы на занятия туда ходите?

— Нет, не хожу. Пока... Времени все не хватает.

— А чего же вас там будто говорили? Постойте-ка, постойте... Евгений Александрович сказал, что вы пьесу для нас сочиняете. Правда?

И пьесы еще никакой не сочиняю. Хотел только, а кто-то уже раззвонил об этом на весь город. Наверно, Оля Смышляева наговорила. Я ведь с этим Старцевым не знаком даже. А вы что, в артистки пошли?

— Теперь в ТРАМе занимаюсь, а раньше мы с Вадимом в театре Вовки Корытина были... Ну, вот и мой дом...

Они остановились у двери двухэтажного деревянного особняка.

— Вы подождите, я переоденусь и верну вам плащ.

Когда тяжелая парадная дверь захлопнулась, Андрей поднялся на ступеньки. Буржуйский особняк. Чей, интересно! Он зажег спичку, осветил медную табличку на двери: «Николай Николаевич Сазонов, врач-терапевт. Прием больных ежедневно, кроме воскресенья, с 5 до 7 часов вечера». Известный на весь город доктор. А девица кто же — дочка, племянница ему? Ребята скажут, недорезанную буржуйку спас. Нет, не так, она же вон в Театре рабочей молодежи... Рабочей... И доктор — не обязательно буржуй. Интеллигент... Хотя... Дом-то какой...

Андрей совсем было запутался в своих определениях, когда дверь вновь отворилась и в освещенном проеме показалась его незнакомка с плащом в руках. За ней виднелось заплаканное круглое женское лицо.

— Извините, заставила вас ждать. Хотела познакомить вас с папой и мамой, но они спят. Лучше не беспокоить их сейчас — перепугаются. А это тетя моя. Спасибо вам еще раз, большое спасибо... Приходите к нам завтра. Ладно? Да, меня

зовут Зоя, Зоя Сазонова. Вы сегодня спасли меня, вы мой спаситель.— Она быстро обняла Андрея и поцеловала в лоб.

Андрей смущенно отступил на шаг:

— Ну уж и спаситель... Простая случайность.

— Нет, нет! — вмешалась тетка.— Вы вытащили нашу девочку прямо из могилы. Ужас какой! Приходите к нам завтра обязательно. Зоенька, Николай Николаевич, все мы теперь вечные ваши должники...

* * *

Жарким августовским днем по Волге двигалась небольшая двухвесельная лодка. У руля сидела девушка с длинной косой, перекинутой на грудь. Чуть прищурившись от ярких лучей солнца, уже начавшего клониться к закату, она то посматривала вдаль, то на двух гребцов, старательно боровшихся веслами с быстрым течением могучей реки.

Лодка двигалась вперед очень медленно, и девушка, чуть улыбаясь, еще раз взглянула на гребцов:

— Ну что же вы? Силеиок у вас не хватает, что ли, против течения выгрести. А еще хвастались: как иа катере поплывем!

Парни сильнее заработали веслами. «Ишь как налегли! насмешливо подумала девушка.— А все же они оба красивые: и тот и другой». Ребята действительно были как на подбор широкоплечие, голубоглазые. У того, что справа,— Вадима — выражение лица надменное, даже слегка высокомерное, губы капризно изогнуты. У Андрея лицо попроще, но добрее, а высокий лоб делает его похожим на какого-то мыслителя или отшельника.

Зоя щурилась на солнечные зайчики, бегущие по воде. Вадима она знает уже больше года. Совсем недавно думала, была даже уверена, что любит его очень крепко, что лучше его нет на свете. И подруги ей все с завистью твердят: «Ну и везет тебе!» Они даже обручились с Вадимом. Мама очеиь довольна, ей Вадим нравится — интеллигентный, коммерческое училище окончил, умеет одеваться и держать себя в обществе. А что телеграфист, то это ненадолго: кончится вот скоро власть большевиков — и выйдет в люди. У родителей его двухэтажный каменный дом на Курмышке.

Но то, что случилось три дня назад... Бросил ее бандитам. Говорит, на него тоже напали и он дрался, а потом его чем-то ударили и он упал без сознания. Червячок сомнения точит Зою: уж не струсил ли ее жених — этот иадменный красавец? А любит ли он ее так, как говорит?

Да, не подоспей вовремя Андрей, может, и не кататься ей

уже никогда в отцовской лодке по реке. Андрей-то выказал себя настоящим храбрецом. Гм, чекист!.. Все их знакомые с ужасом говорят об этих чекистах: мол, они чуть ли не хуже бандитов. Один папа насмешливо улыбается при таких разговорах. И ведь ему бы ужасаться больше всех: два раза его в ЧК забирали, потом отпускали. А он, видишь ли, смеется. Почему?.. Да и Андрей совсем не похож на тех страшных людоедов, какими ей рисовали чекистов. Очень милый юноша...

А как Вадим взбеленился, когда она пригласила сегодня Андрея покататься с ними на лодке! Доктор Сазонов — заядлый рыболов — собрался на рыбалку, она услышала и тут же решила: «И мы поедем с папой все — я, Вадим и Андрей!» Вадим даже вызвал ее в соседнюю комнату. Стоит злой, бледный. «Зачем,— говорит,— ты этого суслика с собой тянешь? Ты же моя невеста, что люди подумают?» — «А что такого? — ответила она.— Андрей мне жизнь спас, когда ты сбежал. Как я могу не пригласить его? Что же, прикажешь уехать с тобой и его тут, дома, оставить?»

Они подвезли отца в Подливенский лес, а сами движутся теперь вверх, пообещав зайти за ним на обратом пути. Хорошо как на реке! Только пустынно очень. Раньше, бывало, когда она с папой каталась по Волге, сколько тут было лодок, барж, плотов. Пароходы, буксиры вверх и вниз, как извозчики на Гончаровской. А теперь? За все время только двух рыбаков на каких-то утлых лодчонках встретили. Война... Хотя нет... Вон буксиришка пыхтит, две баржи громадные вниз тянет. А это что? Пароход от города идет, пассажирский вроде. Ну, сейчас волна будет!..

— Держитесь! — крикнула Зоя гребцам.— Покачаемся!

Пароход быстро поравнялся с баржами, и шлюпка оказалась в середине между нимн. Девушка встала на корме во весь рост, помахала людям, переполнявшим верхнюю палубу, и стала раскачивать лодку. Андрей и Ваднм приналегли на весла, стараясь развернуться носом к крутой волне, поднятой судами.

Но что это? Только-только на корме возвышалась легкая фигурка Зои в развевающемся на ветру платье. Вадим так и застыл с поднятым над водой веслом. А Андрей мгновенно бултыхнулся через борт, шлюпка резко накренилась, снльно качнулась на другую сторону. Едва Вадим успел схватить второе весло и сделать несколько гребков, а то бы лодка перевернулась. Совсем рядом виднелась голова Андрея. Одной рукой он поддерживал девушку, другой уцепился за борт.

— Давай к берегу!

Когда через несколько минут нос шлюпки был вытолкнут

на горячий песок пологой песчаной косы, Зоя подошла к Андрею, взяла его голову в руки и трижды крепко поцеловала в губы.

Вадим стоял бледный, опустив руки, и старался не смотреть на них...

* * *

Опять на улице тьма-тьмущая, городская электростанция работает через два дня на третий. Вот и Новоказанская, через пять минут он будет наконец на своей Верхнеполевой. Андрей остановился, закурил. Сегодня часа четыре дежурил возле дома отца Константина. Они с Золотухиным решили проверить куликовского попа после того, как Евдокия Борисовна рассказала Никите о его родственниках.

Однако ни посещения церкви, ни наблюдения за поповским домом пока ничего не дают. В проповедях своих батюшка вроде политики не касается. Ходит только в церковь и на рынок. В дом к нему за эти две недели ни разу — ни днем ни ночью — никто посторонний не заходил. Вот только субботними вечерами да по воскресеньям в церкви бывает много народу и уследить за всеми, кто говорит с батюшкой, практически невозможно. Но и здесь вездесущий Золотухин установил: ни с какими подозрительными людьми поп вроде не общается. Андрей настаивал на обыске.

— Нельзя это так, без причины, делать,— сказал в ответ председатель губчека.— Сами знаете: каждый непродуманный шаг в отношении духовного лица может вызвать недовольство среди верующих. А нашим врагам только этого и надо. Вспомните, как весной в Сенгилеевском уезде провокаторы специально арестовывали попов, закрывали церкви, устраивали в них склады. К чему это привело? К кулацким «чапанкам» стали примыкать середняки, даже некоторые бедняки. Нам нужны факты, только факты.

«Отец Константин и этот Коренастов — твои дела,— говорил Никита Андрею.— Ты сам все должен с ними выяснить. Не забывай, что именно поп рекомендовал того типа в квартиранты». Из-за этого Андрей все другие дела забросил. Оля Смышляева даже грозится пожаловаться в ячейку: мол, пьесы не пишет, пусть обяжут его, как члена РКСМ. Да ведь ему и самому хочется попасть в ТРАМ...

Занятый своими мыслями, Андрей медленно шагал во тьме мимо полуразрушенного барского особняка, от которого остались одни стены. Слева тянулся пустырь. Не сразу услышал он свист позади. Может, огонек от его папиросы увидели? Бросил окурок и быстрее пошел посреди мощенной булыжником мостовой, залитой липкой грязью.

Но вот впереди тоже послышался свист. Бандиты? Сколько же стычек у него было с ними в эти годы! Неужели сейчас за ннм охотятся? Проверим! Он остановился, вытащил из карманов револьвер и зажнгалку, осторожно присел, зажег огонек. Не успел его погасить, как одновременно с двух сторон снова раздался резкнй посвист.

Да, аховое ваше положеиие, товарищ Ромашов. Сегодня бандиты не защищаются от тебя, а сами нападают. И отступать иекуда — онн спередн и сзади. Слева — заборы и свирепые цепиые псы. Петляя, он побежал вправо. Где-то близко прожужжали как бы два шмеля. Стреляют! И тут же он провалился куда-то. Черт!.. Вода... Канава... Он поднялся и, согнувшись, побежал дальше по воде, по дну узкой траншеи. Над головой снова просвнстела пуля. Вдруг споткнулся и упал. Ладно!.. Подходите, встречу, как иадо! Шесть пуль вам, седьмую — мне. Он приподнялся, но в это мгновение земля мягко вздрогнула, в грудь упруго толкнула какая-то волна. Небо озарила гигантская вспышка. Оглушенный, он снова прнсел. И снова взрыв... За ннм еще и еще. Что это?..

Андрей встал на колени. Светло как днем. И не стреляют. Убежалн? Он вылез нз канавы. Да это же пожар! Целое море огня вздыбилось совсем рядом — над длинным уланским манежем, тяиувшимся вдоль Верхнеполевой улицы. «Там гараж,— мелькнуло в голове,— машины губтрамота. Погибнут автомобнли!»

У манежа опять послышалнсь взрывы — послабее. Андрей вздрогнул и бросился вперед. Громко зазвонил колокол в куликовской церкви. Из деревянных домиков выбегали на улицу полуодетые люди, слышались крики, детский плач, истошный лай собак. А если пламя перекинется на бревенчатые дома Верхнеполевой, что тогда?

Мокрый, грязный стоял Андрей в молчаливой, как бы оцепеневшей от страха толпе. Сильный озноб пронизывал его насквозь. Грозно потрескивало пламя, разгораясь все сильнее. Красные языки, казалось, лизали даже темный небосвод, искры летели во все стороны. Время от временн где-то в глубине слышались взрывы, н тогда пламя вспыхивало с еще большей силой.

— Бензин,— сказал кто-то,— бензнн взрывается. Там его — бочки целые, н в автомобилях еще...

Надо было что-то делать, куда-то бежать, тащнть воду, тушнть, поливать стоящие вблнзн строения. Но Андрей чувствовал, что не может сдвннуться с места,— ноги как ватные, голова кружится, в глазах красные пятна.

Послышался шум автомобилей, звон колокола, стук колес конных упряжек по булыжной мостовой. Это подъехали сразу

две городские пожарные команды. Вот и свои — чекисты — прибыли. Однако все только останавливались и смотрели. Сделать что-либо было невозможно: бурное пламя перекинулось на огромное деревянное здание стоящего рядом склада и на длинные корпуса уланских казарм. Вскоре вокруг бушевало необъятное море огня. Толпа подалась от жара назад. По крышам близко расположенных домов забегали люди с ведрами — поливали, чтобы не занялось.

К Андрею подошел Никита:

— Ты что? В каком виде?

— Бандюги, св-волочи, стреляли.— Андрей с трудом разлеплял губы, стараясь унять озноб.— В к-канаву в-влете-е-ел... А п-потом эт-то,— он кивнул на пожар.

— Да ты болен, видно, совсем. Иди домой, без тебя тут разберемся.

Андрей с трудом выбрался из толпы и, шатаясь, словно пьяный, побрел к своему дому...

* * *

— Выполнила просьбу — была у твоего спасителя,— говорит Зое тетя Оля, удобно расположившись с папиросой в руке в глубоком кресле.— Даже не ожидала, что у простых мужланов дом может быть такой — просторный, чистый. Вот детей у них, как полагается, целая куча.

— Тетя, тетечка, не отвлекайтесь. Как Андрюша? Я же вас не о доме просила узнать, а о нем. Третья неделя, как исчез.

— Жив твой Андрей. Только болен очень, без сознания лежит. Его мать... Миловидная женщина у него мать, весьма. Лицо круглое, смуглая такая, брюнетка. И моложавая. Не скажешь, что детей у нее столько...

— Что его мать говорила, почему он без сознания?

— Вечно ты прерываешь... Ага, она сказала, что доктор определил воспаление легких. Он где-то промок. Его лечат, но ему становится все хуже...

— Хуже?

— Да, да. Теперь предполагают, что испанка примешалась. Как бы не умер, бедняга...

Доктор Сазонов долго не мог понять, чего от него хочет дочь.

— Его же лечат, зачем я там?

— Но доктор не может определить, что у него. И он умрет...

— Ну вот еще! Неудобно мне самовольно вмешиваться, когда другой врач лечит.

— Удобно! Папа, он мне дважды спасал жизнь. И потом...

— Что потом?

— Я люблю его, понимаешь, люблю!..

— Любишь? А как же Вадим? Ведь вы помолвлены.

— Он подлый трус, бросил меня тогда. И лжец! Мне недавно рассказали: видели его с какой-то девицей, такой, знаешь... И потом он на Северный Выгон зачастил — к гадалке ходит, водку пьет. Что за гадалка, у которой выпивают?..

— Просто парень красивый, вот девицы из зависти и наговаривают.

Возможно. Но мне и Оля Смышляева говорила. У нее самой жених, что ей завидовать...

Через час Евдокия Борисовна с удивлением открыла дверь самому известному в городе доктору.

— Пока я вымою руки, поставьте ему, пожалуйста, градусник, распоряжался он. Сейчас послушаем вас, молодой человек... Прошу всех покинуть комнату.

Когда Сазонов вышел от Андрея, домочадцы с тревогой ожидали его в большой комнате.

У юноши двустороннее воспаление легких. Но...— Сазонов сделал паузу и сквозь очки строго посмотрел на всех. Но положение чрезвычайно осложняется тем, что у него еще сыпной тиф. Не сегодня завтра будет кризис. Я ему сделал укол, нужны еще лекарства. Вот рецепты... Дежурить у его постели следует целые сутки. Понятно? Завтра в это время я приду снова...

Через несколько суток Андрей впервые за две недели пришел в сознание и открыл глаза. А спустя еще неделю он, пошатываясь от слабости, уже бродил по дому и жадно поедал все, что ему подкладывали мать и бабка.

Особенно его поразило известие о том, что к нему приходил несколько раз сам доктор Сазонов.

— Кто его звал?

— Не знаю,— ответила Евдокия Борисовна.— Пришел и сразу тут командовать принялся. Зато вылечил он тебя, спас!

— Это Зоя, она!

— Какая Зоя?

Андрей так и не ответил матери — в комнату вошел Золотухин.

— Никита!..

— Он самый, собственной его величества персоной. Значит, выкарабкался, добрый молодец? Вишь как тебя прихватило — и сыпняк, и воспаление легких, все вместе. Да, а Сазонов, оказывается, мужик правильный, дело свое знает. Я-то его за буржуя недорезанного считал.

— Да нет...

— Знаю, знаю. Ты уж помолчи. Тут ребята тебе кое-что прислали. Небось с разносолами у вас в доме не ахти...

— Никита, а что с манежем?

— Сгорел, братишка, дотла... А почему — только догадываться можем. Думают, сторож бензином хотел спекульнуть и стал его переливать из бочки. То ли он при этом спичку зажег, то ли курил, но, в общем, взрыв получился хороший. А там этого горючего знаешь сколько было!

— Как же он так, сторож-то?

— Именно это пока и неясно. Человек, говорят, был осторожный, спокойный и тихий. На вашей улице жил. Может, знаешь? Дом его в том конце. Все в один голос утверждают, что он за версту с огнем к бензину боялся подходить. И выпивал редко, богобоязненный старик был.

— Может, подожгли?

— Вполне возможно. Мне теперь и это дело поручили, завертелся совсем. Лесов и Крайнов в последнее время взяли себе манеру: как что посложнее — Золотухину. Хоть смейся, хоть плачь. А тебе вот приказ принес: велено сидеть дома и поправляться. На все время выздоровления выхлопотало тебе начальство усиленный паек. Ясно? То-то же. Спи, отъедайся, жирок нагуливай. Ну, бывай!

Глава 6

В ЛОГОВЕ

23 сентября 1919 года. Решил, наконец, вести дневник. Когда болел, начал записывать все подряд — что ел, как ругался с бабушкой, кто приходил ко мне... Потом вышел на работу — и стало не до записей. А позавчера наступила передышка — два дня был на первой губернской комсомольской конференции. Сидели с утра до самой ночи, но после моих походов — отдых. Сегодня конференция закончилась, пришел домой — все спят. Перечитал прежние записи и подумал: ерунда какая-то. И порвал их. А теперь решил: нехорошо бросать начатое дело на середине. Но теперь буду записывать только самое интересное в своей жизни.

Вот, к примеру, сегодня мы выбрали свой первый Симбирский губком комсомола — конечно, важное событие! А еще выбрали делегатов на II Всероссийский съезд Коммунистической молодежи. Я им позавидовал: в Москву ребята отправляются. И решил: тоже поеду туда — учиться, только позже, когда окончательно победит мировой пролетариат. Вот только не знаю еще, кем стать — чекистом или актером...

6 октября 1919 года. Опять давно не писал. Занимался пожаром в манеже, допрашивал задержанных. Ничего толком вы-

ясинть не удалось. Сказал Золотухину, что сейчас не время так возиться с контрой: Деникин наступает и надо идти на фронт, а контру — в расход, и крышка!.. Но он закатил мне в ответ такую речь — на целый час. Частично с ним согласился: Никита парень все же головастый, прав. Он считает, что в Симбирске действует такой же подпольный «Национальный центр», как и в Москве. Там его наши еще в прошлом месяце ликвидинули, но Никита сказал, что нутром чувствует: у этих гадов есть отделения в других городах.

Решили, что я возобновлю свои встречи с Коренастовым. Это я настоял: очень подозрительный тип, хотя Золотухин и считает его мелким спекулянтом.

Позавчера на Казанке был субботник. Из губчека все свободные ходили. Весело было — выгружали из вагонов дрова, расчищали пути и песни пели. А потом поехали в Чуфарово — вытаскивали из-под насыпи разбитые вагоны. Там поезд чапаинники еще весной под откос пустили. Хоть и голодные мы были зверски, а работали дружно.

23 октября 1919 года. Вчера многие наши уехали на фронт — воевать с Деникиным. А меня опять не отпустили. Вот не везет: из школы Карла Маркса уже второй набор комсомольцев добровольцами ушел, а мне Лесов не разрешает. Ну, я еще своего добьюсь!

Неделю назад был на Северном Выгоне, у Коренастова. Мрачное место: грязь непролазная и ни одного фонаря. А самогонщиков там, ворья, бандитов, спекулянтов!.. Золотухин велел сопровождение взять, а то кокнут. Но я ему доказал, что это может только попортить дело.

Мы уже разузнали, что Коренастов действительно агент по снабжению Симбгубпроса. Раньше в Самаре в приказчиках у какого-то галантерейщика-купца работал. В городе появился месяцев десять тому назад, купил вместе со своей сожительницей Ковригиной Серафимой Ивановной дом.

Вот Симочка — эта оказалась фруктом. Ее мать содержала публичный дом на Буинской улице, а дочь училась в гимназии, потом несколько лет где-то пребывала. Сейчас ей двадцать восемь и она — известная в городе гадалка. Отбою от желающих попытать свою судьбу у нее нет. «Вот это-то и самое трудное для нас,— сказал мне Никита.— К ним под видом посетителей кто угодно ходить может». И еще одно здесь интересно. Коренастов сдает вторую половину дома какой-то женской религиозной общине. А Золотухин узнал: две женщины из этой общины жили раньше в доме у Симочкиной мамаши.

Пришел я к Коренастову под вечер. «Ба, говорит, сколько лет, сколько зим! Где ты пропадал?» Объяснил, что болел сыпняком. А потом я вытащил из карманов две бутылки самогона,

и он заявил, что я парень хороший, сразу ему понравился, еще на пароходе. Позвал свою «сестрицу»...

Коренастов ничего такого, как на пароходе, не говорил, больше молчал. А Симочка все предлагала мне погадать, а то начинала говорить, какой я симпатичный парень. Она гитару притащила, песни пели. Потом вдруг кто-то постучался. Коренастов ушел открывать, а «сестрица» — она совсем опьянела — и говорит: «Ты мне нравишься. Приходи, когда брата не будет. Он недели через две на целый месяц собирается уехать». Только успела сказать, как хозяин ввел трех парней.

Я взглянул и обомлел: двое незнакомые, а третий — Вадим Борчунов. «Ну,— думаю,— все. Пропал!» Он же за Зою меня теперь ненавидит. Так что вполне может продать, хоть и комсомолец. Пощупал я для успокоения в кармане браунинг, встал и как ни в чем не бывало: «Здравствуйте, меня зовут Андрей», а сам покачиваюсь — вроде пьяный.

Вадим только глянул на меня и так сквозь зубы: «Мы, кажется, знакомы». А я ему: «Ну, конечно. Вы же Зои Сазоновой жених!» Он сразу покраснел, посмотрел на Симочку. Та встала и говорит: «Я сейчас, мальчики, за дамами на другую половину сбегаю». Вадим улыбнулся: «Давайте ради встречи выпьем» — и вытаскивает из кармана бутылку...

Потом девушки пришли. Даже Коренастов разошелся — плясать стал. И я вдруг понял, что это за община у них такая религиозная — обычный притон. Так и доложил Золотухину и Лесову и еще сказал, что немедленно надо облаву устроить — прикончить это гнездо. А они мне: «Коренастов уедет. Надо пойти туда и попытаться разузнать все получше, а не пробавляться догадками». Такие дела...

* * *

В последнее время Борчунов зачастил к Симочке. Даже Коренастов, обычно встречавший его радушно, начал коситься. Но Вадима неудержимо влекло в этот дом. Началось это месяца три тому назад, после того как Андрей Ромашов спас Зою Сазонову на Волге. Вадим быстро почувствовал, как изменилось к нему отношение девушки. Нет, он вовсе не любил ее до потери памяти — просто она ему нравилась, как и другие хорошенькие девушки. Но он считал, что ему уже пора как-то устраиваться в жизни, приобретать себе положение. А у Зоиного отца — прекрасный особняк, сам он — известный врач и, конечно же, по убеждению Вадима, имеет где-то надежно припрятанный капиталец. Ну чем не партия! В этом взгляде утвердил Вадима и его отец — бывший самарский купец, ловко разыгравший еще перед войной банкротство и наживший таким образом немалые день-

ги. Их семья тогда переехала в Симбирск, где отец купил каменный дом.

Когда Вадиму показалось, что невеста разлюбила его, он решил выяснить свои сомнения у известной в городе гадалки. Симочке очень понравился высокий красавец. Правда, молод, но какое это имеет значение! И знаменитая хиромантка чуть ли не два часа гадала парню... Кореластов, войдя в комнату, быстро оценил положение. Вадима тут же пригласили к столу, напоили, познакомили с девушками из общины. Так он стал ходить на Северный Выгон. И Симочка, особенно когда не бывало «брата», не обделяла его вниманием. Парень в наплыве чувств как-то обещал даже жениться на ней. Вот почему он так смутился, когда Андрей сказал, что знает его как жениха Зои.

Но сегодня за столом не было ни Симочки, ни девушек, встретил его один Кореластов.

— Пошли в церковь,— коротко объяснил он.— А ты, я вижу, расстроен чем-то? Давай-ка тяпнем для хорошего настроения.— Филипп Антонович поставил на стол бутыль самогона и миску квашеной капусты.

Они молча выпили.

— Эх, парень, до чего тебя бабочки довели,— продолжил хозяин.— Вон даже с лица спал. На Зое Сазоновой собираешься жениться? Собираешься — я знаю. И моей сестрице тоже ведь предложение сделал. А она, дуреха, и растаяла вся. Не подумает даже, что старше тебя почти на десять лет. И Женьке рыженькой из общины нашей предлагаешь жениться...

— А это вы откуда знаете? — встрепенулся Вадим.

— Да вот фотография твоя, голубчик, ей даренная. Что на обороте писано? Читай! Не хочешь? То-то же...

— Да что вы, Филипп Антонович! Это просто так... И Симочке тоже вот...

— А что, если Зоя узнает?

— Не узнает. К тому же... К тому же она и так меня бросать собралась. К этому суслику белобрысому из ЧК переметнулась...

— К кому, к кому? — Кореластов наполнил опустевшие стаканчики.

— К Андрюшке Ромашову. Вы ж его знаете — он у вас тут был. Помните, я с приятелями приходил. Вы еще на пароходе с ним познакомились...

— На пароходе? Так он не Лосев?..

— Ромашов, Ромашов! Я его хорошо знаю. Чекист! Меня когда в комсомол принимали, ему такие дифирамбы пели.

— Чекист, говоришь? Точно?

— Еще как точно! В губчека работает. Когда он Зойку от бандитов спас, его мой будущий тесть пригласил к себе. А там

как увидел его доктор Суров, сразу признал: он у него в доме обыск делал. Убил бы его за Зойку! Видеть не могу. И зачем он сюда приходил? Я бы дернул еще стаканчик.— Вадим совсем захмелел, язык его заплетался.

— На, пей. И забудь об этом. А то ты все на баб сводишь. Кто о чем, а шелудивый всегда о бане твердит. Пора бы тебе за дело настоящее браться. Одними женитьбами жизнь свою не устроишь. Думаешь, комсомольцем стал — так все образуется. Шиш!.. Они вон еще раскопают, кто твой отец, узнают, как ни ловчи. С ними знаешь как надо? — Коренастов поднял глаза на собеседника и, увидев, что тот уже спит, положив голову на руки, с досадой сильно толкнул его. Мертвецки пьяный парень кулем свалился под стол.

Чекист! Как же теперь быть? Филипп Антонович поднялся, прошелся по комнате. А может, за его домом уже наблюдают? Да нет, глупости! Если бы следили, он заметил бы, опыта достаточно. Однако предпринимать что-то надо... Его размышления прервал осторожный, но настойчивый стук. Что — обыск, уже?.. Нет, нет, без паники! Так с обыском не стучат... Он налил в стакан самогон, выпил одним глотком и пошел к двери.

— Кто?

— Скажите, Синегубов Сергей Сергеевич не здесь живет?

— А вы ему кем приходитесь?

— Двоюродным братом,— донеслось снаружи.

— Свой,— с облегчением вздохнул Коренастов и загремел засовами.

В свете керосиновой лампы перед ним возник высокий носатый мужчина в крестьянском чапане и широкополой шляпе.

— Привет, Антоныч! Не узнаешь? — Гнусавый голос незнакомца что-то напоминал хозяину, но он только молча пожал плечами.

— Сейчас узнаешь.— Пришелец сбросил прямо на пол чапан, снял шляпу и... сдернул нос.— Ф-фу, проклятый! И как только актеры эту муру на лицо цепляют! Я прямо измучился. Теперь признаешь? — На Коренастова уставилось уродливое безносое лицо бывшего начальника контрразведки каппелевцев Баньковского.

— О, господин полковник! Как это вы решились пожаловать сюда? Вас же в городе многие знают.

— Для этого нос проклятый и прикленл — чуть не задохнулся. Ну, здорово, давно не виделись.

— С прошлого года. Вы зачем к нам?

— Дела, дружище, дела. Личные и государственные. Как брат поживает?

— Убили его красные. Он у Ухначева начальником штаба был.

— Ай-яй-яй, не знал, не знал. Жаль, хороший офицер был. Сочувствую от души. Может, пригласишь, наконец, в комнату? Или у тебя там есть кто?

— Есть, парень один, спит пьяный. Проходите.

— О, да у вас тут выпивка! Это хорошо.— Баньковский быстро налил себе полный стакан.— Твое здоровье. Времени мало, давай о деле,— он покосился на спящего на полу Вадима.

— Ничего, его пушечным выстрелом не добудишься. Ладно, ладно, я его вытащу.— Кореиастов подхватил Вадима за ноги и поволок в спальню Симочки.— Теперь можете совсем не беспокоиться,— сказал он, плотно прикрывая дверь.

— Вам следует срочно получить большую партию боеприпасов и оружия. Там же...

— Трудно очень стало ездить по Волге — чекисты везде шныряют, выглядывают, выискивают.

— Ничего не поделаешь. Вывезти оттуда надо, не медля. Сами знаете, держать там долго невозможно.

— Придется не в город, а прямо в лес доставлять.

— А что, тут вам не надо?

— Здесь уже заполнено все. Хватить должно на всех, в случае если удастся подняться. А вы почему же сами приехали? По почте удобнее и безопаснее.

— Говорю же тебе, личные дела были. Вот заодно и зашел. Так надежнее, чем письмом. Сам знаешь, как они теперь идут.— Баньковский налил себе еще стакан и покосился на капусту.— Чего-нибудь посущественнее нет?

— Сейчас принесу...

— Ну, рассказывай, как в Симбирске жизнь,— благодушно сказал Баньковский, когда они уже вдвоем выпили и закусили,— как большевички тут орудуют. Был я сегодня у своего дома. Поглядел и ахнул: одни стены. Разграбили товарищи, все добро вывезли. А потом прошелся, посмотрел: у Кирпичникова, Заборина, Балакирщикова — везде то же самое. Прямо плакать хочется. Может, и в самом деле господь бог наказывает нас, православных, за грехи наши, а?

— Да какие там грехи! Добренькие слишком с ними были — вот и расплачиваемся. Крепче зажимать надо было. И казней, казней побольше! А то, видите ли, ссылки им...

— Может, ты и прав. Вон твой друг Никита Ухначев как с мужиками расправляется — почище, чем я в контрразведке. Его и боятся, по всей губернии страх нагнал, второй год изничтожить не могут. Так-то... Ты ему оружие-то побыстрее подкинь, понял? А то вы тут в городе все медлите.

— В такой обстановке хочешь не хочешь приходится в союзнички всякую шваль брать — анархистов, эсеров... Вот и либеральничаем.

— Да-да... Ну, ничего, большевиков задавим, с этими быстро расправимся. Давай-ка выпьем.— Баньковский снова поднял полный стакан и взглянул на Коренастова. Тот спал, положив свою большую лохматую голову на руки.

— Ого, хозяин-то, кажется, уже бай-бай,— негромко сказал сам себе полковник.— Что ж, и без него не заскучаем.

Он допил свой стакан. Затем открыл грязный брезентовый портфель, с которым пришел, и стал вытаскивать из него какие-то бумаги. Наконец с самого дна достал объемистый узелок, положил на стол и развязал. Тускло заблестели золотые браслетки, ожерелья, кольца, сверкнули яркими лучиками бриллианты.

Баньковский несколько мгновений молча любовался своим богатством. Да, черт возьми, он все же сумел раздобыть себе кое-что на черный денек! А ведь два состояния когда-то прожил! Ну что ж, господа хорошие, вы здесь себе воюйте с большевиками, а с него хватит. Все равно толку нет и не будет. Теперь бы только пробраться из России за границу. В Париж — вот куда надо ехать...

Углубленный в свои мысли, полковник не слышал, как скрипнула дверь и в столовую вошла молодая женщина в халате, с распущенными волосами. Симочка недавно вернулась — прошла в дом через половину религиозной общины. В спальне увидела на полу спящего пьяного Вадима и поняла, что Коренастов с кем-то еще пьет. Раздевшись и улегшись в огромную двухспальную кровать, она прислушалась к тихой беседе в соседней комнате, однако ничего не могла разобрать. Но вот разговор стих. Ушли?..

Она встала и тихо отворила дверь. Увидев страшного безносого человека, уставившегося в драгоценности на столе, Симочка остолбенела. Первым движением Баньковского было прикрыть свои сокровища, но он тут же понял: поздно, эта женщина все равно их уже увидела.

— Вы кто?

— А вы? Я хозяйка здесь, Серафима Ивановна.

— Ха, а я ведь вас знаю...

— Откуда?

— Да, да! Вы вот такой девочкой были — дочка Анны Федоровны. Где она теперь? А ну-ка давайте выпейте со мной за компанию. Да не бойтесь, не кусаюсь...

Симочка нерешительно подошла к столу и села напротив. Крепко захмелевший полковник не сводил с нее глаз.

— Какая же вы красавица! — вдруг прохрипел он и протянул к ней руки. Испуганная женщина вскочила со стула, подбежала к двери.

— Захотите — все это будет вашим,— Баньковский широ-

ким жестом обвел драгоценности.— Все! Поедем с вами в Париж...

Он направился к ней. Симочка побежала в спальню и попыталась запереть дверь, но Баньковский успел подставить в щель ногу. Она вскочила на кровать, забилась в угол, прикрылась одеялом. Вот он уже приближается к ней — страшный, пьяный, с уродливым лицом.

— Помогите!

Нет, никто в этом доме не придет к ней на помощь. Рука инстинктивно пошарила по тумбочке и сжала что-то холодное, тяжелое. Подсвечник! Она подняла его и с силой ударила полковника по виску. Баньковский даже не вскрикнул. Его цепкие длинные пальцы, уже схватившие женщину за руку, разжались, и он упал на крашеный пол.

Убила? Неужели она убила человека!.. Симочка не могла оторвать от него глаз. Дверь скрипнула, и в комнату вошел Коренастов. Он уже видел драгоценности, разбросанные по столу, и теперь сразу все понял.

— Собаке собачья смерть,— спокойно сказал он.— Так ему и надо. Да не бойся ты! Ну что такого? Пристукнула, и все, ерунда! Зато вон сколько добра нам досталось.— Он быстро вышел и тут же вернулся, неся в тряпочке золото полковника.— Давай-ка спрячь пока в комод и иди спать к девушкам. Я сам тут управлюсь...

Когда Симочка ушла, Коренастов с трудом растолкал Вадима.

— Да просыпайся ты, чурбан осиновый! Вон что наделал, а спишь.

Парень долго не мог понять, чего от него хотят.

— Человека ты спьяну убил. Не помнишь, что ли? Поссорились вы, ты его и пристукнул подсвечником, вот этим.

— Не может быть! — Вадим поднялся, увидел лежащего полковника и присел, весь дрожа, на кровать.

— Ничего, ничего страшного. Я никому не скажу... Потом, как говорится, посчитаемся. Вот только мертвяка отсюда тебе надо утащить подальше — на свалку. Понял?

Вадим кивнул...

* * *

6 января 1920 года. Не брался за свой дневник уже месяца полтора. В городе на фронт ушли почти все коммунисты и много комсомольцев. Каждое воскресенье ходим на субботники — пилим дрова, грузим в вагоны...

В последнее время вечерами ходим с Зоей на Стрелецкую, в Дом свободы, и еще на Новый Венец, в Дом рабочей куль-

туры. Три раза был на занятиях в ТРАМе. Интересный человек этот Старцев. Вот закончим мировую революцию, пойду учиться на актера! И Зоя пойдет — мы решили. Она сказала, что разочаровалась в Вадиме: серая личность! А вот я, по ее мнению, герой, романтический человек. Что-то тут у нее не так получается. Но Зойка врать не может. Только нет у нее настоящего пролетарского понимания революции. То ей вдруг танцы нравятся, то музыка — какие-то там Моцарт, Бетховен, одни буржуи. А комсомольские песни она не признает. Ее перевоспитывать надо. Человек ведь хочет честно все понять, но еще не может подняться до нашего уровня. Воспитание, что ли? Какое уж там понимание жизни дали ей в гимназии или мамаша ее — типичная барынька! А Зоя все же в ТРАМ пошла — служить пролетарскому искусству.

Третьего дня был у меня разговор со Старцевым. Он спросил: «Вы уже два раза к нам на занятия приходите, а о том, что современную пьесу собираетесь писать, молчите». Мне прямо неловко стало — я ведь и сам еще толком не знаю, получится ли что-нибудь. Олька Смышляева разболтала всем, а пьесы-то нет. Я Старцеву все это и объяснил. А он мне в ответ: «Главное — хотеть и иметь способности для такого шага. Пьеса такая ТРАМу очень нужна». Тут я ему показал, что написал.

«Вроде получается,— говорит.— Только вам над речью героев нужно побольше поработать. У каждого из них должен быть свой характер, образование, воспитание. Значит, и говорить они должны по-разному, а у вас все одинаковыми словами...»

И еще он объяснил мне, что пьеса должна быть короткой, с напряженной интригой и иметь не очень много действующих лиц...

* * *

— Хорошо вам успокаивать меня, Филипп Антонович,— говорила, плача, Симочка.— Вы вон ни черта ни ангела не боитесь. А меня, женщину, молодую еще, одну в таком доме оставляете. Да тут меня в первую же ночь зарежут.

— Нечего реветь! Никто и пальцем не посмеет тронуть. Я ручаюсь. Поняла?

— Неужели нельзя кого другого?..

— Хватит! Сказал — и баста! — Коренастов встал и в раздражении зашагал по комнате.— Думаешь, удовольствие большое отправляться в путь в такие-то времена? Да вот видишь: сам же чекиста сюда на свою голову и привел.

— Куда?..

— Ну, это тебе знать незачем. Ты тут себе живи знай: гостей

принимай, гадай им. И жди, когда придут и спросят Сергея Сергеевича Синегубова... Запомнила? В ответ скажешь: «А вы кем ему приходитесь?» Если услышишь: «Я его двоюродный брат», примешь, поселишь и мне передашь.

Как же сообщать, когда я не знаю, куда вы уезжаете?

Бестолковая ты, я же сказал: Лариса Шурыгина приходить к тебе будет.

— Лариса? А остальные девушки?

— Все со мной уедут... И вот еще: когда в доме посторонний кто — клиент твой или чекист, уж не знаю там,— ты эту лампу днем на тот вон подоконник ставь, а вечером зажги ее. Поняла? Чтобы мы знали, значит...

— Ой, страшно как!.. И девушки уедут. Нет, я не согласна! А потом чекисты... Вы меня в какие-то темные дела тянете, Филипп Антонович. Боюсь, не согласна...

Коренастов рассвирепел не на шутку:

— Ты что, забыла, как человека недавно пришибла? А если я сообщу куда следует? Будешь делать, как я сказал! Прекрати реветь! И достань-ка из комода то золотишко безносого.— Он взвесил на ладони узелок, который молча подала ему заплаканная Симочка.— Ничего не затаила? Смотри... Да, вот еще. Сюда придет Вадим Борчунов. Не маши рукой. Придет! Он около тебя увивается. Когда спросит, где я, скажешь, уехал срочно. Легонько так помяни, что за ним мокрое дело числится. Он думает — я ему сказал,— это он безносого по пьянке убил...

Симочка сидела на диване у стола, горестно подперев голову руками. Коренастов взглянул на нее, отодвинул стул и сел напротив.

— Ну ладно, ладно, не горюй. Все будет хорошо. Я ж твой лучший друг, Симка, благодетель. Помнишь, когда мамашу твою арестовывали, в каком ты аховом положении очутилась? Если бы не я тогда... И на будущее у нас с тобой кое-что припасено, не только это.— Он подвинул по скатерти звякнувший узелок.— Кончится заварушка — знаешь, как заживем!..— Коренастов замолк на мгновение.— Да, сюда может еще тот светлый парень наведаться. Ну, Андрей. Помни: он чекист и сюда, видно, не зря шляется. Ты ему ни слова про меня. Спросит скажешь: бросил, мол, и убежал куда-то. Поплачь даже для виду. А с ним полюбезничай, самогончиком его попои, может, и расскажет тебе что-либо. О, я до него еще доберусь!

* * *

5 марта 1920 года. Как только выпадет свободная минута — прямо тянет к этому дневнику. Привычка, что ли, появилась?

Очень много событий происходит в моей жизни в последнее

время. На днях по заданию Лесова уже третий раз был в доме Филиппа Антоновича Коренастова. Предварительно запасся двумя бутылками самогона. Мне долго не открывали. Потом к двери подошла Серафима Ивановна Ковригина. «Подождите минуточку,— сказала она,— я не одета». Но вместо одной минуты пришлось ждать целых десять. Я уже подумал, что здесь что-то неладно, как за дверью снова послышались шаги...

— У меня день рождения,— заявил я.— Девятнадцатый год пошел. Вот решил зайти к вам по такому случаю.— И вынул из кармана бутылки.

Серафима Ивановна тут же пригласила меня в комнату. Когда я вошел, на столе стояла пустая бутылка из-под самогона и закуски, но никого не было.

— Ого, у вас, оказывается, тоже праздник,— сказал я.— А где ваш брат?

— Уехал он, знаете. Так неожиданно...

— Кто же у вас был? Соседки из общины?

— Две подруги приходили. А община съехала от нас.

— Куда?

— Не знаю. Расплатились со мной, погрузили на подводы свои вещички — и все. Эти святоши, знаете, всегда о своих делах молчат,— ответила она.

Тут я заметил, что Серафима Ивановна довольно сильно пьяна.

— А что же мы стоим? — предложила она между тем.— Самогонки вы принесли, закуска есть. Давайте же отметим ваш день рождения.

— Да нет, как-то неудобно,— сказал я.— Брата вашего нет. Лучше пойду...

— Что, испугались? Боитесь остаться наедине с одинокой скучающей дамой? — Она как бы рассердилась.— Вам только Филипп, а я, что же, никому и не нужна?..

Мне надо было обязательно поговорить с ней, поэтому я ей возразил:

— Что вы, Серафима Ивановна! Вы сегодня необычайно красивы, вам очень подходит это платье. В нем вы даже и на свои двадцать лет не выглядите.

Она прямо расплылась вся от удовольствия. Усадила меня за стол, принесла жареную рыбу, налила мне и себе по полному стакану, подняла тост за меня и тут же выпила сразу. А я задержался — побоялся опьянеть от такой порции.

— Вы это почему так, ваш же праздник? — спросила она.

Пришлось и мне выпить. Она тут же налила еще и говорит:

— Вы вот сказали, мне двадцать, а ведь уже двадцать девятый. Вадим тоже говорит, что я еще совсем, совсем молодая.

Язык у нее уже сильно заплетался, и мне удалось незаметно

выплеснуть свой самогон под стол. Потом я сам налил в стаканы.

— Зовите меня Симочкой, так куда приятнее,— сказала она.

Я еще два раза выплескивал самогон. Она ничего как будто не замечала. Тогда я перевел разговор на Коренастова, чтобы выяснить, куда он уехал.

— Да никуда он не уезжал,— сказала она наконец,— где-то тут, в городе, только не показывается, паршивец, никому, даже мне: чекистов боится.— А потом вдруг посмотрела на меня так внимательно и говорит: — Постой, постой, да это же ты и есть чекист, Филя говорил. Правда чекист? Сажать меня будешь?

Тут я понял, что меня кто-то здесь выдал и Коренастов скрылся из-за этого. Но она уже забыла, про что спрашивала, и дальше стала жаловаться на свою несчастную жизнь. А мне никак нельзя было снова спрашивать о Коренастове. И я подумал: «Надо постараться осмотреть дом». Опять налил ей стакан.

— Мне вон Вадюша уж как в любви признавался,— продолжала она.

Я насторожился. Может, Вадим обо мне им и сообщил?

— Борчунов? — спросил я.

— Борчунов, Борчунов! А я — невеста с приданым. Тот, кто благоверным моим окажется, не пожалеет.— Тут она встала и чуть не упала.— Ужасно спать хочу,— говорит,— а сама не дойду... Я вам почему-то доверяю...

Я взял ее под руку, довел до спальни. Она как улеглась, сразу и уснула. Убедившись, что она крепко спит, я вышел из спальни, взял лампу и принялся за осмотр.

В маленькой полутемной комнате, где Симочка гадает клиентам, на столе лежала толстая книга. Я открыл ее, увидел какие-то выпуклые точки и сперва ничего не понял. Полистал книгу, поводил пальцами по точкам и вдруг сообразил: это ж слепецкая грамота — слепые на ощупь, пальцами, такие книги читают. А Ковригина по этой книге гадает, и доверчивые люди считают, что это «черная книга», называемая «хиромантией». Так ее представляет гадалка.

Рядом стояла тарелка, посреди нее — обыкновенный волчок. А под столом я обнаружил небольшой деревянный сундучок. С трудом открыл его. Он оказался наполненным книгами: романы «Желтый билет», «Вавилон наших дней», «Рокамболь»... В одной из книг лежала маленькая записка на желтоватой бумаге:

«Дорогой братец! Береги себя. Я слышала, у Вас сильная эпидемия сыпняка и других смертельно опасных болезней. У нас — то же самое. Ты просил прислать тебе роман Виктора

Гюго «Отверженные». Выполняю твою просьбу — высылаю все пять книг с твоим другом. Как прочтешь, верни обратно».

Подписи не было. Не было и самого романа, хотя я перерыл весь сундучок. Я подумал, что записка — шифровка. Еще раз прошелся по комнатам, ощупывал полы, стены, даже запустил руку в печную топку. Потом вышел на кухню. И споткнулся о тело человека, лежавшего почти у самого порога. Я тут же подумал — мертвец. Но когда осветил его лампой, то узнал Вадима Борчунова. От него шел самогонный дух. Пьяный, он спал на полу. Очевидно, это с ним сидела Ковригина и, когда я позвонил, спрятала его на кухне.

Я осмотрел шкафчик, заглянул в русскую печь. В полу был люк. Я открыл его и спустился в подвал. Сначала ничего такого там не нашел — картошка, капуста, кувшины и горшки с едой. Потом на глаза мне попался чугунный котел, стоявший в дальнем углу. В нем лежали пять книг «Отверженных», перевязанные бечевкой...

Поднявшись наверх, я перелистал книги, но ничего особенного не заметил, поэтому решил захватить их с собой.

Книги эти мы еще раз просмотрели в ЧК, но снова ничего не обнаружили. И все же думаю, что в них какой-то шифр...

* * *

Часов в девять утра Симочку с трудом растолкал Вадим, опухший от пьянства, заспанный. Поднявшись и увидев, что спала одетой, она с трудом начала вспоминать, что произошло. Голова трещала, и она так и не смогла сообразить ничего путного. Умывшись, вышла в столовую. Вадим сидел у стола с пустым стаканчиком в руке и закусывал жареной рыбой. Лицо его раскраснелось, глаза блестели.

Симочка почти с ненавистью взглянула в розовое бездумное лицо красавца. Неужели он вчера ее так напоил? Глаза б на него не смотрели! И тут перед ней всплыло другое лицо... Да это же Андрей вчера приходил! Что она ему говорила? Вдруг что-то не так сказала? Убьет ее Коренастов, убьет — и все... Озноб пробежал по коже, она зябко повела плечами.

— Ужасно как все,— сказала она,— ты бы кончал пить и шел домой. Сколько эту гадость хлестать можно.

— А что, прекрасно.— Вадим пьянел снова.— Садись-ка лучше, выпей!

Присев на стул, она вдруг заметила под столом аккуратно сложенную плотную бумажку. Наклонилась, подняла ее.

— Что это? — спросил Вадим, наливая ей стакан.

Молча, не отвечая, развернула: «Дорогой и любимый мой, Андрейка!» Гм, Андрейка! Кому записка, откуда она здесь?

И вдруг отчетливо вспомнила! «Ты чекист»,— говорит она Ромашову, а он отрицательно мотает головой... Значит, это он потерял писульку от девушки. Интересно! «...Я люблю только тебя. Вчера окончательно поняла: Вадим для меня ничего не значит — пустое место. Когда мы увидимся? Хочу тебя видеть сегодня же. Целую крепко, твоя Зоя».

Ах, вот как! Зоя, та самая! Ну погоди же, порядочная невеста! Сейчас она покажет записку ее жениху. Да, но зачем? Нет, не стоит... Вот как! У других невесты, женихи, а у нее? У нее что? Старый убийца... Как она ненавидит их всех, не-нави-дит! И этого красавчика, и того, что вчера приходил и напоил ее. Зачем он это сделал — шпионил? Правду, значит, Филипп говорил: большевистский шпион. Ну, погоди! И этот? Зачем он здесь?

— А ну-ка давай, чинарь, катись отсюда! — набросилась она вдруг на ошеломленного ее неожиданным натиском Вадима.— Выметайся, а то, не ровен час, братец заявится. Да поворачивайся ты!..

— Очумела? Что это вдруг на тебя нашло? На, выпей-ка лучше.— Он протянул ей стакан.

Симочка глотнула залпом, не закусывая, встала, прошлась по комнате. А, все равно, пусть сидит... Жизнь — копейка, судьба — индейка! Подошла к буфету, вытащила полную бутылку.

— Давай еще по одной, Вадюша.

Ладно, потом, позже, покажет Вадиму эту записку. Пусть как следует рассчитается с тем типом, шкуру с него спустит. Да нет, он слабый... А может, Филиппу отдать? Нет, нет, он хитрая бестия и ревнивый. Ладно, сама справится. У нее найдется свой способ для этого. И уж будьте уверены, господа хорошие, такой, что этому Андрею не поздоровится...

Глава 7

ПУТЬ ПРЕДСТОИТ ДОЛГИЙ

6 апреля 1920 года. Весна наконец пришла, а то мне уж казалось, что холода никогда не кончатся. Нелегкие были у нас дела. Мы с Золотухиным даже получили благодарности от коллегии губчека. Сейчас светит солнце, снег сошел, и на душе легче стало. Мы с Зойкой теперь почти каждый день встречаемся. Хорошая она... Прочитал ей пьесу. Зоя говорит, настоящая драма получилась.

Я описал жизнь нашей семьи — отца, матери — и еще вставил по совету Евгения Александровича кое-какие эпизоды из жизни наших чекистов. По-моему, вышло неплохо и не так уж

длинно — всего три акта, девять картин. Рассказал сначала, как бедствовали мы в войну, когда отца взяли на фронт, как мать по двадцать часов шила солдатское белье, а я носил по городу листовки. Потом показал революцию и как пришли каппелевцы. А в третьем акте, где борьба с чапанниками, я уж кое-что сам придумал, хотя и здесь взял из жизни. Так уж я устроен: мне обязательно надо, чтобы происходило в действительности,— только тогда смогу описать.

У нас в ЧК недавно произошло большое несчастье — погибла Таня. Замечательная была девушка! Восемнадцать лет, худенькая, кажись, в чем только душа держится, а ходила на самые опасные задания. Где только не побывала! Даже в штабе кулацкого восстания в Сенгилее, с графом Орловым-Давыдовым и другими офицерами, переодетыми в крестьянские чапаны, виделась. И вот погибла, причем не на задании. К опасности я, например, теперь всегда готов; когда идешь чуть не каждый день на облаву или в разведку, понимаешь: могут и убить, даже как-то привыкаешь к такой мысли. Правда, должен честно признаться: вначале каждый раз у меня сосет под ложечкой — страшновато как-то, но потом перестаешь думать об этом...

Бедная Таня... Погибла не в опасном деле, а когда шла одна вечером домой, на Бутырки. Прихватили ее гады бандиты в темном месте. Отбивалась она, видно, отчаянно: гильзы от браунинга рядом валялись...

Я хочу «оживить» Таню в своей пьесе. Она у меня там выступает на крестьянском митинге, когда кулачье старается спровоцировать восстание против Советов. А один из переодетых офицеров узнает красную разведчицу и из толпы стреляет в нее. Стоящий рядом чекист Василий Цветков замечает это, успевает броситься под пулю и падает, раненый. А крестьяне, возмущенные кулацкой провокацией, во главе с Таней разгоняют бандитов. Старцев говорит: концовка эффектная, неплохо придумана. А я и не придумал вовсе: похожий случай был у нас. Только там мужчина выступал, а я девушку поставил.

В общем, с пьесой как будто налаживается. Правда, Евгений Александрович наставил мне «птичек» на всех страницах — не перечесть. Говорит, надо еще раз подправить и переписать...

Он уже пьесу читал в ТРАМе, даже роли хотел раздать. Что тут поднялось — ужас! Один говорит: «Не хочу играть убийцу, дайте мне роль Василия Цветкова», вторая прямо в слезы: «Не буду играть гулящую. А если на спектакль мой кавалер придет, что скажет?»

Евгений Александрович как прикрикнет — все умолкли. «Вы что, говорит, искусству служить или просто развлекаться сюда пришли? Сколько раз я вам твердил: театр требует жертв, безоговорочной любви. Кто-то же должен играть и отрицатель-

ных персонажей». Потом сказал: «Я считаю, будет самым справедливым, если мы главную роль поручим сыграть Андрею. Он это заслужил». Тут все зашумели, закричали. Так я стал Василием Цветковым...

* * *

— Заседаете? — спросил Золотухин, стремительно зайдя в комнату, где собралась комсомольская ячейка губчека.— Придется прервать прения — отправляемся на срочную операцию. Андрюха, поди-ка сюда на минутку. Ну, братишка, дела! Помогли, оказывается, те книги,— возбужденно говорил он, отведя Андрея в тупик коридора.— Я уж, грешным делом, думал: мура все это. Сколько времени прошло, как нам из Казани расшифровку прислали — и ничего. А сегодня пришла-таки писулька: мол, оружие со склада надо срочно вывезти. И знаешь кому?..

— Кому?

— Поедем — увидишь...

— Вот что,— сказал Золотухин Андрею, когда они вылезли из тряского крытого грузовика,— вы с Колей Рубцовым пригласите туда человек пять понятых. Ты на этой улице живешь, всех знаешь. Постарайся пригласить людей религиозных.

...Отец Константин и попадья сидели у большого стола под яркой подвесной семилинейной лампой. Напротив их — Никита и Крайнов. Понятые — степенные, седобородые — столпились у дверей, торопливо крестясь на иконы в углу.

— Проходите, проходите, товарищи,— пригласил их Золотухин,— рассаживайтесь. Хочу вам доложить, как представителям народа: есть у нас сведения, что хранится здесь оружие для кулацких банд. Вот вы и должны быть свидетелями обыска.

...Небо на востоке уже засеребрилось полоской приближающегося рассвета, когда усталые чекисты вновь собрались в просторной столовой. Дом был тщательно осмотрен снизу доверху, стены и половицы выстуканы — ничего! Отец Константин все так же безучастно сидел на стуле, уставившись на скатерть. И только попадья время от времени охала и мелко крестилась, видя, как вываливают из шкафов и сундуков добро — шубы, меха, куски материи...

— Значит, по-прежнему от всего отпираетесь, гражданин священник? — спросил Крайнов.

— Не от чего и отпираться-то. Ни в чем перед властями предержащими не повинен.

— Хватит, отпустите его. Святой человек.— Невысокий плотный понятой с черной бородой лопаткой поднялся со сту-

ла.— Нет же никакого оружия — сами видите. Поклеп на батюшку кто-то возвел.

— А почему мы в доме ищем? — шепотом спросил Андрей у Золотухина.— В церкви надо...

— В письме говорится про домовину какую-то. Вот я и решил, что надо искать в доме.

— Слушай, это же неправильно! Домовина — могила. Под церковью склепы есть.

Никита быстро подошел к Крайнову, что-то зашептал ему на ухо.

...Подвалы церкви пахли затхлой сыростью. Неверный свет от свечей и фонарей оставлял на стенах и потолке огромные колеблющиеся тени, а в углах затаилась густая пугающая тьма.

— Тише, братцы, не все разом.— Идущий впереди Золотухин поднял руку, остановился, поднес фонарь к полу и стал тщательно осматривать его, потом стены.— Гм, вот сюда нужны два человека с лопатами, а сюда — один с ломом. Давайте только осторожно, не ломайте все. Вот, видите щели? По ним н вскрывайте.

Когда сделали пролом в стене замурованного наглухо большого склепа, Никита так же уверенно, лишь временами освещая пол, подошел к возвышению, на котором стоял закрытый гроб.

— Его откроем для начала.

— О, господи! — громко вздохнул какой-то понятой.— Прости прегрешения наши. Гроб-то зачем? Покойничка беспокоить.

— Он нас простит за беспокойство,— ответил Никита.

Затрещали проржавевшие гвозди, крышка отвалилась, и глазам присутствующих вместо истлевших костей предстали плотные серые рулоны.

— Сукно шинельное! — первым нарушил молчание Андрей.— То самое, с материнской фабрики...

— Откуда, батюшка, такой покойничек? — спросил Золотухин.

— Не знаю. Хоронили в прошлом году в закрытом гробу — воля покойного...

— Ну-ну, посмотрим еще,— сказал Крайнов.— Давайте продолжим, товарищи!

Не прошло н часа, как площадка перед алтарем была завалена штуками сукна, банками консервов, ящиками патронов и гранат, густо смазанными винтовками. Сбоку, слепо уставившись на иконы тупыми рылами, стоялн на колесиках два пулемета.

— Что теперь скажете, отец Константин? — Крайнов смотрел на попа.

— А что ему говорить-то? — отозвался плотный понятой.— Прогневил господа, батюшка, и отвечай за это. Сукна-то будто

и без твоего ведома захоронили. А что же в алтаре вон твоем еще три рулона нашли — тоже не знал? Вре-ешь. Вор ты и есть!..

— А оружие как упрятал! — вставил другой.— Нас к милосердию христианскому призывал. Да с этими ружьями бандиты реки крови проливают православной, а ты им помогаешь. Убивец!..

— Никита! — обратился Андрей к другу, когда они уже ехали обратно.— Как это ты сразу так уверенно к тому склепу нас повел?

— Я как спустился — глянул на пол. На нем песочек чистенький веничком разглажен. Понимаешь — не подметали просто, а аккуратно так водили. Ну, вроде как в сказках лисичка хвостом след свой заметает. До самой стенки склепа этот замет и виднелся. А в стене той — две щели едва заметные. Потом в склепе тот же веничек к гробу дорожку проложил. В общем, заметать-то заметал хвостом этот лис,— он кивнул на сидевшего в глубине грузовика отца Константина,— да куда ему против наших охотников...

* * *

Где-то вдалеке желтый свет, а от него вокруг — бегающие тени. Это бандиты, он точно знает, охотятся за ним, хотят убить, убить, как Таню. Нет, он им не дастся, будет стрелять!.. Как тяжело!.. Почему нет выстрела? Его уже схватили... Конец, пропал!.. Кто-то сильно сжал его голову — хочет оторвать, другой колотит в грудь...

— Проснешься ты или водой тебя облить?

Он открыл глаза. Младший брат Лешка изо всех сил трясет его, силясь разбудить.

— Ф-фу, наконец-то! Ну и спать здоров! Уже девять, самовар стынет, и тебе бумажку какую-то срочно принесли.

— Дай-ка сюда...

«Товарищ Ромашов, просим сегодня срочно явиться к 10 утра в губкомол, к заведующему агитпропом. Ваша явка обязательна». Прочел еще раз. Что случилось?..

Не прошло и получаса, как Андрей уже поспешно шагал по улицам. Интересно, почему такой срочный вызов? Раньше никогда не бывало. А тут еще проспал — пришел домой в шесть утра. Пришлось им с Золотухиным еще раз пересмотреть вещи и оружие, изъятые у попа, составлять подробное их описание. Никита до того дотошный, прямо невозможно. Каждую детальку записывает, описывает, чуть ли не рисует. Был бы аппарат — фотографировал бы, наверное. И его заставляет, говорит: строгий учет в пролетарском государстве — главное. А в чекистском деле, мол, без этого и жить как будто даже нельзя.

А потом допрашивали батюшку. Он уже не запирался — рассказывал, добавлял всякие подробиости, называл имена. И при этом все допытывался: «А что мне будет? Не расстреляют, учтут мое чистосердечное признание?» Никита неизменно сурово отвечал: «Трибунал решает, не мы».

«Как ловко этот поп-контра устроился,— думал Андрей.— Мало того, что при всяком удобном случае хаял Советскую власть, распускал через прихожан злостные слухи, он еще выпытывал у своих старушек всякие сведения». Больше всего из-за него-то их семья и пострадала. Главное, из-за набожности бабки. Уж как только можно будет, Андрей ей все выскажет — н про попа, и про религию. Опиум для народа!

Про то, где сукна спрятаны, батюшка у бабки на исповеди вызнал, когда старушка грехи дочкины пришла замаливать. Она случайно услышала, как Евдокия Борисовна рассказала мужу. Ну, поп тут же и побежал к своему племяннику Логачеву в контрразведку. Вот как бывает: рыжий-то оказался близким родственником отца Константина!

И когда Евдокия Борисовна домой при беляках заявилась, поп тоже постарался. Бабка тогда на радостях побежала молебен заказывать. Батюшка помолился господу богу во здравие Евдокии и сразу же отправился в контрразведку: ему племянничек обещал, если поможет, дать сукно. В алтаре его доля была. А оружие он стал прятать уже позже, когда наши пришли. Опять же, по утверждению отца Констаитина, тут сукно сыграло свою роль. Как-то к иему пришел «крючник». (Ои, как поп объяснил, гвардии подполковник царский, чуть ли не главный среди всех офицеров подпольных в Симбирске.) Явился с письмом от племянника и потребовал предоставить подвалы под склад оружия.

В доме поповском явка была. Оружие доставляли по Волге из Казани, потом переправляли в уезды, в первую очередь в банду Никиты Ухначева.

Но в последнее время транспортировка оружия почти прекратилась. Попу сказали, чтобы он затих и берег склад. Как видно, готовилось вооруженное восстание в самом городе. Батюшка сообщил несколько адресов, и вчера чекисты почти всю ночь провели в облавах, выловили иемало офицерни.

На вопрос, знает ли он Коренастова, отец Константин категорически ответил: «Нет!» Видно, Филипп Антонович не имел с ним прямого контакта. А ведь попа раскрыли по шифру, найденному в доме гадалки. Интересно, как же это все связано? Золотухин и теперь решил Симочку пока не трогать — посмотреть, что из этого выйдет...

Занятый своими мыслями, Андрей незаметно дошел до губкомола.

— Заходи, заходи,— сказал высокий паренек в военном,— садись.

Андрей увидел в комнате Олю Смышляеву и Старцева. Значит, насчет театра... Что-то с пьесой, наверное?

— Сперва почитай вот это,— завагитпропом протянул ему листок, написанный неровным корявым почерком.

«В губком РКСМ от беспартийной гражданки Ларисы Шурыгиной, проживающей: ст. Бутырки, дом 19. Прошение. В восемнадцатом году страшная эпидемия сыпняка отняла у меня родителей. Мне всего девятнадцать лет, а я уже узнала все превратности жизни. В прошлом году со мной познакомился молодой человек — Андрей Ромашов. Он мне очень понравился, и мы стали с ним жить как муж и жена, хоть и не венчаны. А через год у меня родился сын. А недавно Андрей потерял у меня записку от женщины Зои. Когда я прочла эту бумажку, то поняла, что он подлый обманщик и хочет бросить меня. И таких людей вы допускаете в комсомол. Судите его сами. К сему — Л. Шурыгина».

— Вот, Ромашов, и та записка, ее приложили к письму,— добавил завагитпропом.— Что скажешь?

Андрей, ошарашенный, молчал.

— Значит, говорить нечего? Мы товарищей из ТРАМа пригласили, чтобы помогли нам разобраться. Они тут тебя защищали, а это, оказывается, правда...

— Брось демагогию разводить! — вдруг крикнул Андрей.— Кто тебе дал право на такие скороспелые выводы? Это же клевета чистейшей воды!

— Ларису Шурыгину знаешь?

— Первый раз слышу...

— И на Бутырках не был у нее?

— Что за вопрос. Раз не знаю, как же мог быть?

— Гм, странно... А мы уже решили: тебя исключать надо.

— Быстро слишком решили. Можно мне письмо это взять?

— Нет, нет, оно в деле останется. А вы что скажете, товарищ? — обратился завагитпропом к Старцеву и Смышляевой.

— Я же говорила — недоразумение,— вскочила со стула Оля.— Вечно ты со своими бюрократическими замашками: раз есть бумажка, хоть какая,— значит, все!

— Бумажка? А эта записка от какой-то Зои? Как она попала к Шурыгиной? Записка настоящая?

— Настоящая! — подтвердил Андрей.— Зоя Сазонова мне писала. Ну и что? Я не маленький, чай...

— Какая такая Сазонова?

— У нас в ТРАМе занимается,— вмешался Старцев.— Способная девочка. Но ведь она, кажется, невеста, гм, этого — Вадима Борчуинова? Как же вы так, Андрюша?

— Вот видишь,— даже подпрыгнул на стуле завагитпропом,— значит, правду пишет эта, как ее, Лариса: отбиваешь у парня девушку, бабничаешь!..

— Опять ты скороспелые выводы делаешь! — накинулась на него Оля.— Разберись сначала. Мы — близкие друзья Ромашова, знаем его. Что же тут такого? Жених прежний. Ты тут старые времена не восстанавливай! Все это сейчас по доброй воле делается. Понял? Андрей вон Зою от бандитов спас...

— Спас? Каким образом?

— Таким самым — отбил! Он же чекист. Ты что, не знаешь?

— Нет,— ответил завагитпропом,— я ведь здесь недавно, после фронта, не познакомился еще...

— Вот что, ты мне письмо Шурыгиной отдай все же,— сказал Андрей уже спокойнее.— Я действительно ее не знаю. Очень странно, как к ней попала записка от Зои. Надо разобраться... И зачем ей понадобилось это писать?

— Не знаю.— Парень задумчиво вертел карандаш.— Может, мы сами проверим... Нельзя доверять проверку такого письма человеку, на которого пишут.

— Послушайте, вы неправы, людям надо доверять,— встал Старцев.— Андрея все хорошо знают, он человек очень порядочный. Через три дня у нас будет премьера пьесы, которую он написал, о революционных событиях в Симбирске. Он главную роль в ней играет, и, кстати, Зоя тоже. Я думаю, письмо ему нужно отдать. По-моему, чекисты его лучше проверят, чем вы.

— Что ж, давайте попробуем. На тебе, Ромашов, эти бумажки, разберись с ними, а нам сообщи. Постой, постой, я все же позвоню твоему начальству. На всякий случай...

— Ну и бюрократ же ты! — снова не выдержала Оля.

* * *

Андрей возвратился домой после репетиции усталый, но радостный. Завтра, меньше суток осталось, все увидят его пьесу! Его! Неужели он — автор, настоящий писатель? И еще — исполнитель главной роли. Сегодня Евгений Александрович последний лоск, как он выражается, наводил. Костюмы уже готовы, декорации тоже, пригласительные билеты разосланы. А художник Колька Свешников с утра большую афишу у входа повесит... А вдруг провал? Жаль, Золотухин где-то в уезде с Крайновым. Его тоже должны были послать на эту операцию, но Лесов освободил — из-за премьеры. Так и сказал: «Ромашова на два дня освободите, у него дело не менее важное — пролетарскую культуру утверждать».

Сон почему-то не приходил. В голове пролетали картины

сегодняшией репетиции, слова из роли... А потом вспомнилось нмя — Лариса, Лариса Шурыгиия...

Кто она? Зачем напнсала такое пнсьмо, откуда его зиает? Был бы здесь Ннкита, может, н помог бы. А Леснн, когда он ему доложнл об этом, только усмехнулся: «Разбнрайся сам, некогда с этой ерундой возиться». Где-то он все-таки слышал нмя этой девушкн. Где?.. Неожнданно перед глазами всплыла картина: большая комната с подвесной керосиновой лампой над столом, уставленным бутылками и закусками. Пьяный Коренастов, он сам с гнтарой, вокруг тесно столпилнсь девушкн...

Он сел на кроватн. Вспоминл, наконец-то вспоминл! Девица-то нз общины, что у Кореиастова иа другой половнне жнла. Зачем же она пишет такое? Погодн, погодн, Андрей Васнльевнч, ты же чекнст... Какую цель преследовало письмо? Верно, подкузьмнть, подорвать к тебе доверне. Значит, кто-то в этом заннтересоваи. Почему? Ты в тот дом ходил — хозяин сбежал... Так, так... Надо бы провернть на месте. Где девица живет? В Бутырках, дом 19,— сама напнсала. Жаль, Никита в команднровке — действовать надо немедленно. Андрей тнхо встал, натянул брюки, рубаху, сапогн.

...Бесконечный кладбнщенскнй забор наконец-то окончился. Андрею почему-то стало не по себе, и он прибавил шаг. Вдруг впереди послышался лай и визг — бродячне собакн... Непрнятная встреча. И зачем было тащиться в эти Бутыркн немедленно? Утром, что лн, нельзя? Но что-то подсказывало: правильно. Вот н знакомая Бутырская гора. Покоснвшнеся ветхне лачугн. Домншки то ныряют в овраги, то взбегают вверх.

Наконец Андрей ступнл на мост через Свиягу. Он вспомннл, как мальчишкой летом вместе с куликовскими ребятами прнходнл сюда. Счастливая бездумиая пора, тогда самым главиым казалось удачно прыгнуть, сделать сальто. Как давно это было!.. Он осторожно закурнл, сел на пернла. Где нскать этот дом № 19? Осмотрелся: сереют в предрассветиом сумраке дома. Да, поспешнл... Где найдешь! Но что это? Вои справа на пригорке огонек. Пойтн спроснть? Старая покосившаяся пятнстеика, из окна слышатся обрывкн слов, смех, пьяное пение. Гуляют? Неудобио как-то врываться.

Обошел дом, заглянул в другое окно, темное, незавешеииое, н отпрянул. Через неосвещеиную комнату в светлом квадрате двери видиелся кусок стола, а за ним... беседующий с кем-то Коренастов. Сам, собственной персоиой. Вот чудеса-то! Андрей непроизвольно огляиулся. Никого не видио, не бережется, значнт, Фнлнпп Антоновнч не бонтся. Интересно... Подошел к наглухо закрытым воротам с калиткой н скамеечкой рядом. Не залаял бы пес во дворе. Осторожно посмотрел вверх — на жестяиый номер, прибнтый к воротиому столбу. Черт, не вндно ничего!

Погоди, погоди, ведь, кажется, девятнадцать и есть. Не может быть! Да нет — вон четко видна единица, а вторая — не то восьмерка, не то девятка. Девятка — точно!

Значит, отсюда пришло письмо. Видимо, Коренастов тех девушек сюда увез и сам тут обитает. Ну что ж, посмотрим. Он взобрался на забор, прислушался. Молчит собака, цепью даже не звякает. А может, и нет ее вовсе? Эх, рискнем! Легко спрыгнул в бурьян, постоял немного и зашагал к полосе света, выбивавшегося из-за наполовину задернутой занавески.

Ого, да тут настоящий сабантуй! Любит Филипп Антонович выпивки и компанию; видно, и здесь отказать себе в этом не хочет. На столе две четверти, плошки с какой-то едой. Вокруг — знакомые девушки из общины, накрашенные, с серьгами. А с ними человек пять мужчин, бравых, крепких. Что-то таких он на Северном Выгоне у Коренастова не встречал. Ага, вон и Лариса Шурыгина любезничает с каким-то кавалером и не думает даже, о чем писала.

Один из мужчин встал, поднял стакан и начал что-то говорить, остальные одобрительно кивали, изредка хлопали. Ничего не слышно... Коренастов, видно, совсем не слушает, уставился в стол, опустил голову. Что, невесело, голубчик? Но вот встал, кивнул соседу слева — кряжистому, усатому мужчине и направился к двери. Сюда идет... Андрей спрыгнул с завалинки. Под высоким крыльцом темнел лаз. А если там куры? Шуму будет... В сенях послышались шаги, и Андрей, не раздумывая больше, нырнул под крыльцо.

— Светать скоро начнет,— сказал Филипп Антонович, усаживаясь на верхнюю ступеньку.

— Да,— отозвался густым басом его спутник,— дни сейчас самые длинные пойдут. Хорошо...

— Чего же хорошего? — коротко хохотнул Коренастов («Видно, пьян»,— подумал Андрей).— Это когда большевиков не было бы, то хорошо. А сейчас нам ночки нужны подлинней и потемней.

— Для продскладов — конечно...

— Вот-вот. А ты, я вижу, Евстигней Архипыч, размяк совсем.

— Как тебе сказать, Филипп Антонович? Выпил крепко, и приятель ты старый. Вот поговорить-то по душам и охота. Я тебя с какого года знаю? Считай, с 1908-го. Помнишь, тогда тебя к нам в Самарское жандармское управление перевели. Молоденький был, петушок... Но ничего — действовал...

— Мало, мало мы тогда действовали. Вишь до чего докатились... Да если б я знал, что чем обернется, кровью бы все залил!

— Ладно, опять на любимого конька сел. Давай-ка лучше о деле. Значит, я сегодня в Ташкент. А вы тут не медлите — зай-

митесь подгорными складами. Знаешь, сколько там большевики хлеба скопили?

— Хорошо тебе: передал указания центра — и дальше... А мы тут сидеть должны и дрожать, как бы чекисты не прихлопнули. Главное, надежд у нас все меньше да меньше. Вишь, как дела на фронтах оборачиваются...— Кореиастов развел руками.

— Да, плоховато. Но сдаваться еще рано. Я же тебе говорил: союзнички новые займы обещают, оружие, войска. И наше с тобой дело здесь — жечь, взрывать, уничтожать. Вон как Ухначев действует — сколько коммунистов в расход списал!

— Списать-то списал, а его сейчас тоже поджали, и крепко. Давеча посыльный от него прибегал: просит срочно оружие и патроны. А откуда я возьму? Чекисты захватили наш склад в церкви. Сколько я туда транспортов из Казани перетаскал — все пропало. Главное, дядю моего, ты его знавал когда-то, отца Константина, посадили. Единственный близкий родственник все же оставался...

— Как единственный, а братец твой? Он же тут где-то орудовал? — Евстигней Архипыч поднялся со ступеньки, прошелся по жалобно скрипнувшему крыльцу.

— Убили брата, кокнули. Но ничего, кое-кто заплатит за смерть Николая...

— Да-а, льется наша кровушка. Сто очей их за одно наше око, за смерть — тысячу смертей! Знаешь нашу клятву?

— Все у вас игрушки: клятвы там, подпольные переговоры, субординация, дислокация... Во что же вы играете, господа? Кончать с этим надо! И резать, резать всех — красных и розовых, убивать, вешать, топить, не оглядываться на наших интеллигентских хлюпиков!

— Подполковник жандармерии Филипп Антонович Логачев, прекратить истерику! Ты что — теряешь голову? Так мы ее быстро поможем снять совсем, понял? Нам слишком нервные не нужны. Докладывайте, как готовы к операции!

— После ареста отца Константина,— начал хмуро Кореиастов,— прихватили и нескольких наших. Очевидно, батя раскололся на допросах. Остальных я собрал сюда — дядя не знал, где я обитаю.

— Сколько их?

— Со мною шесть осталось...

— Маловато. На складах охрана солидная.

— Что поделаешь, постараемся справиться, что-нибудь придумаем... Вон уланский манеж с автомобилями. Мы сначала вообще его трогать не думали. А потом дядя сообщил, что сторож оттуда к нему захаживает, богобоязненный такой старикан. Ну, мы его с батюшкой и напоили как следует, а потом уговорили: мол, срочно нужна банка бензину. Пока он выпивал,

я ключи у него вытащил и сбегал в манеж — все затычки от бочек и пробки от бензобаков в машинах пооткрывал. Старик туда пьяный с цигаркой и попер. Такой фейерверк получился, прелесть...

— В подгорных складах бензина нет, а охрана военизированная.

— В том-то и дело, что «военизированная»,— всяких туда понабрали. Есть там разводящий один — за четверть самогону мать родную продаст.

— На какое время наметили?

— Завтра часов в десять вечера. Самая удобная пора — воскресенье, товарищи гулянье какое-то затеяли на Венце с музыкой, потом пьесу у них там ставят...

— Слушай, я давно хотел тебя спросить: зачем ты девок этих с собой таскаешь? Один шум от них, внимание привлекают.

— Опытный ты человек, Евстигней Архипыч, а тут не понимаешь. Шум внимания не привлекает, а, наоборот, отвлекает. Для постороннего глаза — община религиозная. Знаешь, сколько их в городе таких развелось? А девки-то у меня вот так в кулаке сидят, все, что скажу, делают. И слушок нужный пустят, и человека завербуют, и связными работают. А потом еще на жизнь и мне и себе зарабатывают. Вот ты бы меня ввек не нашел, если б не Лариска Шурыгина. Я, знаешь, сплоховал: привел сам, какое-то затмение на меня нашло, чекиста в тот дом. Ну, когда узнал —смылся, а Симку оставил — на случай, если кто придет. Лариса у меня с ней связь и держит, тебя вот привела. А ты говоришь — зачем?

— Но ведь опасно сейчас, накануне такой операции, выдать могут...

— Это я и сам понимаю. Сегодня погуляют еще, а завтра вечером всех их спокойненько так, без шума, в штаб к генералу Духонину, как говорят товарищи, и отправим. Сами после складов уйдем, как договорились...

— Здесь-то никого для связи не оставляешь?

— Есть на примете один человек, только колеблется еще. Вот я его заставлю одно дельце провернуть, тогда ему деваться некуда будет. А вообще парень подходящий — комсомолец и в коммунисты пролезть сможет...

— Не продаст?

— Не думаю. Но я Симку на всякий случай за ним приставлю наблюдать, тем более он к ней неравнодушен и часто захаживает. А его — за ней. Пусть следят друг за другом.

— Добро. Давай прощаться, Филипп Антонович, пора мне. Кажется, обо всем переговорили.

— Наверное. Пойдем, мешок свой возьмешь...

Когда тяжелые шаги наверху затихли и скрипнула притво-

ренная дверь, Андрей выскочнл нз-под крыльца. Скорее! Срочно в ЧК за помощью.

Так вот кто такой, оказывается, Коренастов... Взбудораженные мыслн вихрем металнсь в голове Андрея, когда он, не разбирая дороги, мчался в губчека.

* * *

Проводив связного нз центра, Коренастов постоял немного на крыльце, с наслаждением снльно затягнваясь папиросой. Задумчнво глядя на все еще светлеющую полоску неба, Фнлнпп Аитоновнч открыл дверь в дом:

— Ларнса, подн-ка сюда!

— Чего вам? — быстро появнлась девушка.

— Будн своего кавалера н тащн сюда.

Через иесколько мннут Лариса вытолкнула на крыльцо бледного, помятого Вадима Борчунова.

— Миоговато самогоики сразу хватаешь,— наставительно сказал Кореиастов,— вот н развезло тебя. Ты идн, Лариса, мы немного пройдемся с ннм по свежему воздуху... У меия к тебе серьезный разговор,— тнхо сказал Фнлнпп Антонович, когда онн вышли за ворота на серую безлюдную дорогу.— Слушай н на ус мотай. Зойка-то твоя тю-тю...

— Как это?

— Да так, с Андрюшкой Ромашовым хороводится, замуж, говорят, за него собирается.

— Не может этого быть. Я ж ее жеинх, мы помолвлены. Как она смеет!

— Вот так н смеет. Теперь Советская власть нм все, что хочешь, позволяет. А этот новый ее женнх — чекист, власть.

— Горло ему перегрызу, убью!

— И в тюрьму попадешь, а то еще расстреляют тебя.

— Что же делать? — Вадим безвольио опустил голову.

— Слушать настоящих друзей. Понял? Сделаем так, чтобы этот Ромашов был устранен, а ты здесь будешь ни прн чем. Тогда Зойка к тебе сама в руки со всем своим прнданым свалнтся, как яблочко спелое.

— Каким же образом?

— Помнншь, ты мне на диях про пьесу рассказывал. Ну, ту, что вы в ТРАМе ставнте. Я ведь тебя недаром так подробно о ией расспрашивал. В последнем акте там у вас стрельба открывается. Да? И первый выстрел — по главному герою. Его Ромашов играет, так? Оружне вы проснлн настоящее в штабе ВОХР, чтобы все как в жизнн выглядело. Ну что ж, молодцы! Тебе остается только вот эту обойму с боевыми патронамн в виитовку тому, кто по Ромашову стреляет, заложнть.— Коренастов остановился,

вынул из кармана обойму и поднес к самому носу Вадима.— Кто там должен стрелять первым?

— Колька Мартынов...

— Ему и подложи незаметно.

— Как же, Филипп Антонович, а вдруг увидят? Потом, это ж убийство... Я не могу...

— Ишь запел как, голубчик, интеллигентик сопливый... А Зою свою хочешь сохранить? Да знаешь ли ты, что Андрей к тебе давно подбирается, он был у Симочки, когда ты в том доме пьяный валялся. Думаешь, мне не известно это. И что в мой дом бегаешь да пьянствуешь, он знает...— Увидев полную растерянность Вадима, Коренастов немного смягчился.— Вообще-то чем ты рискуешь? Никто не узнает. Не ты ведь выстрелишь!

Вадим машинально взял обойму, сунул в карман. В свете нарождающегося утра Коренастов внимательно всмотрелся в лицо парня. Не подведет ли? Как будто решился...

— Я приду вечером, погляжу на эту пьесу,— сказал он.— Получим с тобой полное удовольствие. А после ты иди прямо к Симке. И я туда попозже загляну, поговорим кое о чем. Но смотри, не вздумай бить отбой. Иначе ты даже представить себе не можешь, что тебя ждет! Пока...

Коренастов круто повернулся и пошел обратно. Вадим некоторое время растерянно смотрел ему вслед. Вдруг со стороны дома № 19 послышался выстрел, за ним — другой... Филипп Антонович оглянулся на Вадима, махнул рукой и тяжело побежал туда. Не доходя до дома, нырнул в овраг. Осторожно пролез через кустарник на другой склон, выглянул на дорогу. У калитки его дома — грузовой автомобиль, люди с винтовками подсаживают девушек в кузов. Двое в кожанках вытащили мужчину со связанными руками, за ним второго... Облава! Откуда чекисты узнали про этот дом?

Во дворе вдруг снова начали стрелять, затем раздался взрыв. «Граната»,— определил Коренастов. Ярко вспыхнул сарай, языки пламени взметнулись в рассветное небо. В их отблеске стал отчетливо виден высокий парень без фуражки, мелькнули светлые волосы. Андрей Ромашов! Опять он... Через двор провели еще одного человека, он хромал. Значит, двое убиты, остальные арестованы. Вот тебе и поджог складов! Провал полный...

До этого момента Коренастов как-то бесстрастно фиксировал происходящее. Но тут почти физически, всем телом, почувствовал, осознал, что сам-то избежал опасности. Его даже пронизал озноб. Это же просто чудо, что его там не было, ушел всего на полчаса — и на вот тебе! Он жив, жив, господа товарищи! И еще покажет вам, чего стоит. В первую очередь расправится с этим гаденышем. Да, да, в нем заключен какой-то злой рок для

их семьи — сначала брат, потом дядя. Но на Филиппе Логачеве он сломается навсегда, не на того напал! Приходите, господа, на спектакль — полюбуйтесь!

* * *

Там, где аллеи Нового Венца отделял от Владимирского сада спуск вниз, возвышалось двухэтажное кирпичное здание бывшего Коммерческого клуба. Давно уже убрались отсюда купцы и коммерсанты. Теперь здесь другие хозяева и иное название — Дворец рабочей культуры.

Сегодня сбоку его входа — большой щит: «...Силами Театра рабочей молодежи Симбгубпрофсовета будет дано представление пьесы симбирского драматурга А. Ромашова «Наша юность». В спектакле принимает участие труппа ТРАМа и красноармейцы подшефной части. Главный режиссер и постановщик Е. А. Старцев. Декорации художника ДРК Н. Свешниковой. Играет духовой оркестр 13-й бригады войск ВОХР. Начало в семь часов вечера...»

Андрей уже, наверное, в пятый раз выбегал из дверей, чтобы почитать эту афишу. И Зою с собой тащил. «Симбирский драматург А. Ромашов»!

— Смотри, сколько народу идет,— толкнула его в бок Зоя.— Пошли гримироваться.

— Успеем, дай посмотреть.

— Товарищи, товарищи,— обратился к ним невысокий старичок с бородкой клинышком — Павел Степанович, помощник режиссера и суфлер.— Что же вы бегаете, я вас ищу везде. Евгений Александрович зовет. Пора переодеваться...

Зал за занавесом гудел. Андрей поглядел в дырочку — полный. Сердце заколотилось, казалось, ушло куда-то вниз...

— Идите отсюда, нечего смотреть,— взял его за плечи Старцев,— только страх на себя нагоняете. По своему опыту знаю. Давайте первый звонок, Павел Степанович...

— Успех, Андрюша, это настоящий успех,— быстро говорил, стоя за кулисой, Евгений Александрович после второго акта, когда в зале шумели аплодисменты и трамовцев третий раз вызывали на сцену.

Андрей только хотел ответить, как на него вихрем налетела Зоя:

— Какой ты молодец, я люблю тебя! — Она крепко обняла его и поцеловала.

Смущенный, красный Андрей неловко высвободился, оглянулся. Евгений Александрович улыбается, ребята хлопают в ладоши. Только Вадим стоит в сторонке, не смотрит на них.

— Товарищи, через двадцать минут — последний акт, про-

шу всех сюда,— громко объявил Старцев. Он оглядел возбужденные лица трамовцев.— Надо закончить на таком же подъеме, как начали. И еще хочу предупредить. По ходу действия — стрельба. Нам одолжили несколько карабинов. У меня всегда душа не спокойна, когда имею дело с настоящим оружием. Правда, патронов нет, стрелять будут за сценой, но очень прошу вас направлять эти ружья куда-нибудь в сторону, не прямо на людей.

— Павел Степанович,— обратился он к помрежу,— проверьте оружие. Уже осмотрели? Хорошо, тогда прошу на сцену.

...Шумит сельская площадь. Кулаки мутят воду, стремясь убедить крестьян не давать хлеба большевикам. Один за другим выходят на трибуну у церкви ораторы.

«Хватит вам судачить! — кричит один из комбедовцев.— Дайте дорогу уполномоченному губернии».

Речь уполномоченного то и дело прерывается выкриками из толпы. Особенно усердствует группа в углу. Вдруг на трибуну выскакивает молодая круглолицая женщина. Это разведчица Таня. «Товарищи, тут среди нас — офицеры! Они хотят поднять восстание против Советской власти».— «Ты откуда знаешь?» — раздается из толпы. «Сама слышала — была у них. Смотрите, вон стоит наш симбирский помещик, граф Орлов-Давыдов. Его отец драл с вас три шкуры, и сын того же хочет... А вон...» — «Ишь ты! Сейчас я тебя»,— злобно шипит один из офицеров, выдергивая из-под чапана обрез. Это замечает товарищ Тани чекист Василий Цветков и успевает заслонить девушку. В тот же момент раздается выстрел, и Василий падает...

Все происходило в точном соответствии с авторским и режиссерским замыслом. Даже когда Андрей с окровавленным лицом приподнялся на локте и отчаянно крикнул: «Я умираю, товарищ! Меня убили!», публика, восхищенная настоящей игрой, бурно аплодировала, Старцев, стоя сбоку, за кулисами, шептал: «Молодец! Талант, настоящий актер выйдет». И только Коля Мартынов бросил свою винтовку и стоял потрясенный: неужели она и вправду выстрелила? Не может быть! Но ведь была отдача...

Первой опомнилась Зоя. Она близко видела лицо Андрея. Он же весь в крови, откуда, почему?..

— Его убили! — вскочила она.— Застрелили по-настоящему!

— Закрывай занавес! — крикнул Старцев, выбегая вперед.

Зрители кинулись к сцене и начали на нее карабкаться.

— Куда! — раскинул руки им навстречу Павел Степанович.— Куда? Нельзя!..

Лишь спустя полчаса, когда был наконец наведен порядок и окровавленного Андрея в сопровождении матери и Зои увезли

на нзвозчнке в больницу, зрители стали расходиться, обсуждая происшедшее. В толпе вместе со всеми медлеинò, не спеша шествовал пожилой усатый человек в очках. Свернув на боковую пустыиную улнцу, он вынул портсигар и закурил. К нему тут же подошел высокий, худощавый, в военной фуражке.

— Ну как, Филипп Антонович?

— Порядок. Разыщи-ка сейчас там Борчуиова, ко мне его приведешь часа через полтора. Я пока тут еще одно дельце провериу.

— А дальше что?

— Сидите, ждите меня. Да не бойся ты, никто твою конуру ие найдет. Как побеседую с Борчуиовым, мы с тобой и отправимся в дорогу. Так что подготовься.— Коренастов махнул рукой и скрылся за углом.

Так же не спеша добрался он до Кулнковки и вышел на Верхиеполевую улицу. Где же тут третий дом от угла? Ага, вон он. И окошко еще светится. Неплохой домик, иад парадиым причудливый навес, наличникн резные. А на улице ни души... Он влез на завалнику, заглянул в окошко. В кухне у лампы старушка, нацепнв на нос перевязанные тряпочками очкн, читала какую-то толстую книгу, шевеля губами. Видно, бабка нхняя, Бнблию читает. Как там в священном писании сказано? «Весь твой род погибнет до седьмого колена». Внука нзничтожнлн, теперь ваша очередь...

Оглянувшись, Коренастов вытащил нз кармана бутылку, полил двери и окна, затем подошел к забору — вылнл и на него остатки керосина. Потом дернул за ручку проволочного звонка.

— Кто там? — послышался дребезжащнй старческий голос.

— Мне бы бабушку Андрея Ромашова.

— А что вам иужно? — спроснла из-за двери Аграфена Ивановна.

— Да вот послали сообщить ей: только что в театре, прямо на сцене, убили ее виука н нзувечилн дочку...

Он не докончил. Из-за двери донесся звук упавшей лампы, а затем глухой звук падения иа пол чего-то грузиого. Чиркнув зажигалкой, Коренастов зажег клочок бумаги и сунул его под дверь. По облнтому кероснном дереву побежали слабые синеватые огоньки.

Ну что ж, можно считать, он этим отплатил за все. Остается главное — Советская власть. С ней у него счеты покрупнее. Ох, как он их всех ненавидит! И они это еще почувствуют...

* * *

— Ну и пробиться сюда! — говорил Золотухин, сидя у кровати Андрея, неподвижно лежащего на спине, лицо — в бинтах. Говорят, бегать скоро начнешь? И почему же только доктора́ не пускают к тебе...

— Что у вас там нового? — прошелестел сквозь бинты Андрей.

— Да что может быть? В порядке.

— А этих поймали, что в меня стреляли?

— Слушай, Мартынов-то ведь и не знал, что у него в винтовке патроны. Их ему Борчунов подложил по наущению Коренастова. Мы этого Вадима у гадалки нашли. Он сразу все и выложил, говорит, ревновал к тебе Зою. Но тут дело оказалось посерьезней: Коренастов его и Симочку для связи в городе оставлял.

— А его взяли?

— Коренастова? Нет еще, но найдем, обязательно... Думаем, он в Ташкент подался. Помнишь, их связной туда поехал. Да, знаешь, откуда эта история с Зоиной запиской? Ты записку, когда у Симочки был, выронил, она и решила устроить тебе «страшную» месть. И уговорила Ларису написать. А та по дурости адрес в ней свой сообщила. Вот как в нашем деле бывает. Если б не этот случай, устроил бы нам Коренастов знатный фейерверк...

— А родителей когда ко мне пустят, не знаешь?

Никита мгновение помолчал. Нельзя же сказать ему, что дом их сгорел, бабка погибла, а Евдокия Борисовна, которая поспела во время пожара прийти домой, вся обгорела, спасая детей, и сейчас лежит в этой же больнице. Говорят, бабушка упала на лестнице с лампой — оттого и пожар был. Не верит этому Золотухин.

— Пустят, но не раньше чем недели через две,— быстро нашелся он.— Тебе надо подлечиться как следует. Это я сумел прорваться. Ну, пошел... Слово давал доктору, что не больше десяти минут... Поправляйся...

Прямо из палаты Никита направился в кабинет главного врача.

— Что вы можете сказать о состоянии Ромашовых?

— Мать еще очень тяжелая больная,— ответил пожилой доктор, поправляя пенсне.— Ожоги, знаете, долго не заживают, а у нее вон их сколько.

— А Андрей?

— Парень ваш молодец — пять глазных операций выдержал, сложнейших, и не пикнул даже. Герой...

— А видеть он будет?

— Понимаете, его счастье: пуля мимо прошла. Но выстрел был очень близко. Глаза контужены сильно. Честно говоря, мы уже совсем было решили, что парень ослепнет. Однако доктор Гинзбург решился еще на одну операцию... И теперь появилась надежда, даже не надежда — почти уверенность.

Когда Золотухин вышел на больничное крыльцо, солнце уже клонилось к закату. В безоблачном майском небе носились быстрые стрижи, в кустах палисадника нахально переругивались воробьи. Никита полной грудью вдохнул воздух, настоенный на запахах цветущих яблонь. Какая красота! Андрей должен все это видеть, нет, наверняка увидит! И жить долго будет. Как это доктор сказал: путь ему предстоит долгий? Правильно!

Ирина Радунская

ДЖУНГЛИ

Повесть

◇

ЗА ДВЕРЦЕЙ СТАРИННОГО ШКАФА

Я начинаю эти записки, побуждаемая непреодолимой потребностью рассказать людям о пережитых мною ужасах и об опасности, нависшей над беспечным человечеством.

Людям свойственно помнить о хорошем и забывать о плохом. Эту особенность человеческой психики использует христианство с его культом непротивления злу. Оно эксплуатирует пришедшую к нам из первобытных пещер тягу к дружной совместной жизни и стремится подменить ее расслабляющей догмой всепрощения.

Но мой маленький опыт отвергает всепрощение. В мире еще есть зло! И если с ним не бороться, оно, действуя коварно и тайно, способно взять верх над благодушествующей добротой. Зло может заставить саму доброту служить черным целям. И это особенно опасно.

Я сижу перед окном, выходящим на море. Рядом на кровати неподвижно лежит единственный близкий мне человек. Слезы мешают писать, но это слезы счастья. Я знаю, все будет хорошо. В жизни, как и на море, невозможен вечный штиль. Бури неизбежны. Нужно лишь заранее крепить паруса. Нельзя допустить, чтобы буря застала нас врасплох.

Все это выглядит бессвязным, я понимаю, но впечатления прошедших дней еще слишком свежи, и я петляю, как ученик перед дверями школы, в которой ему предстоит трудный урок. Но я не вычеркну эти строки. Пусть читатель войдет в этот рассказ вместе со мною так, как я вхожу в него здесь, за этим маленьким столом, и входила там, под сияющим солнцем Сан-Франциско, когда такси остановилось на Юнион-сквер у подъезда старого серого дома, в котором помещалась контора моего отца.

На площадке второго этажа висела строгая табличка с надписью «В. Бронкс» и под нею кнопка. Звонка не было слыш-

но, но дверь отворилась, и толстенький человечек, поклонившись, сказал:

— Доброе утро, мисс Бронкс, разрешите представиться, Геири Смит к вашим услугам.— И, отступив в сторону, добавил: — Разрешите проводить вас к вашему отцу.

Он открыл остекленную дверь старинного книжного шкафа, которая, к моему удивлеиию, повернулась вместе с полками и корешками кииг. За ней оказалась вторая дверь, обитая черной кожей. Я подумала: «Как в романе» — и прошла мимо посторонившегося мистера Смита.

Отец поднимался из-за стола, на котором лежали какие-то бумаги, и, улыбаясь, протягивал мне руку. Второй рукой он указывал на кресло, стоящее перед столом.

Невольно вспомнилось, как ректор университета во время моего прощального визита вышел из-за стола и, пока я пересекала кабинет, сделал мне навстречу не менее десяти шагов.

Пожав руку отца, я взглянула на неудобное кресло, которое, по-видимому, допускало лишь две позы — независимо развалиться в его глубинах или остаться сидеть на краешке, не опираясь на спинку, а в лучшем случае — прнслонясь к ручке. Прн современной моде первая поза была бы слншком вызывающей н не подходила даже для встречн с родным отцом. Я села на широкую ручку.

— Ты не амазонка, а доктор философии,— сказал отец. Он уже сидел очень прямо и глядел мне в глаза вопросительно н строго.

Мой отец, Вильям Броикс, с тех пор как я его помню, отличался стройной суховатой фигурой спортсмена и седой шевелюрой, разделенной косым пробором. Впрочем, это была не классическая седина преуспевающего дельца. Это был цвет смесн перца с солью, причем соли было больше, чем перца, и с каждой встречей соли прибавлялось. Таким же был и характер отца. Но в характере все больше преобладал перец.

По-настоящему я узиала отца всего около года назад. Пятилетней девочкой я попала в провинциальный американский пансион, затем в колледж и наконец в Калифорнийский университет. Отец навещал меня не чаще раза в год. Иногда н этого не было. Но деньги аккуратио приходили с пометкой иа блаике: «По поручеиию, Г. Смит».

Во время последнего приезда отец спросил о моих планах: не собираюсь ли я замуж, где хотела бы жить? Услышав в ответ «нет» н «не знаю», он спросил, не хочу лн я жить с ним и помогать в его работе.

Я согласилась, зиая из прошлого опыта, что на вопрос о том, где ои живет н чем заиимается, ответа не будет. Из научных журналов я знала, что клиника Вильяма Бронкса добилась пол-

ного излечения нескольких безнадежных больных, страдающих острыми психозами. Отец сказал, что действительно речь идет о его клинике. Это было все. В статьях говорилось лишь о специфическом методе лечения, вполне безопасном, но еще не предназначенном для применения вне этой клиники.

В газетах, правда, появлялись иногда статьи с нападками на клинику Бронкса, с упреками в нарушении врачебной этики. Но такие статьи служили скорей рекламой.

Мне, вероятно, предстояло попасть в эту клинику. Но я не могла лечить людей. Моя диссертация была посвящена кислородному обмену в подкорковых слоях мозга, и я рассчитывала продолжить работу в лаборатории.

Я сказала об этом отцу, и он ответил, что при клинике имеется большой исследовательский центр, работающий над синтезом новых лекарственных препаратов и над разработкой новых методов лечения.

Это устранило сомнения, и весь год я успешно работала, стараясь расширить свой кругозор в фармакологии, психиатрии и нейропатологии.

Теперь отец, не задавая никаких вопросов, предупредил, что отъезд назначен на завтра и я должна приобрести все необходимое для длительного пребывания в уединенном месте с хорошим теплым климатом.

Утром он заехал за мной на «кадиллаке» и молча повел машину в аэропорт. Пока он сдавал ее агенту прокатной фирмы, носильщик взял наши билеты и багаж. Лишь на борту реактивного «боинга» я узнала, что нам предстоит беспосадочный полет в столицу одной южноамериканской страны.

Симфонию архитектуры, как справедливо называют город Бразилиа, я увидела лишь из окна самолета. Сославшись на то, что нам рано вставать, отец посоветовал мне идти спать. Мы переночевали в отеле аэропорта. Когда утром я вышла из спальни, отец уже укладывал вещи. Ему помогал юноша, совсем мальчик, в кожаной куртке и высоких сапогах. Увидев меня, он так удивился, что выронил из рук какой-то пакет.

— Осторожнее! — закричал отец.— Вы переломаете все приборы, Джексон.— И буркнул: — Моя дочь мисс Бронкс.

Джексон оказался личным пилотом отца и симпатичнейшим парнем. Он ухитрялся одновременно виртуозно вести свой почти игрушечный двухмоторный самолет, болтать о тысяче разных вещей и еще преподать мне урок практического самолетовождения.

Мне хотелось разузнать у него о многом, о чем я не решалась спросить отца, но тот сидел у самой кабины, и я чувствовала: это нервировало Джексона. Во всяком случае, он не задал мне ни одного вопроса ни о цели моей поездки, ни о том, что я делала

раньше и что собираюсь делать. И это было странно, так как болтал он не умолкая. За время полета он успел мне пересказать биографии десятка кинозвезд и спортсменов, портретами которых была увешана вся кабина.

Я тоже не задавала ему вопросов, правда, уже после того, как на первые два он мне, по-существу, ни слова не ответил. Я спросила:

— Джексон, вы давно работаете у отца?

Он сказал:

— Бюст Тейлор застрахован, и если она похудеет, то получит кругленькую сумму.

Он засмеялся каким-то неестественным смехом и быстро взглянул на меня. Выражение глаз его как-то не вязалось с идиотским смыслом ответа. Я поневоле перевела взгляд на фотографию предусмотрительной кинозвезды и удивилась. Рядом с ней, на пожелтевшем снимке, теснимые со всех сторон целым сонмом красавиц, сидели двое: девушка с простым, совсем не кинозвездным лицом и девчушка с круглыми, какими-то отрешенными глазами. Обе они напряженно смотрели в объектив и, как часто бывает на деревенских любительских фотографиях, выглядели не людьми, а манекенами. И все-таки чувствовалось, что девушка обаятельна и мила, а девочка отличается чем-то неуловимо странным, непонятным и тревожным.

Я спросила, несколько понизив голос:

— Это ваша семья, Джексон?

На что он громко ответил:

— Ну что вы, мисс Бронкс, здесь еще никогда не было авиационных катастроф!

Мне стало не по себе, но тут же я выругала себя. Может быть, он просто плохо слышит или не хочет рассказывать о себе при начальнике. Вряд ли недобрый отец — добрый начальник. Сдержанность Джексона вполне понятна. И я больше не задавала вопросов. Я постаралась забыть этот инцидент и остальную часть пути смотрела в окно, молча слушала занятные и бесхитростные рассказы пилота.

В его обществе мне было легко и приятно, и только теперь я поняла, что последние дни была в каком-то смутном напряжении, и благодарила бога, что все позади. Теперь я была уверена, что впереди — интересная жизнь, и с нетерпением ожидала конца пути.

Под крылом проплывало бесконечное зеленое пространство, изредка пересекаемое полосками рек. Вдали показались вершины гор. Затем самолет вошел в узкое ущелье, начал терять высоту и приземлился.

Отец взял меня под руку, и мы стали спускаться по трапу.

— Ой, сумочка! — вдруг вспомнила я и побежала обратно.

У выхода из пилотской кабины стоял Джексон с моей сумочкой в руках. Мне показалось, что он ждет меня.

— Мисс,— тихо и быстро сказал он,— вы к нам надолго?

— Навсегда,— весело ответила я.— Здесь так чудесно!

Его вид озадачил меня. Он уже не казался мне молоденьким и беспечным пареньком. Он был очень серьезным и печальным. Невольно и я перешла на шепот:

— Навсегда...

— Мисс,— начал Джексон, но в это время мы услышали тяжелые шаги по трапу, сотрясающие самолет, тяжелое дыхание отца, и Джексон сказал или мне показалось: — Мисс, два слова...

— Что стряслось, где ты? — Рука отца грубо потянула меня за рукав, и я, не оборачиваясь, пошла за ним.

На выжженной солнцем площадке, с трех сторон окруженной голыми скалами, нас ожидал большой грузовик и армейского типа легковой автомобиль.

Несколько человек под надзором Джексона начали переносить наш багаж и другие вещи из самолета в грузовик. Мы пошли к легковой машине. Малонаезженная каменистая дорога шла вниз. Вскоре ущелье резко повернуло влево, и почти сразу за поворотом дорога вошла в прекрасный лес. Так же внезапно среди деревьев показались современные здания, под колесами зашуршал асфальт.

Начался мой первый день в чужом месте, среди чужих людей.

ПРИ ЧЕМ ЗДЕСЬ РЫБЫ?

На следующее утро, в десять, в сопровождении отца я подошла к широким стеклянным дверям института. При нашем приближении они открылись сами собой. За конторкой у дверей сидел плотный мужчина. Он поднялся нам навстречу.

— Жетон для мисс Бронкс,— сказал отец.

Мужчина молча вынул из конторки жетон и протянул его мне.

Мы пересекли холл, во внутренней стене которого было два десятка одинаковых дверей. В глазках некоторых из них виднелась четкая надпись «Занято». Отец вынул из кармана жетон, опустил его в щель над ручкой двери с надписью «Свободно» и молча вошел. Я выбрала ближайшую дверь с такой же надписью, опустила свой жетон и, открыв ее, увидела душевую. В этот момент в нише противоположной стены появился контейнер с полотенцами, халатом и белой докторской шапочкой. Я постаралась выполнить процедуру переодевания в гимнастическом

темпе и через несколько минут в белом накрахмаленном халате и шапочке нажала ручку внутренней двери. При этом раздался мелодичный звук и на никелированный поднос рядом с дверью упал жетон. Одновременно контейнер с моим платьем и полотенцами поднялся вверх и исчез. Я положила жетон в карман халата и вышла. В коридоре меня уже ждал отец.

— Обход начнем с лаборатории, в которой изучается действие магнитного поля на условные рефлексы животных.

Это все, что отец счел нужным сказать, пока мы шли длинными пустыми коридорами с рядами дверей, похожих друг на друга, как пуговицы на наглухо застегнутом сюртуке чиновника. Наши шаги растворялись в удивительной тишине. Через двери не вырывалось ни единого звука.

Не помню, за каким поворотом находилась дверь, которую открыл отец. Мы очутились в комнате, так мало похожей на обычную лабораторию, что я невольно вскрикнула. На столах, на подоконниках, даже на полу стояли большие, средние и совсем маленькие аквариумы. Левая стена комнаты была полностью застеклена и представляла собой переднюю стену такого огромного аквариума, что задней стены не было видно. Там плавали рыбы весом в несколько килограммов, не меньше. Я так залюбовалась этой необыкновенной коллекцией рыб и водорослей, что не сразу заметила хозяина лаборатории, высокого, худощавого молодого человека. Отец представил его мне, и тот подвел нас к столу с двумя одинаковыми аквариумами, в которых плавали изящные золотые рыбки. Он нажал кнопку на пульте с циферблатами, и два молоточка ударили по стенкам обоих аквариумов. Все рыбки немедленно бросились к кормушкам.

— Прошу вас, присядьте,— сказал молодой человек, указывая на высокие табуретки.

Мы сели и молча смотрели на пестрых рыбок, которые, не дождавшись корма, разбегались по своим, неведомым людям, делам.

— Внимание,— произнес он через несколько мгновений, поднял прозрачный пластмассовый колпак, закрывающий на пульте большую красную кнопку, и нажал ее.

Ничего не произошло.

— А теперь повторим,— продолжал он и нажал на первую кнопку, по сигналу которой оба молоточка снова ударили по стенкам аквариума.

Рыбки в левом из них сразу же устремились к кормушке и получили свою порцию корма. В правом удар не вызвал никакой реакции. Рыбки беспорядочно плавали по всему сосуду и, даже после того как им был насыпан корм, не спешили приняться за еду.

— Справа подействовал импульс магнитного поля,— пояснил молодой человек, указывая на красную кнопку,— это полностью стерло рефлекс.

Опыты молчаливого молодого человека не показались мне интересными. Я с детства знала, как легко научить рыбок подплывать к кормушке по звуковому или световому сигналу. Я читала и о том, что рыбы реагируют на магнитное поле. Например, угри даже используют линии земного магнитного поля для ориентировки при своих ежегодных миграциях из Саргассова моря в Балтийское и обратно.

— Фред,— сказал отец,— мисс Бронкс не в курсе дела, расскажите ей поподробнее. Она окончила курс в Беркли, так что особенно не упрощайте.

Кажется, в первый раз Фред Штерн заметил, что в его лаборатории, кроме рыб, находится женщина,— он бросил на меня изучающий взгляд.

— Что ж,— снизошел он,— это меняет дело. Так вот: уравнения показали мне, что могут существовать сложные органические молекулы, обладающие свойством сверхпроводимости. Вы, конечно, знаете,— продолжал он,— что некоторые металлы и сплавы при сверхнизких температурах становятся сверхпроводниками. Это значит, что сопротивление в них падает до нуля и электрический ток в кольце из сверхпроводника может течь вечно, без затраты энергии. Но уравнения утверждают,— все более воодушевляясь, говорил Фред,— что в подходящих органических веществах можно получить сверхпроводимость при обычных условиях и даже при еще более высокой температуре.

— При чем же здесь рыбы? — спросила я.

— Минуточку,— попросил он,— не так быстро. Я физик, и я понимаю, что, даже создав полимерные структуры, удовлетворящие уравнениям, я не увижу их сверхпроводимости. Возникнут трудности присоединения к внешним цепям. Нужно создать полимеры, молекулы которых образуют длинные замкнутые контуры. Тогда можно наблюдать их сверхпроводимость бесконтактным методом. Но ни я, ни мои сотрудники-химики не могли создать предвычисленных структур. Мистер Бронкс,— он слегка поклонился в сторону отца,— узнал о моих работах и дал им новое направление. Он предположил, что природа давно научилась создавать мои молекулы и строит из них важнейшие области мозга животных. Может быть, подсказал мне мистер Бронкс, мозг действует подобно электронной вычислительной машине, основные элементы которой состоят из миниатюрных сверхпроводящих колечек — криотронов. Только «криотроны мозга» работают при нормальной температуре и имеют в миллионы раз меньшие размеры, чем те, которые созданы людьми.

— Если принять эту гипотезу,— вставил отец,— становится понятным, почему мы должны совершить некоторое усилие для введения сведений в нашу память и не тратим никакой энергии на их дальнейшее удержание. Ведь энергия тратится только на возбуждение тока в сверхпроводнике, но не на его поддержание.

— А при чем здесь рыбки? — спросила я.

— Рыбки — это наш experimentum crucis,— улыбнулся Фред.— Нажав красную кнопку, я подверг правый аквариум действию мощного импульса магнитного поля. Вы же знаете — магнитное поле разрушает сверхпроводимость. Они давние непримиримые враги. Вы видели, как магнитное поле полностью разрушило хорошо сформированный условный рефлекс — эту примитивную форму памяти.

— Очень интересно,— сказала я Фреду,— но не совсем убедительно.

— Конечно,— раздраженно проворчал отец,— это только первые опыты. Детали еще далеко не ясны. Может быть, моя гипотеза и ошибочна, но опыты, во всяком случае, не противоречат ей.

— Тем более,— сказал Фред,— что после первого размагничивания время, нужное для дрессировки, уменьшается в десятки раз, а последующие размагничивания уже не изменяют этого времени. Можно думать, что размагничивание полностью очищает всю емкость памяти. После размагничивания мозг превращается в tabula rasa, как говорили в древности. Чистая доска, на которой можно написать все что угодно.

— Но почему рыбы? — спросила я.

— Рыбы обладают примитивным мозгом, и вместе с тем с ними удобно экспериментировать,— объяснил Фред.— Рыбы прямые потомки наиболее древних обитателей нашей планеты, обладающих достаточно дифференцированной структурой организма. Впрочем, мы уже переходим к опытам на млекопитающих, но для этого, по-видимому, нужны намного более сильные поля.

— Спасибо,— сказал, поднимаясь, отец,— на сегодня хватит. Мы должны идти дальше.

Признаюсь, я была недовольна собой. Ведь работа, о которой рассказывал Фред, чрезвычайно интересна! И мне нужно с ней познакомиться особенно внимательно, ведь в одной из лабораторий института мне предстоит работать. Даже если не в этой, то, как всегда бывает в научно-исследовательских институтах, где темы переплетаются и перекрещиваются, все равно мне надо быть в курсе дела. А я... Я, как какая-то дура, больше смотрела на Фреда, чем на рыбок. С той минуты, когда мы вошли в лабораторию и я взглянула на него, мне все время казалось, что я уже что-то знаю о нем и в связи с ним что-то знаю о себе. Брю-

нет, тонкое лицо, глаза... какие-то необычные, рафаэлевские. Но взгляд не томный, не рассеянный, не мечтательный, а твердый, пытливый. Такой взгляд говорит о мужественном, решительном характере. Откуда я знаю этого человека? И почему о нем думаю?

НИКАКИХ ПРОИСШЕСТВИЙ, ШЕФ

Вероятно, самостоятельно я не нашла бы вновь той лаборатории, куда мы с отцом пошли от Фреда. Задумавшись, я не заметила дороги в анфиладу комнат, где работали специалисты по синтезу и анализу сложных соединений. Их целью было создание новых лекарственных веществ. Сотрудники докладывали отцу о ходе работы и полученных результатах, но я невольно продолжала возвращаться мыслью к Фреду и хороводам золотых рыбок, забывающих обо всем под влиянием неощутимого магнитного поля.

Эти думы преследовали меня при посещении других лабораторий, и я освободилась от них только в виварии, где действие новых лекарств проверялось на животных. Только здесь мне бросилась в глаза четкая направленность всей работы. Отца не интересовала борьба с инфекционными болезнями. Здесь никто не изучал бактерии и вирусы. Внимание уделялось только препаратам, влияющим на нервную систему животных,— возбуждающим, успокаивающим, стимулирующим или расслабляющим.

Некоторые животные пребывали в глубоком сне, другие проявляли лихорадочную активность, третьи как бы бодрствовали во сне или без конца повторяли какое-нибудь движение. Экспериментаторы наблюдали, как под действием очередного препарата меняется поведение животного, изучали корреляцию между структурой препарата и характером его воздействия.

— Здесь,— сказал отец,— наш полигон. Поле боя дальше.

Проделав еще раз манипуляции с жетонами и сменив белые институтские одежды на обычное платье, мы вышли из здания и сели в машину. Через четверть часа езды по сумрачному тропическому лесу показались ворота в сплошной стене высотою более чем в три человеческих роста.

При приближении машины ворота беззвучно отворились, и перед нами открылась квадратная площадка, со всех сторон обнесенная такой же стеной. Дорога уходила сквозь следующие ворота, но они остались закрытыми. Мы вышли из машины и подошли к узкой двери рядом с ними. Эта дверь пропустила нас в небольшой вестибюль, освещенный люминесцентными лампами. Широкая лестница поднималась на второй этаж. Она при-

вела в холл, посреди которого помещался большой пульт, покрытый шкалами приборов, разноцветными лампочками и экранами телевизоров. У пульта, обхватив голову руками, сидел человек. При нашем появлении глаза его испуганно округлились, и он, вскочив и вытянувшись по-военному, отрапортовал:

— Никаких происшествий, шеф, все нормально, дежурный врач Менде.

Это был кругленький, лысый, пожилой человек со стертым, маловыразительным лицом. Он хотел добавить еще что-то, но в эту минуту на стенде загорелась красная лампочка. Менде повернул какую-то ручку, засветился большой экран. На нем появилось искаженное болью человеческое лицо с расширенными от ужаса глазами. В комнате раздался страшный, душераздирающий крик. Менде поспешно нажал кнопку, все умолкло. Дрожащими руками он схватил микрофон и закричал:

— Санитары, в номер тридцать семь!

В это время лицо на экране уменьшилось, стала видна комната с кроватью, из-под которой выглядывал больной. В комнату уже входили санитары.

Я невольно попятилась к двери, отец презрительно посмотрел на меня, поморщился и произнес недовольно:

— Выключите.

Менде повернул ручку телевнзора, и экран погас.

— Доктор Кранц уже идет,— тихо сказал Менде.— Присядьте.

Он все еще имел вид в чем-то провнннвшегося человека.

Мы сели. Воцарилось напряженное молчание. Менде курил и изредка выжидательно взглядывал на отца. Отец, казалось, отсутствовал. Красная лампа продолжала гореть, но через несколько минут погасла н она.

Отец вдруг раздраженно бросил:

— Ну, что там?

Менде нажал кнопку. На экране возникла комната и человек, мирно спящий на постели.

— Тэтатропин,— сказал Менде и выключил экран.

Вскоре появился Кранц — высокий, аскетического вида старик с бесцветнымн холодными глазами. После обычной процедуры знакомства он пригласил нас в свой кабинет.

Но у дверей Кранц вдруг остановился, попросил нас подождать и, вернувшись к Менде, шепотом задал ему короткнй вопрос. Менде что-то сбивчиво и многословно отвечал.

Я не пыталась вникнуть в их разговор. Пока они спорили, а отец листал толстый журнал, я подошла к окну. Оно выходило в обширный сад. Превосходный газон кое-где оживлялся цветами. По газону гуляли люди в желтых и голубых пижамах. Двое игралн в мяч.

— Выздоравливающие,— услышала я возле себя голос Кранца.— За последнее время мы достигли больших успехов.

— Голубые практически здоровы,— пояснил он.— Мы наблюдаем за ними и проводим контрольные исследования.

В это время на стенде снова зазвучал зуммер и зажглась красная лампочка. Через несколько секунд рядом с ней загорелась желтая, и зуммер умолк.

Кранц поспешно взял меня за руку и, распахнув дверь в свой кабинет, буквально втолкнул меня туда. Плотно прикрыв дверь, продолжал говорить, обращаясь главным образом ко мне:

— Надо вам сказать, что психические расстройства — коварная штука. Они так многообразны, что диагноз их граничит с искусством. Многообразны и причины, их вызывающие. Только немногие являются следствием необратимых поражений мозга. Большинство связано не с органическими нарушениями, а лишь с расстройством функций части мозга. Эти заболевания излечимы, во всяком случае, их нельзя считать неизлечимыми.

Он подошел к письменному столу и умолк. Мне показалось, что он вышел из комнаты, мысли его были далеко. Не продолжал ли он спор с Менде?

— Гм,— кашлянул отец, и этот звук словно включил Кранца. Не знаю, как мысли, но голос его, во всяком случае, вернулся к нам.

— Механизм мышления,— продолжал он,— далеко не изучен. Никому не известны тайны процессов познавания и запоминания. Но мы можем строить модели и сравнивать их действие с поведением здоровых и больных людей. Больной очень похож на машину с испорченным механизмом стабилизации. Нормальный режим не соблюдается. Машина идет вразнос или останавливается. У больных это ведет к острым психозам или глубокой депрессии. Наше дело в этих случаях — восстановить регуляторный механизм, оборвать самовозбуждающуюся систему навязчивого бреда или притупить непомерную остроту восприятий, от которой мозг защищается глухой стеной катостении. Для этого мы... Мы думаем предпринять... Э-э, мы...

Вначале Кранц обращался только ко мне, потом говорил как бы в безвоздушном пространстве, но теперь, когда его слова по-настоящему стали мне интересны — это уже касалось непосредственных методов лечения,— он стал как бы заикаться и часто вопросительно взглядывать на отца.

— Спасибо, Кранц,— поднялся отец.— Мисс Бронкс только вчера прибыла, и я хочу пока ознакомить ее с нашей работой в общих чертах.

Домой возвращались в полном молчании. Мне показалось, отец не хочет слышать никаких вопросов. На обратном пути он сел рядом с шофером и о чем-то сосредоточенно думал. Я чувст-

вовала, что думает он обо мне, и это меня угнетало. В зеркальце перед водителем я ловила его быстрые, колючие взгляды.

Что все это значит? Я должна была чувствовать себя дома. Ведь у меня никогда не было семьи, а сейчас я с отцом. Здесь все прекрасно. Впереди интересная работа.

Но почему же мне так не по себе? Почему так угрюм шофер? За все время наших поездок он не произнес ни слова. Я ни разу не видела его глаз. И этот Кранц — как он неприятен! И Менде холоден, как уж.

И вдруг я вспомнила пилота. Как я могла забыть! Ведь он хотел мне что-то сказать! У него хорошие глаза, и он был явно чем-то встревожен. Смогу ли я его увидеть? Надо спросить отца. Нет, только не его. Может быть, Фреда?

Я стала перебирать в памяти все события последних дней и... мне снова захотелось взглянуть на рыбок.

В эту ночь я долго не могла уснуть. Тишина казалась мне тревожной, и на меня навалилась тоска и предчувствие чего-то непонятного и недоброго.

МОИ НОВЫЕ ЗНАКОМЫЕ

Утром я была вялой и безразличной. А этот день потребовал от меня много сил. Отец после долгого отсутствия инспектировал работы, интересовавшие его более всего. Они касались проблем воздействия на поведение животных. Во многом здесь исходили из теории русского ученого Ивана Павлова, но его методы дополнялись физико-химическими воздействиями. Специальные препараты, синтезированные местными химиками, необычайно обостряли восприятие животных и облегчали их дрессировку.

— Я не знаю,— говорил отец,— что происходит там, в черепной коробке. Но, давая собаке этот порошок, я как бы помогаю ей в течение получаса запомнить пять-шесть команд, не доступных никакому животному. И собака запоминает их на всю жизнь. Но это одна сторона. Недавно мы синтезировали сложный глютанат, одна инъекция которого стирает все следы предыдущей дрессировки. Я надеюсь,— продолжал отец,— что на основе этого глютаната мы получим лекарство, обрывающее бред наших пациентов. Ведь бред — это гипертрофия памяти. Что-то непрерывно циркулирует в памяти больного, наслаиваясь и обостряясь до опасных пределов. Затормози эту лавину, и он придет в себя.

Я первый раз видела отца вдохновенным, его лицо даже подобрело.

— Есть еще одна сторона этой проблемы,— увлеченно продолжал он.— Ты, конечно, знаешь об обучении во сне. Когда

большая часть мозга спит и бодрствуют только отдельные его участки, восприятие сильно обостряется. Может быть, играет роль и существенная изоляция от внешних помех. Воссоздай эти условия в чистом виде, и ты сможешь за час воспринять всю школьную премудрость!

Это не было для меня откровением. Был период, когда вся мировая печать много шумела об обучении во сне. Кое-где этот метод привился, но большинство ученых его остерегалось — он возбуждал нервную систему.

Неужели отец работает и над этой проблемой?

Несмотря на свою антипатию, я должна была отдать ему должное — гуманность его научных интересов была вне сомнения.

Этот день стал переломным. Энтузиазм отца увлек меня. Я начала работать в его личной лаборатории. Дни потекли за днями.

Отец появлялся в лаборатории только во второй половине дня. Утро он посвящал обходу всех отделов института. Иногда он брал меня с собой, как в первый раз.

Постепенно я глубже знакомилась с работами и лабораториями института и гораздо меньше — с его сотрудниками и их семьями. Как ни странно, такой большой научный центр вне рабочего времени казался необитаемым. Люди почти не общались друг с другом. Отец, правда, говорил, что делает все возможное, чтобы объединить их. Он каждую пятницу собирал у себя элиту. Но что это были за скучнейшие сборища!

Ровно в восемь одна за другой появлялись десятка два супружеских пар. Они входили торжественно, точно в церковь, молча отвешивали поклон отцу, который встречал их у входа, и неслышно, словно призраки, рассаживались в глубокие кресла, расставленные для такого случая полукругом.

Слуга разносил коктейли и крошечные сэндвичи. Говорили о погоде — а здесь она была неизменно хорошей! Разговор поддерживали главным образом женщины. Их мужья сидели неподвижно, угрюмо глядя перед собой. Лишь изредка далекий мир напоминал о себе успехами бейсбольных команд или присуждением Нобелевских премий.

На этом фоне, пожалуй, самыми разговорчивыми были Кранц и Менде. С Менде я так и не встречалась после первого посещения института, а Кранц преподнес мне сюрприз.

Утром следующего дня после работы я обнаружила на своем рабочем столе букет роз. Букеты обновлялись каждое утро, и я невольно заинтересовалась их происхождением. Ведь у меня здесь совсем не было знакомых. Мои романтические надежды обратились в унизительный фарс, когда однажды, придя задолго до начала занятий, я застала в лаборатории Кранца.

Произошла короткая пантомима. Я выхватила из вазы мокрый букет и сунула его в руки моему Арлекину. Он показал ряд гнилых зубов, молча поклонился, и его длинная тощая фигура величаво удалилась. С тех пор я встречалась с ним только на журфиксах отца.

Менде и Кранц были женаты на сестрах-близнецах, двух толстых и безликих коротышках неопределенного возраста, до нелепости скучных и в умственном отношении близких к морским свинкам. В нашей гостиной они были заняты только друг другом, не сводили одна с другой глаз и все время шушукались. Казалось, они ничего не замечают вокруг, даже своих мужей. А те, словно уравновешивая обожание сестер, люто ненавидели друг друга. Поначалу меня забавляли их взаимные колкости и злые насмешки. Это было единственным развлечением и для остального общества. Постепенно эти пятницы стали мне невмоготу. Слава богу, в поселке были превосходный бассейн и теннисный корт, и это заполняло весь мой досуг. Я много плавала и играла в теннис. Конечно, не одна.

В один из первых же дней по приезде я увидела на корте Фреда Штерна. Он играл с молодой женщиной в белоснежных шортах, голубой кофточке и голубой жокейской шапочке. Увидев меня, он улыбнулся и в знак приветствия салютовал ракеткой. Галантность стоила ему мяча — партнерша победно вскрикнула и продолжала атаку. Она гоняла Фреда по площадке, не переставая задирать его едкими шуточками.

— Фредди, к черту девушек! Тридцать — пятнадцать, каково? — бросила она мне дружески.— Нет, нет, вы только посмотрите на него! Мисс Броикс, я ведь не ошиблась? Он сражается с грацией молодого гиппопотама. Сорок — пятнадцать!

Я невольно рассмеялась — так контрастировала ее характеристика с динамичным стилем игры ее партнера.

— Ему мешает солнце,— попробовала я внести долю справедливости.

— О, конечно, девушки всегда на стороне нашего Фредди!

Я села на скамеечку и залюбовалась визави Фреда. Что это была за обворожительная женщина! Легкая, изящная, с удивительно женственной фигурой и повадками озорного мальчишки.

— Финита,— провозгласила она через несколько минут и сдернула с головы шапочку. По плечам разлилась платиновая волна.

— Моя сестра Эллен, знакомьтесь.— Обняв ее, Фред подвел Эллен ко мне.

Так мы познакомились, и, не боюсь признаться, я с первого же момента влюбилась в нее.

Эллен оказалась незаурядным и пленительным существом.

Она была нежной и впечатлительной, могла от пустяка заплакать или вспыхнуть гневом. Фреда она опекала с неистовством матери и не спускала ему ни малейшего непослушания. В этой семье царил неприкрытый деспотизм.

— Моя фурифея, моя дорогая фурифеечка,— называл ее Фред, объединяя понятия фурии и феи.

Позднее, когда мы стали проводить вместе почти все свободное время, мне доставляло наслаждение наблюдать их обоих. Они часто неистово спорили. В таких диспутах обычно побеждала Эллен. В ее точеной головке скрывались острый ум и обширные знания. Тогда-то я поняла, почему отец сделал ее своей ближайшей помощницей,— она руководила одним из отделов его лаборатории.

Чувствуя ее превосходство, Фред иногда пользовался запрещенным приемом. Исчерпав аргументы, он невинно спрашивал:

— А, кстати, что думает по этому поводу твой гений?

Действие этих слов было всегда неизменным. Эллен краснела от досады, бросала на брата уничтожающий взгляд и выскакивала из комнаты. Фред бросался за ней, я слышала горячий шепот, иногда всхлипывания, и они возвращались обратно: Эллен — напряженная, а Фред — с виноватым и покаянным лицом.

После этих вспышек на весь вечер воцарялись тишь и благодать. Фред был изысканно предупредителен, а я каждый раз задавала себе все тот же вопрос: уж не касается ли это моего отца? Почему бы и нет? Если быть объективной, отец интересный мужчина. И, размечтавшись, старалась убедить себя в том, что не всегда он был таким неприступным и черствым и, возможно, не навсегда.

Я стремилась быть достойной Эллен, старалась приблизиться к ней во всех отношениях. Много времени по вечерам отдавала занятиям, штудированию отчетов лаборатории. Я всегда занималась с увлечением, а сейчас ощущала в себе необъяснимый подъем.

НИНОЧКА

Лаборатория отца, по существу, распадалась на несколько отделов, объединенных общей целью — задачей изучения функционирования мозга и методов воздействия на высшую нервную деятельность.

Я включилась в исследование естественных ритмов мозга. Это увлекательная область. Давно известно, что деятельность мозга связана с определенной электрической активностью. На энцефалограммах эта активность выявляется в виде периоди-

ческих выбросов. Форма энцефалограмм зависит от активности мозга. Ритмы бодрствования резко отличаются от ритмов сна. Болезни зачастую проявляются в видоизменениях энцефалограмм.

Это не только дает возможность контролировать работу мозга, но и подсказывает мысль о возможности изучения мозга при помощи моделирующих электронных схем. В этой области мы не были первопроходцами. Многие физиологи уже изучали работу сердца, печени и щитовидной железы, пользуясь электронными аналогами. Впрочем, и весь человеческий организм в некоторых своих проявлениях напоминает сложную электронную схему. Например, периодическая работа сердца имеет много общего с работой лампового генератора радиоволн. И это важно не только для теории. Подключая к области сердца электроды от лампового или транзисторного генератора, врачи уже могут управлять работой сердца. Такие приборы называются электростимуляторами. Их задача — навязать больному сердцу нормальный ритм. Многие люди, обреченные на инвалидность или даже на смерть из-за внезапных остановок или неупорядоченных сокращений — фибрилляций сердца,— годами живут и чувствуют себя здоровыми благодаря непрерывной работе миниатюрных электростимуляторов, вшитых в кожаный карман на их груди.

В нашей клинике больных успешно лечили электросном, подвергая мозг пациента облучению специальными электронными генераторами. Этот метод не имеет ничего общего со страшным методом электрошока, который и сейчас применяется в некоторых психиатрических клиниках. Конечно, электрошок помогает во многих случаях, особенно при лечении таких тяжелых заболеваний, как шизофрения. Но я не могла без ужаса присутствовать на сеансах электрошока.

Электросон — нечто совершенно отличное. Маленький генератор, похожий на электростимулятор сердца, подает слабые электрические импульсы к электродам, закрепленным на черепе больного. Эти импульсы навязывают свой ритм мозгу, тормозят его активные центры, и человек впадает в глубокий сон. Такой охранительный сон помогает организму бороться с заболеванием.

И надо сказать, в этой области отцу удалось многого добиться. На его счету накопилось уже несколько пациентов, излеченных от тяжелых психических заболеваний. И теперь он отважился на штурм такой таинственной и коварной болезни, как эпилепсия.

В нашей клинике был один необычный пациент — двенадцатилетняя девочка-сирота. Звали ее Ниночкой. Говорили, что девочка русская, что во время нашествия немцев на Россию ее

мать вывезли в Германию. Потом, после войны, она долго скиталась, объездила Францию, Англию, и в конце концов судьба забросила ее сюда. Джен, лаборантка, опекавшая Ниночку, рассказывала мне, что мать девочки уже давно умерла. Мучительно сгорела от какой-то неизвестной болезни, хотя была рослой, крепкой, еще совсем не старой женщиной. Она умерла на руках Джен и взяла с нее слово вырастить Ниночку и заменить ей мать.

Джен, славная деревенская девушка, ирландка, годившаяся Ниночке скорее в сестры, так как ей самой было едва ли двадцать пять, самоотверженно выполняла свое обещание. Она очень привязалась к девочке и действительно заменила ей мать. Девочка ее обожала.

Многие сотрудники клиники баловали Ниночку, как могли. У нее всегда было много самых лучших игрушек, хотя, признаться, я не понимала, откуда они появлялись. Магазина игрушек, естественно, в поселке не было, а отсюда, насколько я знала, выезжал только мой отец, а он и детские игрушки были, конечно, несовместимыми понятиями.

Но Ниночка большую часть времени не обращала внимания на игрушки. Она была в тяжелом состоянии. Организм истощен, умственное развитие заторможено. Несмотря на лечение, она оставалась очень слабой и пассивной, а иногда впадала в непомерное возбуждение. Это был случай так называемой врожденной эпилепсии, при которой припадки начинаются еще в младенчестве.

И припадки эти были ужасны. Они были жестоки, безжалостны и надолго выбивали нас из привычной колеи. Каждый ее припадок был подарком медицине и горем для нас с Джен.

Когда мы впервые начали лечить Ниночку электросном, у нас появилась реальная надежда облегчить ее страдания. Мы усыпляли девочку при первых симптомах приближающегося припадка. Мы даже разработали автомат, который помогал нам распознать приближение страшного момента, и заранее включали аппарат электросна. Сеансы электросна надежно спасали Ниночку от приближающегося припадка. Девочка пополнела, начала активно реагировать на внешний мир. Дело шло на лад.

Но однажды, проводя очередной сеанс электросна, я обнаружила, что Ниночка прочно запомнила все разговоры, которые мы вели, пока она спала. Это напоминало гипноз. По какой-то причине сон охватил не весь мозг девочки. Дежурный центр продолжал бодрствовать, слух не был выключен, и восприятие оказалось чрезвычайно обостренным.

Может быть, это зависело от расположения электродов или от какой-либо неисправности аппарата?

Отец очень заинтересовался нашими наблюдениями и просил

поставить широкие эксперименты с целью выяснить, при каких условиях возникает глубокий сон и что приводит к поверхностному сну, благоприятствующему внушению.

Работы начались с характерным для отца размахом, но мне пришлось отойти от них в самом начале.

Причиной послужило тяжелое несчастье.

ОНА БЫЛА ЗВЕЗДОЙ

Между мной и Эллен не было тайн. А может быть, я и ошибаюсь... Я действительно была откровенна с ней, но она? По-моему, и она платила мне тем же. Правда, мне всегда казалось странным, что Эллен жила отдельно от брата и никогда, ни разу, не пригласила меня к себе. Да и Фред не бывал у нее. Но ко мне Эллен забегала очень часто, а вечера чуть ли не с первого дня моей жизни в клинике мы проводили у Фреда.

И вдруг Эллен исчезла. Прошел день, второй, она не появлялась. Я спросила про нее у отца. Он удивился:

— Как, ты не знаешь? У нее важные опыты, она не покидает лаборатории. Впрочем, как и ты,— добавил он одобрительно.

А через три дня Эллен появилась у меня. Вид у нее был утомленный. Я вдруг впервые подумала о ее возрасте. Такой тусклой, бесцветной, поникшей она никогда не выглядела. Я забросала ее вопросами, но Эллен отвечала неопределенно. Казалось, она о чем-то мучительно думает, что-то ее тревожит, гнетет. Разговор не клеился. И вдруг она сказала:

— Ли, сегодня мне снился ужасный сон. Я не могу воспроизвести все подробно, лиц я не помню, зато отчетливо помню голоса. Мистер Бронкс, Кранц, Менде, его тень... Я слышала их голоса, и мне чудилось, что они тонкими иглами колют мне мозг. И у меня отчаянно болела голова, а потом резко заболела нога. И еще мне казалось, что меня ослепила молния, она пронзила меня с ног до головы... Я проснулась в таком тяжелом состоянии, какое бывает после наркоза или операции. И знаешь, этот сон мне снится второй раз. Так было и четыре дня назад...

— Ты просто устала,— успокаивала я Эллен.— Разве можно сутками не выходить из лаборатории? Так и до галлюцинаций недалеко...

— Ты права, ты права, Ли,— вздохнула Эллен.— А может, это и есть галлюцинация?

Она помолчала, потом встала, прошлась по комнате и остановилась у моего письменного стола.

— Ой, что это? — Она взяла в руки пачку фотографий, которые я приготовила, чтобы развесить у себя в комнате.— Почему же ты их не показывала? Какая прелесть! Это ты? Сколь-

ко же тебе здесь лет? Пять... а это... мама? Какая милая!.. Ли, ей, наверно, тут меньше, чем тебе сейчас, а? И тем более мне...

Эллен оживилась, она с интересом рассматривала снимок за снимком, подробно расспрашивала о каждом. Несколько раз она возвращалась к фотографии, где отец, молодой, красивый, в лыжном костюме, без шапки, запрокинув от смеха голову, держал меня на плече, а я некрасиво разинула рот в реве.

Эллен долго рассматривала эту фотографию.

— А мистер Бронкс, оказывается, умеет смеяться,— сказала она печально.— Впрочем, это помню и я. Ты знаешь, Ли, а ведь студентки его обожали.— И, помолчав, добавила: — Твой отец — великий человек. Не спорь, не спорь, уж я-то знаю, можешь мне поверить! Я это знала еще в институте, когда слушала его лекции, и потом, когда работала у него на кафедре и в клинике. Я не встречала человека, за которым могла бы вот так, бросив все, уехать на край света...— Она спохватилась, тряхнула своими чудесными волосами и поправилась: — Я говорю, конечно, о его идеях. Они всегда дерзкие, почти безумные. Но это то безумие, которое ломает устаревшие традиции; взгляды, которые помогают науке не плестись шажком, а перескакивать через ступеньки. Учиться у него, работать с ним — это большое счастье. Во всяком случае, я всегда так думала... Совсем недавно так думала...— Эллен заговорила быстрее, не в силах, видно, справиться с тем, что бушевало, рвалось из сердца: — Раньше, но не теперь! Я перестаю понимать его. Я не согласна с ним! И это ужасно. Я не нахожу себе места — это так тяжело. Понимаешь, Ли, я привыкла слепо верить ему, для меня каждое его слово — закон. И вот я ему больше не верю! Я это долго скрывала, но последнее время у нас возникают один конфликт за другим.

Эллен разрыдалась. Мне было жаль ее, я видела: она больна, она мечется, в ее жизни назрел какой-то разлад, кризис. Но чем я могла помочь ей?

— Эллен, родная, ну, хочешь, уедем куда-нибудь? В Майами! Или в Ниццу? Отдохнем, встряхнемся...

Я говорила, но не верила себе. Куда же я поеду отсюда? Тут многое уже незаметно для меня вошло в мое сердце...

А Эллен ухватилась за мою мысль:

— И я думала об этом! Представляешь, будем просто жить для себя, и все! Никаких тебе Кранцев, Менде... Никаких опытов... Возьму и выйду замуж, как все! А что, Ли, как ты думаешь, польстится на меня какой-нибудь дурак? Но, чур-чур, никаких ученых — только артист или там какой-нибудь альпинист... Все к черту!

А потом я не видела Эллен неделю. Я устроила отцу сцену и потребовала, чтобы он разрешил мне зайти в ее лабораторию.

— Иначе я уеду, завтра же,— сказала я.

— Но она больна,— убеждал он меня.— И может быть, это инфекционное заболевание.

Я настаивала. Отец злился. Я ушла, хлопнув дверью. Утром следующего дня отец отвел меня к Эллен.

Когда я вошла в комнату рядом с лабораторией, куда поместили Эллен, я едва узнала ее. Она схватила мою руку, заставила склониться близко-близко к себе, и я услышала:

— Ли, я снова видела тот же сон!

А на следующий день отец вызвал меня среди дня и сообщил, что Эллен скончалась.

— От острого энцефалита,— сказал отец.— Возможно,— добавил он,— она была неосторожна.

Я онемела от горя. На меня обрушилась лавина подозрений, ужаса перед чем-то необъяснимо страшным. Энцефалит? Эллен умерла от энцефалита? Я вновь и вновь перебирала в памяти события последних дней, которые — я теперь не могла себе этого простить! — прошли мимо меня. Это было горячее время, рабочий день и почти все вечера я проводила в лаборатории с Ниночкой.

И вот теперь Эллен умерла... Энцефалит? Я не верила этому.

В последнее время действительно от этой болезни одна за другой умерли несколько женщин, главным образом лаборанток Эллен. До сих пор думали, что эту болезнь, как и ряд других, передает какое-то насекомое. Хотя выход в лес за территорию городка запрещен, это не дает полной гарантии. Удивительным было то, что все погибшие — женщины, причем среди них только Эллен была белой.

Меня поразило, что смертные случаи не взволновали сотрудников института и клиники. Возможно, это было следствием режима изоляции и предельной замкнутости, в которой пребывали жители нашего поселка.

Но еще больше меня озадачила реакция отца. Он по-прежнему сохранял невозмутимость и практицизм.

— Видишь ли,— говорил он мне по дороге с кладбища,— мы живем здесь в двух сферах. На работе и в семейном кругу. Я беру сюда только семейных. Одинокий человек не может здесь работать. Я не могу создать для него необходимых развлечений. У одинокого здесь два пути. Если он настоящий ученый, то работает, не выключаясь, и быстро выходит из строя. Посредственность просто спивается. Мне это не подходит. Я предпочитаю семейных. Так обеспечивается автоматическая регулировка.

Автоматическая регулировка, как я заметила, была любимым коньком отца. Я невольно усмехнулась, но отец говорил, не замечая ничего:

— Я бы не взял Фреда, хотя его идеи очень интересны, но

Эллен была звездой в нейропатологии, и она была мне нужна. Теперь Фред одинок. А его работа достигла такой фазы, что я не могу его отпустить. Прошу тебя,— закончил отец,— включись в его работу и уделяй ему часть свободного времени.

«ЕЕ ЗОВУТ ЛИЛИ»

Так я стáла работать с Фредом. За это время он успел продвинуться далеко вперед и подтвердил гипотезу о сверхпроводящих микроструктурах мозга опытами с морскими свинками. Импульсы магнитного поля, в миллионы раз превосходящего поле Земли, полностью стирали у них все следы дрессировки, не влияя на общее состояние и поведение животных.

Теперь начались опыты в большой магнитной камере, где действовали еще более сильные магнитные поля.

Фред работал как одержимый. Признаться, я была поражена тем, как мало он нуждался в утешении. Он почти не вспоминал о покойной сестре. Казалось, он жил как бабочка-однодневка, радующаяся лучам солнца. Плохое настроение бывало у Фреда только по утрам. Стоило ему начать работать, как все исчезало.

Незаметно промелькнули немногие самые счастливые дни моей жизни. Я тоже стала бабочкой-однодневкой, и все это время кажется мне теперь сияющим безоблачным утром.

Вечер наступил внезапно. Это случилось, когда я обнаружила в лабораторном журнале Фреда... Впрочем, нет, не тогда. Еще раньше. Меня тревожила странная забывчивость Фреда. Я решила, что она — следствие переутомления, и сказала отцу, что плохо справляюсь с его заданием.

Отец отнесся к моему сообщению с большим вниманием, расспрашивал о деталях, просил уговорить Фреда зайти к врачу.

Через некоторое время отец спросил меня о Фреде. Я сказала, что улучшения нет, что врач не нашел никакого заболевания и даже не видит симптома переутомления.

— Знаю, знаю,— сказал отец и начал подробно расспрашивать о моих наблюдениях, вновь и вновь возвращаясь к деталям.

Он заметно волновался. Через некоторое время со словами: «Наконец-то! Да, я был прав!» — он вынул из сейфа тетрадь и начал что-то лихорадочно в нее записывать.

На мои настойчивые вопросы о том, что он знает, отец не отвечал. Он спокойно писал, будто меня и не было в комнате, будто не понимая, что для меня все, что касается Фреда, уже давно стало вопросом жизни и смерти.

Я еле сдержалась, чтобы не показать ему то, что лежало у меня во внутреннем кармане халата, эти несколько страничек, которые я нашла в лабораторном журнале Фреда. Несколько

страничек, на многое открывшие мне глаза, но, увы, ничего не объяснившие. Вот они, эти листочки:

«17 января.

Я стал очень рассеян. По-видимому, сказывается переутомление. В конце опыта я часто не могу понять, зачем он был поставлен, что я хотел выяснить, о чем должен был узнать. Вероятно, я не сразу почувствовал неладное. Но это повторялось все чаще и наконец превратилось в систему. По совету мисс Бронкс я начал вести лабораторный журнал. Каждое утро составлял план работы на день, рисовал схему опытов, фиксировал все исходные данные. И все пошло на лад. Ничто не мешало работе, и она шла семимильными шагами.

Но, как говорят врачи, это было лишь симптоматическое лечение. Я победил лишь последствия, а причина — очаг заболевания — осталась. Теперь я знаю, что болезнь прогрессирует.

Мисс Бронкс говорит... мисс Бронкс...

Я начал писать этот дневник потому, что не знаю, как зовут мисс Бронкс. Это уже не рассеянность, я, кажется, т е р я ю п а м я т ь! Я не знаю, как ее зовут. Ее!

Телефон зазвонил в тот момент, когда я записывал в журнал результаты очередного опыта. Она сказала, что пора обедать. Как всегда, ее голос потряс меня до глубины души. По спине пробежал холодок, и я услышал гулкие удары своего сердца. И в этот момент ужас овладел мною. Ее имя исчезло. Я едва не назвал ее мисс Бронкс и, пролепетав: «Иду, дорогая», повесил трубку.

Не буду описывать дальнейшего. Она, конечно, почувствовала, что со мною неладно. А я весь обед болтал о пустяках. И сбежал обратно в лабораторию.

Теперь я понимаю, что серьезно болен. Конечно, это от чрезмерной нагрузки. Но взять отпуск нельзя. Контракт есть контракт. Единственный способ бороться с прогрессирующей рассеянностью — вести дневник. Записывать в него все. Все, что может понадобиться, все, что имеет хотя бы малейшее значение.

18 января.

Ее зовут Лили. Лили Бронкс. Я узнал об этом вчера вечером. Охранник, пришедший, чтобы опломбировать дверь моей лаборатории, передал мне конверт. В нем лежала записка.

«Завтра в семь на корте. Ли».

Это было чудесное утро. А теперь за работу.

18 января, вечер.

Действительно, я болен. Все повторилось. Хорошо, что дневник был раскрыт, и я сразу прочитал ее имя. Но факт остается фактом. К концу рабочего дня я становлюсь невероятно рассеян».

Запись не обрывалась, нет, она, видно, продолжалась на

следующих листках, но их я нигде не нашла. А дальше, может быть, и была разгадка? Боже, что же делать, как поступить?

После моих настойчивых расспросов отец сказал, что не сомневается в том, что провалы в памяти Фреда — результат работы в большой магнитной камере.

— По-видимому,— размышлял он вслух,— полученные в ней огромные магнитные поля способны разрушать сверхпроводимость некоторых элементов человеческого мозга. Это не опасно,— добавил отец,— но очень интересно и важно.

Он требовал, чтобы я наблюдала за Фредом, оставаясь вне сферы сильных полей. Конечно, я отказалась. Я отнюдь не пуританка и не кликушествующая противница вивисекций. Каждый ученый может проводить опыты над самим собой. Многие великие ученые так и поступали. Но экспериментировать над людьми без их ведома — бесчеловечно и недопустимо!

Одним словом, я отказалась. Гнев отца был ужасен. Он говорил о прогрессе, о науке, о судьбах человечества. Вновь и вновь повторял, что это безвредно. Но я не могла заслонить человечеством одного человека.

Я рассказала Фреду о догадке отца. Я ожидала бури, возмущения, но... Фред пришел в восторг! Более того, через полчаса я стала его убежденной помощницей. Мы начали усиленно работать — конечно, избегая зоны сильных полей. Отец оказался прав.

Любые животные, побывав в большой камере, легко воспринимали самую сложную дрессировку. Но один мощный импульс уничтожал все достигнутое. Это можно было повторять сколько угодно. Уничтожались только условные рефлексы. Врожденные особенности не терялись. Здоровье животных не нарушалось.

Фред задерживался в лаборатории все дольше и дольше. Он снова увеличил пиковое значение поля, и мы впервые увидели, как взрослая рыба превращается в несмышленого малька. Еще одна реконструкция — и наши свинки, побывав в магнитной камере, разучились отыскивать корм. Но самым удивительным было то, как быстро они обрели утраченную способность после того, как в их клетку посадили контрольную морскую свинку.

Отец торжествовал. Он хотел испытать действие магнитного поля на душевнобольных, страдающих манией преследования и другими острыми психозами. Он считал, что эти психозы могут быть проявлением ненормальных связей в сложной системе человеческой памяти, а значит, разорвав эти связи, можно прервать болезнь.

Однако неожиданные события оборвали размеренный ритм нашей жизни и нарушили эти планы.

ЗА КРУГЛЫМ СТОЛОМ

Как-то вечером отец нанес мне визит. Впервые. Как обычно, он был сух и краток. Он просил меня распорядиться и проследить, чтобы завтра утром приготовили коттедж для троих гостей, а к двум часам пополудни — парадный обед. Я должна быть хозяйкой.

Действительно, около полудня следующего дня на нашем аэродроме приземлился самолет. Отец лично встретил приезжих и отвез их в приготовленный коттедж.

В два часа я ожидала их в столовой, декорированной живыми цветами. Меня немного удивило, что обед был сервирован на круглом столе. Одновременно с боем часов открылась дверь. Не буду описывать внешность вошедших. Важные господа настолько схожи манерами и нескрываемой убежденностью в своем превосходстве над простыми смертными, что различия в костюме, тембре голоса, форме носа, цвете глаз и волос отступают на задний план. А здесь были весьма важные господа. Это чувствовалось даже по поведению моего всегда независимого отца.

Отец церемонно представил их мне, и все сели. Теперь я поняла, что круглый стол появился не случайно. Он позволял избежать церемонии рассаживания и придавал обеду интимный характер.

Я не набожна, может быть, поэтому парадный обед напоминает мне богослужение. Но в этот день торжественный ритуал был нарушен. Гости попросили разрешения пить только коньяк. Отец из вежливости присоединился к ним, и вскоре беседа покинула традиционную тему погоды. Гости захотели перейти к делу и дружно требовали, чтобы отец немедленно информировал их о полученных результатах. Отец пытался отложить деловую часть до завтра, ссылался на то, что мне это неинтересно, что лучше начать с осмотра лабораторий, но главный из гостей сказал, что все это чепуха и что дочь, то есть я, может и должна знать все; что дети должны быть готовы заменить отцов, и попросту приказал отцу начинать.

Отец побагровел, вскочил из-за стола и прошел в холл. Через минуту он возвратился с коричневой кожаной папкой и совершенно спокойно сел за стол. То, о чем он говорил, было мне в общих чертах известно, но я чувствовала, что гости ждали другого, а отец упорно не хотел об этом говорить в моем присутствии.

Я буквально окаменела от недобрых предчувствий и лишь страшным усилием воли заставила себя, улыбаясь, сидеть за столом.

В конце обеда я даже выпила со всеми за успех.

Было десять часов вечера, когда послышался стук в мою дверь. Я не слышала шагов и вздрогнула от неожиданности. Что-нибудь случилось? Фред никогда не приходил ко мне. Мой коттедж был слишком на виду, и мы давно условились, что встречаться будем у него — его домик стоял у внешней ограды поселка, в зарослях нетронутого куска джунглей. Но может быть, что-то стряслось и это он? Сегодня я была взвинчена и ждала только плохого.

Я распахнула дверь — передо мной был Джексон. Этого я совсем не ожидала. Мы не виделись со дня приезда, и, честно говоря, я не вспоминала о нем. Я даже не узнала его. У него был щеголеватый вид юноши, собравшегося на свидание. От него даже пахло каким-то дешевым одеколоном. «Еще чего не хватало!» — мелькнуло у меня в голове, и я взялась за ручку двери. Джексон тяжело дышал, и, прежде чем он начал говорить, я успела чуть прикрыть дверь.

Он остановил меня:

— Погодите, мисс Бронкс, я знаю, поздно, и вы вправе сердиться на меня. Но это очень серьезно, и мы не знаем, что делать. Джен сказала — беги за мисс Бронкс, здесь больше некому довериться. Пойдемте, мисс Бронкс, скорее.

Я ничего не понимала, но все глупые мысли тотчас выскочили у меня из головы.

Мы побежали. Джексон сразу же повернул к дому Фреда, и сердце мое сжалось. Но мой проводник, не задерживаясь, двинулся вдоль изгороди, задами жилой части поселка. Так мы добрались до одной из проходных, которая вела внутрь секретных лабораторий клиники. «Какая нелепость,— подумала я,— ведь Джексона не пустят, да и я не взяла жетона. Что он задумал?»

Джексон остановился и прислушался. Кругом была тишина. Потом он подошел к окошку проходной и тихо постучал. У дверей показался охранник. Это был один из самых неприятных типов, которых мне когда-либо приходилось видеть. Я всегда считала несчастливым тот день, когда он дежурил и приходилось дважды, утром и вечером, встречаться с его недобрым взглядом. Это был гориллообразный верзила с узким лбом и маленькими жесткими глазами. Улыбка появлялась на его лице лишь в тот момент, когда он приветствовал моего отца, и эта улыбка была страшнее гримасы.

Он молча остановился на пороге, вглядываясь в темноту, и дальнейшее показалось мне сновидением.

— Это я, старик,— прошептал Джексон.

— Скорее, мой мальчик, она уже прибегала.— И лицо его

выражало такую доброту и тревогу, такое искреннее участие, что показалось мне просто прекрасным.— Благослови вас бог, мисс Бронкс! — добавил охранник.— Вы поможете им, я знаю.

«Здесь течет какая-то неведомая мне, скрытая от глаз жизнь, со своими отношениями, заботами, печалями и радостями,— думала я, следуя за Джексоном незнакомым мне путем.— Значит, только внешне все так изолированы друг от друга, так суровы. Для отца это явилось бы неприятным открытием,— мелькнула у меня злорадная мысль.— Интересно, какое было бы у него выражение лица, если бы он увидел своего самого преданного охранника, пропустившего в святая святых постороннего!»

УБИТЬ ПАМЯТЬ!

Я не заметила, в какую дверь юркнул Джексон, помню только, что мы спустились вниз, в подвал, затем пробирались подземными складами; прошли через криогенную лабораторию, где стояли установки, сжижающие азот и гелий, которыми мы пользовались для изучения явления сверхпроводимости, через механические мастерские и наконец попали в генераторный зал. Только теперь я по-настоящему увидела, каким богатым и оснащенным новейшей техникой был наш научный центр. Я увидела много людей, которые работали, несмотря на поздний час, и, видно, никогда не появлялись «на поверхности», увидела тех, кто обслуживает клинику, питает ее электроэнергией, водой. Всех этих людей, знавших Джексона, но неизвестных мне. Они не удивлялись, увидев его, но подозрительно, как на чужую, поглядывали на меня. Как видно, те, кто работал наверху, в чистых лабораториях, никогда не встречались с людьми из подземелья, а те, в свою очередь, не знали почти никого из «верхних».

Джексон уверенно вел меня из помещения в помещение, и шел он этим путем — я уже не сомневалась — не в первый раз. Наконец он приложил палец к губам и быстро открыл какую-то дверь. Я остолбенела от изумления: это была наша лаборатория. Над столиком с магнитофоном склонилась секретарша отца. На кровати, обнявшись, сидели двое — Джен и маленькая Нина. Джен напряженно вытянулась — вся в ожидании. Когда мы вошли, она несколько раз перекрестилась. Ниночка смотрела куда-то мимо нас отрешенными, бездонными глазами. «Был припадок»,— догадалась я, и тут же возникла неожиданная мысль. Что мне напомнили эти двое, сидящие тесно друг к другу? Нет, не Джен и Ниночка в отдельности — мы встречались изо дня в день и ни разу это не вызывало ощущения, что я видела их раньше. Но где же я встречала их вот так, вместе, тесно обняв-

шихся, застывших с тем же выражением лица?.. Господи, да ведь это же оригинал фотографии в пилотской кабине Джексона! Я чуть не вскрикнула, но увидела, как Джен поднесла палец к губам и показала глазами на девочку.

И только тогда я обратила внимание на то, что Ниночка, не переставая и не обращая на нас внимания, что-то быстро-быстро бормочет.

Вскоре она стала запинаться, глотать слова, головка опустилась на плечо Джен, и девочка замолкла. Личико ее было в испарине — она спала. Мы с Джен осторожно раздели Ниночку и уложили в постель. Напряжение покидало ее, дыхание становилось глубже и ровнее.

Я облегченно вздохнула: слава богу, все обошлось. Но когда секретарша отца перемотала ленту и включила магнитофон, мне сделалось жутко. То, о чем лепетал этот ребенок, было ужаснее самых страшных снов. Это была тайная беседа моего отца с его гостями. Постепенно мне стало ясно, где Ниночка слышала все это и как могла запомнить.

После обеда отец, как видно, повел гостей осматривать клинику и нашу тихую лабораторию выбрал своей исповедальней. Видимо, он не знал, что за ширмой спала девочка. Или он был сильно пьян и утратил чувство бдительности? Ведь он прекрасно понимал, как впитывает каждое слово спящий под действием электросна мозг! Но может быть...

— Джен, а мистер Бронкс знал, что у Ниночки был сегодня приступ?..

— Я не успела ему сообщить, мисс Бронкс. Он вошел со знатными господами и тотчас меня выслал. Сказал, что сам покажет лабораторию.

— А разве он не видел Ниночку?

— Нет, я только что выключила прибор. Она осталась за ширмой.

Так вот почему он разоткровенничался! Он не знал, что Ниночка слово в слово запомнит весь разговор.

Я уже не могу точно воспроизвести магнитофонную запись, но попытаюсь это сделать в общих чертах. Не оставалось сомнения, что все они, в том числе мой отец,— замаскировавшиеся члены нацистской партии, мечтавшие о возрождении тысячелетнего рейха. Пользуясь огромными тайными фондами, рассредоточенными во многих банках мира, они деятельно и незримо готовили реванш.

Задача отца считалась важнейшей. Здесь, в безбрежных джунглях, он должен был найти средство стереть из памяти человечества воспоминания о зверствах нацистов. Найти способ превращения массы людей в безвольное стадо покорных живых роботов, лишенных воли, лишенных инициативы и слепо, от

рождения до смерти, исполняющих приказы. Целью работ являлось отыскание физических и химических средств воздействия на человеческую психику, прежде всего на память. Руководство, говорил отец, желает иметь средства воздействия, рассчитанные на массовое и по возможности скрытное применение.

Основные результаты получены в трех направлениях. Первое — управление человеческими эмоциями при помощи ультразвуковых, инфразвуковых и скрытых оптических воздействий. Нужно только умело использовать их для раздражения определенных участков мозга. При этом можно воспользоваться кинофильмами, а иногда и магнитными лентами или грампластинками. Это может обеспечить сравнительно массовое воздействие. Но более глубокого эффекта, нежели чисто эмоциональный, получить пока не удается.

Дальше отец рассказал о результатах, полученных Фредом, и определил их как очень интересные, но вряд ли перспективные для массового применения. Результаты еще предварительные и будут продемонстрированы на животных.

Самыми обнадеживающими отец считал результаты своих химиков, ибо, как он сказал, полученные ими препараты могут быть введены вместе с пищей или путем инъекций. Из этой части рассказа я с ужасом узнала о невероятных по своей дерзости опытах, на которые эти господа возлагали особые надежды.

Недавно в печати промелькнуло сенсационное сообщение группы ученых Калифорнийского университета, выдвинувших гипотезу о возможности пересадки памяти от одного живого существа другому химическим путем. Опыты они ставили на плоских червях. Измельчая трупы дрессированных червей, они добавляли их в пищу другим червям. И эти черви-каннибалы вместе с мясом своих сородичей впитывали и накопленную ими информацию! Далее ученые перешли на опыты с более высокоорганизованными животными: крысами и хомяками. Они обучали группу крыс слушаться определенных команд, например подходить к кормушке по звонку, а потом, сделав вытяжку из их мозга, вводили ее необученным крысам и обнаруживали у тех все признаки привитого их предшественницам навыка.

Затем ученые еще более усложнили опыты и стали передавать память от одного вида животных другому, обнаружив, что механизм памяти у разных видов одинаков.

Отец, оказывается, не пропустил этих сообщений. Напротив, он оттолкнулся от новой идеи и приступил к опытам над обезьянами и... людьми!

Работа еще не закончена, сказал он, хотя и продвинута достаточно далеко. Стадия эксперимента с животными успешно завершена. Все дело в дозировке. С людьми... Я не могу продол-

жать... Все случаи острого энцефалита, смерть Эллен — все это было результатом его зверских экспериментов.

Как он мог! Как мог человек и ученый поступить так с женщиной, которая — он знал это, не мог не знать — любит его! На это не способен даже зверь. А он, вооруженный современными знаниями, видел перед собой не женщину, а незаурядный мозг и хладнокровно, педантично исследовал его, искал в нем центры, которые управляют творчеством, накапливают знания. Его не смущало, что его жертва жива, он усыплял ее и иглами проникал ей в мозг в поисках заветных центров. Вот почему у нее болели руки и ноги — иглы вторгались в область мозга, заведующую движением. Эти изверги, наверно, искромсали ей весь мозг, нарушили управление жизнедеятельностью организма, и она умерла. А вытяжки из мозга Эллен они впрыскивали в мозг других женщин, которые тоже умерли в процессе этих опытов. И отец с досадой говорил, что умерли они преждевременно, что ему так и не удалось проверить, могут ли они стать тем же, чем была в науке Эллен.

«Но мы продолжим эти опыты,— заверил отец,— и не будем так скромны. Мы поставим массовый эксперимент! Мы не будем жалеть средств!»

«И людей»,— добавила я про себя.

Эта часть его разглагольствований смахивала на бред сумасшедшего. Сумасшедшего буйного, одержимого жаждой власти, порабощения. Он говорил о том, что в будущей войне они не позволят себе роскоши сжигать пленных в газовых печах — нет! Они не ограничатся утилизацией волос, зубов, кожи людей — о, нет! Они будут перерабатывать самый ценный трофей — мозг. Мозг жертв, из которого будут добывать «экстракт знаний». И все богатства, накопленные людьми порабощенных наций, будут впрыскивать в мозг настоящих арийцев, только настоящих, стопроцентных! И нация, впитавшая в себя этим способом все знания, весь опыт побежденного человечества (но не затратившая на их приобретение ни малейшего усилия!), получит небывалое господство над миром...

Отец еще долго развивал эти планы. Эти работы были его гордостью, о них, по-видимому, он говорил впервые.

Слушать это было нестерпимо, нас бил озноб, нам было жутко...

Да, настоящая трагедия нашего века — не водородная бомба или еще какое-нибудь достижение техники. Нет, трагедия — это люди, подобные моему отцу, для которых наука оказалась удивительным катализатором, усилителем их безумия, ненависти, жажды власти.

После окончания рассказа, как видно, началась общая беседа, принявшая оживленный и немного бессвязный характер,

или Ниночка что-то путала. Во всяком случае, разобрать что-нибудь еще нам не удалось.

Но и этого было более чем достаточно!

Боже, в каком страшном аду мы оказались!

И словно прочитав мои мысли, Джексон сказал:

— Это страшное место, мисс Бронкс. Еще по дороге сюда мне хотелось уговорить вас вернуться. Вы такая молоденькая и так не похожи на отца. Мне было жутко от мысли, что вы едете сюда надолго. Вы сказали — навсегда, но здесь слишком часто и для очень многих это слово имело трагический смысл.

— Господи, Билл, почему я не послушалась тебя, почему мы не уехали?

Джен расплакалась. Джексон бросился к ней и обнял. Потом повернулся ко мне:

— Не удивляйтесь, мисс Бронкс, ведь Джен — моя невеста. Уж ее бы я как-нибудь вывез отсюда. Но она сама не хотела — слишком привязалась к Ниночке. А Ниночке уехать нельзя: может быть, здесь ее действительно вылечат.

— Джексон, но если вы знали хоть часть из того, что мы услышали, как же вы никого не предупредили, как же не попытались раскрыть все?

— В том-то и дело, мисс Бронкс, что толком-то мы ничего не знали. Здесь все чего-то боятся, шепчутся о подозрительных смертях, и только. А уехать никто не может — контракт. У меня тут много друзей, но это рабочий люд — что мы понимаем в науке? А ученые здесь, видно, все фашисты, как мистер Бронкс. Простите, мисс Бронкс! Вот только вы да мистер Штерн...

Господи, что же я сижу! Надо бежать к Фреду, рассказать все, придумать что-нибудь, но как ему сообщить об Эллен?

ИНТЕРМЕДИЯ

Несмотря на ночной час в кабинете Фреда еще горел свет. Я была взбудоражена, растеряна, напугана и все же, остановившись у его окна, почувствовала, что меня охватывает привычное чувство радости и покоя. Боже, какое счастье иметь близкого человека, какое счастье, что я встретила Фреда! Я любила его, любила впервые в жизни, и необычность обстановки, наше одиночество, оторванность от прежней жизни еще больше сближали нас. Мы уже не представляли себя врозь ни здесь, в этой страшной колонии, ни вообще где бы то ни было.

Я заглянула в окошко, и мне показалось, что все, что я только что узнала, просто страшный сон. Нет, ничего не изменилось! Мой отец не преступник! Это слишком чудовищно, чтобы быть правдой. Ведь ничего не изменилось здесь, за этим окном, в мире

моего счастья, моей любви, моей жизни. Вот Фред, как всегда в этот час, в своем низком кресле у самого окна. Он что-то читает и записывает в большую тетрадь, лежащую тут же рядом, на низком столике. Он карандашом рассеянно водит по лбу, сейчас он откинется в кресле, задумается, что-то запишет. Я войду, и Фред отшвырнет книгу и обнимет меня так, что я закричу: «Фредди, ты опять свернул мне шею!» А Фред скажет: «Ну нельзя же быть такой непозволительно красивой, надо иметь хоть один недостаток, например голову набекрень. Такая деталь внесла бы хоть какое-то разнообразие во внешности современных девиц».

А потом мне обязательно захочется есть. Мне всегда вечером ужасно хочется есть, и я пойду варить кофе, а Фред включит магнитофон... И я услышу Листа, или Чайковского, или Бетховена, или особенно любимого Фредом Шопена. Шопена Фред мог слушать часами, с Шопеном он забывал даже обо мне, с ним он грезил и вспоминал свое детство и родителей, известных польских музыкантов, погибших в варшавском гетто, и мечтал о чем-то, мне недоступном. И Шопен снимал с Фреда часть забот, усталости, неудовлетворенности. Фред становился особенно нежен и как-то светел.

Одаренность и музыкальность Фреда были для меня чудом, они вносили в мою жизнь неведомое раньше богатство, что-то, чего я всегда была лишена. Воспитываясь вне семьи, в закрытых заведениях, где царил коллектив и особенно ценились такие качества, как выносливость, спортивность, ровность характера и рационализм, я естественно, увлекалась теннисом, греблей, конкурсами красоты. Росла здоровой, но, что греха таить, лишенной того душевного изящества и тонкости, которые прививались в таких семьях, как семья Фреда, где духовные богатства ценились превыше всего, где больше заботились о духе, чем о теле.

Раньше я не встречала таких людей, как Фред. Среди моих подруг и друзей не было принято предаваться мечтам, грустить за роялем, подолгу останавливаться у картин на художественных выставках. Все это считалось сантиментами, девятнадцатым веком, белибердой. Наука, спорт — вот достойные божества нашего века, и мы поклонялись им, не задумываясь о тех ценностях, которым отдали свое сердце люди другого склада и не нашего поколения.

Я смотрела в окно и думала о том, какое счастье, что судьба подарила мне Фреда, и дрожала от предчувствия, что счастье это непрочно и что против нас затевается что-то ужасное.

Когда я вошла, Фред швырнул на диван книгу, шагнул ко мне, чтобы обнять, но руки его опустились — мы уже без слов понимали друг друга.

— Ли, детка, что с тобой?

Я рассказала обо всем. Он молча выслушал и несколько минут смотрел мне в глаза. Потом сказал:

— Мне надо подумать. Прости меня, я пойду в лабораторию.

И когда я пошла за ним, добавил:

— Нет, не ходи.

И вдруг обнял меня, несколько раз поцеловал и убежал.

Я осталась одна. Я решила не возвращаться домой, а дождаться Фреда и переночевать у него. Сейчас не время разлучаться. Незаметно для себя я заснула, а когда проснулась, было уже светло. Фреда все еще не было. Боже, не опоздала ли я? «Те» собирались к нему в полдень. Отец вчера просил меня сопровождать их. Значит, у меня есть время подумать.

Я снова перебрала в памяти все события вчерашнего дня, рассказ Ниночки, в голове всплывали какие-то забытые подробности, и вдруг я вздрогнула. Боже, а что они говорили о школе? Я ясно вспомнила, что Ниночка упоминала школу, что-то должно сегодня произойти в ней, но что?

Страх с новой силой овладел мной. У нас в поселке было несколько десятков детей школьного возраста, и именно сегодня в школе отец задумал произвести какой-то эксперимент! Там начнет он демонстрацию своих чудовищных достижений! Как же я упустила это из виду?

Я побежала к Джен. Она не помнила этого места в рассказе Ниночки. «Надо сейчас же разыскать Джексона,— сказала она,— у него в поселке много друзей, он все разузнает».

Джексона мы нигде не нашли. Я была в отчаянии. Ведь я новичок и никого не знаю в поселке. Джен большую часть времени проводила с девочкой и тоже почти ни с кем не общалась. Кроме того, я не хотела попадаться на глаза отцу и вызвать его подозрения. Вся надежда была на Джексона. Но где же он? Где искать его? Джен сказала, что, после того как вчера ночью он пошел провожать меня, она его не видела.

Положение осложнялось. Часы пробили восемь, девять, а мы все еще не решались что-либо предпринять. В четверть десятого в дверь постучали.

— О, это Билл, это его стук! — Джен бросилась открывать.

Это действительно был Джексон, вид его говорил о бессонной ночи.

— Мисс Бронкс, вы здесь? Как я не догадался! Я всюду искал вас! За ночь я кое-что предпринял и предупредил верных людей. Ваш отец тоже не спал, он развил бурную деятельность. Видно, сегодня он решил угостить приезжих хорошим спектаклем. Из клиники он велел перевести часть выздоровевших душевнобольных в питомник...

— В питомник?

— Да.

— Ничего ие поимаю...

— Готовится что-то страшиое, ио у иас есть еще время. Сейчас важиее другое, и тут иужиа ваша помощь. Всю иочь в школе идут какие-то приготовления. Краиц и Меиде собствеиоручио притащили два каких-то ящика и заперли их в иесгораемом шкафу...

«Господи,— мелькиула у меия мысль,— возможио ли: букеты роз и зверские экспериметы иад детьми?!» Я тут же выругала себя за сомиеиия. Неужели у меия остались еще какие-ибудь иллюзии? Неужели я продолжаю верить в благородство людей, которые иикогда ие поимали зиачеиия этого слова. Достаточно вспомнить ужасную смерть Эллеи... Только запрет Фреда говорить с кем-ибудь об этом удерживал меня. Но Фред сказал: «Прежде чем что-либо предприиять, иужио все точио выясиить, иначе оии ускользнут из рук правосудия. Кляиусь, я прооикиу в эту тайиу, только ие подавай виду, что мы что-то затеваем...»

Не слишком ли затяиулось иаше иеведеиие? Не опоздаем ли мы и иа этот раз?

— Дальше, дальше, Джексои,— торопила я.— Что еще вы узиали?

— Вчера вечером мистер Броикс вызвал к себе Питера, школьиого кииомехаиика — ои мой друг, от иего-то я все и узиал — и приказал ему быть готовым к десяти часам утра демоистрировать фильм.

— Какой? — вырвалось у меия.

— Когда Питер спросил, какой фильм ему приготовить, мистер Броикс рассердился: «Не ваше дело. Это будет иовый учебиый фильм». Кроме того, ои велел освободить комиату рядом с кииобудкой. Всю иочь в школе трудились рабочие. Оии пробили окио из этой комиаты в класс и вставили в иего рамы с тройиыми стеклами. Мы ие поимаем, что это зиачит, ио я договорился с Питером: ои зараиее проведет вас к себе. Вам легче поиять, что затевает мистер Броикс. Собирайтесь, мы должиы прийти хотя бы за полчаса до сеаиса...

ВЕЛИКАЯ ТЕОРЕМА

Через окио кииобудки, закрытое тройиым стеклом, я видела детей, вместе с учительиицей смотревших фильм, в котором в увлекательиой форме рассказывалось о теореме Пифагора. На экраие мелькали величествеииые сооружеиия аитичиого мира, и я видела, как дети с иитересом следили за работой древиих землемеров. Вдруг одиа девочка заплакала, и сразу в рыдаииях забился весь класс. Удивлеиие иа лице учительиицы смеиилось выражеиием глубокого горя, и слезы полились из ее

глаз. Внезапно лнца детей просветлелн, н было видно, как нх охватил неудержимый смех. Учительница тоже смеялась. А на экраие по-прежнему методично развивалась исторня великой теоремы. Параксизмы смеха постепеиио утнхлн, н сеаис пошел своим чередом.

То, чему я стала свидетельницей, было удивнтельным научным достижением. Еще сегодня утром я сказала бы, что это неосуществнмо, настолько возможность скрытого управления эмоциями казалась нереальной, достижимой лншь в далеком будущем. Но, к счастью или к несчастью иашего буриого века, темп жизни, темп иаучных свершений так ускорился, что отучил нас удивляться. Для этого ие хватает времеии. Мы должны немедля решать, как скорее применить новое научное достижение и как вовремя защититься от него, еслн оно попадет в рукн врагов.

То же случилось и на этот раз. Я увидела удивнтельную вещь. Особое излучение (скорее всего, ультрафиолетовое,— Питер сказал, что его аппарат был оборудован специальной кварцевой оптикой), сопровождающее кнносеанс и закодированное на кинолеите в определеином рнтме, воздействовало на мозг, и дети смеялнсь н плакалн не тогда, когда нм этого хотелось, а тогда, когда этого желал режнссер. Еслн бы он захотел, детн моглн бы кииуться друг на друга с кулакамн. Взрослые, не понимая, не рассуждая, под влнянием чужой волн моглн взяться за оружне и пойтн сражаться, не ведая зачем.

Это было чудовнщно! Я представнла себе мнр, которым правит горстка безумцев, нзвергов, способных управлять мнллнонами лишенных памятн и волн людей!

Я представила себе, что экспернмент, которому я была свндетельницей, проводится не здесь, в школе, а где-ннбудь в Алабаме. Из репродукторов льется нежная музыка. Люди заняты своим делом. Кто спешнт на работу, кто в магазин. Однн мнрно копается в саду, другой подметает улнцы. Но вдруг вместе с музыкой нз репродукторов вылетают н неслышимые ритмы тайного приказа. Все бросают свои дела. Людьмн овладела одиа мысль — достать оружие. И вот уже целые толпы белых нападают на негритянские кварталы. Они жгут, режут, грабят, убивают!

А вот миллиоииая армня грузится на кораблн, н, не рассуждая, не поннмая, ие сопротивляясь, одна нация уннчтожает другую, одно государство — другое. На земном шаре воцаряется террор, иеведомый ни временам крестовых походов н никвизиции, ни временам столетннх войн н кровавых владычеств бездушиых деспотов.

В иаши дни наука может вложнть в руки безумцев страшное оружие власти. Надо спешнть, надо срочно разоблачить наме-

рение фашистских злодеев, пока их деятельность не вышла за пределы эксперимента!

Эти мысли жгли мне мозг, сжимали сердце, пока я дожидалась условного знака киномеханика, выпустившего меня через черный ход. Я была в таком состоянии, что не могла сразу же предстать перед отцом и гостями, не вызвав у них подозрения. Забежав к Джен, я умылась, привела себя в порядок. И только после этого направилась к проходной, где накануне отец назначил мне место встречи.

Я опоздала минут на десять, что у отца в прежнее время вызвало бы бурю гнева. Но на этот раз ни он, ни его гости даже не заметили задержки. Они были слишком поглощены впечатлением от только что увиденного, мечтами о будущем беспримерном и бескрайнем могуществе, которое сулила им работа тайного центра, притаившегося в дебрях джунглей.

Господа были чрезвычайно довольны. По дороге в лабораторию Фреда они обсуждали способы овладения контрольными пакетами акций основных кинокомпаний.

ОТЕЦ — УБИЙЦА

То, что произошло потом, осталось у меня в памяти, как обрывки кошмарного бреда. Я ничего толком не помню. Осталось лишь ощущение, что вся моя жизнь состоит только из этого ужасного дня. Все остальное — это мгновение, бессодержательное и смутное...

Фред встретил нас на пороге лаборатории. Церемонно здороваясь с каждым, он вложил в мою руку маленький кусок картона.

В то время когда Фред воспроизводил свои первые опыты с рыбами, я прочитала: «В 11.45 почувствуй себя плохо, я тебя выведу».

В половине двенадцатого мы зашли в помещение большой камеры. В ней уже стояли клетки с морскими свинками, и Фред показывал их забавные проделки. Предчувствие недоброго охватило меня с такой силой, что я задрожала от неудержимого озноба. Мне не потребовалось никакого притворства. Один из господ заметил мою бледность. Фред подхватил меня и почти понес в коридор. В полусознании я почувствовала, как все здание мягко качнулось от разряда главной батареи.

Когда я пришла в себя, кругом все пылало. Среди рушащихся стен слонялись фигуры в порванных, запачканных костюмах. Они издавали бессмысленные звуки, и я поняла, что удар Фреда попал в цель. Они были внутри камеры, когда раз-

рядились конденсаторы главной батареи. Они уже никогда не вспомнят ни свои имена, ни свои ужасные планы.

Потом я увидела Фреда. Он еще дышал. Когда я наклонилась к нему, его глаза раскрылись, и он прошептал:

— На аэродром, скорее, он убежит...

И, словно аккорд органа, ответом ему был отдаленный рокот моторов взлетающего самолета. Я снова потеряла сознание.

Отец исчез. Убегая и заметая следы, он взорвал все, что считал жизненно важным. Я не сомневалась, что мы погибнем здесь, в райском очаровании джунглей, а он снова возьмется за свое адское дело.

До сих пор почти каждую ночь я слышу голос отца: «Ли, брось дурить. Бежим, не будь идиоткой. Мы начнем все сначала. Да скорее же, скорее, я не могу ждать — я сейчас взорву здесь все, все будет уничтожено, здесь не останется камня на камне».

И он снова яростно трясет меня за плечо, я вижу его перекошенное от злости и страха лицо и теряю сознание, проваливаюсь в волны тошноты и ужаса.

Страшным усилием воли я заставляю свое сознание вернуться туда, как будто мне нужно вспомнить что-то самое важное. И вижу, как отец медленно поднимает пистолет, касается моего виска. На меня обрушивается Ниагара. Весь мир. С грохотом раскалывается небо, и миллионы звезд впиваются в мой мозг.

Только много позже мы трое — Фред, Джексон и я, единственные оставшиеся в живых жители поселка,— смогли более или менее связно восстановить события того дня.

Отец своим звериным чутьем, видно, заподозрил что-то неладное в инсценировке Фреда или увидел, как тот передавал мне записку. И в тот момент, когда Фред вынес меня из лаборатории, выскользнул следом. Когда магнитная камера сделала свое дело и сомнения отца превратились в уверенность, он выстрелил Фреду в спину. Он торопился, он понимал, что секунды решают его судьбу, каждое мгновение на выстрел могли сбежаться люди, и он не долго уговаривал меня следовать за ним — проще было то решение, которое он выбрал. Чудом я все-таки выжила: даже у негодяя, бывает, может дрогнуть рука.

Когда на выстрел прибежали Джексон с Питером и двумя товарищами (они все время были поблизости от магнитной лаборатории, так как Джексон понимал, что события могут принять угрожающий характер), они в первый момент не заметили ни меня, ни Фреда. Перед их глазами на воздух взлетело здание клиники, рухнуло помещение большой магнитной камеры, как картонный домик, рассыпался институт и столбы пламени поднялись над жилым поселком.

Джексон упал на землю н, как впоследствии он рассказывал, его уже не могло удивить явление мистера Бронкса из цветочной клумбы. Он решил, что это ему просто мерещится. Но когда мистер Бронкс тремя выстрелами уложил товарищей Джексона, он понял, что это не мираж. А когда под дулом пистолета он вез Бронкса на аэродром, а потом на самолете в Бразилиа, он уже мог ясно отличить сон от действительности. У него было время многое обдумать. На аэродроме, приказав ему ждать, отец скрылся в толпе пассажиров, а Джексону удалось без разрешения диспетчерской службы вылететь обратно.

Кроме нас, Джексон не нашел ни одного живого человека. Джен и Ниночка во время взрыва были, как видно, в клинике. То, что в колонии не осталось ни одного человека, натолкнуло Джексона на мысль, что отец, взрывая поселок, отравил водопровод. Всюду валялись раздувшиеся трупы. Нас с Фредом спасло то, что мы, как мертвые, лежали среди развалин.

Джексон перевязал наши раны и осторожно перенес в автомобиль, но не смог сразу уехать. Его мучили воспоминания о том, как Бронкс возник перед ним из кустов роз, и он направился туда.

Среди клумбы он нашел открытый люк. Лестница привела его к длинному коридору, в конце которого было небольшое помещение. Он увидел пульт с рубильником и несколькими кнопками. Надписи гласили: «Клиника», «Филиал», «Институт», «Питомник», «Жилой поселок»... Бронкс предусмотрел все на случай разоблачений или внутренних беспорядков. Поворот рубильника — н он уничтожил колонию. Люк остался открытым, Бронкс был уверен, что сюда не попадет уже ни одна живая душа. А может быть, нажав кнопку, видневшуюся у люка, он не заметил, что последний взрыватель не сработал.

...Прошло более полугода. Я почти здорова, но Фред еще очень плох — он получил три пули в спину.

Бронкс скрылся в джунглях Южной Америки. Смит с Юнион-сквер тоже исчез. В Южной Америке, в Испании и в других местах ждут своего часа их сообщники. Они рвутся к господству. Они хотят убить память человечества.

Остановим нх, люди!

◊◊◊

В. Фирсов

СРУБИТЬ КРЕСТ

Роман

(Сокращенный вариант)

◇

ЧАСТЬ 1. ИГРА

Это все происходило так давно, что даже в книгах — самых древних, самых мудрых — не найти упоминанья о событиях той поры. Каждый день над миром солнце поднималось величаво, освещая горы, реки и зеленые леса. Но не вился дым уютный над жилищем человека, не вставал с рассветом пахарь иль веселый дровосек. Не шумели на запрудах мельниц быстрые колеса, наковальни звон ритмичный тишины не нарушал. В непрестанном страхе жили люди в те лихие годы. Смерть бродила между ними, поражая всех подряд. И не знал никто спасенья от ужасной этой гостьи — ни младенец, ни мужчина, ни старик седобородый. Все равны пред нею были, и она, не разбирая, всех без промаха разила, собирать не уставая жатву жуткую свою.

И тогда взмолились люди, и услышало их небо, и сошли на землю боги жизни, смерти и любви. В неземном своем величье, окруженные сияньем, по ступеням туч небесных вниз сошли они чредой. Ниц просители упали, распростершися во прахе, дерзких глаз поднять не смея на посланников небес. И людей спросили боги — чем они так недовольны, почему они стенают, что за горе их гнетет. Были ласковы их взоры, речи их полны участья. Но не смели слова молвить распростертые в пыли. И вторично вопросили трое жителей небесных, и звучало нетерпенье в их сверкающих очах. Приподнялся вождь отважный, убеленный сединою, только слова недовольства вслух сказать он не посмел. В третий раз спросили боги — гневом очи их пылали, всколыхнулось лоно моря, с громом вздрогнула земля. И тогда старик решился, крепко на ноги поднялся и в лицо бессмертным бросил дерзновенные слова. Говорил он, что устали люди ждать всечасно смерти, что хотят они без страха жить отведенный им срок. Долгий срок или короткий — это пусть решают боги, лишь бы был всегда единым жизни путь для всех людей.

Услыхав такую просьбу, топнул в ярости бог смерти — раскололась в этом месте потрясенная земля. А бог жизни улыбнулся — от одной его улыбки зацвели на мертвых скалах небывалые цветы. Бог любви вздохнул глубоко и сказал: «Старик, поведай, для чего ты это просишь? Ты на свете жил немало — больше, чем любой из нас. Если сделать как ты хочешь, жизнь твоя прервется сразу. Пусть уж будет все как было до скончания веков».— «Нет! — сказал старик бесстрашно.— Не себе прошу я жизни. Я люблю народ мой добрый — так люблю, как ты учил. Пусть живут без страха люди, пусть не бродит смерть меж ними — я за это, не колеблясь, десять жизней бы отдал». И едва он это молвил, как глаза его закрылись, и к ногам богов бессмертных бездыханным он упал. «Быть по вашему, о люди!» — прозвучало над землею, и ушли на небо боги по ступеням облаков.

С той поры века минули. Разрослось людское племя. Страха гибели не зная, люди счастливо живут. Всем срок жизни дан единый, и, богов благословляя...

Черновой набросок древней народной легенды, найденный в архиве Черного совета.
(На черновике собственноручная пометка Рюделя: «Указать автору на недопустимость прославления иной религии, кроме религии Креста».)

Глава 1, повествующая о том, как рыцарь Черной башни с помощью Волшебного копья победил рыцаря Леопарда

Вдалеке запели трубы герольдов, возвещая начало поединка. Не глядя, я протянул руку, взял копье, поданное оруженосцем, и тронул Баязета. Тот боком-боком пошел в ворота, фыркая и помахивая бронированной головой. На противоположной стороне ристалища уже гарцевал мой противник, смеясь и выкрикивая что-то возбужденной толпе зрителей. Но вот он заметил меня, уставил копье и пришпорил коня. Я тоже опустил копье и помчался навстречу.

Мы сошлись в самом центре ристалища — точно на красной разделительной полосе. Публика взвыла от восторга. Первая схватка — это просто разведка, даже разминка. Рыцари скачут с поднятыми забралами, угрожая копьями лишь для пущего эффекта. Задача первой схватки — выявить скоростные данные противника, его внимание и глазомер. А поскольку считается почетным схватиться с соперником на его половине ристалища, каждый из бойцов пришпоривает коня вовсю.

Круто завернув лошадей и подняв копья над головой, мы вернулись к своим воротам, чтобы приготовиться к второй схватке. Я опустил забрало, сменил копье на меч и снова выехал на поле.

Мой супостат уже гарцевал у трибун, размахивая мечом над головой. Под ноги коню из публики летели цветы. Подул свежий ветер, и его знамя с алым леопардом, распластавшимся на голубом шелке, развернулось в мою сторону. Я сделал в уме поправку на встречный ветер, который снизит стремительность моей атаки, и приготовился. В горле пересохло, а ладонь в бронированной перчатке, сжимавшая рукоять меча, стала влажной.

Мой противник все гарцевал перед публикой у своих ворот. По жребию право атаки досталось ему, и он спокойно разминался, не давая застояться лошади, а я вынужден был торчать под июньским солнцем в своей черной броне. Конечно, мне никто не мешал последовать его примеру, но здесь-то и таилась опасность. Стоит на мгновение повернуться к сопернику боком, и он кинется вперед, выигрывая драгоценные метры. Поэтому я стоял на месте, хотя в публике уже стали посвистывать.

Ветер опять стих, и я подумал, что столь опытный противник сейчас не станет атаковать: попутный ветер давал ему хоть маленькое, но преимущество. Мне нестерпимо захотелось холодного апельсинового сока, я стал шарить по панцирю в поисках питьевой кнопки и чуть не прозевал бросок рыцаря Леопарда.

Ах, какое это упоение — мчаться в броне навстречу бою! Где-то за спиной взлетают комья земли из-под копыт Баязета, голова надежно прикрыта щитом, меч со свистом рассекает воздух Вперед, вперед — к красной линии в центре ристалища. Сейчас зазвенят мечи, и тысячи зрителей вскочат с кресел, и громовой рев потрясет окрестности! Вторая схватка — это уже бой, от исхода которого зависит, кому из рыцарей достанется Волшебное копье.

Мы снова сошлись на красной линии, вызвав взрыв восторженных криков на трибунах, обменялись двумя-тремя безрезультатными ударами и разошлись, чтобы развернуть лошадей. Но теперь я знал, что выиграю схватку, и в мыслях уже видел алый плюмаж моего противника на траве, под копытами рассвирепевших лошадей.

За несколько секунд схватки я понял, что лошадь рыцаря Леопарда не так хороша, как это показалось мне сначала, и заметно уступает Баязету. Мой Баязет был настоящая боевая лошадь, злая и агрессивная, а это в конном бою огромное преимущество. Кроме того, я был обоеручный боец — единственный из всех рыцарей — и только из-за строжайших правил

рыцарского кодекса не рубился двумя мечами сразу. Пока мы разворачивали лошадей, я успел переложить меч в левую руку и вдобавок сманеврировал так, чтобы солнце оказалось у меня за спиной. И при второй сшибке мы съехались, неожиданно для соперника, не левым, а правым боком, и мой щит оказался против его меча, а его щит бесполезно болтался с другой от меня стороны. Рыцарь все понял. Он извернулся в седле, насколько позволяла тяжелая броня, и отразил мечом мой удар — из клинков вырубились искры, над мгновенно затихшей толпой проплыл короткий звон стали. Но Баязет уже оказался за его спиной, и напрасно рыцарь Леопарда старался развернуть свою лошадь — мой злой и кусачий Баязет был быстрее. Участившийся звон мечей дробью летел над ристалищем — рыцарь Леопарда пока защищался успешно, но я все объезжал его сзади, и ему не хватало доли секунды, чтобы повернуться ко мне левым боком. Выйти из боя он не мог, потому что наши лошади устроили круговерть — ржали, визжали, и Баязет уже кусал в ярости лошадь противника,— а тем временем я сантиметр за сантиметром передвигался за спиной рыцаря Леопарда в ту точку, отражать удары из которой он уже не сможет. И когда я ее достиг, мой противник сделал последнее, что ему оставалось,— прикрыл щитом голову, чтобы успеть развернуться в седле. Но это его не спасло. Ударом щита я отбросил его щит — на полсекунды, не больше, мне открылся сверкающий золотом шлем. Этого оказалось достаточно. Меч свистнул, прочертив горизонтальную линию,— это был мой любимый удар «полет ласточки».

Алые перья плюмажа лежали на зеленой траве, и Баязет танцевал на них, словно это были горячие угли, обжигавшие ему копыта, а я слушал рев зрителей и думал о каких-то пустяках. Теперь Волшебное копье мое, и хотя рыцарь Леопарда непревзойденный боец, я все-таки свалю его с коня.

Пронзительно и чисто запели серебряными голосами фанфары. Отлично знакомые с ритуалом лошади враз повернулись мордами к Арсенальной ложе и преклонили колена. Мы сошли на землю и приблизились к ступеням, обтянутым синим бархатом, ведя лошадей в поводу. Я принял Волшебное копье из рук Верховного судьи, сел на Баязета и помчался к своим воротам готовиться к третьей, решающей схватке.

Мой оруженосец и тренер Пашка Гусев выглядывал из ворот, приплясывая от радости.

— Ну, теперь держись, Алексей,— говорил он, пока руки его привычно бегали по броне, проверяя, закрыты ли замки, надежно ли закреплено забрало, нет ли упущений в моем защитном вооружении.— Это же надо, как ты его... Что будет, Леха! — Он расправил плащ на моей спине, снял с него неви-

димую пушинку, похлопал по крупу Баязета.— Ну как, готов? Включаю прицел. Щит или шлем?

Я наконец вспомнил, что хочу пить, и надавил кнопку. Тут же в губы уткнулся мундштук питьевой трубки. Апельсиновый сок почему-то оказался безвкусным, и в горле стало еще суше. Я прекрасно знал такие шуточки нервной системы перед боем, но каждый раз удивлялся этому.

— Ставь шлем,— сказал я оруженосцу.— Драться так драться.

Павел включил индикатор копья и покрутил верньер так, чтобы перекрестье прицела легло точно в центр шлема крохотного силуэта конного рыцаря. Теперь, если цель будет захвачена, никакая сила в мире не сможет отвратить удар копья в намеченную точку.

Опять запели фанфары, оповещая о начале третьей схватки. Стоявшие рядом судьи еще раз проверили мое снаряжение и распахнули ворота — по старинке, вручную.

— Ни пуха ни пера! — бормотнул Пашка и хлопнул Баязета по брюху.— Ну, милай!

— К черту,— огрызнулся я и выехал на поле.

Стало необычайно тихо.

Несколько секунд ристалище напоминало цветную объемную фотографию — в такой неподвижности застыло все. Утих даже ветер, разноцветные стяги повисли в знойном воздухе. Потом копье моего противника стало медленно опускаться.

Я видел множество схваток рыцарей, и каждый раз меня поражала гордая красота конного поединка. Я не знаю более волнующего зрелища — два бронированных рыцаря на бронированных конях, стремительно идущие в лобовую атаку, подобно летчикам-истребителям древности.

Мое копье еще не успело опуститься, когда рыцарь Леопарда ринулся вперед, стараясь помешать мне прицелиться. Он закрывал щитом голову, пока позволяла дистанция, раскачивался и наклонялся в седле. Я тоже гнал Баязета, хотя ритуал разрешал мне оставаться на месте,— я хотел не только выиграть, но выиграть красиво, а для этого следовало сойтись с противником на красной черте. Галоп у Баязета был очень ровный, идеальный для прицеливания, но рыцарь Леопарда все сидел за щитом, почти не выглядывая, и копье никак не выходило на режим захвата. Но я знал, что он все-таки выглянет, если не хочет промчаться мимо меня впустую. В этом была вся тонкость игры. Он ведь не знал, как я поставил прицел. Я вполне мог бить в щит, и тогда оказалось бы, что он напрасно лишил себя возможности прицельного удара и сам отдал мне победу,— больше трех-четырех ударов в щит не выдерживает никакой боец. Правда, у моего противника Волшебный щит, который

не только перехватывает все до единого удары, но и автоматически создает наилучший угол встречи с копьем. Так что в оружии мы равны и спор за победу ведем в равных условиях, а победит наиболее сильный, стойкий и тренированный.

Наши лошади мчались стремительно, расстояние между нами все уменьшалось, и где-то внутри у меня словно прокатилось что-то холодное, потому что копье до сих пор не захватило цель. Но тут рыцарь Леопарда выглянул из-за щита, я прочертил концом копья невидимую спираль и услышал, как запел зуммер прицела. Копье словно напряглось в моих руках. Теперь я почти не держал его — оно свободно лежало в кулаке, как в шарнире, и лишь слегка колебалось в такт движениям Баязета. Я знал, что в последнюю секунду мой противник включит Волшебный щит, который примет удар копья, и был готов к этому. Защищая хозяина, щит закроет его голову, и тому придется бить вслепую, и неизвестно еще, попадет он или нет.

Он попал. Я умею отбивать щитом удары любой силы и все же с трудом удержался на коне. Сотрясение было так велико, что окончательно я пришел в себя лишь после того, как завернул Баязета. Я тоже ударил сильно — это чувствовалось по тяжести в правой руке, гудевшей от удара, но все же не так, как мне хотелось. Однако я был доволен. Теперь рыцарь Леопарда знает, что я целю ему в голову, и будет все время сидеть за щитом, чтобы помешать мне прицеливаться.

Он так и сделал. Во время второй атаки мое копье не сумело захватить цель, зато и он не смог прицелиться. Его копье лишь скользнуло по моему щиту, а мой удар чувствительно потряс его. И хотя Волшебный щит сделал все как надо — принял удар в самую середину, рассчитал выгоднейший угол встречи и развернулся на этот угол,— мой противник понял, что пассивной защитой бой не выиграешь. Поэтому в третьей атаке он почти не прятался и сумел нанести страшный удар. Впечатление было такое, словно мне по голове ударили кузнечным молотом. На какие-то секунды я потерял сознание. Потом я все же открыл глаза, перед которыми плавали бесчисленные белые мухи, и совсем рядом со своим лицом, за прозрачной броней забрала, увидел траву, только она была почему-то не зеленой, а черной. В голове звенело и гудело. «Почему трава? Почему черная трава?» — подумал я с трудом и попытался упереться в землю руками. Но руки мои куда-то провалились, не встретив опоры, и тогда я понял, что это вовсе не трава, а грива Баязета, что я по-прежнему в седле и, значит, бой не кончен. Секундой позже я понял, что ошибся,— в руках у меня не было ни копья, ни щита, я был обезоружен и, следовательно, побежден.

Публика на трибунах неистовствовала — рев толпы посте-

пенно дошел до моего сознания. Баязет стоял напротив наших ворот, они были распахнуты, и оттуда бежал ко мне Пашка Гусев, махал руками и что-то орал, а за ним бежал доктор с чемоданчиком и еще какие-то люди.

— Да не нужен мне врач,— пробормотал я, словно кто-то мог меня услышать, и повернул Баязета, чтобы поздравить противника. Но поздравлять было некого — рыцарь Леопарда сидел на траве, рядом с воткнувшимся в землю копьем, которое еще раскачивалось, и какими-то очень неуверенными движениями пытался открыть забрало. Неподалеку трусила его лошадь, а из противоположных ворот тоже бежал человек с чемоданчиком.

Глава 2. Секретное письмо

— Нет, ты положительно сумасшедший! — уверял меня Гусев.— Тебе дают в руки самую современную технику, а ты пользуешься ею, как дубиной!

Мой тренер, конечно, мог теперь волноваться сколько угодно. Он только сейчас узнал, что в последней атаке я выключил копье и бил просто по корпусу, чтобы поставить Волшебный щит в самое неэффективное для защиты положение.

— А по-моему, Алексей прав,— возразила Тина.— Рыцарский бой должен быть честным, без всякой автоматики. Если у одного копье, то и у другого тоже, а не самонаводящийся кибернетический агрегат.

— Практически силы бойцов равны,— сказал я.— Щит прекрасно закрывает от любого удара.

— То-то твой противник летел сегодня вверх тормашками вместе со своим Волшебным щитом,— настаивала Тина.

— Так я же выключил копье! Так что у рыцаря Леопарда были все преимущества: он мог попасть куда угодно, а я — только в его щит.

— Очередная глупость — этот щит,— рассердилась Тина.— Вот и поделом ему. Надо надеяться на себя, а не на автоматику. Следует потребовать, чтобы Олимпийский комитет запретил эти дурацкие выдумки.

Кожа у Тины была смуглая, глаза огромные. Я вдруг заметил, что, рассердившись, она удивительно хорошеет. Странно, сколько времени работаем вместе, а я только недавно понял, что она прехорошенькая девушка. Я вдруг позавидовал рыжему, вихрастому Гусеву, который сидит с ней рядом, разглагольствует о пользе автоматического оружия, а сам держит ее за руку. Нет, уже не держит — отпустил. Опять взял. Ах, дьявол! Да какое мне дело, жмет он ручку моей аспирантке или нет!

Я повернулся к бабушке, которая только что внесла ароматный пирог собственного изготовления, и потребовал:

— Бабуся, садись! Дай нам самим похозяйничать!

Моей бабушке недавно исполнилось восемьдесят лет, она была доктором технических наук и магистром Кулинарной академии. Она изобретала всяческие вкусные блюда для домашних автокухонь и очень любила ругать эти блюда, потому что признавала лишь пищу, приготовленную собственными руками.

Своих родителей я почти не помнил — мне было семь лет, когда они погибли при испытании системы внепространственной связи. Вошли в передающую ВП-кабину, а в приемной не появились. С тех пор бабушка заменила мне отца и мать — сама поила и кормила меня, сама выбирала мне одежду, помогала разбираться в школьных задачах, считая, что она делает это лучше, чем обучающие машины. Все эти годы мы жили вместе, и я так привык к ее уютной квартире, что не менял жилища и в шумные студенческие годы, и даже теперь, когда стал профессором и всемирно известным спортсменом.

Кроме кулинарных обязанностей, у бабушки была масса других занятий. Ее постоянно привлекали к работе в многочисленных комиссиях и советах. За последние годы она инспектировала Службу погоды, работала в Экологическом совете, в Комиссии по правонарушениям — увы, иногда случалось и такое. Однажды она исчезла на полгода — улетела куда-то на край Галактики, где на недавно заселенной планете вдруг вспыхнула гражданская война... О том, что она там делала, бабушка рассказывать не любила. «Люди во все века хотели как можно больше хлеба и зрелищ,— сказала она в ответ на мои расспросы.— Они там увлеклись зрелищами, а про то, что людям нужен хлеб, позабыли».— «А ты?» — «Я обеспечила их хлебом — на самое первое время. Дальше они должны управиться сами».

Еще она работала в Воспитательном совете, в Комиссии по освоению спутников Юпитера и даже делала что-то в Совете безопасности.

Уследить за всеми ее занятиями я не успевал — у меня самого времени постоянно не хватало, и сегодняшний день был довольно редким исключением.

— За победу! — провозгласил Гусев, когда все расселись и бокалы были наполнены шампанским. Мы выпили за мою победу, потом за бабушку, за диссертацию Тины и ее отпуск в Гималаях, за то, чтобы Гусев стал тренером олимпийского чемпиона. Потом Павел включил экран, сунул в гнездо стержень с видеозаписью, и я смог увидеть свой бой глазами зрителя. До этого момента я был, пожалуй, единственным на пла-

нете, кто не видел, как закончился бой,— я знал только его результат.

Стоп-кадр помог рассмотреть в подробностях, как виртуозно работал Волшебным щитом рыцарь Леопарда — включал его в самый последний миг, когда мое копье было буквально в нескольких сантиметрах, и это позволило ему нанести мне два прицельных удара. Второй из них мог оказаться роковым, если бы я не упредил противника. Мой удар был беспощаден — только сейчас, глядя на стереоэкран, я понял это. Он был рассчитан до сантиметра, и никакой трижды Волшебный щит не мог спасти рыцаря Леопарда от натиска шестисот килограммов брони и мускулов.

— И все же удался эксперимент или нет? — спросил Гусев.— Что мы будем докладывать?

Я пожал плечами. Волшебное копье было опытным образцом, существовавшим пока в единственном экземпляре, и нам с рыцарем Леопарда было поручено проверить его в бою. Конечно, я одержал убедительную победу, но Волшебное копье было здесь ни при чем.

— Наверно, надо продолжить испытания,— промямлил я. Меня больше интересовало поведение Тины.

Гусев прокрутил запись дважды, и каждый раз Тина в решающий момент схватки бледнела от волнения и прижимала ладони к щекам. Только бабуся скептически поджала губы.

— Чем бы дитя ни тешилось,— иронически заявила она.— Тоже мне рыцари. Копья — автоматы, щиты — автоматы, броня — из терилакса, лазером не пробьешь.

Тина немедленно поддержала бабушку:

— Рыцари в старину дрались, рискуя здоровьем и жизнью. Это были настоящие мужчины. А вам сейчас ничто не грозит. В худшем случае получишь несколько синяков да с лошади шлепнешься. А смог бы современный рыцарь выйти на бой, скажем, с Ричардом Львиное Сердце и победить его? И не в терилаксовой броне, а старинной стальной? И с деревянным копьем?

— Уверен, что Алексей победил бы,— тотчас же вскочил Пашка. Тина ему, безусловно, нравилась, но вынести нападки на любимый спорт он не мог даже от нее.— Современные методы тренировки, достижения физиологии, психологии, спортивной медицины, умелое чередование силовых и скоростных нагрузок дают нам неоспоримые преимущества.

Тина выслушала Пашкин панегирик и о чем-то задумалась. Гусев налег на пирог — ел да похваливал. Бабушка так и таяла, слушая его слова. Она всегда радовалась, когда нам нравилась ее стряпня. А пирог получился на славу. Недаром она была магистром Кулинарной академии. А Тина все думала о чем-то

и сидела тихо, как воробышек. Павел сделал вокруг нее пируэт, но она даже не заметила.

— Мне надо поговорить с одним знакомым,— сказала она чуть позже, словно обдумав свою мысль.— Но я не хотела бы вам мешать.

— Пойдем в мой кабинет,— сказала бабушка.— Там тебя никто не услышит,— и она увела девушку.

Через несколько минут та вернулась повеселевшая. Гусев тут же подскочил к ней и стал потчевать пирогом. Я потянулся к бокалу, чтобы налить ей трехцветный кос, но этот нахал опередил меня. Она взяла бокал, улыбнулась Пашке, а в мою сторону даже не посмотрела. Да и зачем ей на меня смотреть, если я, профессор кафедры экстремальных состояний, торчу у нее перед глазами в институте четыре дня в неделю? Я глядел, как она пьет кос — красные, оранжевые и синие струйки извивались в бокале, не смешиваясь и не меняя цвета,— и Тина нравилась мне все больше и больше. Я еще раз позавидовал Пашке, что у него такая девушка, и со вздохом повернулся к нему, чтобы послушать, о чем он разглагольствует. А говорил он, оказывается, о том, что скоро Тина станет кандидатом наук.

— Ты, Пашенька, слегка преувеличиваешь,— сказал я мягко.— Диссертация еще не готова, так что раньше будущего года защиты не будет.

— Ты, Лешенька, слегка вздремнул и все прослушал,— нахально заявил Гусев.— Под твоим руководством она может еще пять лет без толку провозиться. Я говорю о другой диссертации.

И тут я с удивлением узнал, что Тина скоро защищает диссертацию на звание кандидата экономических наук.

— И какая же тема диссертации?

— «Пути перехода от феодализма к коммунизму»,— ответила вместо Тины бабушка. В этом доме положительно все, кроме меня, знали об этой девушке массу интересного.— Помоему, очень любопытная тема. Тина мне как-то рассказывала...

— Как, как? — Я не поверил своим ушам.— От феодализма к коммунизму? Это что — самая актуальная проблема современности?

Тина пожала плечами.

— У нас в Институте первобытной экономики считают эту проблему очень важной.

— Да где ты найдешь феодализм в двадцать седьмом веке? — чуть не закричал я.— В созвездии Гончих Псов?

— А хотя бы и так,— вмешалась бабушка.— Или тебя волнуют только твои турниры? Кстати, они пришли к нам из феодальных времен.

Эти слова меня сразу отрезвили. Я виновато посмотрел на

Тину, но тут замигал огонек над дверью — кто-то просил разрешения войти.

Вслед за бабушкой вошел высокий, плотный человек, вежливо наклонил голову — сначала в сторону Тины, потом в мою и Гусева — и поздоровался.

— Я робот номер...— Гость назвал какие-то цифры.— Кто из вас Алексей Северцев?

Он был одет в обычное платье, и его выдавало только несколько застывшее выражение лица — впрочем, довольно приятного,— чересчур равномерные движения, да еще тембр голоса. В остальном он был совсем как человек — ростом почти не уступал мне, но казался пошире в плечах, двигался уверенно и держался с достоинством.

Я встал из кресла и назвался.

— Имею честь вручить лично вам строго конфиденциальное письмо.— Робот достал из кармана модного костюма конверт и протянул его мне.— Отправитель этого письма просит, чтобы содержание его осталось в тайне.

Я никогда еще не получал секретных писем и растерянно взял конверт, не зная, что с ним делать. Я посмотрел на бабушку — она пожала плечами, на Тину — та глядела в окно, на Пашку — тот сделал круглые глаза и отвернулся.

Я развернул письмо. Оно было напечатано автодиктофоном, причем не на полупроводниковой, а на старинной настоящей бумаге. В верхнем углу голубого листа красовался гербовый щит — я, рыцарь межпланетного класса, в геральдике разбирался хорошо. Герб изображал царскую корону, над которой светило зеленое солнце. Я взглянул на герб мельком, посмотрел на подпись — ее не было — и стал читать.

Вот что было в письме.

«Рыцарю Черной башни Алексею Северцеву.

Мне давно известно о вас как о человеке отважном, благородном и мудром. Именно таким должен быть тот, кому смогу я доверить свою судьбу, свое счастье, свою жизнь. Страшное положение, в котором я нахожусь, абсолютно исключает все пути, которые мог бы предложить для моего спасения непосвященный. Меня может спасти только один человек, и этот человек — вы.

Если мое письмо — этот вопль о спасении — затронуло вашу душу, если вы захотите хотя бы выслушать меня, приходите. Мой посланник проводит вас. Но торопитесь! Сегодня все еще в нашей власти. Завтра, возможно, будет поздно».

Я перечитал письмо три раза. Все было ясно и в то же время непонятно. Я даже не мог догадаться, кто пишет — мужчина или женщина.

— Куда мне ехать? — спросил я робота.

— Мне поручено доставить вас на место,— ответил тот.— Автокиб ждет внизу.

— Ты надолго? — спросил Гусев.

Я посмотрел на робота.

— Вы возвратитесь, как только пожелаете. Может быть, через час или полтора.

— Тогда я пойду,— сказала Тина.— Не провожайте меня.

Она попрощалась со мной и Пашкой, чмокнула бабусю и вышла.

— Я сейчас спущусь,— сказал я роботу.— Подождите меня внизу.

— Пожалуй, я тоже пойду,— вздохнул Гусев.— Пока. Утром поговорим.

Бабуся смотрела на меня, наклонив голову. Я поцеловал ее в ту же щеку, что и Тина. Она что-то промурлыкала под нос и усмехнулась ласково.

— Как ты думаешь, бабуся, он ей очень нравится? — спросил я неожиданно для самого себя и смутился.

— Он — ей? — переспросила бабуся.— Знаешь, Лешенька, мне почему-то кажется, что он ей совсем не нравится...

Глава 3. Принцесса Изумрудной Звезды не хочет замуж

Выйдя из лифта, я остановился на тротуаре, ища глазами своего провожатого. Но, кроме мальчишки, который ел вишни из большого пакета, никого не было видно. Парень, видимо, стоял тут давно — он выплевывал косточки прямо на тротуар, и у его ног на голубом резинобетоне их валялось изрядное количество. Рядом суетился жукоглазый уборщик, стараясь собрать мусор, а мальчишка с видимым удовольствием отпихивал его ногой. Бедняга автомат отпрыгивал, потом, обиженно повертев усами, подбирался к нахалу с другой стороны, но опять получал пинок.

Тут возле тротуара остановился автокиб, и мой таинственный посланник пригласил меня сесть.

— Мальчик, не мешай автомату,— сказал я строго.

Мальчишка громко рассмеялся и стрельнул в меня косточкой.

А зачем этот дурак хотел утащить мои вишни? — сказал он.— Я только положил, а он выскочил и цоп их... Пускай теперь помучается.

— Ну-ну,— пробормотал я.— А живот у тебя не заболит?

Наверно, такая же мысль уже приходила шалопаю в голову. Отъезжая, я увидел, как он высыпал весь пакет прямо на неповинного мусорщика и отправился восвояси.

Мы ехали минут двадцать. Иногда я замечал, что направление движеиия меняется. Очевидно, мы кружили по транспортным туииелям, запутывая след. Наконец автокиб остановился у подъезда обычного дома, каких в любом городишке наберется сотия.

Мы вошли внутрь и поднялись на лифте. Робот распахнул передо миой дверь, и мы очутились в большом холле.

Я огляделся. Стены холла были задекорированы вьющейся зеленью. Левая — прозрачная и явно раздвижная — стена отделяла комнату от глубокой лоджии. В правой стене виднелся камин, возле него стояли кресла, а на полу валялась медвежья шкура, скорее всего, синтетическая. В дальнем углу стоял цветорояль. Все было как обычно, обстановка ничем не выдавала вкусов хозяина или рода его занятий, и, если бы не картина на стене, противоположной входу, я мог бы принять это помещение за не очень уютный вестибюль гостиницы.

Уже первый взгляд на картину заставил меня внутреине вздрогиуть, и я торопливо сделал несколько шагов, чтобы рассмотреть ее вблизи, потому что иа картине была изображена девушка, с которой я расстался всего полчаса назад.

Картина висела в центре стены, и больше иичего на этой стене не было. А изображала она изумительной красоты девушку с царской короиой на голове, которая полными слез глазами смотрела куда-то вдаль, бессильно уронив руки на каменное надгробье с изображением такой же короны, а за ее спиной возвышались две зловещие фигуры — два коииых рыцаря в старииных черных латах (такие, наверно, существовали на нашей планете больше тысячи лет иазад), и копья их, опущенные к земле, почти упирались девушке в спину, а их лица были жестоки,— такими не бывают, не должны быть лица разумных существ. Я уже увидел, что изображенная на картине девушка — не Тина, но сходство было очень велико, и я все смотрел на картиину, не понимая, что все это должно означать и почему у рыцарей на картиие беспощадные глаза убийц. За спиной девушки простиралась зеленая равнина, залитая светом зеленого солнца, а на дневном небе почему-то горели редкие яркие звезды. Частично по этому, а еще больше по вооружению рыцарей я понял, что картина написана не на Земле,— мие было достаточно беглого взгляда, чтобы заметить многочисленные отличия в коиструкции кирас, шлемов, поножей, наплечников от существующих или существовавших когда-то. Я увидел, что на поясе одного из рыцарей, наиболее свирепого и мрачного, висит мизерикорд — трехгранный кинжал-игла, единственное назначение которого — закалывать сквозь броню поверженного противиика, и это сразу убедило меня в том, что рыцари на картиие не имеют ничего общего с веселыми, дружелюбными

спортсменами ста сорока трех планет, на которых живут люди, увлекающиеся благородным конным боем.

— Здравствуйте, Алексей Северцев,— раздалось у меня за спиной.

Я стремительно повернулся. Передо мной стояла девушка, изображенная на картине, и в первый момент я был готов поклясться, что это Тина.

— Здравствуйте,— пробормотал я.

Картина настроила меня отнюдь не на благодушный лад — я не люблю, когда люди носят с собой оружие не для спорта, а для убийства,— но девушка была так похожа на Тину и так хороша, что мысли мои спутались.

— Я видела ваш бой. Поздравляю. Это было великолепно,— сказала девушка.— Я долго колебалась, к кому обратиться, но этот бой решил все. Вы действительно сильнейший рыцарь на планете, и только вы можете меня спасти.

Она пригласила меня сесть. Я вдруг поймал себя на том, что втайне любуюсь ею и одновременно анализирую тембр голоса, походку, черты лица, движения рук. Сходство с Тиной было очень велико, но я обнаружил и массу различий, которые, впрочем, не только не портили, но, казалось, еще больше украшали незнакомку.

— Я должна извиниться за странный способ приглашения.— Она смущенно улыбнулась.— Но вы поймете, что иначе поступить я не могла. Перед тем как назвать свое имя, я должна попросить вас сохранить этот визит и весь наш разговор в тайне. Я буду с вами совершенно откровенна. Возможно, от вашего молчания зависит моя жизнь. Вы обещаете?

— Обещаю,— выдавил я.

Я ничего не мог понять и только спросил ее, нет ли у нее сестры-близнеца. Но она только покачала головой.

— У меня на всей планете нет ни близких, ни родственников. Я ведь не землянка. Я принцесса Изумрудной Звезды — так наше солнце называется в ваших справочниках. Мне двадцать лет, меня зовут Ганелона, я люблю одного человека, а должна буду выйти за другого,— она показала на правого рыцаря, который носил на поясе «кинжал милосердия».— Да, за него, кавалера Рюделя. И если это случится, я умру!

В ее прекрасных глазах уже блестели слезы, и я понял, что дело плохо.

— А вы не выходите,— посоветовал я, пытаясь обратить все в шутку.— Выходите за своего любимого. Или он вас не любит?

— Не смейтесь, пожалуйста,— тихо сказала она.— Это очень серьезно. Я вам сейчас все объясню.

Вот что она рассказала.

Их немноголюдная планета, которую у нас по имени звезды называют Изумрудной, очень похожа на Землю. На ней имеется единственный материк и всего одно государство, управляемое королем, власть которого передается по наследству. На Изумрудной женщин почему-то гораздо меньше, чем мужчин, поэтому замужество — святой долг, высшая гражданская обязанность для каждой женщины. Многовековые традиции не делают исключений ни для кого, в том числе и для королевских дочерей. А их у недавно умершего монарха, отца Ганелоны, было три. По законам Изумрудной власть перешла к Ганелоне, но только до замужества: как только принцесса выйдет замуж, полновластным повелителем станет ее супруг. Увы, принцессы не вольны выбирать себе мужа — их, как драгоценный приз, разыгрывают между собой наиболее достойные претенденты, разыгрывают (я был попросту потрясен, когда услышал это) в конном рыцарском бою, и награда достается тому, кто выбьет из седла остальных претендентов.

А я не хочу за него замуж,— говорила Ганелона, ломая руки.— Я люблю другого, люблю больше жизни, а этот... этот...— Она кивнула на картину и с трудом удержалась от рыданий.— Это зверь, а не человек! Это палач! Убийца! Садист! Я боюсь его...

И я узнал, что кавалер Рюдель — непревзойденный боец на копьях, мечах, топорах, который не проиграл еще ни одного поединка, который убил и искалечил несколько десятков противников в открытом бою и, как поговаривают, не меньшее число их устранил со своего пути другими способами.

— Я не удивлюсь, если узнаю, что смерть моего отца — тоже дело его рук. Это страшный человек! И он давно домогается меня. Я потому и скрылась сюда, на Землю, чтобы спастись от него. Но он нашел меня и тут.

— Ну уж здесь-то он не заставит вас выйти за него,— сказал я.— Оставайтесь на Земле, вызовите своего любимого и живите на здоровье. Сдалось вам это царство — от него, по-моему, одни неприятности.

— У нас же наследственная власть и вдобавок нехватка женщин. Поэтому я обязана выйти замуж. А если я откажусь, меня убьют, власть перейдет к средней сестре, и все начнется сначала.

— Как это убьют? — не поверил я.— Дикость какая-то. Разве можно взять и убить человека? Да и как они это сделают? Мы же можем просто закрыть ВП-станцию, и никто не сумеет попасть на Землю.

— Поздно,— прошептала она.— Они уже здесь...

И она поведала мне историю своего неудачного бегства.

— Я была первой, кто покинул планету. Отец, очевидно,

понимал, что мне грозит опасность, и отправил сюда. Но потом он умер... Или его убили. Мне сообщил об этом художник Летур — преданный нашей семье человек. Он и написал вот эту картину, когда я ездила на похороны отца. Потом я вернулась, а вскоре приехал он, привез законченную картину. И вдруг исчез. Я забеспокоилась, стала узнавать, не вернулся ли он. Но диспетчерская ВП-связи ответила, что никто на Изумрудную не возвращался, наоборот, оттуда приехали на Землю десять человек. И я знаю зачем: чтобы меня убить...

Ее голос упал почти до шепота. Я подумал, что девушка чересчур нервничает, и постарался ее успокоить. Но тут наш разговор был прерван появлением робота.

— Прошу меня извинить,— сказал он.— Но дело не терпит отлагательства.

Он вышел на середину комнаты, широко раскинул руки и сделал пол-оборота на пятках. Я посмотрел на него с недоумением. А он двинулся к стене, где висел мой плащ, и стал внимательно его осматривать, потом снял с него что-то и приблизился к нам.

— Посмотрите,— сказал он, протягивая какой-то шарик.

Я взглянул на шарик и вспомнил.

— Да это вишневая косточка! Тот сорванец стрельнул ею в меня...

— Внутри этой косточки,— возразил робот,— находится передатчик, который транслировал весь ваш разговор, пока я не запеленговал и не заглушил его.

— Вот видите! — прошептала девушка.— Это они! Я не успела вам сказать, что получила письмо с требованием вернуться, и сразу сменила квартиру. Но они меня выследили.

Робот сдавил пальцы, и косточка лопнула. Да, это был передатчик — изнутри выскочила крохотная спиральная антенна. Я оторвал ее и с омерзением отбросил.

— Скажите, Ганелона, а у вас не принято отречение от престола или что-нибудь в этом роде? Может быть, тогда Рюдель оставит вас в покое?

— Я уже думала об этом. Но ведь дело не только во мне. Отрекусь я — он станет домогаться моей сестры, и результат будет тот же: он станет королем. А это ужасно! Мне просто страшно подумать, что станет с моим народом, если Рюдель и его шайка захватят власть.

— У этого Рюделя много сторонников?

— Рюдель принадлежит к цвету нашего дворянства — у нас их называют кавалерами. Но кавалеры никогда не были реальной силой. Это богатые бездельники, которых интересуют только развлечения. Пожалуй, его главная опора — Черный совет, о котором я, увы, ничего не знаю. Могу только догадываться, что эта организация создана заправилами промышленного

комплекса и выполняет функции тайной полиции. А Рюдель — глава Черного совета.

— Так ваша Изумрудная — индустриальное государство? А я подумал было, что у вас милая феодальная монархия.

— А во главе добрый дедушка король? Боюсь, что ничего похожего вы не увидите. Мне больно так говорить, но, после того как отец направил меня сюда, я начала подозревать, что король на нашей планете — фигура номинальная, а истинная власть принадлежит кому-то другому. И сейчас настало время, когда истинный властитель решил выйти из тени. Смерть отца открыла ему дорогу.

— Значит, нам остается...

— Да, остается только одно: победить Рюделя в открытом бою. И вы сумеете это сделать!

— Но тогда я буду обязан жениться на вас? — спросил я полушутя, полусерьезно.

— Нет, вы всегда можете отказаться. Мужчинам дано такое право...

Я взглянул на изображение кавалера Рюделя. Судя по всему, это был прекрасный боец, который к тому же не уступал мне ни в росте, ни в весе. Но конь у него был жидковат и не годился против моего Баязета. Да, неплохо было бы сойтись с этим кавалером на копьях и посмотреть, как он будет лететь из седла.

— Но если я откажусь от вас, все претенденты снова предъявят свои права?

— Нашими обычаями это запрещается.

— Значит, им придется остаться в холостяках?

— Нет, они могут сражаться за моих старших сестер.

— Как старших? — переспросил я.— Разве вы не самая старшая?

— Нет, я моложе их. У нас власть переходит к младшему из наследников.

— Ничего не понимаю... Чем это вызвано?

Девушка вздохнула.

— У нас очень короткая жизнь,— тихо сказала она.— Мужчины живут сорок ваших лет, женщины тридцать. Чем младше правнтель, тем дольше он правит. Я буду жить еще десять лет. А потом умру — сразу, без боли, без мучений. У нас все так умирают.

— Но почему, почему? — чуть не закричал я.

То, что она говорила, было чудовищно. Не могут, не должны умирать люди в самом расцвете сил. Я попросту не мог поверить, что где-то во Вселенной существует такая нелепость, подлая гримаса природы — генетики, наследственности или не знаю чего еще.

— Так угодно Кресту...— тихо ответила девушка.
— Что? Что вы сказали? Какому Кресту? Почему угодно?
— Я не знаю... Но наша жизнь и смерть — во власти Креста. А он всем дает равную жизнь и равную смерть...

Глава 4. Финал Малого Спора

Утром, едва я успел спустить пятки на ковер, Гусев высветился во весь экран и с места в карьер атаковал меня сотней вопросов: где я был, что делал, куда хочу пойти, буду ли участвовать в Большом Споре? От первых вопросов я отшутился, сказав, что меня похитили влюбленные болельщицы, а к Спору давно готов.

— Так что же ты рассиживаешь? — возмущенно завопил Пашка.— Уже восемь, а ты только-только глаза продрал. Сегодня же Спор кузнецов! И мы с Тиной придем болеть за тебя!

Действительно, я совсем позабыл, что сегодня начинается финал Малого Спора, который в конечном итоге определит участников Большого Спора. «Сделай сам» — так когда-то давно называлось это увлекательное состязание, охватившее миллионы людей. С тех пор как машины стали делать абсолютно все, что необходимо человеку, причем в любых количествах, проблема свободного времени стала необычайно острой. Началось это несколько сотен лет назад, и наше поколение знает обо всем, что происходило тогда, только по книгам. Я читал, например, что многие серьезные ученые, а также большие группы населения выступали против дальнейшего сокращения рабочего дня, который тогда снизился до четырех часов, а кое-кто даже ратовал за его увеличение. На основании тестов, таблиц, психоанализа, социологических и социометрических исследований и прочих проверенных и непроверенных методов доказывалась неизбежная деградация общества, лишенного заботы о хлебе насущном и избавленного от трудов праведных. Группа энтузиастов, призвавшая людей совершенствоваться в ручном труде для изготовления кустарных и, откровенно говоря, никому не нужных вещей, долгое время оставалась незамеченной. Но когда выставку их работ показали по всемирной сети телевидения и миллиарды людей, у которых была масса свободного времени, вдруг увидели великолепные чаши, кувшины, кружева, украшения, модели древних кораблей, мебель, музыкальные инструменты, изготовленные вручную, и, главное, увидели, как это делается, началось что-то необыкновенное. Общества, кружки, союзы, объединения любителей самоделок вырастали, как грибы после дождя, и, что самое уди-

внтельиое, не распадалнсь. Людн, прнвыкшие получать все или почти все путем набора нужного кода на шнфраторе сетн снабження, вдруг понялн, как это прекрасно — нзготовнть вещь свонмн рукамн. Полустихнйно возиикали конкурсы умельцев, которые, как лавина, вовлекалн в свою орбиту новые мнллноны людей. Через сотню лет название «Сделай сам» почтн забылось, и всеплаиетный конкурс получнл громкое и гордое названне Большой Спор. Победителю не полагалось иикакнх наград — ни грамот, ни медалей. Наивысшей наградой было сознание, что ты сам, вот этимн рукамн сделал вещь, которой сейчас любуются девяносто два миллиарда человек на ста сорока трех планетах.

Малый Спор был фактическн состязаннем по профессням. Он не зиал никакнх огранначеннй, кроме еднниственного: участннкам Малого Спора запрещалось использовать какие-лнбо механизнрованные н автоматнзированные ннструменты. Отверстия прнходнлось сверлить ручной дрелью или пробнвать зубилом, клепать — простым молотком, обрабатывать изделня вручиую — напильникамн, наждаком, алмазной пылью, пастами. Ннкакнх электронных пнл, лазерных сверлнлок, высокочастотной сварки! Никакнх нмпульсиых полировок, анодномолекуляриых резаков! Все только своимн рукамн, свонм потом, своими мозолями!

Я участвовал в Малом Споре кузнецов уже не раз. Мой меч, которым я срубнл плюмаж рыцаря Леопарда, был выкован мной собственноручно. Это был прекрасный боевой меч с булатным клннком. Мне прншлось больше года рыться в трудах древних металлургов — Аносова, Барднна, Тер-Оваиесяна и другнх,— месяцами дневать н ночевать в кузнIцах. Я перепортнл уйму металла, пока овладел всемн секретамн выплавкн, ковкн, закалкн клинков. Но теперь мон клннкн перерубалн с одннаковой легкостью тончайшнй платок, подброшеиный в воздух, и железный прут в два пальца толщнной. Будь у моего противинка обычный меч, я разрубил бы его одним ударом. Но он бился со мной такнм же булатным мечом, который я подарил ему месяц назад,— по кодексу кониых рыцарей бой мог вестись только равным оружнем. Теперь я хотел сделать еще один меч для Олимпнйскнх игр, поэтому нзучил чеканку, золочение, фниифть, гравировку по металлу, ннкрустацню, ювелирное дело. Я хотел, чтобы это был ие только боевой, но н парадный меч. Я назвал его старнниым нменем Эскалибур — Рубящнй железо...

В Дом технnки я приехал гораздо раньше, чем мы договорилнсь, н долго болтался у паркнига, поджндая Гусева н Тнну — нет, Тниу н Гусева. Мне очень хотелось увидеть, как онн приедут — вместе нлн порознь, будут лн ндти под руку... Я вспом-

нил, каким сухарем держался с ней на занятиях, и проклинал себя за то, что раньше не рассмотрел эту удивительную девушку. Интересно, что она нашла в рыжем, растрепанном Гусеве, который, пожалуй, ниже ее ростом? Тут рыжий, растрепанный Гусев хлопнул меня по плечу, а позади него смеялась Тина — я все-таки прозевал их приезд. Я смотрел на них, этих самых близких и дорогих мне людей (кроме, конечно, бабуси), и мне тоже стало весело. Мы стояли и смеялись, сами не зная почему, и проходившие мимо люди тоже улыбались, глядя на нас, и волны хорошего настроения растекались вокруг все дальше и дальше.

Потом мелодичный перезвон позвал нас внутрь — начинался финал Малого Спора. Я надел свой комбинезон с литерами участника и встал у верстака, где лежал почти готовый Эскалибур. Верстак, напоминавший сказочную птицу, был сделан словно специально для меня — узкая, длинная полка из какого-то легкого серовато-серебристого сплава покоилась на изящно изогнутой ножке, которая вверху превращалась в подобие лебединой шеи. Там, где полагалось быть голове, находилась автоматическая кассета, которая сама выдвигала нужный инструмент, едва я протягивал руку. Я коснулся пальцем зажимов, и они намертво схватили меч, а два ярких глаза осветили рабочее место.

Мне понадобилось совсем немного времени — каких-нибудь сорок минут, чтобы доделать мелочи. По заполненному людьми залу бесшумно скользили телекамеры. Одна из них подъехала ко мне и заглянула через плечо, другая уставила свой глаз от соседнего верстака. Я как раз вставил в оправу большой рубин, венчающий рукоятку, и стал снимать с клинка промасленную пленку. Меч засверкал под светом юпитеров, когда я стер с него остатки смазки и стал протирать замшей. Я нажал кнопку на верстаке, и надо мной вспыхнула красная звездочка, означающая, что работа окончена. Сверху, с галереи для зрителей, раздались аплодисменты — это старались Тина и Павел. Меня окружили судьи, меч переходил из рук в руки, что-то говорил диктор телевидения. Тина взмахнула рукой, и ко мне на верстак упала красная роза. Я засунул ее в нагрудный карман комбинезона и тут с ужасом услышал, что диктор рассказывает обо мне.

— Вы все видели вчера блистательную победу рыцаря Черной башни над рыцарем Леопарда. Победитель этой схватки сейчас перед вами. Его зовут...

Я не дал ему закончить, быстро шагнул вперед и накрыл микрофон ладонью. Уж эти мне телекомментаторы! Если бы он успел брякнуть мое имя, мне завтра не было бы прохода от болельщиков и болельщиц. Эта восторженная толпа — страш-

ное дело. Меня, конечно, не растерзают на части, но покоя и днем и ночью я лишусь на полгода, не меньше. Поэтому мы все выступаем под девизами и псевдонимами. А этот проныра разнюхал где-то обо мне и чуть не ляпнул на весь белый свет.

Я нежно улыбнулся диктору, выдирая микрофон из его рук и незаметно для всех сильно наступил ему на ногу. Он подпрыгнул и выпустил микрофон.

— Разрешите, уважаемые телезрители, остаться для вас только рыцарем Черной башни,— сказал я, улыбаясь телекамере.— Я пока не спешу раскрыть свое инкогнито — извините, что пользуюсь этим своим правом. Надеюсь, что с новым мечом в руках я одержу не одну победу на Галактических Олимпийских играх.— Я вежливо вернул микрофон его хозяину и взял в руки Эскалибур.

— А правда, что таким мечом вы можете развалить надвое человека? — спросил меня комментатор. Он явно разозлился на мою выходку и от злости не сумел придумать вопроса умнее.

— Да, конечно,— ответил я, безмятежно улыбаясь.— Позвольте начать с вас? — И я поднял меч.

Кругом засмеялись, а красный как рак комментатор на всякий случай попятился. Сверху мне махала и улыбалась Тина, и я почувствовал вдруг огромный прилив сил.

— Смотрите! — крикнул я и вскочил на верстак.

В сиянии юпитеров меч, как пропеллер, описал в моих руках вертикальный круг. Все смотрели на меня выжидательно — никто не обратил внимания на легкий удар и на то, что перед моими ботинками на верстаке появилась откуда-то поперечная черта.

— Ну и что? — спросил кто-то недоуменно.

Тогда я засмеялся и спрыгнул на пол, и от этого толчка разрубленный мною верстак развалился на две части.

Глава 5. Меня приглашают в Дом Без Окон

За последнюю неделю я несколько раз встречался с Ганелоной — надо было обсудить множество деталей, получить от нее документы на право посещения Изумрудной, потренироваться в языке (их Единый звучал для нас архаично, и мне пришлось ночей пять провести с гипнопедом), разузнать о ритуале рыцарских схваток. Кроме того, я должен был пройти курс прививок и сдать зачет по самопомощи, обязательный перед посещением других планет. С удивлением я узнал, что на Изумрудной существует денежная система. Об этой непременной особенности первобытных цивилизаций я совершенно позабыл, с деньгами обращаться не умел.

— Не смущайтесь, Алексей,— подбадривала меня Ганелона,— я снабжу вас достаточной суммой, и, кроме того, вы сможете обратиться там к верным людям — я расскажу, как это сделать. Да, кстати, вы не будете возражать, если я дам вам провожатого? — И она показала на робота.— Он просто напичкан разнообразнейшими сведениями об Изумрудной.

Тот вежливо наклонил голову и сказал:

— Я буду польщен, если сумею оказаться вам полезным.

— А что вы умеете? — спросил я с сомнением.

— О, не беспокойтесь. Я сделан надежно и с расчетом на самые неожиданные ситуации. Я сильнее любого человека, не нуждаюсь в еде, питье и атмосфере, хорошо вооружен, имею радиосвязь, знаю приемы первой помощи, разбираюсь в технике, умею производить многие ремонтные работы, могу служить транспортным средством. Энергией заряжен на полтора года. Кроме того, я ничего не забываю, никогда не сплю, вижу в темноте, могу служить переводчиком с сорока языков, а также расчетчиком, справочником по основным разделам науки и техники...

— Довольно, довольно,— замахал я руками.— Вы меня убедили. Буду рад иметь такого спутника. Но только скажите, пожалуйста, как я должен вас называть? У вас есть какое-нибудь имя, номер или позывные?

— Называйте меня Петровичем,— сказал робот.— Мы, роботы, все считаем себя сыновьями нашего изобретателя, Петра Ивановича Федосеева, и любим, когда нас называют Петровичами.

— Так вы и любить умеете, Петрович? — не удержался я от вопроса.

— Да, умеем,— серьезно ответил тот.— В тех пределах, которые доступны высшим машинам.

— Ну-ну,— пробормотал я.— Значит, будем знакомы. Зовите меня Алексеем. И предлагаю перейти на «ты».

Я протянул ему руку.

— Согласен, Алексей,— ответил тот.

Мы обменялись рукопожатием.

Я впервые в жизни пожимал руку роботу и очень удивился, что она оказалась самая обыкновенная — может быть, лишь чуть более твердая, чем у меня. По моим представлениям рука механического существа должна была напоминать клещи.

— Петрович, а ты действительно очень сильный? — спросил я.

Робот взял стоящую у камина кочергу.

— Ты сможешь ее сломать? — спросил он.

Кочерга была отштампована в высокочастотном поле из

терилакса, и сломать ее не смог бы и слон. Вот если ударить по ней Эскалибуром...

Тут у меня от удивления глаза полезли на лоб: робот разжал кулак — и на пол упали две половинки кочерги. Я только развел руками.

— Да, Петрович, с тобой будет не страшно в любых переделках,— сказал я серьезно.— А вам, Ганелона, я сделаю другую кочергу — из настоящего железа.

— Я буду этому очень рада,— улыбнулась принцесса, вскидывая на меня свои огромные глаза. Взмах ее ресниц напоминал трепетанье крыльев бабочки.

Когда она заглянула мне в глаза, меня словно жаром обдало. Чтобы не выдать себя, я наклонился, чтобы собрать остатки кочерги.

Нет, до чего же она похожа на Тину!

Вечером мы с бабусей распивали чаи. На столе пел самовар — правда, не старинный, с огнем и дымом, а стилизованный, аккумуляторный. Бабушка дула на блюдце и косила глаза на какую-то очень древнюю и дряхлую книгу, время от времени осторожно перелистывая желтые страницы.

— Что ты читаешь? — спросил я.

— О, это замечательная книга. Я разыскивала ее лет сорок и вот с трудом нашла в одной частной коллекции. Это Книга Молоховец,— с гордостью возвестила она.— Слышал?

— Конечно, конечно,— с энтузиазмом ответил я.— Как же можно не слышать! Книга Бытия, Книга Экклезиаст и Книга Молоховец — это же основа человеческой культуры! — И я продекламировал:

Всему свой час, и время всякому делу под небесами:
Время родиться и время умирать,
Время насаждать и время вырывать насажденья,
Время убивать и время исцелять..

Ну вот, понесло тебя,— пробурчала бабушка, отрываясь от книги.— Если не знаешь, то так и скажи.

— Ф шисни не слыхифал,— сознался я, заталкивая в рот огромный кусок хлеба с вареньем.— Кто же этот Молоховец? Пророк или философ?

— Елена Молоховец была замечательная русская женщина, жившая где-то в XIX веке. Она принесла человечеству больше пользы, чем сотни философов и пророков, вместе взятых. Она научила людей, как надо вкусно готовить.

— Что, что?

— Да, она написала прекрасную поваренную книгу, вот эту

самую, которая выдержала десятки изданий. Если бы не она, многие уникальные рецепты русской кухни пропали бы бесследно. Вот слушай: «Уха из стерляди с шампанским...» Ты пробовал хоть раз такую? «Цыплята, фаршированные малороссийским салом...» «Яйца выпускные под соусом...» Или вот: «Гренки с мармеладом из чернослива». Это специально для тебя — ты же у меня сластена. На днях тебе сделаю.

— Угу,— сказал я.— Только я, бабуся, уезжаю.

— Опять на сборы? Или, может быть, в Гималаи?

— При чем тут Гималаи? — буркнул я. Пожалуй, это было единственное место во всей Вселенной, куда бы я предпочел сейчас поехать.— Я отправляюсь на Изумрудную.

— Это что — какой-нибудь спортлагерь?

— Нет, это планета.

— Значит, в космонавты записался...— Она о чем-то задумалась и вдруг сделала совершенно неожиданный вывод: — Женить тебя надо, голубчика.

— Бабушка, при чем здесь женитьба? У меня и девушки-то нет.

— И не будет никогда, если и дальше станешь от них прятаться.

— Да разве это девушки? «Ах, рыцарь!.. Ох, рыцарь!..» Других слов они не знают. Истерички какие-то. Им все равно — что я, что Баязет, лишь бы знаменитость.

— Зачем ты говоришь неправду? Ира была очень умная, начитанная, серьезная девушка, к тому же красивая. И не такая болтушка, как некоторые.

— Да из нее слова нельзя было вытянуть! «Да, Алексей... Нет, Алексей...» — вот и весь ее разговор. Я с ней целовался и чуть не зевал.

— Ну, ладно, забудем про нее. А чем плоха Тина? Неужели она тебе тоже не нравится?

Я постарался спрятаться за самоваром.

— Ах, бабушка, ну что ты говоришь! Тина — подружка моего товарища, моего тренера. Она дружит с ним больше года. При чем тут я?

— Вот-вот, и я то же самое говорю. Год дружат и еще десять лет будут дружить, а может, и двадцать. Твой Гусев хороший человек, хоть и пустой, но эта девушка не для него.

— Почему это Павел пустой? — громко возмутился я, обрадовавшись возможности переменить тему.— Ты же знаешь, какой это замечательный товарищ! Да он руку даст отрубить за меня.

— Насчет руки или ноги не знаю, а что парень он не стоящий, уверена. А ты Тине нравишься — вот тут уж я готова дать руку на отсечение.

Бабушка уверенно сворачивала разговор на свое. Мне было приятно слышать то, что она говорит о Тине, но обсуждать эту тему ни с кем не хотелось. К тому же бабушка явно преувеличивала — следов интереса к своей особе со стороны Тины я не замечал. А вот нападки на Гусева меня всерьез разозлили.

— Ты разве забыла, что он спас меня на Яблоновом хребте? У меня окоченели руки, и самое большое минут через пять я загремел бы вниз. А Павел пошел ко мне без страховки, не дожидаясь остальных, рискуя свалиться тоже, потому что знал, что я долго не продержусь.

— Так я не говорю, что он злыдень какой-нибудь. Просто не тот он человек, с которым тебе надо дружить.

— Бабушка, я же тебе друзей не выбираю,— ляпнул я, не подумав.

Это было очень грубо и невежливо. Бабушка обиделась, поджала губы и замолчала. Чай мы допили в полной тишине. И только когда я встал и буркнул «спасибо», она сказала:

— Тебе какой-то конверт прислали.

Это было приглашение явиться к Верховному комиссару Звездного совета.

Стоэтажная башня Звездного совета была самым высоким зданием столицы. Возвели ее двести лет назад, когда архитекторов охватила очередная лихорадка новаторства. Здания-шары, здания-деревья, здания-зонты, здания-пирамиды были уже пройденным этапом. Новым увлечением стали здания без окон. Строить их дешево, рационально, быстро — так уверяли авторы проектов. Телеэкраны во всю стену прекрасно заменят окна, и видеть в них можно будет не изо дня в день одно и то же, а любой пейзаж по выбору — море, горы, лес, Ниагару, Сахару. Были даже запущены специальные «пейзажные спутники», которые транслировали по сорока каналам сорок разных пейзажей — с ветром, птицами, восходами и закатами. Постепенно число пейзажей довели до полутора сотен, включив в них морское дно и марсианскую пустыню. Но мода на телеокна быстро прошла, жить среди телефицированных стен мало кому понравилось, и здания без окон потихоньку переделали в обычные. Теперь их осталось совсем мало, в основном административные, и здание Звездного совета было среди них самым известным.

В вестибюле меня встретила очаровательная блондинка в голубой униформе. Я показал ей приглашение. Она сразу засуетилась, стреляя в меня красивыми глазками.

— Я знаю про вас... Меня предупредили, что вы придете... Верховный комиссар вас ождает.— Она сказала несколько слов в микрофон, приколотый к ее форменной блузке вместо брошки.— Разрешите вас проводить...

Она так таращила на меня глаза, словно я был по крайней мере о двух головах, и все о чем-то щебетала. А в кабине лифта она вдруг спросила:

— Скажите, вы действительно... рыцарь Черной башни? Я видела вас на Малом Споре и запомнила. Меня зовут Виола. Можно мы теперь будем знакомы? Я так люблю конный бой — не пропустила ни одного соревнования!

Ах, нелегкая тебя возьми! Я огляделся, но из лифта выскочить было невозможно. Конечно, она прочитала в приглашении мою фамилию, и теперь начнутся записки, букеты, вздохи, охи. Какого черта занесло ее в Дом техники?

— За кого же вы болели на Малом Споре? — спросил я, с отчаянием глядя на световое табло, цифры на котором словно заснули. Уж скорей бы доехать!

— Я сама участвовала в Споре. Я сделала тот самый верстак, который вы разрубили...

К счастью для меня, лифт наконец дополз до девяностого этажа, и мы вышли.

— Вы сделали замечательный верстак,— сказал я серьезно.— На нем очень удобно работать. Через неделю-две я вернусь, и мы вместе починим его.

В кабинете мне навстречу из-за стола поднялся высокий седой человек, к которому я с первого взгляда почувствовал расположение. Ему было лет сто сорок — сто шестьдесят.

— Комиссар Фаркаш,— представился он и предложил сесть.

Я с интересом огляделся. Почему-то я думал, что встречу в этом здании этакий технический сверхмодерн — автоматическую мебель, киберсекретарей, шкафы-автоматы, которые сами подают документы. Все оказалось гораздо проще — стол и кресла были обычные, папки, числом не больше десятка, стояли на самой простой полке, а из техники я заметил только стандартный экран глобальной связи со стандартным же пультом. А во всех окнах, знаменитых телеокнах, виднелись только пейзажи Москвы — такие, какими они должны выглядеть с девяностого этажа.

— Вы скоро отбываете на Изумрудную,— сказал Фаркаш.— Вот разрешение на ВП-перелет.— Он протянул мне листок бумаги.— Вас будет только двое?

— Да, я и робот Петрович. Ну и, конечно, немного вещей.

— Вы знаете, что вы первый человек, получивший разрешение посетить Изумрудную?

Это я знал — мне сообщила об этом Ганелона.

— Вот по этому-то поводу я и хотел с вами поговорить. Но во-первых, вы знакомы с системой ВП-перелетов?

— Только в самых общих чертах. Тебя сажают в кабину, а потом — раз, и ты уже на другой планете.

— Сразу видно, что вы никуда не летали,— улыбнулся Фаркаш.

— Как-то не приходилось...— О причине своей нелюбви к внепространственным перелетам я решил промолчать.— Кроме того, мне очень некогда. Я ведь преподаю в институте, веду исследования — у меня несколько аспирантов, потом тренировки, соревнования, Малый Спор, Большой Спор...

— Словом, все как у людей,— кивнул головой комиссар.— Но сейчас я расскажу кое-что об Изумрудной.

Изумрудную открыли лет пятьдесят назад. Разведчики высадились на планету и попытались вступить в контакт с населением. Вначале все шло довольно мило, но потом появились представители центральной власти и дали понять, что дальнейшее общение нежелательно. Их соблазняли торговлей, обещали всяческую помощь, лекарства, развитие туризма — власти были непреклонны. Пришлось убираться несолоно хлебавши, даже не выяснив, откуда и когда взялись на Изумрудной обитатели.

Они явно были эмигрантами с Земли, даже разговаривали на Едином языке, правда, устаревшем,— видимо, планета была колонизирована кучкой беглецов еще в период создания Союза Коммунистических республик, по времени совпавший с первыми звездными рейсами. Разведчики подвесили на стационарной орбите ВП-станцию, а на планете оставили кабину для связи со станцией — это было единственное, на что удалось получить разрешение. И все эти годы никто ими не пользовался.

Теперь представьте себе ситуацию. Почти полвека на наши регулярные вызовы никто не отвечает, услугами Станции никто не пользуется. Пятьдесят лет дежурные смены на спутнике изнывают от безделья. И вдруг Изумрудная заговорила — просят отправить на Землю пассажира, указывают, когда его забрать. Ребята рады, они сажают «Гриф» тютелька в тютельку куда следует и видят конное войско с копьями и мечами, провожающее очень хорошенькую девушку. А по углам посадочного квадрата они видят четыре вышки, и им без бинокля видно, что на вышках сидят здоровенные верзилы с лучеметами и держат все это рыцарство и их самих под прицелом. Они, естественно, девицу забирают, а на Земле выясняется, что она наследная принцесса Изумрудной и приехала к нам учиться. Король, ее батюшка, прислал с ней слезную грамоту в наш Совет, из которой мы поняли, что он просит получше охранять его чадо, потому что ему, королю то есть, кажется, что чаду может угрожать опасность. Мы даем принцессе в сторожа робота высшего класса, снабдив его строжайшими инструкциями. Но принцессу никто не беспокоит, никто ей не угрожает, да и кто может это сделать, если с Изумрудной не выезжала больше ни одна душа? Потом нас просят забрать королевского посланца, мы это делаем, он

приезжает к принцессе, а та в слезы — оказывается, умер ее отец. Она едет его хоронить, потом возвращается, к ней снова приезжает тот же самый Летур,— все идет естественным путем и тревоги не возбуждает. А потом началось. На спутнике вызов за вызовом. То двое, то трое, то сразу пятеро. Тут мы, конечно, слегка промахнулись — надо было четко знать, кого мы везем, куда и зачем. Но, поймите, у нас не было никаких причин для тревог или подозрений — ну ни-ка-ких... Приезжие с Изумрудной высадились на Земле и расползлись кто куда. Потом, когда мы спохватились, мы их быстро нащупали, потому что они все-таки очень выделялись среди наших людей — не одеждой, нет, они тут же переоделись, а речью. И еще больше — недоверием. Понимаете, Алексей, они у нас ничему и никому не верят. Им постоянно кажется, что их обманывают, желают им зла... Наверно, у них дома не очень-то сладкая жизнь. Теперь, если понадобится, мы легко возьмем под контроль каждый их шаг, но боюсь, что главное мы прошляпили. Недавно погиб Летур, и мы подозреваем, что приезжие приложили к этому руку.

Когда Летур прибыл сюда во второй раз, он уже не собирался возвращаться. Мы спрашивали принцессу, и она сказала, что его намерением была учеба. По ее словам, это был талантливый, разносторонне развитый человек, великолепный художник и ученый-энциклопедист. Правда, наука на Изумрудной какая-то странная — алхимия, да и только. Точных сведений у нас нет, а принцесса дома ничему толком не училась и мало что знает. Так вот, Летур поступил в институт и стал изучать генетику. Когда мы уже потом поинтересовались, нам рассказали, что в голове у него была каша, подготовки — никакой, наивность во многих вещах чудовищная, однако это был, бесспорно, очень, очень одаренный человек, будущее светило науки. Приняли его в институт условно, потому что он не выдержал ни одного экзамена. У профессоров сложилось впечатление, что он только из их вопросов узнавал о многих научных проблемах. Но он рос буквально на глазах и через несколько месяцев уже знал — и хорошо знал! — то, что другие постигают годами. У него был мозг, не засоренный ненужными сведениями, не затюканный ложными авторитетами, мозг, словно специально созданный природой для великих открытий. И вот его не стало.

Мы не знаем, что с ним произошло,— может быть, просто несчастный случай. Он купался в море — это было в Гурзуфе,— уплыл и не вернулся. Браслет он оставил на берегу — он всегда так делал, сколько ему ни говорили,— очевидно, считал, что вода испортит механизм. О Летуре вспомнили только на следующий день, но сразу искать не стали — мало ли куда мог отправиться человек! Но потом ребятишки нашли в камнях одежду.

Через час тело обнаружили. Он пролежал в воде почти сутки. И представьте, врачи так и не смогли сказать, отчего он умер. Подозревают, что это был паралич сердца. Словом, самая естественная причина. Но только трое из тех, кто недавно прибыл с Изумрудной, в этот день тоже были в Гурзуфе!

Поверьте, Алексей, мы проверили все, что только могли. Люди не умирают просто так, без причин, но причин нет. Есть только смутные подозрения. Эти трое Летура не убивали. Нам удалось проследить весь их путь, и мы убедились, что они нигде не вступали с ним в контакт. А за час до того, как Летур пошел купаться, эта тройка уже сидела на веранде над морем. Они пили вино, ели шашлыки и играли в эту допотопную игру — да, преферанс — на щелчки по носу. И просидели там несколько часов, никуда не отлучаясь,— игра эта затяжная.

— А где они сейчас? — спросил я.

— Уехали. Вернулись на Изумрудную. У нас не было никаких оснований их задерживать.

— Скажите, а среди тех, кто прибыл с Изумрудной, не было детей?

— Детей? — изумился Фаркаш.— А в чем дело?

Я рассказал ему историю с вишневой косточкой.

— Это был мальчишка? Вы уверены?

— Я разговаривал с ним вот так же, как сейчас с вами.

— Я проверю еще раз, но, насколько мне известно, к нам прибывали только взрослые.

Тут мне в голову пришла одна мысль, и я спросил Фаркаша, нет ли у него фотографий тех, с Изумрудной.

— Конечно, есть,— ответил комиссар.— Разрешения на ВП-перелеты выдаются только именные, с фотографией.

Он взял с полки одну из папок и достал из нее пачку цветных стереоснимков.

Я медленно перебирал их, вглядываясь в лица. Кто знает, не придется ли встретиться с ними там, на Изумрудной. Возможных врагов лучше знать в лицо.

— Вот этого я знаю,— сказал я и протянул комиссару Фаркашу снимок.— Это кавалер Рюдель, глава Черного совета Изумрудной, главный претендент на руку принцессы Ганелоны и на королевский трон...

Глава 6. «Справочник Гименея»

Я разыскал Тину в лаборатории. Она уже заканчивала свои записи, и я предложил ей поужинать вместе.

— Если ты не возражаешь, можем поехать ко мне. Бабушка скоро укатит в какую-то тьмутаракань, а пока будет рада накор-

мить нас. Знаешь, когда бабуся дома, она не терпит, чтобы я питался автопищей.

— Тебе хорошо живется,— вздохнула Тина.— Очень славная у тебя бабушка. И где ты ее раздобыл?

— Скажу только тебе, по секрету.— Я положил ладонь ей на плечо и наклонился к самому уху девушки.— Мне ее выдали за спортивные успехи.

Мне было очень приятно идти вот так с Тиной по открытой солнцу галерее, болтать с ней о всяких пустяках и чувствовать, как на нас незаметно оглядываются редкие встречные. Занятия давно закончились, поэтому внешняя галерея, повисшая на высоте двадцати этажей над институтским парком, была почти пуста. Как-то незаметно для самих себя мы остановились у перил. Солнце сегодня было горячим и ласковым, а лежавшая под нами Москва прекрасна, как всегда,— нет, еще прекрасней. Отсюда, с вышины, были видны вдалеке увенчанные звездочками острия древних кремлевских башен над лентой реки, и разноцветные силуэты новых зданий, и безглазая труба Звездного совета, и ажурные километровые зонтики погоды, и переплетения скоростных магистралей над домами и рекой. Когда я положил руку на перила, мои пальцы прикоснулись к пальцам Тины — очевидно, та этого просто не заметила, потому что не отодвинула руку. Я вдруг ощутил внутри какую-то сладкую пустоту и понял, что не могу сейчас ничего сказать — ну просто ни слова. Мне хотелось только, чтобы мы вот так стояли рядом и молчали и чтобы она не убирала своей руки. Я не знаю, долго ли все это продолжалось, только вдруг почувствовал, что Тина тихо вздохнула, и от этого ее грудь на секунду прикоснулась к моему локтю. Я, не поворачиваясь к девушке, видел, какая у нее красивая и высокая грудь, какая тонкая талия, какие стройные и загорелые ноги,— сегодня Тина была в коротеньких шортах, и поэтому ее ноги были открыты почти целиком солнечным лучам и взглядам. Я чуть-чуть подвинул свою руку, мои пальцы скользнули по ее пальцам и сплелись с ними. Это было так невероятно, что сердце у меня в груди вдруг забухало громкими и редкими ударами.

Нас вернул к действительности чей-то голос. Я не сразу понял, что этот голос мне очень хорошо знаком. По галерее спешил к нам Гусев — как всегда, взлохмаченный и суетливый.

— Вот вы где, голубчики! — кричал он еще издали.— А я обегал пол-института. Тина, ты почему без браслета?

— Я сняла его, чтобы мне не мешали работать,— ответила девушка.— Думаешь, ты один не даешь мне покоя? — Мне показалось, что она не очень обрадована появлением своего дружка.

— Какие у вас планы? — осведомился Гусев.

— Мы собирались ко мне ужинать,— сказал я.— Бабушка грозилась сделать что-то необыкновенное. Пойдешь с нами?

Я смотрел на моего тренера, на дорогого друга Пашку Гусева, и чувствовал, что впервые во мне возникает какая-то неприязнь к нему. Я его очень любил и уважал. Это был беззаветно преданный спорту человек, прекрасно знающий свое дело и знающий, чего он хочет. Природа обделила его ростом, поэтому путь в рыцари был для него закрыт навсегда — при весе в шестьдесят килограммов человек вылетает из седла даже при не очень сильном ударе копья. Но он был прекрасный фехтовальщик, бегун и стрелок, и лучше его никто не умел планировать на самоподъемном крыле — как раз тут его малый вес становился решающим преимуществом. И он был великолепный тренер — не знаю, откуда взялось это у мальчишки, но только, по отзывам крупнейших спортивных авторитетов, он не уступал признанным тренерам, имевшим за плечами по сотне лет стажа. Я был обязан ему многим, да вдобавок и жизнью. И тем не менее сейчас при виде Гусева я ощутил глухое раздражение. Тина была его девушкой, и он ей, очевидно, нравился, она, может быть, даже любила его, поэтому я не имел никакого права становиться у него на дороге. То, что сейчас произошло на галерее (хотя там ничего не произошло — эка важность, подержал девушку за руку!), было предательством по отношению к другу, и я чувствовал, что Гусев думает так же, хотя и не подает вида. Ох, как мне не хотелось, чтобы он, я и Тина ужинали вместе! Дернул черт меня за язык — не брать же приглашение обратно...

Но тут проблема решилась без моего участия. Мы уже стояли у паркинга в ожидании свободного автокиба, когда Тина сказала:

— Мальчики, вам придется ужинать без меня. Я забыла про одно срочное дело. Извините!

Она помахала нам рукой, села в подъехавший киб и укатила. Тут же второй киб остановился перед нами. Мне уже расхотелось ужинать, но ехать пришлось. Пашка тоже был не в своей тарелке — плюхнулся на сиденье и надулся, как мышь на крупу.

Я о чем-то заговорил, но Павел упорно молчал всю дорогу. Дома я зашел к бабушке поздороваться, а когда вернулся в гостиную, Гусев торчал у стола и вертел возле своего носа розу, которую мне вчера бросила Тина. Я поставил цветок в вазочку с живой водою, чтобы роза не увяла и законсервировалась. Мне хотелось сохранить ее как память о Малом Споре (а еще больше о Тине). Но теперь все пропало — этот нахал вытащил розу из вазы, словно не знал, что так делать нельзя, и теперь консервация не получится.

— Слушай, Алексей,— сказал он и швырнул розу на стол.— Тина — моя девушка, и ты к ней не приставай.

— С чего ты это взял? — пробормотал я. Выпад Гусева застал меня врасплох.— Мы с ней друзья, и только...

— И давно это вы подружились?

Тут я разозлился, потому что Гусев вел себя по-хамски.

— А тебе какое дело? Ты что, хочешь мне посоветовать, с кем дружить, а с кем нет?

— Можешь дружить с кем хочешь. Но не дури девчонке голову. От нее теперь только и слышишь: «Ах, какой рыцарь! Ах, какой удар! Какой сверхудар! Какой сверхталант! Сверхгений!»

— Это она на самом деле так говорит? — спросил я с неподдельным интересом.

Павел почувствовал, что зарвался, и сбавил тон.

— Так не так — какая разница? Она меня любит — вот что главное. А ты ее с толку сбиваешь. Еще бы — профессор, светило, чемпион!..

В его голосе чувствовалось сильное раздражение. Ему, видимо, было все равно, за что меня ругать.

Я был не на шутку огорчен и разозлен словами Гусева. Если они действительно любят друг друга, мое положение оказывалось незавидным. Хорошо, что я скоро уезжаю на Изумрудную.

Ужин был испорчен. Ели мы без всякого удовольствия, чем очень расстроили бабусю. Она сидела поджав губы и распрощалась с нами сухо. Я пошел проводить Павла. Мы пытались говорить о подготовке к Олимпийским играм, но разговор не клеился, и мы расстались.

Я бродил по городу довольно долго, думая о Тине и Павле. Высоко над моей головой в прозрачных трубах проносились серебристые капли магнитных поездов, еще выше проплывали дисколеты туристов, по улицам гуляли веселые, смеющиеся люди. Как всегда в это время, прошел легкий дождь, вывесив через все небо разноцветную радугу. Воздух стал удивительно свежим, запахло какими-то южными цветами. Не знаю, случайно это вышло или ноги сами привели меня, но когда я поднял голову, то увидел, что стою перед «Справочником Гименея».

Официально здание это называлось Центральным информаторием. В его огромном кристалломозге были собраны подробные сведения о всех обитателях планеты — их возрасте, внешности, вкусах, привычках, работе, увлечениях. Вначале все это мыслилось как автоматическое справочное бюро, но потом было предложено с помощью информатория облегчить людям встречи по интересам. И сразу оказалось, что подобное учреждение просто необходимо людям. Правда, большинство запросов

имело целью получить информацию, облегчающую поиск подруги или друга жизни, и вскоре информаторий иначе чем «Справочником Гименея» почти никто не называл.

Сведения обо мне тоже хранились здесь, но я давно заблокировал свою ячейку, спасаясь от восторженных любителей и любительниц конного боя. Не так давно я заходил сюда, чтобы узнать, интересовался ли кто-нибудь моей особой. За последний месяц в информаторий поступило три запроса о профессоре Алексее Северцеве, и тринадцать тысяч восемьсот семьдесят два человека пытались связаться с рыцарем Черной башни...

В прохладном вестибюле информатория, как и всегда, дежурил робот. Он подкатил ко мне и осведомился, чем может быть полезен. Я подумал и спросил, много ли людей обращается сюда по брачным вопросам. Оказалось — до ста тысяч человек в год. Тогда я поинтересовался, насколько велика эффективность такой службы.

— По имеющимся у нас сведениям,— забубнил робот,— из всех лиц, обратившихся в Центральный информаторий для отыскания друга или подруги жизни, впоследствии зарегистрировали объединенные опознавательные индексы или зарегистрировали совместные адреса с кем-то из указанных в справке Центрального информатория лиц на срок до года и более, что может свидетельствовать о создании семейного союза, или родили детей при участии указанных в той же справке лиц, до сорока двух процентов лиц, которым были выданы рекомендации брачного характера.

— Неплохо,— похвалил я, подсчитывая в уме, сколько раз он упомянул о лицах.— У вас очень высокий КПД. А смогу я узнать, какова пригодность моей кандидатуры для семейной жизни?

— Попрошу приложить сюда ваш опознаватель,— сказал робот, проводя меня к пульту.

Я приложил браслет к гнезду, и тотчас на щите замигали лампочки.

— Пригодность данного лица в каждой возрастной группе,— вновь забубнил робот,— определяется по пяти степеням пригодности, определяемым на основе тех требований, которые предъявляет к возможным кандидатам лицо, сделавшее запрос. По пятой степени ваша кандидатура за период, прошедший с начала текущего календарного года, соответствует двумстам сорока запросам, по четвертой степени — семидесяти одному, по третьей — девятнадцати, по второй — четырем, по первой — одному запросу. Поскольку ваша ячейка заблокирована, сведения о вас не выдавались и в справки не включались.

Я посмотрел на робота с уважением. Ведь обычная машина, а знает, что для кого-то я, Алексей Северцев, двадцати трех лет,

ростом двести два сантиметра н весом сто двадцать килограммов, являюсь единствеиным... Интересно, кто это?

— Могу я узнать, кем сделаи запрос, подпавшнй под категорию первой степеии?

Робот повозился у пульта.

— Лицо, сделавшее данный запрос, заблокнровало свою ячейку, поэтому ответ быть даи не может.

Вот так... Где-то живет нензвестная мне девушка, для которой я мог бы стать единственным, но никогда не стану. И ннчего тут не поделаешь.

Я повернулся, чтобы уйти, но тут мне в голову пришла еще одиа ндея.

— Попрошу дать мне справку о возможной подруге жизнн. Мои требоваиия: пол — жеиский, возраст — 18—22 года, брюнетка, но не жгучая, рост... выражение глаз... грудь высокая... талия... походка волнующая... (Я закрыл глаза и стал рисовать портрет Тнны, переводя его нз зрительных образов в сухне анкетиые данные.) Интересуется иаукой, конным боем, гимнастка, альпнинстка, горнолыжница...

Я диктовал всю эту бредятииу, презнрая сам себя, но остановиться не мог. Закоичив, я с опаской посмотрел на робота, словно ожидал увндеть осуждение в его электроииых глазах. Но этот ящнк иа колесах стоял ко мне спиной, подключившись к пульту, н ему не было дела до монх эмоций, если он вообще нмел представление об эмоциях. Из пульта выскочнла карточка, робот взял ее и протянул мне.

— Ваш запрос соответствует первой степенн, н ему соответствует по всем параметрам запроса, кроме не поддающнхся формализации, каковыми являются требования к выражению глаз н эмоциональные ощущения от походки, всего одно лнцо нз числа всех лнц, взятых на учет в ннформатории.

Я взглянул на карточку и присвистнул. На карточке было напечатано:

«Внола Ирнння Мнллер, 19 лет, Звездный совет, секретарь IV класса».

Врет ваша машнна,— сказал я.— Я эту Внолу знаю. Она же стопроцентная блондинка, а я нх терпеть не могу.

Робот обратил на меня философски мерцающие электронные глаза н пробубнил:

Поскольку данное лицо в момент регнстрацнн по цветовым параметрам прическн относилось к нежгучим брюнеткам, допустнм вывод, что данное лицо измеинло цвет своих волос, не поставив в нзвестность информаторнй. Данному лицу будет сделаи немедленный запрос с целью внесення уточнений в его ячейку.

Валяйте уточняйте,— сказал я и вышел.

Глава 7. Бабушек надо слушаться

Все на свете имеет свой конец. Пришли к концу и мои сборы в дорогу.

Все было обговорено и рассказано, документы оформлены, обряды запомнены, снаряжение упаковано. С огорчением я узнал, что с терилаксовой броней мне придется распроститься, поскольку такой брони на Изумрудной нет. Принцесса рассказала мне, что их кавалеры сражаются только равным оружием, и это правило соблюдается очень строго.

— Но вы получите лучший панцирь из коллекции моего отца. Он очень любил турниры и собрал прекрасную коллекцию оружия. Вот копье с вымпелом Соискателя вы должны взять с собой. Оно послужит для вас пропуском во дворец.

— А конь? Как быть с конем?

— Коня вы купите на месте. Не везти же его с Земли. Да он и не войдет в кабину даже до середки.

Я представил себе, как получаю на Изумрудной из ВП-кабины одну половину Баязета и скачу на ней наподобие барона Мюнхгаузена... Да, коня придется искать там.

— Не огорчайтесь,— промолвила принцесса и положила свои пальцы мне на руку.— В королевской конюшне вам подберут лучшего коня. Я распоряжусь.

— Я вам заранее благодарен,— вздохнул я.

Эта девушка совершенно не представляла себе, что добрый конь в хорошем бою — половина успеха. Она рассуждала как все дилетанты, для которых лошади отличаются только именами и мастью. Мой Баязет, сын Баяна и Зебры, был лучшим конем на нашей планете. Мы с Павлом искали его три года, и я не променяю его ни на какого коня в мире. Но, увы, ВП-кабины не рассчитаны на межзвездные перелеты лошадей.

Когда я впервые услышал про конные поединки на Изумрудной, это совпадение поразило меня. Но теперь мне было ясно, что никакого совпадения тут нет. Рыцарские бои на копьях, процветавшие в средние века, возродились еще в XX веке — что-что, а уж историю своего любимого спорта я знал до мельчайших подробностей. Началось это одновременно в Польше и в Англии. Польские рыцари выступали в театрализованных представлениях, устраиваемых в старинных замках, изображая битвы давних времен. В Англии в те же самые годы начали проводиться конные поединки с легкими бамбуковыми копьями. Позже, в XXI веке, после изобретения терилакса, который гарантировал спортсменам безопасность, этот спорт широко развился и впоследствии был включен в олимпийскую программу. Для меня не было удивительным, что беглецы с Земли, создав на Изумрудной свою аристократию, вспомнили про

конный спорт, всегда считавшийся на Земле аристократическим.

Пальчики девушки все еще покоились на моем локте, и от этого я почувствовал, как у меня к щекам приливает жар. Удивительное сходство Ганелоны с Тиной настолько сбивало меня с толку, что я совсем запутался. С ужасом я вдруг понял, что мне нравятся обе девушки, причем одинаково сильно.

Ганелона походила на Тину как две капли воды. Нет, различия во внешности были, хотя и не очень заметные: гораздо светлее оттенок кожи, чуть тоньше губы, не такие большие глаза, неуловимые отличия в очертаниях скул, носа, подбородка.

В движениях, жестах, походке разницы обнаруживалось гораздо больше. У Ганелоны было свое особенное выражение глаз — какое-то настороженное, всегда немного беспокойное и тревожное, словно девушку непрестанно грызли тайные заботы. Властно сжатый рот принцессы свидетельствовал о решительности и твердости характера, ничуть не умаляя ее прелестной женственности. Походка казалась несколько скованной, Ганелона словно избегала быстрых движений и старалась за округлостью жестов скрыть внутреннюю резкость. Пожатие ее руки казалось вялым и безразличным, словно ей приходилось подавать руку через силу.

Впрочем, все эти мысли выветрились у меня из головы, когда вдруг выяснилось, что агенты Рюделя все же обнаружили Ганелону. Она рассказала, что недавно с ней говорил через браслет неизвестный, не назвавший и не показавший себя, и спросил, предполагает ли принцесса в ближайшее время отбыть на родину. Получив положительный ответ, он сказал: «Если передумаете — пеняйте на себя» — и отключился, даже не попрощавшись.

— Почему вы не обратились в Службу безопасности? — спросил я, кипя возмущением. Это было неслыханно — в наше время угрожать кому-то, запугивать, вынуждать.— Вашего Рюделя и всю его шайку быстренько бы схватили и выслали домой, а Изумрудную заблокировали, чтобы никто не мог до вас добраться...

— Я думала об этом,— грустно ответила Ганелона.— Да разве во мне только дело? Рюдель рвется к власти, и моя задача — помешать ему. А для этого я должна ехать.

Чтобы отвлечь девушку от тревожных мыслей, я заговорил о Петровиче.

За последние дни я успел сдружиться с ним. Робот был неплохой парень, не то что механические недотепы из информатория и аналогичных заведений. Он побывал на моих тренировках, обучаясь искусству оруженосца, и теперь я знал, что он ничего не упустит в сложном ритуале подготовки к бою. Шутки ради я предложил ему сесть в седло. Это было уморительное зре-

лище — ездить он не умел совершенно, сидя на лошади, растопыривал ноги наподобие циркуля и на рысн выглядел настолько жалко, что я поскорее остановил лошадь. Однако на землю он спрыгнул легко и грациозно и, судя по всему, был весьма собой доволен.

В институте уже знали, что я ненадолго уезжаю, и, когда я зашел попрощаться, меня сразу окружили. К середине лета все мы были достаточно загорелыми, но все же одна из физиономий показалась мне чернее других. Вглядевшись, я узнал лаборанта Цоя, который только что вернулся с юга.

Мне стали показывать его снимки — старинные белоснежные дворцы, реставрационные работы на Золотых воротах, состязания ныряльщиков, толпы на пляжах. Цой снимал профессионально — на объемную бумагу с электретной подложкой, поэтому цвет и глубина на его снимках приобретали полную достоверность и фотографии словно светились изнутри. Все это сейчас меня мало интересовало — я потихоньку оглядывался, ища глазами Тину, которая куда-то отлучилась. Вдруг я понял, что передо мной только что мелькнуло знакомое лицо. Я схватил уже отложенную фотографию и увидел кавалера Рюделя.

Снимок был сделан на приморской веранде, где, прячась от зноя, сидели под тентами загорелые люди — кто в шезлонгах, кто у столов с напитками. В руках у соседей кавалера были карты, а сам он держал какой-то приборчик, из которого торчала крестообразная антенна.

Этот снимок я в тот же день показал Ганелоне.

Почему он пользуется таким приемником? — спросил я.— У него же есть браслет,— я показал на левую кисть кавалера Рюделя.— Браслет дают каждому, кто прилетает на Землю.

— Опять кого-нибудь подслушивал,— с неприязнью ответила принцесса.— Помните, как он нас подслушивал?

Девушка долго смотрела на снимок, что-то мучительно вспоминая.

Алексей, я боюсь,— сказала она наконец.— Я не знаю, в чем тут дело, но мне страшно. У меня на родине есть одна легенда... Я почти забыла ее. Но в ней говорится о каком-то кресте, который несет всем смерть... Когда я была совсем маленькой, сестры пугали меня по вечерам рассказами об этом кресте. Я кричала от страха и пряталась под одеяло, а потом долго не могла заснуть. И сейчас мне снова страшно...

Голос ее замер. Я взял ее за руку — пальцы у нее дрожали и были холодны как лед.

— Не бойтесь,— сказал я.— Сказки — это только сказки. И меня не удивляет, что ваш Рюдель предпочел браслету собственный радиоаппарат,— ведь с помощью браслета подслуши-

вать нельзя. А он, насколько я заметил, очень любит это занятие.

Чтобы успокоить девушку, я обещал показать снимок специалистам.

— Бабуся,— сказал я за ужином,— где сейчас Милич?

— Иво? Вице-президент Радиоакадемии? Почему ты о нем вспомнил?

— Сейчас будет удобно его побеспокоить? Я хотел бы показать ему вот эту фотографию.

Бабушка повозилась у пульта, и через десяток секунд Иво Милич высветился на экране.

— Дорогая Евдокия Адамовна,— растроганно проговорил он,— вспомнила все-таки меня, старого! А то мне стало казаться за последние десять лет, что я так и помру, не повидавшись с тобой...

— Так уж и десять! — возразила бабушка.— Три года назад мы виделись на Плутоне.

— Ах, да... Это когда ты провалила мой проект...

— Пожалуй, не стоит об этом вспоминать.— Бабушка явно не хотела говорить о некоторых своих занятиях.— Взгляни лучше на моего внука. У него есть к тебе вопросы.

— Здравствуйте, дядя Иво,— сказал я.

— Батюшки, неужели это Алеша? — Старик даже всплеснул руками.— Слышал, слышал я про твои подвиги. Не женился еще?

— Некогда ему,— вздохнула бабушка.— Спортсмен! В чемпионы метит. Ну, еще профессором стал. Учит лягушек далеко прыгать. Всех девушек этими лягушками распугал.

— Дядя Иво, что это за прибор? — поскорее спросил я, не давая бабусе увести разговор в сторону.

Ученый некоторое время рассматривал снимок.

— Не знаю,— сказал он наконец.— Вот антенна мне знакома. Только это допотопная конструкция. Когда-то очень давно ими пользовались для поляризации сигналов. Но лет сто назад появились кристаллические антенны, а еще позднее — молекулярно-фазовые.

— Дядя Иво, как ты думаешь, для чего на пляже может понадобиться поляризованная передача?

— Такую передачу сложнее подслушать. Подожди,— встрепенулся он,— а зачем это надо? Ведь связь через браслет абсолютно неподслушиваема...

— Вот и я думаю — зачем? — пожал я плечами.— И мне очень хотелось бы получить ответ на свой вопрос...

В этот вечер мы долго сидели с бабушкой за столом. Ганелона разрешила мне открыть ее секрет, и я все рассказал бабусе — про Ганелону, кавалера Рюделя, про вызов в Звездный со-

вет. Она молча слушала, не задавая вопросов, только хмурилась и поджимала губы — мое повествование ее чем-то очень огорчило,— да барабанила пальцами по столу.

— С Тиной попрощался? — спросила она вдруг.

— Тина уехала...— отвечал я виновато.

Я весь день тщетно вызывал ее, а когда соединился с ее квартирой, автосекретарь ответил, что ее нет в городе и вернется она только через месяц.

— Когда ты отбываешь? — спросила бабушка.

— Завтра утром.

— Завтра утром...— Она забарабанила еще быстрее.— Завтра утром...

Она подошла к пульту, ткнула пальцем, и тотчас из экрана раздался знакомый голос.

— Слушаю вас, Евдокия Адамовна.

Я удивленно посмотрел на экран. Оказывается, моя кулинарка бабуся имеет личный канал связи с комиссаром Звездного совета. Впрочем, тот тоже, наверно, любит вкусно поесть. Я знал немало известнейших людей, которые откровенно гордились тем, что им довелось пробовать стряпню моей бабушки.

— Фаркаш, вы с моим внуком уже знакомы,— сердито сказала бабушка, кивая на меня.— Не нравится мне вся эта история с Изумрудной. Вы не находите, что вам давно следовало известить Службу безопасности?

— Я уже пришел к такому выводу. Моя информация час назад передана в оперативный отдел службы.

— Этот юноша завтра отбывает. Какие меры безопасности приняты?

— Утром ему будет вручен несъемный браслет Службы здоровья. На ВП-станции Изумрудной объявляется режим повышенной готовности с круглосуточным дежурством. На случай возможных передвижений Северцева в другое полушарие дополнительно подвешены два автоматических стационарных спутника, которые обеспечат ему связь со Станцией в любой точке планеты. К утру будет закончено дублирование канала ВП-связи Земля — Изумрудная.

А робот?

Проверен и проинструктирован.

— Вы заблокировали у него цепь Первого Закона?

— Да. И весь Совет, и командные машины — все за то, что риск допустим. Роботы класса ноль сверхнадежны. А Петрович к тому же очень воспитанный, я бы сказал — деликатный механизм. Ему можно доверять.

— Где блок-кольцо?

— Оно будет вручено Северцеву перед отлетом.

— Ну ладно,— пробурчала бабушка.— По-моему, все пра-

вильно. Извините за беспокойство, н спокойной ночи. Но утром я вас подниму ни свет ни заря.

— Спокойиой иочи,— сказал Фаркаш и погас.

Весь этот стремительный разговор я слушал с возрастающим удивлением. Только сейчас я догадался, что моей особой все это время занимались десятки людей — работали, обеспечивали мою безопасность, запускали спутиики, беспокоились... Еще больше поразила меня бабушка, которая запросто говорила с одним из самых занятых людей иа плаиете, да причем так, словио требовала от него отчета. Разговор был явио деловой, а ие просто дружеский. Но додумать свои мысли я ие успел, потому что бабушка так же стремительио, как н Фаркаша, атаковала меня.

— Чувствую, впутался ты в пакостиое дело. Не стоило бы тебе туда ездить, да теперь ничего не попишешь — рыцарское слово иадо держать. Ох уж эта мие твоя принцесса — как ее, Ганелона? Надумала же такое... Выдрать бы ее как сидорову козу... Ведь тебя иа этой Изумрудиой придавят, как цыпленка, ты и пикнуть не успеешь. Отравят, зарежут, пристрелят! А иу-ка, виучек, дай мие позывные твоей красотки...

Оиа снова ткиула в какую-то киопку.

— Иваи, это я. У меня сейчас состоится один разговор. Есть предположение, что его могут подслушать,— иаверно, подсунули где-нибудь микрофончик... Так вот, обеспечь мие полную секретность. Заглуши любые передачи от моего собеседника, запеленгуй приемиики и выяви их. Проверь, нет ли где записывающнх устройств. Еслн обнаружишь, записн сотри, предварительно переписав, и выяви, кто их поставил. Ты все понял?

— Да, все,— ответил иевидимый Иваи.

— Даю тебе пятнадцать минут. Заодно проверь и у меня с внуком. Пока.

Я открыл было рот, чтобы задать бабусе вопрос, но она успела вызвать кого-то еще.

— Люций, ты уже спишь? Поднимайся. Всю информацию об Изумрудной немедленно ко мие иа стол. И быстренько отыщи кого-нибудь из Космостроя. Даю тебе полчаса сроку.

Секундой позже бабушка разговаривала уже с кем-то другим.

— Здравствуй, Генрих,— сказала оиа.— Мие срочно нужна Окати-саи, победительница последнего Спора монтажников, н вся финальная десятка. Достань их мие хоть из-под земли. Через час доложишь об исполнении.

Она повернулась ко мне.

— Шел бы ты спать, Аника-воин. Завтра у тебя будет хлопот полон рот. Да н у меня тоже — по твоей мнлости. Дай-ка я тебя поцелую.

— Бабуся, ты кто? — спросил я недоуменно, подставляя ей лоб.— Я всегда думал, что ты кулинарка...

— Кто, кто... Дед Пихто, вот кто,— проворчала она, подталкивая меня к дверям.— Бабушка я тебе. И мне очень хочется, чтобы ты вернулся живой с этой самой Изумрудной. Иди, иди, не упирайся. Бабушек надо слушаться — они плохого не посоветуют. А ну марш в кровать, профессор кислых щей, магистр лошадиных наук! И чтобы немедленно спал!

Но в эту ночь я долго не мог уснуть.

ЧАСТЬ 2. БОЙ

Сегодня девочка должна была умереть.

Ее звали Эола, и ей было семь лет от роду: лукавые глазенки, нос пуговкой, короткие косички, пухлые щечки, за которые так и хочется ущипнуть. Она бегала с подругами по росистой траве, распугивая сонных лягушек, радуясь неповторимому чуду нового дня. Она еще ничего не знала.

Этот день начался для нее так, как начинались все остальные,— с теплых брызг изумрудного солнца, упавших на пол возле кроватки, с непередаваемого, неосознанного по малолетству ощущения радости бытия, наполнявшего всю ее при пробуждении. Она проснулась, и вместе с ней проснулись три мира, три непохожих, разных мира, в которых она жила — одновременно во всех трех: мир Света, мир Звуков, мир Запахов. Они всегда просыпались вместе с ней, а проснувшись, начинали спорить за обладание маленькой хозяйкой.

Мир Света радовал ее разноцветными радугами, которые солнце зажигало в капельках росы, повисших на серебристой паутине; красными фонариками ягод, притаившихся под шершавыми зелеными листочками; бесконечностью изумрудного неба, на котором весело резвились похожие на пушистых котят облака. Еще мир Света владел цветами, золотыми и фиолетовыми закатами, россыпями желтого песка на речном берегу, узорами на крылышках бабочек и простым волшебством цветных стекляшек, через которые было так удивительно смотреть на все окружающее.

Мир Света имел странную особенность. Он почему-то всегда исчезал, стоило закрыть глаза. Тогда торжествовал мир Звуков. Что-то щелкало, шуршало, шелестело, брякало и повизгивало со всех сторон — то тише, то громче, иногда где-то далеко-далеко, а порой совсем рядом, словно в ней самой. О чем-то болтали на ветках птицы; оттуда же неслось постоянное шу-шу-шу — это терлись друг о друга листья; звонко падали в пустое ведро

капли воды из крана; жуки шуршали в листьях, и звенела, тычась в стекло головой, бестолковая муха. Иногда — это случалось только рано утром — где-то за домами возникал тревожный, надрывистый вой, похожий на плач огромного механического существа, одинокого и обиженного. Это плакал Завод.

Из всех звуков Эола не любила только его: едва он возникал, отец торопливо уходил из дома на долгие часы. Звук был резок и неприятен, он раздирал уши и вселял непонятную тоску. К счастью, от него можно было избавиться, заткнув уши двумя маленькими пробочками, всегда лежавшими в нагрудном кармашке.

Пробочки обладали удивительным свойством: за ними полностью исчезал мир Звуков. Только третий мир, мир Запахов, существовал постоянно, потому что Эола не могла не дышать, сколько ни пыталась.

У мира Запахов были свои чудесные свойства, не похожие на все остальные. Стоило отгородиться от всего существующего темнотой и тишиной, как он проникал в тебя, рассказывая о чем-то своем, неповторимом и волнующем. И сколько бы ты ни пряталась, ни увертывалась, рано или поздно приходилось сказать себе: «Да ведь это на нашей клумбе расцвели розы!» Можно было угадать, когда на деревьях развернутся клейкие листочки; запах дыма сообщал, что где-то затопили печь; скошенная трава издалека безмолвно кричала о себе щемящим запахом молодого сена; в темноте можно было узнать по запаху духов, что вошла мама; огромная, добрая, теплая соседская корова так и пахла парным молоком; а о том, что на кухне жарят блины, ветер рассказывал по всей округе. Еще был запах лимона, от которого сводило скулы, и родной запах папиных волос, который особенно слышен, если подышать ему прямо-прямо в затылок; и вызывающий слезы запах лука; терпко пахла спелая дыня, и совсем по-другому — сырая земля; запахи сразу сообщали о том, что готов кофе или только что разрезан на дольки огурец.

Девочка еще не знала, что сегодня она умрет, а с нею вместе умрут и три ее волшебных мира. Но остальные знали. И единственное, что они могли сделать — это подарить ей неведение.

Ортон стоял у окна и смотрел, как его дочь бегает по росистой траве, оставляя за собой темные полосы. Семь лет он со страхом ждал этого дня, ежедневно моля богов, чтобы они смилостивились над его девочкой и оставили ее жить. В глубине души он не верил, что небо услышит его. С какой надеждой молился он о даровании жизни его первому ребенку, веселому карапузу Бику! Но боги не вняли мольбам, не подарили малышу ни одного лишнего дня.

Эола подбежала к дому. Ее косички растрепались, ее туфли были мокры от росы.

— Папа, папа, смотри, как я промочила ноги! Почему ты меня не ругаешь? Ты всегда говорил, что я заболею, если промочу ноги. Но это так интересно — бегать по росе. Папа, можно, я побегаю еще?

Он кивнул, закуривая сигарету:

— Пожалуйста, бегай сколько хочешь. Ты не заболеешь.

— Спасибо, папочка! — Она умчалась.

Он знал, как это произойдет. К середине дня, набегавшись, она захочет поспать. Ляжет и не проснется уже никогда...

Почему так плохо устроен мир? Для чего это нужно — чтобы одни жили долго, а другие умирали, не успев порадоваться жизни? Неужели боги не могли дать всем единый срок жизни?

— Папочка, я хочу спать! — Дочь стояла перед ним, протирая кулачками глазенки.— Отнеси меня в кроватку!

Тельце девочки было теплым и мягким, от него пахло таким родным, что у отца перехватило горло. Он подоткнул вокруг дочери одеяло и сел рядом, глядя, как она вертится, уминая в подушке удобную ямочку.

— Расскажи мне сказку...— сонно попросила она.

Ортон стал рассказывать, стараясь сдерживать подступающие рыдания. Но вот сон сморил ее — она успокоилась и засопела носиком.

В комнату бесшумно вошел слуга.

— Вас спрашивает один человек.

— Я не хочу никого видеть,— ответил Ортон.— Ты не знаешь разве, что сегодня...— Он показал на спящую девочку.

— Этот человек — слуга Креста. Он уверяет, что спасет вашу дочь... Примите его, хозяин!

Отрывок из рукописи, найденной Алексеем Северцевым в подвале королевского дворца.

Глава 8. Кузнец поневоле

По совету бабушки десантный «Грнф» высаднл меня на уеднненной поляне.

— Чем позже узнает Рюдель о твоем прнбытнн, тем лучше,— сказала она, н я согласнлся. К тому же мне была нужна лошадь, а отыскать ее в сельскохозяйственных поселках будет легче, чем в городе.— И сам не ходн покупать. Пошлн Петровича. Он не так заметен, как ты.

— Почему? — не понял я.

— Да посмотрн на себя в зеркало. Парень — кровь с молоком, щекн румяные, глазищн горят. С тебя хоть нового Давнда

лепи. А Петрович — он постандартней. Пройдет — его и ие заметят.

Рассуждеиия бабушки были логичны, и после высадки на Изумрудную я отправил робота в поселок, который, как показывала фотокарта, лежал ие очень далеко. После моих уроков Петрович стал иемного разбираться в лошадях. Я не думал, конечно, что его приобретение окажется очень удачным, но мие бы только добраться до столицы...

Я ждал Петровича больше часа и уже начал беспокоиться. Наконец ои показался на дороге, ведя в поводу такого одра, что меня чуть не хватил удар.

— Этот ходячий скелет иазывается тут боевой лошадью? — спросил я, хлопая коиягу по крупу, отчего у иее чуть не подломились ноги.— Ты не боишься, что оиа сдохиет подо мной?

— Боюсь,— серьезно отвечал робот. Впрочем, ои все говорил и делал серьезно.— Но остальиые лошади уже куплеиы кавалером Рюделем.

— Одиако...— пробормотал я.

Это был чувствительиый удар. Наша схватка с кавалером Рюделем еще ие начииалась, а он уже выигрывал у меня очко. Впрочем, этого следовало ожидать. Ведь Рюдель наверияка догадался, зачем Ганелона пригласила меня к себе, а может быть, просто подслушал иаш разговор. Зиал ои и то, что коня я с собой не возьму,— в тесиой кабиие виепространственных перелетов с трудом поместилась бы даже коза.

Я представил, как с копьем наперевес скачу верхом на козе навстречу Рюделю, и мие стало тошно.

Мы навьючили нововявлеииого Росииаита тюком с одеждой и прочими запасами. Я посмотрел иа карту и двинулся вперед, ведя конягу в поводу. Я чувствовал себя немиого не в своей тарелке. Все же это была чужая планета. Она очень походила на Землю — белыми облаками, зелеиым лесом, зелеиой травой, пылью иа дороге. Только солнце было слегка зеленоватым, да листья у деревьев оказались иеобычиой формы, да насекомые орали в траве иепривычными голосами...

Сзади мелаихоличио вышагивал Петрович. По-моему, его совсем не волновало, что ои попал в другой мир. Я зиал, что его чуткие уши слышат любое сотрясение воздуха в диапазоне до тридцати килогерц, что ои постоянно прослушивает все радиодиапазоиы, что четыре его глаза — лицевые, темеииой и затылочный — обозревают всю полусферу как в видимом диапазоне, так и в иифракрасном и ультрафиолетовом,— словом, лучшего сторожа и телохраиителя нельзя было и желать. И все же тайное беспокойство грызло меия.

После той кутерьмы, которую вчера подияла бабушка, мое предприятие перестало казаться мне приятной прогулкой на

рыцарский турнир. Я не знаю, ложилась ли бабуся спать, но был убежден, что бессонную ночь сотне человек она обеспечила. Я представил, как в течение всей ночи приходили в действие могучие охранительные механизмы, созданные человечеством за последние века, как многочисленные подразделения Службы безопасности, Службы здоровья, Звездного совета, Технологического совета, может быть, даже Совета академии решают одну-единственную проблему: где может возникнуть опасность для Алексея Северцева и как эту опасность предотвратить? Я представил, как моя бабуся с присущим ей напором насела на бедную Ганелону — наверно, вывернула ее наизнанку, но разузнала все необходимое. Утром, прощаясь, я спросил об этом бабушку, но она только посмотрела на меня и сказала: «Уж молчал бы лучше, горе-рыцарь...»

С Тиной мне так и не удалось проститься — она, очевидно, все же уехала в Гималаи. Впрочем, от нее пришел пакет — бабушка отдала мне его утром и как-то странно на меня посмотрела. Внутри оказался фотопортрет. Когда я поставил его на солнечный свет, изображение ожило, выступило из плоскости, словно сама Тина оказалась вдруг передо мной. Мне показалось, что еще миг — и ее яркие, сочные губы шевельнутся в улыбке... Сейчас этот портрет лежал в моем кармане, и я не мог удержаться — в который раз за сегодня,— чтобы не достать его и не прочитать написанные на обороте три слова: «Я тебя люблю...»

Мы шли уже часа два, когда Петрович заговорил.

— Странно,— сказал он.— Здесь совсем нет радиопередач. Я прослушиваю все диапазоны — нет ничего, кроме обычных атмосферных помех. На Земле такая тишина только на аварийной частоте Службы здоровья.

— Неужели у них нет ни радио, ни телевидения? — удивился я.

— Дважды я слышал какой-то сигнал — очень мощный. Короткий модулированный сигнал сложной формы. Больше нет ничего. А телевидение здесь существует — я видел в поселке экран.

— Значит, они предпочитают проводную связь.— Я оглянулся на Петровича и тут заметил, что мой Росинант как будто прихрамывает.

— Слушай, да ведь он потерял подкову,— в сердцах сказал я роботу, словно он был виноват в этом. Конечно, мне следовало сразу проверить ноги у лошади, но меня так расстроила ее внешность, что я забыл про все.— Надо искать кузницу.

Дорога, прямая и ухоженная, шла то через лес, то мимо обработанных полей с какими-то мохнатыми злаками, похожими на ветвистую кукурузу. Еще через час мы увидели за лесочком

ярко раскрашенные крышн. Разноцветные, словно кукольные, домикн выглядeлн как в детской сказке со стереокартинкамн.

— Да будет тень Креста над тобой! — сказал я твердо заученную формулу приветствня, когда человек в ярко-желтом комбинезоне вышел к нам из ближнего дома.

— И над тобой, кавалер,— ответнл тот.— Я диспетчер Фей, чем я могу помочь путникам?

— Где я смогу подковать коня? — Поскольку меня уже возвелн в сан кавалера, я не рнскнул назвать свою клячу лошадью.

— Боюсь, что это невозможно. Ты же знаешь, что в празднннкн всякая работа неугодна Кресту.

— Я, наверно, перепутал днн. Напомнн мне, что за праздннк сегодня.

— Кавалер смеется надо мной. Он упражнялся с копьем, которое я вннжу притороченным к седлу, и утверждает, что забыл о празднике? А что же означает вымпел на его копье?

Я все понял. Претенденты на руку принцессы уже съезжаются в столицу, н Кресту неугодно, чтобы кто-то подковал моего коня, почннил мой панцнрь, наточнл мой меч... Здесь чувствовалась рука кавалера Рюделя. Он явно вынгрывал у меня еще очко.

Я на секунду задумался. Конечно, до столнцы моя коняга дохромает н так, а там я ее сменю. Но это все же рнск. Вполне возможно, что Рюдель прнготовнл мне еще сюрпрнзы — скажем, отравнл лошадей в королевской конюшне. Тогда все пропало, потому что кавалер без коня — никто. Мой Роснннант, несмотря на крайнюю дряхлость, все же давал мне право воткнуть свой вымпел Соискателя перед троном прннцессы.

— Ну, хорошо,— принял я решенне.— А кузннца нлн мастерская у вас есть? Проводн нас.

— Я был бы рад помочь кавалеру,— отвечал днспетчер, показывая, куда ндти.— Но работа в праздннк неугодна Кресту — вчера нам весь день повторялн это по телевнзору. Ннкто не согласнтся помочь кавалеру.

— Подкову вы мне найтн можете? — спроснл я его.

Я не знал, о каком Кресте талдычнт желтый диспетчер и почему этого Креста так боятся, но мне надо было подковать Роснннанта.

— Откуда у нас подковы? — вздохнул днспетчер.— За подковой надо ехать на Рнсталище.

Я оглядел мастерскую. К счастью, здесь был простенькнй горн с ручным наддувом, а в углу я высмотрел подходящнй кусок железа.

— А ну, Петровнч, разжнгай горн,— скомандовал я, стаскивая плащ.— Надеюсь, Крест простнт кавалеру некоторые прнчуды. Ведь нмеет право кавалер на прнчуды?

Отковать подкову для меня не составило труда. Петрович тем временем нашел несколько болтов, раскалил их и несколькими ударами превратил в добротные гвозди. Когда я кинул темно-малиновую, покрывшуюся окалиной готовую подкову на верстак и вытер пот со лба, вокруг меня уже стояло человек десять. Они молча смотрели на меня, словно впервые увидели, как человек работает.

Баязета я всегда ковал сам, поэтому ремонт ходовой части горе-коняги не занял у меня много времени. В пять минут я зачистил и подрезал копыто, прибил подкову, обломал и расклепал выступившие наружу концы гвоздей, запилил их. Пока я возился, зажав ногу лошади в коленях, Петрович держал моего Росинанта под уздцы — его даже не пришлось привязывать. Разноцветные комбинезоны все так же молча — словно языки проглотили — смотрели на мою работу. Я протянул диспетчеру монету — по-моему, на нее можно было купить подков на целый отряд рыцарей. На душе у меня было радостно — как-никак, а очко у Рюделя я отыграл.

Желаю всем удачи и света,— сказал я.— Да будет тень Креста над вами!

Я провожу тебя, кавалер,— предложил диспетчер.

Он вывел нас за поселок, показал дорогу, потом, помявшись, сказал:

— Пусть кавалер извинит меня... Я простой диспетчер, и это не мое дело... Но я осмелюсь сказать: мы все желаем тебе победы. Мы все надеемся, что твое копье не будет знать поражений. И если тебе понадобится наша помощь, мы поможем. Даже если это неугодно Кресту...

Последние слова он произнес так тихо, что я едва расслышал их.

— Спасибо,— растроганно ответил я.— Но почему вы решили оказать мне доверие?

— Ты... не настоящий кавалер,— сказал диспетчер тихо.— Мы видели, как ты работаешь. Ни один кавалер не умеет работать. У тебя руки рабочего человека. Ты наш, хотя и одет кавалером...

Я рассмеялся: его слова были мне приятны.

— Спасибо за хорошие пожелания. Вскоре ты увидишь редкое зрелище — как Рюдель вылетит из седла. Говорят, этого никто еще не видел. Так что не пропусти!

Там, где дорога входит в лес, я оглянулся. Фигурка в желтом комбинезоне по-прежнему виднелась на краю поселка. Я помахал Фею рукой. Теперь я знал, что не одинок на Изумрудной, что у меня есть сторонники.

Глава 9. Долгая жизнь — проклятье

Мы шли по лесу уже давно. Дорога, в полях проложенная почти напрямик, здесь запетляла среди крутых, заросших вековыми деревьями холмов. Стало сыро и прохладно. Кроны лесных великанов сомкнулись над нашими головами. Где-то неподалеку бормотал и булькал ручей, в воздухе разносился странный пряный запах перепрелых листьев. Я невольно замедлил шаг, вглядываясь в переплетения ветвей по сторонам дороги. Лучшего места для засады нельзя было выбрать. Я знал, что засады нет, а если будет, то Петрович заблаговременно ее обнаружит, но ноги сами шли все медленней. И тут Петрович остановил меня.

— В лесу кто-то стонет,— сказал он.

Мы продрались сквозь густые ветви, и я увидел лежащего в траве человека в поношенной, грязной одежде. На вид ему можно было дать лет шестьдесят — семьдесят. Он был без сознания. Из раны, рассекавшей его лоб, сочилась кровь, залившая все лицо.

Нам пришлось повозиться с ним довольно долго — мы смыли кровь, продезинфицировали раны (еще три были на плечах и спине, к счастью, все не опасные), заклеили их биопластырем, обработали синяки и ссадины, вправили вывихнутое плечо, сделали уколы. Неизвестный перестал стонать и заснул.

Петрович внимательно осмотрел и выслушал его.

— Ничего опасного,— сказал он наконец.

Примерно через час неизвестный пришел в себя.

— Кто вы? — спросил он тихо, всматриваясь в нас.

— Меня зовут Алексей, а моего товарища — Петрович. Скажи, что с тобой случилось?

— Я... умру? — Он смотрел на нас с испугом и надеждой.

— Через пять дней ты будешь здоровехонек. Все, что теперь тебе необходимо,— это покой, сон, хорошее питание. Где ты живешь?

Неизвестный долго молчал, закрыв глаза. Потом он попробовал подняться на ноги, но силы ему отказали.

— Помогите мне добраться до дома,— прошептал он.— Это совсем недалеко. Идти один я не смогу. Потом... дома я все расскажу.

— Ты понесешь его на руках, Петрович,— сказал я и пошел за Росинантом. Тот стоял на дороге, где мы его бросили, свесив голову и хвост, ни на шаг не сдвинувшись с места.

Мы блуждали по лесу довольно долго, пока, наконец, не отыскали запрятанный в самой глуши домишко. Жилище незнакомца выглядело убого и снаружи и внутри. Мы уложили

пострадавшего на кровать, напоил, дали таблетку антеина. Постепенно наш пациент приободрился.

— Скоро ночь,— сказал он.— Оставайтесь у меня... Мне будет плохо одному.

Я понял, что он боится одиночества, темноты, своей слабости, чего-то еще.

— Хорошо, мы переночуем здесь. Сегодня тебя не стоит оставлять. Но я попрошу тебя назвать свое имя.

— Увы, у меня давно уже нет имени. Мое имя отобрано и передано другому, потому что я нарушил один из основных запретов — я слишком долго живу. А когда-то меня звали Летуром.

— Ты Летур? — чуть не закричал я.— Художник Летур?

— Нет, я не художник. Художник — это мой сын. Скажи, ты что-нибудь знаешь о нем? Неужели он еще жив?

Я оглянулся на робота. Петрович спокойно стоял у стены. Ему было все равно — сидеть, стоять или лежать.

— Я попрошу тебя позаботиться о лошади,— сказал я ему.— Расседлай ее, пусти попастись да проследи, чтобы не сбежала. А если ты что-нибудь понимаешь в лошадях, подумай, как ее немного приободрить.

Робот ушел, и я облегченно вздохнул. Он наверняка знал кое-что о художнике Летуре, и мне не хотелось при нем говорить неправду. Но не мог же я сказать израненному человеку, что его сын погиб!

— Я слышал, что твой сын — талантливый художник. Он написал замечательный портрет принцессы Ганелоны. Она его очень ценит и любит. Вот и все, что я о нем знаю.

Мой пациент так и засветился от счастья.

— Спасибо тебе. Твои слова — самое радостное, что я услышал за всю свою лишнюю жизнь.

— Расскажи мне все по порядку, Летур. Я ничего не понимаю. Какая лишняя жизнь? Что все это значит?

И он начал рассказывать. Только теперь передо мной стала вырисовываться подлинная картина жизни на Изумрудной — кое о чем я уже знал от Ганелоны, о чем-то догадывался сам... Все оказалось сложнее и проще. И намного хуже, чем я мог предполагать.

— Прежде всего должен сообщить тебе, что все мы, населяющие эту планету, не являемся аборигенами. Мы иммигранты, пришельцы из другой системы, теперь никому не известной, появившиеся здесь сотни лет назад.

— Я знаю это. И даже знаю, откуда вы прилетели, потому что сам только сегодня прибыл оттуда. Ваша настоящая родина называется Земля, до нее сорок пять световых лет — ты знаешь, что такое световой год?

— Знаю. Но сколько же времени ушло у тебя на дорогу?

— Сегодня утром я был еще дома.

— Поразительно... Наши предки провели в ракете много лет, пока добрались сюда. И это имело трагические последствия. Очевидно, в пути переселенцы подверглись действию какого-то фактора, изменившего наследственность. Люди начали умирать молодыми, и с этим не удалось ничего поделать.

Были и другие беды, неизбежные при подобных переселениях: на новом месте на беглецов обрушились неожиданные эпидемии, их косили беспощадные болезни. Одно время все существование колонии висело на волоске из-за огромной детской смертности. Наконец удалось найти прививку, которая спасала детей. Но со взрослыми все обстояло по-прежнему. Мужчины умирали в расцвете сил, как только достигали сорока лет,— умирали мгновенно, без мук, без каких-либо предшествующих симптомов. Женщины, продолжательницы жизни, воспитательницы детей, жили еще меньше.

Примерно в те же годы, когда была введена обязательная прививка всем новорожденным, спасавшая их от смерти, появилась и религия. Первые переселенцы тоже верили в своего бога, но это была формальная вера. Новая религия, религия Креста, была фанатичной, исступленной, беспощадной. Люди не знали, почему они умирают, и искали объяснения в иррациональном, потому что верить — это проще, чем знать. Вера ни к чему не обязывает, она учит смиряться, принимать мир таким, каков он есть.

Представь себе, как страшно жить человеку, если он знает, когда пробьет его час. Вот остался год, вот полгода, а вот всего месяц-два — небольшие отклонения бывают, но итог всегда один. Представь себе этот ужас — целая планета смертников! Целое человечество осужденных на смерть и знающих, что помилования не будет... Что им оставалось делать? Было только два выхода: или пьянство, безумие, самоубийство, или... вера.

Люди хотели жить, и они предпочли веру. Они поверили, что так надо высшему божеству, и верят в это до сих пор.

Одно время я думал, что есть и другой путь — наука. Ведь то, что мы потеряли по дороге сюда, можно найти снова. Но почему-то этот путь был оставлен. Больше того — на нашей планете практически нет науки. Мы живем остатками того запаса знаний, который привезли с собой. Но и этот древний багаж мы растеряли почти весь.

Такое следствие естественно. Наука и религия — всегда враги. Стремление к знанию и потребность в вере лежат на разных полюсах — я твердо уяснил это для себя. Сам я вере предпочел науку. И тоже потерпел неудачу.

Я говорю «тоже», хотя твердой уверенности у меня нет.

Но не могли же люди за столько веков не попытаться справиться с бедой? Наши короли и принцы, наши всемогущие кавалеры из Черного совета — они ведь тоже хотят жить?

Но мне удалось узнать другое — такое страшное, что до сих пор я сказал об этом только двоим. Но они умерли. Ты третий, кому я открою эту тайну. Я узнал, что прежде, не так давно, люди жили гораздо дольше — лет до пятидесяти.

Ты можешь себе представить? Жить лишний десяток лет? Совсем недавно это было возможно. Но сработал неведомый механизм в нашем теле — и срок жизни сократился. Он стал сорок пять, затем сорок лет — для мужчин, и еще меньше — для женщин.

И еще одно я узнал. Иногда механизм все-таки не срабатывает. Приходит срок, а человек не умирает. Поверь, тут не ошибка в хронологии — каждый из нас считает не только годы, но и месяцы своей жизни. И вот он живет — год, три, десять, вызывая вначале любопытство у окружающих, потом раздражение, потом — ненависть.

Ты видишь перед собой одного из таких людей. Я должен был умереть двадцать лет назад. Но я все еще жив, и мне уже шестьдесят. Значит, можно? Значит, есть надежда? Но меня не исследуют, не пытаются найти причину чудесной аномалии. Наоборот, меня возненавидели так, что мне пришлось скрыться. И я вернулся в родные места — ведь я родился в этом домике и здесь провел детство. А теперь уже много лет я прячусь в лесу, питаясь плодами и охотой. Сегодня мне не повезло — я пошел осматривать свои силки и ловушки и неожиданно наткнулся на людей, которые почему-то были не на работе. Ты видишь, что они со мной сделали? Только чудом я вырвался из их рук. А ведь последние сорок пять лет я тружусь над одной проблемой: я пытаюсь понять, как вернуть людям долгую жизнь.

Все эти годы мне было очень одиноко и очень трудно. Я начинал на пустом месте. Я кое-что узнал, но ничего не добился! И самое страшное, в чем я теперь совершенно убежден,— что отпущенные нам сроки все сокращаются! Я точно знаю, что люди стали умирать еще более молодыми. Так умер мой друг, которому я поведал о своем ужасном открытии — ему было немногим больше тридцати. Так умерла моя жена, едва родив сына,— уснула и не проснулась. А ей было только двадцать пять. С тех пор я молчал, потому что боялся навлечь смерть на неповинных. Вот и теперь я рассказываю все это, а сам боюсь за тебя.

Когда-то я попытался обратиться к слугам Креста. Они слушали меня, но в их глазах я видел только тупость и равнодушие. «Тень Креста над нами» — вот все, что они смогли мне сказать. Так угодно Кресту — и это их устраивает. Они глупы

и бессердечны, а все их участие — только маска лицемерия. Им надо, чтобы я не думал, не сомневался, а слепо верил. Я предъявлял им факты, а они уверяли, что это ошибка, что сказка о долголетии — выдумка смутьянов. Я доказывал, что люди несчастны, а они уверяли меня в обратном. «Посмотри,— ласково журчали они,— милостью Креста мы не знаем болезней, не ведаем телесных страданий, у нас не рождаются уроды, убогие, не умирают малые дети. Каждый, кто появился на свет, получает столько же, как и все остальные,— и срок жизни, и жизненные блага. Все люди сыты, одеты, умеренно трудятся, хорошо зарабатывают, развлекаются, дома их уютны и красивы. Природа наша благодатна, места хватает всем, никому не приходится рисковать собой в бурных морях, знойных пустынях, в горах и снегах. Так угодно Кресту, а то, что ему угодно,— благо...» Так говорили они, но я им не верил, а люди верили. Под тенью Креста род человеческий скудеет и вымирает. У нас нет героев, нет подвигов, нет риска, нет славы. Дух поиска, дух познания исчез, все человечество стало напоминать стадо ухоженных свиней, довольно хрюкающих у своей кормушки в ожидании часа заклания!

Летур откинул голову на подушку и замолчал. У него явно поднималась температура. Я подозвал Петровича — он давно уже вернулся и стоял у стены, слушая рассказ,— и мы начали возиться с раненым. Потом я снова дал ему таблетку антеина, а когда та подействовала, стал готовить ужин. Продуктовый НЗ по настоянию бабушки был упакован в наш тюк и сейчас нам очень пригодился, потому что еды в доме не было никакой. Разыскав в шкафу две тарелки, я положил на них по кубику, полил водой, и после минуты шипения и бульканья кубики превратились в сочные бифштексы, подрумяненные и аппетитные. Затем я извлек из прозрачной упаковки пучок тонких палочек величиной со спичку и тем же способом превратил их в макароны.

Летур накинулся на пищу с жадностью — видно, жилось ему в лесу впроголодь. Все же он обратил внимание, что Петровичу не досталось тарелки, и предложил с ним поделиться.

— Благодарю тебя,— отвечал Петрович.— Я сыт.

— Он сыт,— подтвердил я, уплетая румяное, горячее мясо.— Он недавно хорошо подзаправился.

Это было верно: только вчера Петровичу сменили аккумуляторы.

— А теперь спать,— объявил я после ужина.— Утром нам надо быть в столице.

Когда мы легли — Летур на своей кровати, я на полу,— а Петрович вышел присмотреть за Росинантом, я спросил у хозяина, сколько лет его сыну.

— Он уже достиг предела,— тихо ответил тот.— Ему сорок лет. Я не видел его почти двадцать лет...

Слова Летура многое мне открыли. Я понял, что причину смерти художника искать бесполезно. Просто он уже прожил весь отпущенный ему срок...

Глава 10. Рюделя никто не любит

— Опять тот же сигнал,— сказал Петрович, когда мы были уже в нескольких километрах от столицы.— На этот раз я его запеленговал. Скоро узнаем, откуда он идет.

— Передай запись на спутник — пусть на Земле займутся анализом.

Словно услышав наш разговор, мой браслет вдруг зажужжал зуммером вызова, и из экрана выглянуло улыбающееся лицо бабушки.

— Бабуся! — обрадовался я.— Откуда ты говоришь?

— Я на орбитальной ВП-станции — только что проводила домой твою принцессу.

— Она не моя,— попытался возразить я, но бабушка только отмахнулась.

— Твоя, не твоя — разбирайтесь без меня. Я тут навела справки, и мне сообщили, что вчера дружки этого самого Рюделя, или как его там, тоже вернулись на Изумрудную. Кстати, они везли какой-то прибор, довольно увесистый,— видимо, он был сделан по их заказу. Я, конечно, постараюсь разведать, что это за штука.

— Я узнал причину смерти художника Летура,— сказал я.

Бабушка выслушала меня, а потом попросила показать ей моего коня.

— Н-да, действительно Росинант,— рассмеялась она.— Тебе срочно надо выкрасить его в оранжевый цвет.

— Это зачем? — спросил я, чувствуя подвох.

— Тогда ты будешь совсем как д'Артаньян. Помнишь, как он въезжал в Париж на оранжевом коне?

— Тебе лишь бы посмеяться.— Я скорчил сердитую мину.

— Не делай вид, что ты обиделся. Все равно не поверю. Вперед, рыцарь, спеши завоевать свой Париж и свою принцессу!

— Не нужна мне принцесса,— отмахнулся я, слегка покривив душой. Уж эта бабушка — она видит меня насквозь!

В столицу мы вошли без приключений. Прежде чем двинуться во дворец, я решил подкрепиться и зашел в первый попавшийся ресторан. Хозяин, плотный, невысокий человек в годах

(по меркам Изумрудной), усадил меня в прохладе под навесом просторной лоджии.

Видимо, пищу здесь готовили вручную — мне пришлось ждать почти полчаса, прежде чем он принес из кухни горячий, аппетитно пахнувший кусок мяса, из которого так и капал сок. Увы, на вкус это блюдо оставляло желать лучшего. Мясо было жестким, словно животное, которому оно принадлежало, рассталось с молодостью задолго до моего рождения. Однако большая глиняная кружка, которую хозяин поставил на стол, несколько утешила меня, потому что в ней оказалось неплохое пиво.

Увидев, что я утолил голод, ресторатор подсел ко мне. В этот час его заведение еще пустовало, и он обрадовался случаю поговорить.

— Я вижу, кавалер прибыл издалека,— сказал он, оглядывая мой пыльный костюм.— Завтра начинаются поединки, и ты успел вовремя. Желаю тебе выбить из седла побольше соперников.

— А почему же не всех?

Хозяин покачал головой.

— Кавалера Рюделя тебе не одолеть. Это могучий боец. Он вчера уже прикончил двоих.

— Как прикончил? — Я знал, что на поединках порой бывают несчастные случаи, но не ожидал, что тут бьются насмерть,— Ганелона мне этого не говорила.

— Очень просто. Ты же знаешь, какой он боец. Он всегда бьет без промаха. Вчера он так ловко ударил двух кавалеров прямо в шлем, что те тут же испустили дух. Так что я тебе не завидую. Но, может быть, тебе повезет и кто-то опрокинет тебя раньше, чем ты встретишься с кавалером Рюделем.

— Я побью Рюделя,— сказал я упрямо.

— Хорошо бы,— вздохнул хозяин.— Но я осмелюсь напомнить, что следует говорить «кавалер Рюдель». Хоть ты и приезжий, но правила должен знать.

— Я побью кавалера Рюделя,— повторил я.

— Надеюсь,— ответил хозяин.— Не хотелось бы мне видеть тебя в этом ящике...

Я проследил направление его взгляда. Внизу под нами по улице медленно ехала двуконная повозка, но запряженная почему-то одной лошадью,— впереди восседал возница, а у него за спиной на повозке стоял небольшой контейнер.

— Что это такое? — спросил я в недоумении.

— Да откуда ты явился? — удивился хозяин.— Ты что, забыл, как у нас хоронят людей?

— Я хотел спросить,— поправился я, проклиная себя за неосторожность,— почему покойника везут одной лошадью.

— А, ты об этом... На днях почти всех лошадей скупил Черный совет. Ходят слухи, что объявилось много самозванцев, которые и копья-то нникогда не держали, а теперь метят в Соискатели. Чтобы уберечь нх, пришлось принять кое-какне меры.

— Разумно, разумно,— важно сказал я, щедро расплачиваясь за угощенье.— А кавалера Рюделя я все-таки побью. Ты, насколько я мог заметить, не очень любишь его?

Хозяин посмотрел мне в глаза, словно решаясь на что-то.

Так и быть, я скажу тебе, кавалер. Все равно мой срок на исходе, и бояться нечего. Нельзя же всю жизнь только и делать, что бояться. Жены мне не досталось, детей, следовательно, нет, а своя шкура мне не так уж и дорога... Так что я скажу тебе. Ты, видно, прнехал издалека, хотя я не знаю, где оно есть, это самое далеко, и, видно, имеешь зуб на кавалера Рюделя, хоть и сам кавалер. Может, ты вообще нз этих... ну, не кавалер вовсе. Впрочем, это не мое дело. Так слушай. Да, я не люблю кавалера Рюделя. Кавалеров никто не любит — за это я ручаюсь. И знаешь, почему? Потому что никто не видел, как их хоронят. Недавно короля хороннли — все вндели. А куда деваются мертвые кавалеры? Может быть, они и не умирают вовсе? Может быть, они бессмертны? Открыли какое-то лекарство и сами им пользуются, а от народа прячут? У нас не очень-то чтут мертвых и все же иногда ставят памятники. А где ты видел хоть один памятник кому-нибудь из Черного совета? Может быть, их трупы топят в море? Но почему? А не живут лн онн среди нас — омолодившись, сбросив лет по двадцать, и так снова и снова? Нигде не работают, ничем не болеют, едят и пьют только самое лучшее, женщин выбирают каких хотят, тешат себя конными играми... А я тоже хочу! Хочу долгой жизнн, хочу женщнн, богатства, хочу, чтоб у меня были дети. Да пусть мне скажет кто-ннбудь, где Черный совет прячет свое лекарство, я возьму свои кухонные ножи, соберу тысячи таких, как я, и мы перережем глотки всем кавалерам... И тебе тоже, еслн подвернешься.

— Спасибо за откровенность,— сказал я.

Да, этот зарежет и не задумается. У нас на Земле уже было такое. Резали, жгли, громнли — за веру, за фюрера, за наличные монеты... Но там вожделенной целью была власть, слава, набитый бумажник, а здесь дело посерьезней. Здесь ставка — сама жизнь. Да такие, как мой ресторатор, не только кавалеров перережут — они вырежут каждого десятого, каждого второго, лишь бы хапнуть бессмертие — для себя, жирный кус говядины — для себя, женщину — для себя... Меня передернуло от омерзения.

— Хочешь договор? — спросил я тихо.— Помоги мне достать хорошего боевого коня. А я, когда сброшу кавалера Рюде-

ля и заставлю его поделиться тайной, в первую очередь вспомню о тебе. Идет? Держи задаток.

Я сунул ему несколько монет, на каждую из которых можно было купить трех лошадей, и вышел, очень довольный собой. Я определенно делал успехи. За какие-то сутки я сумел найти двух друзей и одного соумышленника — причислять к друзьям бравого ресторатора мне не хотелось. Я явно отыграл у кавалера Рюделя несколько очков, и счет у нас снова стал ничейный.

Дорогу к дворцу я изучил по рассказам Ганелоны и теперь двигался довольно уверенно, во все глаза рассматривая улицы.

Город был тих и пустынен. Я уже знал, что механический транспорт здесь редкость, и все же был поражен патриархальным обликом столицы. Невысокие здания старинной кладки, узкие разбитые тротуары, коновязи у ворот — все свидетельствовало о неторопливом ритме здешней жизни, чуждающейся перемен. Несмотря на праздник, людей было мало — или так мне казалось после шумных улиц Москвы? Но больше всего меня поразили дымы, поднимающиеся над крышами. Я понял, что здешние дома не имели энергопитания и хозяевам для приготовления пищи приходилось разжигать в печах огонь.

Перед самым дворцом мимо нас с треском промчался легковой автомобиль, в котором восседал кто-то важный и тощий. За автомобилем вился хвост вонючего дыма и летели искры. Очевидно, этот экипаж работал на продуктах перегонки древесины — я знал, что в глубокую старину и у нас на Земле применялись двигатели на таком топливе.

Во дворец я вошел беспрепятственно. Народа здесь суетилось множество — и по делу, и без дела. Во дворе, у коновязи, толпилось человек пятнадцать—двадцать кавалеров разных мастей. Я оставил Петровича стеречь Росинанта и под их насмешливыми взглядами прошел внутрь. Вот планета! Надо же было придумать такой обычай — свататься к принцессе только конным! Каждый видит за километр: раз человек с лошадью, значит, жених...

Во дворце дым стоял коромыслом — все спешили, всем было некогда, словно свадьба принцессы уже начиналась. С трудом я изловил за длинную юбку какую-то миловидную, ярко раскрашенную девицу.

— Да будет тень Креста над тобой, девушка! Скажи, в этом дворце все такие же красавицы, как и ты?

Девица смутилась и мило покраснела.

— Кавалер мне льстит,— ответила она наконец.— Но слушать его мне приятно.

— Берусь доказать, что в моих словах нет ни капли лести.

Эта пухленькая милашка была очень недурна, но ее внешность сильно проигрывала от толстого слоя красок на лице.

— Мне будет интересно ознакомиться с доводами кавалера,— рассмеялась девушка.— На его счастье, мне скоро смениться с дежурства, и я смогу выслушать их.

— Только вот незадача: я прибыл с очень срочным донесением к принцессе. Ты не поможешь мне поскорее отыскать ее?

Девушка несколько секунд молча думала, потом схватила меня за руку и увлекла в какой-то коридор. Мы долго плутали с ней по темным лестницам.

— Меня зовут Леннада,— тараторила она.— Уже месяц, как мне разрешено выходить замуж. Но я еще не знаю, за кого. Ко мне сватался один кавалер, но он такой старый! Вот за тебя бы я пошла — ты парень что надо. Посватайся ко мне, а?

Она оглянулась, сказала «тс-с-с» и, вдруг обхватив меня за голову, пригнула вниз и поцеловала в губы.

— Подожди!

Она заглянула за тяжелую портьеру, потом поманила меня.

— Иди! — И подтолкнула в спину.

Я шагнул за портьеру и увидел Ганелону.

Она стояла в длинном золотом платье среди зеркал, и три девушки поправляли на ней наряд.

— Да будет тень Креста над тобою, принцесса! — сказал я громко. Она увидела меня в зеркале и стремительно обернулась. Честное слово, в этот момент глаза ее засияли, как два изумруда!

— Я рада тебя видеть, кавалер. Ты приехал вовремя и еще можешь принять участие в схватках. Ты уже вонзил свой вымпел Соискателя на Ристалище?

— Увы, принцесса, это можно делать только конному кавалеру. Но если я усядусь на своего коня, он сдохнет, не доехав до ворот...

Принцесса хлопнула в ладоши, и тотчас рядом появился мужчина.

— Илия, я поручаю тебе кавалера Алексея. Отведи его к себе, накорми, покажи лошадей,— словом, сделай для него все, как сделал бы для меня. Да, а как ты прошел сюда, Алексей?

— Меня привела Леннада. Очень милая и бойкая девушка. Кто она такая?

— Она тебе понравилась? — принцесса лукаво улыбнулась.

— Скорее, это я понравился ей. По-моему, она попробовала объясниться мне в любви.

Принцесса окинула меня быстрым взглядом.

— Ты делаешь успехи! — Она обернулась к своим девушкам: — Спасибо вам, вы свободны. Тебе, наверно, многие объясняются в любви там, дома?

Я смутился.

— Нет, не многие... Одна...

— Всего одна? И давно это было? Кто она?

Я молчал, не зная, что сказать.

— Понимаешь, Алексей, у нас на Изумрудной есть тонкости, которых ты не знаешь. Ты, конечно, слышал, что женщин у нас мало и живут они недолго. Поэтому спрос большой. И девушки могут выбирать — все, кроме принцесс... И если девушка соглашается выйти замуж, уже от этого мужчина счастлив. Не надо никакой любви — сам факт согласия способен осчастливить мужчину. Но если, кроме согласия, девушка даст понять, что ее избранник мил ей,— это уже вершина блаженства. Поэтому у нас не так, как на Земле,— девушки первыми признаются в любви... или просто дают согласие.

Принцесса замолчала. Я заметил, что за последние двое суток она очень изменилась — причем к худшему. Сейчас она совсем мало напоминала Тину, хотя по-прежнему была удивительно красива.

В это время за окном раздался чей-то вопль, а потом донеслись крики возбужденных людей.

— Что случилось? — нахмурилась Ганелона.

Я поспешил к окну. Сердце у меня замерло в предчувствии неприятностей. Я увидел, что внизу, у входа во дворец, смиренько стоит Петрович, держа Росинанта за узду, а у его ног, испуская громкие стоны, лежит кавалер. Вокруг них быстро сгущалась толпа.

— Илия, быстро прекрати все,— приказала Ганелона.

Вскоре я увидел, как тот вышел на крыльцо.

— Благородные кавалеры! — зычно крикнул он.— Принцесса начинает прием Соискателей. Благоволите пройти во дворец.

— Что ты там натворил? — спросил я Петровича, когда мы с ним остались одни.— Неужели ты посмел ударить этого кавалера?

Петрович рассказал, как было дело, и я долго смеялся.

Оказывается, пока я плутал по дворцу, кавалеры, которым мое появление в качестве Соискателя явно пришлось не по душе, решили выместить свое раздражение на Петровиче. Они стали издеваться над ним и над бедной, неповинной лошадью — причем с одинаковым результатом, поскольку ни Росинант, ни робот никак на все их слова не реагировали. Пока кавалеры высказывались насчет одинакового цвета зубов у Петровича и лошади, все было ничего. Но тут кто-то случайно задал Петровичу прямой вопрос: куда подевался его хозяин? Робот, как и положено примерному механизму, ответил, что его хозяин пошел к принцессе. Тут кавалеры возмутились всерьез, потому что они дожидались приема с утра. Последовали новые вопросы, и ответы еще больше накалили атмосферу. Отвечал Петрович со свой-

ственным ему равнодушным видом, чем совсем вывел кавалеров из себя. Наконец один из них, самый здоровенный и самый крикливый, задал Петровичу, на свою беду, еще один прямой вопрос: «Ты что же, меня кретином считаешь?», на что Петрович вынужден был ответить с предельной точностью, хотя и вежливо. Тогда кавалер размахнулся, и...

— Кавалеры так и рвались в драку. Их надо было как-то остановить. Поэтому я решил не увертываться от удара, а сам подставил ему голову...

Вот здесь-то я и расхохотался. Бить Петровича — все равно что бить кулаком по скале. Чем сильнее ударишь, тем хуже тебе будет. Бедняга кавалер, наверно, раздробил себе пальцы и теперь досрочно выбыл из числа Соискателей.

— Как ты мог посметь?..— спрашивал я сквозь смех.— А как же Первый Закон? Ведь ты причинил вред человеку!

— Я не причинял вреда человеку,— ответил Петрович.— Он сам причинил себе вред. А я просто не стал ему мешать. Могу я это себе позволить, раз цепи Первого Закона у меня заблокированы?

Через час Илия отвел меня на конюшню. Была она на другом конце города. Я выбрал там неплохого коня по кличке Нектар. Конечно, с Баязетом равняться он не мог, но все же это был настоящий боевой конь.

Затем я долго примерял оборонительное вооружение — шлем, кирасу, перчатки, поножи и все прочее. Металлическая броня была тяжела и неудобна. Конструкция ее оставляла желать лучшего. С удивлением я увидел длинные крюки на правой стороне кирасы — один выступал вперед, другой торчал за спиной. На эти крюки всадник укладывал копье во время атаки, чтобы освободить правую руку для управления конем. Я знал, что в средние века рыцари на Земле пользовались подобными крюками, но мы от них давно отказались, потому что крюки стесняли движения и мешали нанесению прицельного удара. Я решил, что крюки придется отпилить. Не понравилось мне и отсутствие шарниров и замков — все части брони соединялись при помощи кожаных завязок. Копья показались мне удобными, но я заметил, что они короче, чем земные, примерно на полметра. Однако самым неприятным было то, что броня оказалась мне мала. Видимо, Ганелона изрядно переоценила физическую мощь кавалеров Изумрудной. К моему ужасу, я не мог просунуть голову ни в один шлем. После долгих попыток мне все же удалось напялить на себя бургиньот, едва не оторвав уши. Обзор в нем был отвратительный даже через одно забрало, и я решил, если судьи позволят, не опускать второе забрало. Затем я подобрал себе отличный боевой плащ — стальное прикрытие для правого плеча, и это меня несколько утешило. С грехом пополам

я кое-как напялил на себя все необходимое и повесил на левую руку щит. К счастью, удалось отыскать один щит без герба — это был рондаш, круглый щит с приклепанной изнутри железной скобой, в которую моя ладонь с трудом пролезала, и ременной локтевой петлей. По моей просьбе Илия намалевал на щите большую букву «А», и с этого момента я стал для своих соперников кавалером Алексеем.

Запаренный, как в бане, я приехал на Ристалище и воткнул копье со своим вымпелом среди нескольких десятков других копий. С этого момента я официально стал числиться Соискателем со всеми вытекающими отсюда правами и обязанностями. Мне выделили две комнаты во дворце, и я, подкрепившись, улегся в кровать, попросив Петровича посторожить.

Однако долго спать мне не пришлось.

Глава 11. Поезд смерти

Сон у меня всегда чуткий, и, когда Петрович прикоснулся к моему плечу, я проснулся мгновенно.

— Тебя спрашивает человек,— сказал Петрович.— Он уверяет, что это очень срочно.

Я вышел в полутемную гостиную и увидел там взволнованного мужчину. С удивлением я узнал в нем воинственного ресторатора, который так не любил Рюделя. Рядом с ним стоял паренек лет пятнадцати.

— Тень Креста над тобой! — приветствовал я его.— Неужели ты раздобыл мне лошадь, да еще вместе с жокеем?

— Пусть кавалер извинит меня,— глухо пробормотал ресторатор (тут я вспомнил вывеску над его заведением — «Теодор накормит всех»).— Случилось страшное дело. Тут нас никто не может услышать? — Он пугливо осмотрелся.

Я взглянул на Петровича, тот отрицательно покачал головой.

— Можешь говорить смело. Что за мальчик с тобой? Петрович, зажги свет.

— Ради Креста, не надо! — взмолился гость.— Если нас здесь увидят, то всем нам конец, и тебе тоже.

— Рассказывай,— сказал я, усаживаясь.— Петрович, последи, чтобы нам не помешали.

— Этого юношу, кавалер, зовут Юлик. Это сын моего старшего брата. Пусть он сам тебе все расскажет.

Мальчишка был так напуган, что мне пришлось дать ему антеин. У него даже зубы стучали по стакану, пока он запивал таблетку. Но лекарство подействовало, и он начал говорить.

— Мой отец водитель... уже много лет. Он знает все машины и научил меня управлять ими. Я тоже хочу стать водителем.

Я все машины водить умею — газогенераторные, и электрические, и даже старые — атомные. И я люблю везде ездить... Отец меня часто брал с собой. В дороге я иногда управлял вместо него, чтобы он отдохнул, и поэтому мы заканчивали рейсы быстро. И отцу хорошо платили... Он хвалил меня и говорил, что без меня ему работа не в радость. Ему ведь было уже почти сорок лет — он говорил, что в таком возрасте надо радоваться всему, пока есть возможность...

И вот недавно — да, три дня назад — ему предложили очень выгодную поездку. Куда, зачем — не сказали. Обещали заплатить втрое, но велели о ней никому не говорить. Отправление было назначено на тот же вечер.

Там, где машины выезжают из гаража, есть удобный поворот, и отец велел подождать его в этом месте. Оказалось, что в рейс отправились сразу семь фургонов, причем с большими прицепами. Машина отца шла предпоследней. Он чуть мигнул мне фарами, и я сделал как обычно — встал там, где машины поворачивали, и на самом повороте вскочил в кабину. Быстренько приготовил себе укрытие в отсеке для инструмента и сел рядом с отцом.

«Чудеса, да и только,— сказал он мне.— Знаешь, кто нанял нас? Сам кавалер Рюдель... Он сказал, что рейс срочный и надо ехать без остановок. Кто-то заикнулся насчет сменщиков, но кавалер Рюдель пообещал, что каждый получит плату и за сменщика — и еще сверх того. Смотри, это я уже получил как аванс!» И он протянул мне деньги — много денег, гораздо больше, чем платили отцу за неделю работы. «Держи их у себя,— сказал он.— Пусть они принесут нам счастье. Да, ты знаешь,— добавил он потом,— у нас почему-то проверили документы. И я заметил странную вещь: все водители были моего возраста».

«Собрали самых опытных»,— ответил я ему. «Наверно,— согласился отец.— Но все же это риск. А что, если кто-нибудь из нас?..» Ну, я понял, что он имел в виду.

Мы ехали всю ночь, нигде не останавливаясь. Я успел хорошо выспаться и под утро сменил отца, чтобы и он немного отдохнул. Потом дорога вошла в горы, и отец сам сел за руль.

К вечеру мы проехали самый трудный участок. Одно место было особенно опасным. Здесь над ущельем висел узкий мост, на который надо было въезжать после крутого поворота, а сразу за мостом начинался длинный подъем. Стоило здесь отказать тормозам, и машина сорвалась бы вниз. Однако все проехали благополучно.

Когда стемнело, мы наконец миновали горы и уже среди ночи выехали на большую поляну среди леса. Здесь машины остановились.

Впереди послышались голоса. «Опять проверяют»,— сказал отец и велел мне спрятаться. Я услышал, как хлопнула дверца стоявшей впереди машины, но о чем там говорили, разобрать не смог. Потом голоса приблизились к нам, и отец открыл дверцу. Спросили его имя, он ответил. «Ну, ладно»,— проворчал голос, кто-то посветил фонарем, и люди пошли дальше. Они подошли к последней машине, затем куда-то удалились.

Несколько минут я молча сидел в своем убежище, дожидаясь, чтобы проверяльщики отошли подальше. Было очень тихо — так тихо, что мне стало немного жутко сидеть в темноте, и я потихоньку позвал отца. Однако он не откликнулся.

Я подождал еще немного и позвал погромче, но отец молчал. И тут мне стало по-настоящему страшно. Я вылез из ящика и увидел при свете приборов, что отец неподвижно лежит на руле, свесив руки.

Он был мертв — я понял это сразу, даже не дотронувшись до него, даже не попытавшись понять, что с ним. Я совершенно потерял голову от страха. Выскочив из кабины, я бросился к соседней машине, чтобы позвать на помощь. Дверца кабины была раскрыта, а на руле лежал мертвый водитель!

Я не знаю, как я не сошел с ума. Я бегал от машины к машине и всюду видел одно и то же — мертвые водители в открытых кабинах. Я не мог ни кричать, ни плакать — такой ужас охватил меня.

И вдруг я снова услышал голоса. В первый момент я хотел кинуться к людям, но что-то остановило меня. Я вдруг понял, что меня тоже сейчас убьют, как только что убили всех водителей. Тогда я спрятался за деревом и стал смотреть. Вдоль нашего поезда шли люди — они подходили к машине, вытаскивали труп водителя, клали его на траву и шли к следующей. Все это они проделывали совершенно спокойно, словно занимались такой работой каждый день. Кто-то с фонариком пересчитал трупы, потом стал их обыскивать. Я догадался, что он ищет деньги, и с ужасом вспомнил, что отец передал их мне. Тут человек с фонарем позвал других, они о чем-то заспорили, и один забрался в машину отца — видимо, искал деньги там. Я понял, как мне повезло: останься я в машине, меня бы уже не было в живых.

Они еще долго ругались из-за пропавших денег, обвиняя друг друга. Потом из леса выехала конная тележка, трупы сложили на нее и куда-то увезли.

Тут кто-то спросил, где водители. «Надо сперва зарыть этих»,— ответили ему. Я догадался, что скоро сюда прибудут новые шоферы, которые поведут машины дальше, а я останусь здесь один, за тысячу километров от дома.

К этому времени я немного успокоился и стал думать, что

делать дальше. Терять мне было нечего, и я решил бежать. Дождавшись, когда неизвестные уйдут, я забрался в последнюю машиу, в полной темноте, не зажигая фар, развернулся на поляне и помчался по знакомой дороге.

Я гнал машину иа полной скорости. В первый момент я хотел сбросить прицеп, но потом у меня возникла одна идея. Я вспомиил про тот мост и рассчитал, что успею добраться до иего, прежде чем меня догоият. Поэтому я волок за собой тяжелеиный длинный прицеп, вознося хвалу Кресту за то, что на моей машине стоит такой мощный электромотор...

Погоню я заметил, когда передо мной уже открылся крутой уклои, выводивший дорогу прямо иа мост. Я включил тормоза, уменьшая скорость, и, когда она упала почти до иуля, нажал на кнопку сброса прицепа. После этого я рванул машину вперед, чтобы уйти как можно дальше от прицепа, который тихо катился вслед за миой, медленно иабирая ход.

Сразу за мостом была скала, под которой дорога делала крутой поворот влево. Моя длинная, тяжелая машина могла повериуть здесь с трудом, да и то на самом малом ходу. Когда до поворота оставались счнтанные метры, я изо всех сил затормозил. Раздался визг, машнна пошла юзом. Я подумал, что сейчас перевернусь, и с ужасом ждал удара несущегося вслед за миой прицепа. Но я рассчитал точно и успел вывернуть машину буквально в сантиметрах от скалы. Секунду спустя позади раздался грохот — прицеп ударился о скалу, встал свечой и обрушился назад, на дорогу и мост.

Мои преследователи слишком поздно поняли, что произошло. Я услышал, как завизжали их тормоза, и оглянулся. На свою беду, оии шли за прицепом почти вплотную, и у них не оставалось пространства для маневра. Их водитель кинул машину на край дороги и едва не проскочнл в узкую щель между обрывом и прицепом. Но падающнй прицеп все же слегка задел машину, и этого оказалось достаточно, чтобы сброснть ее в пропасть.

Я остановил двнгатель, вылез и посмотрел вниз, на стометровый обрыв, куда упала машина преследователей. Оиа горела, все людн в ней погиблн. Тогда я поехал дальше. Вблизи столицы я бросил машину в лесу и пришел к дяде Теодору...

Юлик закончил рассказ.

— Почему ты привел его ко мне? — спроснл я трясущегося ресторатора.

— Я думал... Мальчнка опасно оставлять у меня. Они же будут искать...

— Поэтому лучше пусть найдут его у меня?

Ресторатор совсем поник и ссутулился.

— У кавалера искать не будут... Прн чем тут кавалер и сын

какого-то водителя? И еще я думал, что кавалеру будет интересно... Поскольку он не любит кавалера Рюделя...

Я слушал, как мой гость несет какую-то околесицу, и напряженно думал. Подослан он или нет? Вряд ли. Похоже, что все рассказанное мальчишкой чистая правда. А если так, то Юлику действительно грозит опасность. У дядюшки хватило порядочности не выдать его, но он все же очень опасается за свою шкуру и предпочел бы сплавить опасного беглеца мне. Наверняка кавалер Рюдель перетряхнет всех родственников убитых водителей. И конечно, когда дядюшку Теодора как следует прижмут, он не будет долго запираться. Такие типы храбры, когда их толпа, да все с длинными мясницкими ножами. Как это все хорошо известно...

Мне очень не хотелось впутываться в какую-нибудь историю, но парнишке всерьез грозила беда.

— Слушай, дядюшка Теодор, и да будет над тобой тень Креста! Я действительно не люблю кавалера Рюделя и хочу его побить в честном бою. Все, что мне тут наплел твой племянник, меня не интересует. Но мальчишка мне нравится. Мне нужен шустрый парень, которому я смогу доверять. Ведь принцесса принцессой, но есть и другие забавы... Оставь его у меня.

Я выпроводил ресторатора за дверь.

— Петрович, займись мальчиком. Мне надо посоветоваться с бабусей. Ты ей все передал?

— Она все уже знает и ждет твоего вызова.

Я ушел в другую комнату и долго говорил с бабушкой.

Глава 12. Полцарства за коня!

Бои Соискателей проходили по олимпийской системе — проигравший мог отправляться восвояси или занять место среди зрителей. Ничья не объявлялась — соперники бились до победы.

По жребию мне пришлось принять участие в утренних боях. Кавалер с красной лентой Верховного судьи через плечо долго копался тощими пальцами в вазе и наконец вытащил мне первый номер. Я предпочел бы выступать не самым первым, чтобы предварительно посмотреть на один-два боя — все-таки знать уровень мастерства здешних кавалеров мне бы не повредило. Судья смотрел на меня наглыми глазами, склонив голову набок, как вздорная сорока. Почему-то его птичье лицо показалось мне знакомым. Я попытался вспомнить, но не смог. Ладно, подумал я, и равнодушно кивнул. Первый так первый. Выиграю бой и насмотрюсь вдоволь.

Мою броню привез на тележке Илия со своими подручными.

С помощью Петровича и Юлика я надел ее на себя. Была она тяжела и неудобна, но приходилось терпеть. Илия припас также дюжину деревянных копий. Я уселся на Нектара, строго-настрого приказав Петровичу только наблюдать.

Дома я однажды имел неосторожность привести Петровича на тренировку. У меня из головы вылетело, что он всего-навсего робот, для которого самое святое — Первый Закон, гласящий, что робот не может причинить человеку вред или своим бездействием допустить, чтобы человеку был причинен вред... Тот, кто придумал этот мудрый закон, должен был обязательно предусмотреть в нем хотя бы одно исключение, относящееся к конным поединкам. Когда два бронированных рыцаря стремглав кинулись друг на друга, Петрович своим быстродействующим мозгом мгновенно сообразил, что они сейчас нанесут друг другу вред, и по долгу роботов решил этого не допустить. Я не успел ничего заметить, но рыцари вдруг остановились в недоумении, потому что уставленные на соперника копья развалились в их руках пополам... Я высказал роботу все, что о нем думаю, объяснил цель и задачи спорта, и он сказал, что ему все понятно. Однако, едва рыцари, сменив копья, бросились в атаку, все повторилось. Пришлось срочно отправить Петровича прочь.

Я на всякий случай взглянул на блок-кольцо, надетое на палец левой руки, и выехал на Ристалище.

Глашатаи долго перечисляли победы моего соперника — все это я слушал вполуха. Наконец раздался сигнал, и мой первый бой начался.

Из этого короткого боя я успел понять только то, что мастерством здешние кавалеры не блещут. Мой противник вылетел из седла от первого удара, не сумев даже толком зацепить меня. Я спешился, снял, по здешнему обычаю, шлем, помог подняться на ноги кряхтевшему кавалеру, и мы поклонились королевской ложе. Потом я сидел на солнышке, сняв броню, и смотрел, как ломают копья другие претенденты — среди них лишь двое или трое показались мне достаточно серьезными соперниками. Больше всего мне хотелось увидеть кавалера Рюделя, но его нигде не было — видимо, он попал в вечернюю подгруппу.

Часа через два пришел черед второму моему поединку. Я надел броню и пошел за лошадью. Картина, которую я увидел, заставила меня похолодеть: Нектар, дергаясь, лежал на полу конюшни, с его губ капала розовая пена, а вокруг метался ошалевший Юлик.

Я понял все с одного взгляда: кавалер Рюдель нанес мне новый и очень меткий удар.

— Здесь кто-нибудь был? — спросил я.

— Никого... Дядюшка был...— Мальчишка чуть не плакал.

— Зачем он приходил?

— Проведать... Сладостей вот принес...

— К лошади подходил?

— Да... «Хороший, говорит, конь, славный конь...» Похлопал его.

— Кормил?

— Конфету дал...

Все было ясно. Агенты Рюделя добрались-таки до дядюшки Теодора. Ах, быстро его обработали!

Я стремглав бросился наружу, потому что там уже объявлялся следующий бой — мой бой.

— Моя лошадь отравлена,— шепнул я Илии и Петровичу.— Что будем делать? Кто-нибудь из кавалеров сможет одолжить мне лошадь?

— Я боялся чего-нибудь подобного,— сказал Илия.— Это все подстроено, и никто нам лошади не даст.

Вдруг мне в голову пришла сумасшедшая мысль. Ведь дворцовая конюшня в пятистах метрах отсюда!

— Есть выход,— сказал я.— Илия, прошу тебя именем Ганелоны: беги в конюшню и скачи сюда на Росинанте. Дай ему с сахаром эти таблетки и сюда. Я постараюсь выиграть время.

Сопровождаемый Петровичем, я кинулся к птицеголовому судье. Он с важностью восседал в глубине судейской ложи, потягивая что-то из стакана.

— Я прошу дать мне пять минут отсрочки. Моя лошадь нездорова, и я хотел бы ее сменить.

Остроносый кавалер окинул меня мерзким взглядом — я даже поежился под броней — и проворно вылез из кресла.

— Кавалер отказывается от поединка? — громко спросил он.— Кавалер испугался боя с соперником?

Да не отказываюсь я! Мне нужно пять минут, чтобы сменить лошадь.

Он смотрел на меня с ядовитой ухмылкой.

— Поскольку бой уже объявлен и соперник ожидает на Ристалище, по кодексу конного боя его следует объявить победителем...

Тут меня словно кипятком ошпарило. Я вспомнил, откуда мне знакома эта длинноносая рожа!

— Кавалер же, отказавшийся встретиться в честном бою с соперником, изгоняется с позором из числа Соискателей, вымпел его всенародно срывается и попирается ногами...— открыто издеваясь, нараспев читал судья.

Я быстро оглянулся — не помешает ли мне Петрович? Но тот стоял спиной к нам у балюстрады и разглядывал моего гарцующего соперника. Ну и хорошо. Эх, птиценосый, ты меня видишь впервые, а я тебя уже видел — на картине, за спиной

у Ганелоны,— и теперь знаю, что ты за птица! Сейчас я сделаю мгновенное движение, которое ты даже не увидишь, и ты сложишься пополам, тихо ляжешь на землю и будешь лежать долго — достаточно долго, чтобы я успел вышвырнуть из седла своего соперника. А когда ты немного оживешь, я шепну тебе несколько слов, после которых ты никогда не захочешь становиться мне поперек дороги!

Судья был глуп как пень, и инстинкты самосохранения у него начисто отсутствовали. Иначе он не посмел бы разинуть рот и заорать ликующим голосом:

— Объявляется, что ввиду отказа...

«Сам виноват»,— подумал я, незаметно разворачивая плечи и расслабляя кисть. Эх!..

Но ударить я не успел, потому что пальцы Петровича намертво сковали мою руку.

— Второй кавалер тоже не может биться,— сказал Петрович, дружески обнимая судью за шею и поворачивая лицом к Ристалищу. От этого легкого прикосновения глаза у судьи вылезли из орбит, рот приоткрылся, а лицо начало синеть. Но Петрович знал меру — через две-три секунды он отпустил обмякшего судью и даже поддержал его за локоть, чтобы тот устоял на ногах.

— Обрати внимание, судья: второй кавалер тоже не может биться,— повторил он флегматично.— У него что-то случилось с лошадью. Видишь, она лежит на траве?

— Видимо, сегодня невезучий день для лошадей,— сказал я, ласково улыбаясь судье.— Я думаю, что надо объявить перерыв минут на пятнадцать—двадцать. Неужели у тебя есть возражения?

Судья ошалело крутил головой, потирая шею.

— Н-нет... Не возражаю,— прохрипел он. Голос явно не слушался его.

Он подозвал герольда и приказал объявить перерыв.

Я был готов расцеловать Петровича — я не сомневался, что все это его проделки.

— Петрович, побудь тут с судьей,— сказал я.— Ты посидишь здесь, судья, пока я буду готовить лошадь? Ее, по-моему, уже привели...

— Да-да, я посижу,— с готовностью пролепетал судья, оглядываясь на могучую фигуру Петровича.

К моему удивлению, Росинант выглядел достаточно бодро. Видно, мои таблетки слегка взгорячили его старческую кровь. В бой он поскакал не то чтобы очень уж резво, но все же не плелся шагом. Первое копье я сломал безрезультатно. При второй схватке я ударил точней, и мой противник шлепнулся оземь.

— Что ты сделал с лошадью? — спросил я Петровича, когда он подошел ко мне после боя.

— Я усыпил ее,— ответил тот.

— Каким образом? Ты ведь не отходил от меня.

— А мне не надо для этого отходить.— Петрович вытянул вперед палец, и я понял, где скрыто его оружие.

— У тебя что, в каждом пальце по сюрпризу? — спросил я озадаченно. Только сейчас я начал понимать, какого могучего помощника дала мне Земля.

— Сюрпризы только в правой руке,— ответил Петрович.— В левой у меня индикаторы. На радиацию, яды, микроорганизмы... Но я надеюсь, что они нам не пригодятся.

— Я тоже надеюсь,— ответил я, с уважением глядя на робота. Я еще не догадывался, что все его индикаторы окажутся здесь бесполезными.

Глава 13. Тень Креста над нами

К лошадям в королевской конюшне приставили охрану — пять назначенных Ганелоной придворных поклялись не отходить от них ни днем ни ночью. Только убедившись, что опасность с этой стороны больше не угрожает, я отправился к себе, чтобы отдохнуть.

Я шел пустым, темным коридором, когда меня тихонько окликнули. Это был диспетчер Фей. Я провел его к себе и попросил Петровича проверить комнаты. Замки замками, а за мое отсутствие сюда могли подсунуть любой сюрприз — от подслушивающего аппарата до мины под подушкой. Рюдель, по-видимому, уже понял, что я его главный враг, и мог пойти на любую подлость, лишь бы устранить меня со своего пути. Петрович прошелся по комнатам, но ни один из его многочисленных индикаторов не обнаружил опасности.

— Я пришел поздравить кавалера,— сказал Фей.— Я видел оба боя и восхищен ими. Если бы кавалер не поменял лошадей, его вторая победа была бы еще убедительней. Опять что-нибудь случилось с подковой?

— Как бы не так! — Я рассказал ему, что произошло с моей лошадью на Ристалище.

— Кавалер твердо уверен, что лошадь отравлена?

— Абсолютно.

— И он не боится говорить об этом вслух?

— А кого мне бояться, диспетчер? Рюдель и так все знает. Кроме того, сейчас нас никто не слышит — за это я ручаюсь.

— Тогда я скажу несколько слов по секрету. Сегодня ночью ко мне приходил тот человек, которого ты послал,— Летур. Мы

долго с ним говорили, и он рассказал то, о чем все догадываются, но вслух говорить боятся. Что существует способ продления жизни, и кавалеры его знают, но скрывают от народа. Нам говорят: короткая жизнь угодна Кресту. Но почему это ему угодно? Почему сам Летур живет уже шестьдесят лет, если Кресту это неугодно? Почему куда-то исчезли книги о прежних временах, когда жизнь была гораздо длинней? И неужели сорок лет — это уже не для всех? Летур сказал, что люди стали умирать до этого срока. Мне сейчас тридцать пять. Я хочу знать, есть у меня еще пять лет впереди или я умру завтра? А может быть, я зря беспокоюсь и мне повезет, как Летуру, хотя это и не угодно Кресту?

Я слушал диспетчера и в который раз перебирал в уме все, что узнал. Я ничего не мог сказать Фею о том, почему так коротка здесь жизнь, но странные и противоречивые факты никак не укладывались в стройную систему. Я понимал, что невольно ищу аналогий там, где их не может быть,— ведь Изумрудная не Земля, и земные правила здесь могут не действовать. Да, на моей планете были странные исключения из самых непреложных законов. Через многие века дошли до нашего времени легенды о долгожителях, которые, на удивление поколениям, жили по нескольку сотен лет,— о таких, как Мунисадх или Калиостро. Даже сейчас, когда двести лет — нормальная продолжительность жизни на Земле, эта цифра поражает. Каково же было слышать об этом нашим предкам, жившим вчетверо меньше? Так, может быть, нет никакой загадки в долголетии Летура? И все же метод аналогий — не самый правильный путь, когда дело идет о законах иного, неизвестного нам мира.

Тут я вспомнил воинственного ресторатора, мечтавшего с мясницким ножом в руках урвать себе толику бессмертия.

— Один человек недавно сказал мне, что если бы существовало лекарство для продления жизни, то он перерезал бы глотку любому, лишь бы завладеть им. Что ты думаешь по этому поводу?

— Я тоже знаю таких. Но сам я думаю иначе. Я считаю, что это лекарство нужно всем.

— И кавалерам тоже?

Диспетчер несколько секунд молчал, словно не решаясь говорить.

— Такое лекарство должно принадлежать всем, кто работает,— сказал он наконец, глядя мне в глаза.

Я ожидал такого ответа и все же почувствовал немалое удовлетворение. Кто не работает, тот не ест — вот как звучала его фраза в переводе на язык земной философии. И я продолжал гнуть свою линию.

— Но кавалеры не работают.

— Они будут работать... со временем.

— Когда же это время наступит?

— Мне кажется... наступит.— Диспетчер вдруг замолчал, словно сказал что-то такое, чего говорить не следовало.

Я понял его опасения и спросил:

— Летур не сказал тебе, кто я такой?

— Нет.

— Я прилетел с той самой планеты Земля, откуда много лет назад прибыли ваши далекие предки. В то время на всей нашей планете был навсегда провозглашен лозунг: «Кто не работает, тот не ест». Кое-кому он не понравился, и недовольные сбежали сюда.

Тут в дверь негромко постучали. Я попросил Фея от греха подальше перейти в другую комнату и выглянул в коридор. Там стояла Леннада.

— Пусть кавалер извинит меня, но мне поручено передать, что во дворе его ожидает человек с лошадью.

Девушка явно ждала, что я приглашу ее зайти, она так и стреляла глазами мимо моего плеча. Но я закрыл дверь — мне очень не хотелось, чтобы кто-нибудь увидел у меня Фея.

Некоторое время мы шли молча.

— Я хочу, чтобы кавалер завтра проиграл,— сказала вдруг девушка.

— Почему? — удивился я. До сих пор все желали мне победы. Правда, это были мужчины.

— Если кавалер победит в турнире, он не захочет смотреть на меня. У него будет принцесса, он станет королем... Поэтому я хочу, чтобы он проиграл. Тогда кавалер посмотрит на меня не только во время беготни по коридорам и увидит, что я ничуть не хуже Ганелоны.

Я взглянул на девушку, удивленный ее откровенностью. Она действительно была очень хороша — ее портил только чрезмерный слой краски на бровях, ресницах, губах. Я уже заметил, что здешние красавицы косметику не экономят. Возможно, к этому вынуждал их зеленый цвет здешнего солнца.

— Ты очень красивая девушка,— сказал я, ничуть не кривя душой.— А без этих ошеломляющих красок была бы еще красивее. Я уверен, что любой кавалер будет счастлив, если ты выберешь его...

— Я уже выбрала тебя...— ответила она шепотом. Глаза ее вдруг наполнились слезами.

Я растерянно замолчал. К счастью, мы уже вышли на крыльцо. Невдалеке, у коновязи, рядом с великолепным белым конем стоял бравый ресторатор.

Я ожидал чего угодно, но только не этого. Отравил одну лошадь и привел другую...

Кавалер желал, чтобы я раздобыл для него коня,— сказал дядюшка Теодор, когда я подошел.— Кресту было угодно, чтобы я смог выполнить его желание.

— Зачем ты приходил на Ристалище? — в упор спросил я.

Кавалер обещал мне, что он свалит кавалера Рюделя. Как я мог пропустить такое зрелище?

— А что ты делал возле лошадей?

— Пусть кавалер не беспокоится — меня там никто не заметил. Я только с парнишкой поговорил, с Юликом. Конфет вот ему принес.

— Ему или лошади?

— А что, разве нельзя? Животное — оно тоже ласку любит. Но если нельзя, то я не буду. Откуда мне знать — я в них не разбираюсь.

Дядюшка Теодор преданно смотрел на меня ясными глазами, словно это не он обещал недавно перерезать мне при случае глотку. Может быть, он действительно ни при чем?

— Почему же нельзя,— пробормотал я и повернулся к лошади.

Уже с первого взгляда я понял, что это самый лучший конь из тех, что я здесь видел, хотя моему Баязету он все же уступал. Я долго осматривал, ощупывал, оглаживал животное, тщетно пытаясь найти в нем какой-нибудь изъян. Конь был безупречен.

— Спасибо тебе,— сказал я наконец.— Ты честно выполнил свое обещание. Теперь очередь за мной. Я свое тоже выполню.

— Да будет тень Креста над тобой, кавалер,— глухо произнес ресторатор, глядя в землю.— Ну, я пошел... А лошадь эту зовут Закатом.

И вдруг я понял, выполнения какого обещания он от меня ожидает. Я ведь собираюсь свалить Рюделя. Но дядюшке Теодору нужно от меня совсем другое: он ждет, что я поделюсь с ним рецептом долголетия!

Оставив Петровича стеречь лошадь и с трудом отделавшись по пути от Леннады, я возвратился к себе и рассказал обо всем Фею.

— И все-таки мне кажется, что лошадь отравлена им,— сказал я.— Но зачем тогда он привел эту?

— Если это проделки Рюделя,— сказал Фей,— можно ожидать любой подлости.

Я вызвал Петровича через браслет и попросил проверить лошадь. Через несколько минут он доложил, что ничего подозрительного не нашел, и я успокоился. Меня смущало только одно: где дядюшка Теодор раздобыл лошадь? К сожалению, я не спросил его об этом сразу, и мне оставалось только гадать, каким образом человек, совершенно не разбирающийся в лошадях, мог приобрести такое великолепие.

Я поделился своими опасениями с Феем, и он сказал, что не стоит держать Заката вместе с остальными лошадьми. Завтра скажут, что конь ворованный, наложат на конюшню арест... Да мало ли фокусов в запасе у Рюделя!

Если кавалер разрешит, мы смогли бы присмотреть за его лошадью,— предложил он.— Мы будем дежурить возле нее круглосуточно. А когда она понадобится, кавалер сообщит нам.

На этом мы и договорились.

Когда Фей ушел, я вызвал спутник. Бабушки там не оказалось. Все же вскоре ее разыскали на Земле. На экране браслета рядом с ней я с изумлением увидел Виолу, которая на этот раз уже не была блондинкой.

— Ты эту девушку знаешь? — спросила бабушка.— Ладно, ладно, не смущайся. Мы тут с ней тебе сюрприз готовим...

— Бабуся, а я получил подарок от Рюделя! — сказал я и поделился с нею своими новостями.

Она долго смеялась над рассказом о том, как я хотел нокаутировать судью, и похвалила Петровича за сообразительность. Но что за сюрприз мне приготовлен, она так и не сказала. Зато я узнал, что спутники обнаружили в том месте, за Южным хребтом, где побывал Юлик, небольшой городишко, и показала мне фотокарту.

— Петрович, не отсюда ли идут те сигналы, которые ты слышал?

Петрович взглянул на экран, мысленно сфотографировал карту и сказал, что пеленги сходятся в районе королевского парка, неподалеку от Ристалища.

— При случае прогуляйся туда,— посоветовала бабушка.— У нас об этой планете информации ноль с хвостиком.

Я немножко поболтал с Виолой, похвалил ее прическу и сказал, что ей очень идет новый цвет волос. Действительно, превратившись в брюнетку, девушка стала еще привлекательней. Я догадывался, что причиной этой метаморфозы был запрос информатория. Но как она узнала, что это я интересовался ею, ведь моя ячейка заблокирована? Я слышал не раз, что женщины способны перехитрить любую кибернетику, но считал это изрядным преувеличением. Теперь я начал склоняться к мысли, что женская хитрость не знает преград.

Поручение бабушки я решил выполнить немедленно, как ни хотелось мне посмотреть вечерние схватки. Таинственные импульсы очень интересовали меня. С момента прибытия на Изумрудную Петрович старательно пеленговал их и теперь мог указать местоположение передатчика достаточно точно.

Огромный королевский парк пустовал — в этот час жители уже спешили на Ристалище или усаживались у экранов. Это было нам на руку. Мы долго бродили с Петровичем по аллеям,

выложенным плитами красного песчаника, по ажурным мосткам над прудами, продирались через заросли. Наконец, поднявшись на заросший деревьями холм, мы наткнулись на маленькую часовню — я видел такие и в городе.

Солнце уже сползало к горизонту, и его зеленый свет сделал изумрудными ползущие по небу облака. Зеленой стала и вода в пруду, и белая часовня.

Мы долго разглядывали часовню, но ничего не заметили. Выглядела она дряхлой и заброшенной. Мы уже хотели повернуть к выходу. Но в это время солнце выглянуло из-за облака, брызнув нам в спины изумрудными лучами, и мы увидели, что на наши тени, вытянувшиеся по траве, упала тень огромного креста.

Тень — это всего-навсего тень, но мы оба мгновенно обернулись. Недалеко от нас среди деревьев прятался большой бетонный куб, над которым возвышался огромный сверкающий крест.

— Мне кажется, Петрович, это то, что мы искали,— сказал я вполголоса.

Мы пробрались через густые кусты вплотную к зданию. Куб был непроницаем, без окон и дверей. Лишь обойдя его кругом, мы обнаружили небольшую дверку, но она оказалась запертой.

— Что это такое — храм Креста или радиоцентр? — спросил я.— Для храма это здание слишком неприступно. Или здесь посещение храмов не предусматривается обычаем?

— Это здание лежит в центре треугольника ошибок,— сказал Петрович.— Сигналы могли исходить только отсюда.

— Петрович, ты помнишь антенну того аппарата, с которым Рюдель сидел в Гурзуфе? — спросил я.— Тебе не кажется, что она похожа на этот крест?

— Сходство есть,— подтвердил Петрович.— Но все-таки этот крест — не антенна.

Вдруг он сделал предостерегающий жест и увлек меня в кусты. Раздался скрип металла. Дверка в стене распахнулась, и оттуда кто-то вышел. Судя по голосам, их было двое.

— Я сделаю все, как мы договорились,— услышал я гнусавый голос, который показался мне знакомым.

— Но ни секундой раньше, ни секундой позже,— ответил второй голос.— Я оторву тебе голову, если ты ошибешься.

— Кавалер обижает меня,— сказал первый голос.— Если он во мне сомневается, он может все сделать сам...

Тут в просвете между листьями я увидел лицо говорившего. Это был мой старый приятель — птицеголовый судья.

— Я не должен появляться утром на Ристалище,— сказал его невидимый собеседник.— Если я появлюсь утром...

Дальнейшее я расслышать уже не смог.

Когда голоса затихли вдали, мы выбрались из кустов.

— Ты узнал судью? — спросил я.

— Да,— ответил Петрович.— Но второго я не рассмотрел.

— Я тоже. Но мне кажется, что это был сам Рюдель. Уж слишком заискивал перед ним судья. И вообще все это мне не нравится. Не кавалерское это дело — таскаться по радиостанциям. А ну, Петрович, отсними это здание. Покажем его бабушке.

Петрович обошел храм вокруг, зафиксировав его в своей фотонной памяти. Мне показалось, что, перед тем как пересечь отбрасываемую крестом тень, он на мгновение замешкался.

— Да будет тень Креста над нами! — бодро сказал я.— Ты не находишь, что сейчас эта поговорка очень кстати? И еще: ты можешь объяснить, почему она мне так не нравится?

Глава 14. Пленник любви

— Ты убежден, что это Рюдель подсунул тебе лошадь? — спросила меня бабушка, когда я вечером рассказывал ей о прогулке по королевскому парку. Неодобрительно поджав губы, она долго вертела так и этак фотографии таинственного радиохрама, переданные на спутник Петровичем.

— Больше некому. Такой лошади здесь нет цены. Ни у кого из кавалеров я не видел ничего подобного. Не могу поверить, чтобы Рюдель скупил всех мало-мальски стоящих лошадей, а эту не заметил.

— Знаешь, внучек, держись-ка ты от нее подальше,— сказала вдруг бабушка.— Не по душе мне подарки твоего Рюделя. Скачи лучше на своем Росинанте.

— Ох, бабуся, что ты говоришь! Он шагом-то еле ходит. А Закат — отличная лошадь. Она уступает только Баязету.

— Тебе виднее,— заметила бабушка.— И все же на твоем месте я бы к ней не подходила.

После ужина я уселся в кресло перед телевизором, чтобы посмотреть, чем меня порадует местная телесеть.

Висевший на стене телевизор был допотопный — не с пленочным, а с толстослойным экраном, заделанным в деревянный ящик. Из пяти каналов работал только один.

Я впервые смотрел местную телепрограмму, и она меня ничем не порадовала. Изображение было плоское, краски неважные. Передавали что-то вроде последних известий — смесь уголовной, спортивной и светской хроники. Состязания претендентов не показали, объявили только результаты — Рюдель снова выиграл оба боя. Я заметил, что вся передача состояла из прямой трансляции. Видеозапись совсем не применялась.

Я выключил экран и задумался. Моего очень краткого пребывания на Изумрудной было достаточно, чтобы понять, что здешнее общество неуклонно деградирует. Я понимал, почему это происходит. Кучка беглецов с Земли привезла сюда передовые знания, передовую технику и технологию, самую современную энергетику. Здесь, на Изумрудной, в распоряжении колонистов были неограниченные природные ресурсы, идеальная среда обитания — им не приходилось сражаться за жизнь, терпеть голод и холод, ютиться в пещерах, экономить каждый глоток воды или воздуха. У них имелись все условия для неограниченного развития — не было только развития. И причина крылась вовсе не в неимоверно кратком сроке жизни. Первобытный человек на Земле жил вдвое меньше и все-таки создал цивилизацию. Нет, я понимал, что дело совсем в другом: привезя сюда передовую технику, беглецы не привезли передовых идей.

На Изумрудной царили классовое неравенство, экономическая зависимость, религия. Застывшие на столетия производственные отношения сковали рост экономики, если не остановили его совсем.

Я помнил, как Юлик назвал атомные автомобили старыми,— новейшими конструкциями были аккумуляторные электромобили и газогенераторные машины. Очевидно, то же самое происходило во всех областях, и прежде всего в энергетике. Переселенцы привезли сюда кварк-реакторы, но со временем те постепенно вышли из строя, и основой энергетики Изумрудной стали ядерные реакторы, а затем тепловые электростанции... Из пяти программ телевизионной сети осталась одна, стал популярен конный транспорт. Общество неуклонно двигалось к закату, и если правда, что средняя продолжительность жизни на планете тоже уменьшается, то закат этот наступит очень скоро.

Вмешательство Земли могло все изменить. Но если Рюдель захватит власть, он этого не допустит. Я должен победить его, чтобы никогда ни он, ни подобные ему не могли здесь верховодить. Могущество Земли неизмеримо — в считанные дни она сможет дать Изумрудной все, чего здесь не достичь за века. Я был уверен, что земная наука быстро справится и с самой страшной бедой этой планеты — катастрофическим сокращением продолжительности жизни здешних жителей.

Если бы я знал, как я ошибаюсь!

Несмотря на все хлопоты и волнения, сон у меня был прекрасный. Однако я мгновенно проснулся, когда среди ночи Петрович тронул меня за плечо.

— В чем дело?

— Тебя вызывает принцесса.

Я быстро оделся и вышел в темную гостиную. Там меня ждала взволнованная Леннада.

— Пусть кавалер простит меня за беспокойство,— вполголоса сказала она.— Мне поручено немедленно проводить его к принцессе. Никто не должен знать об этом.

— Что-нибудь случилось? — спросил я, наскоро причесываясь.— Петрович, идем!

— Пусть Петрович останется,— возразила девушка.— Мне приказано привести одного кавалера.

Я последовал за Леннадой по темным коридорам.

В огромном королевском дворце я плохо ориентировался и днем, сейчас же совсем не представлял, где мы находимся. Мы шли то вниз, то вверх, то снова вниз. Видимо, девушка прекрасно знала дорогу — только изредка она посвечивала слабеньким фонариком, а все остальное время вела меня в полной темноте. Наконец мы остановились, и я услышал скрип отворяемой двери.

— Кавалер может войти,— шепнула она и на миг включила фонарик.— Его там встретят.

Я шагнул вперед и остановился в полном мраке. Дверь позади меня скрипнула и закрылась. Я услышал, как с лязгом задвинулся засов. Затем за дверью послышался смех. Только тогда я понял, что никакого вызова от принцессы не было. Я шагнул к двери, нащупал ручку и несколько раз дернул ее, но дверь даже не шелохнулась.

— Леннада, открой дверь! — сказал я как можно строже.— Что за глупости!

Девушка за дверью звонко рассмеялась.

— Пусть кавалер простит меня. Но теперь он мой пленник.

— Зачем ты это сделала? — спросил я.

— Справа от двери кавалер найдет кресло,— сказала она в замочную скважину.— В нем он может провести остаток ночи. А потом я его освобожу.

— Освободишь? Так тебя не Рюдель подослал? — Я был совсем сбит с толку.

— Рюдель? О, нет! Меня никто не подсылал. Это я сама.

— Зачем?

— Я хочу спасти кавалеру жизнь.

— Каким же образом? Я могу это узнать?

— Я знаю, что кавалер — очень умелый и храбрый боец. Он будет побеждать всех претендентов, пока жребий не сведет его с кавалером Рюделем. А кавалер Рюдель непобедим. В первой же схватке он своим огромным черным копьем пробьет голову кавалеру Алексею — так же, как всем предыдущим соперникам, и мне останется только положить на могилу кавалера белые цветы печали.

— Я побью Рюделя,— возразил я.

— А если кавалеру повезет и он побьет Рюделя, он женится на принцессе,— продолжала девушка.— Вот я и решила: пусть лучше кавалер посидит здесь, пока не кончатся утренние поединки. Тогда я его выпущу, и он уже не сможет ни проиграть, ни победить, потому что не явившийся на поединок кавалер исключается из числа Соискателей. И тогда, может быть, он захочет посмотреть на меня...

— Открой дверь! — зарычал я, напрасно дергая за ручку. С той стороны снова послышался смех.

— Этот подвал — один из самых заброшенных во дворце. Если кавалер будет громко кричать, он может охрипнуть, а это не украсит его.

Лязгнул еще один засов, загремел замок, и я услышал удаляющиеся шаги. Тогда я включил осветитель браслета и стал осматривать свою темницу. Это был настоящий каменный мешок — шириной в три шага, длиной в пять, с высоким сводчатым потолком. Очевидно, это помещение служило кладовой — на полу стояли какие-то старые ящики, валялись бумаги. В комнату вела единственная дверь, сделанная из кованого железа, ни окон, ни отдушин не было видно. Справа от двери, как и сказала Леннада, стояло тяжелое мягкое кресло, которое девчонка приволокла откуда-то из дворцовых покоев. Я сел в кресло и вызвал через браслет Петровича.

Тот откликнулся сразу, но слышимость была не очень хорошей. Тогда я попросил его связаться со мной через спутник, подвешенный в небе Изумрудной стараниями моей бабушки. Для мощной аппаратуры спутника преград не существовало, и связь мгновенно стала нормальной, словно мы сидели в одной комнате. Я рассказал Петровичу о своем приключении и попросил поскорее вызволить.

— Попробую,— сказал Петрович.— Пеленг я уже взял, теперь надо лишь найти дорогу.

Время тянулось медленно. Чтобы как-то отвлечься, я открыл один из ящиков. В нем лежали книги и рукописи, все очень ветхие. Я выбрал самую сохранившуюся, сдул с нее пыль, уселся в кресло и начал читать. Вначале архаический язык раздражал меня, но постепенно я увлекся. Это был сборник каких-то легенд. Меня поразило, что в легендах упоминались древние старцы и старухи. И тогда я понял, что читаю запрещенную и изъятую литературу тех времен, когда люди доживали до старости! На Изумрудной умирали молодыми, я не мог поверить, чтобы кто-то сумел выдумать такие подробности, как ноющие кости, слепнущие, слезящиеся глаза, выпавшие зубы... Нет, все это было явно списано с натуры!

Время от времени Петрович докладывал мне о ходе поисков.

Он уже примерно определил, где я нахожусь, и обследовал несколько подвалов, хотя не имел ясного представления о плане подземных коридоров.

— Когда же ты его будешь иметь? — спрашивал я, потому что время шло и беспокойство грызло меня все сильнее.

— Точно сказать не могу,— отвечал Петрович.— Здесь под землей целый лабиринт. Но я уже где-то рядом.

Это «где-то рядом» продолжалось так долго, что я совсем распростился с надеждой попасть на Ристалище. Но вот раздался гулкий удар в дверь — Петрович все же нашел меня. Я взглянул на часы — до начала схваток оставалось меньше тридцати минут.

— Петрович, ты сможешь выломать дверь? — спросил я с тревогой. Только теперь я вспомнил, как старательно гремела засовами и замками Леннада.

— Отойди в угол и стань спиной к двери,— скомандовал робот.

Раздалось шипение, запахло горячим железом, в спину мне ударили крошки камня. Через несколько секунд дверь распахнулась.

— Опять сюрприз из пальчика? — спросил я, глядя на перерезанные замки.

Петрович кивнул. У него был очень довольный вид.

— А теперь скорей на Ристалище! Мне еще надо надевать броню.

И тут я вспомнил, что не послал никого к Фею. Значит, первый бой придется вести на Росинанте.

На Ристалище мы явились минута в минуту. Первым делом я взглянул на судейскую ложу. Наш приятель с напыщенным видом сидел в глубине, а вход в ложу охраняли десять до зубов вооруженных кавалеров.

— По-моему, судья очень разволновался,— сказал Петрович.

Действительно, тот выскочил из-за своего столика и растерянно метался по ложе, показывая в нашу сторону какому-то человеку. Тот тоже посмотрел на нас и кинулся куда-то бежать.

— Знаешь, Петрович, у меня такое впечатление, что наше появление их поразило. Может быть, они пронюхали о проделке Леннады? Или еще проще — она выполняла их задание?

Тогда я еще не знал, что причиной переполоха были не мы, а тихоня Росинант, который стоял рядом со мной, растопырив для устойчивости ноги. Об этом я узнал гораздо позднее, а сейчас мое внимание привлек знакомый предмет на судейском столе. До ложи было довольно далеко, но все же я мог поклясться, что этот предмет мне знаком. Я попросил Петровича дать его крупным планом и включил экран браслета. Петрович нацелил-

ся на ложу своим телеглазом, и я увидел во весь экран стоящий на столе приборчик с крестовидной антенной — точь-в-точь такой был в руках у Рюделя на пляже.

Я не знал, для какой цели служит этот аппарат, но я прекрасно помнил, что Летур погиб в то самое время, когда Рюдель вертел такой же прибор в руках, и это совпадение мне очень не понравилось. Я шепотом напомнил об этом Петровичу и попросил не спускать с судьи глаз.

— Я не спущу с него глаз,— серьезно ответил робот.— Мне такие совпадения тоже не нравятся.

Но тут птицеголовый схватил прибор и, сложив антенну, стал яростно запихивать его себе в карман. Затем он дал сигнал, и я поехал вперед — мой бой был самым первым. Свалив противника, я подъехал к конюшне, где уже вертелся Юлик, и послал его к Фею. Я все же решил поменять коня — из опасения, что Росинант однажды сдохнет от старости посреди атаки.

Через полчаса Фей привел Заката. Петрович внимательно осмотрел его, затем за дело принялся я — даже пощупал копыта, не теплые ли. Но лошадь была здоровехонька. Я успел немного погарцевать на ней — она была превосходно выезжена, и, не существуй Баязета, я сказал бы, что это лучшая боевая лошадь во всей Галактике.

Впервые я почувствовал радость боя. Своих предыдущих соперников я побеждал по необходимости, и лишь теперь, сидя верхом на Закате, ощутил играющую во мне силу. Моим соперником оказался тот драчливый кавалер, который пытался избить Петровича. Я сразу узнал его по забинтованным пальцам правой руки — из-за бинтов кавалер не смог надеть боевую перчатку. Я ударил его так, что он рухнул с коня и не вставал, несмотря на попытки помочь ему. Выбежавшие служители унесли бедиягу.

Бросив взгляд на судейскую ложу, я заметил, что в ней царит суматоха. Неподалеку стоял Петрович, с флегматичным видом взирая на происходящую кутерьму.

— Твоя работа? — спросил я, подъехав поближе.

— Моя,— подтвердил он и рассказал, что случилось.

Подчиняясь моему приказу, он не спускал с судьи глаз и увидел, как тот извлек из кармана свой прибор и снова поставил перед собой.

— Тогда я вспомнил старую пословицу: бережепого бог бережет. И решил, что не будет беды, если этот прибор простоит без дела, для чего бы он ни служил. И я сделал вот так...

Он многозначительно вытянул вперед палец.

— Нехорошо поступать с человеком, как с лошадью! — с деланным недовольством воскликнул я.— И долго он теперь проспит?

— Праздничный сон — до обеда,— безмятежно ответил Петрович.— Зато он проснется с хорошим самочувствием, бодрый и веселый.

Но я позволил себе не поверить Петровичу. Вряд ли мог чувствовать себя бодро и весело главный судья соревнований, проспавший соревнования.

Глава 15. Короткая жизнь — благо?

Ленида встретила меня на ступеньках дворца. Она протянула мне букетик цветов, которые, как я уже знал, назывались здесь столетником и были символом долгой, счастливой жизни.

— Поздравляю кавалера с победой,— грустно сказала она. В ее глазах стояли слезы.— Воистину для него не существует непреодолимых препятствий. Я начинаю думать, что он сумеет победить кавалера Рюделя.

Сегодня на ее лице не было никакой косметики, и девушка выглядела еще привлекательней.

— Прошу простить меня за испорченную дверь,— извинился я.— Кстати, ты не знаешь, для чего служит подвал, в который ты меня так старательно запирала?

Девушка сердито сверкнула глазками, но все же ответила мне:

— В нем когда-то хранилась королевская казна, а потом архив Черного совета. Но его вывезли много лет назад, когда я была еще девчонкой. Это случилось в ту ночь, когда убивали кавалеров, поэтому я все запомнила.

— Как это — убивали кавалеров? Кто убивал? За что?

— Я ничего не знаю. Отец мне сказал, что всех кавалеров убивают и надо бежать из дворца. Потом он ушел, и я больше его никогда не видела.

— Когда это было?

— Одиннадцать... нет, двенадцать лет назад. Я только-только научилась читать и писать.

— И многих кавалеров убили?

— Не знаю. Мы прятались на чердаке целый день. Потом нас нашли и сказали, что мы можем вернуться.

Я слушал девушку с возрастающим удивлением. До сих пор я ничего не слышал о подобных событиях. Я не знал, что это было — бунт, революция, дворцовый переворот, но понимал, что обстановка на Изумрудной накалена. Намеки диспетчера Фея и прямые угрозы дядюшки Теодора позволяли догадаться, что назревают крупные события. Рассказ Лениды только подкрепил мою уверенность.

Мне было ясно, что монархия на Изумрудной доживает последние дни. Когда она станет помехой Рюделю, ее уничтожат. За Рюделем стояла сила, причем вовсе не кавалеры, привыкшие к почету, богатству и безделью,— они, как и монархия, были только удобной ширмой. Главной опорой для него будут все-таки тысячи бравых рестораторов и им подобных, с мясницкими ножами в потных кулаках, с цепями, дубинками, а то и с автоматами — наверняка где-нибудь припрятаны до поры до времени. За Рюделем стоят неведомые мне Черные советники — то ли его тайная полиция, то ли род инквизиции, а скорее всего, заблаговременно обучаемый офицерский корпус. И еще есть диспетчер Фей и его друзья — те, кому суждено первыми погибнуть в день, когда Рюдель придет к власти, если только они сами не сумеют вовремя обуздать Рюделя и его шайку.

Да, следовало ожидать бурных событий. Не знал я только одного: как может повлиять на эти события тот неизвестный на Земле фактор, который я для себя назвал «сроком жизни». Я не верил, что существует и сохраняется в глубокой тайне лекарство, дающее обитателям Изумрудной долголетие, и не очень разделял надежды дядюшки Теодора. Но на моей родине люди жили по двести лет и более, а не пятьдесят—шестьдесят, как в прошлом, поэтому я был уверен, что земная наука быстро найдет противоядие от чудовищной гримасы здешней генетики.

Все эти мысли не раз уже приходили мне в голову, но сегодня я выстроил свои соображения в ином порядке. Меня все время смущало, почему на Изумрудной не только не искали способов продления жизни, но даже попросту противодействовали этому. Почему короткая жизнь угодна Кресту? Почему долгая жизнь— проклятье?

Простое решение напрашивалось само собой. Религия должна дать людям утешение, помочь перенести тяготы жизни. Обреченность каждого живущего — вот извечное проклятие этой планеты. И религия, естественно, помогает отрешиться от сознания обреченности, утверждая, что короткая жизнь — благо.

Это рассуждение могло показаться очень убедительным, если бы не одно «но». Религия никогда не имела своей целью утешение. Любая религия — на Земле, на Изумрудной ли — всегда была инструментом порабощения трудящихся, имеющим точные классовые цели. Обман под видом утешения — да, это религия могла, но утешение — никогда.

Сотни лет полного торжества коммунизма на Земле не заставили никого из нас забыть о том, каким трудным, извилистым путем шло человечество к бесклассовому обществу. Мудрые педагоги знакомили юношей и девушек с законами общественного развития, с историей борьбы классов. Они объясняли истинные причины изменения мира, показывали механизмы, которые

во все века приводили в движение народные силы. От гибели Парижской коммуны к торжеству идей Октября через трагедии и неудачи, через кровь и горе, мужая в борьбе, учась на ошибках, выискивая ведущие к победе пути, шло человечество, и знать обо всем этом было долгом каждого из нас. Нас учили этому, чтобы нигде, никогда не восторжествовали хотя бы на день, хотя бы на час корыстолюбие, неравенство, угнетение, ложь, насилие. Мы знали о кострах инквизиции и факельных шествиях фашистов, о кораблях работорговцев и атомных бомбардировщиках. Нас учили видеть в любом человеке только друга и брата, учили ненавидеть то, что убивает в человеке человеческое, религию в том числе. Поэтому я не верил простым объяснениям.

Религия должна проповедовать то, что выгодно правящему классу.

На этой аксиоме цепь моих рассуждений постоянно обрывалась. Сегодня я попробовал подойти к проблеме по-иному.

Итак, что мы знаем об истории Изумрудной?

Около пятисот лет назад, когда в результате Второй Великой революции на Земле возник Всемирный Союз Коммунистических Республик, сюда прибыли беглецы с Земли. Один или несколько кораблей, сотни или тысячи пассажиров. Вряд ли я очень ошибусь, если возьму за основу пять тысяч человек. Этому крохотному отряду предстояло освоить целую планету. И прежде всего создать стабильное, развивающееся общество.

Беглецы, конечно, понимали, что их ожидают гигантские трудности. Им придется создавать промышленность, строить жилища, сеять хлеб, разводить скот. Поэтому они привезли с собой зерно и семена, лошадей и коров. Они привезли строительные автоматы и автоматы для производства инструмента. На каждом корабле имелись мощные кварк-реакторы, энергии которых хватило на первые десятилетия, а может быть, и не на один век. А еще они привезли с собой классовое неравенство.

Пока корабли блуждали в космосе, все шло по установленному еще на Земле распорядку. Кто-то командовал, а кто-то подчинялся. Кто-то ремонтировал реакторы, вычислял курс, готовил пищу, убирал каюты, чинил одежду. Кто-то отдавал приказы.

Но вот цель была достигнута — благодатная планета, которая, казалось, только и ждала хозяев. Наверно, многие из беглецов надеялись, что на этой земле обетованной для них начнется новая жизнь. Но этого не случилось.

Было бы наивно думать, что последыши капиталистического мира летели сюда через бездны космоса, чтобы провозгласить здесь царство равенства и справедливости. Тот, кто привык на Земле к власти, не собирался расставаться с нею и здесь. Для

этого прекрасно годился испытанный инструмент — государство. Почему-то из всех видов государственного устройства была выбрана монархия. О причинах такого выбора гадать сейчас бесполезно, да и не нужно. Гораздо важнее было другое.

Колонизаторы Изумрудной должны были создавать здесь все заново — своим потом, своими руками. Молодые, сильные ценились, старые, ослабевшие становились обузой. Они были не нужны обществу, более того — они были вредны ему!

Когда в своих рассуждениях я дошел до такого вывода, меня поразило, как удачно эта мысль укладывается в общую картину. Обществу Изумрудной выгодно, чтобы люди жили мало,— религия провозглашает короткую жизнь благом — и продолжительность жизни действительно очень мала!

Это было невероятно. Подумать только: крохотной колонии, где каждый кусок на учете и каждый лишний рот в тягость, не надо кормить стариков. Какая неимоверная удача для общества: едва у человека остается за спиной период расцвета, едва он начинает уступать в производительности труда более молодым и энергичным, как его настигает неизбежная смерть.

Но таких удач не бывает.

Значит...

Значит, короткая жизнь — это результат злой воли?

Но как же так? Ведь все умирают — даже короли и принцессы. Неужели все они добровольно пошли на это?

Правда, кавалеры не умирают. Или умирают так, что их похорон никто не видит.

Да нет, все это чушь собачья, бред сивой кобылы. Как можно заставить все человечество, пусть даже крохотное, преждевременно умирать? И как это осуществить технически?

Но все сходится — потребности экономики и проповеди религии.

И кавалеры не умирают.

Кто-то из заметивших это поднял бунт. Была сделана попытка перебить кавалеров. Но все кончилось тихо и мирно. Бунтовщики куда-то сгинули, уцелевшие кавалеры бездельничают по-прежнему. А Рюдель понял, что с монархией пора кончать. Но он немного опоздал. Король почувствовал, что дело плохо, и упрятал принцессу на Землю. И протянулась тонкая ниточка к планете-праматери. Такая тонкая, что порвать ее ничего не стоит.

Только тонкая ли? Я, Алексей Северцев, уже нахожусь здесь, на Изумрудной, и с каждым ударом моего копья рушатся надежды Рюделя на захват власти. А за моей спиной — коммунистическая Земля и еще сто сорок две планеты Содружества. Девяносто два миллиарда человек, обладающих неизмеримой мощью.

Все эти соображения я пересказал вечером бабушке.

— Пожалуй, ты рассуждаешь логично,— сказала она.— Тут что-то есть... Подкину-ка я твою задачу машинам — пусть подумают.

— Знаешь, бабуся, по моим расчетам завтра финал. Я пересчитал всех претендентов, и у меня получается, что все Соискатели, кроме Рюделя, уже выбыли.

— И как настроение? — поинтересовалась она.— Волнуешься?

— Есть немного,— сознался я.— Вот завтра выбью Рюделя из седла и успокоюсь.

— А на каком коне ты собираешься драться?

— Возьму какого-нибудь из конюшни Ганелоны. Не нравится мне эта история с Закатом.

— Знаешь что, внучек? Все твои рассуждения о мощи Земли в принципе правильны. Но ставка очень уж велика. А для твоего Рюделя, судя по всему, никакие законы не писаны. Мой тебе совет: не ночуй сегодня во дворце. Пойди в гости к диспетчеру Фею. Или просто поспи в лесу на травке, а Петровича поставь сторожить. Если завтра финал, Рюдель может плюнуть на все приличия.

Бабушка как в воду глядела.

Глава 16. Смерть ходит рядом

Фей со своими товарищами поселился у брата — слесаря единственной в городе авторемонтной мастерской. Тот жил на окраине города, в старом домишке, стоявшем на берегу реки. Дом порядком обветшал, и в нем почти не осталось жильцов. Но отсутствие удобств никого из приезжих не смутило. Рабочие навели чистоту в пустовавших комнатах, натащили травы и веток, подмели вокруг дома, протерли стекла и жили здесь веселой гурьбой.

Поздно вечером, когда мы собирались спать, мой браслет зажужжал — меня вызывала бабушка.

— Есть новость,— сказала она хмуро.— Твой дружок Рюдель украл у нас робота.

— Как это украл? Зачем? — растерянно спросил я.

На Земле никто ничего не крал уже несколько столетий — любую нужную или ненужную вещь каждый мог получить, набрав соответствующий индекс на шифраторе своего домашнего пульта.

— Как он это сделал, не знаю. А зачем? Для какой-нибудь новой пакости. Похоже, что робота вывезли на Изумрудную. К счастью, ему достался робот класса один — это просто меха-

нический слуга, сильный, но не вооруженный и с меньшей емкостью мозга. Так что ты на всякий случай посмотри там...

Фей и его друзья с удивлением слушали этот разговор. Особенно их поразило, что крохотный экран моего браслета давал большое объемное изображение, выступавшее над ним в рамке цветного тумана. Впрочем, в этот вечер им пришлось удивляться много раз. Мой рассказ о Земле, о ее бурном прошлом, о Великой революции и Всемирном Союзе Коммунистических Республик они слушали как волшебную сказку. Я показал им несколько фильмов — их запись хранилась в памяти Петровича и оттуда транслировалась через мой браслет. Мне долго не хотели верить, что Петрович — не человек. Пришлось рассказать им об устройстве роботов. Потом Петрович продемонстрировал несколько фокусов, вызвав бурный восторг. Кто-то попросил его умножить 73, 891 431 на 3, 1415. Петрович выдал ответ через секунду, а пока его долго проверяли по бумажке, извлек из этих чисел кубические корни. И тут я заметил, что хозяева смущенно переглянулись.

— Нас этому не учили,— смущенно сказал Фей.— Четыре действия арифметики — верх образования для большинства на планете...

Всех развеселило умение Петровича видеть затылком. Тогда я попросил погасить свет, и минут пять все по очереди в полной темноте показывали отвернувшемуся Петровичу разные предметы, а тот безошибочно называл их. Потом каждый из собравшихся долго жал Петровичу руку в знак знакомства. За разговорами, смехом и шутками никто, кроме Петровича, не услышал осторожного стука в дверь.

— Кто это может быть? — шепотом спросил Фей в сразу наступившей тишине.— Мы никого не ждем.

Это оказался Илия. Он был чем-то встревожен и попросил меня выйти с ним в другую комнату.

— Полчаса назад в конюшне был взрыв,— сказал он.— Пожар еще гасят. Все сторожа погибли. Из лошадей удалось спасти только двух, но они обгорели. Завтра тебе не на чем сражаться.

— А Росинант? — спросил я, чувствуя, что сердце у меня проваливается куда-то вниз.

— И он тоже...

— Как же это случилось? — У меня не было ни малейших сомнений, что диверсия организована Рюделем.

— Мы не знаем ничего. Взрыв был не сильный — лошади погибли в основном от огня. А люди — все... Возможно, их попросту убили.

Вид у Илии был измученный, на лице и руках виднелись

царапины и ожоги. Видимо, он кинулся ко мне, не успев даже привести себя в порядок.

— Ты голоден? — спросил я.— Садись с нами ужинать. И оставайся тут до утра.

Он кивнул.

Я познакомил Илию с Феем и его друзьями. Пока Илия умывался и ел, я рассказал о происшествиях во дворце.

— Теперь у меня осталась только одна лошадь. Если что-нибудь случится и с Закатом, Рюдель станет победителем.

Немедленно несколько человек вызвались проверить, как охраняется стойло. Я попросил Петровича пойти с ними — его электронные органы могли обнаружить то, что недоступно чувствам человека. Илия утолил голод и сел в низкое кресло — он очень устал.

— Я начинаю думать, что бабушка права, предостерегая меня от рюделевского подарка,— сказал я Фею.— Меня словно подталкивают к этой лошади. Завтра решающий бой, но я с радостью бы сел на Росинанта, будь он жив...

— Но чем может быть опасен Закат? — спросил Фей.— Ведь ты уверяешь, что это отличная лошадь. Кроме того, ты уже сражался на ней. Почему ты решил, что она — от кавалера Рюделя?

— Да потому, что это лучшая лошадь на всей Изумрудной. Где мог достать такую дядюшка Теодор?

— Эти торговцы с ножами могут многое. Мы кое-что о них знаем. Они создали свое тайное братство, имеющее деньги, оружие — не только ножи, но кое-что посерьезней. Есть сведения, что они намереваются скинуть кавалеров. Лет десять назад они уже пробовали сделать это...

Я слушал Фея, и расстановка сил на Изумрудной становилась мне все яснее. Да, от законов истории никуда не денешься — они срабатывают с предельной точностью, в каком бы конце Вселенной ни происходили события.

— Что сейчас делает принцесса? — спросил я у Илии.

Но беднягу сморил сон — он лежал в кресле, уронив голову на грудь и свесив на пол руку.

— Давай перейдем в другую комнату...— прошептал я, поднимаясь.

Но Фей стремглав шагнул к Илии и поднял ему голову.

На нас глянули остановившиеся глаза мертвеца.

Наверно, все, что я пытался в тот миг сделать, было нелепым и ненужным. Я стал искать у Илии пульс, пытался слушать сердце, делать искусственное дыхание... Еще никогда рядом со мной не умирали люди, и я растерялся.

Фей остановил меня.

— Как обидно,— сказал он грустно.— Я встретил человека,

который мог стать другом. Но Кресту было угодно, чтобы срок его жизни истек...— Он заметил мой непонимающий взгляд и объяснил: — У нас все так умирают, достигнув сорока лет. А теперь даже раньше. Летур говорил тебе это...

Поздно ночью громкий стук поднял нас всех на ноги. Дверь распахнулась, и в комнату ворвались вооруженные люди. Последним вошел птицеголовый судья, самодовольно поводя выпученными глазами. На скуле у него красовался огромный, тщательно запудренный синяк.

— Что это значит? — спросил я хмуро.— Как ты смеешь тревожить сон кавалера?

Судья рассыпался в извинениях, а на его губах так и змеилась противная улыбка.

— Я никогда бы не осмелился... Но у меня строжайший приказ разыскать и схватить опасного преступника, покушавшегося на жизнь кавалера.

— Где ты видишь здесь преступника? — Я взглянул в мерзкую рожу судьи, и у того сразу сползла улыбка с лица.— Кто он? Говори!

— Вот...— судья ткнул рукой, показывая на Петровича.— Твой слуга напал на кавалера, изувечил его, и тот выбыл из числа Соискателей, поскольку не мог продолжать схватки. Вот ордер на его арест!

Мне все стало ясно. Я кавалер, гость принцессы, и поэтому неприкосновенен. Но если я окажу сопротивление властям, это будет прекрасный предлог, чтобы обвинить меня в чем угодно и не допустить до боя. Такого удовольствия я Рюделю не доставлю.

Я вырвал из рук судьи ордер, внимательно прочитал и передал Фею. Документ был составлен по всей форме — Фей огорченно вздохнул и развел руками.

— Хорошо, я позволю тебе выполнить свой долг,— сказал я судье.— Что будет с арестованным?

— Это решит суд,— важно заявил птицеголовый, опять приобретая уверенность.— Наши законы справедливы.

— Я приду на суд,— сказал я.— И берегись, если хоть волос упадет с головы моего слуги до суда! Петрович, следуй за ними.

— Руки...— проверещал судья, тыча пальцем в Петровича.— Руки ему свяжите!

— Что? — я шагнул вперед.

Побледневший судья юркнул за спины охраны, схватившейся за оружие. Я представил, что сейчас произойдет, и остановился.

— Я обещаю тебе, судья, что мой слуга будет идти с вами туда, куда ему прикажут, не пытаясь бежать.

— Связать! Связать! — снова завопил птицеголовый.

Тут я вдруг успокоился. Я вспомнил, кто такой Петрович.

— Пускай они тебя свяжут,— сказал я Петровичу и добавил на русском, которого здесь никто не знал: — Информируй меня обо всем.

Стража накинулась на робота, скручивая его заранее припасенными веревками. Судья снова рассыпался в ехидных извинениях и удалился впереди своего войска, конвоировавшего невозмутимого Петровича.

Некоторое время все молчали. Потом раздались возмущенные возгласы.

— Успокойтесь, друзья! — сказал я.— От нас только и ждут, чтобы мы нарушили какой-нибудь закон. Прошу вас, никакого негодования! Меня больше беспокоит другое. Никто, кроме Ганелоны, не знал, где я буду, и тем не менее Рюдель нас нашел.

Зазуммерил мой браслет. Я торопливо включил связь и услышал голос Петровича.

— Мне связывают ноги,— докладывал он невозмутимо, как всегда.

— Они что, собираются тебя нести? — удивился я.

— Не думаю. По-моему, меня хотят утопить. Мы находимся на самом берегу реки. Да, ко мне привязывают камень.

Разговор шел по внутреннему устройству робота, не имеющему акустического канала, и не был слышен для окружавших Петровича людей.

— Меня сталкивают в воду,— докладывал Петрович.— Вот столкнули. Иду ко дну. Глубина метра три.

— Ты сможешь выбраться? — спросил я обеспокоенно.

— Конечно. Руки я уже освободил.

— Подожди минут пять, пока они уйдут, и возвращайся ко мне,— распорядился я.— Ты мне будешь нужен.

Вскоре Петрович уже входил в комнату. Вода так и текла с него, но он казался очень довольным.

— Судья задумал что-то еще,— сообщил он.— Я немного проследил за ним. Он ожидает, когда вы уснете.

Я вспомнил про взрыв в конюшне, и мне стало тревожно.

— Всем надо немедленно уходить!

Петрович сходил в конюшню за Закатом, и мы ушли подальше в лес. Я завернулся в одеяло и лег под кустом. Петрович стоял рядом и сторожил. Ему было все равно — сидеть, стоять или лежать. Небо уже начинало светлеть, одна за другой гасли звезды. Вскоре я уснул. Больше меня никто не тревожил.

Глава 17. Человек против автомата

Зеленое солнце Изумрудной уже поднялось над вершинами деревьев, когда я открыл глаза. Капельки росы на траве перед моим лицом зажглись зелеными огоньками. Десятиногая букашка неторопливо карабкалась вверх по травинке, покачивая длинными спиральными усиками. Невдалеке слышалось фырканье коня. В шаге от меня стоял Петрович — смотрел на утро всеми четырьмя глазами, впитывал информацию и стерег мой сон.

Пробуждение было быстрым и ясным. Прыжком поднимаясь на ноги, я уже чувствовал, как во всем теле играет нерастраченная сила. Впереди меня ждали бой, успех, слава, любовь и бесконечно долгая удивительная жизнь. От всего этого меня отделяло только копье Рюделя. Но если бы все копья Вселенной преграждали сегодня мой путь, утро не показалось бы мне менее прекрасным.

— Здравствуй, Петрович! — закричал я от избытка чувств.— Ну как — свалим мы сегодня Рюделя?

Петрович был машина точная. Он ответил мне, что вдвоем мы Рюделя, безусловно, свалим, но по правилам я должен сделать это один. Еще он сказал, что недавно в той стороне, где оставался покинутый нами дом, поднялось большое зарево, как от пожара, что со спутника мне пожелали успеха, но будить не велели и что сигналов, которые он постоянно засекал в эфире, сегодня совсем нет.

— А вчера вечером впервые прошло пять сигналов подряд,— добавил он для полноты сообщений.

Но меня не интересовали сигналы из радиохрама. Бой, бой, бой — вот чем были полны мои мысли.

На Ристалище мы прибыли задолго до начала схваток, чтобы я смог без помех размяться. Фей и его товарищи ожидали меня.

— Ты был прав,— тихо сказал мне Фей.— По дороге сюда я прошел мимо нашего дома. Его уже нет — он сгорел дотла.

— Мы и это припомним судье,— пообещал я.

Я был сыт по горло взрывами, поджогами и отравлениями, поэтому решил не приближаться к отведенным мне помещениям, где меня мог ожидать очередной рюделевский сюрприз. Я распорядился сложить все свои доспехи не в раздевалке, а прямо на краю поля, на виду у всех. После этого я с Петровичем направился к трибунам, на которых уже начали собираться наиболее нетерпеливые зрители.

Под трибунами было сыро и сумрачно. Сверху раздавались шаги, через щели сыпался мусор. Я встал возле входа в судейскую ложу и вдруг заметил бравого ресторатора, который спешил куда-то с озабоченным видом. Увидев меня, дядюшка

Теодор смутнлся, глаза его забегалн, и он постарался прошмыгнуть мимо. Но я ухватил его за плащ н остановил.

— Ты пришел посмотреть, как я выполню свое обещание?— спросил я ласково, продолжая держать его за полу плаща.— Теперь уже недолго ждать. Да, кстати, я все хочу тебя спросить: где ты раздобыл такого великолепного коня?

Дядюшка Теодор, красный как рак, молча тянул плащ.

— Почему ты молчишь? Ведь я могу подумать, что он добыт нечестным путем.

Побагровевший ресторатор все дергал свое одеяние, губы его шевелились, но издаваемые им звуки были абсолютно бессвязными.

— Ба, что я вижу! Да у тебя под плащом целый арсенал! А мне казалось, что сюда могут приходить с оружием только кавалеры. Как я ошибался! Надо будет рассказать стражникам о своем заблуждении. Что? Ты не хочешь?

Тут дядюшка Теодор так рванул плащ, что тот затрещал. Тогда я разжал кулак.

— Я пошутил. Иди занимай хорошее место. Только послушайся моего совета: забудь про свои игрушки.— Я кивком показал, что имею в виду.

— Можно, я тоже скажу несколько слов? — прорезался наконец голос у ресторатора.— Будь на месте благородного кавалера кто-то другой, мы бы прирезали его так, что он и пикнуть не успел. Так что пусть кавалер идет своей дорогой.

— А могу я узнать, почему для меня делается такое исключение?

— Кавалер должен сперва свалить кавалера Рюделя...

Теодор поплотнее запахнул плащ и исчез, оставив меня раздумывать над его многообещающим «сперва»...

Через несколько минут я заметил автомобиль птицеголового судьи, волочивший за собой хвост дыма, и приказал Петровичу отойти в сторону.

Судья лихо подскочил на своем драндулете ко входу и важно вышел из машины. Меня он заметил только у самой двери и перепугался так, что на него было противно смотреть.

— Я приветствую кавалера...— пролепетал он.— Сейчас ему предстоит важный бой...

Я схватил его за грудь и трахнул спиной о стену.

— Что... Что это значит? — захныкал он.— Как... Как вы смеете?

Я съездил ему по роже и с удовольствием отметил, как начала опухать и вторая его скула.

— А ну заткнись! — рявкнул я как можно свирепей.

Когда бабушка говорила мне, что грубость и наглость могут оказаться здесь более действенным оружием, чем ум и логика, я

не хотел ей верить. Но птицеголовый понимал только такой язык — язык силы.

— Ты сдержал слово? Где сейчас мой слуга?

— А... э...— заблеял судья.— Он... это... жив-здоров...

— Я сам знаю, что он жив-здоров. Я спрашиваю: ты сдержал слово? Петрович, сюда!

При виде Петровича глаза у судьи вылезли из орбит и отвалилась челюсть. Я покрепче прихватил его за плащ и приподнял. Он заскоблил ногами по стене и разинул было рот, но я показал ему кулак, и он умолк.

— Теперь я знаю, что ты не только судья, но и палач. Неправедный судья и никудышный палач. Но ты больше не будешь судьей — я это тебе обещаю. Ты не умеешь держать слово.

Я повернулся к Петровичу.

— Судье больше не понадобится автомобиль. Это излишняя роскошь — такому подонку ездить в автомобиле.

Петрович понял меня с полуслова. Он чуть повернулся к машине — раздалось шипение, над автомобилем встало белое облако дыма, и он развалился на две аккуратные половинки. Еще белее, чем дым, стало лицо судьи. От страха он начал громко икать.

— До конца схваток я разрешаю тебе оставаться судьей,— сказал я.— А после боя я подумаю, что мне с тобой делать.

Птицеголовый был перепуган насмерть, и все же я заметил, как в его глазах промелькнул злобный огонек. Я решил не оставлять ему ни малейшей надежды.

— А если я не выиграю бой... Тогда мой слуга, который нынешней ночью очень тебя полюбил, сделает с тобой то же, что и с автомобилем.

Я приказал Петровичу отвести судью в ложу и не выпускать оттуда ни под каким предлогом.

— И пусть он прикажет своей страже убраться из судейской ложи. А не послушается — изруби их, как капусту.

Я решительно отдавал кровожадные приказы, а Петрович послушно кивал. Я знал, что он никого и пальцем не тронет, но судья об этом не догадывался и принимал все за чистую монету.

— Надеюсь, что сегодня больше не будет никаких неожиданностей? Ни взрывов, ни пожаров? — Тут я провел пальцем по рукаву судьи.— Это что? На твоей одежде копоть? Не из дворцовой ли конюшни? А может быть, из нашего дома?

Судья дернулся, словно его ударили, и мне стало ясно, что мои подозрения справедливы.

— Да, вот еще...— Я вынул из кармана два снимка и сунул судье в нос.— Вот тут Рюдель и ты с каким-то аппаратом. Если я увижу эту штуку хоть раз...— Я задумчиво посмотрел на остатки автомобиля.— А сейчас иди. И суди праведно. Это твой

единственный шанс. Петрович, от судьи ни шагу, даже если тебе будет приказывать сама Ганелона!

Петрович подхватил обмякшего судью и поволок его в судейскую ложу.

«В какое же болото ты попал, Алексей,— думал я, направляясь к своим друзьям.— Бабушка права: здесь могут отравить, ударить ножом в спину... О честном рыцарском бое никто и не помышляет. Хорошо, что остался последний поединок».

Но я ошибся — глашатаи объявили бой с неизвестным мне кавалером.

Это был какой-то обман: я знал, что все Соискатели, кроме Рюделя, уже выбыли из борьбы. Видимо, кавалеры срочно мобилизовали еще одного претендента. Вряд ли это был сильный боец — все свои резервы Рюдель уже бросил в бой против меня. Ну что же, свалю еще одного — только и всего.

Я надел броню и уже собирался сесть на коня, когда увидел бегущую от трибуны девушку. Это была Леннада.

— Принцесса желает успеха кавалеру Алексею,— сказала она. Ее щеки раскраснелись от бега, а большие глаза под густыми дугами бровей были так печальны, что у меня защемило сердце.

— Спасибо, Леннада,— сказал я как можно ласковей. Эта девушка нравилась мне все больше и больше.— А каким будет твое пожелание?

Она отпрыгнула от меня, как разъяренная кошка.

— Чтоб твой конь сломал ногу на первом же шагу! Чтоб твои руки ослабели и не могли удержать копья! Чтоб солнце ослепило тебе глаза, чтоб пыль задушила тебя! Пусть твое сердце станет трусливым, как у зайца, пусть лопнет подпруга у коня и отлетят подковы!

— Не слишком ли много пожеланий сразу? — засмеялся я.

Но девушка вдруг расплакалась и села на траву, закрыв лицо руками.

— Пора, Алексей,— сказал мне Фей, показывая на Ристалище, в противоположном конце которого уже показался мой противник.

Я сел на коня. Юлик протянул мне боевые перчатки.

Раздался сигнал к бою. Я опустил забрало, взял щит и копье.

Мой противник уже скакал навстречу. С первого взгляда я понял, что всадник он не из лучших. Он сидел на лошади растопырив ноги и неуклюже подпрыгивал в седле. Так скакать мог только новичок, впервые в жизни севший на коня.

Закат шел идеально ровным галопом, и я уже нацелил копье в щит противника, но состояние полного сосредоточения, которое всегда приходит ко мне во время атаки, никак не наступало.

Меня беспокоил какой-то пустяк, какое-то полузабытое случайное воспоминание. Расстояние между мной и противником все уменьшалось, а я никак не мог поймать ускользающую мысль. Нас разделяло уже полсотни метров, сорок, тридцать. Что я должен вспомнить — вспомнить сейчас, пока мы еще не сошлись на длину копья?

И я вспомнил. До соперника было всего метров двадцать, и скакать оставалось почти секунду, когда я понял, что именно так, с нелепой уверенностью механизма, скакал на коне Петрович, когда я однажды решил испробовать его в верховой езде.

Против меня выступал не человек, а автомат — робот класса один, похищенный Рюделем с Земли.

Автомат против человека — это было вопиющим нарушением устава конных поединков, но нас разделяла всего секунда, и за это время мне следовало все продумать и решить.

Секунда — огромное время для спортсменов. У себя на Земле мы измеряем свои результаты с точностью до тысячных долей секунды. Но все же секунда — очень короткий отрезок времени. Ее не хватит, чтобы прервать бой, подать протест, дисквалифицировать бойца. За секунду можно только выиграть бой. Или проиграть его.

Я хорошо знал, что такое робот класса один. Мне противостоял неуязвимый механизм с терилаксовым корпусом, весящий почти двести килограммов, абсолютно нечувствительный к моим ударам. Очевидно, для этого Рюдель и вывез его с Земли, чтобы поручить ему выбить меня из седла в веселой рыцарской забаве. Наверно, он скрывал от всех свое тайное оружие, и даже ближайшие помощники могли не знать, что по его приказу сейчас отстаивает свои права на принцессу не человек, а механизм...

Такое не сошло бы даже Рюделю. Поэтому — я был убежден в этом — он проверил в бою робота сам, без свидетелей. Усадил на коня, дал щит и велел скакать навстречу. Безрезультатно сломал об него десяток копий и, вероятно, остался доволен. Чтобы не рисковать (поскольку с психикой роботов на Изумрудной незнакомы), копья ему в руки во время проверки Рюдель, скорее всего, не давал. Или давал, но приказал — на всякий случай — промахнуться. Поэтому Рюдель так и не узнал того, что на Земле знает каждый ребенок: что ни один робот не способен ударить человека.

Роботы класса ноль были сверхинструментом и сверхоружием человека, но и они подчинялись Первому Закону. Цепи Первого Закона были заблокированы у Петровича по разрешению Службы безопасности — эта точнейшая и трудоемкая операция осуществлялась в одной-единственной лаборатории на планете. У роботов же всех остальных классов заблокировать цепи Первого Закона было принципиально невозможно.

До моего противника оставалось уже не двадцать, а девятнадцать метров, когда я понял, как следует поступить. Копье робота плотно лежало на опорном крюке, уставленное мне в лицо. Но я знал, что робот не ударит.

Все случилось так, как я и думал. За миг до встречи наконечник его копья чуть приподнялся и мелькнул где-то возле плюмажа. Я ударил точно и сильно — у коней был отличный ход, и от удара мое копье сломалось, но робот даже не качнулся. И я знал, что могу бить его так хоть сутки, пока не сломаю все свои копья или пока вместе с конем не упаду от усталости.

Я повернул Заката, чтобы взять новое копье.

— Прими-ка щит,— сказал я Фею. Он встревоженно глядел на меня. Я поднял забрало и подмигнул ему. Мне требовалось освободить руку, и щит только мешал мне.

Блок-кольцо я носил на левой руке, и переодевать его было некогда. Я просто взял копье в левую руку, заранее стряхнув боевые перчатки. Мне было все равно, какой рукой биться,— недаром я был обоеручный боец, единственный в Содружестве.

Я включил блок-кольцо за секунду до столкновения. Эта секунда была необходима, чтобы обездвиженный импульсом кольца робот начал терять равновесие. Мой расчет оказался безупречным. Двух прыжков лошади вполне хватило — я увидел, что робот заваливается назад и набок, поднимая копье. Мой удар ускорил падение. Оглядываясь, я видел, как робот неуклюже валится на круп, задирая ноги, как грохается в пыль, обрывая стремена.

Публика взвыла от восторга. «А-лек-сей! А-лек-сей!» — хором выкрикивали с трибун. Разгоряченный конь подо мной плясал, изгибая гоголем шею. Я поднял его на дыбы напротив королевской ложи и тут почувствовал, что он падает.

Мне удалось вовремя спрыгнуть. Закат завалился набок, его ноги дернулись несколько раз и замерли. Большой остекленевший глаз неподвижно глянул на меня.

Соскакивая с Заката, я уже знал, что он мертв. Как и чем его убили, меня не интересовало. Важно было одно: Рюдель нанес новый удар, и удар оказался решающим.

На мгновение у меня мелькнула мысль воспользоваться лошадью, на которой скакал робот. Я огляделся. Увы, поздно! Какие-то дюжие молодцы из рюделевской шайки уже уводили ее в конюшню.

Я стащил с себя шлем, поклонился королевской ложе и швырнул копье. Оно упало на изрытую копытами траву. Я повернулся и пошел прочь, потому что делать на этой планете мне было нечего.

Еще никто из тысяч собравшихся здесь людей не знал, что это конец — никто, кроме Рюделя, ликовавшего где-то в своем

укрытии, да еще моих верных друзей, кучкой столпившихся на краю Ристалища. Я подошел к ним и стал развязывать ремешки панциря. Шлем, наплечники, наручи, кираса, наколенники падали в пыль, издавая жалобное звяканье.

Юлик сидел на траве и горько плакал. Фей осторожно положил мне руку на плечо. Его товарищи хмуро смотрели в землю — видимо, они считали, что виноваты в смерти коня. Бесновавшиеся трибуны постепенно замолкли, и тогда я услышал в вышине знакомую тонкую ноту.

Несколькими секундами позже этот звук услышали все. Словно вздох пронесся в воздухе, и тысячи лиц обратились к зениту, откуда, источая звон гравидвигателей, на окраину Ристалища спускался десантный «Гриф».

Глава 18. Человек против автомата (Окончание)

Первой по широкому трапу из корабля вышла моя бабушка, сопровождаемая несколькими рослыми мужчинами.

— Бабуся, милая! — кричал я, подбегая к ней.— Дай я тебя расцелую!

Я схватил ее в охапку и закружил на глазах у изумленных зрителей.

— Да отпусти меня, медведь!— отбивалась она.— Совсем ведь задушил. Лучше поздоровайся с девушкой.

За спинами бабушкиной свиты я увидел смущенное и очень хорошенькое личико. Это была Виола. Она улыбнулась мне и покраснела.

— Как твои дела, Аника-воин? — спросила бабуся.— Скоро бой с Рюделем?

— Не будет никакого боя.— Я взглянул на бездыханную тушу среди Ристалища, и радость сразу схлынула.— У меня убили коня.

— И только-то? — Бабушка весело рассмеялась.— Нашел о чем печалиться! А ну-ка, внучек, оглянись!

Я посмотрел на трап, куда она показала, и мне захотелось от радости встать на голову, потому что из трюма выводили под уздцы моего Баязета!

— Как тебе нравится мой сюрприз? — спросила бабушка.— Скажи спасибо монтажникам Космостроя: чтобы привезти тебе эту кобылу, они трое суток без сна и отдыха собирали на орбите новую ВП-кабину.

— Бабушка, Баязет не кобыла,— не удержался я от комментария.— Но все равно всем спасибо!

Я еще раз расцеловал бабусю, потом Виолу и хотел уже

облобызать остальных, но тут заметил, что это были не люди. Вся свита бабушки состояла из роботов класса ноль — родных братьев Петровича. Это открытие несколько отрезвило меня.

— А как тебя сюда пустили? — спросил я.— Насколько мне известно, въезд на Изумрудную запрещен.

Бабушка насмешливо фыркнула:

— Хотела бы я посмотреть, как твоя Ганелона отказала бы в разрешении Генеральному комиссару Службы безопасности.

— Кому? — я не поверил своим ушам.— Ты — комиссар Службы безопас...?

Наверно, у меня был очень глупый вид.

— А вот и хозяева мчатся,— сказала бабушка, и голос ее сразу стал жестким.— Всем — внимание! Действовать по инструкции!

Кучка вооруженных стражников, рысью спешивших к кораблю, ничуть не напоминала почтительных таможенников. Появление «Грифа» было для Рюделя неожиданностью, и он, очевидно, послал сюда всех, кто оказался под рукой, дав им задание выдворить незваных гостей любым способом.

Роботы выступили вперед, заслонив нас собою. Стражников было человек тридцать, а роботов только восемь, но я знал, что они могут справиться с сотнями людей, даже не пуская в ход оружия, поэтому с интересом смотрел на бегущих. По мере приближения прыти у них поубавилось, и плотная вначале группа постепенно растянулась. На последних метрах впереди оказался лишь один стражник, наиболее ретивый и самый здоровенный из всех. Ума у него, очевидно, было кот наплакал, иначе он не стал бы бросаться с мечом на гостей с другой планеты. Но поднятый меч развалился пополам, а сам стражник упал на землю с выпученными глазами, судорожно хватая ртом воздух. Это зрелище мигом отрезвило остальных. Они остановились в почтительном отдалении и вступили в переговоры. Поверженный стражник потихоньку уполз к своим. Тогда вперед бесстрашно выступила секретарь Звездного совета Виола Ириния Миллер и предъявила все полномочия и разрешения — подписанное принцессой Ганелоной и скрепленное государственной печатью дозволение Генеральному комиссару Службы безопасности Содружества и любому числу сопровождающих ее лиц и механизмов в любой удобный для нее момент посетить планету Изумрудную без какого-либо дополнительного уведомления, с правом высадиться в любом удобном для нее месте и оставаться на планете сколь угодно долго, а также передвигаться по ней или над ней в любой район Изумрудной любым видом транспорта. Этим же документом всем официальным лицам и населению планеты предписывалось оказывать бабусе и всем сопровождающим ее лицам и механизмам полное и максимальное со-

действие... Разрумянившаяся Виола читала все это звонким голосом, изредка оглядываясь на нас, роботы неподвижно стояли шеренгой, сложив ладони перед собой так, чтобы их начиненные сюрпризами пальцы были обращены к стражникам, а бабуся мило улыбалась, наклонив голову, и с интересом слушала Виолу, словно все это было ей в новинку и не она сама сочинила вместе с Ганелоной этот документ.

Потом стражники долго рассматривали подпись и печать, трогали и чуть ли не нюхали. Но придраться было не к чему, да и обломки меча, валявшиеся в траве, не вдохновляли их на активные действия. Ворча, они отступили.

Я вел Баязета, поглаживая его по гладкой, теплой шее, и рассказывал бабушке и Виоле про воинственного ресторатора и задуманную им резню. Баязет тыкался мне в щеку носом, хватал губами за ухо — дурачился от радости. Фей и остальные по-прежнему стояли кучкой в стороне от трибун. Я познакомил всех с бабушкой и Виолой. Представляя друг другу Виолу и Леннаду, я в самый последний момент сообразил, что сейчас произойдет вспышка. Но все обошлось — воспитанные девушки метнули друг в друга по испепеляющему взгляду, мило улыбнулись, и Виола о чем-то защебетала с Феем. Всегда спокойный и выдержанный диспетчер заметно оживился и беседовал с новой знакомой с несвойственным ему возбуждением. Но мне было не до психоанализа. Стражники уже сообщили кому надо о законности появления гостей, поле было очищено, и герольды возвестили о последнем, решительном благородном поединке за прекрасную принцессу — поединке кавалера Рюделя (громкий рев трибун) и кавалера Алексея (еще более громкий рев).

Пора было готовиться к бою. Я нагнулся и поднял свою кирасу. Сердце у меня упало — все ремни на ней были перерезаны! А без ремней она не будет держаться на теле, и пользы от нее не больше, чем от решета. В отчаянии я перебирал свои защитные принадлежности — на них не осталось ни одного целого ремешка!

— Кто?.. — только и смог я выдавить из себя. Я очень добрый человек, но сейчас был готов зарубить предателя, совершившего это подлое дело. Герольды уже вызывали Соискателей на поле, а я стоял над грудой бесполезного железа, обводя всех яростным взглядом.— Кто?

На том конце Ристалища на поле выехал мой грозный соперник — непобедимый кавалер Рюдель, и герольды под нарастающий рев трибун провозглашали его имя, перечисляя многочисленные победы. Победа над кавалером А (кавалер убит). Победа над кавалером Б (кавалер убит). Победа над могучим, непобедимым кавалером В (кавалер убит)... Это была психи-

ческая атака, направленная против меня, и все, что выкрикивали герольды, было правдой.

Виола смотрела на меня перепуганно, Фей отвел глаза в сторону, Юлик стоял потупившись. Герольды вызывали меня, а я с яростью и отчаянием глядел в радостные глаза Леннады.

— Это я сделала,— сказала она спокойно.— Теперь кавалер останется живым, и мне не придется плакать над его могилой...

— Ты... тебя подослал Рюдель? — прошептал я, бессильно опуская руки.

— Меня никто не подсылал! — Девушка гордо выпрямилась.— Кавалер прекрасно это знает!

Да, я знал это. Но что делать, что делать? Скакать так, без брони? Не допустят, остановят. Рюдель первый отвернет в сторону, был бы предлог. Кавалер без брони — не кавалер, а самозванец. Без брони не сражаются, как не ходят в гости нагишом у нас на Земле.

На Земле? Нет, не годится. До нее по ВП-линии доля секунды, но надо подняться на орбиту — на любом ускорении это двадцать минут, да стыковка...

Сумасшедшая, радостная мысль сверкнула в моем мозгу. Уже через секунду я взлетел на Баязета и послал его в бешеный галоп к «Грифу», вызывая корабль через браслет. Мне нужен был скафандр — космический скафандр аварийного комплекта, обязательный на каждом корабле!

До корабля было метров двести, и через какую-то минуту я уже скакал обратно, размахивая свертком. Я швырнул его на траву, скафандр развернулся.

— Ты сошел с ума! — сказала бабушка, разглядывая меня.

— Да, я сошел с ума! — ответил я.

Все было решено, и ко мне пришло упоительное лихорадочное спокойствие, обостряющее чувства, возбуждающее разум, заставляющее мышцы звенеть, как струны. У меня было копье и был щит — локтевую петлю с него Леннада срезала, но осталась стальная скоба для кисти,— на мне сверкал металлизированной тканью скафандр, подо мной плясал мой любимый, лучший во всей Вселенной боевой конь! Конечно, космический шлем не выдержит удара копья, а любой удар по телу проткнет меня насквозь, но я не позволю Рюделю бить себя — увернусь, отобью удар щитом!

— Возьми меч,— сказала бабушка.— Видишь, Рюдель тоже с мечом. Я привезла тебе Эскалибур.

Я опоясался мечом, нагнулся и чмокнул бабушку. Она поцеловала меня в лоб.

— Ну, ни пуха...

— К черту, к черту,— бормотнул я.— Скажи, а роботы не помешают?

— Эти роботы,— с ударением на первом слове ответила бабушка,— не помешают.

— Ты мне обещала сказать еще что-то. По-моему, про Рюделя. Никак не могу вспомнить.

— Я знаю,— сказала бабушка.— Ты спрашивал, что за прибор он вывез. Я узнала. Ничего особенного. Обыкновенный коммутатор.

— Что, что? — переспросил я.

— Электронный коммутатор на полмиллиона абонентов.

— Ты заметила, он очень интересуется радиоделом? Давай сделаем его начальником АТС,— сказал я, принимая копье и щит.

Герольды прокричали в последний раз, я повернул Баязета к полю и наконец-то смог рассмотреть Рюделя.

Это был крупный мужчина, широкий в плечах, явно превосходивший меня ростом и весом. Он был закован в черную вороненую броню, украшенную золотыми узорами, статный, красивый и грозный. Этого всадника можно было бы назвать прекрасным, если бы не чудовищно огромный конь, на котором он сидел. Я даже не подозревал, что лошадь может достигать таких размеров. Конь весил, пожалуй, не меньше тонны. Если у него еще и достаточная скорость, то удар Рюделя будет страшен.

Над полем наступила тишина. Два смертельных врага сошлись лицом к лицу.

Наверно, это понимали все — Ганелона в занавешенной королевской ложе, Фей со своими друзьями, бабушка, Леннада, Виола, бравый ресторатор, прячущий под плащом наточенный мясницкий арсенал, его решительные дружки, побежденные мной расстроенные неудачники-кавалеры, бабушкины роботы, что выстроились цепью — лицом к зрителям — между полем и трибунами, оберегая меня от неожиданностей... Сошлись два врага, сошлись два мира. За мной была коммунистическая Земля и все планеты Содружества, за Рюделем — последыши отвергнутого народами Земли строя. Мир непобедимый и мир обреченный.

В горле, как всегда, пересохло. Я перехватил поудобнее копье и послал Баязета в галоп.

Рюдель уже несся мне навстречу. Я был поражен: его конь, несмотря на гигантскую массу, летел вперед как ветер.

Еще при первом взгляде на своего противника я разглядел очень высокую спинку седла, помогающую удержаться при ударе, и чрезмерно широкие, похожие на трубы предножья — упираясь в них голенями, всадник сидит на лошади как влитой. Такие широкие предножья были запрещены правилами, как и огромные, загнутые наружу, остро отточенные шпоры. Стоит

чуть оттопырить пятку, и бок лошади соперника будет распорот, точно бритвой. Но я предвидел подобные сюрпризы и был готов к ним.

Меня потрясло другое. Я вдруг увидел, как концом уставленного на меня копья Рюдель прочертил в воздухе невидимую спираль.

Это было невозможно, невероятно, но я не мог ошибиться. В руках у Рюделя было Волшебное копье!

Во Вселенной существовал только один экспериментальный образец этого оружия, и я был уверен, что он хранится сейчас на Земле, в моем шкафу с копьями, куда его собственноручно поставил Павел Гусев после боя с рыцарем Леопарда.

Но сейчас не было смысла гадать, какими путями мое оружие оказалось здесь, на Изумрудной. Надо было решать, что делать, и решать быстро, потому что на острие рюделевского копья ко мне неслась моя смерть, и я знал, что нет на свете силы, которая могла бы предотвратить его удар.

Волшебное копье было создано для конного боя и имело своим назначением встречу с целью — шлемом или щитом соперника. Это свое предназначение оно выполняло с высочайшей точностью. Все соперники Рюделя пали мертвыми от удара в голову — сейчас я вспомнил это, и жутковатый холодок сдавил мне живот. Я уже понял, каким видел бой мой соперник. Вслепую боя у Рюделя не выиграть — он был слишком серьезный боец, чтобы я мог надеяться на успех случайного удара. Но стоит мне на мгновение выглянуть из-за щита — и мой шлем разлетится вдребезги. Волшебное копье не промахивается. И оно не знает, что металлические шлемы кавалеров не рассчитаны на его удар.

Мой круглый космический шлем, наверно, не уступал в прочности здешним стальным бургиньотам, но он не был намертво привинчен к тяжелой кирасе, как положено рыцарским шлемам, а свободно лежал у меня на плечах, и я знал, что удар Рюделя просто переломит мне шею. Я вдруг отчетливо понял это, но совершенно не испугался.

Наверно, в мире существовали какие-то звуки — крики на трибунах, свист ветра, удары копыт. В этот момент их не стало. В абсолютной беззвучности я сближался с Рюделем. Было такое ощущение, что лошади несутся уже за звуковым барьером. Копье Рюделя смотрело прямо мне в глаза. Оно не лежало на крюке — как и у меня, опорные крюки его панциря были спилены, чтобы не мешать копью прицеливаться.

И тут я понял, что Рюдель проиграл.

Не знаю, как назвать такое состояние, не раз приходившее ко мне в моменты наивысшей опасности,— вдохновением, прозрением? Чувства обостряются, в тело вливается неведомая

сила, мозг работает с огромной скоростью, просчитывая десятки вариантов, в долю секунды отбрасывая негодные и каким-то неимоверным, фантастическим путем находя единственно правильный, ведущий к спасению — нет, к победе!

Наша схватка с Рюделем длилась давно. Она началась еще на Земле и продолжалась здесь, на Изумрудной. В этой схватке он ни разу не пользовался честными приемами. Обман, ложь, клевета, предательство, насилие были его оружием. Честный рыцарский поединок он хотел выиграть с помощью подлости, и благородное оружие рыцарей моей планеты — Волшебное копье — превратил в орудие убийства.

Как он ликовал, расправляясь с беспомощными кавалерами! Он бил только в шлем, бил наверняка, и шлемы разлетались, как яичная скорлупа. Копье точно выполняло свою функцию — оно било в шлем, не зная, что здешние шлемы не выдерживают его чудовищного удара.

Оно било в шлем.

В ш л е м, а н е в г о л о в у!

Волшебное копье было задумано и создано добрыми людьми Земли. Это было спортивное оружие, и оно не могло быть негуманным.

На Земле никому и никогда не могла прийти в голову подобная мысль — выйти с копьем против человека без шлема. Но конструктор обязан был предусмотреть это.

Значит, если я сброшу шлем — копье отвернет? А если нет? Ну что же, тогда я, скорее всего, даже не успею ничего почувствовать.

Но нет, такого не может быть. Волшебное копье было земным автоматом, следовательно, добрым автоматом.

Дальномер в моем мозгу работал непрерывно. Расстояние между нами уже невелико, но времени достаточно.

Итак, прежде всего — долой щит. Я разжал кулак, и круглая металлическая тарелка рондаша скользнула куда-то вниз. Хорошо, что Леннада срезала локтевую петлю — это сэкономило мне долю секунды.

Теперь шлем. Как удобно расположены замки! Щелчок, щелчок — чуть наклонив голову, я стаскиваю прозрачный спереди, затененный сзади шар. Страховка не помешает, поэтому еще целых две секунды я держу его чуть впереди лица, чтобы Волшебное копье не потеряло ненароком свою цель. Вперед же, Баязет, вперед! Мой посыл превращает галоп коня в полет. И за мгновение до того, как мы, наконец, сошлись, я отбросил шлем в сторону и увидел, как смотревшее мне в лицо копье метнулось за шлемом, выкручивая и опрокидывая Рюделя.

Через долю секунды мое копье настигло цель.

Гигантская масса наших коней и тел, помноженная на их бе-

шенную, неукротимую скорость, сосредоточилась вся на острие моего копья и обрушилась в центр вороненого рюделевского шлема. Страшный удар потряс меня. Будь ярость нашего столкновения чуть меньше, я, наверное, был бы сброшен с лошади отдачей своего же копья. Но оно словно взорвалось от удара и разлетелось черными брызгами. Перед моими глазами зароились белые галактики, весь мир словно померк на мгновение, но мозг работал, запечатлевая, как в рапидной съемке, медленно переворачивающееся в воздухе тело Рюделя.

Я завернул Баязета и подъехал к поверженному врагу. Шлем с него был сбит моим ударом, и я увидел его лицо — теперь уже не на картине. Рюдель еще не пришел в сознание, его красивое и жестокое лицо было искажено гримасой боли и страха.

Ко мне бежали мои друзья. Обгоняя всех, мчался Юлик, за ним спешили Фей, схвативший за руку Виолу, бабушка и все остальные. Позади бегущих тихо шла одинокая девичья фигурка. Я помахал всем перчаткой, сошел с коня и поклонился королевской ложе. Как быть дальше, я не знал — никто не объяснил мне, что должен делать кавалер, выигравший турнир, принцессу и трон.

В нескольких шагах от меня торчало копье Рюделя, воткнувшееся в какой-то предмет. Я пригляделся — это был мой шлем, расколотый ударом. Волшебное копье все-таки настигло свою цель.

Постепенно начали возникать звуки — чудовищный рев на трибунах, восторженный вопль Юлика, с разбега кинувшегося мне на грудь. Меня целовали, колотили кулаками, жали обе руки сразу. На миг мелькнули полные слез глаза Лениады, потом Фей снова сграбастал меня в объятия.

И тут все оборвалось. Тишина упала на поле мгновенно, и это было так неожиданно, что все мы сразу повернулись к трибунам.

От королевской ложи, протягивая ко мне руки, бежала Тина... Нет, Ганелона.

Обманутое глазами сердце на миг остановилось, чтобы тут же расплескаться упругими толчками. Это была не Тина, это бежала совсем чужая девушка, которая к тому же любила другого.

Бежала принцесса, повелительница планеты, право на руку которой принадлежало теперь мне. Роботы пропустили ее.

Полный ужаса крик Лениады раздался за моей спиной. Я услышал одно только слово «Нет!..», наполненное мучительной болью, и странный, ни на что не похожий звук. Отпрыгивая и выхватывая из ножен меч, я увидел, как оседает на землю

Леннада, цепляясь слабеющими пальцами за плащ Рюделя, как, переступая через преградившую ему путь девушку, он поднимает надо мной обагренный кровью Леннады меч, в припадке ярости хрипя что-то нечленораздельное.

Рюдель был в латах и с мизерикордом в левой руке, а я — в легком тканевом скафандре, но у меня был Эскалибур, и я не привык отступать ни перед кем. Я отразил удар Рюделя встречным ударом, и его разрубленный меч отлетел в сторону. Уже поняв, что все потеряно, он тем не менее метнулся ко мне, чтобы ударить стилетом, но я опередил его. Я все еще не хотел его убивать и ударил по голове плашмя. Он закрылся бронированной рукой, и это помогло ему устоять, но второй и третий удары свалили его наземь.

— Помогите Леннаде! — закричал я.— Есть тут врач? Где роботы? Где Петрович?

И тут я вспомнил про блок-кольцо. Обездвиживая кавалера робота, я обездвижил и Петровича!

Мгновенно я переключил кольцо. Подбежали бабушкины телохранители.

— Бабушка, ее надо на Землю! Может быть, ее спасут!

Роботы уже заклеивали страшную сквозную рану девушки, делали ей уколы. Подбежавший Петрович стоял рядом, что-то толкуя мне о сбежавшем судье, но я не слушал его. В тот момент, когда один из роботов поднял Леннаду, чтобы нести к «Грифу», Петрович сказал мне, что Рюдель очнулся.

Я подошел к нему. Он чуть приподнялся на локте и судорожно шарил пальцами по завязкам панциря — видимо, хотел освободиться от брони. Кожа на голове была рассечена моими ударами, и лицо заливала кровь, но он засмеялся.

— Ты победил, рыцарь Черной башни, кавалер Алексей Северцев,— сказал он, и лицо его исказила гримаса.— Жаль, я не смог прикончить тебя. Если бы не эта девчонка... Я был уверен, что она заодно со мной.

Ему наконец удалось развязать ремешки кирасы. Я глядел на движения его пальцев, еще не понимая, что все события этого бурного дня — ничто по сравнению с ужасом, который настигнет планету через несколько секунд.

— Можешь править, Алексей! — закричал он. Его рука скользнула под броню.— Король Алексей, повелитель планеты мертвецов! Ха-ха-ха!

Его смех был страшен и отвратителен. Как я жалел потом, что не зарубил его в этот момент!

Резким движением он вырвал руку из-под кирасы, и я увидел в его кулаке небольшую коробочку, из которой выскочила и развернулась крестообразная антенна.

— Пусть все умрут! Все! Все-е-е! — страшно закричал он.

Невероятное подозрение шевельнулось во мне. Но оно было настолько чудовищно, что понадобилось несколько мгновений, чтобы человеческий разум осмыслил его, а этих мгновений у меня уже не было.

— Пошли сигналы,— сказал Петрович.— Примерно сто сигналов в секунду...

И в этот момент последняя тайна Изумрудной открылась мне. За кратчайший миг я вспомнил и сопоставил все: гибель Летура в черноморских волнах, бесшумную смерть водителей поезда смерти, пять сигналов подряд вчера и смерть пяти придворных, охранявших конюшню, наконец, привезенный Рюделем коммутатор...

— Какой пеленг, Петрович? — закричал я.— Это Крест! Ты помнишь его? Это он!

— Пеленг указывает на Крест.— Петрович еще ничего не понимал.— Точность в пределах ошибки...

— Петрович, сруби Крест! — Я кричал, как только мог, потому что коса смерти уже замахнулась над трибунами, над городом, над всем полумиллионным населением Изумрудной, и с проклятого рюделевского коммутатора шло по сотне смертоносных импульсов в секунду.— Крест — это смерть! Сруби его! Всем роботам — огонь по Кресту!

Холм, на котором располагался радиохрам, был хорошо виден отсюда. Роботы ударили по нему все разом. Я увидел, как падают деревья на вершине холма, открывая сверкающее перекрестье антенны, увидел, как она рухнула, а секунду спустя большой клуб дыма взметнулся на ее месте, и до нас донесся грохот взрыва.

— Сигналы исчезли,— сказал Петрович.

Я огляделся. На трибунах царила паника — десятки, может быть, сотни мгновенно погибших заставили разбегаться остальных.

— Ты снова проиграл, Рюдель,— сказал я, нагибаясь над поверженным врагом.— Люди Изумрудной больше никогда не будут умирать раньше времени. Но за твою жизнь я не ручаюсь.

— И все-таки ты не будешь королем,— прохрипел он.

Его пальцы стискивали рукоятку мизерикорда, и он поднес лезвие к горлу. Но я не мог позволить ему умереть так легко. Ударом ноги я выбил у него стилет и приказал роботам стеречь Рюделя.

Опустевшие трибуны были усеяны телами тех, кого успел скосить Крест. На «Грифе» поднялся трап и захлопнулся люк. Бледная, но решительная бабушка отдавала какие-то распоряжения на спутник невидимому Ивану. Вздрагивала, прижимаясь к Фею, Виола. И я никак не мог понять, кого же здесь не хватает.

Бабушка поняла это раньше меня. Она взяла меня за руку и повернула лицом к трибунам.

Я шагнул вперед, еще не веря, что случилось непоправимое. Но на этот раз Рюдель сказал правду.

В нескольких метрах от меня, устремив в изумрудное небо навсегда остановившиеся глаза, лежала Ганелона.

Нет, Тина.

Глава 19. Обещание долгой жизни

Мне трудно рассказывать о событиях, происходивших на Изумрудной в последующие дни,— я не был их свидетелем. Смерть любимой девушки настолько потрясла меня, что я не смог оставаться на этой планете, где буквально все напоминало мне о ней.

Снова и снова повторял я в памяти каждое движение финального боя, когда жизнь и смерть Рюделя были в моих руках, укоряя себя за то, что не зарубил этого выродка. На глазах у тысяч людей он пытался прикончить меня ударом в спину, а я пожалел его и не убил, как собаку, а в результате погибли Тина и еще тысячи людей.

Ах, как он рвался к абсолютной власти, этот красавец без совести и принципов! С помощью Креста он мог тайно убить любого жителя планеты, и все чаще пользовался своей адской установкой. Так он убил придворных, охранявших конюшню, убил Илию и многих других. Но убийство нажатием кнопки не доставляло ему удовольствия. Убить человека собственными руками, на глазах у всех, вызывая всеобщий ужас и восхищение,— вот что было для него истинным наслаждением.

Заполучив каким-то образом Волшебное копье, Рюдель, и без того сильнейший боец на планете, стал непобедим. Неуклюжие, закованные в неудобную броню кавалеры не умели наносить точных ударов на большой скорости. Как бы стремительно ни атаковали они друг друга, в последний момент всадники придерживали коней, и их удары уже не представляли серьезной опасности. Волшебное копье дало Рюделю возможность бить без промаха на полном скаку. Он давал своему чудовищному коню изрядную дозу допинга, и тот мчался как молния. К тому же Волшебное копье было почти на полметра длиннее, чем копья кавалеров, так что Рюдель поражал своих противников, практически не получая ответных ударов.

Рюдель был совершенно уверен, что расправится и со мной. Сомнение закралось в его сердце лишь в самом конце, и он сделал неуклюжую попытку устранить меня. Благодаря предусмотрительности моей бабушки эта попытка не удалась.

Он не мог убить меня с помощью Креста, но мог убить мою лошадь. Подослав мне с помощью дядюшки Теодора великолепного коня, он настолько уверился в успехе, что не старался устранить меня физически.

Разгадав тайну Креста, я понял и все остальное. Мне стало ясно, почему Рюдель так упорно охотился за моими лошадьми. Опасаясь вмешательства Земли, он остерегался трогать меня — ему было достаточно одержать победу в бою. Сев на Заката, я в первой же схватке был обречен на поражение. Меня спасло только то, что, выбравшись из подвала, я не успел послать к Фею за лошадью, был вынужден выступать на Росинанте и вовремя заметил в руках у судьи подозрительный прибор.

Закат должен был погибнуть на скаку, за секунду до столкновения с противником,— именно об этом говорил Рюдель судье, выходя из радиохрама. Кодекс конного боя не знает исключений: боец считается побежденным, если упал на землю. Но я выступил не на Закате, а на Росинанте, а следующий бой судья с помощью Петровича проспал и не смог вовремя нажать кнопку. Тогда-то разгневанный Рюдель украсил скулу недотепы судьи огромным синяком...

В день финала присутствие Петровича не позволило судье воспользоваться излучателем. Но я включил блок-кольцо и этим обездвижил Петровича, а судья, понимая, что Рюдель вторично не простит ему бездействия, все же рискнул достать прибор и убил мою лошадь, после чего сбежал под охрану своих стражников. К счастью, бабушка привезла мне Баязета. А потом заработал Крест.

Очевидно, в глубине души Рюдель все же допускал возможность поражения и принял свои меры. Поняв, что для него все потеряно, он включил Крест дистанционным пускателем. Крест заработал и прежде всего скосил тех, кто служил Рюделю верой и правдой, в том числе и птиценосого судью. Но самой первой его жертвой была Ганелона.

Когда бабушка сказала мне, что Тина и Ганелона — один и тот же человек, я не хотел ей верить. Увы, все оказалось так. Никто из нас не подозревал, насколько сильно может меняться внешность обитателей Изумрудной. Это свойство появилось у беглецов с Земли сразу после обоснования на Изумрудной и, возможно, явилось следствием воздействия факторов космической среды во время многолетних скитаний в межзвездном пространстве. Не у всех оно проявлялось одинаково — у мужчин меньше, у женщин больше, особенно у духовно одаренных, артистических натур; не у всех этих изменения поддавались контролю разума.

У себя на родине Ганелона была надменной, чопорной принцессой. Познакомившись с радостным миром Земли, она стала

иной — такой, какой я привык ее видеть. Но, возвращаясь в жилище принцессы, она вновь становилась горемычной наследницей престола, обреченной в жертву ненавистному Рюделю.

Предпринятое Службой безопасности расследование показало, что среди спутников Рюделя был мужчина очень маленького роста. Он-то и сыграл роль мальчишки в день моего первого визита к Ганелоне. Так Рюдель узнал о моем предстоящем приезде на Изумрудную и принял меры... в том числе заказал коммутатор.

Рюдель хотел уйти из жизни, громко хлопнув дверью. Будь у него атомное оружие, он взорвал бы всю планету. Но последние граммы урана сгорели в реакторах переселенцев сотни лет назад, и ему оставался только Крест.

Волею Рюделя погибли многие его приспешники. Этим не преминули воспользоваться молодцы дядюшки Теодора. Они были неплохо организованы и, кроме ножей и дубинок, имели портативные самодельные огнеметы. Опомнившись от первого шока и убедившись, что потери в их рядах невелики, они захватили телестудию, электростанцию, центральный гараж и основные пищевые предприятия. Дядюшка Теодор выступил по телевидению и провозгласил себя диктатором. Он объявил кавалеров виновниками всех несчастий и призвал вырезать их поголовно. Дружинам Фея пришлось вступать с шайками диктатора в схватки, чтобы спасти ни в чем не повинных кавалеров. Несколько дней бандиты грабили магазины, убивали жителей, насиловали женщин, устраивали погромы, жгли дома. Тогда бабушка послала на помощь рабочим своих роботов, и те быстро подавили сопротивление.

Все эти бурные события происходили без меня. Я улетел на Землю, где врачи вели упорную борьбу за жизнь Леннады.

Ее сердце остановилось в «Грифе» во время причаливания к спутнику. Стыковка обычно занимала минут десять, но пилот сделал невозможное — он состыковал корабль за три с половиной минуты. Еще какие-то секунды ушли на переноску девушки в ВП-кабину, причем все это время роботы не прекращали массаж сердца. Спустя долю секунды она оказалась на Земле. Служба здоровья знала свое дело: комплекс реанимации заработал через тридцать секунд...

К тому времени когда бои на Изумрудной закончились и бабушка произнесла свою знаменитую речь, у медиков появилась надежда, что Леннаде удастся выжить. Но она по-прежнему не приходила в сознание.

Молодчики бравого ресторатора в бессильной ярости разгромили телестудию, поэтому десантные дисколеты Ивана несколько дней прочесывали Изумрудную и везде, где обнаруживали людей, оставляли пластинки земных телеэкранов.

Наверно, это было единственное в истории Изумрудной выступление, которое слушали все жители планеты. По каналу ВП-связи оно транслировалось и на Землю. К этому времени об Изумрудной было известно все.

— Я Генеральный комиссар Службы безопасности планеты Земля и Содружества коммунистических планет,— так иачала бабушка свою речь.— Наше Содружество включает сто сорок три планеты с населением девяносто два миллиарда человек. Я надеюсь, что сто сорок четвертым членом Содружества станет ваша Изумрудная, потому что вы тоже дети Земли...

К тому времени тайные архивы Черного совета были уже изучены, и каждое свое слово бабушка подкрепляла документами. Она рассказала, почему и как бежали с Земли те, кто колонизировал Изумрудную, какие трудности встали на пути переселенцев.

— Теперь уже никогда не узнать, кому первому пришла в голову чудовищная мысль избавляться от стариков, чтобы не тратить на их содержание скудные материальные ресурсы. Мы у себя на Земле любим и бережем своих отцов и матерей, бабушек и дедушек. Так было всегда, и так всегда будет. У всех народов во все века старики пользовались почетом. К ним обращались за советом в трудные дни, из них создавали Советы мудрецов и Советы старейшин. Здесь, на Изумрудной, их лишили права на жизнь.

Вы, конечно, знаете легенды о повальных болезнях, косивших первых переселенцев. Все это ложь, которая понадобилась, чтобы оправдать обязательность предохранительных прививок. Эти прививки делаются у вас всем новорожденным поголовно. Считается, что они спасают детей. Это тоже ложь, чудовищная ложь! Именно эти прививки являются причиной того, что все вы умираете молодыми — мужчины в сорок лет, женщины в тридцать. Или в любой другой срок по усмотрению тех, кто держал в руках вашу жизнь и смерть. Этих людей вы называете слугами Креста.

То, что я говорю, невероятно, и вы мне не верите. Но я докажу свою правоту.

Наверно, ни для кого из вас не секрет, что иногда, очень редко, кое-кто из вас не умирал в положенный срок. Вас приучили верить, что эти люди неугодны Кресту, что они прокляты. Раио или поздно таких людей убивали фанатики. Я открою простой секрет их долголетия. Дело в том, что им по каким-то причинам не были сделаны предохранительные прививки. Сейчас вы познакомитесь с такими людьми.

И тут я увидел на экране Летура и нескольких незнакомых мне старцев.

— Летур родился в лесу, куда его мать сбежала со своим

возлюблеииым от гиева родителей, и провел там детство. Сейчас ему шестьдесят лет. Прнвивка ему ие сделаиа — вы зиаете, что их делают только в одиом месте, в роднльиом доме, а нмеино там работали родители матери Летура. Поэтому оиа ие посмела туда обратиться.

Затем бабушка рассказала о других долгожителях.

— Кстати, посмотрите на меия — мие восемьдесят лет. Людн иа Земле живут долго — даже двести лет ие являются пределом. Столько же будете жить и вы. Коиечио, ие сразу. Чтобы увелнчнть продолжнтельиость жизии, вам иадо будет немало потрудиться иад развитием экономики, здравоохраиеиня, культуры, образоваиия. Я думаю, вы займетесь этим немедлеино.

Но вериемся к прнвивкам. Среди первых поселеицев был геинальиый учеиый, сделавший удивительиые открытия. Я ие стану иазывать его имеии, потому что свон способиости ои обратил во зло. Имеиио ои придумал эти привнвки.

На Изумрудиой иаука совсем ие развита — мы еще поговорим об этом,— и я ие зиаю, все ли вы поймете из моих объясиеиий. Но думаю, вам известио, что в оргаиизме человека происходят электрохимические процессы, управляющие фуикциоиироваиием всех органов. Мозг послал сигиал — мышца сократилась. Другой снгиал — мышца расслабнлась. И так далее.

Сигиалы, влияющие иа живую ткаиь, могут нметь разиую природу. В прииципе могут быть использоваиы радиоснгиалы различиых частот, бнопсихнческне сигиалы и ряд других, о которых я говорить ие буду.

Ваш учеиый нзобрел жнвой прнемиик таких снгиалов — живую клетку, способиую реагировать только иа одии-едииственный сигиал, для каждой клеткн нмеющнй особую форму. Имеиио такую клетку ои помещал в оргаинзм ребеика под видом предохраинтельиой прнвнвкн. Размещалась эта клетка иепосредствеиио около иерва, управляющего работой сердца. Оиа была иеотличнма от всех остальиых клеток: жнла в организме, делилась, образуя себе подобиые... и ждала. Ждала снгиала, который заставит ее сработать. Тогда оиа выключала иерв, и человек мгновеиио умирал.

Я ие случайио сказал, что тот учеиый был гениальным. Лабораториыми методамн можио создать счнтаиное колнчество клеток. А нужиы были тысячн. Не забывайте также, что все это проделывалось в глубочайшей тайие. Ваш учеиый сумел автоматнзнровать выращиваиие закодированных клеток, н его автоматы исправио действуют до сих пор. Вот они, познакомьтесь.

И зрнтелям был продемонстрнроваи иебольшой фильм, сиятый в лабораторин роднльного дома.

— Я уже говорнла — эти клетки-миины иеотличнмы от обыч-

ных клеток организма. Когда у нас на Земле погиб Летур-младший, мы не смогли установить причину его смерти. А причина была в том, что Рюдель послал сигнал с помощью вот этого прибора. (На экране появилась хорошо известная мне фотография.) Такие портативные орудия убийства заряжались на один импульс, когда надо было убить человека за пределами досягаемости большой антенны, спрятанной вот в этом кресте,— бабушка показала новый снимок.— С помощью таких аппаратов были убиты водители автопоезда, о котором нам поведал единственный спасшийся из него мальчик.

Тут бабушка усадила рядом с собой Юлика и рассказала его историю. Затем слушатели увидели усыпанный трупами городок за Южным хребтом. Тот самый, куда Рюдель отправлял таинственные автопоезда и где совсем недавно в неслыханной роскоши жили те из власть имущих, которым возраст не позволял уже показываться на глаза людям.

— Чтобы убить человека, надо было заглянуть в его документы, где указывался номер прививки. Затем этот номер набирался на шифраторе, и тот выдавал запись нужного сигнала на магнитном стержне. Оставалось вставить стержень в прибор и в нужный момент нажать кнопку. Такое устройство действовало надежней любого оружия — тут невозможно было промахнуться.

Тайну прививок знали лишь несколько человек. Сейчас в живых остался один Рюдель. Решайте, как с ним поступить. Он уже не представляет общественной опасности, но на его совести — жизнь всех, кто умер на этой планете за последние двадцать лет. Это ему принадлежала идея установки автоматического коммутатора, который, включившись по сигналу радиопускателя, перебил бы все население планеты. К счастью, Алексей Северцев разгадал тайну Креста и уничтожил его. Только поэтому все вы живы сейчас. И все же в день финального боя Крест успел унести шесть тысяч жизней. Эту цифру вы тоже должны помнить, когда будете решать судьбу Рюделя.

На первый взгляд жизнь на вашей планете кажется идиллической. Все сыты, обуты, одеты, никто не болеет — случайные насморки не в счет, а до серьезных болезней старости никто не доживал. Производство оружия запрещено и жестоко карается. Вывезенные когда-то с Земли лучеметы не способны сделать больше двух-трех выстрелов. Нет армии, нет войн — ведь воевать не с кем. Копья и мечи для кавалеров и стражников — вот и все оружие, которое производится в ваших мастерских. Но эта идиллия — всего лишь маскировка. Тем, кто стоял у власти, не нужно было оружия: любое возмущение, любое недовольство или просто инакомыслие подавлялось с помощью Креста, а он знал только одну меру наказания — смерть. Вот почему некото-

рыми из вас было замечено, что гарантированный слугами Креста срок жизни не всегда соблюдается. Теперь разгадка ясна: всех неугодных попросту убивали. Так погибла жена Летура, неосторожно высказавшая вслух крамольную мысль о том, что люди стали жить меньше... Но такая смерть выглядела естественной, недовольства не вызывала, а, наоборот, приучала верить во всемогущество Креста...

Обращаю ваше внимание на отсутствие радиосвязи на Изумрудной. Развитие радиотехники рано или поздно позволило бы обнаружить сигналы Креста и разгадать их тайну. Поэтому правители Изумрудной всячески тормозили развитие науки. Но диалектика имеет свои законы. Развитие — это вектор, устремленный в будущее. И если его нет, регресс захватывает все области жизни — от науки и техники до культуры. Волею слуг Креста вы были обречены на деградацию и вымирание. К счастью, среди вас нашлись люди — сотни и тысячи людей,— способные противодействовать этому. Схватка с силами зла была неизбежна, и появление Алексея Северцева лишь ускорило развязку. Теперь власть рюделей и теодоров свергнута навсегда, и ваша жизнь отныне в ваших собственных руках. Все вы будете жить долго и счастливо — от имени коммунистических планет я обещаю вам это и зову вступить в наше Содружество...

Мне не пришлось дослушать речь бабушки до конца. Зажужжал вызов моего браслета, и мне сообщили, что Леннада пришла в сознание и хочет видеть меня.

Я вошел к ней в палату с букетом цветов столетника, который по моей просьбе прислала с Изумрудной Виола — она до сих пор находилась там, помогая бабушке дирижировать сложным механизмом экспедиционного флота Службы безопасности, дрейфующего вокруг планеты по близким космическим орбитам. Впрочем, я подозревал, что ее удерживает на Изумрудной не только эта причина...

Леннада лежала в окружении приборов контроля здоровья в залитой солнцем комнате. Она увидела меня и грустно улыбнулась.

— Я рада видеть кавалера Алексея,— прошептала она.

— Здравствуй, Леннада,— сказал я, садясь возле нее.— Только какой уж я кавалер... Не будет больше на Изумрудной кавалеров.

Она вся напряглась.

— Я что-то сказала неправильно? — произнесла она через силу.— Мне следовало сказать... король Алексей?

Я смотрел в ее огромные глаза, и смысл вопроса медленно доходил до моего сознания. Ведь она ничего не знает!

— Я не король и никогда им не буду! — произнес я наконец. Я никак не мог решить, можно ли сказать девушке, что Ганело-

на умерла, и в отчаянии оглянулся, словно кто-то мог дать мне совет.

— Это правда? — прошептала девушка. Глаза ее засияли.

И без всякой подсказки нужные слова сами пришли ко мне на язык.

— А знаешь, почему я не стану королем? — спросил я шепотом, наклоняясь ближе к девушке.— Потому что мне очень некогда. У меня есть одно важное-важное дело: я должен сидеть вот здесь, возле тебя, и ждать, когда ты выздоровеешь. Я буду сидеть очень тихо, чтобы доктора не выгнали меня, а если они это сделают, я все равно никуда не уйду, сяду возле твоей двери и буду оберегать твой сон, а по утрам я буду класть возле твоего изголовья охапки самых лучших цветов Земли и буду петь тебе свои самые любимые песни, хотя, если быть честным, петь я совершенно не умею... А когда ты станешь совсем-совсем здоровой, я возьму тебя на руки и унесу отсюда, посажу в дисколет и покажу тебе мою планету. А дома бабушка будет кормить нас лучшими в мире пирогами, которые она испечет специально для тебя и для меня...

Я гладил руку девушки и рассказывал ей о чудесах Земли, и о сидящем в железной клетке Рюделе, и о том, какие красивые глаза у одной моей знакомой девушки, которую зовут Лениада... Я сказал, что теперь она, как и все жители Изумрудной, будет жить долго-долго — не меньше ста лет, и все эти сто лет я буду около нее... Я говорил и чувствовал, как силы возвращаются к Лениаде, как глаза ее приобретают привычный блеск, глубже становится дыхание, увереннее движения.

— Вы волшебник, профессор! — сказал мне на следующий день седой врач.— Я не верю своим приборам. Моя пациентка выздоравливает буквально на глазах. Может быть, вы открыли чудесный препарат, способный оживлять умирающих?

— Вы угадали! — засмеялся я.— Вчера я сделал великое открытие. Но я ничего не скажу о нем...

Эпилог. Памятник

Павел Гусев пришел ко мне без предупреждения, хмуро поздоровался, глядя в сторону. Войдя в комнату, не уселся в кресло, как всегда, а стоял точно столб, молчал и разглядывал потолок.

Он очень изменился за те дни, что мы не встречались. От его веселой суетливости не осталось и следа. Видимо, смерть Тины была для него тяжелым ударом.

— Во всем виноват я,— произнес он наконец.— Это я отдал Волшебное копье Рюделю...

Я молча смотрел на него и не узнавал в нем милого друга Пашку — веселого, беззаботного, самоотверженного. Передо мной стоял совсем чужой человек, подавленный и растерянный.

Всего месяц назад мы сидели с ним и с Тиной в этой самой комнате, смеялись и дурачились. И вот он стоит передо мной, маленький и несчастный, не смея посмотреть мне в глаза.

— Я знал, что Тина любит тебя... Но я тоже ее любил... И когда Рюдель рассказал, что ты будешь биться за нее на копьях и женишься на ней, я решил: пусть не мне и не тебе. Я отдал ему копье и рассказал, как с ним работать. Я же не знал, что он будет убивать этим копьем...

Нет, он по-прежнему ничего не понимал. Для него моя схватка с Рюделем была только битвой за женщину.

— Для чего ты пришел? — спросил я. Наш разговор был бесполезен, и его следовало кончать.— Хочешь извиниться? Разве в этом дело?

— Я знаю, ты меня не простишь. Но попробуй хотя бы понять. Я не мог уступить ее тебе!— Он почти кричал мне в лицо.— Сколько можно во всем уступать? Всё, всё только тебе одному — победы на турнирах, восторг болельщиков, улыбки женщин. Да, ты всегда первый во всем — первый в поединках, в Большом и Малом Споре, в науке, в любви! А я тоже хочу быть первым. Чтобы меня несла на руках толпа! Чтобы моему коню бросали под ноги цветы! Чтобы меня целовали красивейшие девушки! Чтобы меня, понимаешь, меня любила Тина! Чем я хуже тебя?

Я смотрел на него с изумлением. И этого человека я считал своим другом!

— Разреши, я напомню тебе одну мелочь, о которой ты, наверно, позабыл. Выиграв с твоей помощью турнир, Рюдель получал законное право вышвырнуть нас с Изумрудной, чтобы без помех установить там фашистскую диктатуру! Вот оно, твое «ни мне, ни тебе»!

— Я ведь не знал...— только и мог пробормотать Павел. Он был уничтожен.

— А что копье отдавать нельзя, ты тоже не знал? Забыл, что говорит рыцарский кодекс о равном оружии? Кстати, не ты ли помог Рюделю раздобыть робота? Я помню, ты говорил както, что твой брат — конструктор роботов...

Гусев повернулся и медленно пошел к двери. Вдруг он остановился и несколько секунд глядел на вазочку, в которой стояла полуосыпавшаяся красная роза, потом стремглав выбежал из комнаты.

Через несколько дней после того, как Леннаду выписали из больницы, Фей сообщил, что нас ожидают на Изумрудной.

Десантный «Гриф» опустился на хорошо знакомую мне

площадь перед дворцом, и я сразу попал в объятия многочисленных друзей.

— Вот его обнимайте сколько угодно,— отбивался я, показывая на Петровича.— А нас пощадите!

Я помог Ленаде сойти с трапа — она еще недостаточно окрепла и остерегалась быстрых движений.

— Твои комнаты ожидают тебя,— сказал мне Фей.

Я знал, что моего друга избрали председателем Революционного Совета, что его день расписан по минутам, и был очень благодарен ему, что он все же нашел время повидаться со мной.

— Может быть, сегодня кавалер Алексей все же пригласит меня зайти к нему в гости? — спросила с лукавой улыбкой Ленада. Мы вспомнили, как я прятал от нее Фея, и дружно расхохотались.

— А вот это наш маленький сюрприз,— сказал Фей, когда мы вошли во двор. И я увидел на том месте, где прежде была коновязь, высокий постамент, на котором возвышалась фигура конного рыцаря.

Коня я признал с первого взгляда — это был мой Баязет, но лишь в следующее мгновение понял, что рыцарь — это я. Скульптор изобразил меня в боевой броне, только вместо бургиньота на голове у меня был прозрачный космический шлем. Из-за этого изваяние чем-то походило на изображение Георгия Победоносца, но вместо змея я поражал копьем огромный крест... Удар копья раздробил крест на куски, и теперь он напоминал уже не крест, а разбитую вдребезги свастику.

— Идею подал Летур,— рассказывал Фей.— Он нашел такое изображение в книгах своего покойного сына, которые тот привез с Земли. Замысел всем понравился, и принцессы утвердили проект. Это был их первый и последний указ, потому что они обе отреклись от престола и передали власть Революционному Совету. Они сказали, что право выбирать себе мужа им дороже королевского трона.

— Они правильно сделали! — прощебетала Виола, выглядывая из-за плеча Фея. Она все время шла рядом с ним, держа его за руку.— Выходить за нелюбимого — это, наверно, ужасно!

— Я лучше умерла бы! — согласилась с ней Ленада, и я почувствовал, как милые пальчики девушки крепко стиснули мой локоть...

Во дворце нам встретилась небольшая группа. В окружении вооруженных людей с заложенными за спину руками по коридору шагал дядюшка Теодор. Увидев меня, ресторатор остановился. Выглядел он как облезлый пес, но по-прежнему напускал на себя бравый вид.

— Да будет мне дозволено приветствовать благородного кавалера,— напыщенно произнес он.— Как я жалею, что во-

время не оценил его! Если бы мне знать, что кавалер исполнит все свои обещания, что он победит кавалера Рюделя и даст нам долгую жизнь... Может быть, по старой дружбе кавалер замолвит за меня словечко перед судьями, которые, кажется, не очень желают мне долгой жизни?

— Ты сам распорядился своей жизнью. Я ведь говорил, чтобы ты не хватался за ножи.

Я хотел пройти мимо, но он удержал меня.

— А жаль, что мы тогда не прирезали тебя, кавалер,— медленно произнес он, с ненавистью заглядывая мне снизу в глаза.— Зачем ты только к нам явился...

Я не поверил своим ушам.

— Ты что, жалеешь об этом? А как же долгая жизнь?

— Мы все равно перерезали бы всех кавалеров, и тогда их проклятая машина перестала бы действовать,— объяснил он.— Но власть была бы вот в этих руках.— Он потряс кулаками перед моим лицом.— А если бы удалось сговориться с кавалером Рюделем...

На его лице заиграла такая отвратительная улыбка, что меня передернуло от омерзения. Я повернулся и пошел прочь.

Через час, когда Леннада отдохнула, Фей зашел за нами. К моему удивлению, он повез нас на Ристалище.

Мы прошли под трибунами и очутились на поле.

— Петрович... Посмотри, Петрович...— ошеломленно прошептал я.

В центре поля, над которым, казалось, еще витал бешеный храп коней, на том самом месте, где я совсем недавно увидел бегущую ко мне девушку, возвышалась гранитная стела с изваянием. Скульптор изобразил Тину такой, какой она была в последний миг ее жизни: радость и любовь в распахнутых глазах, а в протянутых к людям руках голубые неувядающие цветы столетника, как обещание долгой жизни.

Я взглянул на своих спутников. Петрович молча смотрел на изваяние, и мне показалось, что в глазах его застыла тоска. Дрожащая Леннада прижалась ко мне. На ее глазах блестели слезы. Видимо, весь ужас пережитого снова обрушился на нее. Я обнял ее за плечи и почувствовал, как постепенно утихает бившая ее дрожь.

Она подняла ко мне заплаканное лицо.

— Мы никогда не забудем ее. Правда, Алексей? — прошептала она.

Я медленно наклонил голову в знак согласия. Говорить я не мог.

Москва, октябрь 1978 года

◇◇◇

Лев Минц

СТАРАЯ ИНДЕЙСКАЯ ТРОПА

◇

> Когда-то мы были друзьями с белыми, но вы нас сбили с пути своим коварством, а когда теперь мы ведем переговоры, вы друг другу противоречите. Почему вы не говорите и не делаете все прямо, чтобы было хорошо?
>
> Черный Котел, вождь чейенов

«На Западе жил бог грома, на Востоке — бог света, который появлялся каждое утро над горами. На Севере стоял вигвам бога ночи и холода, а на Юге правил бог тепла и жизни. Боги жили в согласии, не мешали друг другу, и каждый из них знал свою очередь.

Потом пришли белые. У них был всего один бог, зато очень много ружей и пороху. Четыре наших бога не знали, что будет делать этот один и что теперь делать им. И мир изменился, утратил порядок. Из прерий исчезли бизоны, из лесов — олени, а в реках сошли с ума рыбы.

И как наши боги не знали, чего хотят белые, не знали и мы. А белые хотели, чтобы НАС НЕ БЫЛО. Мы приносили жертвы четырем богам, раньше ведь они принимали их по очереди. А тут, видно, перессорились и перестали нам помогать».

Эту легенду рассказывают индейцы в штате Монтана.

Кто возьмется объяснить четырем всемогущим богам, что надо было бросить ссоры и заняться делом? Легче это объяснить людям.

ИНДЕЙЦЫ ВО ДВОРЦЕ НАЦИЙ

...Февральский день 1978 года, когда газеты сообщили, что на заседание Международной конференции по защите прав коренного населения Америки приезжает индейская делегация, должен был стать праздником для мальчишек Женевы.

Начитавшиеся Карла Мая (это писатель «про индейцев», популярный во многих странах Европы, так же как у нас Фенимор Купер) юные женевцы с нетерпением ждали у входа в гостиницу Настоящих Живых Индейцев. Казалось бы, чем можно удивить швейцарцев: люди всех наций и рас гостят в их стране. И самый юный женевец не изумится, увидев шотландца в юбке, сикха в тюрбане и восточного нефтешейха в отделанном золотом «кадиллаке».

Но индейцы не путешествуют по Европе.

В Женеве находится Дворец Наций, что в данном случае значит «народов, имеющих государственность».

Но у индейцев государства нет.

И тем не менее коренные обитатели обеих Америк — от Канады до Огненной Земли — договорились послать общую делегацию на конференцию, которая должна была защитить их права. Делегаты вышли в головных уборах из перьев, но боевые их топорики были такими откровенно бутафорскими, что по толпе подростков прошел дружный вздох разочарования. Впрочем, индейцам было не до впечатления, которое они произвели на зевак. Их привели в Женеву гораздо более серьезные соображения.

Делегацией руководил вождь племени сиу Фрэнсис Ичроу. Прервав свою речь на заседании, вождь сиу произнес:

— Сосчитайте нас и запишите наши имена. На будущий год вы увидите, скольких недостает. С момента, когда белые в Южной Дакоте узнали, что я еду на конференцию в Женеву, в меня стреляли уже два раза.

А делегат колумбийских индейцев добавил:

— Чему тут удивляться? В наших краях белые фермеры-ранчеро испокон века делали сапоги из кожи индейцев.

Говорили навахо, сиу, апачи из США, аймара из Боливии. Слово взял индеец-бороро из бразильского штата Мату-Гросу, невысокий коренастый человек в неудобном пиджаке (бороро совсем недавно перешли на современную одежду).

— От нашего племени, некогда многочисленного, осталась сотня инвалидов...

Несколько десятилетий назад знаменитый французский этнограф Леви-Стросс в своей книге «Грустные тропики» привел бороро — совсем других тогда — как пример племени с развитой культурой. У бороро удивительно богатый и гибкий язык, и если бразилец с университетским образованием любую зелень называет словом «верде», то у индейца-бороро существует восемнадцать наименований различных оттенков зеленого цвета. «Социальная структура бороро,— писал Леви-Стросс,— один из лучших примеров благороднейшего сосуществования людей». Ныне сосуществования сотни убогих инвалидов...

Нужна была земля для плантаций, и нанятые помещиками бандиты косили бороро из автоматов. Не людей же убивали, а «индиос», дикарей, вредных тварей: люди тут фасоль сажают, а они шляются голые, да еще с пером в носу. Наверное, так — или примерно так — могли бы оправдать свои действия охотники за индейцами на всем Американском континенте — от генерала прошлого века Шеридана до неграмотного бандита-жагунсо в штате Мату-Гросу. И так же одинаково звучат рассказы о трагедии коренных американцев в любой стране Нового Света.

Вождь Пауэр из Калифорнии выступал трезво и рассудительно — индейцы вообще уважают людей, не поддающихся эмоциям и сохраняющих спокойствие, что бы ни творилось вокруг.

— Мы прекрасно понимаем, что не можем перевернуть историю. Землю, которую мы потеряли, не вернуть. Но мы хотим вернуть хотя бы малую толику нашей утраченной чести. Собрать осколки древней культуры. Мы можем обратиться ко всему миру, чтобы люди знали, как мы живем, что мы делаем. Только эта надежда помогает нам чувствовать себя людьми. Стрелять мы не будем. Такую войну мы проиграли сто лет назад...

Наверное, в этих словах индейского вождя — адвоката по профессии — содержится объяснение того, зачем индейцы послали своих представителей в Женеву.

Сэр Энтони Хьюз, английский антрополог и знаток индейцев, выступил после вождя Пауэра.

— Мне хочется задать один вопрос. Кто был варварами: завоеватели или побежденные? Мне кажется, что у народа, который мы почти истребили, мы многому еще можем научиться.

Он так и сказал — «народ». Термин в данном случае более чем спорный. Но мы ведь тоже говорим — «индейцы», объединяя их всех этим названием.

ТАК ИНДЕЙЦЫ СТАЛИ «ИНДЕЙЦАМИ»

Индейцы появились на Земле в тот день, 12 октября 1492 года, когда первый белый ступил на американский берег. Эта фраза вовсе не так бессмысленна, как это может показаться на первый взгляд. Но для того чтобы прояснить ее смысл, надо взять в кавычки слово «индейцы». Ведь первый его смысл — «жители Индии». (В русском языке, правда, есть теперь различие: «индийцы» и «индейцы»; в большинстве же европейских языков оба слова звучат одинаково.) Все дело в том, что Христофор Колумб искал путь в Индию, был убежден, что такой путь существует, верил, что он попал именно туда, куда стремился.

И так в одном из первых же донесений, отправленном в Испанию, появилось это слово: indios — «индейцы». А потом, даже когда стало ясно, что ни часть света, ни люди, ее населяющие, ничего общего с Индией не имеют, название сохранилось. Нынешние потомки коренных американцев тоже называют себя этим именем. Но только когда говорят на европейских языках. У каждого племени есть свое название и свой язык. И языки эти похожи друг на друга не больше, чем исландский язык на турецкий.

Да и жизнь племен на гигантском пространстве от Канады до Огненной Земли была совершенно разной: охотники лесов и прерий, земледельцы, создавшие великие цивилизации майя, ацтеков и инков, собиратели и рыболовы крайнего юга...

Когда первые белые появились в Америке, индейцы, естественно, не чувствовали своей общности. Каждое племя жило и боролось за жизнь в одиночку. И войну с пришельцами они тоже, естественно, вели так же, как войны между племенами: томагавк и лук против ружей и пушек, неписаный, но точный военный кодекс прерии против воинских уставов английских и французских солдат. И одно племя шло против другого племени — исконных врагов и конкурентов в охоте на бизонов — вместе с белыми, не давая себе отчета в том, что следующая очередь — их.

А ведь сначала отношения между европейскими переселенцами и индейцами складывались мирно. Когда «отцы-пилигримы», колонисты из Англии, зачинатели американской нации, чуть не погибли от голода, чужие и беспомощные в чужой и недружелюбной стране, индейцы помогли им перезимовать и научили многому из того, что умели сами.

В том, что странные на вид люди, говорящие на непонятном языке, поселились рядом с ними, индейцы не видели ничего плохого. Сколько племен, столько и обычаев — знали они. Да и каждое племя, прежде чем пришло на нынешние места, тоже долго странствовало, с боями продвигаясь к выбранной цели. Одни пришли из-за гор, другие — из северных лесов, а эти вот — племя белых — из-за Великой Соленой Воды.

И чужаки, если вели себя мирно и могли предложить что-нибудь полезное, имели право приходить и даже селиться на землях иных племен. Белые, правда, хотели купить землю. Это, конечно, было смешно: земля ведь никому не принадлежит, ее создал Великий Дух. Но если белые, не слушая объяснений, убеждали принять за то, что ничье, ружья, порох, ткани и украшения, отчего же их не взять? Остров Манхеттен, где высятся сейчас небоскребы Нью-Йорка, куплен был за рыболовные крючки и стеклянные бусы общей стоимостью в шестьдесят голландских гульденов.

Но потом белые, ссылаясь на договор, под которым поставили отпечатки больших пальцев неграмотные вожди, начали прогонять индейцев с их земель. Те взялись за оружие.

Белые колонисты высаживались на Атлантическом побережье и двести лет неудержимо двигались в глубь страны через перевалы Аллеганских гор, вдоль рек, текущих на запад к Великим Водам — Миссисипи, по течению Великой Болотистой Реки — Миссури. Путь переселенцев вел через непрестанные стычки с индейцами, но даже самые сильные племена не выдержали натиска белых. Пять племен Ирокезской Лиги долгие годы проливали свою и чужую кровь в надежде защитить земли и независимость. Все кончилось, однако, тем, что часть племен бежала в Канаду, тогда гораздо менее освоенную белыми, а другие попали в резервации.

Тогда-то впервые и появилось это понятие — резервация: территория, где — официально — индейцы могли жить, не опасаясь чужого вмешательства, а в действительности — неудобные, ненужные переселенцам земли, на которых племя еле могло свести концы с концами.

В шестидесятых годах восемнадцатого века Понтиак, вождь племени отава, объединил племена Великих Озер, чтобы дать отпор англичанам и загнать их назад за Аллеганские горы. Но он допустил непростительную ошибку, доверившись другим белым — французам. Как только Понтиак со своими воинами перестал быть им нужен, французы отвернулись от него — в решающий момент осады поселения Детройт.

В 1812 году пал в битве вождь шауни Текумсе, объединивший многие племена Среднего Запада и Юга. В 1839 году умер в тюрьме вождь одного из кланов племени иллинои — Черный Ястреб. Его захватили в плен и предали белым индейцы племени виннебага, получившие за это двадцать коней и сто долларов. Скелет Черного Ястреба долго стоял в кабинете губернатора только что созданного штата Айова.

Кстати, с точки зрения племенного кодекса чести воины виннебага, захватившие Черного Ястреба, были совершенно правы: иллинои были их врагами, и винебагам казалось, что с такими союзниками, как хорошо вооруженные и многочисленные белые, они покончат с неприятелем навсегда. Эту же ошибку не раз повторяли другие племена во всех частях Америки...

Но это была не единственная причина, по которой индейцы проиграли — и не могли не проиграть — все войны с белыми. Какими храбрыми воинами ни были бы индейцы, само понятие **войны** у них и у европейцев было совершенно различным. Точнее говоря, индейцы просто не знали, что такое война.

Ведь то, что называлось у них этим словом, на самом деле было всего лишь набегом, когда угоняли скот, лошадей, захваты-

вали пленных. Иногда отряды воинов углублялись на территорию враждебного племени — доказать в стычке свою удаль, добыть себе боевое имя. Однако, сразившись с встреченным врагом, они уходили обратно, а если неприятель пересекал их неписаные, но точно известные границы, давали ему отпор. Кровавый, но краткий.

И все же войны с точно поставленными и далеко идущими целями, с многодневными, по всем правилам военной науки, битвами, войны, сложную стратегию которой мог разгадать только тот, кто сам умел планировать не менее хитроумно, они не знали. Как и не знали, что у всех белых — на востоке и западе, на севере и юге — одна цель: захватить всю страну.

В 1829 году президентом Соединенных Штатов был избран Эндрью Джексон. Индейцы звали его Острым Ножом. В 1831 году Острый Нож ввел должность комиссара по делам индейцев при военном министерстве. Комиссар назначал своих агентов в индейских племенах — правительственных чиновников, ответственных за сношения племени с правительством США.

30 июня 1834 года конгресс принял закон, регулирующий торговлю и сношения с индейскими племенами и обеспечивающий мир в пограничной зоне. Вся часть Соединенных Штатов к западу от реки Миссисипи (кроме штатов Миссури и Луизиана и территории Арканзас) объявлялась Индейской Территорией: белым запрещалось там торговать и охотиться без специального разрешения. Селиться запрещалось вообще.

Не успел конгресс проголосовать за принятие этого закона, как десятки тысяч переселенцев перешли Миссисипи и двинулись на запад. Пришлось передвинуть границу Индейской Территории еще дальше. Зато теперь индейцам гарантировали неприкосновенность их земель. Навсегда.

Однако новые колонисты двигались с Тихоокеанского побережья, где в 1850 году тридцатым штатом стала Калифорния. Индейцы оказались меж двух жерновов.

В 1860 году в Соединенных Штатах насчитывалось примерно триста тысяч индейцев, в большинстве своем живущих на огрызке Индейской Территории, и больше тридцати миллионов белых...

Мы хотим рассказать о событиях, происшедших в годы, когда США уверенно приобретали свой нынешний облик — о 60-х и 70-х годах прошлого века.

По счастью — если это слово применимо при описании индейской трагедии,— сохранились записки рассказов последних воинов последних индейских войн. Уже в наше время их собрал воедино американский исследователь Ди Браун. Благодаря этим рассказам мы и можем реконструировать Великую Войну

племени чейенов, Дорогу смерти племени Проткнутых Носов такими, какими видели их они сами.

Примерно в то же время за многие тысячи километров от североамериканских лесов и прерий, на крайнем юге континента, чилийские и аргентинские войска очищали Край Земли от самых южных людей на свете — óна, ямана, алакалуфов. Их рассказов никто не успел собрать, но об их истреблении мы знаем немало.

Чейены, сиу, сахаптины, апачи ничего не знали об индейцах Южной Америки, а те никогда не слышали о племенах Севера.

Зато теперь к их потомкам пришло сознание общности. Поздно, но пришло.

...Женевских мальчишек разочаровали бутафорские томагавки. Но других томагавков теперь индейцам и не надо: это ведь просто принадлежность национального костюма.

Время томагавков прошло, место их — в переизданиях нестареющих книг Фенимора Купера и Карла Мая...

Чейены — хорошие индейцы

События, описываемые ниже, произошли не так уж давно — в 1868 году. Чтобы лучше представить себе, чтó за время это было, посмотрим, о чем сообщали американские газеты:

11 октября. «Томас Эдисон запатентовал приспособление для электрической регистрации голосов избирателей».

1 декабря. «Джон Ф. Рокфеллер объявляет беспощадную войну конкурентам в нефтяной промышленности».

28 июля. «Сенат Соединенных Штатов принял Четырнадцатую поправку к конституции: равноправие всех граждан — за исключением индейцев».

И среди газетных заголовков все чаще и чаще встречаются такие: «Индейцы сожгли железнодорожную станцию», «Дикари вырезали население поселка Фут-Степ», «Кучера дилижансов отказываются отправляться в дорогу без усиленной охраны из-за нападения чейенских шаек». Имя чейенов повторялось чаще всего. Создавалось впечатление, что племя чейенов угрожает всей стране...

ГРОМОВЕРЖЕЦ ГНЕВАЕТСЯ

...Весной 1866 года вождь племени сиу Красная Туча разгромил регулярные войска Соединенных Штатов у Пыльной реки и подписал с представителями правительства почетный мир. Весть об этом облетела многие племена. Особенное же

впечатление весть произвела на людей племени чейенов. Чейены — воинственное и могущественное племя — лишь недавно были вытеснены с земель на территории нынешнего штата Колорадо и никак не могли забыть свою родину. По договору они обязались жить только к югу от реки Арканзас. Бо́льшая часть племени во главе с Черным Котлом ушла на новую территорию. Но несколько кланов не подчинились, и их воины сражались вместе с Красной Тучей против белых. Теперь они решили вернуться к своему племени. Кланы, не принявшие в свое время несправедливого договора, называли себя «Объединением Боевых Собак». Среди вождей этих кланов были Высокий Бык, Белый Конь, Серая Борода, Могучий Медведь и многие другие славные воины. В том числе — знаменитый военный вождь Орлиный Нос.

В долине реки Смоки Хилл они встретили разрозненные группы молодых охотников из своего племени и из племени арапахо. Эти молодые люди откочевали из лагерей Черного Котла и Маленького Ворона, поставивших свои вигвамы к югу от реки Арканзас, и — вопреки воле вождей — пришли в Канзас охотиться. Черный Котел и другие вожди подписали договор в 1865 году, отказавшись от исконных прав на давние охотничьи угодья, и очень боялись рассердить белых. Люди пожилые и опытные, они знали, чем это чревато. Орлиный Нос и вожди Боевых Собак не принимали договора всерьез: ни один из них не подписал его и ни один не признал. Они только что пришли со свободной и независимой территории у Пыльной реки и презирали вождей, которые продали землю племени.

Некоторые из вернувшихся пришли посетить людей Черного Котла. И среди них — Джордж Бент, метис, сын белого отца и чейенской матери. Бент мечтал встретиться со своей невестой, племянницей Черного Котла Сорокой. Вскоре после встречи он взял ее в жены и поставил свой вигвам в стойбище Черного Котла. Тут-то он узнал, что правительственным агентом при племени чейенов назначен Эдвард Уинкуп, человек, хорошо ладивший с чейенами.

Когда до Уинкупа дошла весть, что Боевые Собаки снова охотятся вдоль реки Смоки Хилл, он направился к их вождям и попытался уговорить их, чтобы они подписали договор и соединились с Черным Котлом. Вожди решительно отказались: своих земель они никогда не покинут.

— Если вы останетесь в Канзасе,— предостерегал Уинкуп,— солдаты нападут на вас.

— Мы пришли жить здесь или умереть,— отвечали вожди.

Впрочем, они пообещали, что будут сдерживать своих молодых воинов.

К Орлииому Носу собралось миого людей, ушедших от Черного Котла, и вожди разработали плаи, как перекрыть движеиие белых иа пути вдоль реки Смоки Хилл. Пока чейеиы были иа севере, здесь возиикло иесколько лииий дилижаисов, разрезавших пополам их лучшие охотиичьи угодья, где паслись стада бизоиов. Вдоль всей трассы у реки Смоки Хилл выросла цепь стаиций. Иидейцы решили, что эти стаиции иужио ликвидировать: тогда прекратится движеиие дилижансов и грузовых караваиов.

Поздией осенью 1866 года Орлииый Нос пришел с отрядом воинов в форт Уоллес и заявил здешиему агеиту, что, если через пятнадцать дней не прекратится движеиие через их земли, иидейцы иачиут нападать иа дилижаисы. Агеит, коиечио, такие вопросы решать ие мог, да и ие собирался, ио иастала вьюжиая зима, дорогу напрочь заиесло, и поэтому движеиие прекратили прежде, чем Орлииый Нос собрался напасть. Нетерпеливые молодые люди среди Боевых Собак все-таки успели угиать скот из загоиов при стаициях. Боевых Собак ждала долгая зима, и поэтому оии решили поставить в горах Биг Тимберс иедалеко от реки Репабликэн постояииый лагерь и переждать там до весны.

Джордж Беит в ту зиму хотел иемножко подзаработать и поэтому провел иесколько иедель у племеии кайова, вымеиивая иа ружья одежду из бизоиьих шкур. Когда весиой ои вериулся к Чериому Котлу, то узнал, что чейеиы были обеспокоеиы слухами: по каизасским прериям иа запад к форту Ларнд движется большой отряд сииих курток — так иазывали иидейцы кавалеристов, иосивших сииие муидиры. Чериый Котел созвал совет и предостерег своих людей: приход солдат озиачает иемииуемую беду! Потом ои приказал племеии собраться и идти дальше иа юг к реке Канадиэи.

Когда люди, послаииые агеитом Уиикупом, иашли Чериого Котла, бéды, которые вождь так точио предсказал, уже начались...

Но послаицам удалось отыскать большииство вождей Боевых Собак. Четыриадцать из иих согласились прийти в форт Ларнд, чтобы выслушать, что скажет им геиерал Уиифилд Скотт Хэикок. Вожди Высокий Бык, Белый Коиь, Серая Борода и Могучий Медведь пришли к ручью с пятьюстами семьями. В тридцати пяти милях от форта Ларид их иастигла сиежиая буря, продолжавшаяся иесколько дией. Чейеиы разбили лагерь и, переждав бурю, оседлали коней и иаправились к крепости. Некоторые воииы были одеты в сииие армейские муидиры, добытые иа севере. Чейеиы догадывались, что геиералу Хэикоку это придется ие по душе, ио решили показать ему эти боевые трофеи. На геиерале был такой же сииий — только длинный —

мундир с красивыми погонами и блестящими медалями. Он высокомерно поздоровался с индейцами и продемонстрировал им свое соединение в полном вооружении. В соединение входил и Седьмой кавалерийский полк, которым командовал Кастер, известный среди индейцев под именем Твердый Зад. (С Седьмым кавалерийским индейцам еще придется встретиться...) Генерал Хэнкок приказал своим артиллеристам несколько раз выстрелить из пушек. Вожди не подали виду, что пушки их пугают, но нарекли Хэнкока Громовержцем.

Хотя среди белых находился и их друг, Высокий Вождь Уинкуп, индейцы с самого начала почувствовали недоверие к Громовержцу. Хэнкок решил не тянуть с переговорами до следующего дня и созвал вождей на вечернее совещание. Чейены никогда не принимали решений по вечерам, это считалось дурным предзнаменованием. И к вечеру многие вернулись в стойбище. Некоторые все же остались. Но мирного совета не получилось.

— Я не вижу здесь многих вождей,— начал Хэнкок.— В чем причина? Я должен о многом сообщить вашему народу, но хочу говорить, когда все соберутся вместе. Что ж, завтра мы сами придем в ваш лагерь.

Чейенам это не понравилось. В лагере были женщины и дети, а с коварством белых им уже довелось познакомиться. Не нападет ли на них Хэнкок с полутора тысячами солдат и громовыми пушками? Вожди сидели молча, отблески огня мелькали на их серьезных лицах, они ждали, что скажет Хэнкок дальше. И он сказал:

— Я слышал, что очень многие чейены хотят воевать. Хорошо, вот мы здесь — и пришли сюда подготовленные к войне. Хотите мира — вот вам наши условия. Но если хотите войны, то остерегайтесь последствий.

Потом генерал объявил, что белые начали строить железную дорогу. От форта Райли железная тропа пойдет прямо в страну чейенов у реки Смоки Хилл. Выражался он доступным индейцам, по его мнению, языком:

— Белый человек идет сюда так быстро, что его никто и ничто не может остановить. Он приходит с востока и приходит с запада, как пожар в прериях. Это потому, что белых много, и они идут все дальше и дальше. Белым нужно пространство, много пространства. Белые, которые у моря на западе, хотят соединиться с теми, которые у другого моря на востоке, и поэтому они строят дороги для повозок, поездов и телеграфа... Вы не должны допускать, чтобы ваши молодые воины пытались разрушить их, вы не должны подпускать к дорогам своих юношей... Больше мне сказать нечего. Я подожду, пока вы кончите совещаться, и увижу, хотите вы войны или мира.

Когда толмач перевел последнюю его фразу, Хэнкок сел.

Лицо его выражало нетерпение, но чейены молчали, глядя сквозь огонь костра на генерала и его офицеров. Наконец Высокий Бык закурил трубку, затянулся и пустил ее по кругу. Он встал, откинул красно-черное одеяло, чтобы высвободить правую руку, и подал ее Громовержцу.

— Ты послал за нами,— сказал Высокий Бык.— Мы пришли сюда... Мы никогда не обижали белого: нет этого в наших мыслях. Наш агент полковник Уинкуп сказал нам, что мы должны с тобой встретиться. Вы можете идти к реке Смоки Хилл, когда вам захочется; можете идти по любой дороге. Когда мы выйдем на дорогу, твои молодые воины тоже не смеют в нас стрелять. Мы хотим жить с белыми в дружбе... Ты говоришь, что завтра придешь в наш лагерь. Когда придешь, мы не скажем тебе больше того, что сказали здесь. Я сказал все, что хотел сказать.

Громовержец снова встал, гордо опершись рукой на эфес сабли.

— Почему здесь нет Орлиного Носа?

Вожди пытались объяснить генералу, что Орлиный Нос хотя и могучий воин, но не вождь, он военный вождь, который командует только в бою, а на совет позвали настоящих вождей.

— Если Орлиный Нос не придет ко мне, приду к нему я,— прервал их Хэнкок.— Завтра я войду со своими солдатами в ваш лагерь.

Как только собравшиеся разошлись, Высокий Бык пришел к Уинкупу и попросил его, чтобы он отговорил Громовержца от военной экспедиции в лагерь чейенов. Высокий Бык опасался, что как только синие куртки подойдут к лагерю, между ними и вспыльчивыми молодыми Боевыми Собаками произойдет столкновение.

Уинкуп — он действительно неплохо относился к чейенам — согласился. Позже он рассказывал: «Я высказал генералу Хэнкоку свои опасения насчет последствий внезапного появления его отряда в индейском лагере, однако он стоял на своем». Отряд Хэнкока состоял из кавалерии, пехоты и артиллерии и выглядел «чрезвычайно устрашающе и воинственно, прямо как армия, идущая сражаться с врагом».

Когда отряд дошел до развилки Пауни, некоторые вожди обогнали его, чтобы предупредить чейенов, что идут солдаты. Другие остались с Уинкупом. На ломаном английском языке и жестами они пытались объяснить агенту, что боятся не результатов экспедиции — они не страшились за свою жизнь или свободу... Они опасались паники, которая, как они были уверены, тут же охватит женщин и детей, когда придут солдаты.

Между тем чейены в лагере узнали, что приближается

военный отряд. Посланцы сообщили — Громовержец гневается, что Орлиный Нос не пришел к нему в форт Ларнд. Орлиному Носу это польстило. Однако ни он, ни вождь сиу Убийца Пауни (один из кланов племени сиу раскинул недавно свой лагерь по соседству) не намерены были позволять Громовержцу вести своих солдат рядом с незащищенными стоянками. Орлиный Нос и Убийца Пауни собрали сотни три воинов и вышли навстречу приближающемуся отряду. Отъехав от стоянок в прерию, они подожгли траву, чтобы синим курткам негде было разбить свой военный лагерь.

В тот же день Убийца Пауни встретился с генералом Хэнкоком. Он сказал генералу, что если солдаты не будут приближаться к их стоянкам, то на следующий день утром вместе с Орлиным Носом он придет на переговоры. В нескольких милях от развилки Пауни солдаты разбили к вечеру лагерь. Условие Орлиного Носа, таким образом, было выполнено. Было тринадцатое апреля; по-индейски — Месяца, Когда Пробивается Красная Трава.

В ту же ночь Убийца Паунн н несколько вождей чейенов собрались посовещаться, чтобы решить, что следует предпринять. Орлиный Нос предложил тут же ночью сняться со стоянки, быстро уйтн на север и рассеяться. Тогда солдатам не захватить их. Но те вожди, которые видели солдат Хэнкока и нх силу, боялись хоть чем-нибудь разозлить белых.

Утром вожди попытались уговорить Орлиного Носа пойти с ними вместе на переговоры. Военный вождь, однако, подозревал, что это ловушка. Неужто целая армия солдат отправилась через прерии искать именно Орлиного Носа? И все это только потому, что Хэнкок-Громовержец так мечтает увидеться с ним? Время уходило, наконец Могучий Медведь решил, что, пожалуй, он еще пойдет в военный лагерь. Хэнкок еле разговаривал с индейцем и снова спросил об Орлином Носе. Могучий Медведь, дипломатично откашлявшнсь, долго раскуривал трубку, а потом объясннл, что из-за Орлиного Носа и прочие вожди задержались, они, мол, охотятся на бнзонов. Хэнкок пришел в ярость.

— Я приду с войском к чейенской стоянке,— заявил он Могучему Медведю,— и буду там стоять до тех пор, пока не встречусь с Орлиным Носом.

Могучий Медведь не ответил; молча он вскочил на коня и тронул поводья, сначала медленно, потом, скрывшнсь от глаз белых, рванул во весь опор, не жалея коня.

— Подходят солдаты! — кричал он.

Известне это тут же подняло на ноги стойбище.

— Я сам пойду туда и убью Хэнкока! — воскликнул Орлнный Нос.

Уже не было времени сложить вигвамы и собрать вещи. Женщин и детей посадили на коней и отправили на север. Воины вооружились луками, копьями, ружьями, кинжалами и палицами. Вожди снова утвердили Орлиного Носа военным вождем, но в помощники и советники ему назначили Могучего Медведя. Все-таки осторожные вожди боялись, что Орлиный Нос в гневе сотворит что-нибудь сумасбродное.

Орлиный Нос надел офицерский мундир с золотыми погонами, блестевшими не хуже, чем у Хэнкока. Он вложил карабин в кавалерийскую кобуру, засунул за пояс два пистолета, но, поскольку огнеприпасов у него было мало, взял еще и лук с колчаном, полным стрел. В последний момент он захватил белый флаг. Триста своих воинов он расставил в боевую линию длиной в милю. Боевая линия пересекла прерию. Не спеша он вел своих воинов с поднятыми копьями, натянутыми луками, готовыми к стрельбе ружьями и пистолетами против полутора тысяч обученных солдат и их больших, извергающих гром пушек.

— Тот офицер, которого зовут Хэнкок,— сказал Орлиный Нос Могучему Медведю,— жаждет боя. Я убью его перед его собственными солдатами, пускай тогда повоюют.

Могучий Медведь благоразумно напомнил, что у белых почти пятикратное преимущество в числе, что вооружены они скорострельными ружьями, что кони у них резвые и откормлены зерном, а те лошади, на которых отправили подальше чейенских женщин и детей, ослабли, ибо зимой не было травы.

— Если дойдет до боя,— добавил Могучий Медведь,— солдаты переловят наших женщин, детей и стариков и перебьют их.

Орлиный Нос не ответил.

Вскоре они увидели колонну, вытянувшуюся в боевой порядок, и поняли, что солдаты их уже заметили. Кастер Твердый Зад изготовил свой кавалерийский полк к бою, и всадники уже обнажили сабли.

Орлиный Нос спокойно поднял руку, воины остановились. Вождь поднял белый флаг. Солдаты замедлили шаг и встали на расстоянии ста пятидесяти метров от индейцев. Сильный ветер развевал над обеими линиями знамена и флаги. Из рядов белых вырвался одинокий всадник. Вскоре индейцы увидели, что это Высокий Вождь Уинкуп.

«Они окружили моего коня,— рассказывал потом Уинкуп,— обнимали меня, давали мне понять, что рады видеть меня, говорили, что теперь уж наверняка все будет в порядке, что теперь их никто не обидит... Я отвел главных вождей к генералу Хэнкоку, его офицерам и штабу — они ждали на полдороге между обеими линиями».

Орлииый· Нос расположился иеподалеку от офицеров. Ои сидел на коне перед самим Громовержцем и смотрел ему прямо в глаза.

— Вы хотите мира или войны? — резко спросил Хэикок.

— Мы ие хотим войны,— ответил Орлииый Нос.— Если бы мы хотели войиы, ие подошли бы так близко к твоим большим ружьям.

— Почему ты ие пришел на совещаиие в форт Ларнд? — продолжал Хэнкок.

— Коиь у меия слабый,— отвечал Орлииый Нос,— а каждый, кто ко мие приходит, рассказывает мие о твоих намереииях что-то иное.

Высокий Бык, Серая Борода и Могучий Медведь подошли ближе. Мириое поведение Орлииого Носа беспокоило их. Могучий Медведь обратился к генералу, прося его ие подходить с солдатами к иидейскому стойбищу.

— Наших жеи и детей ие удалось удержать. Оии испугались, бежали и ие хотят возвращаться. Оии боятся солдат.

— Вы должиы привести их назад,— грубо приказал Хэнкок,— я жду, что вы их приведете.

Могучий Медведь повериулся, разочароваино махиув рукой, ио тут Орлииый Нос шепнул ему:

— Уведи вождей к иашей лииии. Я убью Хэикока.

Могучий Медведь схватил коия Орлииого Носа за узду:

— Ты погубишь все племя!

Ветер усилился, кружилась пыль, и говорить стало трудио. Хэикок приказал вождям немедлеиио отправиться за женщииами и детьми и привести их иазад. После этого ои сказал, что переговоры закоичились.

Вожди и воииы послушио иаправили своих коией в том направлеиии, куда ушли жеищииы и дети. Но иазад оии их ие привели и ие вериулись сами. Хэикок, клокоча от гнева, ждал иесколько дней. Потом приказал Кастеру с кавалерией отправиться за иидейцами, а сам двинул пехоту в покинутое стойбище. Будучи методичным служакой, он сначала переписал вигвамы с их содержимым, а потом велел все сжечь: двести пятьдесят одии вигвам, девятьсот шестьдесят два костюма из бизоньей кожи, четыреста тридцать шесть седел, сотни седельных мешков, лассо, одеял и прочего. Благодаря его записям мы зиаем, что за имущество было у племеии чейеиов. Солдаты уиичтожили все, кроме коией, иа которых ускакали иидейцы, да еще сохранились одеяла и одежда, которые были иа иих. Больше у чейеиов не оставалось иичего. Только отчаяиие и гнев.

Гнев Боевых Собак и их верных союзников сиу широко разлился по прерии. Они нападали на станции дилижансов, уничтожали телеграфные линии, атаковали лагеря железнодорожных рабочих и прервали всякое сообщение в районе реки Смоки Хилл. Компания «Оверлэнд Экспресс» передала своим работникам приказ: «Как только индейцы приблизятся на расстояние выстрела — стреляйте. Поступайте без жалости, ибо и они вас не пожалеют. Генерал Хэнкок будет защищать вас и ваше имущество». Хэнкок должен был предотвратить войну, но он развязал ее. Кастер со своим Седьмым кавалерийским полком метался от форта к форту, но никаких индейцев обнаружить не мог.

У многих белых американцев, деятельность которых была связана с прерией, поступки Хэнкока-Громовержца вызвали отвращение.

«Я, к сожалению, должен заявить, что экспедиция генерала Хэнкока ничего хорошего не дала. Напротив, она породила много зла»,— написал главный уполномоченный по делам индейцев Томас Мерфи в Вашингтон комиссару Тейлору.

«Операция генерала Хэнкока,— информировал министра внутренних дел разбиравшийся в индейских делах генерал Сэнбор Черные Бакенбарды,— так катастрофически повредила интересам общества и вместе с тем кажется мне столь бесчеловечной, что я считаю необходимым ознакомить Вас со своим взглядом на это дело... Когда такой могучий народ, как мы, ведет войну против горстки разобщенных кочевников, то при данных обстоятельствах это является безмерно унизительным лицедейством, это неслыханная несправедливость, отвратительнейшее национальное преступление, которое рано или поздно призовет на нас или на наших потомков божью кару».

Впрочем, генерал Шерман в своем сообщении военному министру высказался иначе: «Я полагаю, что если пятидесяти индейцам дать возможность остаться между реками Арканзас и Платт, то нам придется охранять каждую станцию дилижансов, каждый поезд и все бригады железнодорожных рабочих. Другими словами, пятьдесят враждебных индейцев держат под угрозой три тысячи солдат. Было бы лучше их оттуда удалить, причем совершенно неважно, выманят их правительственные агенты или мы их перебьем».

Президент распорядился, чтобы Шерман попробовал успокоить индейцев. Летом 1867 года Шерман создал «мирную комиссию», и осенью она попыталась в форте Ларами заключить мир с сиу. Хэнкока отозвали из прерий, а его солдат разместили в фортах вдоль дорог.

Новый план установления мира в южных прериях касался не только чейенов и арапахо, но и племен кайова, команчей и апачей. Все эти пять племен предполагалось разместить в одной большой резервации южнее реки Арканзас, а власти должны были дать им скот и научить обрабатывать землю.

Мирные переговоры намечалось провести у ручья Медсин Лодж, в шестидесяти милях южнее форта Ларнд в начале октября. Ведомство по делам индейцев хотело созвать всех влиятельных вождей. В форт Ларнд навезли множество подарков и прислали несколько тщательно выбранных посланников. Одним из эмиссаров был метис Джордж Бент, который в это время был переводчиком агента Уинкупа. Бент без труда уговорил приехать Черного Котла. Вождь арапахо Маленький Ворон и вождь команчей Десять Медведей тоже согласились прийти на переговоры у ручья Медсин Лодж. Но когда Бент добрался до стойбищ Боевых Собак, он понял, что их вожди вообще не желают его слушать. После опыта с Громовержцем они подходили к встречам с белыми вождями весьма осторожно. Орлиный Нос прямо заявил, что к ручью Медсин Лодж он и близко не подойдет, если там будет Великий Воин Шерман (званием Великий Воин индейцы обозначали генералов).

Но при любых мирных переговорах с чейенами Орлиный Нос играл решающую роль. Под его началом в то время скопилось несколько сот воинов из всех чейенских кланов. И договор о мире в Канзасе был бы недействительным, если бы его не подписал Орлиный Нос. Бент договорился с другим метисом — Эдмондом Геррерой, чтобы тот пошел к Орлиному Носу и убедил его прийти к ручью Медсин Лодж, хотя бы для предварительных переговоров на первый раз. Геррера был женат на сестре Бента; женой Орлиного Носа была двоюродная сестра Герреры. А родственные связи всегда высоко ценились индейцами прерий. Это, наверное, и облегчило миссию Герреры.

27 сентября Геррера пришел с Орлиным Носом и Серой Бородой к ручью Медсин Лодж. Орлиный Нос настоял на том, чтобы Серая Борода сопровождал его: тот немножко понимал поанглийски и переводчики не могли бы его так легко обмануть. Главный уполномоченный Томас Мерфи, который должен был подготовить все необходимое перед приходом членов комиссии, сердечно приветствовал вождей чейенов.

— Предстоящие переговоры будут чрезвычайно важными,— сказал он и обещал, что члены комиссии обеспечат поставку продовольствия для индейцев, возьмут их за руку и поведут к миру.

— За кормежкой бегает только собака,— возразил Серая Борода.— Пища, которую вы нам возите, не идет нам на пользу. Пропитание нам дают бизоны. А вот того, в чем мы больше всего нуждаемся, мы не видим. Где порох для ружей? Где свинец

и гильзы? Когда вы нам их привезете, мы поверим, что у вас искренние намерения.

Мерфи ответил, что Соединенные Штаты дают боеприпасы только дружественным индейцам, и спросил, почему некоторые чейены продолжают нападать на белых.

— Потому что Хэнкок сжег наше стойбище,— ответили в один голос Орлиный Нос и Серая Борода.— Это наша месть.

Мерфи заверил их, что стоянку у них сожгли без ведома президента — Великого Отца; за это злое дело Великий Отец уже отозвал Хэнкока из прерий. И Великого Воина Шермана, против присутствия которого возражал Орлиный Нос, Великий Отец также отозвал в Вашингтон. Наконец Орлиный Нос согласился на компромисс. Он сказал, что поставит вигвамы в шестидесяти милях отсюда, у реки Симаррон.

— Я еще посмотрю, как будут проходить переговоры. Если все будет в порядке, я приду и приму в них участие.

Переговоры начались 16 октября. По-индейски — в Месяц Смены Времен Года. Арапахо, команчи, кайова и степные апачи встали лагерем в установленном месте, вдоль заросшего лесом берега ручья, а Черный Котел предпочел расположиться за ручьем. В случае чего ручей мог отделить его от двухсот сабель кавалерийского отряда, охранявшего членов комиссии. Орлиный Нос и вожди Боевых Собак послали в лагерь Черного Котла своих людей. Каждый день они доносили Орлиному Носу о ходе мирных переговоров. При этом они еще следили за Черным Котлом и за членами комиссии; если бы Черный Котел попытался подписать от имени народа чейенов плохой договор, они бы его тут же убили. Таков был тайный приказ Орлиного Носа.

Всего собралось больше четырех тысяч индейцев, но среди них было так мало чейенов, что переговоры прежде всего касались племен кайова, команчей и арапахо. А членам комиссии прежде всего нужно было обеспечить мир с опасными Боевыми Собаками, причем следовало убедить их в том, что резервация ниже реки Арканзас, которую им предлагали, очень удобное и выгодное место. Черный Котел и Джордж Бент уговорили нескольких колеблющихся вождей. Но враждебность остальных настолько усилилась, что они пригрозили Черному Котлу, если он не уйдет с переговоров, перебить всех его коней.

21 октября кайова и команчи подписали договор, по которому они дали обязательство жить в общей резервации с чейенами и арапахо. Они обещали охотиться на бизонов только на территориях южнее реки Арканзас и прекратить мешать строительству железной дороги, которую в это время начали проводить вдоль реки Смоки Хилл. Черный Котел, однако, не хотел ставить своей подписи, пока к ручью Медсин Лодж не по-

дойдут другие вожди чейенов. Маленький Ворон и его арапахо не хотели подписывать, пока не подпишут чейены. Недовольные члены комиссии согласились подождать еще неделю. И Черный Котел с другим настроенным мирно вождем — Маленьким Сюртучком — отправились в лагерь Боевых Собак, чтобы применить там свою дипломатию. Прошло пять дней, но чейены не появились.

Вечером 26 октября Маленький Сюртучок вернулся из лагеря Боевых Собак. Он сообщил, что вожди чейенов придут. Их будет сопровождать пятьсот вооруженных воинов. Они предупреждают, что будут стрелять из ружей: этим они хотят показать, что им очень нужны боеприпасы для осенней охоты на бизонов. Комиссии совершенно нечего опасаться, воины никого не обидят, и если им подарят боеприпасы, то они подпишут договор.

На следующий день, в теплый солнечный осенний полдень, прискакали чейены. Они показались на гребне горы южнее места переговоров и построились в каре — не хуже, чем кавалеристы Твердого Зада. Некоторые надели трофейные армейские мундиры, на других были красные одеяла. Копья их и серебряные браслеты и ожерелья блестели на солнце. Когда отряд приблизился к месту переговоров, воины развернулись в боевую линию лицом к членам комиссии, не без опаски ждавшим за ручьем. Один из индейцев затрубил в рог. Кони рванулись вперед, и из пятисот глоток вырвался крик «Ги-ги-гия, гия!». Воины подняли копья, натянули луки, несколько раз выстрелили из ружей и пистолетов в воздух и промчались через ручей так стремительно, что из него выплеснулась вода.

Передние ряды подскакали к комиссару Харни Белые Бакенбарды, который, не двигаясь с места, ждал индейцев. Другие члены комиссии спешно искали укрытия. Вожди и воины резко осадили коней, спешились, обступили испуганных членов комиссии, со смехом подавая им руки. Так они продемонстрировали, как быстры и ловки воины-чейены.

Когда кончилась церемония приветствий, начались речи. Говорили все — Высокий Бык, Белый Конь, Могучий Медведь и Вождь Бизонов. Они заявили, что не хотят войны, но если не получат почетного мира, начнут ее немедленно.

Вождь Бизонов даже потребовал, чтобы индейцам было разрешено охотиться вдоль реки Смоки Хилл. Он обещал, что чейены оставят в покое железную дорогу, а потом добавил:

— Пусть этот край будет нашим общим владением и пусть чейены там охотятся и впредь.

Но белые участники переговоров ни с кем не хотели делить землю севернее реки Арканзас. Утром следующего дня они угостили кофе вождей чейенов и арапахо, а потом зачитали им договор, содержание которого перевел Джордж Бент. Могучий

Медведь и Белый Коиь сиачала отказались подписывать договор, ио Беит отвел их в стороиу и убедил сделать это, чтобы удержать свою власть и впредь остаться со своими племеиами. После подписаиия договора члеиы комиссии раздали подарки, среди которых были и порох и пули. Так закоичились переговоры у ручья Медсии Лодж. Большииство чейенов и арапахо должны были теперь отойти иа юг. Но были и такие, которые уйти ие захотели. Человек триста — четыреста ушли от реки Симаррои к северу и соедииили свою судьбу с воииом, который ие хотел капитулировать.

Ибо среди подписей на договоре ие было имеии Орлииого Носа.

СМЕРТЬ ОРЛИНОГО НОСА

Зимой 1867—1868 года большинство чейеиов и арапахо разбили стойбище южнее реки Аркаизас, иедалеко от форта Ларнд. Осеиью оии добыли столько мяса, что могли пережить зимиие месяцы. Однако к весие стал ощущаться иедостаток пищи. Как-то пришел из форта Высокий Вождь Уиикуп и раздал иебольшое количество продовольствия, получеииого от ведомства по делам индейцев. Он сказал вождям, что Великий Совет в Вашиигтоие все еще обсуждает договор, а потому ие выдал деиег иа покупку питаиия и одежды для индейцев, как было обещаио. Вожди ответили, что если бы у иих было оружие и боеприпасы, то оии пошли бы иа юг, к Красиой реке, и настреляли бы столько бизоиов, сколько иужио, чтобы прокормиться и запастись. Но у Уиикупа ие было ии оружия, ии пороха, ни пуль. Так он и сказал вождям.

Теплые весеииие дии стали долгими, и молодые охотиики иачали проявлять беспокойство. Оии ворчали, что еды мало, и проклииали белых, ие сдержавших обещаиия, даииого у ручья Медсин Лодж. Небольшими группами оии начали тайно уходить к северу, иа свои прежиие охотиичьи угодья у реки Смоки Хилл. Высокий Бык, Белый Коиь и Могучий Медведь уступили давлеиию Боевых Собак и тоже пошли за реку Арканзас. Кое-кто из молодежи по пути иападал иа одинокие поселеиия белых в иадежде иайти пропитание и оружие.

Агеит Уиикуп сразу же пришел на стояику Чериого Котла и попросил вождей, чтобы оии были терпеливы и ие пускали своих юиошей на воеииую тропу, хотя Великий Отец и обмаиул их доверие.

— Наши белые братья убирают руку, которую подали иам у Медсии Лодж,— сказал Чериый Котел,— ио мы попробуем держаться за иее. Мы надеемся, что Великий Отец смилуется

над нами и даст нам ружья и боеприпасы, как обещал, и мы сможем охотиться на бизонов, чтобы наши семьи не голодали.

Уинкуп надеялся, что оружие и боеприпасы будут доставлены, ибо Великий Отец только что назначил командиром канзасских фортов нового Звездного Вождя — генерала Филипа Шеридана. Агент пригласил нескольких вождей, среди которых были Черный Котел и Каменный Теленок, в форт Ларнд для встречи с Шериданом.

Когда индейцы увидели Шеридана, коротконогого, с мощным затылком и длиными болтающимися руками, им показалось, что перед ними стоит насупленный серый медведь (так его и назвали — Серый Медведь). Во время беседы Уинкуп спросил генерала, выдавать ли индейцам оружие.

— Давайте, чего там,— буркнул Шеридан.— Когда они начнут воевать, мои солдаты перебьют их, как мужчин, по крайней мере.

Каменный Теленок тут же нашелся:

— Пусть ваши солдаты отрастят себе длинные волосы, чтобы можно было снять скальпы. Пусть хоть это послужит нам честью, когда мы их перебьем.

Эту беседу трудно было назвать дружеской. Тем не менее Уинкуп выдал вождям несколько старых ружей. Чейены и арапахо, хотевшие охотиться ниже реки Арканзас, ушли неудовлетворенными. Многочисленные отряды Боевых Собак и воины-одиночки все еще находились на севере за рекой. Некоторые из них нападали на белых и убивали их, где только ни встретят.

В конце августа большинство чейенов, которые ушли на север, собрались вдоль развилки Арикари на реке Рипабликэи. Там были Высокий Бык, Белый Конь и Орлиный Нос и с ними около трехсот воинов с семьями. Невдалеке стояли лагерем несколько кланов арапахо и вождь сиу Убийца Пауни со своими людьми. От Могучего Медведя, который стоял со своими людьми у реки Соломон, они узнали, что генерал Шеридан организовал эскадрон следопытов, рыщущих по индейским кочевьям. Индейцы усиленно запасали мясо на зиму и совсем не думали о том, что их могут найти следопыты или солдаты.

В один прекрасный день, было это 16 сентября, в Месяц, Когда Олени Роют Землю, охотничий отряд сиу из лагеря Убийцы Пауни увидел человек пятьдесят белых. Белые стали лагерем у Арикари, миль на двадцать ниже индейских лагерей. Только несколько из них одеты были в синюю кавалерийскую форму, на остальных была грубая кожаная одежда пограничной стражи особого подразделения, которое создал Шеридан, чтобы присматривать за индейцами. Их называли следопытами Форсайта, по имени их командира.

Охотники-сиу подняли соплеменников, Убийца Пауни послал

гонцов в лагерь чейенов и призвал их вместе напасть на белых, вторгшихся в охотничьи угодья. Высокий Бык и Белый Конь тут же выслали глашатаев, чтобы воины в лагерях готовили боевое снаряжение и раскрашивались для битвы. Вожди поспешили к Орлиному Носу. Тот в своем вигваме совершал обряд очищения. Дело в том, что несколько дней назад случилась беда. Когда чейены были в гостях в стойбище сиу, одна женщина замесила тесто для лепешек железной вилкой. Орлиный Нос узнал об этом уже потом, когда съел лепешку. Запрет его рода не позволял ему есть пищу, которой касался металл. Стоило ему съесть что-нибудь подобное, как заговор, благодаря которому он был неуязвим для пуль белых, терял свою силу. Чтобы возобновить заговор, надлежало совершить долгий и мучительный очистительный обряд.

Вожди чейенов верили в этот заговор, в запреты и обряды нисколько не меньше, чем Орлиный Нос, но все же Высокий Бык посоветовал ему поторопиться с очищением. Не в ущерб заговору, конечно. Высокий Бык был убежден, что чейены вместе с сиу спокойно справятся с полусотней следопытов. Но поблизости могли оказаться большие отряды синих курток, а в таком случае может понадобиться, чтобы именно Орлиный Нос повел воинов в бой. Орлиный Нос сказал, чтобы они поспешили, а сам пообещал прийти, как только завершит очищение.

Лагерь следопытов был довольно далеко, и поэтому вожди решили подождать с атакой до рассвета. Воинов пятьсот — шестьсот, вооруженных самыми лучшими копьями, луками и ружьями, на самых лучших боевых конях тронулось вниз по берегу реки Арикари. На головах воинов-сиу покачивались орлиные перья, головы чейенов украшали перья ворона. Недалеко от лагеря следопытов они остановились; вожди строго запретили нападать на врага малыми силами. Все должны атаковать вместе — так учил Орлиный Нос. Подойдут подкрепления, тогда они бросятся на следопытов и перебьют их.

Вопреки запрету шесть сиу и два чейена — все воины очень молодые и горячие — в предрассветной мгле подползли к лагерю белых и попытались угнать стадо коней. С первыми лучами солнца, крича и размахивая одеялами, они бросились к коням. Им удалось угнать нескольких коней, но тем самым они показали следопытам Форсайта, что индейцы поблизости. Когда раздался боевой клич сиу и чейенов — сигнал атаки на незащищенный лагерь,— следопыты уже перешли на островок в высохшем русле реки Арикари и укрылись в зарослях ивняка и высокой травы.

Индейцы начали атаку широким фронтом поперек долины, прикрытой туманом; копыта их коней застучали по земле. Когда они приблизились настолько, что заметили, как следопыты уходят

иа лесистый остров, одии из воииов-чейеиов затрубил в рог. Виачале предполагалось иапасть иа лагерь, но теперь пришлось свериуть к высохшему руслу ручья. Следопыты открыли огоиь нз виитовок-магазииок снстемы Спеисера, передиие атакующие ряды поределн, и воииы, разделившись на два крыла, обошли остров справа и слева.

Почтн до полудия кружили иидейцы около острова. Их едииствеииой мишеиью были коии следопытов, стоявшне в высокой траве. Когда воины подстреливали какого-инбудь коия, следопыты тут же использовали его тело как укрытие. Магазииные виитовки ие иадо было перезаряжать, как допотопиые ружья чейеиов, и огоиь следопытов был сокрушающнм. Некоторые воины проиикали к острову иа свой страх н риск, спрыгивалн с коией и пытались проползти через зарослн к следопытам. Но беглый огоиь магазннок задерживал их. Одии человек, по имеии Волчье Брюхо, дважды проскакал иа коие через защнтиое кольцо следопытов. На ием была шкура ягуара, так чудесио заколдоваииая, что его ие коснулась ни одиа пуля.

Вскоре после полудия иа поле боя явился Орлииый Нос и стал иа пригорке иад островом. Большииство воииов прекратили бой н ждали, что предпримет воеииый вождь. Высокий Бык н Белый Коиь прншлн к нему иа совет, ио не предложили, чтобы ои их повел в бой. Потом к иему приблизнлся старнк, по имеии Белый Строптнвец, и сказал:

— Глядите-ка, Орлииый Нос, человек, от которого мы зависим, сидит здесь, за пригорком.

Орлииый Нос засмеялся. Ои уже решил, что сделает в этот деиь, и зиал, что умрет, ибо ие было времеии завершить обряд очищеиия, однако засмеялся.

— Все те, кто там сражается, убеждеиы, что оии — твои воины,— продолжал Белый Строптивец.— Оии выполият все, что ты прикажешь, а ты сидишь здесь, за пригорком.

Орлнный Нос отошел в сторону и стал готовнться к бою. Лоб ои раскрасил желтым, иос красиым, а подбородок чериым. Потом иадел боевую иалобиую повязку с рогом бнзона и сорока чериыми перьями. Подготовившнсь, ои вскочил иа коия и поскакал винз к высохшему руслу, где воииы уже ожндали, готовые к бою, чтобы ои повел их в победную атаку.

Сиачала они двнгалнсь медленно, потом постепенио ускорнли бег и иакоиец безжалостио стали хлестать коией, чтобы как можно быстрее доскакать до острова. Одиако стрельба следопытов Форсайта сиова проредила передиие ряды и ослабила напор отчаяииой атаки. Орлиный Нос достиг уже виешиего края ивияка, ио тут пуля сбоку пробила ему бедро и проиикла в позвоиочиик. Ои упал в кусты и лежал там до сумерек, а потом ему удалось выползти иа берег. Несколько молодых воииов его

уже искали. Его отнесли на пригорок, где женщины чейенки и сиу оказывали раненым первую помощь.

Ночью Орлиный Нос умер.

На молодых воинов смерть Орлиного Носа подействовала сильнее, чем если бы в небе померк свет солнца. Вождь сам был убежден, что если его народ будет упорно сражаться за свою землю, то в конце концов победит, и убедил в этом и своих воинов.

Хотя ни чейены, ни сиу уже не имели желания воевать дальше, восемь дней они продержали следопытов Форсайта в осаде. Следопытам пришлось есть убитых коней и рыть в песке ямы, чтобы добыть воды. Когда на восьмой день к ним на подмогу пришел отряд солдат, индейцы готовились отступить от острова.

Результаты этого боя белые впоследствии чрезмерно преувеличили. Назвали его боем на острове Бичера, по имени убитого там молодого лейтенанта Фредерика Бичера. Оставшиеся в живых хвалились, что перебили сотни краснокожих. В действительности индейцы потеряли убитыми только тридцать человек, но одним из них был Орлиный Нос. Эта потеря была невосполнимой. И в память племени, в его предания этот бой вошел, как Битва, Где Погиб Орлиный Нос.

Оправившись после битвы, значительная часть чейенов отправилась на юг. Солдаты теперь всюду выслеживали их, и единственной надеждой на спасение оставались только соплеменники южнее реки Арканзас. Черного Котла они считали сломленным стариком, однако он был еще жив и оставался вождем южных чейенов.

Индейцы, правда, не могли знать, что генерал Шеридан, который так напоминал им сердитого медведя, планирует зимний поход на юг от реки Арканзас. Когда придут холодные месяцы и выпадет снег, он прикажет послать Кастера и его кавалерию, чтобы они опустошали стоянки индейских дикарей. А дикари ведь большей частью выполняли свои обязательства по договору. Но по мнению Шеридана, был дикарем каждый индеец, который защищался, когда в него стреляли.

ПОСЛЕДНЯЯ СТОЯНКА ЧЕРНОГО КОТЛА

В ту осень Черный Котел устроил стоянку у реки Уошито, в сорока милях восточнее Антилопьих гор. Когда понемногу стали подходить бежавшие из Канзаса молодые люди, он журил их за неразумное поведение, но, как любящий отец, принимал в свой клан. В ноябре, услышав, что идут солдаты, он вместе с Маленьким Сюртучком и двумя вождями арапахо прошел почти сто миль вдоль по течению реки Уошито до форта Кобб, где находилось их новое агентство. Комендантом форта был гене-

рал Унльям Б. Хейзен, который, как показалось весной, когда чейены н арапахо приходнли в форт, относнлся к ннм подружескн н с снмпатией.

Но тут Хейзен не проявил особой дружелюбностн. Черный Котел попроснл разрешения переселить 180 семей блнже к форту Кобб, где они имели бы защнту. Хейзен такого разрешения не дал. Он не позволнл также, чтобы чейены и арапахо поселилнсь на стоянках кайова н команчей. Он, правда, заверил Черного Котла, что еслн вождн, вернувшнсь домой, удержат своих юношей на месте, то ннкто на них не нападет. Хейзен дал гостям немного сахару, кофе н табаку, пожал руку н послал обратио. Генерал знал, что живыми он их уже не увидит. Он был хорошо осведомлен о военных планах Шерндана.

Разочарованные вождн — сквозь пургу, под суровым северным ветром — отправились на свои стоянки. 26 ноября онн были на месте. Хотя Черный Котел был нзмотан, он тут же созвал совет вождей племени.

Черный Котел завернл своих людей, что на этот раз их не захватят врасплох. Онн не будут ждать, пока солдаты явятся к ним. Он, вождь, которому белые верят, сам пойдет со стариками навстречу солдатам н убедит их, что чейены — люди миролюбивые. Снег сейчас глубок, выше колен, н все идет и идет, но, как только тучн на небе разойдутся, Черный Котел пойдет навстречу солдатам. Он нм все объяснит.

Хотя Черный Котел пошел спать в ту ночь поздно, проснулся он, как обычно, перед рассветом. Он вышел нз вигвама и обрадовался, увидев, что небо чисто. Долину Уошито закрывал густой туман, но на вершннах холмов за рекой было видно много снега.

Вдруг он услышал женский крик. Голос приближался н звучал все более отчетливо. «Солдаты! Солдаты!» — кричала женщнна. Черный Котел инстннктнвно бросился в палатку за ружьем. Тут же созрело решение: нужно поднять лагерь и позаботнться, чтобы все ушлн. Резня, которая случнлась когда-то с чейенамн у Песчаного ручья, не должна повториться. Сам же он пойдет навстречу солдатам к броду на Уошито н поговорит с нимн. Он поднял дуло к небу н нажал спуск. Выстрел разбудил всех. Черный Котел спешно распорядился, чтобы все садилнсь на коней н уходили, а его жена в это время отвязала и привела ему коня.

Он уже спускался к броду, когда в тумане зазвучал горн, послышались слова команд н раздались дикне вопли атакующих солдат. Снег прнглушал топот копыт, слышалнсь тупые удары ранцев, звон уздечек, хриплые крикн н завыванне горнов. (Кастер Твердый Зад привел военный оркестр н для атаки приказал нграть марш «Гаррн Оуэн».)

Черный Котел предполагал, что солдаты пойдут через брод на Уошито. Они, однако, вынырнули из тумана со всех четырех сторон. Но как идти навстречу сразу четырем колоннам атакующих и говорить с ними о мире? Так же было тогда, у Песчаного ручья... Черный Котел подал жене руку, помог ей сесть на круп позади себя и пустил коня в галоп. Его жена пережила с ним резню у Песчаного ручья; и теперь вновь они бежали от свистящих пуль, подобно измученным, лишенным навечно сна людям, которых непрерывно преследует ночной кошмар.

Они были уже почти у брода, когда увидели атакующих кавалеристов в тяжелых синих шинелях и меховых шапках. Черный Котел придержал коня и поднял руку, показывая, что у него мирные намерения. Пуля попала ему в живот, и конь завертелся на месте. Следующая пуля попала вождю в спину, и Черный Котел рухнул в снег на берегу реки. Несколько пуль сразили его жену, и она упала рядом с ним, а конь убежал. Кавалеристы проскакали через брод, прошли по бездыханным телам Черного Котла и его жены и затоптали их.

Кастер получил от Шеридана однозначный приказ: «Наступать к югу в направлении Антилопьих гор, оттуда к реке Уошито, где, по всей вероятности, зимуют враждебные племена; стоянки уничтожить, коней перебить, всех воинов умертвить или повесить, женщин и детей увести».

Солдаты Кастера уничтожили стоянку Черного Котла за несколько минут; за несколько следующих минут они перестреляли сотни лошадей в загонах. Если бы они хотели перебить или повесить воинов, то их пришлось бы отделять от стариков, женщин и детей. Такая процедура казалась кавалеристам очень долгой и небезопасной. Гораздо проще и безопасней перебить всех подряд. Они умертвили сто трех шейенов, среди которых нашелся едва ли десяток воинов, и захватили в плен пятьдесят три человека — женщин и детей.

Стрельба в долине привлекла из близлежащей стоянки группу арапахо. Вместе с шейенами они ударили на солдат с тыла. Отряд арапахо окружил взвод в составе девятнадцати солдат, под командой майора Джоэла Элиотта, и всех перебил. Около полудня начали подходить из отдаленных речных районов кайова и команчи. Когда Кастер заметил на окрестных холмах все увеличивающееся число индейских воинов, он собрал пленников, предоставил пропавшего майора Элиотта его судьбе и быстрым маршем направился на север, к своей временной базе в лагере Сэпплай у реки Канадиэн.

Генерал Шеридан в лагере Сэпплай с нетерпением ожидал известия о победе Кастера. Когда ему сообщили, что кавалерийский полк возвращается, он приказал, чтобы весь гарнизон приготовился к военному параду. Под торжественные звуки

оркестра проходили победители, размахивая скальпами Черного Котла и других убитых. Шеридан публично поблагодарил Кастера «за героизм, проявленный к пользе отечества».

В официальном донесении о победе над «кровожадными дикарями» и «бандами диких и жестоких разбойников» генерал Шеридан разливался соловьем, рассказывая, как он «ликвидировал Черного Котла... это измотанное и ни к чему уже не пригодное старое ничтожество». Он добавлял, что обещал Черному Котлу убежище, если тот придет в форт, прежде чем начнется боевая операция. «Он отказался,— доносил, не краснея, Шеридан,— и был убит в бою».

Когда старый друг Черного Котла Уинкуп, который в знак протеста против политики Шеридана покинул службу, узнал о смерти вождя чейенов, он заявил, что белые подло убили Черного Котла и гордо размахивают его скальпом. «Кого же называть дикарями?» Нашлись и другие люди, в основном те, кто знал и любил миролюбивого старого вождя, которые публично выступили против Шеридана.

Шеридану, по его словам, начхать было на эти протесты «лицемерных святош, которые так и норовят помогать кровожадным дикарям».

Шеридан был в себе уверен — и не ошибался. Сам Великий Воин Шерман поддержал его. Более того, он приказал ему и впредь истреблять враждебных индейцев и их коней. Правда, мирных индейцев он распорядился расселить в специальных лагерях, где они будут получать питание и смогут перенять цивилизацию белых.

Выполняя этот человеколюбивый приказ, Шеридан с Кастером выслали из форта Кобб гонцов к четырем племенам, жившим поблизости, с призывом явиться и заключить мир. «Иначе,— мягко добавил Шеридан,— их найдут где угодно и перебьют». Индейцы уже хорошо знали, что в этой части обещаний Шеридану можно доверять.

В конце декабря в форт Кобб начали подходить уцелевшие чейены Черного Котла. Индейцам пришлось идти пешком, так как Кастер перебил их коней. Вождем племени стал теперь Маленький Сюртучок; когда его привели к Шеридану, он сказал вождю Серому Медведю, что его люди голодают. Кастер сжег у них все запасы мяса, а бизоны около Уошито не водятся. Люди так голодают, что съели своих собак.

— Придите в форт Кобб и сдайтесь без всяких условий — получите еду,— ответил Шеридан.— А то знаю я вас: сейчас заключите мир, а весной опять начнете убивать белых. Не хотите заключить полный мир, можете вернуться к себе. Посмотрим, чем дело кончится. Знаете ведь меня, Серого Медведя, я слов на ветер не бросаю.

— Мы сделаем все, что ты скажешь,— только и мог ответить Маленький Сюртучок.

Вождь арапахо Желтый Медведь тоже обещал, что приведет всех своих людей в форт Кобб. Несколько дней спустя сдался первый из вождей команчей Тосави. Когда Тосави привели к Шеридану, команч сжал зубы. Он отодвинул переводчика, представился сам и добавил:

— Тосави — хорош индеец.

Вот тогда-то генерал Шеридан и произнес слова, которые вошли в историю:

— Единственные хорошие индейцы, которых я когда-либо видел,— мертвые индейцы.

Слова эти стали широко известны, пресса разнесла их по всей стране, и, переходя из уст в уста, они превратились в американский афоризм: «Только мертвый индеец — хороший индеец».

ПОХОД ВЫСОКОГО БЫКА

В эту зиму чейены и арапахо, а с ними немного людей из племени команчей и кайова прожили на содержании у белых в форте Кобб. Весной 1869 года правительство Соединенных Штатов приняло решение сосредоточить команчей и кайова в районе форта Силл. Для чейенов и арапахо выделили резервацию около лагеря Сэпплай. Но далеко на севере кочевали еще у реки Рипабликэн отдельные группы Боевых Собак, да небольшая часть чейенов ушла с Высоким Быком на юг, где были бизоны и не строилось железных дорог.

Раскол произошел в то время, когда чейены шли по реке Уошито из форта Кобб в лагерь Сэпплай. Тогда Маленький Сюртучок обвинил Высокого Быка в том, что он подстрекает молодых воинов нападать на солдат. А вождь Боевых Собак обвинил Маленького Сюртучка в том, что он такой же ничтожный человек, как Черный Котел и низкопоклонствует перед белыми. Высокий Бык заявил, что он не будет жить в маленькой и бедной резервации, которую для них выделили ниже реки Арканзас. Чейены всегда были свободным народом. По какому праву белые приказывают им, где они должны жить? Они останутся свободными или погибнут.

Маленький Сюртучок рассердился и сказал Высокому Быку и его Боевым Собакам:

— Уходите от нас навсегда! А если не уйдете, я договорюсь с белыми и прогоню вас.

Высокий Бык гордо ответил:

— Мы уйдем на север. Там есть еще свободные люди нашего племени. Мы соединимся с Красной Тучей и его воинами — сиу, которые изгнали белых с земель у Пыльной реки. А вы грызитесь, как собаки, за объедки, которые вам будут кидать белые!

Так воинов двести из союза Боевых Собак со своими семьями двинулись под командой Высокого Быка на север. В мае, в Месяц, Когда Жеребятся Лошади, они присоединились к чейенам, которые перезимовали у реки Рипабликэн и стали готовиться к долгому и опасному походу к Пыльной реке.

Шеридан, который действительно слов на ветер не бросал, послал за ними кавалерийский отряд под командованием генерала Юджина Карра. Задача была поставлена предельно просто: выследить и уничтожить. Солдаты Карра нашли лагерь Боевых Собак и напали на индейцев с той же жестокостью, с какой Кастер разгромил стоянку Черного Котла. Разница была в том, что на этот раз двум десяткам чейенских воинов удалось — ценой жизни — задержать на день солдат и спасти от плена женщин и детей.

Индейцы разбились на маленькие группки, чтобы укрыться от идущих по пятам отрядов Карра. Через несколько дней Высокий Бык снова собрал своих воинов. Шеридан, Кастер и Карр преподали им хороший урок, и чейены решили следовать их примеру. Они разрушили две мили ненавистной железной дороги, нападали на маленькие поселения, жгли дома, безжалостно убивали белых. Высокий Бык помнил, что Кастер взял в плен чейенских женщин, и тоже увел с одного ранчо двух белых женщин. Обе оказались немками, недавними переселенками из Германии, и по-английски знали лишь несколько слов. Впервые чейены встретили белых людей, не понимавших язык белых.

Чтобы скрыться от рыскавших повсюду кавалеристов, Высокий Бык и его люди должны были непрерывно менять стоянки и нигде не задерживаться больше, чем на одну ночь. Они продвигались на запад, прошли через Небраску до Колорадо. В июле Высокий Бык собрал своих людей у Саммит Спрингс, надеясь, что перейдет там реку Платт. Но река разлилась, пришлось стать лагерем. Высокий Бык выслал нескольких юношей — они должны были отыскать брод и обозначить его шестами. Было это в Месяце, Когда Зреют Черешни. День был очень жаркий. Чейены, измученные скитаниями, отдыхали в вигвамах.

В этот день следопыты майора Фрэнка Норта, индейцы из исконно враждебного чейенам и сиу племени пауни, случайно напали на след чейенов. (Вспомните, что одного из вождей сиу даже звали Убийца Пауни. У пауни тоже не редки были имена вроде Сокрушитель Сиу и Истребитель Чейенов. Из ненависти к

врагам пауни присоединились к белым. Впоследствии, впрочем, это не спасло их от похожей участи. Но это уже выходит за рамки нашего рассказа.) Пауни и синие куртки генерала Карра напали на лагерь Высокого Быка внезапно. Они атаковали с востока и запада, а с севера текла разлившаяся река, так что единственной дорогой к бегству оставался юг. Кони разбежались, и, пока мужчины пытались их поймать, женщины с детьми уходили пешком.

Уйти удалось немногим. Высокий Бык с двадцатью людьми укрылся в овраге. С ним была его жена с ребенком и две пленные немки. Когда пауни и солдаты напали на лагерь, десять воинов, оборонявших вход в овраг, были убиты сразу.

Индейцы оказались в ловушке. Высокий Бык топором вырубал на склоне оврага ступеньки, чтобы выбраться наверх. Добравшись до верха, он выстрелил, тут же пригнулся, а когда поднялся, чтобы выстрелить снова, пуля раскроила ему череп. Через несколько минут пауни и солдаты наводнили овраг. Все чейены, кроме жены и ребенка Высокого Быка, лежали мертвыми. Обе немки были тяжело ранены, одна умерла сразу, другая некоторое время еще жила. Белые потом утверждали, что белых пленниц пристрелил сам Высокий Бык.

Но индейцы — и чейены, и пауни — не верили, чтобы он мог так бессмысленно расходовать патроны.

Орлиный Нос был мертв; Черный Котел был мертв; мертв был и Высокий Бык. Теперь все они стали хорошими индейцами... Да и племя чейенов — гордое и воинственное племя чейенов, почти всё, кроме измученных женщин и плачущих от ужаса детей,— стало хорошими индейцами. Очень хорошими индейцами.

Длинная дорога сахаптинов

В отличие от чейенов, индейцы племени сахаптинов всегда были миролюбивы. Конечно, в случае опасности сахаптины могли дать — и давали — жестокий отпор. Но за всю историю племени они сами ни на кого не нападали. Тем не менее копья их были остры, луки туго натянуты, кони быстры, и более воинственные соседи не решались посягать ни на их скот, ни на богатые охотничьи угодья.

Первыми встретились с сахаптинами французские торговцы мехами. Они-то и дали племени название «нэз персэ», что значит — «пронзенные носы». Дело в том, что сахаптины носили в носу кольца и с этой целью продырявливали носовую перегородку. Под именем «нэз персэ» они известны в научной литературе.

В год, когда погибало племя сахаптииов, Эдисон изобрел фоиограф и был сдаи в эксплуатацию первый междугородиый телефон. В далекой России вышел роман Льва Толстого «Аииа Каренина»...

«МЫ НЕ ХОТИМ ЭТОМУ УЧИТЬСЯ!»

В сеитябре 1805 года исследовательская группа, составлявшая описаиие страиы, перевалила через Скалистые горы. Долгая дорога по диким местам, голод и лишеиия иастолько ослабили ее члеиов, что оии ие смогли бы защитить себя. Вдобавок людей мучила дизеитерия. Места, в которых они оказались, были землями племеии сахаптииов. Сахаптины дружелюбио встретили белых, дали им продуктов и иесколько месяцев, пока экспедиция шла дальше на лодках к побережью Тихого океаиа, присматривали за их коиями. Надо сказать, что для иидейцев коии были самой большой цеииостью, и, стоило им захотеть, оии без труда могли бы отобрать их у ослабевших путешествеиииков. Но, прииява их как друзей, иидейцы взяли иа себя ответствеииость и за их имущество.

Мириые — и даже дружествениые — отиошения между сахаптинами и белыми длились почти пятьдесят лет. Ни один сахаптин никогда ие подиимал оружия против белого. Но белые жаждали земель и золота...

В 1855 году губернатор территории Вашингтои Айзек Стивеис пригласил сахаптииов иа мириые переговоры.

— В страие очень миого белых и много еще придет,— сказал губериатор.— Землю иадо разделить, чтобы иидейцы и белые могли жить отдельио. Лучше всего будет — чтобы сохранить мир,— если мы выделим для иидейцев отдельиую территорию. Вы будете жить и охотиться иа этой территории, и будет все хорошо.

Вождь Туэкакас, которого белые называли Старым Джозефом, возразил, что ни один кусок земли никому ие принадлежит. А кто же может отдавать то, что ему ие прииадлежит? Подобную позицию губернатор не мог понять.

— Подпиши, подпиши,— настаивал ои,— и прими от иас в подарок одеяло.

— Убери бумагу,— отвечал вождь.— Моя рука ие коснется ее.

К несчастью, иашлись и другие среди сахаптииских вождей. Иидеец Алейя, которого белые звали Проиырой, и иесколько других вождей подписали договор. Старый Джозеф этих подписей ие призиал и увел своих людей в долину реки Уолловы, в зелеиую страиу с плавио струящимися реками, широкими

лугами, с горами, покрытыми лесами, с чистым синим озером. Можно ли найти для жизни лучшее место? Сахаптины звали его Долиной Извивающихся Вод. Племя выращивало прекрасных коней, пасло скот, выменивало товары у белых.

Через несколько лет после подписания первого договора в долину Уолловы пришли правительственные чиновники и потребовали еще земли. Старый Джозеф предупредил своих людей, чтобы у белых не брали никаких подарков: ни десятка пуль, ни горсти пороха, ни одного одеяла.

— Через минуту после этого они скажут вам, что вы приняли плату за свою страну,— убеждал он.

В 1863 году чиновники предложили сахаптинам новый договор: бассейн реки Уолловы и три четверти земли, что у племени оставались, отходили правительству Соединенных Штатов. У сахаптинов зато увеличилась маленькая резервация Лапваи в теперешнем штате Айдахо. Старый Джозеф опять категорически отказался подписывать договор. Но Проныра и некоторые другие вожди — среди них никто никогда не жил в Долине Извивающихся Вод — без колебаний подписали бумагу и отдали землю своего народа. Старый Джозеф поклялся отомстить изменникам. В гневе он публично разорвал Библию, которую в стремлении обратить индейца в христианскую веру подарил ему один белый миссионер. Чтобы показать белым, что он и впредь считает долину реки Уолловы владением племени, Джозеф приказал столбами, увенчанными конскими черепами, отметить границы своей земли.

Вскоре после этого Старый Джозеф умер. В 1871 году вождем избрали его сына Хейнмота Туялакета. Ему было в то время около тридцати лет, и белые прозвали его Молодым Джозефом. Снова пришли правительственные чиновники и приказали сахаптинам уйти из долины Уолловы в отведенную для них резервацию Лапваи. Но Молодой Джозеф не пожелал их даже выслушать:

— Ни Проныра, ни другой вождь не имеют права отдавать эту землю. Она веками принадлежала нашим людям. Мы будем защищать ее, пока хоть капля крови будет согревать сердца наших мужчин.

Вождь послал Великому Белому Отцу, президенту Улиссу Гранту, петицию — оставить сахаптинский народ в покое, не мешая ему жить там, где он жил с незапамятных времен.

16 июня 1873 года президент издал распоряжение, по которому изъял долину Уолловы из области, определенной для поселения белых. Казалось, Молодой Джозеф настоял на своем. Вскоре явилась комиссия, которая начала создавать в долине новое индейское агентство. Один член комиссии пришел к Джозефу объяснить, что сахаптинам очень не помешали бы

школы. Джозеф ответил, что сахаптинам школы белых не нужны.

— Почему? — изумился агент.

— В школах нас будут учить, что мы должны иметь церкви,— ответил Джозеф.

— А вы не хотите церквей?

— Нет, мы церквей не хотим.

— Это еще почему?

— Они научат нас ссориться из-за бога,— отвечал Джозеф.— А мы не желаем этому учиться. Иногда мы ссоримся между собой из-за земных вещей, но из-за бога мы никогда не ссоримся. И не хотим этому учиться.

УПРЯМЫЙ ТУГУЛЬГУЛЬЗОТЕ

Тем временем в долину постепенно тянулись белые поселенцы. В горах неподалеку нашли золото. Золотоискатели крали у индейцев коней, скотоводы угоняли скот. Они тут же клеймили скот своим тавром, и стоило сахаптинам отбить скот обратно, как поднимался шум: «Индейцы угрожают миру, крадут у поселенцев скот!» Дело о преступлениях сахаптинов стали разбирать в Вашингтоне, а там, как сказал Джозеф: «У нас не было друга, который отстаивал бы нашу правду перед конгрессом».

И спустя два года после того, как Великий Белый Отец обещал народу сахаптинов, что навеки отдает ему долину Уолловы, он издал новое распоряжение: долина открывалась для поселенцев. Их там и без разрешения было уже много. Сахаптинам предоставили два месяца, чтобы они, завершив свои дела, собрали вещи и переселились в резервацию Лапваи. Джозеф и совет вождей отказались. В 1877 году правительство послало Однорукого Военного Вождя, генерала Говарда, чтобы он очистил область Уолловы от индейцев.

Оливер Отис Говард сам по себе не имел ничего против сахаптинов. Но он был профессиональным военным, а в армии приказы выполняют быстро и точно. В мае 1877 года он вызвал Джозефа в свою резиденцию в резервации Лапваи на переговоры. Вопрос стоял один: когда сахаптины отдадут свою землю?

Джозеф взял с собой мудрых мужей: Белую Птицу, Зеркало, своего брата Оллокота и шамана Тугульгульзоте. Шаман был высоким, необычайно безобразным человеком с толстой шеей. Он славился в племени своим искусством оратора и спорщика. Один белый, которому довелось полемизировать с Тугульгульзоте, назвал его исчадием ада.

Переговоры в форте Лапваи начались в доме агента —

напротив тюрьмы. От имени сахаптинов выступал Тугульгульзоте. Остальные вожди подтверждали его слова покашливанием и кивками.

— Некоторые сахаптины отказались от своей земли,— заявил шаман.— А мы от нее никогда не отказывались. Мы сроднились со своей землей и никогда от нее не откажемся.

— Вы хорошо знаете, что правительство выделило для вас резервацию. Вы должны в нее перейти для вашей же пользы,— возразил Говард.

— Кто надумал делить землю и селить нас там, где мы не хотим? — спросил Тугульгульзоте.

— Я вам приказываю. Я замещаю президента здесь.— Говард уже терял терпение.— Я получил четкие указания, и я их выполню.

В ответ на это шаман спросил Однорукого Военного Вождя:

— Может ли земля принадлежать белым, если сахаптины унаследовали ее от своих предков? Мы вышли из земли, это мать наша, и наши тела должны вернуться в эту же землю.

— Я не хочу касаться вашей религии,— с раздражением ответил Говард,— давайте говорить по существу. Я уже двадцать раз слышал, что земля ваша мать и что от земли выводит вождь свой высокий чин. Мне уже надоело это слушать, будем, наконец, говорить по делу.

— Кто мне смеет приказывать, что я должен делать в своей собственной стране? — возразил Тугульгульзоте.

Логика Тугульгульзоте была неотразимой, но, в общем-то, это был спор волка с ягненком.

После долгих препирательств Говард решил продемонстрировать силу. Он велел арестовать и посадить в тюрьму шамана, а потом без обиняков заявил Джозефу, что дает сахаптинам тридцать дней на переселение из долины Уолловы в резервацию Лапваи.

— Мои люди всегда были друзьями белых,— сказал Джозеф.— Почему ты так спешишь? За тридцать дней мы даже не подготовимся к отходу. Наш скот пасется в разных местах, а Змеиная река разлилась. Давай обождем до осени, пока спадет вода.

— Если ты опоздаешь хоть на день,— резко бросил Говард,— придут солдаты и загонят вас в резервацию силой. Скот и кони, оказавшиеся вне резервации, попадут к белым.

Теперь уже Джозеф понял, что выхода нет. С неполной сотней воинов долину не защитить. Когда он со своими помощниками вернулся домой, там уже были солдаты.

Пока они не нападали, но по всему было видно, что находятся в боевой готовности.

Был созван совет. Старейшины приняли решение тут же собрать скот, чтобы немедля отправиться в Лапваи.

— Белых было много, и мы не могли им противостоять. Мы были как олени, они — как дикие медведи. Наша страна была мала, их — велика. Мы хотели оставить все таким, как создал Великий Дух. Они этого не хотели, и если реки и горы стояли у них на пути, они их передвигали,— рассказывал много-много лет спустя один из сахаптинов.

Многие воины говорили, что лучше воевать, чем бежать, как собаки, из родной страны. Выпустили из тюрьмы Тугульгульзоте. Шаман не находил себе места. Яростно проповедовал он, что только кровью можно смыть позор, которому его подверг Однорукий Военный Вождь. Но Джозеф продолжал настаивать, чтобы племя сохраняло мир.

Чтобы поспеть к сроку генерала Говарда, сахаптинам пришлось оставить много скота в долине. Тем не менее племя тронулось в путь, и к вечеру пятого дня люди вышли к Змеиной реке. Ее вода поднялась из-за притока растаявших горных снегов. Женщин и детей переправили через реку на надутых бизоньих шкурах. По счастью, обошлось без потерь. Большинство воинов было уже на том берегу, когда появилась дюжина верховых белых. Скот ждал еще переправы, а воинов рядом было мало. На глазах у сахаптинов белые угнали нескольких коров. Переправившиеся назад сахаптины не стали их преследовать, но попытались как можно быстрее переплыть со скотом на другой берег. Поэтому переправа не была должным образом подготовлена, и многих животных унесло стремительное течение.

Негодующие вожди потребовали у Джозефа созвать совет. Разбили лагерь в Скалистом каньоне. Тугульгульзоте, Белая Птица и Оллокот считали, что настало время начать войну. Джозеф возразил:

— Лучше жить в мире, нежели стать покойником.

Его обозвали трусом, но Джозеф остался непреклонным: мир, прежде всего мир...

ТРОПА ВОЙНЫ

Пока вожди спорили в каньоне, под покровом ночи исчезла группа молодых воинов. Утром они вернулись, но теперь Джозеф не смог бы уже утверждать, что сахаптины никогда не убили ни одного белого. В эту ночь было убито одиннадцать белых. Воины отомстили за угон скота и за изгнание из родной долины.

Теперь и Джозеф, подобно многим другим миролюбивым

индейским вождям, оказался меж двух огней. С одной стороны — давление белых, с другой — негодование и отчаяние собственного народа.

— Я отдал бы свою жизнь,— говорил он,— чтобы исправить случившееся. Мои люди убили белых. Они виноваты в этом. Но белые тоже виноваты... Я хотел бы отвести свой народ в Страну Бизонов — в Монтану без боя... Мы прошли еще шестнадцать миль от Змеиной реки к ручью Белой Птицы, устроили там стоянку, хотели собрать скот. Тут на нас напали солдаты...

Так произошла первая битва — 17 июня.

Хотя солдат было вдвое больше, сахаптины заманили их в каньоне Белой Птицы в ловушку, напали на фланги и уничтожили третью часть отряда, а остальных рассеяли. Десять дней спустя Однорукий Военный Вождь привел сильное подкрепление. Но сахаптины скрылись в горах. Джозеф — поскольку война началась, он стал вести ее умело и хладнокровно — предпринял несколько обманных маневров и совершенно запутал солдат. Он наголову разбил передовой отряд и потом стремительно двинулся к реке Клируотер, где его ждал вождь Зеркало с другими воинами.

У сахаптинов было двести пятьдесят воинов, вдвое больше небоеспособных — женщин, детей, стариков,— тяжелый груз,— все имущество и две тысячи коней. В каньоне Белой Птицы они захватили несколько ружей и множество боеприпасов.

Они перешли реку Клируотер, а потом Джозеф созвал вождей на совет. Все они знали, что уже никогда не смогут вернуться в Долину Извивающихся Вод, но путь в резервацию тоже был теперь закрыт. Оставался единственный выход — бегство в Канаду, в Страну Старой Матери. Вождь сиу Сидящий Бык ушел туда, и американские солдаты не отважились преследовать его. Если сахаптинам удастся выйти на дорогу вдоль ручья Лоло и перейти горы Битеррут, дальше до Канады можно добраться быстро.

Сахаптины часто уходили охотиться в Монтану, и дорога через горы Битеррут была им знакома. Поэтому они без труда оторвались от отряда Говарда, который тащил с собой тяжелое вооружение. Но когда 25 июля племя, растянувшись в цепочку, спускалось недалеко от устья ручья Лоло вниз по каньону, высланные на разведку воины чуть не наткнулись на солдат. Синие куртки строили в узком ущелье длинную баррикаду.

Джозеф, Зеркало и Белая Птица вышли с белым флагом к баррикаде, спокойно сошли с коней и поздоровались с командиром, капитаном Чарлзом Роуном. Во время разговора подсчитали солдат: их было около двухсот.

— Если вы нас пропустите, обойдется без боя,— сказал

Джозеф капитану,— нет — будем сражаться, но мы все равно пройдем.

Роун отвечал, что сахаптины смогут пройти, только если сдадут оружие.

— Воины никогда на это не согласятся,— перебил его Белая Птица.

Капитан Роун знал, что с запада приближается генерал Говард, а с востока идет другой большой отряд, под командованием полковника Джона Гиббона, и потому решил затянуть переговоры. Он предложил снова встретиться на другой день, чтобы обсудить способ перехода. Вожди согласились. Однако после двух дней бесплодных переговоров вожди сахаптинов поняли, что дальше ждать нельзя.

Рано утром 28 июля Зеркало расставил воинов среди деревьев склона каньона в линию охраны. Тем временем Джозеф провел женщин, детей и стариков через ущелье и прогнал скот через вершину. Когда капитан Роун увидел, что предприняли сахаптины, они были уже далеко за баррикадой. Капитан погнался было за индейцами, но после нескольких стычек с индейским арьергардом решил, что связываться не стоит, и вернулся к никчемной уже баррикаде.

Вожди были уверены, что солдаты Говарда ушли. Но они не знали, что приближается армия Гиббона, и потому решили пойти на юг, к знакомым охотничьим угодьям у реки Биг Хол. Там они хотели дать отдых коням и поохотиться. Может быть, белые оставят их в покое? Тогда не придется идти за Сидящим Быком в Страну Старой Матери.

Хромой полковник Гиббон подошел с отрядом вечером 9 августа и стал в укрытие на склоне горы над сахаптинским лагерем. Добровольцы из белых поселенцев, присоединившиеся к отряду, спросили у Гиббона под утро, следует ли брать пленных. Гиббон ответил, что ему ни к черту не нужны никакие индейские пленные — ни мужчины, ни женщины. Ночной воздух был холоден, и солдаты согревались виски. Когда с рассветом Гиббон дал сигнал к атаке, многие из его людей были пьяны. Построенная в линию пехота дала несколько залпов, а потом начала атаку на сахаптинское стойбище.

Пятнадцатилетнего мальчишку Коутоликса — Толстого Бобра — разбудила ружейная стрельба.

— Я выбрался из одеял, пробежал десяток метров, встал на колени и дальше пополз уже на четвереньках. Из вигвама выскочила старуха Патсикоими и тоже поползла на коленях и локтях. Когда она пробиралась слева от меня, ее ранило в грудь. Я слышал звук выстрела. Она сказала мне: «Тебе нельзя здесь оставаться. Уходи побыстрее. Меня подстрелили». Потом она умерла. Я скрылся в чаще. Солдаты стреляли во все стороны,

стрелялн в вигвамы и в каждого человека, которого видели. Я видел, как умирали маленькие дети и под градом пуль падали мужчины.

Другой подросток, Черный Орел, проснулся от того, что пули свистели сквозь стены вигвама. В испуге он убежал н бросился в реку, но вода была слишком холодной. Он вылез из рекн и стал помогать спасать коней, которых загоняли вверх по холму, чтобы их не заметили солдаты.

В это время индейцы опомнились от неожиданного нападения. Джозеф с десятком воинов прнкрывал бегство небоеспособных членов племени, а Белая Птица возглавил контратаку.

— Бейте их! Стреляйте в них! — кричал он.— Мы умеем стрелять не хуже солдат!

И действнтельно, сахаптнны стрелялн намного лучше пьяных солдат Гиббона...

— Тогда мы задали жару этим солдатам,— рассказывал потом вождь Желтый Волк.— В испуге они бежалн за реку. Они велн себя как пьяные. Они н были пьяны. Мы думали, что многие из них погнбли потому, что были нетрезвы.

Солдаты началн готовить к стрельбе гаубицу, но сахаптины бросились на расчет, овладели пушкой и прнвели ее в негодность. Один воин взял на мушку полковника Гиббона — и так полковник заработал нмя Дважды Хромого.

Между тем Джозеф со своимн людьми стал отходить, в то время как небольшой отряд воннов задерживал солдат Гиббона за баррикадой из бревен и камней. Сахаптины пошли не в Канаду, а на юг, так как были уверены, что именно таким образом избавятся от преследователей. Было убнто тридцать синих курток, около сорока ранено. Но на рассвете с жизнью простились восемьдесят сахаптинов, две трети из них — женщины и дети. Их тела были прострелены, а головы раздроблены каблуками и прикладами.

— Воздух был пропитан печалью,— рассказывал Желтый Волк.— Некоторые солдаты вели себя как помешанные.

Арьергард сахаптинов истребил бы всех солдат Гиббона, если бы тем на помощь не пришел генерал Говард со свежим отрядом кавалерии. Воины отступили, догнали Джозефа и предостерегли его, что Однорукий Военный Вождь опять идет по их следу.

— Мы отступали так быстро, как только было можно,— рассказывал Джозеф.— Когда генерал Говард через шесть дней приблизился, мы внезапно напали на него и захватили почти всех его коней и мулов.

На мулах Говард перевозил продовольствие и боеприпасы. Индейцы оторвались от дезорганизованных солдат и 22 августа через перевал Таргн вошлн в Йеллоустонскнй парк.

ЛЖИВЫЙ МАЙЛС МЕДВЕЖЬЯ ШУБА

За пять лет до описываемых событий Йеллоустон был объявлен первым Национальным парком Соединенных Штатов. Среди первых туристов был и сам Великий Воин Шерман, столь хорошо известный индейцам. Он прибыл на Запад не только полюбоваться природой, но и проверить: правда ли это, что неполных три сотни воинов-сахаптинов, да еще с женщинами и детьми, держат в напряжении целую армию Северо-Запада?

Узнав, что непокорные индейцы проходят Йеллоустонским парком, чуть ли не рядом с его лагерем, Шерман разослал комендантам окрестных фортов строгий приказ окружить их. Ближе всего был Седьмой кавалерийский полк, который до того не раз терпел поражение от индейцев. Он всеми силами стремился восстановить честь своего оружия. Нужна была победа над любыми индейцами, которые желали бы воевать! Полк передислоцировался к юго-западу, в направлении Йеллоустона.

В течение первой недели сентября сахаптины-разведчики и разъездные посты Седьмого полка чуть ли не ежедневно наблюдали друг за другом. Потом последовала схватка у ручья Кэньон-Крик, а после нее индейцы искусно оторвались от кавалеристов и направились к северу, в Канаду.

Увы, они не могли знать, что Великий Воин Шерман приказал Майлсу Медвежьей Шубе срочно выйти из форта Киф и пересечь индейцам дорогу.

Стычка следовала за стычкой, кавалерия вновь наступала на пятки мятежному племени. 23 сентября индейцы перешли вброд реку Миссури около Коровьего острова. Следующие три дня солдат было не слышно и не видно. 29 сентября охотники выследили маленькое стадо бизонов. Продуктов и боеприпасов оставалось мало, кони после трудных переходов очень устали, и вожди решили, что устроят стоянку у горы Медвежья Лапа, а на следующий день, насытившись бизоньим мясом, племя попробует в один долгий поход пройти к канадской границе.

— Мы знали, что генерал Говард идет по нашему следу на расстоянии более двух солнц,— рассказывал Желтый Волк.— Не трудно было его обогнать.

Но утром с юга прискакали два воина, посланные на разведку, с криком: «Солдаты! Солдаты!» Пока лагерь готовился к отходу, на дальнем утесе появился еще один воин и махнул одеялом: «Неприятель справа! Скоро нападет!»

Майлс Медвежья Шуба дал сигнал кавалерийской атаки; его индейские помощники-следопыты несколько часов назад напали на след сахаптинов. Атакующую кавалерию сопровожда-

ли три десятка следопытов — сиу и чейенов,— которых синие куртки навербовали в форте Робинзон. Это были молодые воины; надев солдатскую форму, они повернулись спиной к своему народу.

Земля задрожала от топота шести сотен скачущих коней, но Белая Птица спокойно расставлял своих воинов перед лагерем. Когда налетела первая волна кавалеристов, сахаптинские воины открыли убийственно меткий огонь. За несколько секунд двадцать четыре солдата было убито и сорок два ранено; атака захлебнулась, кони вставали на дыбы, седоки падали с седел.

— Это был ближний бой,— рассказывал вождь Джозеф,— он шел на расстоянии в двадцать шагов, и, отразив нападение первой линии, мы взяли трофеи у мертвых — оружие и патроны. В первый день и первую ночь мы потеряли восемнадцать мужчин и трех женщин.

Среди мертвых был брат Джозефа Оллокот и неуступчивый старый шаман Тугульгульзоте.

Когда пала ночь, сахаптины попытались проскользнуть на север, но Медвежья Шуба окружил их лагерь кордоном. Целую ночь воины охраняли укрытия, так как ожидали, что с рассветом солдаты снова пойдут в атаку.

Однако Медвежья Шуба не стал атаковать, а выслал парламентера с белым флагом. Парламентер передал Джозефу, чтобы он сдался и спас жизнь своих людей. Джозеф ответил, что подумает и вскоре сообщит генералу Майлсу свое решение. Начал идти снег, и воины надеялись, что вскоре начнется пурга, под прикрытием которой они смогут уйти в Канаду.

В тот же день от Майлса снова прискакали с белым флагом несколько следопытов-сиу. Джозеф пешком через поле боя вышел им навстречу: сиу сказали ему, что, по их мнению, генерал Майлс искренне хочет мира.

Вождь пошел в палатку генерала Майлса. Но Майлс искренно хотел захватить Джозефа в плен...

Два следующих дня Джозеф был пленником Медвежьей Шубы. За это время Майлс установил пушки и снова начал наступление, но сахаптины выстояли, а Джозеф отказался капитулировать. Целых два дня морозный ветер заносил поле боя снегом.

На третий день сахаптинским воинам удалось освободить Джозефа. Они захватили одного из офицеров Майлса и пригрозили, что убьют его, если генерал не выпустит их вождя. Однако в тот день Майлсу пришло подкрепление — генерал Говард со своим громоздким воинством. Джозеф понял, что судьба его редеющего племени решена. Он всегда был реалистом — вождь сахаптинов Джозеф. Когда Майлс прислал

парламентеров с белым флагом, чтобы договориться на поле боя о совместном решении, Джозеф пришел выслушать генеральские условия капитуляции. Они были просты и недвусмысленны.

— Если вы выйдете из укрытий и сложите оружие,— сказал Майлс,— мы сохраним вам жизнь и отправим вас в вашу резервацию.

Джозеф вернулся в свой окруженный лагерь и в последний раз собрал вождей. Зеркало и Белая Птица хотели сражаться дальше и готовы были пожертвовать жизнью. Они пробивались с боями тысячу четыреста миль, и сама мысль о капитуляции была им невыносима. Джозеф с большой неохотой согласился отложить свое решение. Во время последней перестрелки, которая произошла на четвертый день после полудня, какой-то стрелок попал Зеркалу прямо в сердце.

— На пятый день,— рассказывал Джозеф,— я пришел к генералу Майлсу и отдал ему свое оружие.

Именно тогда Джозеф произнес свою знаменитую речь (ее записал лейтенант Чарлз Эрскин Скотт Вуд, впоследствии известный юрист и писатель. До сих пор ее чаще всего приводят в своих заявлениях американские индейцы):

— Скажи генералу Говарду: я знаю, что у него на сердце. У меня же на сердце то, что он мне сказал перед этим. Я уже не в силах сражаться. Наши вожди перебиты. Зеркало мертв. Тугульгульзоте мертв. Все старики мертвы. Молодые воины сами решают — да или нет. Оллокот, тот, кто стал во главе молодых воинов,— мертв. Стоит зима, и у нас нет даже одеял. Маленькие дети гибнут от холода. Некоторые мои люди бежали в горы, у них нет ни одежды, ни пищи; никто не знает, где они,— может быть, замерзли. Дай мне время, чтобы я поискал своих детей и выяснил, сколько их осталось. Возможно, что некоторых я найду среди мертвых. Послушайте меня, мои вожди! Я устал; сердце мое больно и опечалено. Вот солнце станет сейчас над горой, и с этого момента я уже никогда не буду сражаться.

ДЖОЗЕФ И БЕЛЫЙ БЫК

В то время, пока шли еще переговоры о капитуляции, исчез вождь Белый Бык с группой непокорных воинов. Они ушли пешком к канадской границе. На другой день они пересекли ее, а на третий день увидели вдали конных индейцев. Один из всадников спросил знаками:

— Кто вы?

— Сахаптины,— ответили беглецы и в свою очередь спросили: — А вы кто?

— Сиу,— показали знаками конные[1].

На следующий день вождь сиу Сидящий Бык принял сахаптинов-беженцев в свой лагерь.

Но вождю Джозефу и его товарищам не удалось дождаться мирной жизни. Их доставили вовсе не в Лапваи, как обещал Майлс Медвежья Шуба. Солдаты пригнали их, как скот, в форт Ливенворт в штате Канзас. Их поселили в нездоровой и болотистой низине, содержали в бараках, как военнопленных. Когда человек сто умерло, оставшихся перевезли в пустыню на Индейской Территории. И сахаптины болели и умирали — от малярии и печали.

Чиновники и члены благотворительных обществ часто навещали их, произносили сочувственные речи и даже направляли различным правительственным организациям бесконечные послания. Джозефу разрешили приехать в Вашингтон, где он встретился со всеми крупными правительственными деятелями.

— Каждый говорит, что он мне друг,— рассказывал он,— и что он добьется для меня справедливости, но, хотя их уста неустанно говорят о справедливости, я, однако, не понимаю, почему никто не помогает моему народу... Генерал Майлс обещал, что мы сможем вернуться в нашу страну. Я поверил генералу Майлсу, иначе бы я никогда не сдался.

Я слышал много речей, но не видел дел. Добрые слова живут недолго, если они ничего не означают. Слова не заменят моих мертвых. Не заменят мне мою страну, которую теперь захватили белые... Добрые слова не сделают здоровыми моих людей и не отвратят от них смерть. Добрые слова не дают моим людям родины, где они мирно жили бы и заботились о себе. Мне надоели речи, из которых ничего не следует. Мое сердце болит, когда я вспоминаю все добрые слова и нарушенные обещания... Не ждите, что реки потекут обратно, и не ждите, что человек, родившийся свободным, будет доволен, когда его поместят в клетку и не позволят идти туда, куда он хочет... Я спрашивал нескольких больших белых вождей: чтó дает им право приказывать индейцу, чтобы он не двигался с места, в то время как белые ходят везде, где им хочется? Они не смогли мне ответить.

Дайте мне свободу — разрешите мне свободно путешествовать, свободно стоять, свободно работать, свободно торговать, где мне понравится, свободно выбирать собственных учителей, свободно исповедовать веру моих отцов, свободно думать, говорить и поступать — я подчинюсь любому закону. А если я нарушу его, я приму наказание.

---

[1] Язык знаков был универсальным языком всех племен прерий. Он был весьма богат понятиями, и с его помощью без труда договаривались индейцы, вовсе не знавшие наречий друг друга.

Но старого вождя никто не слушал. Его снова отправили на Индейскую Территорию. Он оставался там до 1885 года. К этому времени в живых осталось уже только двести восемьдесят пленных сахаптинов, и они были либо так молоды, что уже не помнили о прежней свободной жизни, либо так стары, больны и сломлены духом, что не могли стать угрозой могучей силе Соединенных Штатов. Некоторым из тех, кто выжил, разрешили переселиться в резервацию своего народа в Лапваи. Вождя Джозефа и сто пятьдесят других ветеранов посчитали, однако, очень опасными. Им не позволили жить вместе с остальными сахаптинами, чтобы они не оказали влияния на молодых. Правительство перевело их в Неспелем, в резервацию Колвилль, штат Вашингтон, и там в изгнании они дожили до смерти.

21 сентября 1904 года Джозеф скончался. Врач в индейском агентстве записал в графе «Причина смерти»: «Разрыв сердца...»

Погасшие огни

В эпоху, когда карта мира являла собою лист бумаги, лишь постепенно заполнявшийся надписями и чертежами, первооткрыватель волен был давать обнаруженному им острову, реке, горе, морю да и материку любое название. И вписанное скрипучим гусиным пером название это позволяет нам через века узнать имена и тех, кто покровительствовал экспедиции и снарядил ее, и тех, кто в экспедиции участвовал, а также представить себе душевное состояние людей, увидевших после долгого плавания землю, их восторг или разочарование. Хранят для нас названия и уверенность в правоте, и слепую веру, и заблуждения, и ошибки.

Два названия, о которых пойдет речь ниже, были даны по ошибке. Обе ошибки принадлежат Магеллану. Первое название — Патагония, что переводится как Страна Большеногих, второе — Тьерра де-лос-Фуэгос — Огненная Земля.

Ни Магеллану, ни его матросам не довелось встретить людей на патагонском берегу, но на прибрежном песке ясно были видны отпечатки ног — гигантских, однако явно человеческих.

Предположить, что в новооткрытой стране живут люди с гигантскими ногами, было для испанских моряков вполне естественным. Ведь в то время всерьез относились к рассказам об одноглазых великанах-людоедах и людях с песьими головами. И откуда было знать храброму капитану и его спутникам, что следы эти оставили индейцы племени техуэльче, обутые в громоздкие мокасины из звериных шкур? Так появилось на карте название Патагония.

А Огненная Земля? Корабли Магеллана шли проливом, названным впоследствии его именем, сквозь густой туман. Дело в том, что густой молочный туман стоит здесь чуть ли не триста шестьдесят пять дней в году и столько же ночей. На еле различимом в тумане берегу светилось множество огней. И на воде тоже видны были огни. То были не вулканы, как думал Магеллан, то горели костры: на суше — индейцев племени óна, на воде — в лодках племени морских кочевников алакалуфов. Неизвестный остров назвали Огненной Землей.

Вместе Патагонию и Огненную Землю называют еще Краем света. Такого имени не найти ни в одной даже самой подробной географической номенклатуре, но когда в Аргентине и Чили говорят о Крае света, то имеют в виду самую южную — к югу от сороковой параллели — часть Американского континента. Трудно представить себе место, менее приспособленное для человеческого житья.

Без устали дующий ветер: сухой — над пампой, с дождем — вдоль Анд. Ураган над морем, ураган над землей. Редкие деревья, сохранившиеся в пампе, распластаны, как придавленное ползучее пламя. Они изогнуты, они растрепаны, как дым.

Ржавая проволока на покосившихся столбах отмечает границы поместий — эстансий. Бесчисленные стада овец бродят по пампе, и кажется, что для них только и создана эта унылая земля на Краю света.

...Для тех, кто жил здесь задолго до того, как корабли Магеллана отправились в путь, эта земля не была краем света. Она была просто их землей.

КОРОЛЬ ПАТАГОНСКИЙ И ЕГО ПОДДАННЫЕ

...Солдаты залегли у входа в пещеру, скрываясь за камнями и кустарником, потом дали залп. Ответных выстрелов не последовало. Тогда лейтенант, сопровождаемый капралом, отважился войти в пещеру.

У костра сидело шесть человек: пятеро индейцев, шестой — белый. Это был высокий человек с изможденным лицом, длинной бородой и спутанными волосами. При виде лейтенанта он даже не поднял головы.

— Именем республики Чили,— произнес лейтенант,— вы арестованы, Антуан де Тунэн. Сдайте оружие.

Бородатый не шевельнулся. Лица индейцев оставались невозмутимыми.

— Вы слышите меня, Антуан де Тунэн? Вы арестованы,— повторил лейтенант.

Антуан де Тунэн не поднялся.

— Я, Орели Первый, король Араукании и Патагонии,— произнес он тихо,— и требую, чтобы...

Его ударили прикладом. Потом заломили руки и набросили на шею веревку. Вывели из пещеры, посадили на коня, захлестнув петлей ноги под конским брюхом.

Месяц спустя, апрельским днем 1871 года, в порту Вальпараисо бородатый человек в сопровождении двух жандармов остановился у трапа французского корабля «Вандея». Один из жандармов достал из-за пазухи сложенный лист бумаги.

— Именем республики Чили,— прочитал он,— вам, Антуан де Тунэн, запрещается появляться в пределах республики при каких бы то ни было обстоятельствах. В противном случае вы будете расстреляны без суда и следствия первым же опознавшим вас чилийским военнослужащим.

Потом они сняли с де Тунэна наручники и подтолкнули его к трапу.

...Путь домой, во Францию, был неблизкий, и Антуан де Тунэн, лежа на жесткой койке, не один раз перебрал в голове бурные события последних лет жизни.

Десять лет назад де Тунэн, скромный адвокат из провинциального французского города Перигё, исполнял свои прямые обязанности, никоим образом не связанные ни с пампасами, ни с индейцами далекой Южной Америки. Но как раз в это время в Старый Свет стали проникать скудные сообщения о войне в Араукании, той части Края света, что ограничена с запада Тихим океаном, а с востока — Андами. Земля эта — за рекой Био-Био — номинально принадлежала Чили, но индейцев-арауканцев гражданами Чили фактически не признавали, а эту землю индейцы считали, естественно, своей, потому что испокон веков жили на ней. С течением времени, однако, белых, пришедших с севера, становилось все больше, и вскоре они уже начали теснить индейцев. Земля понадобилась для овечьих пастбищ. Тогда индейцы взялись за оружие. Им противостояла регулярная чилийская армия. На первых порах армии приходилось чаще отступать. Но зато, когда ей удавалось разгромить какое-нибудь племя, она действовала беспощадно. Слухи об этих жестокостях, попадавшие время от времени во французские газеты, дошли и до провинциального адвоката Антуана де Тунэна.

На путешествие ушли все сбережения. Без гроша в кармане де Тунэн сошел на берег в чилийском порту Вальдивия. Не задерживаясь в городе, адвокат отправился в горы. Военные патрули не обращали на него внимания: белый, не опасен. Солдаты только предупреждали его: «Поосторожнее, сеньор! Тут полно вооруженных индейцев!» Именно индейцы и нужны

были де Тунэну. И вот однажды ночью, когда француз спал у костра, подкравшиеся во тьме индейские воины набросили ему на голову одеяло, опутали лассо и, перекинув через спину лошади, увезли в горы к своему вождю Килипану.

Таких белых Килипан еще не встречал. Вместо того чтобы просить пощады или угрожать, тот принялся объяснять индейскому вождю, как ему следует бороться против белых.

Племена араукандев, развивал белый свои планы, должны объединиться, забыв старую вражду. У них должен быть командующий, знакомый с европейскими методами ведения войны. И тогда объединенная аракуанская армия нанесет чилийцам сокрушительный удар.

Слова де Тунэна убедили вождя; Килипан отправил гонцов к соседям.

В январе 1865 года шестеро арауканских вождей заключили в долине Валье-де-Ареналес военный союз против общего врага. Антуана де Тунэна провозгласили Орели Первым, королем арауканским.

Уже через неделю после встречи в долине Валье-де-Ареналес Орели Первый попал в засаду. Будь на его месте индеец, его бы расстреляли без лишних церемоний. Но это был белый... Де Тунэна отвезли в Вальпараисо, где решили не раздувать дела (в которое вмешался французский консул), а, объявив пленника помешанным, посадить на французский корабль.

Оказавшись снова в Европе, де Тунэн не забыл о своем королевстве: он пишет бесчисленные письма Наполеону III и папе римскому, публикует в газетах статьи, разоблачающие политику чилийских властей. Все напрасно. Слава помешанного, приплывшая с ним из-за океана, делает все его усилия тщетными. Де Тунэну осталось одно: начать все сначала.

На этот раз де Тунэн высаживается на пустынном побережье Патагонии, в южной части Аргентины. Здесь пока все спокойно. Аргентина не взялась еще на своем юге за производство шерсти, которая во все бо́льших количествах уходила в Европу из Чили. Овцеводческих поместий, или эстансий, в пампе еще не было, так что индейцы-техуэльчи могли пока спокойно охотиться на гуанако.

Орели Первому удалось не только добраться до Анд, но и встретиться с Килипаном. Рассказ вождя был грустным: дела очень плохи, чилийцы за то время, что де Тунэн был в Европе, научились использовать против индейцев не только ружья, но и лесть и алкоголь. Они натравливают друг на друга арауканских вождей, и те воюют друг с другом. Де Тунэн может рассчитывать только на воинов Килипана.

Орели и Килипан начинают партизанскую войну. Четыре месяца они беспокоят чилийскую армию, нападая на обозы и угоняя верховых лошадей. Однажды удалось взять в плен чилийский патруль. Не раздумывая, де Тунэн отпустил пленных на свободу.

— Ступайте к своему командиру,— сказал он солдатам,— и скажите ему, чтобы он убрался отсюда со своими войсками! Я сохраняю вам жизнь, но вы должны оставить нас в покое!

Увы, отпущенные на волю солдаты отплатили «королю» черной неблагодарностью. Чилийцы стягивают войска к его убежищу в горах. Один за другим гибнут арауканские воины. С пятью уцелевшими «король» пытается скрыться в потаенной горной пещере. Но предатель приводит к ней взвод чилийских солдат...

Снова Антуана де Тунэна возвращают во Францию, и снова он покидает родные края.

В аргентинскую Патагонию начали бурно проникать белые поселенцы. В пампе появляются первые эстансии — овцеводческие поместья. Вскоре между техуэльчами и поселенцами разгорается война.

В 1872 году в пампу на подмогу колонистам была брошена аргентинская армия. Солдаты с одинаковой жестокостью убивают воинов, детей и женщин.

В 1873 году в Патагонии появляется де Тунэн, Орели Первый арауканский, а теперь и патагонский. Де Тунэн решает сделать ставку на последний козырь — натравить друг на друга Аргентину и Чили. Он остается на аргентинской стороне Анд и пытается вызвать пограничные конфликты. Но техуэльчи не доверяют странному белому, а установить связь с остатками верных арауканцев ему не удается. Довольно скоро он попадает в плен к аргентинскому полковнику Леонардо де-ла-Куадра. В 1874 году его вновь отправляют во Францию.

И в четвертый раз появляется он в Южной Америке — через два года в Буэнос-Айресе. Де Тунэн уже старый и надломленный человек. Теперь он просит о разрешении поселиться в Андах, но и в этом ему отказывают.

17 сентября 1878 года Антуан де Тунэн умирает в деревне Туртуарек, в родной провинции Дордонь, умирает один, со своими королевскими указами, знаменами и учрежденным им орденом.

Его подданные истреблены, и теперь в Патагонии нет больше ни одного чистокровного индейца. Лишь в провинциях Чубут и Санта-Крус живут несколько метисов-техуэльчей. Но и они ничего не помнят об Антуане де Тунэне, который величался некогда Орели Первым, королем Патагонии.

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ ОГНЕЗЕМЕЛЬЦЕВ

Дожди, холод, ветер охраняли Огненную Землю от чужаков, берегли три ее племени. В северо-восточной части острова Огненная Земля жило племя óна, родственное по языку патагонским техуэльчам. Западной частью Огненной Земли и островами Западно-Патагонского архипелага владело племя алакалуф. А на юге обитали ямана — самые южные люди земли.

Люди алакалуф были морскими кочевниками. Они охотились на тюленей и выдр, всю жизнь проводя на воде. На берег они высаживались только в том случае, когда на море поднимался шторм, опасный для их легких лодок из коры. Ямана бродили по побережью, выкапывая съедобные корни, собирая ракушки.

Ни ямана, ни алакалуфы не носили никакой одежды — и это в суровом климате Огненной Земли, где даже в январе — летнем месяце Южного полушария — ртуть в термометре не поднимается выше семи градусов! Лишь при особо сильном ветре алакалуфы набрасывали на спину шкуру тюленя. Говорят, что некий миссионер, доказывая индейцам преимущества одежды, пытался убедить их в том, что они отчаянно мерзнут, в то время как он, миссионер, тепло одетый, легко переносит непогоду.

— А почему же лицо у тебя открыто? — спросили индейцы.

— Лицо не так мерзнет,— отвечал тот.

— Тогда у нас все тело — лицо,— резонно заявили индейцы.

Необычайная «морозостойкость» огнеземельцев, крайняя бедность их материальной культуры резко отличали их от других индейцев. В самом деле, если они пришли с теплого севера (а ученые считают, что индейцы заселили Америку, продвигаясь с севера), то как их организм приспособился к суровому климату, почему они разучились строить хижины, в которых живут все другие племена?

Один французский этнограф выдвинул теорию, согласно которой предки огнеземельцев попали в Новый Свет с острова Тасмания. Переселение, утверждал он, растянулось на много сотен лет, причем племя двигалось вдоль побережья Антарктиды. Ну, а после Антарктиды Огненная Земля показалась новопоселенцам тропиками. Этим можно объяснить и их невероятную выносливость.

Эта теория не приобрела последователей в научном мире. Другой этнограф, Жозеф Амперер, исследуя язык ямана и алакалуфов, установил, что они обладают чертами сходства с языками индейцев бразильского побережья.

Американский ученый-археолог Лотроп пришел к выводу, что южные берега Огненной Земли заселены были уже две тысячи лет назад. Причем антропологический тип древних людей не отличался от типа ямана.

Увы, нынешнему исследователю приходится пользоваться чужими записями: сегодня на Огненной Земле огнеземельцев не больше, чем в Патагонии патагонцев. Причина их исчезновения все та же.

В семидесятых годах прошлого века десятка два овец, вывезенных с Фолклендских островов, были забыты на двух крошечных островках в Магеллановом проливе. Через несколько лет они расплодились, и тут выяснилась интересная подробность: в сыром, холодном климате, под вечными ветрами у овец отрастает необычайно густая, длинная шерсть.

И тогда на Огненную Землю хлынул поток колонистов. Первыми столкнулись с ними óна. Места, где они исстари охотились на гуанако, оказались очень удобны для пастбищ. Скотоводы вытеснили индейцев в труднодоступные районы. Индейцы стали охотиться на овец: ведь они не очень-то разбирались в понятии «частная собственность» и не видели особой разницы между гуанако и овцой. Белые взялись за ружья. В виде отчета о работе пастухи сдавали хозяевам поместий ожерелья из ушей индейцев, нанизанных на шнуры. Но так как после этого часто стали попадаться живые индейцы с отрезанными ушами, хозяева эстансий потребовали представлять вместо ушей головы.

А в это время на юге, где жили ямана, цивилизация наступала другими путями. Здесь земля была непригодна для овец, и потому никто не прогонял индейцев с их земли. Но в самом центре обитания племени основали миссию, и миссионеры (среди них стоит упомянуть имя Бриджеса, составившего словарь и грамматику яманского языка) начали завлекать к себе индейцев, раздавая им пищу. Постепенно вокруг миссии образовался целый поселок ямана, забросивших охоту и существовавших от подачки к подачке.

Приучив таким образом бродячих язычников к оседлой жизни, пастыри взялись, засучив рукава, за следующий, весьма ответственный этап: надлежало паству одеть. С этой целью в миссию были завезены из Европы тюки старой одежды. Для малорослых индейцев собирали платье детского размера: бархатные курточки и штанишки, матроски, пальтишки. Так на Огненную Землю попали корь, скарлатина, свинка. Огнеземельцев, не знавших до сих пор детских болезней, распространенных, но, в общем-то, безопасных в Европе, новые заболевания косили сотнями. Вскоре на кладбищах вокруг миссионерских поселков оказалось больше крестов, чем живых индейцев. Эти кресты да

высокие кучи почерневших ребристых раковин — все, что осталось от самых южных людей на свете.

С той поры туманы на Огненной Земле не стали реже, чем во времена Магеллана. Но сквозь туман этот не пробиваются больше огни. Пятеро последних ямана, нищие, больные туберкулезом, ютятся на окраине поселка Вальеверде.

А на восточном побережье скалистого островка Веллингтон доживают свой век на вспомогательной станции для индейского населения несколько семей алакалуфов. Станция носит идиллическое название — «Пуэрта-Эден», что переводится как «Врата рая». «Врата рая» состоят из приземистого барака — резиденции командующего станцией ефрейтора чилийской армии — и нескольких хижин из прутьев и тюленьих шкур, где обитают человек тридцать алакалуфов.

Иногда, когда им надоедает однообразная пища — кукурузная каша да консервы,— алакалуфы спускают на воду долбленые лодки, грузят в них женщин, детей и собак, разжигают на дне лодок огонь и отправляются на охоту за тюленями и выдрами, шкуры которых можно продать матросам со встречных судов. Вот как описывают встречу с ними этнографы Делаборд и Лоофс, которые лет десять тому назад путешествовали на чилийском корабле среди островов Патагонского архипелага.

«— Индиос, индиос! — неожиданно крикнул один из наших матросов, стоявший у поручней, и указал на приближающуюся лодку.

Под дождем юноша с непокрытой головой и две женщины, стоя, медленно и осторожно гребли длинными узкими веслами; несколько детей с растрепанными черными волосами сидели на корточках под навесом, по щиколотку в воде, набравшейся на дне лодки. Индейцы приближались к пароходу без страха, но и без радости, как дитя приближается к тому, кого оно не знает, но кто его не обидит. Они подплыли к борту нашего корабля, им бросили канат. Они привязали свою лодку и почти два долгих часа сидели в ней молча, почти неподвижно, обратив к нам лица с немым выражением ожидания и неопределенного любопытства.

Индейцы безмолвно предлагали нам свои немудреные предметы обмена: чолгас и чорос — громадные съедобные раковины, морских ежей, тоже огромных размеров, и маленькие, сплетенные индеанками тростниковые корзиночки.

Мы хорошо знали, чего они ожидали от нас, и бросили им хлеб, сигареты и старую одежду. Наши подарки падали большей частью в воду, а индейцы их молча подбирали. Только изредка их лица с прилипшими мокрыми прядями черных волос кривились в подобие улыбки, так что раскосые глаза почти совсем исчезали в складках кожи. В серьезности этих лиц, особенно

детских, в безмолвии этих людей было столько подавленности, что к горлу подступал комок.

Наконец-то нам удалось увидеть индейцев племени алакалуф. Мы всматривались в эти серьезные, безмолвные лица и чувствовали, что бесконечная их грусть вызвана не только мрачной природой их родных мест, непроходимыми лесами Анд, бесприютными горами, вечным дождем, не только однообразием вереницы дней без солнца и ночей без звезд, но и глухим, смутным, как медленно действующий яд, сознанием неизбежной гибели их рода.

...Свистки с корабля звали матросов на места, и под громыханние цепей был поднят якорь. Большие альбатросы парили над кораблем. Последние канаты, которые связывали нас с черными, мокрыми каноэ, были подняты, как будто мы хотели освободиться от тягостного, компрометирующего спутника. Индейцы молча поднялись в лодках и начали грести. Неожиданно, как сердитое прощание, прозвучал короткий, сиплый лай собаки. И снова все окутала тишина, такая же глубокая, как и два часа назад, когда лодки появились из тумана. Шел дождь, люди и лодки снова возвращались в небытие. Они растаяли в туманной мгле, как исчезают при пробуждении ночные кошмары...»

Томагавк белого человека

...И все-таки индейцам вновь понадобился томагавк. Ничего общего с острым боевым топориком на длинном древке, украшенным перьями, у него, конечно, нет. Но и он — боевое оружие. Только войну теперь приходится вести на другом поле. Совсем другом.

Все, о чем было рассказано выше — и войны чейенов, и трагический конец сахаптинов, и истребление огнеземельцев,— это прошлое. Гордое прошлое, страшное прошлое, но оно уже не вернется.

А индейцы остались. И живут они сегодня. О сегодняшнем дне и пойдет речь.

Еще не так давно, многим — в том числе и среди индейцев — казалось, что краснокожие американцы исчезнут с лица земли, оставив по себе память только в географических названиях. Неизвестный индейский вождь, чьи слова записаны в книге, изданной в конце прошлого века, говорил, обращаясь к белым:

«...Презираемое племя индейцев оставило такой след в вашей истории, которого уже не стереть. Пройдись со мной за ограды ферм белого человека, и я покажу тебе необычной формы ложбинку, всего в несколько футов ширины, что бежит по

пшеничному полю, по склонам холмов, прочерчивая даль на многие мили. Это древняя тропа индейца. Здесь играли дети, спешил на свидание влюбленный, и старые вожди величаво шествовали к месту совета. А теперь пшеница белого человека скрывает края ее, хотя и не может скрыть совершенно. Под ярким светом солнца и мерцанием луны она все еще виднеется, словно шрам на ясном лице земли; и какую же драматическую историю рассказывает она о печальном различии между тем, что было и что есть ныне! Да, на истории твоей нации, о, белый, пролег шрам... Сколько ни пробуй прикрывать его плодами своего изобилия, он по-прежнему здесь и с каждым годом все глубже впечатывается в землю растущей алчностью белого человека...

...Братья мои, об индейцах должны вечно помнить в этой стране. Мы дали имена многим прекрасным вещам, которые всегда будут говорить нашим языком. О нас будут смеяться струи Миннехахи, словно наш образ, просверкает полноводная Сенека, и Миссисипи станет изливать наши горести. Широкая Айова, стремительная Дакота и плодородный Мичиган прошепчут наши имена солнцу, что целует их...»

Так казалось большинству в прошлом веке. Век нынешний внес изменения.

БОЛЬШОЙ ЛОСОСЬ ИДЕТ НА АБОРДАЖ

Раз в год в Вашингтоне происходит публичная церемония: президент Соединенных Штатов пожимает руки вождям индейских племен. Фоторепортеры спешат запечатлеть улыбающегося Доброго Большого Белого Отца и его Краснокожих Детей, чьи головные уборы украшены орлиными перьями. Раз в год жители США вспоминают: они живут на земле, которая некогда принадлежала индейцам.

А сами индейцы сегодня чужие на собственной земле. Загнанные в резервации, они влачат нищенское существование. Они «...живут в деревенских трущобах, более жалких, чем самые худшие из худших негритянских гетто»,— пишет американский журнал «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт».

Грязь, нищета, голод, болезни, необычайно высокая детская смертность — вот что такое жизнь в резервациях. Если в 1940 году в штате Северная Каролина жило двадцать две с половиной тысячи индейцев, то сегодня их осталось там не более трех тысяч.

...Эта война началась в тот день, когда власти американского штата Вашингтон нарушили данное сто лет назад слово и объявили, что четыре индейских племени отныне лишаются

своих исконных угодий и не могут ловить лосося в студеных реках, низвергающихся с Каскадных гор в залив Пьюджет-Саунд. Отныне им предстояло довольствоваться скудной добычей лосося — главной статьи их питания и дохода — в пределах крохотных резерваций.

Дело было перед новым, 1854 годом. Индейцы съехались к дому губернатора Айзека Стивенсона — Маленького Белого Отца. После обильного возлияния губернатор произнес заплетающимся языком: «Тем племенам индейцев, что живут по берегам рек, да будет всегда позволено ловить рыбу в привычных местах, пока солнце восходит, реки текут и травы растут».

Прошло время, и появилась доходная рыбоконсервная промышленность. Тут дельцы спохватились: у диких индейцев оказались слишком обширные угодья.

Поднялся крик о хищнической рыбной ловле, об уничтожении молоди. Правительство штата решило поддержать эту травлю. Начались аресты, страсти накалялись. Произошли первые столкновения с представителями властей. Вскоре они поняли, что ведут борьбу не с шайкой непокорных индейцев, а с целым племенем от мала до велика.

Война была объявлена.

...Три инспектора неслышно пробирались через густые заросли к реке, откуда доносились гортанные голоса индейцев. Инспектора довольно улыбались: наконец-то они отомстят за все! Просто не верится, что через несколько секунд они поймают вождя Большого Лосося на месте преступления: незаконное ужение далеко за пределами резервации. Осторожно раздвинув ветки, они выглянули из зарослей.

На берегу три индейца забрасывали сеть с блестящими лакированными поплавками. Инспектора выскочили из засады:

— Вы арестованы!

Индейцы в испуге отпрянули. Потом самый высокий выступил вперед.

— По какому обвинению, капитан? — спросил он.— Я, Сатиакум, вождь племени пьюаллеп из штата Вашингтон, желаю знать, что происходит.

— Ты и сам прекрасно знаешь, вождь Сатиакум, Большой Лосось, или как ты еще там называешься. Ты ловишь рыбу вопреки законам. Можешь ловить кого тебе вздумается и жить по индейским обычаям, но только в резервации... Вытащите сеть и конфискуйте ее как улику,— повернулся старший инспектор к сотрудникам.— И черт меня подери, если каждый из них не получит по полгода тюрьмы.

Полицейские ухватились за поплавки. Снасть была подозрительно легкой. Вместо отяжелевшей нейлоновой сети из воды показался тонкий плетеный шнур. Потом вынырнуло что-то

массивное, похожее на белугу. Один из инспекторов выхватил рыбину и поднял ее повыше.

Это был лосось. Искусно вырезанный из дерева лосось. А на нем черными буквами написано: «ВЕРНИТЕ НАШИ УГОДЬЯ!»

Вождь не стал наслаждаться победой — она была слишком ничтожна в той войне за справедливость, которую он ведет.

Вождь понимал, что без поддержки общественности, без широкой огласки единоборство с блюстителями несправедливого закона обречено на неудачу. На стороне племени пьюаллеп выступил известный киноактер Марлон Брандо. На совете войны было решено, что Брандо и Сатиакум устроят «нелегальную рыбалку», о чем заранее предупредят газетчиков и телерепортеров.

На следующее утро, ничуть не таясь, нарочито беззаботно Брандо и Сатиакум столкнули каноэ вождя «Повстанец» в темную воду реки Пьюаллеп. С берега из-за кустов за их действиями следили более ста инспекторов и их помощников. Вождь греб, Брандо забрасывал снасть. Проплыв с полмили, они стали вытаскивать сеть. Ничего. Только несколько перегнивших сучков и веток. Вождь посмотрел на Брандо. «Хоть бы одна рыбка! Если мы не поймаем ни одной, мы проиграли. Нас засмеют».

Осталось несколько ярдов сети. И тут они увидели... две штуки, фунтов по пять каждая. «Повстанец» ткнулся в берег.

Настала очередь стражей закона:

— Вы арестованы. Вы, вождь Сатиакум, и вы, мистер Брандо.

Брандо и вождя тут же отправили в тюрьму. Однако суд не состоялся, обвинение было снято: власти не захотели придавать делу нежелательную огласку.

Еще более дерзким был захват индейцами линкора «Миссури», того самого, на котором был подписан акт о капитуляции Японии во второй мировой войне. Линкор уже давно превратился в плавучий музей. Ежедневно сотни туристов бродили по палубе, почтительно поглядывая на громадные орудия.

И вот однажды вождь с двумя индейцами направился в каноэ к линкору. Единственным оружием вождя был традиционный топорик-томагавк. С воинственными криками индейцы забрались на палубу.

— От имени племени пьюаллеп и Федерации индейских племен объявляю о взятии линкора «Миссури»! — воскликнул вождь.

Туристы ликовали. Они решили, что этот спектакль входит в ритуал осмотра.

Высоко подняв головы, индейцы помахали восхищенным ту-

ристам, вериулнсь в лодку и с достоинством отплыли к берегу. Дело было сделаио: и эта история попала иа газетиые полосы.

— Я стремлюсь вериуть моему народу то, что принадлежит ему по праву,— сказал вождь впоследствии.— Но я не хочу запятиать честн моей страиы. Я хочу только, чтобы обратили виимаиие иа иаше существоваиие.

Спустя иекоторое время вождь обратнлся к адвокатам. По ходу дела было сделаио поразительиое открытие: согласио архивиым документам, город Такома, иасчитывающий примерио 150 тысяч жителей, является частью резервации племеии пьюаллеп.

На следующий деиь иа всех автострадах, ведущих в город, заияли стратегические позиции вооружениые луками и томагавками воины Сатиакума. Оии вручали водителю каждой въезжающей в город машины листок, где было иаписаио: «Вы въезжаете на территорию племеии пьюаллеп. Этот докумеит дает вам право безопасиого проезда. Не бойтесь белых, которых вы можете встретить, хотя оии и пришельцы-правоиарушители. Поезжайте с миром. Это американская земля. Хозяева Такомы, племя иидейцев пьюаллеп...»

Но все это были безобндиые выходкн — так, по крайией мере, казалось большинству белых американцев. За снмволнческой ловлей лососей, за захватом «Мнссури» и прочими весьма похожими событиями ие сразу разглядела огромиая страиа, что у бывших ее хозяев пробудилось созиаиие, появилось стремлеине вериуть себе хотя бы малую часть того, что прниадлежало им по праву.

НЕ БЫТЬ ПЕСКОМ НА ВЕТРУ

Над черио-серой скалой крутится легкий столбик песка: ветер здесь ие устает дуть ии дием ии ночью. Песчиики с шорохом бьются о металлический щит:

«Предупреждение! Вход в поселеине разрешен лишь тем, кто ручается, что будет уважать закоиы племеии!»

Эту табличку поставили иидейцы племенн хопи перед своим селеиием Олдн-Орайби десять лет иазад. Имеиио тогда нескольких туристов поймали иа том, что оии фотографировали ритуальиые таицы племеии. По верованиям племеии, обряды иельзя изображать, и предки хопи, расписывая свои щиты, стеиы мазаиок или украшая одежду, иикогда ие рнсовали ничего, что могло бы иапомиить их ритуалы. Особеиио таицы.

Предки хопи верили, что иарушение запрета прииесет племеии горе. Так ли свято верят в это потомки, сказать трудио. Но дело не в этом, тем более что соблюдение запретов ие

очень-то помогло племени хопи, вытесненному белыми в негостеприимную пустыню Центральной Аризоны.

Дело совсем в другом. Индейцы стали требовать уважения своих законов хотя бы на тех клочках бывших своих земель, которые им остались.

На самой границе резервации, на горе Блэк-Меса, копошатся белые люди: под тонким слоем почвы гора скрывает миллионы тонн великолепного угля. Мощные машины дробят уголь, смешивают с водой, и по гигантскому трубопроводу первосортное топливо течет к электростанциям, снабжающим энергией Лос-Анджелес, Финикс и Тусон. В свое время компания «Пибоди Коул компани» арендовала у вождей гору на двести лет. Через двести лет (а судя по всему, гораздо раньше) гора превратится в пирог с выеденной начинкой, и племя вновь сможет распоряжаться ею по собственному усмотрению.

Блэк-Меса, по преданиям хопи,— это центр равновесия мира, и раз в год вожди приносят на ней жертву. «Пибоди Коул компани» им в этом не препятствует: это оговорено в контракте. Но и арендная плата фиксирована также, повысить ее нельзя. Кто же, в конце концов, виноват, что у индейцев не было геолога!

Обращение в суд племени не помогло: с юридической точки зрения контракт составлен безукоризненно. Хопи, правда, выбрали делегата, и тот поехал в Вашингтон, а потом в Европу, чтобы привлечь внимание к положению племени. Действительно, сочувствие выражали очень многие. Увы, «Пибоди Коул компани» от этого не стало ни жарко ни холодно.

Наверное, тут уж ничего не поделать. Индейцев давно приучали уважать законы белых. Но пусть и белые уважают законы индейцев хотя бы на их территории. Обычаи индейцев ничуть не хуже, чем привычки белых... Так появился щит при въезде в селение Олди-Орайби.

...Еще лет десять тому назад у молодых людей почти всех племен Северной Америки было заметное стремление подражать белым во всем. Они стригли волосы, одевались в покупную одежду и, в общем-то, ко всему индейскому относились почти пренебрежительно. В этом сказалось и влияние школы, и попытка вырваться из тех условий, в которых живут сородичи. Многие уходили из родных племен, селились в городах, а кое-кому даже удавалось добиться успеха.

Джон Мокаук был одним из тех, кому повезло. В тридцать лет он работал доцентом университета в Буффало и читал курс индейской культуры. Его ценили коллеги, уважали студенты, а всем заезжим гостям его представляли как одну из первых здешних достопримечательностей. Вначале это было даже приятно, но потом, когда гости, как сговорившись, с милой

улыбкой спрашивали: «А где же ваши перья?», стало слегка раздражать.

В силу своих служебных обязанностей Мокаук ежегодно ездил со своими студентами по резервациям: собирал маски, предметы утвари, записывал легенды. Но гораздо больше его интересовало современное положение индейцев. Обследования, сделанные в сорока трех резервациях во всех частях огромной страны, показали одно и то же: усталость старших, равнодушие молодых. Джон занялся менее колоритными, но для его исследований гораздо более показательными индейцами, живущими в городах. Результаты оказались удручающими. Молодые люди, во что бы то ни стало старавшиеся уйти в город от своего племени, брались сначала за любую работу. Но город быстро ломал их: непривычные к новым условиям, к регулярному промышленному труду, они превращались в деклассированных, не имеющих ничего за душой бродяг. Их втягивали в свои делишки уголовники и их же первых выдавали полиции. Они ютились в брошенных строениях. Они спивались. По данным доцента Мокаука, примерно четверть городских индейцев оказались законченными алкоголиками.

Первое, за что взялся доцент, была кампания против спиртного — с этого времени сам он пьет только фруктовые соки. Второе — он перестал быть доцентом, доктором философии, перестал быть Джоном Мокауком.

В родную резервацию Акьюсасне вернулся индеец Сотситова — так нарекли его родители тридцать лет назад. Сотситова вернулся для того, чтобы помочь своему народу обрести веру в себя; не только своему племени, а всем коренным жителям Америки.

— Мне опротивело карабкаться по лестнице белого человека. Титулы мне не помогут. Это у белых, у кого больше титулов, тот и прав раньше, чем рот откроет. Для нас главное то, что́ я знаю и что́ я умею.

Этими словами начался первый урок, который Сотситова, бывший доцент, начал в школе для детей своего племени. На плечи его спускались две смоляно-черных косы, лоб охватывала вышитая бисером лента, в волосах торчало орлиное перо.

Ученики сидели на полу вокруг него. Многие из них ходили уже до того в обычную школу, и для них было странным, что на уроке можно говорить не только по-английски. Оказалось, что родной язык достаточно богат для того, чтобы все объяснить на уроках истории, географии Америки, ботаники. Да и уроки сами были не похожи на прежние: например, ботаникой занимаются месяц — июль, и не в классе, а в поле. Ведет урок знахарь. Латинских названий расте́ний он, правда, не знает, зато о каждой травке может много рассказать: против

какой болезни она помогает, как ее надо сохранять и с чем смешивать.

Надо было приучить ребят гордиться прошлым своего народа, его одеждой, его обычаями.

Потом пришлось открывать классы на английском языке: в школу Сотситовы стали присылать детей индейцы из далеких резерваций.

Приезжают старейшины разных племен читать лекции по истории.

— Старайтесь быть людьми,— так говорил Сотситова на самом первом уроке,— не будьте песком, который ветер несет куда хочет и бросает где хочет.

А тем временем известность индейской школы перешагнула границы резервации. И в ней появились новые ученики — белые и взрослые.

Одних привлек интерес к индейской культуре — среди них были и бывшие коллеги Сотситовы по университету в Буффало. Других — распространенная в наше время уверенность, что индейская «травяная медицина» помогает от всех недугов. Третьих — экстравагантность, желание походить в индейских одеяниях, а потом рассказывать знакомым в родном городе Нью-Париже, штат Оклахома: «Мы, знаете, весь отпуск скакали на мустангах и охотились на бизонов...» (Эти последние обычно ограничиваются тем, что покупают в киоске у въезда в резервацию сделанный в Гонконге скальп и японские индейские мокасины, бегло осматривают школу и уезжают.) Но к тем, кто хочет пройти курс «индейских наук», в школе относятся серьезно.

— Не понимаю, что странного в том, чтобы стать индейцем. Я индеец и всегда им был. Но если вы хотите быть людьми, делайте все, чтобы все могли жить достойным человека образом. Чтобы не были одни люди ветром, гонящим песок, а другие песком.

Так говорит индеец Сотситова.

И вновь, чтобы понять то, что происходит сегодня, нам придется обратиться к истории, а в Америке, как известно, она начинается с Колумба.

ОТСТУПНЫЕ ДЛЯ СИУ

Христофор Колумб не только открыл Новый Свет и наградил его обитателей именем «индейцы», но и дал первое в истории их описание. Это, конечно, не было научным описанием, которое делают исследующие народ этнографы и антропологи,— этнографом Колумб не был, и цели его были другие. Приобретя для своего повелителя — Фердинанда, короля Кастилии и Лео-

на,— новых подданных, он должен был дать им характеристику, ибо управляться с ними можно было, лишь хорошо зная их положительные и отрицательные качества.

«...Они не откажутся дать ничего из того, чем сами обладают, готовы поделиться с каждым и держат себя притом столь любезно, словно и сердца не пожалеют».

Так высоко оцененные душевные качества индейцев не помешали, однако, завоевателям отбирать у них «все, чем те обладали», включая и жизнь. Правда, при этом белые провозглашали, что заботятся о душе краснокожих, обращая их огнем и мечом и — значительно реже — увещеваниями в истинную веру.

На юге испанцы и португальцы, на севере — англичане и французы принялись за освоение Нового Света, получившего уже название Америки. Европейцы прибыли в Америку, чтобы поселиться там навсегда, построить дома, распахать землю. Натиск поселенцев был непреодолим, и индейцы, разделенные на бесчисленное множество разобщенных племен, остановить его не могли.

В продвижении на новые земли и безжалостной войне с краснокожими родилась на севере континента новая нация — американская. Индейские войны продолжались два с половиной века — до битвы у поселка Вуидед-Ни 29 декабря 1891 года. Впрочем, «битва» в данном случае слово неточное. Полк кавалерии Соединенных Штатов, поддержанный артиллерией, истребил поголовно лагерь индейцев племени сиу: воинов, женщин, детей.

Итак, 29 декабря 1891 года войны с индейцами завершились победой белого человека и его цивилизации. Остатки многочисленных некогда племен оказались разбросанными по двумстам шестидесяти трем резервациям. Больше всего индейцев сохранилось в пустынном штате Аризона. Много их в Оклахоме, Нью-Мексико и Южной Дакоте. И самое большое число резерваций приходится на эти штаты. Граница между Вайомингом и Южной Дакотой делит на две неравные части нагорье Блэк-Хилс — Черные Горы. В не столь уж отдаленные времена — дату можно назвать точно: до 1877 года — старейшины кланов сиу каждую весну собирались в Черных Горах. Они обсуждали важные вопросы общеплеменного значения, приносили жертвы Великому Духу. Через несколько дней поднимался над горами дым священного костра, и, внимательно следя за его формой, шаманы узнавали волю предков. Прогноз этот мы бы назвали краткосрочным, потому что касался он планов на ближайший год: где каким кланам кочевать, с кем поддерживать мир и союз, кого из соседей остерегаться. Долгосрочных прогнозов индейцы не делали, да и вряд ли по дыму костра удалось бы

предугадать будущее — мрачное и сложное. В жизни предков такого не случалось.

Когда совещание старейшин принимало решение, к Черным Горам стекалось все племя, и десять дней длился праздник: сиу отмечали начало нового года. Трудно сказать, сколько раз собиралось племя сиу в Черных Горах,— историю племени никто не писал, но известно одно: как бы далеко ни кочевал тот или иной клан, туда он прибывал в срок.

Когда юноше приходило время найти себе духа-покровителя, он отправлялся в пещеры Черных Гор, постился до изнеможения, пока однажды во сне не приходил к нему дух в образе зверя или птицы. Дух сообщал юноше его новое — взрослое — имя, объявлял запреты, которые следовало соблюдать до конца жизни. Только сиу, побывавший в Черных Горах, считался взрослым полноправным воином. Верили, что там он рождается вновь. Ни один воин-сиу не решился бы обнажить оружие в священном месте: даже злейшие враги должны были выкурить трубку мира.

Мы говорим о верованиях племени сиу, связанных с Черными Горами, столь подробно, чтобы показать, какую роль играла и играет по сей день эта местность в жизни племени.

Именно здесь решил создать памятник вождю сиу Тасанке Уитке — Неистовой Лошади — скульптор Корчак-Зюлковски, вырубив его из целой скалы. Совет племени постановил помогать скульптору: славное прошлое сиу должно возродиться в этом священном для них месте.

Задолго до последней битвы индейской войны — Вундед-Ни — в 1868 году правительство Соединенных Штатов ратифицировало договор, по которому племени сиу гарантировались вечные и неотъемлемые права на Блэк-Хилс. «До тех пор, пока текут реки, растет трава и зеленеют деревья, Черные Горы на веки вечные останутся священными землями индейцев». Сиу серьезно отнеслись к бумаге, на которой вожди поставили отпечатки больших пальцев. Они не смачивали пальцы чернилами: каждый надрезал ножом кожу и оставил кровавую печать. Представитель властей макнул перо в чернильницу. Для правительства это был всего лишь один из четырехсот договоров и двух тысяч соглашений, заключенных между коренными жителями Америки и властями.

Реки по-прежнему текут, трава растет, и деревья зеленеют. Не во всех, впрочем, местах: на больших пространствах в Черных Горах не осталось растительности, ибо плодородный слой почвы там срыт напрочь — сначала заступом, а в наши дни бульдозером.

Кто мог подумать, что именно в этих негостеприимных местах найдут золото! Отчего-то его всегда находят в малоудоб-

ных для белого человека местах с суровым климатом. Да еще индейцы путаются под ногами. То ли молятся там дикари, то ли еще что-то делают, но уж точно, что ничем хорошим они не заняты и заняты быть не могут. На то они и индейцы. Так — а то и еще пожестче — считали в те времена белые.

С ними, впрочем, особо и не мудрствовали. В 1877 году правительство пересмотрело договор о Черных Горах. Восемь десятых этой территории были провозглашены US State Forest — государственными лесами, о чем вождям племени сиу и было мимоходом объявлено. Подписей от них уже никто не требовал. Когда индейцы, согласно своему обычаю, пытались собраться в Блэк-Хилс, их встретили войска. Сражения не произошло. Но за пределами священной территории начались стычки воинов-сиу с солдатами. Они продолжались до 1891 года, когда в битве при Вундед-Ни поставлена была последняя точка в истории индейских войн.

Золотоносную землю распродали по участкам старателям за смехотворно низкую цену. Определенный процент с вырученной суммы — шесть миллионов долларов — был предложен сиу на устройство приличной резервации. Сиу деньги взять отказались: обитель духов предков нельзя продавать ни за какие деньги. Отвергли шесть миллионов долларов люди, лишенные средств к существованию, племя, где мало оставалось здоровых молодых мужчин, способных прокормить стариков, женщин и детей. Но решение было принято единодушно — и не только старейшинами. Уговаривать их не стали. Деньги решили поместить в банк, где ими должен был распоряжаться уполномоченный департамента по делам индейцев.

Как он ими распоряжался — покрыто мраком, однако же известно, что тогдашний уполномоченный мистер Осия Дж. Айронсайд, выйдя в отставку, кончил свои дни зажиточным и почтенным домовладельцем на восточном побережье, где индейцев поблизости на сотни миль нет.

Владельцы шахт в местечке Хоум Стэйк в округе Блэк-Хилс за прошедшие сто с небольшим лет заработали свыше миллиарда долларов. Эти данные зарегистрированы в отчетах налогового ведомства. Индейцы сиу не получили из этой суммы ни цента. Эти цифры привел на заседании Верховного суда США адвокат племени. Но, напомнил он, племя сиу всегда требовало не денег, а возврата их собственной земли. Всего, подчеркнул он, отобрано шестьдесят миллионов гектаров: в Северной и Южной Дакоте, Небраске, Вайоминге и Монтане. Но он уполномочен вести разговор для начала только о семи миллионах гектаров — священном нагорье Черные Горы.

Когда два десятка лет тому назад возникло движение индейцев за свои права, и представители двухсот восьмидесяти

семи официально призиаиных племен (а с ннми и меньших групп, вроде бы существующнх, но тем не меиее в спнски не попавших) собралнсь выработать свои требования, вопрос о Чериых Горах стал одним нз первых. Ведь племя сиу — шестьдесят тысяч человек, сохранивших язык и сознаиие своей общности — одно из крупнейших в стране. Тогда-то и принято было решение действовать через суды — «томагавк белого человека».

Отчего же индейцы вдруг поверили в суд, ведь к нндейцам за прошедшне столетня закон был, скорее, пристрастен? Белые составляли бумагн, не слишком ломая голову: подписывать договоры приходили закутанные в одеяла вожди с перьями в волосах. Днкарь, мол, все равно не прочтет, а еслн кого попросит прочитать — много лн поймет? Сверх того чнновникн н офицеры, еслн бывали в шутливом иастроеннн, такое моглн понаписать, что потом просто катались от хохота, вспоминая, как краснокожий все это серьезно выслушивал. Да и кто мог предположить век назад, что племя краснокожнх выжнвет, а правнук вон того нндейца станет адвокатом, н к тому же квалнфицнрованным крючкотвором? Те, кто составлял договоры, этого, конечно, не предвидели. Кстати, успехи многих иидейцев в юриспруденцнн, очевндно, не случайны: умеиие логнчно и красноречиво говорнть почиталось во всех племенах наравне с воннской доблестью. И эта способность к логике вместе с терпеливостью н отвагой — лучшее, что унаследовали ньнешние нидейцы от своих славных предков.

Разбор жалобы сиу продолжался в Верховном суде одиннадцать лет. 30 июня 1980 года Верховный суд США признал, что нагорье Блэк-Хнлс отобраио было у сну незаконно. Суд постаиовил выплатить племенн сто двадцать два с половиной миллиона долларов. Из ннх семнадцать с половнной за землю (по ценам 1877 года), а сто пять — за сто три года пользоваиня (по ценам того же года). Следует заметить, что в 1877 году жалованье уполномоченного департамента по делам нндейцев прн племени сну составляло сто два доллара в месяц, и он считался высокооплачнваемым служащнм. Сейчас за этн деньги он ие снял бы мало-мальски прнлнчной квартнры.

Самые безлюдные, безводные и иеудобиые для жизнн места, куда в свое время вытесннлн нндейцев, оказалнсь богатымн полезнымн ископаемыми. Только в резервациях, где жнвут двадцать три племенн америкаиского Запада, залегает под поверхностью треть запасов угля страны, восемьдесят процентов урана, иефть н газ. И снова в печатн возникают вопросы: можно лн оставлять во владенни нндейцев — этнх людей прошлого — такне богатства? Не лучше ли заплатнть им отступные деньги? На иих можио себе закупить вискн — залей-

ся, японских иидейских костюмов и гоиконгских томагавков — по сто штук иа каждого, да еще и иа строительство школы останется...

Но в том-то и дело, что иыиешиие иидейцы — люди уже ие камеииого века. Оии помият свое прошлое, поиимают, что проиграиа иидейская войиа, ио оии зиают свои цели. Ныиешние цели. И свои возможности. Потому вся иидейская Америка ждала исхода борьбы сиу в суде.

Сиу от предложениых деиег отказались. Оии ие призиают сумму достаточиой, ибо их цель — восстаиовить первоздаииость Чериых Гор. А главиое, им иужиы ие деиьги, а земля. Свящеииые Чериые Горы.

НЕБОЛЬШАЯ ВОЙНА БЕЗ ТОМАГАВКОВ

Граиица между землями племеии иавахо и территорией племеии хопи в штате Аризоиа проходит по иагорью Саи-Фраисиско. Здесь же — по вероваииям хопи — проживают их боги. Места эти удивительио красивы: поросшие сосиами горы посреди красиоватой Аризоиской пустыии.

Сорок лет иазад, когда первые рекламы спортивиого комплекса Сиоу Боул только появились в газетах, а первые туристы и репортеры приехали к нагорью Саи-Фраисиско, иидейцы устроили демоистрацию. Старейшииы племеии в изукрашеииых бисером и бахромой ритуальиых костюмах, сопровождаемые всеми взрослыми мужчииами-хопи, расселись, молчаливые и неподвижиые, вдоль лыжной трассы. Тогда оии еще боялись протестовать более активио и полагали, что молчаливая демоистрация хотя бы привлечет виимание к их требоваииям.

Репортеры отметили в своих статьях остроумие и изобретательиость адмиииистрации зимиего курорта, не сомиеваясь, что это рекламиый трюк. Высказывалось даже миеиие, что у иидейцев хопи появился иовый источиик заработка — служить живописиой декорацией модиому курорту.

Главиый адмиииистратор комплекса Олави Эклуид пригласил к себе вождей и предложил им за умереииую мзду таицевать и молиться иа свящеииых горах по утверждеииому дирекцией графику. На себя он брал изготовлеиие иедорогих масок-сувениров и головиых уборов из пластика для небогатых гостей. Более цеииые сувеииры с использоваиием натуральиых орлииых и вороиовых перьев иидейцы могли производить сами. Старейшииы отказались и потребовали освободить святое иагорье.

Мистер Эклуид в ответ иа это попросил очистить помещение

и порекомендовал впредь не появляться в районе трассы. Ииаче ои вызовет полицию. Полиции штата нндейцы ие без основания побаивались, так как были увереиы: побеждеииой стороной всегда будут они.

Хопи отступили. Адмииистрация курорта торжествовала. Это было сорок лет иазад.

С тех пор миогое изменилось. Немиогочислеиная, но зиающая свои цели индейская интеллигеицня за это время усвоила многое из зиаиий и умения белых. Бнтва была переиесеиа из предгорий и гор иа Террнторию Белого Человека. Этим феинморкуперовским термином воспользовался впервые адвокат Дэйл Старый Рог, индеец из племеии кроу. Адвокат нмел в виду суд.

Вместе с другимн индейцами-юристами он изучил со всей тщательиостью иесколько тысяч договоров и соглашеиий, заключенных правительством США с индейскими племеиами. И обиаружил, что по крайией мере треть из иих можио — и не без успеха — опротестовать в судебиом порядке.

В вестернах — ковбойских фнльмах — и тысячах кииг иа тему индейцев их изображали всегда как безжалостных и ковариых врагов. Но такого изощреиного коварства от иих иикто ие ждал: пытаться бить бледнолнцых братьев их же собствеииым оружием!

Выясиилось, в частности, что иа основе америкаио-индейской резолюции о свободе вероисповедаиия федеральные власти и власти штатов обязаиы обеспечить индейцам свободный доступ к их святым местам. Более того, выяснилось, что подобиые места ие могут состоять ии в чьем частиом владеиии.

Так удалось добиться судебных решений, по которым:

иикто не имеет права запретить зиахарке племеин винту построить свой лечебный шалаш иа территорин Национальиого парка Тринити в Калифориии и прииимать там страждущих;

таможенники ие имеют права осматривать багаж нидейцев племеи мохавков и черионогих при пересечеиин ими граиии с Канадой, потому что лечебиые амулеты, которые шаманы этих племеи изготовляют иа канадской территорни, не смеет видеть глаз постороннего;

военно-морской флот США должеи позволять индейцам паюте и шошона совершать обряды у своего арсеиала, даже если оин разводят костры рядом со складом взрывчатых веществ. (Что делать — постронли в свое время арсенал прямо иа святом месте!)

Трудной задача встала перед администрацией тюрьмы в штате Небраска. Заключениые-нидейцы потребовали разрешеиия совершать свон обряды — ведь ходят же арестаиты-католики по воскресеньям в тюремиую церковь! — ио, по их верованиям, им нужно отлучаться для этого с террнторнн места заклю-

чения. Администрация тюрьмы, правда, выстояла перед этими требованиями.

Индейцы хопи пока добились только одного: курорт Сноу Боул запретили расширять. Решение, впрочем, пока не окончательное, ибо дело кочует из инстанции в инстанцию.

Юридическая битва только началась, и индейцы, в общем-то, на многое не рассчитывают и даже понимают, что, выиграв право молиться в своих святых местах, вряд ли победят на всей Территории Белого Человека. Но, как говорит адвокат Синяя Собака из племени шошона, лучше наступать, чем отступать.

Он-то и посоветовал индейцам племени килиуи предъявить права на целый город...

ДЕЛО О ГОРОДЕ-ПРИЗРАКЕ

Город-призрак называется Боди. Он лежит на поднятой на три тысячи метров каменистой равнине в предгорьях Сьерра-Невады. Индейцы настаивают, что эти земли были в первой половине прошлого века собственностью племени килиуи. Документов об этом у килиуи нет. У властей штата есть дарственная бумага.

В городе царствуют пыль и ветер. Ветер прилетает с юго-запада, с гор Сьерра-Невада. Он приносит слабый пряный запах шалфея, вздымает тучи мельчайшего песка и швыряет их на улицы города. Песчинки влетают через разбитые окна в дома, хлещут деревянные стены, покрывают продырявленные крыши, и кучи песка сыплются вниз.

Ветер расшатал дома, гнет траву — ею густо поросли городские улицы. В гостинице «Стюардс грэнд-отель», что на главной улице, висят на доске у стойки портье ключи от номеров. Лежит трубка допотопного телефона, как будто говоривший на секунду выскочил позвать кого-то. На двери висит сумка почтальона с письмами, покрытая густой многолетней пылью. В одном из номеров стоят рядом с заржавевшей кроватью сапоги сорок пятого размера со шпорами. В игорном зале гостиницы замер на одной из цифр рулетки шарик... Все выглядит так, словно жители города по приказу вдруг встали и ушли из Боди.

В городе стоит тишина. Сто лет назад — какие-то сто лет назад! — газета «Боди стэндард» писала:

«...Грустно признать, но наш город стал самым диким на «диком Западе». Каждый день гремят выстрелы, будто горожане решили перестрелять друг друга. Вокруг пьянство, безнравственность, драки. Как долго будет все это продолжаться?»

Недолгую и бурную историю города Боди можно прочитать в старых газетах. В дни наивысшего расцвета там выходило

три газеты. Когда-то в городе жило пятнадцать тысяч человек, было тринадцать золотых рудников, шесть погребальных бюро, методистская церковь и превосходная тюрьма на сто персон.

История Боди неотделима от истории освоения Калифорнии. Когда в 1848 году войска Соединенных Штатов оттеснили мексиканцев, бывших владельцев этих земель, к югу, Калифорния была слабо заселена. Земли еще хватало на цивилизованном восточном побережье, а потому перспектива обосновываться на далеком Западе мало кого привлекала. Но 24 января Джеймс Маршалл, рабочий с лесопилки, обнаружил в грязи, застрявшей в решетке гидравлической пилы, камень величиной с голубиное яйцо. Камень был слишком тяжел, чтобы не обратить на него внимание. Отмыв его в реке, Маршалл выскочил на берег и закричал: «Золото! Я нашел золото!»

Речка, на которой стояла лесопилка, именовалась Сакраменто; в истории калифорнийской «золотой лихорадки» название это стало символичным. Недаром золотоискатели у Джека Лондона пели: «Сакраменто — край богатый, гребут золото лопатой!» С момента находки драгоценного металла проблема заселения Калифорнии была решена.

Кто греб лопатой золото, а кто и нет; об этом разговор особый. Главное, что миллионы людей покинули насиженные места и двинулись туда, где можно было стремительно разбогатеть.

Среди тех, кто устремился на Запад, был и некий Билл Боди. Он бросил семью, сел в Бостоне на корабль и вышел на берег в Сан-Франциско с десятью долларами в кармане. Сверх этой суммы он располагал стальными мускулами и тяжелыми кулаками. Среди калифорнийских старателей он скоро получил кличку «Гризли Боди» за скверный характер и стремление решить любой вопрос дракой. В потасовках он обычно побеждал, зато с золотом ему упорно не везло. В 1859 году он покинул, не оглянувшись, изрытые искателями счастья берега Сакраменто и двинулся с тремя компаньонами в горы Сьерра-Невада. Но и там не везло по-прежнему. Рождество Боди с попутчиками встретил у костра в пещере и от скуки пошел вверх по ручью, время от времени царапая дно мотыгой. Через полчаса стало ясно, что золота в ручье едва ли не больше, чем воды. Так найдена была богатейшая жила Сьерра-Невады. И так началась «горячка Боди», подвид болезни, называемой «золотой лихорадкой».

Сам Боди, впрочем, не заработал на найденном им золоте ни единого доллара: в тот же вечер он свалился с воспалением легких и через неделю скончался в той же пещере. Но уже через десять дней вокруг пещеры вырос палаточный город, скоро превратившийся в город из хижин и без задержки ставший крупным населенным пунктом с солидными деревянными дома-

ми. Город назвали Боди и тем увековечили память Билла Боди, пришедшего и ушедшего нищим.

Кочевавшие неподалеку индейцы племени клилун в страхе ушли подальше от этих мест. У них уже был горький опыт общения с внезапно появившимися толпами вооруженных белых, и клилун предпочли держаться подальше.

Так возник город, предназначенный для одной лишь цели: обогащения, добычи золота, ибо больше ничем нельзя было заниматься на этой каменистой земле, где уничтожили даже тонкий слой животворной почвы, откуда бежали животные. Но золото земля давала. За один только 1862 год в городе добыли золота на 13 миллионов долларов. Крупнейшая фирма, занявшаяся делами в Боди,— «Стэндард майнинг корпорейшн» — имела годовой доход в пять миллионов. Счастливцы и неудачники (даже неудачники), гангстеры и методистские пасторы, парни без предрассудков и девицы им под стать — все могли заработать в Боди. И в шестидесяти питейных заведениях города всю ночь шла гульба. Газета «Боди стэндард», которую мы уже цитировали, писала: «Никому не подсчитать, сколько людей погибло в салуне Джона Вагнера. Чуть ли не треть тех, кто входит туда живым и здоровым, выносят из салуна ногами вперед».

...На грани двух веков вдруг резко упала цена золота на международных биржах. И добыча драгоценного металла в Боди становилась все менее прибыльной. Копать надо было глубже, а истощенная земля Сьерры давала золота меньше и меньше. Крупные компании начали сворачивать работу. Тысячи людей остались без средств к существованию. Летом пожар уничтожил восточную часть города. Зимой внезапные снежные лавины отрезали Боди от мира. Безработные стали покидать город первыми — за отсутствием имущества они были легче всех на подъем. За ними свернули дела банки, магазины, салуны, заколотил заведение Джон Вагнер. В единственной школе не стало учеников. Даже гордость Боди — вместительная тюрьма стояла без дела. Последнему заключенному — конокраду Уолтеру Ласло — начальник тюрьмы преподнес ключ от ворот и пообещал оказать гостеприимство в любое время. Они обнялись и пошли каждый в свою сторону: делать в Боди было нечего.

...И лишь местный банкир Стюарт Кэйн один слепо верил, что цена на золото повысится. Он скупал за бесценок брошенные дома, участки, целые улицы, казенные здания: почту и суд, церковь и тюрьму. И стал владельцем города. Брошенного города, города-призрака, города без людей. В старой Европе обладание городом, даже без населения, принесло бы ему хотя бы титул, пустой, но звучный. В Америке это принесло ему славу помешанного... Наследники одержимого банкира лет семьдесят

не знали, что делать с собственным городом, и в 1868 году преподнесли его в подарок штату Калифорния.

...Когда особенно сильный ветер рвется в Боди с гор, песок бьется о деревянные стены покосившихся домов, и пустые улицы наполняются невнятным шорохом. И тогда случайно попавшему в Боди человеку кажется, что в городе идет какая-то невидимая жизнь. Словно бродят по улицам тени искателей золота и искателей приключений, разбогатевших и застреленных, нашедших и разочарованных. Призраки бродят по городу-призраку, пустому памятнику погони за призрачным счастьем.

...Верховный суд штата индейцам кинуи в иске отказал. Во-первых, документов у них действительно не было. Во-вторых, возвращение города Боди индейцам могло бы создать нежелательный прецедент. Адвокаты племени передали дело в Верховный суд страны, где его и рассматривают по сей день.

ДЛИННЫЙ МАРШ

Стадион Рэд Рокс в городе Галлап в штате Нью-Мексико довольно вместительный — на двадцать тысяч зрителей. Такое количество людей собирается там всего несколько раз в год, но подскакивают в цене билеты только в конце лета, когда племя навахо — бывший владелец окрестных земель — устраивает свой ежегодный праздник Великого Духа.

На темную арену выезжает на неоседланном коне старый воин. Он медленно объезжает вокруг стадиона, пуская коня вскачь, все быстрее и быстрее — на одном из кругов вспыхивают прожекторы. Старец осаживает коня и начинает длинную древнюю песню «Заклинание Великого Духа». Громкоговорители разносят песнь далеко за пределы стадиона, а зрители следят за содержанием по рекламным буклетам праздника. Их выдают каждому посетителю вместе с билетом.

В программу входят еще состязания в меткости: стрельба из лука и из допотопных ружей, театрализованная схватка индейцев и очень многое другое индейское... Года два назад в газетах (не галлапских, впрочем) появилось сообщение, что среди участников нет индейцев; это циркачи-профессионалы, которых нанимают устроители.

Устроители на этот выпад реагировать не стали, но поместили в газетах снимок: старик-индеец, исполнитель заклинания, едет со своим конем в машине для перевозки крупного рогатого скота со стадиона Рэд Рокс, возвращаясь к себе в резервацию. Дряхлый воин довольно и устало улыбается, в руках у него бутыль виски, а в волосах перо. Соблюдая объективность, организаторы празднеств признали, что среди выступающих есть

определенный процент неиндейцев, но уточнять этот процент не стали. Что греха таить — не так уж много найдется теперь навахо, способных выступить на уровне современных требований к древности...

В то же самое время, когда лжеиндейцы на стадионе Рэд Рокс, завывая хорошо поставленными голосами, горячат мустангов, в ста милях к северу от стадиона возвращаются с вечерней смены шахтеры. Все они принадлежат к племени навахо, и в их подлинности сомневаться не приходится — стоит лишь заглянуть в расчетные книжки. Поскольку в профсоюз их не принимают, то и зарплата у них весьма невысока. Профсоюз принимает только людей, выполняющих все обязанности гражданина Соединенных Штатов и налогоплательщика, а живущие в резервациях индейцы к таковым отнесены быть не могут.

Навахо работают в «Юта Интериэшнл». Земля, в которую врылись шахты, принадлежит племени, и компания платит совету старейшин по пятнадцать центов за каждую тонну угля. Когда-то эта сумма была относительно приличной, но с тех пор цена на уголь на мировых рынках достигла двадцати долларов за тонну. Неполный процент, отсчитываемый индейцам, стал выглядеть смехотворным.

Уголь отправляется на Фор Корнерз, одну из крупнейших теплоэлектростанций в стране. И одну из самых грязных.

Когда первые спутники только начинали делать фотоснимки из космоса, Фор Корнерз можно было заметить сразу — такой мощный серый хвост тянулся из ее труб. Днем и ночью падает на землю резервации навахо серый пепел, и все серее и серее становится трава. Дышать в резервации, где живут сто пятнадцать тысяч индейцев, тяжело, у большинства людей слезятся глаза. Но попробуйте собрать здесь подписи под петицией, требующей закрыть электростанцию! Сочувствующий индейцам белый студент из Нью-Йорка Дэниэл Плискин, попытавшийся это сделать, еле ноги унес. Он все стремился объяснить навахо необходимость бороться за охрану окружающей среды, и они его слушали со вниманием. Но стоило ему заикнуться об электростанции Фор Корнерз, как настроение слушателей резко изменилось. Прав был, конечно, Плискин, но и навахо понять можно: на компанию работает пятьсот индейцев, большинство — из их племени. И если белые могли бы попытаться найти себе работу в других местах, то индейцам просто некуда деваться. «Юта Интернэшнл» дает работу рядом с домом.

Ток, вырабатываемый на станции, идет в далекие города — Феникс в штате Аризона, в Лос-Анджелес. На резервацию тока не хватает, и в индейских хибарах коптят керосиновые лампы.

Кажется, все, что происходит с индейцами навахо в их взаимоотношениях с компанией «Юта Интериэшнл», взято из хре-

стоматии как наглядный пример положения краснокожих американцев. Как и положено в хрестоматийном примере, здесь или черное или белое. Тем не менее все описанное выше совершенно реально.

Примерно так же реально, как и то, что индейцев в Соединенных Штатах осталось восемьсот пятьдесят тысяч — это меньше половины процента населения,— а принадлежит индейским племенам почти половина залежей урана и треть залежей лучшего угля на западе Штатов. Как и то, что на территории индейских резерваций есть и нефть и газ. Как и то, что индейцам все эти дары природы не принесли ни малейшего достатка.

Дело в том, что все договоры, позволяющие добывать полезные ископаемые, подписаны лет двадцать пять — тридцать тому назад, когда и цены были не те, и индейцы во всей этой механике почти не разбирались.

В 1976 году радиоактивная вода — несколько миллионов гектолитров — из урановой шахты компании «Юнайтед Нюклеар» вылилась в реку Пуэрко и просочилась в подземные источники в индейской резервации. Система очистки работала из рук вон плохо, менять ее следовало давно, но у компании все как-то руки не доходили. Катастрофу можно было сравнить разве что с аварией ядерного реактора. Старейшины пытались протестовать, но компания пригрозила, что закроет шахту. Правда, при этом дирекция обещала, что почву в резервации исследуют и убытки возместят.

Кнут и пряник были применены в неравной пропорции: почти все мужчины из близлежащей резервации работают именно на этой шахте, так что безработным оказалось бы почти все племя. Почву компания исследует и по сей день.

Эта история так бы и кончилась, не кончившись никак, если бы среди здешних индейцев не появился Девитт Диллон из племени кроу.

...Ему было восемь лет, когда произошел случай, оказавший влияние на всю его последующую жизнь. Было это во время войны. Девитт жил в резервации неподалеку от городка Хардин в штате Монтана. Вместе с женщинами и стариками своего племени он помогал белому фермеру убирать урожай. Рабочих рук не хватало, и фермер — звали его Уилл Сеппанен — охотно предоставил работу индейцам. Тем более что кроу считались — даже по мнению белых — людьми трудолюбивыми и надежными. Кроме индейцев, на ферме работали какие-то белые иностранцы. Девитт ни слова не понимал, что они говорят. И хотя сам он тогда по-английски разбирал с пятого на десятое, мог, однако, сообразить, что это не тот язык, на котором говорят мистер и миссис Сеппанен и шериф Янгхазбенд, заезжавший

иногда на ферму. Кто-то ему объяснил, что белые эти — немцы — военнопленные из близлежащего лагеря. Девитт, помнится, удивился еще, что немцы так похожи на обыкновенных белых. Он знал, что они враги Штатов, и, когда один из них хотел подарить мальчику алюминневое колечко, юный индеец отвернулся.

Работа шла споро, и мистер Сеппанен, умевший ценить хорошую работу, пригласил своих добровольных и недобровольных помощников отметить окончание жатвы в местном ресторане.

Немцев привел конвоир, пересчитал, и они спокойно прошли в зал. А затем вышел хозяин заведения и, поманив к себе фермера, без лишних слов показал ему на табличку у входа: «Индейцам и собакам вход воспрещен!»

Индейцы молча вернулись в склад на вокзале — там они жили. К вечеру смущенный и пьяный Сеппанен привез им кучу еды и питья из ресторана, но, помнит Девитт, один старик запретил брать хоть что-нибудь. Утром индейцы ушли к себе в резервацию.

Тогда-то маленький Диллон поклялся выучиться в школе всему, что знают белые, и начать бороться за права своего народа. Став взрослым, он понял отчетливо, что его народ не только кроу, но и все краснокожие американцы.

В племени кроу Девитт Диллон занимается хозяйственными вопросами (по образованию он экономист). Он регулярно следит за прессой, отмечая все, что касается прав индейцев на полезные ископаемые. О радиоактивном заражении земли индейцев пуэбло-лагуна он узнал из заштатной газетенки, уделившей событию абзац.

Через три дня Девитт Диллон был на месте происшествия. Неделя ушла на уговоры старейшин — очень уж они боялись закрытия шахты, потом был вызван известный индеец-адвокат Томас Две Стрелы, и племя подало в суд. Суд нескорый, приговор которого вряд ли будет таким, каким хотят его видеть индейцы, но главное, он должен привлечь внимание общественности к положению индейцев.

Опыт в таких делах Девитт Диллон приобрел в родном племени, когда на территории кроу обнаружили гигантские залежи угля. Угольный пояс тянется к востоку от Скалистых гор с севера на юг, начинаясь в резервации кроу и кончаясь в земле чейенов. Уголь оказался первосортным — с минимальным содержанием серы — и залегает так близко к поверхности, что стоимость добычи получается раз в десять ниже, чем в Европе.

В конце шестидесятых годов угольная компания «Истерн Коул» выразила желание заключить с племенами кроу и чейенов

договор. Это само по себе было удивительно, потому что до этого обходились без затяжных процедур.

Кроу заключили договор, по которому компания получила право копать уголь до тех пор, пока он есть в недрах резервации. Индейцам была установлена плата в семнадцать с половиной центов за тонну. Заключив договор, «Истерн Коул» работ не начала: ей важно было застолбить участки, а уголь мог и подождать до лучших конъюнктурных времен.

И времена не заставили себя ждать: 1973 год, первый энергетический кризис, резкое повышение цен на нефть. Уголь стал вдруг очень нужен.

Когда в 1974 году в резервацию прибыли первые угледобывающие машины, кроу гораздо лучше разбирались в событиях большого мира, чем десять лет назад. В прошлом веке их силой согнали с военной тропы, теперь они вступали на тропу судебную. Конечно же, у белых и тут сила была неизмеримо большей! Зато у индейцев было преимущество — неожиданность. Что ни говорите, а голливудские краснокожие (а именно по вестернам сформировано представление об индейцах у среднего американца) не носились по прериям с адвокатским портфелем!

Кроу посоветовались с экспертами и пришли к выводу, что договор с компанией «Истерн Коул» подлежит пересмотру. В том же 1974 году вожди племени кроу подали на компанию в суд.

Дело стало сенсацией: первое из индейских племен потребовало пересмотра несправедливого договора, решило получить назад хоть часть своих богатств. Забегая вперед, скажем, что от суда индейцы кроу пока ничего не добились, и процесс не кончен. Но Диллон — а он и был инициатором — доволен: процесс привлек внимание общественности. Люди, для которых само понятие «индеец» было связано с воспоминаниями подросткового возраста и уж никак не с чем-нибудь серьезным, вдруг начали уяснять, что индейский народ существует, что у него важные проблемы. И что положение его отчаянное.

Так пришла очередь дел о воде. Три четверти индейцев США живут в засушливых районах юго-запада страны — пустынях и полупустынях. Земля там без обильной влаги родить не способна.

Самый большой успех «водной войны» — решение суда, по которому пять небольших племен нижнего течения реки Колорадо получили право на половину ее воды. Правда, воспользоваться племенам удается дай бог десятой частью того, что им причитается,— сложное гидротехническое строительство им не под силу: не хватает капиталов, специалистов и многого другого.

Процессы следуют один за другим: бой за права индейцев Северо-Запада на рыбную ловлю в Великих Озерах был самым громким из них. Восьмилетним мальчиком поклялся Девитт Диллон выучиться в школе всему, что знают белые. Тогда ему казалось, что это «все» — арифметика, английский язык, чистописание и бейсбол. Теперь, когда взгляды его расширились, он убежден, что индейцам уже хватает этнографов, фольклористов и мастеров народного искусства. Пришло время инженеров, экономистов, юристов и бизнесменов.

Если учесть, что из трех индейских детей кончает начальную школу всего один, да и этот окончивший редко когда продолжает образование, мечты Девитта Диллона выглядят утопией. Но... Кто бы мог подумать, что за последние полтора десятка лет трижды выйдут индейцы из резерваций? В 1969 году, когда они заняли тюрьму Алькатрас в заливе Сан-Франциско. В 1973-м — захват поселка Вундед-Ни. «Длинный марш» в 1978 году, когда за сто пятьдесят один день тысяча индейцев из разных племен прошли четыре с половиной тысячи километров и поставили вигвамы перед Белым домом.

Индейский марш еще только начался...

М. Андронов

ОДИН

**Отрывки
из документальной повести**

◆

Михаил Владимирович Михалков встретил войну на Дунае, в городе Измаиле, в составе 79-го погранотряда. В начале августа 1941 года из города Николаева по приказу штаба погранотряда ушел на спецзадание в тыл врага.

Военная судьба молодого пограничника, в совершенстве владевшего немецким языком, оказалась сложной и необычной. Он бежал из нескольких фашистских лагерей, находился в подполье в ряде городов Украины, как советский разведчик под кличкой «Сыч» действовал под видом немецкого солдата и офицера на оккупированной гитлеровцами территории.

После войны М. В. Михалков стал писателем (литературный псевдоним М. Андронов). Он автор 12 поэтических сборников. Им написана автобиографическая повесть «Один» о своих военных годах. Предлагаем нашему читателю отрывок из этой книги.

В ОФИЦЕРСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Я хорошо помню Днепродзержинск весной 1942 года, дом на перекрестке двух центральных улиц, в котором был размещен переведенный из г. Александрия Кировоградской области немецкий военный госпиталь. (Сейчас это здание принадлежит городскому профессионально-техническому училищу № 22.) Нас, пленных, привезли из лагеря и закрыли в большом зале. Зал был разделен колоннами, окна, забранные массивными решетками, выходили во двор.

После расстрела наших пяти товарищей в городе Александрии нас осталось сорок пять человек, и мы сразу были распределены по рабочим местам: портных, плотников, сапожников, слесарей направили в мастерские при госпитале.

Мой товарищ Цвинтарный стал истопником в прачечной, я же попал «на этаж», в помощники к санитару Паулю. Мне было выдано подержанное немецкое обмундирование. Пауль был

старый, ленивый немец, туговат на ухо, вдобавок у него постоянно что-то болело. Пауль знал русский язык.

Моей обязанностью было мытье суден из офицерских палат, которые выносил мне Пауль. Палат было восемь, в каждой по двадцать офицеров. За один день мне приходилось перемывать более двухсот суден. К вечеру я едва стоял на ногах.

— Эй! Ходи ты сам по палатам. Чего я тебе буду судна выносить в коридор, у меня и так дел по горло! — заявил мне пьяный Пауль.

Пауль был в восторге от того, что ему не придется больше нагибаться.

Ночами, лежа на своей жесткой железной кровати, ворочаясь с боку на бок, я непрестанно думал о побеге. «Бежать! Только бежать!» — это была единственная мысль, которая до боли сверлила уставший от напряжения мозг. Порой терзал по ночам яд слабоволия. Когда же осуществить побег? Сколько можно ждать! Стоит ли дальше жить? Но перед взором вставали легендарные Камо и Котовский. Эти герои были для меня живым примером. Их воля была сильнее кандальных цепей, железных решеток и глухих тюремных стен. И я обретал душевную силу. Жажда жизни взывала к борьбе, к мести!

Шли дни. Желаемое не исполнялось, и я снова изнемогал от сознания ужаса случившегося. Но в одну из таких мучительных ночей припомнил недавнюю картину лагерной жизни.

За колючей проволокой кировоградского лагеря находилась куча песка. Гитлеровцы ради собственной забавы заставляли пленных заниматься бессмысленной работой — нагружать в тачку песок, отвозить его в другой конец лагеря, там сыпать в кучу и тут же снова наполнять им тачку и доставлять его на прежнее место. По команде «Лос! Бистро!» заключенные должны были катить тачку бегом. И они бежали, спотыкались, падали от изнеможения, вставали и снова бежали под издевательский смех и выкрики немцев. Кто не выдерживал и бросал тачку, того настигала пуля. Но большинство заключенных выполняли приказ фашистов. Они не просто подчинялись грубой силе и делали это не от страха. Нет, совсем нет! Они стремились перенести все муки, все страдания и унижения, как моральные, так и физические, только для того, чтобы сохранить жизнь для борьбы! Они были борцами, и они боролись! Об этом говорили их глаза, полные гнева и презрения. И в этом молчаливом поединке я видел победу советских людей, их моральное превосходство над гитлеровцами.

Вспомнив этот лагерный эпизод, я окончательно понял, что в любом бедственном положении не должен падать духом, не должен складывать рук. Главное, не утратить своих стремлений.

Жизнь — это сражение! Сознание этого укрепляло дух и вселяло стойкость.

Мне вспомнился и случай из жизни александрийского лагеря. Как-то на утреннем построении на плацу немецкий офицер скомандовал: «Коммунисты и евреи — шаг вперед!» И тогда вышел из строя один наш товарищ. Он не был ни коммунистом, ни евреем. Фашисты увезли его на расстрел. Этот героический поступок вместе с тем был бессильным протестом, порывом отчаяния и гнева. Нет, так нельзя отдавать жизнь. Нужно прежде всего бороться. Герой, кто погибнет с честью, но дважды герой тот, кто выполняет свой долг и остается в живых,— учили нас, бойцов, в погранотряде перед войной.

Сейчас бежать еще нельзя. Надо терпеливо готовить побег, постараться вырвать на свободу как можно больше узников. А для этого требуется получше разобраться в обстановке и изучить врага.

Теперь у меня была цель, был маяк, к свету которого я стремился.

В госпиталь непрерывно поступали немецкие офицеры. Я исподволь наблюдал за ними, стремился по внешности изучить характеры, привычки, вкусы. Среди офицеров попадались и австрийцы. Родом из альпийских деревень, вскормленные на тирольском сыре и молоке, они в своем большинстве были добродушны, и их физиономии были даже, скорее, привлекательны. Эти люди не вызывали у меня чувства страха или неприязни. Другое дело офицеры-арийцы, люди, так сказать, «чистых голубых кровей». Их разительно отличали от австрийцев лающий металлический голос, холодный взгляд, предельная строгость в обращении. С этими «гордецами» общаться было опасно, и даже в их обличье я чувствовал открытую враждебность.

Все они, конечно, считали себя представителями высшей расы, верили в свое высокое предназначение, перешедшее к ним якобы от предков и дававшее им право властвовать над всеми людьми на земном шаре. Многие из раненых читали книгу своего фюрера «Майн кампф» («Моя борьба») и фанатически исповедовали свой националистический девиз: «Германия, Германия превыше всего! Только мы — немцы — господствующая в мире нация, мы самые цивилизованные, самые культурные, все остальные народы — полуживотные».

Иногда, наслушавшись в палатах такого бреда, я останавливался в коридоре возле Пауля и пытался, глядя на него, найти в нем хотя бы одну миллионную долю подтверждения гитлеровской теории о превосходстве арийской расы. «Пауль — сверхчеловек!» Смешно было даже думать об этом. А то, что

гитлеровцы его, Пауля, считают представителем высшей расы, для него самого не имело ровно никакого существенного значения. Все его мысли, как я уже знал, с раннего утра и до вечера вертятся только вокруг одного: как бы поскорее провести день, повкуснее пожрать и попить, а потом завалиться спать.

Но звериная фашистская идеология развращающе действовала на молодых немецких офицеров и превращала их в свору убийц. Да, убийство у них в почете — это их профессия. За зверство, истязание, уничтожение людей немецким извергам на грудь вешались железные кресты!

Не стесняясь, а даже, наоборот, хвастаясь друг перед другом, они рассказывали, как расстреливали советских людей, возводили это в ранг геройства.

Сцены массовых казней, расстрелов обычно запечатлялись немецкими офицерами на пленках и фотографиях, которые они с большим удовольствием показывали в палатах. На снимках можно было увидеть убитого советского милиционера с вырезанной на груди пятиконечной звездой, сожженных в церквах школьников, клейменных каленым железом военнопленных...

И после демонстрации таких фотографий гитлеровцы могли преспокойно есть, пить, петь песни.

Мне бросалось в глаза и их жадность, эгоистичность, мелочность. Если один у другого просит сигарету, то, конечно, только взаимообразно, возвращая долг, он отдавал сигарету непременно той же марки. Когда возвратить было нечего, он уплачивал стоимость сигареты. Такова была норма их отношений. Это никого не удивляло, было вполне обычным, общепринятым.

Однажды в одной из офицерских палат я услышал из уст молодого лейтенанта восторженную тираду. Держа в руках письмо из дому, он воскликнул, обращаясь к майору:

— Господин майор! Моя крошка Эльза (речь шла о его жене) пишет, что ей в день рождения преподнесли 97 роз. Еще бы три, было бы ровно 100!

Как о само собой разумеющемся он сообщил, что его жена пересчитала все принесенные ей в подарок цветы, и добавила еще такую фразу:

— Живых роз было 80, а бумажных — 17!

— А много было гостей? — спросил майор.

— Двенадцать человек,— сделав ударение на цифре, улыбнулся лейтенант. И тут же, заметив, что я стою с судном в руках рядом с его кроватью, от удивления раскрыл рот, крикнул: — Ходи, ходи, Иван! Пошель!

Немцам, которых я увидел здесь, была свойственна слащавая сентиментальность, чувствительность, не имеющая ничего общего с подлинными человеческими чувствами. Дешевая слез-

ливость уживалась у них с душевной черствостью и аморальностью.

Истые нацисты, воспитанные «гитлерюгенд», они, самодовольно ухмыляясь, делились своими былыми похождениями.

Среди офицеров я встречал и матерых шпионов, побывавших в советском тылу. Слушая их похвальбу, я запоминал сказанное. Ни пленные, ни администрация не знали, что я владею немецким языком, а между тем пребывание в офицерских палатах помогало мне шлифовать знание языка, пополнять лексику, в скором времени я стал четко различать диалекты.

Жизнь в немецком госпитале шла своим чередом, и мы — сорок пять пленных — продолжали тянуть свою тяжелую лямку. Теперь Коля-ленинградец по совету Цвинтарного при разгрузке на вокзале эшелонов с ранеными забирал у мертвых немцев оружие и, возвращаясь в госпиталь, складывал его в огромный ящик для бинтов и мусора, стоящий во дворе. Это оружие маляр «дядя Коля» — подпольщик Филипп Демьянович Скрыпник — тайно вывозил с территории госпиталя и прятал в городе в укромном месте, как говорится, на черный день. Таким образом в городе у нас образовывался склад оружия, которое собирались использовать после побега. Бойко занимался разработкой плана наших будущих действий. Я во всем помогал Цвинтарному и Бойко и по их совету еще пристальнее присматривался и прислушивался ко всему, что происходило вокруг нас, и прежде всего в офицерских палатах.

Однажды, в воскресенье (когда главный хирург Отто Шрам обычно обхода не делал и операций не производил), перед самым концом своего рабочего дня, сидел я на кровати майора-австрийца и помогал ему (он был без рук) играть в карты. Вдруг в палату ворвался санитар Пауль.

— Шеф! — крикнул он и обеими руками схватился за голову. В его глазах я прочитал смертельный страх.

Для пояснения этого критического момента надо добавить, что заходил я в офицерские палаты без разрешения госпитального начальства. Это Пауль сам, на свой страх и риск, облегчая себе жизнь, посылал меня туда, а согласно служебному положению мое рабочее место было только в уборной. Встреча с главным хирургом в офицерской палате грозила мне страшной карой. Это был изверг и палач, расстрелявший наших пятерых пленных в городе Александрии.

Недолго думая, я ринулся под кровать майора и притаился, ибо другого выхода у меня просто не было. Пауля как ветром сдуло. В палату со всей своей свитой вошел Отто Шрам.

Со стороны картина выглядела довольно смешной. Все офицеры ехидно улыбались.

— Чему же это вы улыбаетесь?— спросил главный хирург.

Палата молчала.

— Я повторяю,— сказал строго Шрам,— почему всем вам так смешно?

И тут после мучительной паузы, когда моя жизнь висела на волоске, майор, как бы извиняясь, произнес:

— Нам здесь один смешной анекдот рассказали, господин полковник...

— А-а, анекдот,— протянул главный хирург,— тогда ясно.— И подошел к кровати, где умирал румынский генерал.

Генерал бредил.

— Он сегодня умрет, спасти его нельзя, господа,— и с этими словами Шрам удалился из палаты.

Я выбрался из-под кровати и под одобрительные возгласы офицеров (для них это было просто развлечение) быстро ретировался. Надо сказать, что раненые недолюбливали главного хирурга за его вздорный характер и заносчивую манеру говорить и, очевидно, поэтому не выдали меня. Пауль сильно перепугался. Проклиная меня, он две недели сам убирал в палатах, на большее его не хватило.

Замечаю в палатах новое: в последнее время вести с фронта уже не радуют немецких офицеров. В декабре 1942 года в госпиталь просочились сведения, что Советская Армия взяла в плотное кольцо двадцать две немецкие дивизии в районе Сталинграда. Из разговоров в палатах я понял также и то, что немцев пугает сейчас не только фронт, но и оккупированная ими территория. Целые дивизии перебрасывались с боевых участков в Белоруссию и Прибалтику для борьбы с партизанами. По палатам только и слышалось: «Шталинград! Шталинград! Партизанен!»

Обычно офицеры играли в «скат» (нечто вроде нашего преферанса). Я быстро освоил эту игру. Не упускал и случая запомнить какой-нибудь популярный анекдот или заучить модную песенку. Здесь, в палатах, я постигал и психологию врага, словом, в дни моего нравственного унижения я старался все до последней мелочи взять на вооружение, и эти знания сыграли потом немаловажную роль в моей военной судьбе. Я уже не чувствовал себя обреченным, нет, скорее, наоборот. Я был перегружен замыслами и планами и готовился осуществить их.

Все чаще наша троица — Цвинтарный, я и Бойко — обсуждала план группового побега. Каждый должен был связаться с одним из вольнонаемных и обеспечить себе в городе пристанище.

После побега мы должны были влиться в Днепродзержинске в большую подпольно-диверсионную вооруженную группу. Адреса будущих конспиративных квартир знал только Дмитрий Цвинтарный. Он должен был обеспечить связь.

Однажды вместе с Паулем я оказался на кухне госпиталя. Там я и познакомился с Марией, доверился ей и попросил ее временно приютить меня. Она согласилась и дала мне свой адрес. Ее адрес я сообщил Цвинтарному.

На этаже работала еще одна девушка. Звали ее Милитой (жила она на Медицинской улице, дом № 1, квартира № 5), она была медсестрой из вольнонаемных. Эта красивая девушка вела себя бесстрашно, оказывала мне и другим заключенным посильную помощь. Цвинтарный тоже ее хорошо знал и поддерживал через нее постоянную связь в городе. (Только после войны я узнал, что Фрибус Людмила Альфредовна, она же Милита Шмидт, была активным участником днепродзержинского комсомольского подполья и тоже готовила наш побег непосредственно с Дмитрием Цвинтарным по прямому указанию руководителя этого подполья Лиды Лукьяновой.)

Именно в те дни, в дни разработки нами плана побега, мне пришла в голову мысль вести себя так, как действовал бы очутившийся в моем положении советский разведчик. Это помогало мне смотреть на все окружающее как бы другими глазами. С той поры я стал еще собраннее, действовал более осмотрительно. И эта же избранная мною роль стала моей опорой — настоящей моральной поддержкой.

В Днепродзержинск пришла зима. Фронт был уже в Донбассе. Участились в нашем зале обыски. Все чаще и чаще начальство нас предупреждало, что за малейшее неповиновение мы будем отправлены в лагерь.

Немцы-санитары начали поговаривать о том, что скоро всех нас отправят в Германию. Над нами нависла угроза, надо было поторапливаться, и Дмитрий Цвинтарный поручил мне готовить «лаз» для побега.

— Знаешь в нашем здании дверь под лестницей, выходящую на улицу?

— Знаю.

— Около двери ящик с песком. Надо сломать замок и выбросить из ящика столько песка, чтобы ящик можно было сдвинуть с места. Песок можно вытаскивать ведром, но крайне осторож-

но, чтобы немцы не засекли. Поручение очень ответственное и опасное. Поговори с Колей-ленинградцем. Ему это сподручней, он работает во дворе. Парень смекалистый и храбрый — поможет. Когда с песком справитесь,— шепнул Цвинтарный,— повесьте замок обратно. Пусть немцы думают, что ящик заперт. Потом взломаете наружную дверь, снова прикроете ее и плотно придвинете к ней ящик — это первая часть работы, и это сейчас самое главное.

— Но через «лаз» вряд ли смогут все уйти,— возразил я.— В момент побега люди могут оказаться в разных местах.

— У нас будет еще один способ выбраться из госпиталя. Соберем немецких марок (деньги мы брали вместе с оружием у мертвых солдат при разгрузке эшелона с ранеными на вокзале) и подкупим часового у центральных ворот. Этим делом я займусь сам.

Цвинтарный добавил, что о дне побега он сообщит накануне ночью.

Подготовить первый «лаз» оказалось неимоверно трудно. Коля, бывший студент ленинградского института, выносил песок около трех недель. Урывками, когда только мог и позволяла обстановка. Каждую минуту рисковал головой. Эта дверь и сейчас существует, с улицы она ведет в помещение, принадлежащее какому-то учреждению города.

Где ты сейчас, Николай? Жив ли, друг дорогой? Прочти эти строки и вспомни, как, рискуя жизнью, делал все для спасения своих товарищей.

В первых числах января 1943 года, когда Днепродзержинск был наводнен немецкими войсками, на нас обрушилась большая беда. Однажды Бойко, сапожник Андрей и еще один наш товарищ поехали под конвоем на грузовой машине в Днепропетровск за одеялами для госпиталя. На обратном пути все три наших товарища, сидевшие на самом верху груженой машины, ударились о балку железобетонного моста, были сброшены с мчавшегося грузовика. То ли немец-шофер не рассчитал, то ли нарочно их стукнул — никто не знал.

Спустя неделю после этого несчастного случая, поздно вечером, когда мы уже ложились спать, в наше помещение вошел фельдфебель Шильтенрум — это был наш начальник конвоя, он со всех троих пострадавших грубо сорвал повязки. Уходя, он гаркнул:

— Ходи, Иван, работа! — и запер нас снова на два замка.

Бойко попробовал встать и не смог: у него была сильно повреждена чашечка коленного сустава, нога опухла.

Побег был назначен на завтра, и Бойко понял, что если он не поднимется, то окажется в общем лагере или будет расстрелян.

Превозмогая нечеловеческую боль, Бойко поднялся и встал на ноги.

— Что же с нами будет? — спросил я Дмитрия.

— Не беспокойся. Я сделаю все возможное.

Наступило долгожданное утро. Что оно нам принесет? Шесть человек из нашей бригады уже знали, что сегодня состоится побег. Остальных шестерых мы, во избежание преждевременной суматохи, должны были предупредить в самый последний момент.

Вскоре пришли фельдфебель с переводчиком. Фельдфебель объявил:

— Ровно в десять часов группа в десять человек едет на вокзал разгружать эшелон с ранеными. Остальные будут принимать их во дворе.

Цвинтарный шепнул мне:

— Я еду на вокзал и больше не вернусь. Учти и действуй! Все возлагаю на тебя! Желаю удачи!

Мы расстались.

К двенадцати часам в госпиталь стали поступать раненые. Наша группа снимала их с машин во дворе и таскала на носилках на второй этаж госпиталя в операционную. Таскали и немцы-санитары. Был вместе со всеми и старик Пауль. Он кряхтел, потел, охал.

— Лос! Лос! — кричал фельдфебель, торопя пленных.

В два часа дня я швырнул в сторону носилки, шепнул своему напарнику, который был уже в курсе дела: «Беги!», а сам опрометью бросился на свой рабочий этаж: из шкафа, где висело оружие немецких санитаров, я хотел взять пистолет. Вбегаю на этаж, взламываю стамеской шкаф — оружия нет. Хватаю пояс со штыком. Врываюсь в хлеборезку и на глазах у перепуганных девушек из вольнонаемных и пожилой немки выхватываю из корзины круг копченой колбасы, запихиваю на ходу за пазуху и мчусь прочь... Перебегаю небольшой дворик, бегу вдоль церковной ограды, мимо церкви, влетаю в наше помещение, где мы жили, и, как стрела, мчусь наверх... Влетаю в зал. Необычная сцена: один натягивает на себя немецкую форму, другой поспешно достает нож. Третий набивает чем-то вещевой мешок. Быстро вытаскиваю из-под матраца припрятанную накануне новую немецкую шинель, пилотку, бегу вниз. Мельком замечаю, что дверь на улицу уже приоткрыта. «Кто-то уже бежал!» — решил я. Но я не достал еще пистолета! Бегу вправо, в помещение, где живут немцы-санитары (они жили под нами). На днях, когда я здесь был у Пауля, его сосед по койке, тоже санитар, открыл при мне свой чемоданчик, в нем лежал браунинг. Врываюсь в комнату, выхватываю из-под кровати чемоданчик, взламываю, роюсь в вещах. Пистолета нет! Или чемо-

дан перепутал, или комнату! Снова не повезло! Но времени уже нет ни секунды! Выскакиваю в коридор, затем в тамбур, на ходу надеваю шинель, пилотку и пояс со штыком...

И вот я на улице! Быстро шагаю по Днепродзержинску. Иду к Марусе. Адрес ее я помню наизусть: улица Пелина, дом № 71, квартира № 28.

САНИТАР ГАНС ШВАЛЬБЕ

Я продолжаю идти по Днепродзержинску.

Побег удался. Впереди новая жизнь, новые испытания. Хорошо бы встретить Хромова из Днепропетровска. Где он сейчас?

Медленно падают крупные хлопья снега. Они ложатся на крыши домов, на мостовые и тротуары, на каски немецких патрульных, на тысячи машин, заполнивших весь город. А мне нужно обдумать свои дальнейшие шаги. Сегодня Маруси на работе в госпитале не было. Дома ли она сейчас? Как встретит? Ждет ли меня именно сегодня? С неделю назад я ей сказал: «Жди! В любой день могу появиться!»

И вот я сворачиваю на нужную улицу. По обеим сторонам дороги машины, их сотни — зачехленных, мрачных, молчаливых. Немцев возле них не видно. Нахожу дом. Вхожу во двор. И здесь несколько машин. Отыскиваю подъезд, поднимаюсь по лестнице на второй этаж, останавливаюсь возле двери. Звоню. Тишина. Снова звоню. За дверью шум и затем грубый голос немца:

— Кто там?

— Здесь проживает девушка, работающая в госпитале? — спрашиваю по-немецки.

Дверь открывается. Передо мной в расстегнутом кителе немецкий офицер. Он пьян — видно сразу.

В мгновение соображаю, как поступить. Вытягиваюсь в струнку, козыряю:

— Санитар Ганс Швальбе, из госпиталя № 308. Девушка из вольнонаемных, работающая на кухне, сегодня не явилась на работу. Пришел проверить.

Офицер нехотя посторонился, икнул:

— Прой-дите.

Прохожу в переднюю и останавливаюсь у распахнутых дверей. В столовой сидит второй офицер. Перед ним на столе коньяк, закуска, фрукты.

— Разрешите пройти мимо, господин полковник! — продолжаю разыгрывать роль санитара.

— Пройдите! — бросает он, окинув меня пустым пьяным взглядом.

Вхожу в соседнюю, смежную комнату н прнкрываю за собой дверь. Маруся, бледная как полотно, стонт у окна. Я вижу ее руки, нервно теребящие бахрому кашемировой шальки — цветы по черному фону. Карие глаза смотрят на меня испуганно и удивленно. Рот крепко сжат, чуть подергнвается. Молча мы смотрим друг на друга.

— Вот я н пришел,— тнхо говорю я по-русскн.

— У нас... офицеры...— она кивает головой на дверь.

— Выйдем на улицу,— шепчу я.

Мы выходим из комнаты.

— Разрешите пройти мимо, господин полковник! — Я снова щелкаю каблуками.

— Пройдите! — цедит полковник, держа в зубах сигарету.

Вышли на улицу.

— Я уже три дня не работаю. В каждом доме немцы,— волнуясь, говорит Маруся.

Я не смотрю на нее. Только слушаю. Да, собственно, и говорить сейчас не о чем.

— Ну, прощай. Я пойду.

— Куда же ты? — спрашивает она с тревогой и молча идет следом. Я резко поворачиваюсь, запрещаю ндтн за мной н быстро удаляюсь.

— Куда же ты? — доносится мне вдогонку.

Постепенно успокаиваюсь, беру себя в рукн. А все же получилось неплохо. Выдал себя за немца н — никакого подозрения со стороны немецких офицеров. Так держать! Первый успех!.. Смело козыряю немецким офицерам. Иду. По сторонам улицы стоят гитлеровские танки, машины н тягачн с пушкамн на прицепе. Иду, как будто никакого лагеря не было позади, ни параши, ни баланды, ни проволоки, ни окриков часовых... Иду, а куда иду, пока н сам не знаю... Медленно кружатся снежные хлопья.

СКРЫПНИК

Куда идти? Связи с Цвинтарным нет, между тем только он один знает, где я могу быть. Связной от него явится к Марусе — н вернется ни с чем. Где же нскать нам друг друга?

Улица все тянется. Выхожу за город, вижу пути узкоколейки. Впереди недостроенное зданне. Оно смотрит на меня пустымн оконными проемамн. Обхожу дом, вхожу внутрь, поднимаюсь по лестннце, запорошенной снегом. Вот и последннй этаж... Крыши нет. Надо мной серое знмнее небо. (Этот дом н сейчас существует, жилой дом № 49 по улице Арсеничева.)

Сажусь в углу. Холодно. Хочется есть. Достаю круг копченой

колбасы. Хлеба у меня нет, но колбаса хороша и без хлеба. Тревожные мысли не оставляют. Уговариваю себя, что все обойдется, свертываюсь калачиком и так лежу на запорошенном снегом полу под открытым небом... Снег все падает и падает, и вскоре я лежу под белым снежным одеялом. Вид сказочный, но мне не до сказок!

Забываюсь в тревожном полусне. Снится мне Хромов — мой боевой друг из Днепропетровска, его улыбка, его крепкое рукопожатие... Кем он был до войны: майором НКВД или сотрудником милиции? Как мы с ним в свое время хорошо сработались. Безусловно, в днепропетровском подполье играл он не последнюю роль... А может быть, он совсем не Хромов, а Хромовым был только для меня...

Пробуждаюсь. Уже смеркается. Вскакиваю, стряхиваю с себя снег, стараюсь согреться — делаю разминку, подхожу к оконному проему, смотрю на город. Вечер тихий, безветренный. И вдруг вспоминаю: «Дядя Коля!»

Однажды на своем этаже на ступеньке лестницы я увидел сидящего сухонького старика. Он ел суп из алюминиевой миски.

— Что это вы, дедушка, так неудобно устроились? — спросил я.— Да и камни холодные, простудиться можно.

— А что мне? Хорошо устроился. Вот супца дали — кормлюсь.

— Девчата хоть бы табуретку вам вынесли.

— А зачем она мне? Обойдусь.

Разговорились. Спросил, есть ли у него семья, дети.

— Как же без детей жить? Есть. Один сын на фронте, воюет, а меньшой дома.

— А где воюет, не знаете?

— Кто ж теперь знает? Как ушел в первый день, так и пропал... Может, жив, а может...

Позже Коля-ленинградец назвал мне фамилию старика — Скрыпник и сказал, что работает он стекольщиком при госпитале, а живет где-то в рабочем поселке.

Тряхнув головой, освобождаюсь от воспоминаний. Быстро спускаюсь вниз по лестнице, выхожу наружу, на окраину города. Вижу перед собой разбросанные белые хатки. Может, это и есть рабочий поселок?

Вхожу в один из домиков, спрашиваю пожилую женщину:

— Не знаете, мамаша, старика дядю Колю? Фамилия его Скрыпник. В немецком госпитале стекольщиком работает.

Женщина испуганно смотрит на мою немецкую форму и некоторое время молчит.

— Нет, не знаю. Не знаю такого старика,— отвечает она решительно.

— А это рабочий поселок?

— Он самый и есть.

Иду дальше. Захожу еще в один дом. В хате при тусклом свете лампады сидят женщины, с ними ребятишки. Одна женщина встает с лавки.

— Дядя Коля? Так это же тот, что к Матрене за молоком девочку посылает. Есть такой в нашей слободке. Нюрка! — обращается она к девочке лет десяти.— А ну покажи солдату тот дом. Знаешь, где баба Анна живет? Дочка еще у нее Таня...

— На краю? — спрашивает девчушка.

— Ну да!

— А-а, знаю.

Вышли с девочкой на улицу. Уже совсем темно.

— Эвон! Бачите? — произносит она, отойдя от своего дома шагов на двадцать и указывая куда-то рукой.— На бугре!

— Не вижу. Какой дом-то?

— Да вон беленький, на горе, крайний... Бачите?

— Где из трубы дым идет?

— Вот-вот. Он самый.

Минуя заснеженные огороды, поднимаюсь по тропинке в гору. Добираюсь до крайней хаты. Вхожу и в свете керосиновой лампы вижу в комнате старика со старухой и двоих ребят — девочку и мальчика. Лобастый, сутулый, худой старик с очень добродушным и умным лицом и есть дядя Коля! Большие добрые глаза узнают меня, я вижу в них улыбку. Хозяйка же встревоженно заслоняет сына — на мне форма немецкого солдата.

— Здравствуйте, дедушка! — говорю я.— Узнаете?

— Как же, как же, узнаю.

И в это мгновение вдруг распахивается дверь и в комнату входит... Бойко! Наш Бойко! Сияющий от радости, как солнце!

— Степан! Ты?! — восклицаю я.

Мы бросаемся друг другу в объятия и не можем скрыть своих переживаний.

— Вот это встреча! — говорю я.— Никак не ожидал!

Бойко опирается на палку, улыбается во весь рот:

— А я смотрю в окно — фриц идет. Быстро вскочил, спрятался за дом. Потом заглянул в окно, вижу — ты стоишь! Вот, думаю, дела! Бывает же!

Хозяйка дома, Анна Ивановна, приглашает поскорее сесть за стол.

— А то ховаться надо.

Мы садимся и, разделив между всеми колбасу, торопливо едим. Тени от лампы тревожно мечутся по белым стенам, но на душе у меня радостно от обретенной свободы.

ЧЕРЕЗ ДНЕПР

Дядя Коля выводнт иас во двор, и мы залезаем в овощиой погреб — яму.

— Завтра к вечеру высвобожу,— говорнт он, и мы погружаемся в кромешную тьму.

Старнк закрывает нас крышкой и нагребает сверху лопатой кучу снега.

Оказывается, Бойко иаметил себе квартнру как раз у этого старнка. Из госпнталя уходнл с трудом — сильно болела нога. Подкупленный Цвнитарным часовой-чех выпустил его «на часок»... Я рассказал другу о своем приходе к Марусе, но ои успоконл меня:

— Связь с Цвнитарным будет налажена.

На следующнй день к вечеру старнк выпустнл нас нз убежища. И мы с иаслажденнем ели в его хатенке горячую картошку, вареные бураки с хлебом, пили молоко. Дядя Коля сообщнл, что бежало нз госпнталя двадцать человек. Оставшнхся плениых в тот же день немцы отправнли в лагерь.

— Немцы злы как собакн,— в заключение сказал он.

Поужннав, мы опять полезли в яму. Я сиова стал думать о Цвнитариом. Где он? Удалось лн ему иайтн надежное убежнще?

(Только после войны я узнал, что Дмитрнй Цвнитарный после побега скрывался у медсестры Милнты Шмндт, а ее мать, Савнна Зинанда Нниолаевна, на чердаке детского дома, где она работала поваром, по просьбе Лнды Лукьяновой тоже скрывала пятерых из нашей группы бежавших, эту пятерку поздиее приютнла н скрыла от глаз фашнстов Наталья Ивановна Шанько, проживающая сейчас в г. Диепродзержинске по адресу: ул. Сыровца, д. 21, кв. 5.)

Прошло еще три тревожных дия. От дядн Коли мы узиалн, что началнсь обыскн у вольнонаемных, работающнх при госпнтале. Значнт, немцы нас уснленно разыскнвалн. Оставаться здесь нельзя. Могла погнбнуть вся семья Скрыпника. По первоначальному плану Цвинтарный должен был прнслать связного в первый же вечер после побега, ио связной не явнлся...

— Еслн завтра связного ие будет,— сказал Степаи,— иочью перейдем Днепр.

— А как же оружне? Надо бы прихватнть с собой...

— А как его прнхватишь,— ответнл Бойко,— оно вывезено за город. Дядя Коля нз рук в рукн передавал его по условлеиному паролю, старнк поиятня не имеет, где оио сейчас. Предполагает, что оружне это сейчас находнтся в руках местного комсомольского подполья.

— Да, все осложнилось. Где Цвнитариый?

На нашу беду, связной так и не появился, и мы решили уходить. Вечером хозяйка нас накормила. Заботливо сшила из своих последних простыней халаты, и мы приготовились в трудный путь. Дядя Коля взялся проводить — он был из местных и хорошо знал дорогу. Как раз перед нашим уходом неожиданно пришла Маруся. Как она узнала, что я скрываюсь у Скрыпника? Она посоветовала уйти в деревню, к ее отцу.

— У него можно сховаться, в городе опасно, обыски начались повальные. Пойдешь?

Мы стояли за домом одни. Потом присели на мерзлую землю. С неба падал мокрый снег вперемешку с ледяной крупой. Было холодно и неуютно. Маруся смотрела на меня добрым и тревожным взглядом.

— Нет,— сказал я.— Не могу бросить друга.

— И его бери.

— У нас другие планы. Извини. Спасибо тебе за все... Может, когда увидимся...

Мы простились, молча пожав друг другу руки. Маруся ушла. Я вернулся в хату и, присев на минутку, написал на чистом листе ученической тетради список всех бежавших из фашистского лагеря.

— Возьми и сохрани,— попросил я дядю Колю. Придут наши войска, передай кому следует. А если появится связной от Цвинтарного, скажи, что мы с Бойко ушли через Днепр, к фронту, к своим.

Только после войны, связавшись с бывшим секретарем подпольного комитета комсомола города Днепродзержинска Лидией Лукьяновой, узнал о судьбе моего списка. Лида написала мне: «...Ваш список был передан дядей Колей в партийные органы, они мне о нем сообщили, когда слушали мой отчет на бюро горкома партии, после того как я назвала вашу фамилию, Бойко и ряда других товарищей. Меня через несколько дней пригласили и показали ваш список. Я уже вам писала, что вы проходите по моему отчету, отчет утвержден ЦК ВЛКСМ...»

Скрыпник, я и Бойко пробираемся по окраине заводского поселка, петляем по садам и огородам. Падает густой снег.

Появились заросли прибрежного кустарника. Все трое ложимся и всматриваемся в ночную тьму. Слышен скрип снега: это медленно проходит вдоль Днепра немецкий патруль. Для гражданских лиц мост через реку давно закрыт это мы знаем. Знаем и то, что немцы во многих местах специально подорвали лед, чтобы затруднить переправу. На реке всюду полыньи, наполненные битым льдом.

Когда немецкий патруль отошел на значительное расстояние и скрылся в морозной дымке, мы прощаемся со Скрыпником.

— До свидания, деду! Не поминай лихом! Спасибо за все!

— Счастливой вам дороги, сынки! — отвечает дядя Коля.— Может, и мой хлопец где блукает, может, кто и его выручит из беды...

И вот мы с Бойко ползем к Днепру. Я впереди. Он за мной. Со стороны мы незаметны — на нас маскировочные халаты.

Устав ползти, делаем передышку, лежим. Берег позади. Кругом плотный туман.

Ползем по заснеженному, замерзшему Днепру. Стараемся упираться локтями, чтобы не отморозить рук. Бойко тяжело дышит. Отдыхаем. Потом встаем и идем в полный рост. Бойко сильно хромает, опирается на палку.

Скоро уже середина пути. И тут под ногами вдруг начинает хлюпать вода, под ней — лед. Мы скользим, падаем, и так несколько раз.

Ледяная вода обжигает руки. Устоять на ногах совершенно невозможно, и мы снова ползем. Вода все выше. Мы уже давно промокли насквозь, но от нервного напряжения холода уже особенно не чувствуем.

Ползем, ползем... Ползем в ледяной воде. Все время ощупываю впереди себя лед — не попасть бы в разлив полыньи, тогда пиши пропало! Движемся медленно, нашему пути, кажется, нет конца. Когда же берег?..

Но вот воды становится меньше... Еще меньше... И наконец снег! Уже видны неясные очертания высокого, обрывистого берега... Вот и сам берег. Выбираемся на его кручу. Впереди заснеженное поле. Мороз крепчает.

Наши намокшие халаты покрываются на ветру ледяной коркой, трещат и хлопают при движении. Тело сковывает холод. Хочется бежать, надо бежать, иначе умрем, но Бойко едва ковыляет, и я поддерживаю его под локоть, подбадриваю:

— Держись! Держись, старина!

Наконец добрались до жилья. Это была, как потом выяснилось, деревня Куриловка. Стучимся в крайнюю хату. Старушка, которую мы разбудили, зажгла огарок свечи и обмерла, увидев нас, покрытых льдом.

— Спасай, мать! Топи быстро печь!

Мы с трудом освобождаемся от превратившейся в ледяной панцирь одежды и, голые, окоченевшие, начинаем усиленно размахивать руками и приседать. И вот уже чувствуем, как постепенно согревается тело. Старушка приносит самогон. Выпиваем по полстакана и остальным растираемся... Чудо! Оживаем! В доме полыхает печь. Забираемся на теплую лежанку, ложимся на какое-то тряпье. У нашей спасительницы нашелся табак. Она все делает молча, и мы молчим. Блаженно улыбаясь, свертываем по огромной «козьей ножке» и самозабвенно ды-

мим махрой. Подумать только — перешли Днепр! Победили мороз, ледяную воду и убийственный ветер. Выжили!

Наша одежда висит возле печки. И мы знаем, что, пока будем спать, бабуся все высушит и приготовит нас в дорогу. Мы накрываемся каким-то старым рядном и крепко засыпаем.

Утром просыпаемся, как вновь родившиеся. Хочется есть, но в доме ни крошки. Обжигаясь, пьем пахнущую дымом горячую воду. И за это спасибо. За все спасибо тебе, молчаливая, но все понимающая бабуся!

Она куда-то исчезает.

— А вот вам на дорожку, сынки,— говорит она и передает Бойко узелок с ржаными лепешками.— Соседка дала.

Мы идем довольно быстро по целине, без дороги. Идем на север — к фронту. Бойко старается не отставать. Пурга кружит, стучит снежной дробью по обледенелой земле и надежно укрывает нас от вражеских глаз.

— Знаешь, Степан, если в селе нет немцев, то днем поспим, ночью пойдем дальше. Если же есть — село обойдем. Так будет безопаснее.

Он согласен.

Бойко неразговорчив, поглощен своими мыслями. Я тоже больше молчу и с благодарностью думаю: «Какие у нас замечательные люди! Кто мы дяде Коле Скрыпнику? Да никто. Просто два парня, совсем чужие. А ведь он нас спрятал, сберег... И жена его, Анна Ивановна, последние свои простыни пустила на маскхалаты. Золотые люди! Не только собой рисковали, но и жизнью своих малых детей. Нагрянули бы немцы, обнаружили нас — и все, конец... А бабуся из Куриловки! Она и вовсе не спросила, кто мы, но сделала для нас все, что могла. А ее соседка! Та и вовсе не видела нас, но дала нам, беглецам, последние в доме ржаные лепешки». Особой теплотой проникаюсь к подпольщикам — организаторам нашего побега. Хочется пожать руки этим советским патриотам, самоотверженно действующим в немецком тылу. Но как мало мы, в сущности, знаем о них! Даже фамилии неизвестны...

Тогда, в далеком сорок третьем году, когда мы с Бойко по снежной целине пробирались к фронту, я действительно не знал фамилии людей, спасших нам жизнь. Но сегодня после многолетних поисков и поездок в Днепродзержинск я могу назвать их имена, считаю своим долгом рассказать, что сделали они для Родины в черные дни немецкой оккупации.

Это прежде всего семья Лукьяновых. Отец — Евсей Михайлович, мать — Анна Михайловна, сын — Василий и дочери — Лида, Вера и Надя.

Я выделяю эту семью особо, считая членов этой семьи ти-

пичными представителями и советского рабочего класса и всего нашего социалистического общества. Это люди высокого партийного самосознания, люди большого сердца и большого мужества. Глубокое понимание каждым членом семьи своего гражданского, патриотического долга и есть тот нравственный критерий, который в трудное, суровое время войны поднял и повел всю семью на героический подвиг во имя Родины.

Молодые патриоты днепродзержинского комсомольского подполья совершали тогда много славных и героических дел. Они спасали наших раненых военнопленных, оказавшихся в момент оккупации в городе, особенно комсостав; укрывали командиров и политработников от фашистов, лечили, кормили, затем снабжали одеждой, необходимыми документами, чтобы переправить людей через фронт. Больных и истощенных посылали на поправку в села Малая Михайловка, Доброво, Зеленый Листок.

Подпольщики всячески препятствовали угону молодежи в Германию, распространяли листовки и советские газеты среди населения, в самый разгул фашистского террора на парашютной вышке над городом водрузили красное знамя. На могилу захороненного в парке советского командира Семена Константиновича Кривенко юноши и девушки приносили живые цветы, давали клятву на верность Родине и оставляли воззвания, призывая народ к вооруженной борьбе с оккупантами.

Комсомольцы Днепродзержинска добывали оружие и вооружали им надежных людей, совершали акты саботажа и диверсий на вокзале, на заводе имени Дзержинского и вагоноремонтном заводе имени газеты «Правда». Исполнителями этих операций были Мария Синкевич, Владимир Рыбинцев, Александр Козин и другие.

Комсомольское подполье имело радиосвязь с разведотделом 6-й армии, принимало у себя армейских разведчиков и посылало своих связных через фронт с важными оперативными сведениями. Такие опасные маршруты, в частности, совершали Петр Каплин, Алексей Сазоненко, Василий Страшнов.

Лида Лукьянова осуществляла связь с Юлией Петровной Литовченко и получала от нее указания партийного подполья, которым руководил Казимир Францевич Ляудис.

Недавно я был у живущего теперь в Вильнюсе Казимира Францевича Ляудиса. Он принял меня в здании Совета Министров Литовской ССР. Из-за стола навстречу мне поднялся среднего роста сухопарый мужчина с умными, выразительными глазами и доброй улыбкой.

— Чем могу быть полезен? — спросил он, поздоровавшись.

Я рассказал, что написал книгу о своем участии в войне, поведал, каким образом бежал в 1943 году из оккупированного

фашистами Днепродзержинска, и попросил уточнить фамилии отдельных подпольщиков, упомянутых в письме Лидии Лукьяновой.

Казимир Францевич достал из сейфа копию своего отчета о деятельности партийного подполья и сказал:

— Называйте фамилии, проверим.

Я стал зачитывать список...

— Все точно. Названные вами люди были в комсомольском подполье, можете не сомневаться,— заулыбался Казимир Францевич и, немного помолчав, добавил: — Между прочим, недавно вышла книга о днепродзержинском подполье. Читаю и глазам своим не верю. Все факты соответствуют действительности, а фамилии почему-то автором заменены на вымышленные. Получается какая-то нелепость. Я знал тех людей, знал их по подполью как преданных коммунистов, людей, совершивших героические подвиги. Многие из них погибли, но большинство живы... Каково тем живым читать такую книгу! Я понимаю, автор пишет художественное произведение — роман или повесть. Там вымысел закономерен — это авторское право. А здесь взята сама жизнь, абсолютно подлинная героическая борьба советских патриотов с фашизмом, а фамилии все заменены. И моя тоже... Не понимаю смысла!

Вскоре, однако, я нашел в литературе точное упоминание фамилий днепродзержинских подпольщиков.

В издательстве «Известия» в 1976 году вышла книга генерал-полковника Грушевого Константина Степановича «Тогда в сорок первом...», бывшего в те годы секретарем Днепропетровского обкома партии. В этой книге есть портреты и Ляудиса и Лукьяновой. На странице 155 читаю: «...Вечной славой покрыли себя и подпольщики-комсомольцы Днепропетровской области. Они действовали в Днепродзержинске, где вожаком подпольного горкома комсомола была Л. Е. Лукьянова...»

Очень меня это порадовало! Это была та самая Лида Лукьянова, которую я уже лично знал.

Константин Степанович Грушевой далее пишет: «Мария Францевна Корнецкая, мать пятерых детей, прятала у себя в доме секретаря подпольного горкома К. Ф. Ляудиса. После провала явки у Марии Францевны квартиру Ляудису смело предоставила комсомолка Анна Александровна Киреева. Она не колебалась, хотя рисковала не только собственной жизнью, но и жизнью находившихся вместе с ней престарелых родителей...»

И я тоже не мог не рассказать в своей книге о советских патриотах, о тех людях, которые помогли мне бежать из фашистского плена, чтобы снова участвовать во всенародной борьбе с немецкими оккупантами.

ЖАН КРИНКА

◇

— А вы один на ферме? — спросил я пожилого, сутулого человека с редкой рыжей бородкой на отекшем лице.

— Сейчас один.— Он посмотрел на меня белесыми глазами и пододвинул горшок с парным молоком.— Кушайте, кушайте.

— Дети у вас есть? — Я взял со стола лепешку и с удовольствием откусил, запивая ее молоком.

— Два сына в полиции. Воюют за Гитлера! — Он показал на портрет Гитлера, что висел на бревенчатой стене пятистенного сруба.— Я их в полицию со своим оружием послал. В самом начале войны, когда красные отступали из Латвии, мои сыновья немало их уничтожили... (Этот подлец говорил вполне откровенно.) Бог мой! Когда же, наконец, мы избавимся от жидов и большевиков?! Что, Москву еще не взяли? Я смотрю, у немцев тут в Латвии огромная сила собирается.

— Да, да,— ответил я, жуя лепешку.— Вот вы этой силе и должны помогать.

— Помогаю, помогаю. Отдал гебитс-комиссару коров и лошадей, свиней тоже... Вот только сволочь партизанская нам мешает.

— Кто?

— Целыми семьями в леса ушли. Ловят их да вешают.— Он выразительно покрутил рукой в воздухе и вздернул ее кверху.— А до одного гада никак не доберемся.

— Кто он?

— Кринка. Такая уж у него фамилия. Прикидывается простачком. А я знаю, чем он занимается... Коммунист он...

— И вы знаете, где он живет?

— В тридцати километрах отсюда. Недалеко от Ауца, на хуторе Цеши.

...В июльских сумерках верхом на вороном жеребце я ехал через молчаливый хвойный лес, еще хранивший дневное тепло. Багровел закат. Казалось, густой смолистый запах пропитывал меня насквозь. Еловые ветки хлестали по лицу. Я ехал к советскому патриоту — в этом я не сомневался. Сердце радостно би-

лось. На небольшой поляне около хвороста копошились два старика. Увидев меня, они прекратили работу.

— Эй, друзья! Где хутор Цеши?

Латыши, услышав русскую речь, подошли ко мне.

— Километра три будет,— по-русски ответил один из них.— Лес кончится, держись правее. Минуешь хутор, завернешь направо, проедешь молодым леском, а за ним и Цеши.— Оба настороженно оглядывали мою немецкую форму.

Вскоре показался хутор Цеши.

Против большого деревянного дома, во дворе, стояли конюшня и сарай. За домом — фруктовый сад, огород и пасека. Из дома вышел мужчина. Среднего роста, крепкий, он стоял на крыльце и строго смотрел на меня. Я спешился.

— Вы Кринка? — спросил я по-немецки.

Он утвердительно кивнул.

— Можно к вам зайти?

— Пожалуйста.

— Где оставить коня?

Он молча провел меня к конюшне и привязал лошадь возле двери.

— Пойдемте,— сказал он по-немецки.

В прохладной, чисто прибранной комнате были его жена и дочь — черноволосая девушка лет двадцати двух.

— Можно нам поговорить наедине? — спросил я.

Кринка по-латышски попросил женщин удалиться, и мы, закурив, сели на лавку.

В Кринке я не ошибся. Как я и ожидал, он оказался настоящим советским патриотом, добрым и умным человеком. Долго пришлось мне убеждать его в своих целях и намерениях... В конце концов я увидел, что он склонен поверить, что в его дом явился советский солдат в немецкой форме, надетой для маскировки, явился для того, чтобы с его помощью и при его непосредственном участии продолжать борьбу против фашистов. Я назвал себя разведчиком, действующим под кличкой Сыч во вражеском тылу...

Кринка все колебался и продолжал смотреть на меня своими строгими глазами из-под насупленных век.

— Закончим разговор после ужина? — сказал он, и по интонации голоса я почувствовал, что он начал сдаваться.

Кринка дружелюбно поглядывал на меня, когда хозяйка угощала меня русскими блинами, и сам подкладывал мне на тарелку ветчины и подливал в кружку молока.

Ужин закончился, хозяйка с дочерью убрали со стола посуду, мы опять остались одни.

— Так чем же я смогу вам помочь? — спросил он, доставая кисет с махоркой и скручивая самокрутку.

— Главное,— сказал я,— надо иметь тесную связь с населением и стараться мешать угону людей в Германию. Я хотел бы выступить перед людьми, рассказать об обстановке. Смогли бы вы помочь мне во всем этом? — спросил я Крикну.— Есть ли здесь поблизости надежные люди?

— Найдутся...

— А смог бы я жить где-нибудь здесь неподалеку, не попадаясь посторонним на глаза?

— Это организуем.

— Тогда ждите меня. Я скоро вернусь, привезу оружие и буду жить в лесу.

Мы вышли во двор. Спускалась июльская ночь. В конюшне похрустывали сеном кони, изредка глухо ударяли копытами в перегородки. Я заметил, что мой конь разнуздан, перед ним лежит охапка сена и стоит пустое ведро. Видно, хозяйка позаботилась. Я взнуздал коня, вскочил в седло, попрощался с хозяевами.

*

Ночью я вернулся в немецкий обоз.

— Пиколо! — позвал я своего друга.

Мальчишка тут же подбежал ко мне. Мы сели в сторонке на влажную от росы траву.

— Сегодня ночью я ухожу в лес. Хочешь со мной?

Паренек глотнул воздух от волнения:

— Хочу!

— Готовь себе лошадь с седлом. Уйдем верхом.

За несколько месяцев я узнал Пиколо, верил ему. Его решительность и отвага не вызывали у меня сомнения.

Ночь была лунной, только яркие звезды караулили недолгий прибалтийский сумрак. Немцы улеглись в полуразрушенном сарае, оставив автоматы у входа. Я прилег возле оружия на соломе и стал ждать. Пиколо лежал на подводе под плащ-палаткой. Возле его подводы, пофыркивая, щипали траву две лошади. Часовой с автоматом бродил вокруг сарая и дома, где тоже спали немцы.

В два часа ночи я тихо вышел из сарая. Часового не было. Я заглянул в окно дома и увидел, что он сидит за ящиком, на котором стояла бутылка вина и лежал автомат, и при свете свечи с кем-то из своих друзей играет в карты.

Я вернулся к Пиколо:

— Седлай коней и жди.

Я вынес из сарая два автомата. «Больше оружия брать, пожалуй, не стоит — рискованно,— подумал я.— С двумя автоматами отвертишься от часового, если он спохватится, а с

четырьмя влипнешь!» Подошел к оседланным коням и вскочил на одного, держа в руке оба автомата.

— Ну? Что там? — шепнул я, видя, что Пиколо никак не удается взобраться на лошадь.

— Стремян нету! — в отчаянии бормотал он.

— О чем же ты думал, дурень? — И я, приподняв его за шиворот, помог забраться в седло.— Бери сразу галоп! — сказал я, перескочив канаву. Обернувшись на скаку, увидел, как Пиколо, обхватив коня руками и ногами, мчится за мной по дороге.

Вот и знакомый лес. Теперь все в порядке. Вокруг тишина, только сосны, шумя вершинами, медленно покачиваются под рассветным ветерком. Мы придерживаем взмыленных коней, идем шагом. Я проверяю автомат. Он на предохранителе.

В доме Кринки одно окно было освещено. Мы спешились, я постучал в окно. Он тут же вышел: ждал нас.

*

— Что за малец? — спросил Кринка, беря за поводья наших лошадей.

— Это Пиколо, мой друг. Не тревожьтесь. Он со мной идет с Украины. Помогите устроить его к кому-нибудь.

Кринка понимающе кивнул головой.

— А вы,— обратился он ко мне,— входите в дом и отдыхайте, я постелил.

Пиколо медлил, вопросительно глядя на меня.

— Иди, иди. Завтра увидимся...

Утром меня пригласила завтракать хозяйка Юлия Васильевна. Дочь Кринки, Зоя, ждала меня с полотенцем, мылом и кувшином воды. Умывшись, я зашел на кухню к Юлии Васильевне и был крайне озадачен, застав там каких-то двух женщин и мужчину. Увидев меня, они вышли.

— Жан на конюшне стрижет хвосты и гривы вашим лошадям, а мальчишку вашего он устроил к одним старикам на соседнем хуторе, ему там будет хорошо,— шепнула мне Юлия Васильевна, стоя над примусом и помешивая в кастрюльке ячневую кашу с салом.

Было девять часов утра, когда мы с Кринкой вошли в лес. Пробирались чащей, без троп. Минут через пятнадцать он подвел меня к моему новому жилищу. Шалаш был сделан на диво. Уложенный на кольях густой еловый лапник не пропускал ни дождя, ни света. Невдалеке протекал ручей, возле него был громадный камень. Мы договорились, что под этот камень Жан будет класть для меня провизию, если на ферме или поблизости окажутся немцы.

Ежедневно я мог знать: если провизии не будет, значит, можно идти на ферму, ничего не опасаясь; если сверток с едой тут под камнем, лучше не показываться.

Мы присели возле ручья. Он бежал по ярко освещенной солнцем поляне, заросшей ромашками, хвощом, колокольчиками. Глядя на эту мирную природу, слыша треск кузнечиков и гудение шмелей, видя целые семейства крепких белых грибов, словно выбегавших из леса на поляну, трудно было представить себе, что совсем рядом идут жаркие бои, горят дома, льется кровь. И только рокот самолетов высоко в небе и далекие взрывы авиабомб напоминали об этом...

Мы сидели с Криикой возле шалаша. Я чистил и смазывал свой ТТ, а Жан расспрашивал меня о моей жизни. Я понял, что это человек незаурядной воли, умеющий точно и хладнокровно судить обо всем. Он был необыкновенно сдержан, внутренне собран, и всю свою страстную веру в наше общее дело таил где-то глубоко, ничем внешне не выдавая своих чувств.

Биография его очень интересна. Он участвовал в боях за Советскую власть еще в 1917 году. Был в рядах латышских революционеров, бравших Зимний дворец. Его однажды вызывал Владимир Ильич.

И вы лично разговаривали с Лениным? — спросил я.

Да. Это самая памятная минута в моей жизни...— Криика машинально вертел в пальцах лиловую метелку мяты и вдыхал ее острый аромат.— Я тогда еще плохо говорил по-русски, но доложил Владимиру Ильичу Ленину все как полагается. А позже, в гражданскую войну, я был послан на помощь латышским рабочим Рижского завода, который с 1915 года находился в Воронеже. И там мы громили белогвардейские банды... В Воронеже я учился, там и встретил Юлию Васильевну, и мы поженились. У нее там сестра осталась. А младшая ее сестра в Москве...

В Москве? Где она живет?

На Кузнецком мосту. Ты знаешь такую улицу? — Жан улыбнулся.

— Ну как же, я там в шахматном турнире участвовал. Играл в шахматном клубе, еще в тридцать восьмом году.

— Это клуб на углу Рождественки, такой гранитный массивный дом?

— Он самый.

— Ну так вот, сестра жены живет через дом, возле выставочного зала, во дворе... Александра Васильевна Зудова. Вот я письма ее специально для тебя прихватил.— Он вынул из кармана несколько писем.

Спрятав в кобуру пистолет, я с жадностью ухватился за исписанные листки. Они были написаны еще осенью 1940 года,

в дни, когда моя семья провожала меня на границу. Волна дорогих воспоминаний невольно захлестнула меня...

Настал один из ответственных дней.

Мы ехали с Жаном на его бричке, запряженной коренастым битюгом. Темнело. Я всецело был поглощен своими мыслями. Затаенная тревога перед неизвестностью, как всегда, давала о себе знать. «Как себя вести? Смогу ли ответить на все вопросы? Смогу ли выбрать принципиально твердую позицию в предстоящей беседе? Главное сейчас, чтобы люди мне поверили... Главное — организовать людей на борьбу».

...Это была просторная комната в доме на лесном хуторе. За столом на лавках разместилось восемь человек. Четверо из них дремучие, бородатые старики, лет под семьдесят каждый. Все курили, и, когда мы с Кринкой вошли, над столом висело облако сизого дыма. Видимо, они не ожидали, что разведчик окажется таким несолидным субъектом в форме немецкого солдата. С полминуты они молча разглядывали меня.

— Здравствуйте, товарищи! — сказал я, и вдруг все встали. Мы подошли к столу.— Я думаю, Жан Кринка рассказал вам, кто я и зачем прибыл сюда. Я знаю, все вы люди преданные Советской власти и хорошо знаете друг друга. Это очень важные обстоятельства.

Я подсел к столу. Люди внимательно слушали меня. А я говорил, что гитлеровцы проиграли войну и скоро Красная Армия освободит Латвию. Рассказал о дезертирстве в немецких частях, о разложении и упадке боевого духа среди немецкого офицерства, говорил о необходимости сплочения отдельных боевых групп, действующих с оружием в руках против фашистов в его тылу. Разбирая обстановку немецкого прифронтового района, я сказал:

— Фронт приближается сюда. Немцы в прифронтовой полосе сжигают дома мирных жителей, уничтожают скот... Они угоняют молодежь, женщин, детей в Германию. Как все это предупредить? Надо сейчас же, пока не поздно, построить в лесу убежища, землянки, загоны для скота. Сено свезти не на сеновалы, а в лес. Малых детей и женщин укрыть в землянках, заготовить запасы продовольствия, чтобы, когда фронт приблизится, можно было уйти в лес.

— А что, фронт близко? Когда он подойдет сюда?

Я высказал предположение, что фронт будет здесь к зиме, сказав, что сейчас советские войска ведут бои на Рижском направлении, перемалывая под Ригой мощную вражескую технику.

Один бородач, почесав бороду и поблескивая глазами из-под мохнатых бровей, поинтересовался тем, не угонят ли его с насиженного места, когда придут советские войска: у него два сына

ушли, мол, с красными, когда те отступали из Латвии в начале войны, а двух младших немцы в полицаи забрали. Придется за них, за младших, ответ держать или нет?

Я твердо ответил:

— Всем, кто будет действовать против фашистов, участвовать в партизанских делах, гарантируется полная неприкосновенность.

Мое заявление прозвучало убедительно. Я видел, что люди возбуждены и довольны встречей. Еще раз призвал создать партизанскую патриотическую группу для помощи наступающей Красной Армии. Фамилии участников группы я обещал передать советскому командованию.

Забегая вперед, скажу, что спустя несколько месяцев, уже будучи у своих, я по записной книжке и по памяти передал нашему советскому командованию оперативные сведения по Латвии и сообщил пофамильно о латышах-патриотах, с оружием в руках боровшихся против гитлеровцев.

А пока шел деловой серьезный разговор.

— Мы окажем любую помощь, что в наших силах,— сказал один из молодых латышей.

Другие его поддержали:

— Говорите, что нужно нам делать.

— Мы готовы.

— Не подведем!

Я попросил их назвать фамилии предателей, работающих у гитлеровцев, тех, кто помогает оккупантам угонять население в Германию, кто грабит жителей. Затем сказал, что мне необходимо знать, где находятся немецкие военные склады, аэродромы, расположения гарнизонов, словом, любые оперативные сведения по этому району.

— Товарищ Криика, как человек опытный в военных делах, распределит между вами обязанности, и каждый сообщит ему все, что сможет. Это и будет первое задание.

Потом я обратился к старику, у которого два сына служили в полевой полиции.

— Очень важно, папаша, знать, по своей ли воле они служат фашистам?

— Какой там черт по своей воле! Взяли их, и все!

— Так вот, папаша. К вам особая просьба. Поговорите с ними серьезно. Их нужно подключить к общему делу. Им это легко сделать. Тем самым они снимут с себя вину перед народом.

Кринка поддержал меня и заметил, что эти парни могут помочь оружием. На первое время — несколько винтовок с боеприпасами.

Я посмотрел старику прямо в глаза, над которыми нависли кусты седых бровей, и понял, что он готов это сделать.

— И еще одна просьба, папаша. Надо, чтобы ваши ребята раздобыли оперативную карту этого района и график, по которому батальон полиции прочесывает леса. Тогда все будет в порядке и мы избежим облавы.

Старик принял это ответственное поручение.

Мы разошлись поздно ночью. Группа сопротивления начала существовать.

*

Июльский день выдался на редкость теплый и ясный. К четырем часам пополудни вся наша группа собралась в условленном месте. Состояла она из двенадцати человек. У нас было два автомата, три винтовки, несколько пистолетов и охотничьих ружей.

Оставив подводы под охраной тех, кто был без оружия, мы цепочкой направились к дороге и здесь залегли в кустах по обеим ее сторонам. Я лежал последним в ряду, повернувшись лицом к дороге, и наблюдал в бинокль.

Сначала проехала колонна грузовиков с солдатами, потом промчались два мотоциклиста. После довольно долгого перерыва проехали крытые машины, везя шестиствольные минометы и на прицепах — пушки. Все это пока было нам не по зубам. Наконец в сумерках появился обоз из четырех подвод и с ним около полутора десятков солдат. В голове обоза — трое верховых.

Об этой минуте я мечтал давно. И она наступила. Ради нее стоило пережить все, что я пережил.

— Приготовиться! Внимание! — скомандовал я и тут же махнул пилоткой товарищу, лежавшему напротив меня на той стороне дороги.

Я вскочил и, опережая обоз, пробежал кустами метров тридцать. Затем вышел на дорогу и совершенно спокойно пошел ему навстречу.

Все мое внимание было сосредоточено на трех верховых. Я заметил, что один из них капитан, второй — фельдфебель, третий — унтер-офицер. Разговаривать будем по-немецки. Поравнявшись с ними, я вытянулся в струнку:

— Господин капитан, разрешите обратиться с вопросом?

Он поглядел на меня сверху вниз и придержал коня:

— В чем дело?

— Вы не скажете, господин капитан, как добраться до Ауца? Там находится штаб нашего полка.

— Подойди поближе!

Едва он ткнул пальцем в карту, как я в упор разрядил ТТ. Лошадь фельдфебеля встала на дыбы, но я успел отскочить

в сторону и снова выстрелить. В эту минуту из кустов открыли огонь наши товарищи, и, как мне показалось, были уничтожены все солдаты. На землю свалился и унтер-офицер, не успевший даже схватиться за кобуру.

Я видел, как одна за другой начали останавливаться подводы. Обоз встал.

Надо было срочно очистить дорогу: могли появиться другие машины и обозы. Наши товарищи, выскочив из кустов, поймали оседланных лошадей, погрузили на подводы убитых и быстро свернули с дороги в лес. Проехав метров триста, мы остановились. Здесь обнаружилось, что двое немцев живы. Я допросил их и узнал все, что мне было нужно, в том числе номер их части, откуда и когда прибыли в Латвию, куда и зачем направлялись. Пленных мы отпустили на все четыре стороны, но без оружия. Это были шестнадцатилетние юнцы, совсем еще дети.

— Куда же нам теперь идти? — растерянно спросил один из них.— Без оружия... нам не поверят...

— Скажите, что попали под бомбежку и сами едва уцелели,— посоветовал я.

На этом мы и расстались.

Обоз принадлежал танковой дивизии СС «Мертвая голова» и следовал в город Тукумс. На подводах были продукты и боеприпасы, в которых мы испытывали острую нужду. Был там и бензин. К большому счастью, ни одна пуля не попала в канистры, лежащие на днище повозок.

Поздним вечером, сидя на траве на лесной поляне, мы праздновали свою первую победу.

Ну как? спросил меня дед, пыхтя в темноте «козьей ножкой». Метко бьют винтовки, что мои сыновья принесли? и добавил, не дожидаясь ответа: А ведь из одной-то я сам стрелял.

Недалеко от дома Кринки, на перекрестке лесных дорог, стояла старенькая, заброшенная банька. Ее хозяином был латыш Брамс, у него в то время скрывался латыш, дезертировавший из немецкой армии. В этой баньке в глубокий проем между полуразрушенной печкой и стеной я спрятал рюкзак формой убитого капитана, его сапоги, амуницию, оружие и документы.

Дела у партизан налаживались. Кринка ежедневно получал донесения. В эти дни у Кринки находился его брат подпольщик, очень симпатичный мужчина средних лет. Насколько мне помнится, на его след фашисты напали в Риге, и он решил временно скрыться от них в лесу.

Теперь наши товарищи-латыши действовали активно все

замечали. Даже деды выэнавали у соседей, имевших родичей-полицаев, что делается в немецкой армии. Началась и диверсионная работа. Во всем районе вокруг хутора Цеши разрушались деревянные мосты, перерезались провода связи. Жителей хуторов, даже самых дальних, предупреждали о готовящихся против них репрессиях. Участились вооруженные столкновения с немцами.

Прибалтийские леса стали служить людям убежищем. Появились землянки, загоны для скота. Проливные дожди, осенние туманы, порывы ветра, скрип деревьев, крик ночных птиц или зверей — все было на руку людям.

Я часто бывал в доме Кринки. Мне очень дорога была материнская забота обо мне Юлии Васильевны, я гордился доверием Жана, а темноволосая, скромная и красивая Зоя учила меня говорить по-латышски и была в восторге, когда я однажды, распахнув дверь, вдруг запел популярную народную латышскую песню:

Луга люблю я и солнце майское,
Хотя в душе печаль живет...

Особенно хорошо было в доме у Кринки в дождливые, холодные предосенние дни. Так не хотелось тогда уходить в темноту ночи к своему шалашу! Но я вставал из-за дружеского стола и шел в лес.

В форме немецкого капитана я никогда у Кринки не появлялся: боялся вызвать подозрение у эвакуированных незнакомцев, которым Жан отдал половину своего дома.

Все документы капитана я уничтожил, сохранил лишь командировочное предписание («маршбефель»). В этом документе было сказано, что капитан такой-то с таким-то количеством солдат следует в город Тукумс, в дивизию СС «Мертвая голова». Удостоверение было без фотографии и при случае могло мне пригодиться.

Фронт приближался. Ночью, лежа в шалаше, я слышал далекое гудение и грохот боя. Иногда небо в той стороне озарялось отблесками пожаров. Надо было думать о переходе фронтовой линии.

В те дни я часто надевал форму немецкого капитана, ибо в ней и собирался перейти фронт, к своим. В то же время в этой форме в прифронтовых местах мне легче было сориентироваться в обстановке. Много надо было заранее разузнать и разведать, и форма немецкого офицера способствовала этому.

Советскому человеку надеть на голову фуражку с эмблемой в виде черепа — не легко. В особенности если представишь

себе, какне мысли роилнсь под этой чериой фуражкой в голове гнтлеровца.

Фуражка хранила запах фнксатуара н еще чего-то, отвратнтельио пахиувшего; подкладка лосиилась от жира, и прикосновеиие к ией тоже вызывало иеприятные ощущеиия. Высокий лакированиый козырек торчал впереди назойливо-иадмеиио, а иад иим выпячивался зиачок иа околыше — этот проклятый зиачок с черепом. Следовательио... Еслн убитый капитан был из роммелевской таиковой дивизии «Мертвая голова», то навериякa эта фуражка возвышалась иад люком таика, окрашеииого в белый цвет, где-иибудь в песках африкаиской пустыни, когда Роммель выходил иа лииию Маррет, чтобы соедиииться с генералом Ариима и его 5-й армией.

Облачеииый во всю эту одежду, я ехал верхом в прифронтовой полосе. При мне был бииокль, мой пистолет ТТ, иеизмениый румынский дамский брауииг (похищеииый у румыиской геиеральши), в плаишете — оперативиые карты, в руке — автомат.

Вскоре я оказался иа поляне, где расположилась какая-то немецкая часть. Дымилась походиая кухия. Возле нее длиииой очередью стояли солдаты с котелками.

«Посмотрим, как оии со миой будут разговаривать»,— подумал я н виутренне весь подобрался, чтобы во всем — от острых носков сапог до выражеиия глаз под лакироваииым козырьком — походить иа прежнего хозяи〈и〉а этой одежды.

Мое внимаиие, так же как и всех иемецких солдат, привлек рокот пролетавших над поляиой самолетов. В ясной сииеве шел яростиый поедииок «мессершмитта» с малеиьким советским истребителем, который выделывал головокружительные виражн и петли вокруг противиика. Истребитель переворачивался иа спииу, подлетал под иемца, обстреливал короткими очередями. Но вот, видимо, нстребитель нзрасходовал свой боекомплект. Ои иеожидаиио выиыриул из облака в хвост «мессершмитта» и, протараиив его, взмыл и нсчез в облаках.

«Мессершмитт», разваливаясь иа кускн, падал на землю. И где-то за лесом послышался глухой взрыв.

Я был так восхищеи, так счастлив, что, прнзиаться, мие пришлось приложнть иемало усилий, чтобы вериуть себе хладиокровие и выдержку, к которым обязывала моя маскировка. Выпрямившись в седле и прнияв строгнй внд, я подъехал к иемцам.

Почерневшне от усталостн, заросшне щетииой, вндимо, недавио вышедшие нз трудного боя, солдаты возле походной кухии елн нз котелков суп.

— Какая часть?

— Особый батальон танковой днвнзнн «Рейх».

Я повернул коня и ускакал прочь. Где-то вдалеке загрохотали орудия.

Весь день я провел в пути, приглядывался к обстановке, искал окно для перехода фронта. К вечеру я решил возвратиться к Кринке. Но, не доехав до его хутора около десяти километров, наскочил на пост тайной полевой полиции.

— Хальт! — гаркнул фельдфебель, выходя из придорожных кустов. Рядом появился второй. В лунном свете блестели их металлические бляхи.

— Господин капитан, прошу предъявить документы!

— Еду в штаб танковой дивизии «Мертвая голова», везу срочное донесение. Дорогу!

Фельдфебель взял под уздцы моего коня.

— Прошу предъявить документы, господин капитан! — повторил он вежливо, но настойчиво и положил руку на автомат, висевший на его груди.

— Документы предъявлять не намерен! Дорогу!

— Тогда прошу вас, господин капитан, проследовать в штаб. Это рядом, вон в том доме,— он указал на белое здание неподалеку. Там в окнах мигали огоньки.

Я мог разделаться с ними обоими легко. Но совсем рядом был хутор Кринки, и я побоялся навести на него подозрение: немцы при выстрелах немедленно бы всполошились. Поэтому я решил исполнить приказ фельдфебеля и подъехал к дому. По широкой мраморной лестнице мы поднялись на второй этаж. Напарник фельдфебеля остался на улице.

Хайль Гитлер! — взмахнул я рукой, войдя в большую полутемную комнату, где за столом сидел офицер в расстегнутом кителе и что-то писал.— Идите! — обернулся я к фельдфебелю.— Разберемся без вас!

Я сразу понял, что сейчас нужно сыграть на верной интонации. Я грохнул на стол свой автомат, распахнул китель, повернул фуражку набекрень, бухнулся в кресло рядом со столом так, словно именно отсюда был куда-то послан и сюда же вернулся.

— Ух, чертовски устал! Вот хорошо, что вас разыскал! Нет ли чего-нибудь подкрепиться? Целый день ничего не ел.

Я вынул портсигар, вытащил сигарету, нервно постучал по крышке, закурил.

Офицер, не отрываясь от своей писанины, мельком взглянул на меня.

— Сейчас сообразим, сказал он и нажал кнопку звонка, вделанную в стол. Тут же вошел ефрейтор.

Принеси капитану что-нибудь поесть и кофе.

Слушаюсь!

Я тут же начал:

— Целый день в седле, будь ты проклят! Ног разогнуть не могу. Скачешь как полоумный по этой грязи.

— А ты откуда? — вставил офицер, но меня остановить было уже трудно. Желчно, нервно, громко я продолжал:

— Черт знает что творится! — Я взмахнул руками.— Одна дивизия сменяет другую, одна на отдых, другие на фронт, неразбериха полная. Линия фронта все время меняется. Какое сегодня число?

— Первое августа. Русские взяли Тукумс.

— А говорят, танковая «Рейх» прибыла сюда. Ну и дадим теперь жару Иванам! — я задорно засмеялся.— Теперь дело пойдет на лад.— Голос мой с раздражительного тона стал переходить к уверенным выкрикам в стиле застольных речей: — Где мы только не были? Ты подумай! И во Франции! И в Бельгии! И на Крите! И на Сицилии! И в Италии! И с Роммелем в Африке! И вот наконец добрались до Курляндии, черт побери!

— Война,— устало вякнул офицер.— Дай сигарету.

Я раскрыл портсигар. В это время ефрейтор внес поднос с едой. Я встал с кресла.

— Вот сейчас поедим! — я потер ладони и схватился за козырек, собираясь снять фуражку, и вдруг спохватился: — Ох, как же я лошадь не поил весь день! Сейчас, минутку!

Офицер и ефрейтор не успели опомниться, как я уже летел по мраморной лестнице вниз, рывком открыл дверь, оглянул темноту — вокруг никого. Мгновенно отвязал коня, вскочил в седло и был таков. Автомат так и остался на столе в штабе немецкой тайной полевой полиции.

*

Теперь, через много лет, когда я думаю, как могло случиться, что мне удалось так провести опытного немецкого офицера, становится ясно, что этот эпизод был подготовлен всем предшествующим, многими и многими обстоятельствами. Подумать только, какой путь довелось мне пройти от дунайской границы, где загремели первые залпы вражеских пушек, до этой сцены, в которой мне пришлось разыгрывать роль немецкого офицера с черепом на фуражке!

Бесспорно, что большое значение имела и моя еще довоенная служба в погранвойсках. Пограничная закалка, пограничная выдержка, пограничная бдительность человеку так, сами собой, не даются. Эти качества воспитываются и прививаются повседневно — и особым трудом, и особой учебой. Пограничная служба воспитывает в воине боевые и высокие моральные качества. Эта служба помогла мне в ходе войны выстоять в самых сложных и самых трудных ситуациях.

Таким образом, в том поединке с фашистским офицером я должен был проявить настойчивость и решительность в достижении поставленной цели, инициативу и смекалку, уверенность в себе, в своих силах, самообладание и самоотверженность, трезвый учет обстановки и возможного риска — словом, все главное как результат службы в погранвойсках.

Нельзя не сказать и того, что постепенно, еще в фашистских лагерях и немецком госпитале в городе Днепродзержинске, а потом в роте майора Бёрша из танковой дивизии «Великая Германия» изо дня в день, из месяца в месяц я изучал психологию врага, его быт, нравы, манеры, готовя себя к будущим боям. Изучал искусство маскировки. Тренировал память. «Как ты выполняешь присягу?» — этот вопрос я часто ставил перед своей совестью и на деле проверял себя: все ли я сделал, что мог сделать в своей необычной ситуации, чтобы оправдать доверие Родины в глубоком тылу врага; все ли возможности уже использованы и исчерпаны в борьбе с лютым и ненавистным врагом или еще имеются резервы? И я старался найти, обнаружить эти резервы и все, что могло мне когда-нибудь пригодиться, даже, казалось бы, совсем мелочи — все брал на вооружение! Мозг мой так привык засекать обороты немецкой речи и разговорные интонации, что в конце концов я стал думать по-немецки. Постоянно остерегаясь разоблачения, я фиксировал в мозгу все, что могло быть полезным в моей работе. Нервное напряжение, умение быстро переключаться из одного состояния в другое, способность преодолевать физическую боль формировали характер, закаляли волю. Вот почему мне удалось провести того немецкого офицера. И вера в то, что я выполняю свой солдатский долг перед Родиной, где бы я ни был и что бы ни делал, всегда руководила каждым моим шагом, каждым поступком.

*

Маленький домик на хуторе притаился во мраке осенней ночи. Я спешился и тихо стукнул в оконце заднего фасада, где была кухня. Через минуту сквозь стекло показалась смешная, заспанная рожица Пиколо. Он узнал меня сразу, открыл окно:

— Ой! Як же долго вас не бачил!

— Быстро оденься и вылезай. Дело есть.

Вскоре, обутый в дедовы сапоги и одетый в дедов ватник, он стоял передо мной.

— Возьми мою лошадь и тихо-тихо отведи к Кринке в конюшню. Расседлаешь, напоишь, поставишь в стойло. Седло укроешь соломой. Хозяев не буди.

— У-у-у! Часом! Все буде сроблено, як надо!

Пиколо дрожал от волнения и радости, что мы встретились, он любил меня. И я отвечал ему тем же.

— А як же вы-то? — Чувствовалось, что он влюбленно смотрит на меня.

— А я сейчас прямо в лес, в шалаш. Только вот пойду переоденусь... Я к тебе завтра заскочу, вот тогда и поговорим. А сейчас иди, а то скоро светать будет.

Пиколо кивнул, взял коня под уздцы и растаял в темноте. Мягкий стук подков о сырую землю, удаляясь, затихал.

Я закурил, присел на минутку на пенек, а потом отправился прямо в баньку. Там за печкой ждала меня солдатская форма. Я переоделся. Через полчаса был уже возле своего шалаша и, к удивлению своему, увидел в нем красный огонек.

«Ишь ты, уже пришел, друг сердечный. Беспокоится». Конечно, в шалаше сидел Жан Крикка.

— Давно ждете? — спросил я, заглядывая внутрь.

— Да часа два. Волновался за тебя.— Он вылез наружу.

— Пойдем к ручью, потолкуем,— предложил я.

— Ты, наверное, голоден? Тебе там узелок.

Над поляной клубился туман, кусты и деревья на опушке казались какими-то живыми существами. Я с наслаждением съел кусок холодного мяса, потом лепешку, выпил молока. Крикка молча ждал.

— По всем хуторам немцы,— начал он, когда я закурил.— Скоро и к нам нагрянут... Наших людей теперь больше не соберешь. Куда им с места двинуться: на руках внуки маленькие, женщины... Так что кочующий партизанский отряд сколотить тебе здесь трудно, да и народ здесь, сам видишь, какой, все больше старики...

— Я решил, Жан, переходить фронт. И оперативных сведений у меня много накопилось. Пиколо остается на хуторе до прихода наших войск. Хозяева-латыши его сберегут, я с ними обо всем договорился.

— Ты что-нибудь узнал о фронте?

— По-видимому, до него километров двадцать, но кругом посты тайной полевой полиции. Только бы их проскочить. Помните тот белый помещичий дом с мраморной лестницей?

— Брошенный? Воронки от авиабомб во дворе?

— Тот самый. В нем сейчас их штаб. Я только что оттуда. Напоролся на пост. Два фельдфебеля задержали, к офицеру доставили. Едва унес ноги. Автомат там остался. Придется тот, что в твоем сарае, откопать. Остальное оружие пусть будет пока закопано. Без острой нужды им не пользоваться.

— Ясное дело.— Крикка затянулся махоркой.— Ну что ж, если решил через фронт — так и поступай. А когда думаешь?

— Завтра ночью.

— Я тебя сам провожу на бричке. Подвезу знакомыми тропами. Все посты объедем. Для отвода глаз Зою с собой захватим...

Это было в августовские дни 1944 года, когда войска 1-го Прибалтийского фронта вышли из района Шауляя на Клайпеду и, вклинившись в группировки немецких войск, отрезали всю Прибалтику от Восточной Пруссии. Удар был такой сильный, что между Тукумсом и Либавой попали в клещи около тридцати немецких дивизий. Кроме двадцати пехотных, в мешке оказались и танковые дивизии «Рейх», «Великая Германия», «Мертвая голова», 10-я дивизия и другие. Только отдельные штабы разрозненных дивизий успели выскочить из котла. Район Ауца оказался в прифронтовой полосе.

Накануне расставания я зашел к Кринке. Юлия Васильевна приготовила прощальный ужин, заботливо собрала провизии на дорогу.

Мы сидели за столом под уютной лампой. И так тепло и светло было на душе, что вечер этот, несмотря на всю тревогу и неизвестность, оставил у меня самые отрадные воспоминания.

В тот вечер я впервые открыл Кринке свою подлинную фамилию, рассказал о себе и о своей семье, написал домой письмо, в котором сообщил, что партизанил в лесах Латвии и сегодня ночью иду через фронт, к своим. Это письмо я просил Жана Эрнестовича и Юлию Васильевну при первой возможности с приходом советских войск отправить в Москву. Они обещали сделать это. И сделали. В свое время семья получила это письмо и узнала, что я жив.

Пришел час разлуки. Я взял свой рюкзак, оружие, крепко и сердечно обнял хозяйку на прощание, поблагодарил за все, и мы вышли во двор, где стоял запряженный Кринкой рабочий битюг. Мы с Зоей сели в бричку, Жан — на козлы. За бричкой был привязан мой оседланный конь.

Сумрак приближающейся ночи окутал нас в лесу сыростью и запахом прелого листа. Я поражался тому, как знал Кринка в лесу каждый пенек. Ни зги не видно, то и дело впереди угрожающе вырастают шатры елей, а он умело лавирует между ними, и бричка уверенно продвигается вперед.

По мере того как мы приближались к линии фронта, все отчетливей слышался гул, вой снарядов, взрывы.

Наконец Кринка остановил битюга.

— Ну, Миша, дальше нельзя. Отсюда не больше чем километров шесть до фронтовой зоны.

Я вылез из брички, взял свои вещи. Распрощался с Кринкой и Зоей, сердечно обнял их, поблагодарил.

— Прощайте, дорогие друзья!

— Будь осторожен! — по-отечески напутствовал меня Жан Эрнестович.— Береги себя, парень!

Я перекинул рюкзак через плечо, взял автомат, вскочил в седло, тронул поводья, и конь мой зашагал по лесу в южном направлении.

— Счастливого пути! — донесся до меня голос Кринки.

*

Бывший комиссар бригады латышских партизан Герой Советского Союза В. Самсон в книге «Курляндский котел» писал:

«В августе — октябре 1944 года, когда в Ауцском районе активизировались удары Вооруженных Сил СССР против гитлеровской армии, отряд партизан наносил урон врагу, обстреливая на окраинах тылы гитлеровских танковых частей...

Группой подпольщиков-партизан руководил советский воин Михаил Михалков; центром нелегальной работы был дом Жана Кринки, хутор Цеши.

...Националистские бандиты в 1947 г. застрелили т. Кринку в его доме».

Александр Горбовский, Юлиан Семенов

ЗАБЫТЫЕ СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

◇

Сейчас в науке много говорят о междисциплинарном знании, знании, лежащем на стыке разных наук. Очевидно, подобные же области есть и в литературе. Пример — то, что вы прочтете на этих страницах. Это литература, находящаяся в прямом соприкосновении с историей, как бы накладывающаяся на нее, весьма оригинальный в литературном и в научном отношении поиск необычного в истории, если позволено так сказать — исторической экзотики, которая бросает неожиданный свет на события и эпохи.

Авторы строят свой остросюжетный рассказ на базе обширного фактологического материала. Действие происходит в разные века и в разных концах земли. О разных судьбах, лицах и предметах пойдет здесь речь: об амазонках, женщинах-воительницах, о кладоискателях и алхимиках, о правде и лжи в истории.

Наше отношение к информации является тем более заинтересованным, чем больше знания о неизведанном она содержит. Среди того, что изложено здесь, о многом вы узнаете впервые. Само собой, обращаться к малоизвестным и неведомым областям — занятие куда более трудное и неблагодарное, чем пересказ хорошо известных и привычных истин. Трудность не только в том, что многое действительно неизвестно, но и в том, что даже о более или менее известном имеются противоречивые данные, взаимоисключающие мнения специалистов. В истории нередко бывает так, что разные источники дают совершенно разные сведения об одних и тех же событиях или исторических личностях. Это же относится к написанию ряда исторических имен, географических названий, к хронологии. Вот почему жанр,

который нзбралн авторы, жаир литературного повествоваиия, очевидио, едииствеино возможный, в котором сегодня можно говорнть о предметах, затронутых ими.

Перед вами литературное произведеиие, и, хотя в осиове его лежнт фактологический материал, оно не является ни сводом окончательных нстии, ни кодексом бесповоротиых суждений. Авторы самн иеоднократио оговарнвают это в тексте. Мие представляется нелншинм еще раз напомннть об этом чнтателям.

Доктор философских наук
Ф. М. Бурлацкий

ВОИНЫ-ЖЕНЩИНЫ И ЖЕНСКИЕ ЦАРСТВА

По следам амазонок

В конце семидесятых годов XIX века иа одиой нз лондонских улиц часто можио было видеть седеющего человека в мундире офицера в отставке. Военная пенсня давала ему достаточио досуга, н досуг этот, так же, впрочем, как и шиллиигн, выдаваемые ему ежемесячио Военным адмнралтейством, Джеймс Грей посвящал окрестным тавернам. Но друзья-трактнрщнкн, да н сам хозяин гостниицы, где вот уже который год жил Джеймс Грей, цеиили отчаянного рубаку не только за умеиие пить и не за медали и знаки отличия, которые сверкалн на его красном с голубыми отворотамн офицерском сюртуке. Коиечио, Джеймс Грей пить любил, но он умел быть бережлнвым, не залезал в долгн и всегда платнл по счетам. Следовательио, в добавление к своему бравому прошлому он обладал еще н всем перечием качеств «истниного джентльмена», как поималн это обнтателн окрестиых улиц. Поэтому, когда он приходил в трактир и, раскурив свою неизменную глиияную трубку, хриплым голосом требовал эля нли нмбирного пива, хозяин сам спешнл нсполинть порученне уважаемого гостя.

Кому нз зиавших Джеймса могло прийтн в голову, что это жеищина? Настоящее ее нмя было Ханнаб Снелл. Она роднлась в небольшом аиглнйском городке Ворчестере, там же и вышла замуж. Но, видно, тогда уже отчаянный характер ее и воинствеииость давали себя знать. Во всяком случае, муж ее счел за лучшее бежать от семейиых баталий, предпочтя им настоящие бои н походы. Ои поступил в армию н вскоре отправнлся со своим полком в одиу нз отдаленных английскнх колоинй

за океан. Однако он явно недооценил свою супругу. Роль покинутой женщины была не для нее.

В лондонском пригороде в одной из меблированных комнат она облачается в мужской наряд. Оставив здесь вместе с платьем и шляпкой свое женское прошлое и само имя, по шаткой лестнице через черный ход выбирается она сначала на темный двор, потом в переулок. Ей кажется, что все должны оглядываться на нее, показывать пальцем. Но никому из редких прохожих нет дела до спешащего куда-то человека.

В тот же вечер она пришла на вербовочный пункт и назвалась Джеймсом Греем. Новобранец был занесен в список, получил полгинеи в счет жалованья и в сопровождении сержанта направился в казарму. Через пару недель полк, в который поступила она, промаршировав по утренним лондонским улицам, оказался в районе порта. Здесь ждали их корабли, которые должны были доставить солдат в Ост-Индию. Так началась военная карьера рядового Джеймса Грея в войсках ее величества.

Несколько лет Ханнаб Снелл разыскивала беглеца-мужа, кочуя вместе с полком с места на место, участвуя в походах и битвах. За это время она вжилась в свою роль, и воинская жизнь пришлась настолько по душе этой решительной женщине, что она так и не смогла уже покинуть полк. Тем более что начальство ценило Джеймса Грея, особенно за храбрость.

Случай этот не единственный. В 1968 году, в день открытия Олимпиады в Мехико, на почетной трибуне среди избранных гостей находился мексиканский генерал Ости Мело. Однако не только военные заслуги привели его на почетную трибуну. И даже не возраст, делавший Ости Мело, наверное, самым старым генералом в мире — ему исполнилось тогда 112 лет. Главное было то, что генерал этот был женщиной. Подобно Ханнаб Снелл, когда-то еще в юности, Ости Мело, надев мужское платье, отправилась на войну. В течение всей ее военной карьеры ни у кого из видевших ее в боях и походах не возникло даже подозрения, что этот храбрый и испытанный воин — женщина.

История знает немало фактов, когда женщинам приходилось надевать мужской наряд и участвовать в войнах. Прежде всего приходит на ум, конечно, наша соотечественница «кавалерист-девица» Надежда Дурова. Участвуя в самых кровопролитных сражениях, эти женщины удивляли всех своим бесстрашием, и только какой-нибудь нелепый случай выдавал иногда их маскарад.

О том, что женщины могут быть бесстрашными воинами, хорошо знали на Востоке. Личная стража многих восточных монархов состояла из женщин. «Как только царь встанет,

пусть он будет окружен отрядами женщин с луками» — читаем мы в древнеиндийском сочинении «Артхашастра». Именно женская гвардия охраняла индийского императора Ашоку. А в Африке обычай этот бытовал вплоть до конца прошлого века.

Эта воинственность женщин, казалось бы, плохо вяжется с установившимся представлением о них как о существах слабых. Впрочем, если обратиться к истории, то можно вспомнить, что женщины нередко выступали в роли воинов. Об этом сохранилось немало преданий. Особенно о тех женщинах, которые были профессиональными воительницами,— об амазонках. «Эти женщины,— писал о них древнегреческий историк Диодор Сицилийский,— жили на границах обитаемого мира. Их мужчины проводили дни в хлопотах по домашнему хозяйству, выполняя распоряжения своих жен-амазонок, но не участвуя в военных кампаниях или управлении как свободные граждане. Когда рождались дети, заботы о них поручали мужчинам, которые выращивали их на молоке и жидкой пище».

Видимо, на полях битв и встретились эти два мира нарождавшийся античный и удалявшийся, почти ушедший в прошлое мир, где господствовали женщины. Амазонкам приписывают участие в Троянской войне, вторжение вместе с киммерийцами в Малую Азию и, наконец, поход в Аттику и осаду Афин.

Появление амазонок под стенами Афин связано с именем Тесея, сына афинского царя Эгея и трезенской царевны Эфры. Века окружили имя Тесея легендой, однако когда-то он считался историческим лицом, и его биографию можно найти среди «Жизнеописаний» Плутарха. Там имя Тесея стоит в одном ряду с такими, как Демосфен, Цицерон и Юлий Цезарь.

Тесей, повествует Плутарх, плавал к берегам Понта Эвксинского (Черного моря). Оказавшись у побережья страны амазонок, он пригласил их царицу, Антиопу, к себе на корабль.

— Место, где ты стоишь сейчас, о прекрасная,— говорил Тесей,— называется палуба. Идем, я покажу тебе внутренние покои...

Море было спокойно, опытные гребцы бесшумно погружали и поднимали весла, и полоса воды между берегом и кораблем становилась все шире. Когда стоявшие на берегу амазонки заметили предательство коварных греков, царица уже не могла слышать их криков. К тому же музыканты, предусмотрительно взятые на борт хитроумным Тесеем, не жалели ни себя, ни своих инструментов. А когда Антиопа поднялась наконец на палубу, со всех сторон, куда бы ни глянула она, было только море.

История не донесла до нас, что сказала царица, увидев, что влюбленный Тесей обманом похитил ее. Но легенда ут-

верждает, что она полюбила мужественного Тесея и стала его женой.

Между тем верные своей повелнтельннце амазонки отправнлись по суше в далекую Грецню, чтобы освободнть ее. И настал день, когда нх передовые отряды стали вндны с афннскнх крепостных стен. Антиопа сражалась рядом с Тесеем против своих бывших подданных. Увидев ее на стороне врага, амазонки разразились воплями ярости. Теперь они еще больше хотелн победить вероломных греков. Но уже не для того, чтобы освободить свою царицу, а чтобы покарать ее за предательство. Целых четыре месяца ярость воинственных женщин бушевала под стенамн н на улицах столицы. Самое большое сражение произошло у Акрополя. Только когда военное счастье отвернулось, казалось, от амазонок, грекам удалось заключить с ними перемирне, и те отправились обратно к себе в Причерноморье.

Место, в котором былн похоронены погибшие амазонки, сохранялось многие века после этого, н до нас дошло его названне — Амазоний. «Гробницу амазонок,— завершает свое повествованне Плутарх,— показывают у себя н мегаряне по дороге от площади к так называемому Русу, где стоит Ромбоид. Сообщают также, что иные амазонки скончались близ Херонеи и были преданы земле на берегу ручья, который когда-то, повидимому, именовался Термодонтом, а теперь носит название Гемона. Об этом говорится в жизнеописанин Демосфена. Кажется, что и Фессалию амазонкн пересекли не без трудностей: их могилы еще н ныне показывают в Скотуссее, близ Киноскефал».

Туристы, приезжающне в Грецию сегодня, могут видеть на северной стороне Парфенона барельефы, изображающие бородатых воинов, отбивающихся от вооруженных всадниц. Это память об амазонках, некогда штурмовавшнх Афнны.

Не только Плутарх, но и другне древнегреческие нсторнкн местом обитания амазонок называют побережье Черного моря, Крым н Кавказ. О кавказских амазонках писал Страбон. Самые ловкие н сильные, по его словам, посвящают себя войне и охоте. Чтобы без помехи натягивать лук и бросать копье, онн выжнгают себе одну грудь. Каждый год, весной, в течение двух месяцев они встречаются на горе с мужчинами соседннх племен. Если у них роднтся девочка, амазонки оставляют ее у себя. Мальчнков они отправляют отцам.

Уже в близкое к нам время лейб-медик Петра I Готлнб Шобер, побывав на Кавказе, прнвез оттуда любопытные вести. На ассамблеях, устраиваемых прн дворе, его снова и снова просили повторнть свой рассказ. По словам армянских и татарских купцов, н в ту пору в горах жнлн «женские племена», остаткн антнчных амазонок. Этн женщнны господствовалн над

мужчинами, которым отводилась только самая черная работа по хозяйству. Они запрещали мужчинам даже прикасаться к оружию, но в совершенстве владели им сами.

Следы амазонок можно отыскать, однако, не только в текстах древних авторов и в записях более поздних лет. Сейчас есть и материальные свидетельства того, что они были. На Кавказе, в Северном Причерноморье и в других местах найдены захоронения амазонок древности. Рядом с бусами на истлевшей нити лежали боевые ножи, щиты и доспехи — то, что служило воительницам в этом мире и должно было сопровождать их на пути в иной мир. Вместе с оружием часто обнаруживают и остатки сбруи: разве амазонка может быть без коня?

Эти находки уже перестали быть сенсацией. С каждым годом археологи находят все новые следы женщин-воительниц.

В 1933 году в Сахаре были открыты знаменитые фрески Тассилина. Руководитель ряда экспедиций А. Лот рассказывает о том, как на одной из фресок, изображавшей военную сцену, его внимание привлекли воины, вооруженные луками. «К моему великому изумлению,— пишет Лот,— эти воины оказались женщинами, и к тому же с одной грудью! Мы еще никогда не встречали женщин-лучников. Это открытие обогатило наши сведения об удивительных людях скотоводческого периода. Но почему одна грудь? Что это — условность изображения или результат ампутации? Невольно приходят на ум амазонки последнего короля Дагомеи, кровожадные женщины, составлявшие охрану царя чернокожих, которые шли на удаление правой груди, мешавшей им при натягивании тетивы».

Столь поразительно смыкаются прошлое и настоящее, свидетельства древних о женщинах-воинах и то, что застал в Дагомее английский путешественник еще в прошлом веке. В записях Дж. Дункана говорится, что опору королевского трона составляет там женская гвардия. Десять отборных полков этой гвардии, каждый по шестьсот человек, внушали должное почтение подданным короля и ужас соседним королевствам. В гвардию принимали девушек от пятнадцати до девятнадцати лет.

В сражениях нередко принимали участие также женщины-телохранительницы короля, их называли «супруги пантеры», и даже престарелые родственницы королевской семьи — «матери пантеры». Страх перед ними был столь велик, что закаленные воины, выстроившиеся для битвы, нередко разбегались, едва заслышав леденящие кровь воинственные завывания женщин.

Один из путешественников, побывавших в то время в Дагомее, следующим образом описывает парад женской гвардии: «...Здесь же было 4000 женщин-воинов — 4000 черных женщин Дагомеи, личных телохранительниц монарха. Они стоят не-

подвижно, сжимая в одной руке ружье, а в другой тесак, готовые броситься в атаку по первому же знаку своей предводительницы. Молодые и старые, уродливые и прекрасные, они представляют собой незабываемую картину. Они так же мускулисты, как черные мужчины-воины, так же дисциплинированны и сдержанны и стоят рядами, такими ровными, как если бы их выравнивали по шнурку».

Французские юноши, учившие когда-то античную историю в гимназиях Бордо, Гренобля или Парижа,— могли ли они подумать, что когда-нибудь им придется встретиться в боях с настоящими амазонками?! Именно это и произошло, когда в конце прошлого века французские колониальные войска попытались захватить Дагомею. Целых четыре года французские батальоны тщетно старались сломить яростное сопротивление женщин-воинов.

Судя по всему, амазонки Дагомеи не были исключением. Португальский путешественник Дуарте Лопес, вернувшись в Европу, рассказывал о женских батальонах конголезского короля. Они жили совершенно одни на пожалованных им землях, время от времени выбирая мужей по своему желанию. Как только те надоедали, без особых сожалений женщины отправляли их обратно. Так же как и античные амазонки, они оставляли у себя девочек, а мальчиков, родившихся от такого брака, отдавали отцам.

В 1621 году в составе посольства, направлявшегося в Эфиопию, был португальский монах Франциско Альварес. По его словам, на границе царства Дамут и Гоража обитали женщины-воительницы. «Эти женщины,— писал он,— храбрые и отличные воины. Они искусные стрелки из лука. Мужья этих женщин не являются воинами, потому что женщины не разрешают им владеть оружием».

Причерноморье и Африка были не единственным прибежищем последних из амазонок. О каком-то «народе женщин», обитавшем в северных районах Европы, писал Тацит. Историограф Карла Великого Павел Дьякон упоминал воительниц-амазонок в своей «Истории лангобардов». Во время продвижения лангобардов на юг амазонки преградили воинам путь через реку. Только после единоборства одной из амазонок с вождем лангобардов амазонки вынуждены были пропустить их. «От некоторых людей,— заключает Павел Дьякон,— я слыхал, что народ этих женщин существует по сегодняшний день».

О каком же «народе женщин» писал историограф Карла Великого? Оказывается, именно тогда, в VIII веке, на территории Чехии возникла своего рода вольница, нечто вроде Запорожской сечи, с той только разницей, что состояла она из женщин. Воинственно настроенные женщины подняли вос-

стание и объединились в отряды, наводившие страх на окрестных жителей. Время от времени они совершали лихие набеги, захватывая в плен мужчин, обращая их в рабство. Резиденцией этих амазонок был «Замок девственниц» на горе Видолве. Целых восемь лет женщины со своей предводительницей Властой отвергали все предложения о мире князя Пржемысла.

Как-то случилось так, что в тех местах проходил с войском некий герцог. Герцог был храбр и презирал благоразумие. Напрасно предупреждали его и советовали обойти эти края стороной. Он счел, что бояться женщин недостойно рыцаря. Герцог раскаялся в этом, когда лучшие из его воинов оказались убитыми женщинами-воительницами, внезапно напавшими на один из его отрядов. Но теперь герцог тем более не мог отступить. Быть побежденным стыдно, но тем постыднее быть побежденным женщинами! Рыцари, бывшие с ним, не хуже герцога понимали это. Они предпочли бы скорее умереть, чем стать посмешищем в глазах всех, кто знал их. Войско герцога осадило замок.

За все годы, что женщины владычествовали над окружающей равниной, такого не случалось ни разу. Нападающей стороной обычно были они. Замок не был готов к обороне, запасы продовольствия и воды стали вскоре подходить к концу.

Шла пятая неделя осады, когда натиск нападающих стал почему-то ослабевать, и наконец стычки почти совсем прекратились. Может, герцог и его люди решили отступиться и уйти?

На рассвете серебряный звук сигнальной трубы прозвучал у северной стены замка. Два всадника были видны в раннем утреннем свете: горнист с белым флагом и оруженосец. Оруженосец держал над головой большой белый конверт с личной печатью герцога. Это был ультиматум. Женщинам предлагали не мир — им предлагали капитуляцию. В случае согласия их ждала не смерть, даже не позорный плен — они вольны были удалиться в любой из окрестных монастырей, чтобы молитвой и послушанием искупить свои насилия и злодейства.

Власта размышляла недолго. Срок ультиматума еще не истек, как с крепостных стен были сброшены два десятка обезглавленных пленных, все, кто оказался в замке. Ворота замка распахнулись, и всадницы устремились на осаждавших. Женщины яростно сражались, пока последняя из них не пала на копья солдат.

Герцогу досталась сомнительная слава победителя женщин. Трудно сказать, было ли это лучше дурной славы побежденного женщинами.

Однако история европейских амазонок не кончается на этом. Через два века о каком-то «городе женщин» писал арабский ученый Абу-Обейд аль Бакри (1040—1094): «На запад

от русов находится город женщин, они владеют землями и невольниками... Они ездят верхом, лично выступают в войне и отличаются смелостью и храбростью».

Что же касается чешских амазонок, то блистательная победа герцога не положила конец воинственности женщин в этих краях. Шесть веков спустя подобную же общину женщин-воительниц застал в Чехии итальянский поэт Сильвио Пикколомини (1405—1464), ставший позднее папой Пием II. Согласно его рассказу, женщины эти отличались необычайной храбростью. В одном из своих трудов будущий римский папа посвятил женщинам-амазонкам целую главу. Он писал, что чешские амазонки осуществляли в отношении своих мужчин свирепую диктатуру.

В поисках царства женщин

В истории человечества был период Великих географических открытий, когда люди открывали мир, в котором они живут: земной шар. Разные причины и обстоятельства побуждали их делать это. Одни искали пряности, другие—сокровища, третьи мечтали оставить на карте свое имя. Но в перечне этих причин есть одна, представляющаяся довольно странной. Речь идет о тех, кто, отправляясь в далекое и опасное путешествие, ожидал найти амазонок, легендарное царство, где жили одни женщины. Надеясь на встречу с прелестными амазонками, о свирепости которых не могли не слышать, они покидали собственных жен и возлюбленных, нередко навсегда.

Впервые об экспедиции, отправившейся на поиски амазонок, упоминается в сочинениях арабского автора Ибрахима ибн-Вашифшаха, жившего в VIII веке. Он рассказывает о некоем острове женщин, расположенном «на границе китайского моря». «Однажды,— пишет ибн-Вашиф,— к ним попал один мужчина. Они хотели его убить, но одна из женщин сжалилась, посадила его на бревно и пустила в море. Волны и ветер отнесли его к Китаю. Он явился к китайскому царю и рассказал об этом острове. Царь послал на поиски острова корабли, но трехлетние розыски остались безрезультатными».

Когда была открыта Америка, среди прочих удивительных вещей, о которых услышали здесь европейцы, были рассказы об амазонках. Извилистыми, сложными путями сведения эти достигли Парижа, Лондона, Лиссабона.

В 1612 году пиратский капер напал в Ла-Манше на французский парусный корабль и захватил его. Такое было обычным делом в те времена. Среди пленников оказался индеец из Южной Америки, который довольно бегло говорил по-французски.

Ценности с точки зрения выкупа он собою не представлял, и, очевидно, поэтому пираты его не задержали. Вскоре ему удалось добраться до Франции. Имя индейца было Капок, он был сыном вождя одного из племен, населявших территорию Бразилии.

Во Франции он разыскал замок в Пуатоне и сказал, что хочет видеть госпожу. Маркиза поднесла к глазам лорнет и критически осмотрела его с головы до ног.

— Вас прислал мой муж, маркиз де Россили?

Да, это был гонец маркиза, который уже много лет находился в Бразилии. Капок сообщил, что муж ее жив, здоров и передает ей тысячи приветов. Однако Капок был не только вестником, но и подарком, живым экзотическим подарком из далекой и удивительной страны. Правда, живя в замке, он не сразу понял это.

Дни в поместье текли ровно и размеренно. Время от времени происходили мелкие события — сгорел амбар, убежал молодой священник с прихожанкой... Как-то большая свинья попала в старый крепостной ров, и ее никак не могли вытащить оттуда. Маркиза приказала Капоку помочь слугам. Сын вождя пожал плечами и отвернулся. Взбешенная маркиза осыпала его бранью и упреками, но Капок был невозмутим и, казалось, не слышал ни одного слова. Вечером того же дня, ни с кем не простившись, он покинул замок.

Чувство собственного достоинства и гордость Капока основывались не только на том, что он был сыном вождя. В его жилах текла кровь легендарных амазонок Южной Америки.

Капок добрался до Парижа. Он был один, высокий, бронзовый человек в этом огромном, чужом городе. Напрасно обивал он пороги сановников и важных господ с просьбой отправить его на родину. Никому не было дела до этого человека и до судьбы, забросившей его в Париж. Но велика сила случая. Однажды в квартале капуцинов из окна кареты его окликнул какой-то господин. Капок узнал его, они обнялись. Это был Жан де Мок, в прошлом лейтенант маркиза де Россили. Он хорошо знал Капока и его отца, вождя племени тупинамбас.

Через несколько дней Капок получил аудиенцию у самого короля. Людовик XIII и придворные с удивлением слушали его рассказ. Оказывается, племя Капока соседствует с областью, где живут амазонки. Каждый год, весной, амазонки приглашают мужчин этого племени к себе. Как и амазонки Старого Света, американские амазонки оставляют девочек у себя, а если родится мальчик — отсылают к отцу. Женщины племени тупинамбас настолько привыкли к весеннему отсутствию своих мужей, что относятся к этому совершенно спокойно и даже радуются, когда у них в семье появляется мальчик. Таким

мальчиком, которого отец принес из страны амазонок, был и сам Капок.

Жан де Мок, который бывал в тех местах, подтвердил рассказ. История эта позабавила короля, и он велел наградить индейца деньгами. Наверное, после этого Капок вернулся к себе на родину. Если так, то там его рассказ о земле белых людей и их обычаях должен был показаться не менее фантастичным, чем то, что услышали от него Людовик и его придворные.

Впрочем, как и в Старом Свете, большинство рассказов об американских амазонках были рассказами о войнах и сражениях с ними. Один из древнемексиканских кодексов — «Анналы Кукулькана» — повествует о толтекском вожде, который вел упорную войну с амазонками. Возглавляла амазонок предводительница по имени Чалман, которая обнаженная сражалась во главе своего женского войска.

Это были долгие и кровопролитные войны. Исход и история их канули в небытие, лишь о немногих из них знаем мы сегодня. Когда испанцы вторглись в империю инков, старики рассказывали им — и некоторые доверили этот рассказ бумаге — о войне, которую вели между собой IX инка по имени Инти Кусси Хуаллпа и королева амазонок Киллаго.

Услышав, что на восток от Анд якобы живет народ, над которым властвуют амазонки, инка отправился туда, чтобы положить конец этим порядкам. Война продолжалась целых два года. Два года воины-инки гибли в ущельях и болотах, гибли под градом стрел, которыми осыпали их вездесущие амазонки. Но всякий раз после сражения инка отправлял на родину гонца. Гонец не имел права идти, он мог только бежать. И он бежал до места, где уже ждал его другой, которому он передавал послание — пучок веревок с завязанными на них узелками. Те, кто в конце концов получал его, читали послание с такой же легкостью, как мы печатные строки. Послания требовали одного — новых и новых воинов. И они приходили. Пробираясь по уступам скал, через незнакомые перевалы чужой страны, они достигали наконец войска своего повелителя. Амазонкам неоткуда было ждать подкрепления, и силы их стали иссякать. Наступил день, когда столица их была взята, сама королева Киллаго оказалась в плену и была отправлена во дворец победителя.

Но что делать с пленной королевой? Инка пытался быть галантным, он хотел развлечь ее. Однако при виде танцоров или музыкантов она равнодушно отворачивалась. Инка приказал принести из сокровищницы самые редкие диковинки — зеркало из светлого металла, смотрясь в которое человек становился то уродливым, то прекрасным, цветы, сделанные из тончайшего золота, серебряных птиц в золотых клетках

с глазами из рубинов и изумрудов. Птицы эти были как живые, и казалось — вот-вот начнут клевать зерна, петь или хлопать крыльями. Все эти сокровища инка велел сложить у ног пленной королевы. Но она, взглянув на своего царственного победителя, презрительно рассмеялась. Неужели он думает, что от женщины в ней больше, чем от королевы! Растерянный инка приказал освободить пленную. Королева Киллаго вернулась в свою столицу.

Вскоре инка получил торжественное приглашение посетить королеву в ее дворце. В назначенный день блистательный кортеж подошел к воротам города. Королева Киллаго сама выехала встречать его. Знать, народ приветствовали своего недавнего врага, и ничто не говорило о том, что здесь за праздничными одеждами, дружественными речами и веселой музыкой притаилось предательство.

Инка был очень оживлен и весел, и, глядя на его лицо, нельзя было догадаться, что ему все уже известно. Так, под музыку и лживые заверения во взаимной дружбе, шла эта игра, где ставкой была жизнь.

Но вот, возглавляя шествие, королева Киллаго и инка направились во внутренние залы дворца. Инка был предупрежден заранее, где его ждала ловушка. Поэтому, когда на одном из поворотов у самых его ног неожиданно бесшумно распахнулся глубокий каменный колодец, он сумел удержаться, ухватившись за выступ стены. Другой рукой он изо всех сил толкнул туда королеву. Падая вниз, она вскрикнула, и своды дворца в последний раз эхом отозвались на голос своей повелительницы.

К тому времени когда была открыта Америка, могуществу амазонок здесь, очевидно, уже приходил конец. Но тем не менее записи первых экспедиций, воспоминания конкистадоров и путешественников изобилуют сведениями и слухами об амазонках.

Уже во время своего первого путешествия Колумб узнал от индейцев Антильских островов о каком-то острове, населенном только женщинами. Колумб хотел немедленно отправиться на поиски этого острова. По словам одного из его спутников, «адмирал был намерен захватить несколько этих женщин с собой, чтобы показать Фердинанду и Изабелле».

Вскоре сообщение об острове женщин получило неожиданное подтверждение. «Мы стали на якорь возле одного из островов Гваделупы,— писал в своем дневнике другой спутник Колумба.— Мы отправили на берег лодку с людьми, но, прежде чем им удалось высадиться, из леса выбежало множество женщин в перьях и вооруженных луками. Их вид выражал готовность защищать свой остров».

Колумб так хотел найти остров амазонок, что, поторопив-

шись выдать желаемое за действительное, назвал группу Малых Антильских островов — Виргинские острова (острова Дев).

Это название — не единственный след амазонок, который можно найти сегодня на карте Америки. В средние века в Европе бытовала старокельтская легенда о прекрасном острове, населенном амазонками, который находился далеко в океане. Остров этот назывался О'Бразиль (Счастливый остров). Мечта о сказочном острове О'Бразиль властно звала искателей приключений. То одна, то другая каравелла, покинув порт, исчезала вдали, чтобы никогда больше не вернуться обратно. Где-то за горизонтом терялся путь смельчаков, оставалась тайна их поисков, радостей, разочарований и, вероятно, гибели.

Но еще решительнее, чем капитаны, отправлявшиеся на поиски острова женщин, были географы и составители карт. Начиная с 1325 года призрачный остров О'Бразиль внезапно появляется на географических картах. Временами он исчезает, чтобы затем возникнуть снова. Когда была открыта Америка, поиски этой страны перенеслись туда. Так в конце концов появилось хорошо нам известное название Бразилия. Правда, земля эта оказалась не островом, населяют ее тоже,. как мы знаем, не только девушки. Но такова, наверное, бывает участь мечты. Исполняясь, она перестает быть похожей на себя.

Впрочем, неудачи не разочаровывали искателей царства женщин, они делали объект их поисков лишь более желанным. В 1519 году Эрнан Кортес, отправляясь на завоевание Мексики, получил приказание губернатора Кубы Диего Веласкеса разыскать наконец царство амазонок. Кортес послал одного из своих помощников, Кристобаля Олида, с большим отрядом на юг, туда, где по словам индейцев, лежала страна амазонок. Очевидно, в Мадриде с нетерпением ожидали сведений об амазонках. 15 октября 1524 года Кортес сообщал в своем письме королю Испании Карлу V: «Нам стало известно об острове, на котором живут только женщины без мужчин и который находится в десяти днях от Колимы. Много людей из этой провинции побывали там и видели их. Мне сообщали также, что остров богат жемчугом и золотом».

Последние слова письма делают понятным, почему так возрос интерес конкистадоров к легендарному царству женщин. Неуловимое царство амазонок превратилось в своего рода Эльдорадо.

Поиски амазонок составили целую главу в истории завоевания Америки. Слухи о том, что амазонки найдены, приводили в смятение испанские гарнизоны. Отчаянные головорезы захватывали корабли и плыли на юг или на север, шли пешком, месяцами пробивались сквозь зеленую стену джунглей. Каждый хотел быть среди первых, кто войдет в страну несметных богатств

и прекрасных женщин. Подобно миражу в пустыне, призрачные амазонки то появляются перед глазами искателей сокровищ, то вдруг бесследно исчезают.

В документах и письмах той эпохи сохранились многочисленные сообщения о подобных экспедициях. Четыреста с лишним лет назад, 26 июня 1530 года, был подписан королевский патент на присвоение герба с оружием некоему Иерониму Лопесу. Среди перечня подвигов доблестного идальго мы находим упоминание об участии его в походе к побережью Южного океана «на поиски амазонок».

Руководитель одной из таких экспедиций, соперник и смертельный враг Кортеса Нунья де Гусман с несколько преждевременным торжеством торопился уведомить Карла V о том, что он опередил всех и находится на расстоянии десяти дней от страны амазонок. «Говорят,— писал он,— что они богаты. Жители той страны считают их богинями. Они более белы, чем другие здешние женщины, и вооружены стрелами и щитами».

Колумб, Кортес, Писарро — три главные фигуры, которые называют, когда говорят об открытии и завоевании Америки. И каждый из троих оказался связан с поисками амазонок. Последний, Франсиско Писарро, послал для этого в глубь континента своего брата Гонзало.

В день рождества 1538 года большой отряд испанцев во главе с Гонзало покинул город Кито и двинулся в путь. Впереди шли проводники, отчасти соблазненные богатыми дарами, но еще больше запуганные расправой, которую испанцы учинили недавно над их сородичами. И хотя белые пришельцы собрали уже так много золота, что порой не хватало ни носильщиков, ни лам, чтобы нести его, жадность их лишь распалялась при виде сокровищ и гнала все дальше от берега океана. Где-то там, за полосой тропических болот и пустынных плоскогорий, лежало богатое пряностями и золотом загадочное царство женщин. Туда и направлялись 340 испанцев верхом на конях в сопровождении 4000 пеших индейцев и многочисленного стада свиней и лам. Они надеялись вернуться скоро, еще до наступления сезона дождей, но увидели Кито только через три года. И то далеко не все, а лишь несколько десятков уцелевших и едва живых оборванцев из всей этой блистательной кавалькады.

Гонзало Писарро на гнедом жеребце ехал чуть впереди остальных. Если только судьбе будет угодно, думал он, он отыщет и области куда более богатые, чем те, что выпали на долю его брата. И тогда уже не о нем, а наоборот, о его брате Франсиско будут говорить, что это родной брат великого Гонзало. Приятно было мечтать об этом ранним утром, мерно качаясь в седле в такт верному ходу коня, тем более ко-

гда будущее сокрыто и завеса, отделяющая его, непроницаема.

Несколько недель двигались они среди однообразных плоскогорий, едва поросших редким кустарником. Постепенно растительности прибавлялось; кусты становились все пышнее, деревья все выше вздымали свои кроны, испанцы не заметили, как вступили в джунгли. Однажды им попалась дикорастущая корица. Это был добрый знак. Но судьбе почему-то не было угодно явить свою милость — корица больше не встречалась.

Растянувшись длинной цепочкой, испанцы шли, прорубая себе путь в зарослях. По ночам над лагерем кружили какие-то странные птицы, и крик их был похож на крик смертельно раненного человека. Сбившиеся кучками индейцы начинали шептаться и смолкали, едва видели, что к ним приближается белый.

Как-то утром дорогу им преградила пропасть. Внизу чуть слышно ревел белый от пены поток. К счастью, индейцы знали, как поступать в этих случаях. Застучали топоры, и огромное дерево повалилось через пропасть — это был мост. Но первый же испанец, который попытался пройти по нему, дойдя до середины, взглянул вниз, побледнел, закачался и, потеряв равновесие, соскользнул с бревна. Он даже не вскрикнул. Лошадям завязывали глаза и переводили их под уздцы. Переправа длилась целый день.

На другой стороне их ждал все тот же зеленый ад, сплошная стена джунглей. Время, казалось, остановилось, и, когда за деревьями блеснула река, один из притоков Амазонки, они не знали уже, радоваться этому или проклинать судьбу. Гонзало приказал построить плоты. Несколько месяцев они плыли по реке, ни на минуту не оставляя весел, иначе сильное течение разбило бы их самодельную флотилию в щепы. Почти на каждой стоянке они оставляли могилы с деревянными, грубо сколоченными крестами. Но никто не жаловался, никто не заговаривал о том, чтобы вернуться назад. Одна фраза, один рефрен вел их вперед: «Оро, мучо оро» — «Золото, много золота». По утверждению местных индейцев, где-то впереди лежала земля, богатая золотом.

Однажды Гонзало Писарро приказал одному из своих лейтенантов, Франсиско де Орельяне, спуститься по течению на плоту с частью солдат и раздобыть пищу для падавших от голода испанцев. Но когда Орельяна достиг селения ниже по реке и нашел там продовольствие, оказалось, что вернуться против течения невозможно.

По требованию своих спутников Орельяна решил не возвращаться.

Обратный путь Писарро был также долог и мучителен. Они съели своих коней, были случаи людоедства. Когда три года

спустя несколько десятков уцелевших испанцев вышли из джунглей и появились на улицах Кито, по словам испанского летописца тех лет, «тела их были так истощены от голода, что их можно было принять за мертвецов, вышедших с того света».

А в это время Орельяна спускался все дальше вниз по реке. Он доплыл до тех мест, где поток этот вливался в большую реку, которую он назвал в свою честь Рио-Орельяна. Тамошние индейцы в один голос твердили Орельяне о каких-то женщинах-воительницах — «коньяпуяра», как они именовали их. Эти женщины якобы владели их страной, и жители платили им дань. Но пока это были лишь слухи, косвенные свидетельства, с которыми испанцам приходилось сталкиваться и в других местах.

Однако вскоре им довелось встретиться с настоящими амазонками. Вот что писал впоследствии монах-доминиканец Гаспадре Карвахаль, проделавший весь этот путь в отряде Орельяны: «Известно, что индейцы являются подданными амазонок и платят им дань. Поэтому, когда индейцы узнали о нашем приближении... они послали за их помощью, и явилось десять или двенадцать женщин-амазонок, которые сражались впереди всех и с такой доблестью, что индейцы не решались повернуться спиною к нашим солдатам, потому что женщины убивали их своими дубинками, и это было причиной того, что индейцы защищались так упорно... Эти женщины ходят совершенно без одежды. Они обнаженные, светлокожие и сильные. Вооруженная луком и стрелами, каждая из них стоит в бою десятка индейцев... Вождь индейцев, им подданных в этих местах, отправил посланцев к королеве амазонок Конори с просьбой о помощи, которую та и оказала».

Испанцам пришлось поспешно отступить. Торопливо гребя, под градом стрел они спустились вниз по реке. Здесь их ждали новые беды. В первом же месте, где они причалили, автор отрывка, приведенного выше, был ранен стрелой в глаз.

Когда в конце концов уцелевшие участники этой экспедиции добрались до Испании, Карл V и его придворные с интересом выслушали повесть о злоключениях Орельяны и его спутников. О том, что в трудную минуту он покинул Гонзало Писарро, было забыто. Победителей не судят. Ведь это Орельяна, а не Писарро, нашел страну амазонок! Орельяна сразу же был назначен губернатором открытых им земель. Правда, их предстояло еще завоевать. И вот на четырех кораблях во главе четырехсот солдат Орельяна отправляется на завоевание царства амазонок.

На этом фактически завершается рассказ о человеке по имени Орельяна. Один за другим буря разбросала и потопила его корабли. Выброшенные на берег люди умирали от голода и болезней, экспедиция кончилась ничем.

Спутники Гонзало Писарро не простили Орельяне ни предательства, ни тем более его славы. Теперь, когда на Орельяну посыпались неудачи, в вину ему было вменено и то, что он будто бы выдумал рассказ о встрече с амазонками.

Сообщение Орельяны вызвало горячие споры среди его современников. Испанский историк XVI века Франсиско Лопес де Гомара писал, что отчет Орельяны «полон лжи». Другие, наоборот, с готовностью поверили Орельяне. Начиная с этого времени, прежнее имя самой крупной реки Южной Америки — Мараньон — оказывается забытым. Название, которое дал ей Орельяна, тоже не привилось. Вместо него с легкой руки того же Орельяны появляется река Амазонок, или просто Амазонка.

После сообщения Орельяны множество новых отрядов устремились по его следам. Большинство из них не вернулись. Другие возвратились с полпути, потерпев неудачу, потеряв большую часть людей и снаряжения.

Еще в прошлом веке были исследователи, которые надеялись разыскать неуловимых американских амазонок. В 70-х годах прошлого века французский врач и путешественник Жюль Крево в бассейне Амазонки действительно обнаружил деревню, в которой жили только женщины. Их возглавляла некая искушенная в жизни матрона. Однако загадка этих амазонок разрешилась прискорбно просто. Они оказались женами, отвергнутыми своими мужьями. По распространенному там обычаю все жены, которых постигала подобная участь, селились в этой деревне. «Я утратил,— заключил Крево,— мои последние иллюзии насчет легенды о прекрасных амазонках».

Женщины, не признавшие власти мужчин

Амазонки были женщинами-воительницами, с мечом в руке пытавшимися вернуть себе былую власть и значение. Но, даже проиграв свои битвы, они не хотели признать поражение. Нередко там, где отгремели сражения и мужчины самодовольно торжествовали победу, возникали тайные союзы женщин. Союзы, направленные против господства мужчин. И некоторые дожили до наших дней.

В Африке в настоящее время существуют десятки подобных обществ: «Ниенго» в Южном Камеруне, «Лезиму» и другие. Все они пользуются большой властью и влиянием.

По словам известного ученого-этнографа Ю. Липса, эти тайные женские общества и сейчас в отдельных районах «иногда захватывают в свои руки законодательную власть и держат мужское население в страхе и беспокойстве».

Одно из самых могущественных женских тайных обществ —

«Бунду» в Нигерии. Женщины, принадлежащие к его высшим рангам, красят руки и лицо в белый цвет и носят одинаковые черные мантии. «Эти женщины,— пишет исследователь,— обладают достаточной властью, чтобы наказать и даже убить каждого мужчину, проникшего на их священную территорию».

Другой подобный союз женщин, «Йевхе», существует на территории сегодняшней Ганы. Вступая в общество «Йевхе», девушка получает новое имя. Каждый день ее обучают различным необходимым для нее навыкам — пению, плетению циновок,— и, наконец, в качестве предмета, завершающего курс наук, преподается высокое искусство составления тайных ядов.

Девушка может посвятить свою жизнь этому союзу и добиться в нем значительного положения. Но даже если девушка возвращается в семью отца и впоследствии выходит замуж, она продолжает оставаться членом этой всесильной организации и вправе рассчитывать на ее помощь. Например, в случае ссоры с мужем она всегда может уйти в «Йевхе». Этот союз способен наказать ее мужа или заставить его заплатить внушительный штраф.

Интересно, что каждая девушка, принятая в «Йевхе», прежде всего изучает тайный язык — агбунгбе. Пройдя своеобразный курс наук и вернувшись домой, она целых четыре месяца должна разговаривать не на своем родном языке, а лишь на тайном.

Женские языки или женские диалекты есть и в других местах. Например, на Мадагаскаре. Там существуют слова и даже выражения, употребляемые только женщинами в общении исключительно между собой. Точно так же японское женское письмо еще совсем недавно можно было отличить от текста, написанного мужчиной. Дело в том, что женщины, главным образом в прошлом веке, чаще мужчин пользовались особой системой знаков — хирагана. Женское письмо отличается и синтаксически — специфической системой суффиксов, местоимений и междометий.

У туарегов (Северная Африка) в настоящее время также есть различие между мужским и женским письмом. Если мужчины пользуются арабским шрифтом, то среди женщин преимущественно распространено письмо тифинак. Язык и алфавит тифинак очень древнего происхождения и восходит еще к домусульманскому периоду (1-е тысячелетие до новой эры).

Любопытные примеры секретных женских языков дает Америка.

В Северной Америке, в районе Миссисипи, живет племя индейцев натчи. Кроме общего языка, на котором говорит

все племя, у женщин существует свой тайный язык или жаргон, который понимают только они одни.

У племени карайа (Бразилия) слова женского и мужского лексикона различаются по произношению, а многие даже по корневой основе:

	Общеплеменной вариант	Женский вариант
Шея	лахо	мадо
Локоть	таехо	дахоко
Нож	маху	мак
Четыре	инамбио	имакубико и т. д.

Один из исследователей карибских племен Бразилии с удивлением обнаружил, что мужчины и женщины карибов говорят чуть ли не на разных языках. Он выдвинул гипотезу, объяснявшую это явление тем, что женщины, возможно, принадлежали ранее к другому племени, все мужчины которого были уничтожены. Позднее было выдвинуто иное предположение. Причину появления «женского языка» стали искать в различии сфер трудовой деятельности мужчин и женщин. Но тогда неясно, почему нельзя наблюдать этого явления среди большинства других языков. Ряд этнографов считают, что особые женские языки, тщательно оберегаемые от непосвященных,— последний след тайных союзов женщин, которые боролись против мужчин и их власти.

Мир без мужчин

Современники Колумба и те, кто плавал после него, тщетно искали царство женщин. Отдельные островки этого исчезающего царства были найдены только в наши дни. Об одном из таких мест, сохранившемся в Малайзии, где всем распоряжаются женщины, а мужчины являются существами забитыми и беспомощными, рассказывает итальянская журналистка Ориана Фаллачи.

«Вдоль выбоистой дороги, по которой с трудом двигался наш автомобиль, раскинулись каучуковые плантации. Среди деревьев тут и там сновали мужчины, сливая каучуковое молоко в большие резервуары. Мой всезнающий шофер Минг Сен объяснил, что это мужья женщин-тиранок. Впрочем, кроме этого, он ничего не знал об удивительном племени женщин. Сам он считал, что женщина существует на свете только для того, чтобы прислуживать мужчине.

Я уже знала, что в этом племени единственные владельцы земли — женщины, что земли наследуют только дочки, а не сы-

новья, что мужья селятся не вместе с женами, а вдали от них, у родителей, а к женам прибывают лишь по их требованию. Женщины племени живут в джунглях, впрочем, недалеко от селений, которые посещают раз в год, прежде всего для того, чтобы показаться зубному врачу. Неужели плохие зубы — общий недуг племени? Вовсе нет. Просто каждая женщина считает, что золотые зубы — самая надежная сберегательная касса. Поэтому все деньги, вырученные от продажи товаров, они «помещают» в золотые коронки.

Мы остановились перед большим садом, посреди которого покоилось на сваях обширное строение. Изнутри доносилась музыка. В саду находились две женщины, к которым мой проводник обратился на неизвестном мне наречии. Одеты они были в длинные, почти до щиколоток, саронги. На меня смотрели недоверчиво, даже враждебно. Музыка внезапно смолкла, как бы испугавшись непрошеных гостей. Из-за деревьев вышли еще несколько женщин, все маленького роста, худощавые, с лоснящейся бронзовой кожей. Вели они себя несмело. Исключение составляла старуха, которая оказалась 90-летней родоначальницей. Все эти «дамы» сверкали золотыми зубами с маленькими отверстиями в виде сердечек.

После короткой беседы с моим проводником «вождь» пригласила нас в дом. Тут я увидела, что музыку испускал старый граммофон с огромной трубой. Рядом с ним стояла вполне современная швейная машина.

— Это приданое моего мужа,— объяснила одна из женщин по имени Ямиля.

— А где он сейчас?

— Живет у моей матери. Я отослала его; он не любит работать, не хотел даже помогать в сборе каучука, не умеет ни насекать деревья, ни готовить обед. Не хочу содержать трутня.

Здесь не было ни одного взрослого мужчины. Единственное свидетельство их существования — дети.

— И мужчины никогда сюда не возвращаются? — задаю нескромный вопрос.

— Отчего же, приходят раз в неделю, в месяц, когда нам нужно их общество. А так они только мешают.

Ямиля по здешним понятиям — современная женщина: умеет читать и писать, знает даже, что Италия находится в Европе. Когда переводчик объяснил моим хозяевам (точнее, хозяйкам), с какой целью я приехала, женщины стали разговорчивее, попросили нас сесть на лавки, и старшая рода, Хава (мать Ямили), охотно ответила на вопросы. Я в свою очередь рассказала ей, что в Европе мужчина считается главой семьи, что женщины и дети принимают его фамилию. Хава была безгранично удивлена.

— А еще что? — полюбопытствовала она.— Может, у вас женщина слушается приказов мужчины? Может, он предлагает ей замужество?

Я киваю.

Женщины смотрят на меня подозрительно — не верят. У них женщина содержит мужчину. Хава и ее дочка твердят, что счастливы. Беспокоит их только то, что белые скупают все больше и больше участков джунглей, а это значит, что скоро придется перебираться в другое место.

«За кого выдадим мы тогда наших сыновей?» — этот вопрос угнетает их больше всего. Юнос, сын Ямили, уже подрастает. Он единственный мужчина в их обществе.

— Бог создал бедного Юноса мужчиной,— говорит Ямиля,— а мир жесток к мужчинам. Он должен научиться какому-нибудь ремеслу, чтобы заработать на приданое. Питаю надежду, что он найдет женщину с участком земли. Я продала для него уже три зуба. Зубы — мой банк. Земля — для дочек, а зубы — сыну. Когда мне нужны деньги, я еду в город, и мне снимают одну из золотых коронок. Это немного больно, но что делать? За один из зубов я купила ему недавно очки в толстой оправе.

Вернувшись в Куала-Лумпур, я узнала, что в джунглях живет едва ли десяток таких родов, остальные вымерли или приняли другие формы существования. Да и оставшиеся обречены на гибель, чему весьма способствуют власти. Скандальным фактом, по их мнению, является то, что в Федерации Малайзии живут еще «дикие женщины» — так их называют. Один из представителей администрации объяснил мне, что женщины этих родов не хотят принимать участие в выборах, ибо считают, что выборы — забава честолюбивых мужчин, алчущих власти. «Они стремятся получить в свои руки власть, чтобы навязать всем свой ленивый образ жизни».

Обычаи, подобные этим, не такое уж исключение в мире. Они мало чем отличаются от того, что можно видеть сегодня у наиров, живущих в Индии, на Малабарском береге. Этническая группа эта довольно велика — свыше полутора миллионов человек.

Деревни наиров представляют собой не совсем привычное зрелище. Обычно эти поселения состоят из нескольких усадеб, каждая из которых является чем-то вроде крепости, хорошо защищенной и с трудными подступами. В такой усадьбе живет одна родственная группа. Возглавляет ее женщина.

Когда девушке наиров приходит время выходить замуж, ей не нужно дожидаться женихов или гадать, кто остановит на ней свое благосклонное внимание. Инициатива брака принадлежит ей самой или ее родственницам, которые выбирают будущего супруга.

Слово «супруг», впрочем, не совсем точно. И муж и жена продолжают жить каждый в своей семье. То, что они муж и жена, сводится к тому, что время от времени муж посещает жену и ночует у нее в доме. Естественно, у таких супругов не может появиться общего имущества. С детьми отец почти не встречается. Вообще же проявлять какое-то внимание или интерес к своим детям со стороны отца считается у наиров чем-то непристойным.

Для того чтобы такой брак прервался, достаточно бывает незначительного повода. Как и в заключении брака, инициатива здесь тоже принадлежит женщине. В один прекрасный день сама жена или ее родственницы намекают супругу, что неплохо было бы, если бы он прекратил свои визиты, а лучше всего — совсем забыл дорогу к их дому. Мужчины-наиры, привыкшие во всем повиноваться женщинам, покорно внимают этому совету.

В прошлом, когда некоторые группы наиров объединились в княжества, власть наследовали тоже только по женской линии.

Итак, кое-где женщинам удалось сохранить главенствующие позиции и сегодня.

Сколь многочисленны подобные острова женского царства, сказать трудно.

До сих пор значительные районы земного шара остаются фактически недоступными для изучения. Прежде всего это отдельные области Южной Америки, где и сейчас можно предположить существование «амазонских территорий». В Бразилии есть территория величиной с Бельгию, где не ступала еще нога исследователя. Как утверждают некоторые путешественники, в лесных дебрях вокруг озера Титикака и ныне будто бы обитают амазонки. Индейцы окрестных племен называют их уру. Предводительница этих уру якобы сведуща в тайных знаниях и колдовстве.

Пытаться проникнуть в глубь этих районов — значит рисковать жизнью. Например, еще триста лет назад было замечено, что наступление сумерек в долинах Перуанских Анд несет смерть. Стоит человеку пробыть там несколько часов, как он заболевает тяжелой формой анемии, часто имеющей роковой исход. Даже если человек и поправляется впоследствии, все тело его остается покрытым язвами. Оказалось, виновница этого — песчаная муха, не выносящая солнечного света и вылетающая только в сумерках. Это лишь один пример того, что подстерегает путешественника, отважившегося углубиться в неисследованные районы Южной Америки.

Даже в наше время несколько экспедиций, отправившихся в эти районы, пропало бесследно, как камень, брошенный в

лесное озеро. Люди вошли в джунгли, и зеленые заросли сомкнулись за их спиной навсегда.

Непроходимые джунгли, горы, болота до сих пор, возможно, охраняют последние прибежища легендарных амазонок Южной Америки.

* * *

Как бы ни были экзотичны порой рассказы об амазонках, истоки этих легенд, по-видимому, надо искать в прозе экономических отношений. Матриархат был закономерной ступенью развития, но он должен был неизбежно исчезнуть по мере накопления общественного богатства. И вот почему. Согласно материнскому праву происхождение считалось только по женской линии. Соответственно, имущество наследовалось по материнской линии — переходило к кровным родственникам со стороны матери. Дети наследовали имущество матери, но не отца. Пока предметы, составлявшие наследство, были незначительными, особых проблем, связанных с наследством, не возникало. Но вот люди начинают приручать животных, дающих молоко и мясо. С развитием скотоводства главным добывателем пищи становится мужчина. Он же теперь и собственник нового источника пищи — скота. Наследование по линии матери, материнское право становится тормозом общественного развития. В конце концов материнское право отмирает. «Ниспровержение материнского права, — писал Ф. Энгельс в своей работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства»,— было **всемирно-историческим поражением женского пола.** Муж захватил бразды правления и в доме, а жена была лишена своего почетного положения, закабалена, превращена в рабу его желаний...»

Так выглядит этот процесс в «прозаической» историко-экономической трактовке. Это не исключает величайшего драматизма самих этих событий для их современников, тем более что современниками их были сотни поколений — процесс прихода патриархата на смену матриархату занял многие тысячелетия. Особенно затянулся этот процесс в племенах, где сохранился первобытный строй, в племенах, которые оказались отгорожены от остального мира непроходимыми джунглями, горами или гибельными топями болот. В таких местах действительно могли остаться отдельные островки матриархата, те самые «царства амазонок», поисками которых были заняты столь многие исследователи, путешественники и искатели приключений.

Тропой кладоискателей и алхимиков

В поисках Эльдорадо

Едва ли кому в истории выпадала столь редкая честь и такая высокая привилегия. Те, кто открывал новые земли, объявляли их обычно собственностью короны. Только Уолтер Рейли (1552—1618), поэт и придворный советник английской королевы Елизаветы, волей ее величества получил исключительное право — считать все земли, которые он откроет в Новом Свете, своей личной собственностью. Это было в то время, когда мир, каким знаем мы его сегодня, не был даже нанесен на географические карты. Неизвестны были бóльшая часть Америки, Австралии, острова Тихого океана. Огромный загадочный континент Африки простирался гигантским белым пятном между двух океанов. Рейли без особого труда мог бы стать основателем империи, в десятки раз превосходившей по территории Британские острова.

Однако У. Рейли не создал империи. Возможно, сам он был создан не из того материала, из которого делаются императоры. Единственным итогом его путешествий явилась книга путевых очерков, вышедшая в 1597 году в Лондоне и озаглавленная «Открытие обширной, богатой и прекрасной империи Гвианы с описанием большого города Маноа...».

Тщетно, однако, стали бы мы искать этот город на картах. Искать его нужно не там. То был город-призрак, город-мираж. Маноа — призрачная столица не менее призрачной страны Эльдорадо. Город этот существовал лишь в умах тех, кто верил в него и его искал. Для них этот город был не менее реален, чем для нас любая действительность нашего сегодняшнего дня.

Вера в Эльдорадо была столь велика, что нашлись даже очевидцы, сами якобы посетившие эту страну и этот город. По словам одного из сподвижников Ф. Писарро, столица Эльдорадо находилась между реками Амазонкой и Ориноко, на берегу озера Парима. Другой испанец рассказывал, будто провел в этом городе золота целых семь месяцев. По его словам, каждый день король этой страны покрывает свое тело каким-то клейким составом, поверх которого его осыпают пылью из чистого золота, и на целый день король превращается в живую золотую статую. Когда наступает вечер, позолоту смывают с него и выбрасывают, чтобы на следующий день осыпать короля новой золотой пылью.

Подобно тому как бессмысленно задаваться вопросом, яйцо ли породило курицу или курица яйцо, невозможно узнать,

возникла ли легенда о золотой стране Эльдорадо из этого рассказа или, наоборот, рассказ о позолоченном короле был порожден легендой. Известно только, что само слово «эльдорадо», или «эль-дорадо», по-испански значит именно «позолоченный» и название этой легендарной страны связано с рассказом о позолоченном короле.

Нас не должны удивлять простодушие и легковерие людей, с открытой душой готовых поверить прекрасной легенде об обетованной земле, о золотой стране Эльдорадо. Каждая эпоха порождает, очевидно, свои заблуждения и химеры, наивность которых бывает так уязвима для снисходительного сарказма тех, кому посчастливилось родиться на несколько столетий позднее.

У. Рейли не был мудр трезвой мудростью последующих веков. Он верил в реальность Эльдорадо и даже пытался ее найти.

Первая его попытка совершить это окончилась неудачей. Правда, «неудача» довольно слабое слово для той серии несчастий, которые следовали за ним буквально по пятам. Вскоре после далеко не триумфального возвращения Рейли в Англию на престол вместо Елизаветы взошел Яков I. Теперь мы не видим поэта ни среди блистательных приближенных, ни среди советников короля, а находим его в глухом застенке. Замешанный в заговоре, обвиненный в государственной измене, преданный друзьями и выданный сообщниками, бывший искатель Эльдорадо был приговорен к смертной казни.

В ожидании дня, когда приговор будет приведен в исполнение, он провел в тюрьме долгих двенадцать лет. Человеку, который мог стать обладателем целых континентов, принадлежал теперь только вид на кусочек неба из крохотного зарешеченного окна его камеры.

Возможно, Рейли так и окончил бы свои дни в безвестности; в глухих казематах королевской тюрьмы, если бы его не вывела на свободу все та же страстная мечта об Эльдорадо. Он пишет королю об этой стране, об ее баснословных золотоносных копях, о жителях, которые за неимением другого металла используют золото для самых обыденных целей. Страну эту вот уже который год тщетно ищут испанцы, и, если не поспешить, они могут прийти туда первыми.

Письмо Рейли к королю возымело действие. Однажды на рассвете его разбудил стук открываемого замка. Тяжелая глухая дверь приоткрылась. За порогом «государственного преступника» ждали начальник тюрьмы и офицер для особых поручений. Начальник расплывался в улыбке и кланялся. Офицер был непроницаем. Рейли спустился по влажным от утреннего тумана ступеням к ожидавшей его внизу карете.

Минуло всего несколько недель, и небольшая эскадра, выйдя из устья Темзы, развернулась под ветром и взяла курс к берегам Южной Америки. Начальник экспедиции, с лица которого не сошла еще тюремная бледность, подолгу не выходил из своей каюты. Склонившись над картой и своими старыми записями, он пытался воссоздать в памяти все, что слышал когда-то об этой стране. Он знал, что человеку выпадает шанс только раз в жизни. Ему этот шанс выпал дважды. Рейли постарался сделать все, чтобы не упустить его на этот раз. Он был требователен к офицерам, жесток с матросами и беспощаден к себе. Но ветры, течения и судьба будто сговорились против него, и они опять оказались сильнее.

Кораблям так и не удалось войти в устье Ориноко. Ураганный ветер рвал паруса, относил корабли к скалам, бешеные волны выбрасывали их на мели. После множества безуспешных попыток, стоивших поломанных мачт и порванных снастей, когда экипаж был уже на грани бунта, Рейли приказал лечь на обратный курс.

Конечно, окажись на его месте человек, который бы искал вслепую, он, возможно, стал бы двигаться на ощупь вдоль побережья, к северу или к югу — безразлично, пока не наткнулся бы на какие-нибудь неизвестные, может, даже на изобилующие золотом или серебром земли. Но Рейли искал не вслепую. В том-то и дело, что он был уверен, он знал, где должна находиться эта страна Эльдорадо. Именно поэтому он искал ее именно здесь и нигде больше.

Однако Рейли достаточно хорошо знал и короля, чтобы понимать, что значило вернуться в Англию с пустыми руками. Вот почему он решил компенсировать казначейству расходы, связанные с экспедицией, если не золотом Эльдорадо, то хотя бы золотом, захваченным на встречных испанских кораблях. В конце концов, не все ли равно королевской казне, откуда золото?

Оказалось, что не все равно. Хотя казначейство и сочло себя вполне компенсированным за расходы на экспедицию, встал вопрос, как компенсировать раздраженных испанцев. Поразмыслив, король пришел к выводу, что дешевле всего будет, пожалуй, казнить Рейли. А почему бы и нет? Кровь обидчика удовлетворит экспансивных испанцев, очевидно, не меньше, чем золото, которое можно будет не возвращать. Король предпочитал решать вопросы с точки зрения государственных интересов...

Сам Рейли, удрученный феерической сменой удач и поражений, надежд и новых разочарований, отнесся к вести о предстоящей казни без особого волнения. Уже на эшафоте, увидев отточенный топор, приготовленный для казни, Рейли позволил себе каламбур. Последний в жизни.

— Это лекарство,— меланхолически заметил он,— снадобье острое! Но врачует от всех болезней.

Какую болезнь имел в виду Рейли? Не ту ли, о которой говорил, обращаясь к посланцам верховного правителя ацтеков Монтесумы II, завоеватель Мексики Эрнан Кортес? «Передайте своему владыке,— сказал он,— чтобы он прислал нам золото, много-много золота, потому что мои спутники и я страдаем от болезни сердца, которую не может излечить ничто, кроме золота».

Кортес думал, что ловко обманул Монтесуму, солгав ему. Он сам не знал еще, насколько то, что он говорил, было правдой. Не та ли это болезнь, получившая название «золотой лихорадки», которая с новой силой вспыхнула позднее, века спустя, в Калифорнии и по берегам Клондайка?

У. Рейли не был ни первым, ни последним, кто отправился на поиски Эльдорадо.

В 1535 году Себастьян де Бельалказар во главе большого отряда выступил из Кито на поиски и завоевание этой страны. Целых четыре года, подобно медленному смерчу, двигался отряд по речным долинам и плоскогорьям, сжигая селения, истребляя жителей, теряя солдат, коней, амуницию, только для того, чтобы по истечении четырех лет, замкнув в круг небывалых лишений, жестокостей и неудач, снова появиться вблизи Кито.

Заметно поредевший отряд вышел с тяжелой поклажей, которую несли на себе уцелевшие. Среди добычи, которую конкистадоры так бережно пронесли сквозь многодневные переходы, голод и кровавые стычки, было немало золотых вещиц.

Мог ли слух об Эльдорадо получить более веские подтверждения, чем золото?

Вот почему едва завершилась экспедиция Бельалказара, как буквально по ее следу отправились другие. Всякий раз поводом для такого похода служило «бесспорное свидетельство очевидца» или тайна, которую кто-то открыл перед смертью, или показания индейца, данные им под пыткой. Такой прием давал свои результаты. Не находилось индейца, который отказался бы в конце концов ответить на вопросы испанцев. Страна золота? Нет, не здесь, она лежит дальше, за теми горами, за двумя большими реками, за много-много дней пути... Когда же эти «много дней пути» были позади, новые пленники говорили нетерпеливым испанцам, что нужно идти еще дальше. И они снова отправлялись в путь, спускаясь по болотистым рекам, прорубая узкие тропы сквозь зеленую стену джунглей.

На смену одной бесследно исчезнувшей экспедиции шли другие экспедиции. Все с тем же упорством и верой в успех одна за другой они отправлялись в путь, чтобы никогда не вернуться.

Золото, золото, золото... Ради него люди годами не спали в постели, не видели крыши над головой. Они умирали от змеиных укусов, от укусов москитов, которые несли «желтую смерть» — лихорадку. Ядовитые плоды, ядовитые растения уносили не меньше жизней, чем отравленные стрелы индейцев.

Призрачное золото Эльдорадо манило к себе тысячи авантюристов и искателей приключений. Они устремлялись на его зов, подобно бабочкам, летящим на огонь и гибнущим в его пламени. В чем же была неодолимая, притягательная сила этого желтого пламени?

Золото человек узнал намного раньше железа, меди и бронзы. Его не нужно было учиться выплавлять из руд, получать в сплавах. Золото встречалось в природе в чистом виде. Первые изделия из металла были изделиями из золота. Археологи обнаружили их в древнейших слоях неолита. Но тогда золото служило лишь материалом для изделий. Оно не имело еще той «колдовской силы», которую обрело позднее. Истоки этой силы вскрыл К. Маркс. «Золото и серебро,— писал он,— по природе своей не деньги, но деньги по своей природе — золото и серебро»[1]. В условиях товарного производства, объяснял Маркс, золото выполняет функцию всеобщего эквивалента, то есть товара, на который обмениваются все другие товары.

В обществе, где цель человеческой жизни — обладание, каждый стремился обрести эквивалент этого обладания товарами и вещами — золото. Средоточием этих устремлений и стала легендарная страна золота Эльдорадо. Поиски ее продолжались два с половиной столетия. Впрочем, призрак страны золота появился задолго до открытия Америки. В свое время еще Плиний писал о «золотом острове» Хриза, расположенном где-то посреди Индийского океана. Позднее, придавая этим сведениям более точный характер, Птолемей сообщал даже географическую широту «золотого острова»...

Со временем «золотой остров» превращается в острова. На одной из карт IX века можно видеть эти острова, расположенные к югу от Цейлона. «На этих островах якобы так много золота,— писал известный арабский путешественник Идриси,— что, по слухам, даже собаки носят там ошейники из червонного золота».

Мы никогда не узнаем, наверное, кто были они, эти мечтатели или безумцы, впервые отправившиеся на поиски страны золота. Попытки найти ее, очевидно, так же древни, как и первые слухи о легендарной стране. Один из древнейших письменных источников — Библия упоминает о такой стране золота — Офир. Туда, если верить записанному в Библии, царь

---

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 13, с. 137.

Соломон и царь Тира Хирам снаряжали корабли за золотом, слоновой костью, эбеновым деревом. Многие историки пытались определить точное местоположение этой страны. Немец Б. Мориц искал Офир в Южной Аравии, француз Ж. Оппер в Нубии. Другие надеялись обнаружить ее следы в Восточной Африке, Индии и даже на Соломоновых островах. Некоторые помещают страну Офир в районе Баб-эль-Мандебского пролива.

Но пока это лишь гипотезы, предположения.

Другой древней страной золота можно было бы считать Эю (Колхиду). К ее берегам, повествует предание, некогда отправились античные герои на корабле «Арго». Плывущие на «Арго» — аргонавты — должны были добыть золотое руно, шкуру золотого барана. Предание об этом плавании, правда или миф,— воспоминание о греческих поселениях вдоль побережья Кавказа и о золоте, поступавшем из тех мест.

Легендарную золотую страну в разные века искали в разных концах земли. В X веке арабский историк Масуди писал о такой стране, расположенной будто бы в Африке. Позднее Мунго Парк, один из путешественников, побывавших в Западной Африке, с удивлением и восторгом сообщал, что южнее Нигера находится страна, изобилующая золотом. Возможно, он имел в виду Золотой Берег, нынешнюю Гану. Парка поразило, что золото в тех краях обменивалось на соль, причем в равных количествах. За фунт соли давали якобы фунт золота. В тех краях соль была такой редкостью и так ценилась, писал путешественник, что, желая сказать, как человек богат, о нем говорили: «Он ест соль за каждой едой».

Когда была открыта Америка, перед искателями Эльдорадо распахнулась дверь в новый мир. Это был мир, где правда и вымысел шли рука об руку. «Недавно из Испании появились достоверные сведения,— конфиденциально сообщал курфюрсту Саксонии его агент,— что обнаружен новый остров Сериф, на котором ничего нет, кроме самородного золота. Двух пленных царьков возили повсюду, пытаясь найти кого-нибудь, кто мог бы их понять, рассчитывая, что от них можно добиться многих сведений об их острове. Но они вскоре умерли. Позже король снарядил еще три корабля, которые послал на тот остров, чтобы разузнать, как можно его приобрести или завоевать... Всех местных жителей король решил уничтожить, так как не хочет оставлять остров в руках грубого, упрямого и опасного народа».

Не приходится сомневаться в том, что будь подобный остров действительно обнаружен, печальная участь его жителей была бы предрешена. Точно так же, как и в том, что пришельцы сделали бы это, уверяя и веря сами, что руководствуются

самыми возвышенными побуждениями и благородными мотивами.

Возвращаясь из походов и экспедиций, искатели Эльдорадо привозили с собой не только рассказы об удивительных странах, но и золото. Правда, его было меньше, чем виделось распаленному воображению конкистадоров, но все-таки это было золото, и каждый грамм его вливался в общий поток, хлынувший после открытия Америки в Европу.

Согласно некоторым подсчетам, если бы можно было собрать все золотые монеты, которые находились в обращении во всех странах Европы в тот день, когда корабли Колумба отправились за океан, это составило бы всего около 90 тонн. После этого проходит примерно сто лет, и количество золота, находившегося в обращении, возрастает в восемь раз! Рядом с каждой золотой монетой, что была во времена Колумба, появилось семь новых. И каждый из привезенных из-за океана кусочков золота имел свою историю, порой сложную и жестокую. Историю, которой не узнает уже никто.

Первыми получив доступ к золоту за океаном, испанцы, казалось, должны были бы стать самым богатым, самым процветающим народом Европы. Но этого не случилось, более того — вышло нечто обратное. Дело в том, что золото само по себе не строит корабли, не ткет холсты, не отливает пушки. На него можно только купить то, что произведено другими. Это и происходило в течение многих десятилетий. В то время как испанцы тратили свое золото, покупая изделия в Германии, Англии, Франции, в ответ на этот спрос там развивалась промышленность. Когда же потоки золота начали иссякать, в этих странах, в отличие от Испании, осталась развитая промышленность, производящая товары. А. С. Пушкин писал в «Евгении Онегине», что его герой, прочитав труды англичанина Адама Смита, «был глубокий эконом, то есть умел судить о том, как государство богатеет, и чем живет, и почему не нужно золота ему, когда простой продукт имеет...».

Последняя экспедиция на поиски Эльдорадо отправилась из Голландии в 1748 году. Но последняя ли? Что знаем мы о других смельчаках или безумцах, поднимавших парус и отправлявшихся навстречу неведомому? Те, кто ищет эту страну, не перевелись и в наше время. Несколько лет назад в столице Перу журналисты буквально осаждали французского врача, побывавшего в одном из малодоступных районов Амазонки. Он обнаружил там племя индейцев, обладающих поистине несметным количеством золота. Племя это, по его словам, последняя ветвь какого-то некогда могущественного древнего народа. Не они ли наследники и потомки жителей легендарного Эльдорадо?

Подобные сообщения о неизвестных племенах и даже древ-

них городах, затерянных в джунглях Южной Америки, всякий раз воскрешают забытые было мечты о золотой стране. Имя Эльдорадо снова замелькало на страницах газет, когда несколько лет назад у подножия Анд был обнаружен затерянный город инков. Заросли джунглей подступали к самым его стенам. Английские исследователи, случайно наткнувшиеся на него, нашли там такое количество золота, что многие опять заговорили об Эльдорадо.

Из века в век смельчаки отправлялись в свой отчаянный поиск. Следы их исчезают среди безымянных каньонов, затерянных плато и забытых рек... Но иногда вдруг вспыхивают знакомым словом на сегодняшней географической карте: Эльдорадо — город в Техасе, Эльдорадо — город в штате Арканзас; Эльдорадо — в Иллинойсе, в Канзасе; Эльдорадо — в Венесуэле.

Однако, как ни странно, нельзя отыскать ни одного Эльдорадо ни в Калифорнии, ни в районе Клондайка, то есть там, где, казалось бы, действительно сбылась наконец мечта тех, кто искал призрачную страну золота.

Путь на север

Весной 1898 года немногочисленные обитатели Доусона с тревогой вглядывались в даль Клондайка, освобождавшегося от льдов. Что принесет городу эта весна? Весть о найденном золоте уже покинула пределы Клондайка. Поток охотников за самородками давно бы уже захлестнул и город, и его окрестности, если бы внезапно не упала зима, белым барьером отделившая Клондайк от остального мира. Но стоило в этой преграде появиться хоть малейшей трещине, как долго сдерживаемый поток прорвался. В то утро, когда это произошло, жители Доусона увидели целую армаду лодок, которые, лавируя между льдинами и ускоряя темп, неслись к городу. Это напоминало гонки. Множество лодок, маленьких, больших, самодельных, под парусами и без, обгоняя друг друга, мчались к дощатой пристани.

Пятьдесят тысяч человек откликнулись на зов золота. Они плыли всю ночь, не выпуская весел из стертых до мяса окровавленных ладоней. Тех, кто приплывет в числе первых, должен ждать приз, столь же небывалый, как и сами эти гонки,— возможность застолбить лучший участок на берегу золотоносной реки.

Но все-таки это была лотерея. И, как во всякой лотерее, выигрыш не зависел от того, купили ли билет первым или самым последним. Вот почему нередко случалось, что прибывшие

первыми захватывали пустой участок, а те, кто уныло разбирал оставшиеся, оказывались владельцами сказочных золотых жил и баснословных россыпей.

Никто из этих людей, вступая в «золотую игру», не мог знать, что из нее нет выхода. Это был круг, это был лабиринт, замкнутый в себе самом. Потому что тот, кто намыл золотого песка мало, хотел намыть много; намывший много желал намыть еще больше; а намывший больше стремился иметь еще и еще больше... И во всем Клондайке не было человека, который намыл бы золотого песка ровно столько, сколько ему было нужно, который мог бы сказать, что он выходит из игры.

Оказавшись здесь, на севере, ведя жизнь, полную опасностей и лишений, они ни минуты не жалели о прошлом, и все-таки это прошлое — память о нем — временами так остро, до тайной боли продолжало волновать их. Земляк, встреченный на улице, знакомая мелодия, даже котенок. Случалось, золотоискатели платили за котенка вес за вес — сколько он весил, столько давали за него золота. Или — можете ли вы догадаться, какой напиток был самым дорогим в главном салуне Клондайка? Шампанское? Виски? Коньяк? Нет и нет. Самым дорогим был напиток, хранящий вкус детства и далекого дома,— молоко. Его подавали в специальных маленьких чашечках, и стоило оно в пять раз дороже лучшего виски!

Но, посидев в салуне и воздав должное воспоминаниям, золотоискатели опять-таки шли не на пристань, откуда можно было вернуться на родину, а отправлялись дальше в горы, дальше по притокам мелких рек, куда их вел голос золота, голос золотых россыпей и жил, едва слышно звучавший из-под земли. И когда по прошествии нескольких лет «золотая лихорадка» в Клондайке спала, не все смогли уже войти в прежнюю колею и вернуться к обычной жизни. Многие предпочли отправиться еще дальше на север, в самые отдаленные районы, куда не ступала еще нога человека, но где, говорили, есть некая долина, сказочно богатая золотом. Кто говорил? Такие же охотники за золотом, как и они сами. Доверительно поведав об этом кому-нибудь, повторив это несколько раз, они сами начинали вдруг верить в свою химеру и, бросив все, отправлялись в путь на поиски сказочной страны, нового Эльдорадо, родившегося в их же воображении.

О золотоискателях, людях Клондайка, писал Джек Лондон. Но не только о безумной жажде золота рассказывает он. Его герои — это сильные люди, упорно идущие к цели, преодолевающие все препятствия, все барьеры, и в том числе то темное и алчное, что может оказаться в самом человеке. Час их победы не тогда, когда заступ натыкался вдруг на россыпь золота или самородки, а когда среди всей жадности и жестокости они

достигали торжества великодушия, жертвенности, благородства. Именно этим человеческим своим началом эти люди созвучны и симпатичны нам.

Охотники за сокровищами

Когда удача сама, казалось, давалась в руки, обладатель богатства с удивлением видел, что к прежним его тревогам прибавилась еще одна, новая. Потому что владеть золотом означало в то же время и охранять его. Охранять каждый час, каждую минуту, днем и ночью. Изобретались сложные запоры. Сооружались хитроумные подземелья. У входа в сокровищницу выставлялась вооруженная стража. Но ничто не давало уверенности, ничто не приносило спокойствия. Владельцу оставалось одно: самому сидеть в окружении своего золота, беспрестанно перебирать его и не выпускать из рук.

Рассказывают, что примерно так и поступил некий купец-раскольник, живший в прошлом веке в Петербурге. В течение многих лет он почти не покидал своей комнаты, вход в которую не был разрешен никому. Его любимым занятием было перекладывать и пересчитывать золотые монеты. Когда он умер и квартальный надзиратель с понятыми решился наконец открыть дверь, весь пол оказался завален деньгами, к окну и к двери была проложена только узкая тропинка среди золотых монет. Всего было собрано пять больших мешков золота, не считая ценных бумаг и ассигнаций.

Стоило, однако, купцу так охранять свое золото? Едва были составлены необходимые акты и соблюдены формальности, как золото, все пять мешков, вдруг исчезло. Исчезло бесследно и самым мистическим образом. Поиски его ни к чему не привели. Да никто особенно и не занимался этим. Тем более что у купца не оказалось наследников.

Страх расстаться с золотом принимал иногда неожиданные формы. Тогда же, в прошлом веке, в Москве жила супружеская пара, богатые помещики, владельцы многих больших домов. Ни днем ни ночью они не расставались с заветной шкатулкой. С наступлением темноты страх их удваивался, супруги приказывали закладывать карету и каждую ночь до рассвета разъезжали по спящим улицам, держа шкатулку на коленях...

Существует тонкий психологический рубеж. Перейдешь его незаметно, и тогда не человек уже владеет ценностями, а они начинают обладать им, подчиняя себе все его помыслы и интересы. Патологическую скупость психиатры квалифицируют как отклонение, своего рода психическое заболевание. Вспомним «Скупого рыцаря» у А. С. Пушкина:

Как молодой повеса ждет свиданья
С какой-нибудь развратницей лукавой
Иль дурой, им обманутой, так я
Весь день минуты ждал, когда сойду
В подвал мой тайный, к верным сундукам.
Счастливый день! могу сегодня я
В шестой сундук (в сундук еще неполный)
Горсть золота накопленного всыпать...
Тут есть дублон старинный... вот он. Нынче
Вдова мне отдала его, но прежде
С тремя детьми полдня перед окном
Она стояла на коленях воя...

Может ли человек, здоровый нравственно и психически, в такой мере подчинить себя этим сундукам, стоящим в подземелье? Болезнь скаредности, как любое заболевание, начинается с мелочи, с повседневной жадности. И человек, если он с юности не следит за собой, не видит себя со стороны, сам не замечает, как превращается в такого «скупого рыцаря».

Из всех способов, к которым прибегали обладатели сокровищ, чтобы сохранить их, самым верным оставался старый и испытанный метод: прятать. Не случайно даже само слово «сокровище» означает не «ценность», а то, что сокрыто, спрятано.

Предания о скрытых сокровищах, кладах дошли до нас с древнейших времен — о них упоминал еще Платон двадцать три века назад. О них же писал Аристотель в своей «Политике». В русском летописном памятнике XV века Киево-Печерском патерике рассказывается о находке «латинских сосудов», в которых было «злата же и сребра бесчисленно множество».

На Руси кладоискательству предавались многие высокопоставленные лица. Даже царь Иван Грозный не скрывал этой страсти. И Петр I относился с величайшим интересом к различным сообщениям о кладах.

Далеко не всегда, однако, к кладу вели прямые и, скажем так, честные пути. Чтобы овладеть кладом, о котором упоминает Печерский патерик, киевскому князю Мстиславу пришлось пытать, и пытать до смерти, монаха Федора. Монах не хотел открыть князю, где были зарыты «латинские сосуды» с золотом. В его глазах князь, посягавший на то, что не принадлежало ему, мало чем отличался от «лихого человека», разбойника с большой дороги.

Юристы в разные времена по-разному решали вопрос, кого можно считать истинным владельцем клада. Того, кто его нашел? Но ведь прятал это золото не он. Следовательно, юридически он выступает как человек, присваивающий чужое.

Правда, здесь добавляется еще один фактор — давность лет. Присвоеине сокровища, миого лет не имевшего владельца, решено было не считать воровством. Тем не менее кладоискательство породило целый раздел права.

У юрнстов Древнего Рнма по этому вопросу бытовало две точкн зрения. Согласно одиой, клад, кто бы ии иашел его, прннадлежит тому, на чьей земле нли в чьем доме он был обнаружен. Другая точка зрення — клад безраздельно принадлежит тому, кто его нашел. Пытаясь примирить оба взгляда, нмператор Юстиниан устаиовил, что половииа клада должиа прннадлежать владельцу земли, а половнна — тому, кто нашел его.

В средние века проблема кладов была объектом острой полемики средн ученых-юрнстов. Счнталн, что, еслн сокровнще обнаружено благодаря помощн доброго духа, нашедший имеет право оставнть его у себя. Еслн же путь к кладу указал злой дух, ясно, что делалось это в обмен иа какне-то богопротнвные услугн. Какие нмеино — надлежало расследовать со всей строгостью, на которую способна была та мнительная н жестокая эпоха. В этом случае судьбу того, кто нашел сокровище, решал уголовный суд, а сам клад конфисковывался в пользу государства. Только вот спорным оставался вопрос: как точио определнть, злой нли добрый дух помогал кладонскателю? Тем более что многие клады, согласно преданням, были заговоренными. Онн не давались в руки, если человек не знал тайного ключа к ннм.

Так появнлнсь различные руководства к понскам кладов, рукописн не меиее ценные, чем самн сокровнща, которые предстояло найти с их помощью.

В XVII веке несколько дукатов былн большнмн деньгамн. На ннх можно было купить целое имеиие. Сколь же чудовищиа, сколь фантастична сумма в восемь тысяч дукатов, которую заплатнл в то время однн человек, чтобы стать владельцем некой редкой кнngн.

Возможно, поступок его станет нам понятней, еслн мы узнаем, как иазывался этот фолиант: «Кинга чудес, написанная доктором Иоганном Фаустом, или черный ворон, нлн тройная снла над адом, посредством которой я мог заставнть духов доставлять мне все, чего я пожелаю, будь это золото н серебро, большие нлн малые клады».

Каждый, через чьи рукн проходнла эта рукопнсь, готов был заплатить н платил за иее любые деньгн. Многне днн в предвкушеини удачн он разбнрал тайные знакн и скрытые иамекн, разбросанные по пергамеитным страницам, пока сомнение не закрадывалось ему в душу. И тогда новый претендент, спешащнй стать счастлнвым обладателем тайной кннгн, выставлял

на столе столбиком золотые монеты, а прежний обладатель начинал вдруг мучительно колебаться — не упускает ли он из рук удачу и счастье.

Нередко для того, чтобы никто, кроме владельца, не мог открыть клад, его зарывали поверх отрубленной человеческой головы, иногда нескольких. Обычно на Русн разбойиики именно так прятали свои сокровища. Верили, что призрак убитого будет охранять зарытое. Для того чтобы нзбавиться от заклятья, кладоискатель должен был убнть столько человек, сколько было голов под кладом.

Были, по русскнм преданням, и клады, зарытые вообще «на вечные времена», клады проклятые, которые губили всякого, кто пытался открыть их. Словом, поиски кладов считались делом опасным и тайным.

Место, где зарыт клад, порой якобы само давало о себе знать. «Аще бо сребро или злато скровенно будет под землей,— читаем мы в одной из рукопнсей,— то мнози видят огоиь горящь на том месте». На Руси существовала и особая литература по раскрытию «заговоренных» кладов, так называемые «вызывные книги», имелись даже специалисты, посвятившие себя этому делу. Каким бы рнскованным ни слыло это занятие, всегда находились желающие отдаться ему.

Ни страх перед мертвыми, ни боязнь проклятия не останавливали тех, кто искал сокровища. Это они, оскверннтели и грабители могил, за тысячи лет до «кладоискателей от науки» — археологов — взламывали печати гробниц, проникали в забытые тайники «города мертвых». Сокровища, похищенные ими на протяжении веков, не поддаются учету.

В Египте опустошение царских гробниц приняло столь массовый характер, что уже три тысячи лет назад фараоны вынуждены были установить возле усыпальниц круглосуточную стражу, а виутри них сооружать ложные входы, тайные ходы, хитроумные приспособления, которые должны были погубить всякого, кто осмеливался проникать в пнрамиды. Но ии стража, ни чудовищные отшлнфованные глыбы камня так н не смогли удержать грабителей. Попав в руки охотников за сокровищамн, золото фараонов растекалось по всему Востоку, исчезало бесследно, как исчезает вода в песке. Остались только следы грабителей, обнаруживаемые учеными в опустевших пирамидах, да следы в преданиях н легендах.

Кому из нас могло прийти в голову, что сюжет всем хорошо знакомой сказки «Аладдин и волшебная лампа» целиком построен на ограблении царской гробницы? А ведь это действительно так. Расположение подземной сокровищницы, в которую попадает Аладдин, число и последовательность помещений, которые ему приходится предварительно пройти, не

плод фантазии и не случайны. Описание их воспроизводит внутреннюю структуру гробниц Долины Царей, относящихся к «позднему периоду».

Всесильные при жизни, владыки после смерти оказывались во власти искателей сокровищ, охотников за золотом. И вот, желая защитить свое последнее пристанище от чужой алчности, они начинают игру в прятки, которая продолжается века: мертвые прячутся, живые ищут.

Когда умер Чингисхан, тело его было предано земле посреди бескрайней степи. Место, где покоился тот, кто подчинил своей воле полмира, не отмечал ни единый кустик, ни одно деревце. Но даже этого показалось мало: чтобы скрыть малейшие следы, через степь прогнали гигантский табун из десяти тысяч голов. Могила Чингисхана не найдена до сих пор.

В 410 году в Калабрии умер король вестготов Аларих Тот самый Аларих, который в год своей смерти успел захватить и разграбить Рим. С тех пор прошли века. Давно уже нет народа, называвшего себя готами. Но за полторы тысячи лет ни рука грабителя, ни лопата археолога не коснулись могилы их вождя. И это несмотря на то, что известно, сколь много золота, драгоценных камней и прочих ценностей, награбленных готами по всей Европе, было сложено в могилу Алариха.

Конечно, готы хорошо знали об охотниках за кладами мертвых. Вот почему они постарались сделать недоступным место захоронения своего вождя. Для этого они перегородили плотиной течение реки и, когда русло обнажилось, вырыли глубокую могилу на дне. Потом, опустив в нее золотой гроб и все сокровища, они разрушили плотину, и река вернулась в свое русло. Многометровый слой воды и быстрое течение стали стражами погребенных сокровищ. Не довольствуясь этим, в ту же ночь готы убили всех, кто знал, в каком месте реки находится могила.

В 453 году умер вождь гуннов Аттила, прозванный «бич божий», наводивший ужас на всю Европу. Его тело положили в золотой гроб, золотой гроб поместили в серебряный, а серебряный — в железный. Железный гроб вместе с несметными сокровищами был затем предан земле. Для того чтобы место, где похоронен их вождь, осталось неизвестным, гунны также убили всех, кто участвовал в похоронах.

Разговор об охоте за золотом будет весьма не полон, если мы не расскажем о сокровищах пиратов. Пираты и их клады породили целое направление в приключенческой литературе. Впрочем, приключения, выпадавшие на долю лиц, существовавших в действительности, порой превосходили любой авантюрный сюжет.

Это было время, когда черный флаг господствовал на огромных морскнх просторах. Это было время, когда трндцать— сорок процентов грузов, отправляемых морем, не доходило до порта назначення. Такова была неизбежная дань, которую прнходилось платнть морю н пиратам. Только в XVI веке в руках пиратов осталось 100 тонн золота нз чнсла отправленного нз Америкн в Испанию.

Кроме разбоя, джентльмены удачн заннмалнсь закапыванием кладов.

Один из самых знаменитых кладов — легендарные сокровнща капитана Кидда.

В мае 1701 года капнтан Кндд н девять членов его экнпажа были приговорены к смертной казнн. Исчерпав все способы спастн себе жизнь, Кндд обратнлся к тем, от кого завнсела его судьба, со следующим предложением:

— Я знаю, где находится величайшее сокровнще. Даруйте мне жнзнь, и я вам скажу, где оно.

Но предложение это он сделал в слншком открытой форме, чтобы должностные лица могли решиться прннять его, не рнскуя оказаться на виселице рядом с капитаном пиратов.

23 мая Кидд был повешен, так н не сказав ннкому своей тайны.

Иначе поступнл другой король пиратов — Ла Бюз. Когда его возвелн на эшафот, он швырнул в толпу лнсток, нспнсанный шнфром.

— Мон сокровнща тому, кто прочтет!

Удалось ли кому-нибудь найтн ключ? Этого не знает ннкто. Известно только, что эпнзод этот, пронсшедший 7 июля 1730 года, породнл целую лавину экспедиций, искавших клад Ла Бюза. Главным районом понсков, продолжавшихся около двух веков, стал Индийскнй океан, Сейшельские острова. Но даже еслн кому-нибудь н повезло, маловероятно, чтобы он постарался оповестить об этом весь мир. Следует прннять во вниманне юрндическую сторону вопроса: спорность права собственностн на найденное золото н т. д.

В этом отношении значнтельно проще было человеку, обнаружившему в конце прошлого века клад на одном нз островов, прннадлежащих Соединенным Штатам. Дело в том, что на террнтории США любой клад полностью прннадлежнт тому, кто его нашел. В данном случае находка была весьма значнтельная: в сундуках н больших просмоленных ящнках лежало золото на сумму не менее десятн миллнонов долларов.

Есть мненне, что это сокровнще нз чнсла кладов, зарытых капитаном Кнддом. Но как бы нн был велнк найденный клад, он мог быть лншь незначнтельной частью сокровнщ, спрятанных Кнддом.

По документам английского Адмиралтейства, основная часть сокровищ Кидда состояла из драгоценностей, награбленных англичанами у Аурангзеба, правителя Могольской империи в Индии. Однако корабли, на которых сокровища эти были отправлены из Индии, так и не увидели английских берегов. Драгоценный груз их оказался в руках капитана Кидда и его людей.

Некоторые из сподвижников Кидда попали позднее в руки правосудия. У служителей Фемиды были средства заставить этих людей говорить. Согласно их показаниям, награбленные сокровища капитан перевез на некий уединенный остров вблизи берегов Юго-Восточной Азии. Когда многочисленные кованные сундуки были надежно спрятаны, Кидд вместе со своим лейтенантом убил одного за другим всех, кто помогал ему в этом. Потом он, опять-таки с помощью лейтенанта, распял трупы на деревьях так, чтобы их правые руки указывали направление, где было спрятано сокровище. Завершив эту работу, Кидд решил, что настала очередь лейтенанта. Кидд убил его и распял на большом дереве у самого берега. Этот остров — знаменитый остров Скелетов — стал впоследствии объектом многолетних поисков нескольких поколений кладоискателей. Поиски эти продолжаются и в наше время.

Известно, например, что этим занималась канадская шхуна «Ла Котента», в 1960 году такого рода экспедицию возглавил английский капитан Мамфорд и т. д. Однако поиски клада велись вслепую, пока несколько лет назад некоему английскому адвокату, страстному антиквару, не посчастливилось приобрести на аукционе кое-что из вещей, принадлежавших якобы самому капитану Кидду. Один из сундуков оказался с тщательно замаскированным двойным дном. Там была обнаружена рукописная морская карта XVIII века. На ней был обозначен легендарный остров Скелетов капитана Кидда.

Так волей случая или, точнее, волей своего хобби солидный адвокат превратился в искателя сокровищ. Настал день, когда шхуна «Ла Мореа» водоизмещением сто тонн покинула один из английских портов, взяв курс в направлении, известном только ее капитану и еще самому владельцу карты.

Увы, и эта экспедиция потерпела фиаско. Через три дня шхуна попала в бурю, была разбита в щепки вблизи побережья острова Уайт. Неизвестно, удалось ли спасти драгоценную карту, но о новых попытках с тех пор ничего не сообщалось.

В отличие от острова Скелетов местоположение другого острова сокровищ хорошо известно. Речь идет об острове Кокос, расположенном в Тихом океане и принадлежащем Коста-Рике.

Первый клад, по преданию, был зарыт здесь в 1685 году знаменитым пиратом Генри Морганом. Именно этот клад пыта-

лись найти герои романа Джека Лондона «Сердца трех». Позднее «коллега» Моргана Бенито Бонито спрятал где-то в прибрежных скалах сокровища на сумму около трех миллионов долларов. Впрочем, сумма эта не кажется уж столь великой, если принять во внимание, что всего на острове, по некоторым предположениям, зарыто кладов на сотни миллионов долларов...

Но главным кладом, которому остров обязан немеркнущей славой, являются знаменитые сокровища Лимы.

Когда Симон Боливар, борец за независимость Южной Америки, подошел во главе своей армии к Лиме, испанские колонизаторы, высшее духовенство, губернаторы и генералы погрузили все имевшиеся у них ценности на корабль «Дорогая Мэри», который должен был доставить их в Испанию. Однако капитану корабля шотландцу Томпсону путь к берегам Испании показался слишком долгим, поэтому, едва Лима скрылась за горизонтом, он выбросил за борт испанских стражников, захватил сокровища и, подняв на мачте черный флаг, направил корабль к пустынному острову Кокос. Когда через несколько дней испанцы бросились в погоню и все-таки захватили «Дорогую Мэри», там не оказалось уже ни единой жемчужины, ни одной золотой монеты.

Рядовые матросы были повешены тут же без суда и следствия, капитану Томпсону и его помощнику была уготована иная участь, которой не стали бы завидовать даже повешенные. Однако в ночь перед пыткой капитану и помощнику удалось выломать решетку в иллюминаторе и вплавь добраться до берега. Едва оказавшись в безопасности, Томпсон, действуя с холодной жестокостью, убил своего помощника и стал единственным хранителем тайны. Много лет спустя, перебравшись в Англию, перед своей смертью он якобы передал своим детям карту острова, где было обозначено место клада.

С тех пор появилось великое множество вариантов этой карты. Каждый из них, выполненный на старинной бумаге, выцветшими чернилами, размытый морской водой, претендует на уникальность, на то, что именно эта карта начерчена некогда рукой самого Томпсона. Поскольку этого нельзя доказать, то единственным аргументом в пользу подлинности карты является ее цена. Чем дороже просят за карту, тем представляется более вероятным, что она настоящая.

По мере того как число «подлинных» карт Томпсона росло, вероятность находки клада далеко не увеличивалась. Скорее, наоборот. Поиски клада продолжаются и сейчас. Можно было бы привести длинный список лиц и даже организаций, искавших и продолжающих искать этот клад. Не устоял в свое время от соблазна найти сокровища, зарытые Томпсоном, и такой человек, как Франклин Делано Рузвельт... Впрочем, в 1934 году

в Англии было создано даже целое акционерное общество искателей сокровищ Лимы.

Однако ошибаются те, кто думает, будто для того, чтобы искать клады, непременно следует отправляться за многие тысячи миль к заброшенным островам и на пустынные побережья. В каждой стране есть, оказывается, потерянные или забытые сокровища, достоверность которых иногда даже подтверждается исторически.

Когда в пещере у побережья Мертвого моря были обнаружены знаменитые ныне рукописи, ученые с удивлением прочли в них сообщения о многочисленных кладах, спрятанных в окрестностях. Всего в рукописях Мертвого моря говорилось о шестидесяти таких кладах. Подробное перечисление их содержимого позволило подсчитать общий объем этих сокровищ. Получалось, что на окружающих холмах зарыто около двадцати тонн золотых и серебряных изделий. Однако расшифровать древние рукописи оказалось легче, чем найти сами сокровища. Многочисленные государственные, частные и религиозные организации ищут их с тех пор. Вся сложность заключается в том, что за две тысячи лет, прошедшие с того времени, приметы, на которые ссылаются рукописи, перестали существовать. Реки переменили свои русла или исчезли, озера давно высохли и заросли кустарником, на месте леса раскинулась пустыня и т. д. Вот почему искатели кладов отложили пока традиционные заступы и вооружились чертежными досками, пытаясь восстановить внешний вид местности, существовавшей две тысячи лет назад...

Еще одно известное предание о сокровищах. 5 октября 1307 года по приказу французского короля Филиппа Красивого был запрещен Орден тамплиеров, членов его арестовали. Что бы представить себе, какими несметными богатствами владела эта организация, достаточно вспомнить, что Ордену принадлежало свыше девяти тысяч замков. Предупрежденный заранее, великий магистр успел спрятать драгоценности, которыми владел Орден. Палачи короля тщетно изощрялись в самых чудовищных пытках: ни грамма золота, принадлежавшего Ордену, так и не попало в королевскую казну. Сокровища тамплиеров не найдены до сих пор.

Столь же безрезультатно вот уже более 450 лет продолжаются поиски золота инков. В 1532 году, когда испанцы захватили в плен верховного инку Атахуальпу, они потребовали от его подданных фантастического по размерам выкупа. По приказу Атахуальпы к городу Куско со всех концов страны двинулись индейцы с семьюдесятью тысячами нош золота. Не дождавшись выкупа, нетерпеливые испанцы убили Атахуальпу. Золото, которое все еще было в пути к резиденции Атахуальпы, тотчас же исчез-

ло. Бесследно пропали семьдесят тысяч нош, надежно спрятанных от алчных конкистадоров. В том числе и золотая цепь, которую видело немало людей и поднять которую могли якобы только двести человек. Индейцы один за другим умирали под пыткой, не открывая тайну.

До сих пор был найден только один клад инков, и то случайно, когда в 1766 году на него наткнулся какой-то испанец.

Да, только случай открывал порой сокровище, к которому не вело никаких иных путей. Сколько людей долгие годы безуспешно искали золотые клады, спрятанные предводителем гуннов Аттилой! Но один из них неожиданно нашла венгерская крестьянка, всего несколько лет назад. Пася гусей, она стала разгребать клюкой землю и сухие листья, как вдруг из-под них что-то блеснуло. Это было золото...

Можно взять примеры и из более близкого исторического прошлого. Один из приближенных Гитлера утверждал, что за пять месяцев до капитуляции фашистской Германии фюрер заявил в узком кругу: «Мы окончательно побеждены... Будущая война уничтожит Европу в течение одного дня. Если наш народ избежит истребления, именно ему предстоит подхватить факел цивилизации и воссоздать западную элиту. Я хочу оставить сокровища для возрождения будущего великого рейха».

Неизвестно, говорил ли это Гитлер, до последней минуты продолжавший надеяться на «секретное оружие» и на внезапный перелом в ходе войны. Но зато достоверно известно, что гитлеровцы действительно прятали награбленные ими сокровища. И не только в швейцарские банки... Прятали в горах, в пещерах, на дне озер, зарывали в землю. Это породило множество детективных историй...

В 1946 году бывший лейтенант вермахта Франц Готтлиб имел неосторожность рассказать некоему журналисту о золоте, зарытом в районе города Ленда.

— Я утверждаю, что оно находится там! Всего было тридцать ящиков, их зарыли русские военнопленные. Но они уже не проговорятся!

Разговорчивость лейтенанта оказалась пороком, за который ему пришлось заплатить дорого, возможно, жизнью. Через несколько дней после этого заявления он бесследно исчез. Так же бесследно исчезли еще несколько человек, имевшие отношение, как выяснилось, к золоту рейха.

Время от времени в западной печати появляются сообщения о странных убийствах в районах, где, как предполагается, был зарыт клад Гитлера. Убитыми оказываются люди, рискнувшие заняться его поисками.

Таким же ореолом глубокой тайны и смерти по сей день окутано все, что относится к золоту главнокомандующего гер-

манскими войсками в Северной Африке Роммеля. Шесть тяжелых ящиков, доставленных под усиленной охраной 8 мая 1943 года в Бизерту и затем бесследно исчезнувших, по сообщениям печати, уже стоили жизни нескольким искателям сокровищ. Одни исчезали при странных обстоятельствах, других находили убитыми.

Можно предполагать, что немало спрятанных, а часто и потерянных сокровищ находится и на территории нашей страны. Каждое нашествие, восстание или война оставляли под землей многочисленные следы в виде кладов. Некоторым из этих находок посвящены статьи специальных изданий: «Два клада сельджукских монет»; «Находки римских динариев в Курской и Воронежской областях»; «Баратынский клад византийских серебряных монет»; «Клад серебряных куфических монет, найденных в совхозе Соболево» и т.д.

Некоторые из этих кладов имеют неоценимое научное значение. Так, в одном из курганов в Казахстане было найдено неразграбленное захоронение «золотого человека». Полностью сохранились его шлем и одежда из чистого золота. Это оказались очень красивые и изящные изделия. Но намного дороже найденного золота были знания о далеких временах, принесенные ими мировой науке.

Если продолжить этот список, он, несомненно, намного превысил бы размеры этой главы. Но, пожалуй, более обширен другой список — перечень кладов, которые так и не были обнаружены. Это и легендарный клад разбойника Кудеяра, спрятанный где-то на Волге, и клад Степана Разина, и лодка с серебром, зарытая Пугачевым в Пензенской области на реке Мокше. А клад Наполеона — целые подводы золотых и серебряных вещей, якобы брошенных в озеро во время отступления «великой» армии!

Другие клады были зарыты при более сложных обстоятельствах.

В годы первой мировой войны казачий полковник Икатуров отнял у турецких войск бесценное церковное имущество, награбленное ими в христианских монастырях и храмах: золотые оклады икон, монеты, бриллианты (от 70 до 80 каратов!) и т. д. Но военное счастье переменчиво. Через несколько дней отряд Икатурова сам оказался окруженным турецкими войсками в горах и почти весь погиб. Чтобы спасенные сокровища не достались врагу, полковник в двух больших тюках зарыл его на склоне горы.

Клад Икатурова пытались искать не раз. В 1933 году в тот район была направлена специальная английская экспедиция. Повторно экспедиция должна была состояться в 1939 году, но началась вторая мировая война.

Так же безвозвратно потерянной оказалась и золотая казна русской армии, зарытая в годы первой мировой войны где-то в районе Каунаса.

В поисках сокровищ, в поисках кладов, безусловно, есть свой азарт. Недаром многие произведения приключенческой литературы посвящены этому. Вспомним «Остров сокровищ» Р. Л. Стивенсона, «Копи царя Соломона» Р. Хаггарда. Те, кто решился вступить в эту опасную игру, шли на любые трудности, на риск, иногда даже на смерть.

Во имя чего? Может, ради того, чтобы спасти чью-то жизнь? Совершить великое открытие? Принести людям радость, излечить больных, накормить голодных?

Нет. К сожалению, нет. Помыслы и надежды, которые владели этими людьми, меньше всего можно назвать бескорыстными. Они стремились к одному — к богатству. Вместо того чтобы скупать акции или торговать недвижимостью, как делали другие, они искали кратчайших путей и самых быстрых способов к обогащению.

Почему же тогда, несмотря ни на что, люди эти все-таки симпатичны нам? Дело в том, что обычно образ их приходит к нам, будучи преломлен сквозь призму художественной литературы. Искатели кладов, охотники за сокровищами были людьми не только мужественными и целеустремленными, настойчивыми и смелыми, но и алчными, жестокими, нередко лишенными принципов. Такой образ во всей его полноте не мог вызвать читательских симпатий. Поэтому на страницах книг он претерпевает облагораживающее воздействие писательского пера — отрицательные черты затушевываются или исчезают, положительные черты выступают на первый план. Так появляется чисто литературный охотник за кладами, а вместе с ним миф о подвигах и благородных приключениях кладоискателей.

Золото алхимиков

Возникнув в III веке нашей эры в Египте, алхимия получила широкое распространение значительно позднее. Главной целью алхимии было получение философского камня. Считалось, что если к серебру или ртути подмешать немного философского камня, а потом смесь эту как следует нагреть, она превратится в чистое золото. В это верили такие выдающиеся ученые, как Авиценна, Фрэнсис Бэкон, Лейбниц, Спиноза.

Владыки светские и владыки духовные тайно состязались в своем стремлении приобщиться к умению искусственного изготовления золота. Р. Бэкон, находившийся в двадцатилетнем одиночном заключении, по требованию папы пишет для него,

лично для него, трактат о философском камне. Подобные же сочинения для папы Бенедикта XI составляет алхимик Арнольд де Вилланова. А папа Иоанн XXII, также интересовавшийся искусственным изготовлением золота, сам пишет труды, посвященные этому предмету.

Уверенность в том, что искусственное получение золота реально и вполне достижимо, была столь велика, что английский король Генрих VI, при дворе которого многие алхимики бились над этой задачей, обратился даже со специальным посланием к подданным. В послании он заверял их своим королевским словом, что близок день, когда в его лабораториях будет получен философский камень, и тогда он выкупит все закладные своих подданных и выплатит все их долги чистым золотом.

Один из авторов XVII века писал: «...Почти все люди, как низкого, так и высокого состояния, желают учиться науке химии только для того, чтобы чрезвычайно обогатиться. Вот почему знатные господа и вельможи употребляют свои достатки, побуждаемые алчным желанием к снисканию еще больших. Они не гнушаются разгребать уголья, так что иной знатный и богатый вельможа на кузнеца походит. А из своих деревень они настолько успешно добывают квинтэссенцию, что вскоре разоряются и впадают в меланхолию... Другие, низшего состояния люди, оставляют свое ремесло и пытаются сделаться химиками, но, ничего не достигнув, просят милостыню».

Трудно представить себе, чтобы подобное увлечение в такой степени могло охватить множество людей, если бы не было каких-то подтверждений этой веры.

Известный голландский ученый Ян Баптист ван Гельмонт (1579—1644) в одном из своих сочинений писал о философском камне, который ему якобы несколько раз случалось держать в руках. По его словам, это был порошок цвета шафрана. «Однажды мне была дана 1/4 грана (граном я называю 1/600 часть унции). Я соединил эти четверть грана, завернутые в бумагу, с 8 унциями ртути, нагретой в реторте. И сразу же вся ртуть с шумом застыла, перестав кипеть. После того как все остыло, осталось 8 унций и немного меньше 11 граммов чистого золота».

В другом своем сочинении Гельмонт описывает, как несколько раз превращал подобным же образом ртуть в золото при помощи крупиц философского камня. «Я делал эти превращения собственной рукой при помощи одного грамма порошка на 1000 граммов горячей ртути, и опыт увенчался успехом на огне, как и описывалось это в книге, к величайшему восторгу всех, кто стоял вокруг меня...»

Гельмонт признается, что состав философского камня

так и остался неизвестен ему. Оба раза он получал его из рук человека, которого не знал.

Эпизод этот перекликается с историей, которую рассказывают об Иоганне Фредерике Гельвеции, не менее известном враче и ученом XVII века. Гельвеций утверждал, что в 1666 году его посетил некий незнакомец, обнаруживший высокие познания. Уходя, он оставил несколько крупиц порошка, служащего для превращения металлов. На следующий день Гельвеций ожидал, как было условлено, прихода незнакомца, но тот так и не появился. Тогда Гельвеций, решив, что это был какой-то проходимец и лжец, и желая удостовериться в этом, растопил, как было сказано ему, 6 драхм олова и в присутствии сына и жены высыпал туда полученный порошок. «Когда состав остыл,— писал сам Гельвеций,— он сиял, как золото. Мы немедленно отнесли его к ювелиру, который сразу сказал, что это самое чистое золото из всех проб, когда-либо попадавшихся ему, и тут же предложил заплатить за него по 50 флоринов за унцию».

Когда об этом случае стало известно Баруху Спинозе, философ лично разыскал ювелира, купившего это золото, который подтвердил рассказ. «После этого,— писал Спиноза в одном из писем,— я отправился к самому Гельвецию, который показал мне и самое золото и плавильник, изнутри еще покрытый золотом».

Известный алхимик Александр Ситоний, умирая после пыток, передал своему ученику, поляку Сендзивому, некоторое количество философского камня. Правда, при этом он также не открыл секрета его изготовления. При помощи нескольких крупиц этого камня Сендзивый совершил якобы ряд превращений при дворе Сигизмунда III в Кракове. Во всяком случае, некоторые из современников утверждали, будто бы это было сделано. Вскоре Сендзивый был приглашен в Прагу, где передал немного оставшегося состава императору Рудольфу II. Посредством этого состава император лично совершил превращение ртути в золото. Однако, когда весь имевшийся у него запас порошка вышел, августейший ученик алхимика не мог уже ничего сделать и не совершил ни одного превращения.

Столетием позже, в 1705 году, алхимик Пейкюль в присутствии известного ученого-химика Гирна и многих свидетелей якобы совершает превращение неблагородных металлов в золото. В память о событии из полученного золота была выбита медаль.

А впервые такая медаль была выбита в 1648 году, когда император Фердинанд III при помощи порошка, полученного им от алхимика Рихтгаузена, как утверждали, собственноручно получил из ртути золото. На одной стороне медали поместили

изображение Меркурия как символа совершившегося превращения.

Еще в 1797 году медаль эту можно было видеть в венском казначействе, где она хранилась.

Арнольд де Вилланова, о котором мы уже упоминали, «искусный врач и мудрый алхимик», по свидетельству современников, также изготовлял золото и раздавал его бедным.

С тайной искусственного получения золота связана и загадка Николая Фламеля, парижского переписчика книг. Звучит эта история так. В каком-то из забытых собраний рукописей Фламелю попался как-то древний фолиант. Долгие годы он пытался разобраться в нем, но многие знаки и символы оставались ему непонятными. Он советовался со знающими людьми, предусмотрительно показывал им не всю книгу, а лишь отдельные фразы и знаки, которые он выписывал на листке. Эти упорные, но безуспешные поиски продолжались двадцать один год, пока его жена не посоветовала ему поговорить с каким-нибудь ученым раввином. Однако это оказалось нелегким делом. Задолго до Фламеля волею короля Филиппа II Августа все евреи были изгнаны из Франции.

Фламелю пришлось ехать в Испанию, где он провел два года в поисках нужного человека. Наконец ему удалось найти одного ученого — знатока древнеиудейской символики и мистики. Едва услышав об этой книге, тот оставил все и вместе с Фламелем отправился в дальний путь. «Наше путешествие,— писал позднее сам Фламель,— было благополучным и счастливым. Он открыл мне истинный смысл большей части символов и знаков, в которых даже точки и черточки имели величайший тайный смысл...» Однако, не доезжая до Парижа, в Орлеане ученый раввин заболел и вскоре умер, так и не коснувшись древней книги.

Призвав на помощь все, что удалось ему узнать, Фламель вернулся к своим занятиям и опытам, которые 17 января 1382 года увенчались торжеством. В этот день ему якобы удалось впервые получить серебро из ртути. А через несколько месяцев Фламель таким же путем будто бы смог изготовить первые образцы чистого золота.

Как бы то ни было, но известно, что вскоре после этой даты безвестный переписчик книг становится одним из самых богатых людей Франции. Этот факт никто не пытался опровергнуть. Неподалеку от своего дома он строит ставшую знаменитой церковь, а затем еще семь по всей стране. На свои средства он построил и содержал приюты для бедных и четырнадцать больниц.

Огромные суммы жертвовал Фламель в пользу бедняков и богаделен. Еще в XVIII веке казначейство раздавало на

парижских улицах милостыню из сумм, которые были завещаны Фламелем.

Естественно, что этот поток золота, излившийся из рук человека, только вчера бывшего бедняком, озадачил власти. Карл VI повелел королевскому сборщику податей Крамуази тщательно расследовать все обстоятельства, связанные с этим внезапным богатством. Какие доказательства представил Н. Фламель, осталось неизвестно, однако после этого власти уже ни разу не беспокоили его никакими расследованиями.

Умер Фламель в 1419 году. Несколько веков спустя, в 1816 году, дом, где он жил когда-то, был куплен одним из искателей сокровищ. Новый владелец обыскал буквально каждый сантиметр стен, пола, потолка в поисках золота, которое мог спрятать Фламель. Однако Фламель, очевидно, не счел нужным делать это. Для кого стал бы он прятать золото? Наследников у Фламеля не было, и, умирая, все свое состояние он завещал бедным.

Хроники рассказывают об известном алхимике Раймонде Люлле, приятеле и сподвижнике Арнольда де Виллановы. Во время пребывания в Англии по просьбе Эдуарда III он якобы изготовил тысячу фунтов золота для крестового похода. Другой алхимик, Джордж Рипл (XV в.), личный друг папы Иннокентия VIII, одного из самых ученых людей своего времени, в 1460 году пожертвовал Мальтийскому ордену несколько тысяч фунтов стерлингов золотом. По тем временам сумма эта была астрономическая. Появление ее у простого алхимика было не менее фантастично, чем изготовление золота в тигле.

Правители, для которых золото являлось средством упрочения их власти, не были равнодушны ни к алхимикам, ни к их тайным занятиям. Исторические хроники утверждают, будто английский король Генрих VI и французский Карл VII именно с помощью алхимиков спасли пошатнувшееся было финансовое положение своих стран.

Слухи об изготовлении алхимиками золота приносили им популярность, которой, впрочем, не было причин радоваться. По всей Европе, да и по всему Востоку, за алхимиками началась настоящая охота. Так охотились бы за курами, которые бы несли золотые яйца. Щедрыми наградами или силой каждый правитель старался заполучить себе человека, владеющего тайной изготовления золота. В этом отношении характерна судьба одного из алхимиков XVI века Александра Ситония.

Интересное свидетельство о личном знакомстве с ним мы находим в книге известного ученого того времени профессора Вольфганга Дейнхейма. Он познакомился с Ситонием случайно по дороге из Рима в Германию. «Это был человек исключительно одухотворенной внешности, высокий, худощавый, с румянцем

на лице. Он носил бородку на французский манер, одет был в платье из черного сатина, и его сопровождал только один слуга, которого легко можно было заметить по рыжему цвету волос и бороды».

Дорога в то время занимала много дней и недель, и два ученых были рады обществу друг друга. Профессор, не зная, кто перед ним, всю дорогу ругал алхимиков и алхимию, которую считал лженаукой. Ситоний уклонялся от спора, когда же они прибыли в Базель, сказал:

— Я думаю, что лучше всех слов, которые я мог бы противопоставить вам, будет факт. Поэтому не откажитесь присутствовать при опытах, которые я проведу специально для вас.

Самым замечательным в последовавших опытах было то, что Александр Ситоний, дабы устранить всякое основание для скепсиса, не притрагивался ни к чему и даже не подходил к ретортам. Стоя на расстоянии, он давал различные указания своему скептически настроенному спутнику и его не менее скептическому помощнику, а те их старательно выполняли.

Не веря своим глазам, присутствующие увидели наконец, что после сложных манипуляций реторта, с которой проводился опыт, более чем наполовину оказалась наполненной золотом. Приводя этот эпизод, участником которого был он сам, профессор Дейнхейм писал в своей книге, что готов подтвердить достоверность свершившегося самой страшной клятвой.

Правда, в те времена существовало поверье, будто золото алхимиков редко приносит счастье. То, что это так, как нельзя лучше видно на судьбе самого Ситония.

Будучи в Страсбурге, он с разрешения известного ювелира Густенховера какое-то время работал в его мастерской, выполнявшей функции своего рода лаборатории. В благодарность Ситоний якобы дал ему немного философского камня, при помощи которого тот в присутствии самых видных представителей города совершил несколько превращений.

Весть об этом разнеслась быстро, и вскоре в Страсбург торжественно прибыла делегация от чешского императора Рудольфа II. Император приглашал ювелира повторить этот опыт при его дворе. Густенховер прибыл в Прагу и там у всех на глазах совершил несколько превращений еще раз, якобы израсходовав при этом весь запас бывшего у него философского камня.

Как нетрудно догадаться, монаршие милости, которыми Рудольф II осыпал было ювелира, сменились гневом, едва тот стал уверять, что не знает рецепта подаренного ему состава. Чувствуя приближение беды, Густенховер попытался бежать из дворца, но стража, расставленная повсюду, имела уже приказание не выпускать его. Все оставшиеся годы жизни Густенхо-

вер провел в подземелье, прикованный цепью к стене. Он мог обрести свободу, только выдав тайну. Тайну, которой не знал.

Казалось бы, этот случай должен был послужить предостережением самому Ситонию. Но тот продолжал свои занятия и эксперименты как ни в чем не бывало. Он посетил Дрезден, побывал в Гамбурге, Мюнхене. И повсюду, как тень, следовали за ним какие-то люди, которые таились, прятались, а когда он уезжал, старательно собирали осколки разбитых колб, обрывки его бумаг и т. д. Один из друзей стал призывать его к осторожности, однако Ситоний горько усмехнулся:

— Если мне суждено будет попасть в руки какого-нибудь правителя, я скорее тысячу раз приму смерть, чем открою тайну.

И он сдержал свое слово.

Как-то Ситоний имел неосторожность прибыть по приглашению курфюрста Саксонии Христиана II в его владения. Дальше все происходило по ставшей привычной схеме: сначала внимание и величайшие почести, потом тюрьма и пытка. Ситоний умер в 1604 году в застенке. Тайна его исчезла из жизни вместе с ним.

Случалось, однако, что репутация людей, умеющих делать золото, которая нередко приводила алхимиков за решетку, оказывалась ключом, открывавшим им дверь из темницы.

Во второй половине XVI века два путешествующих алхимика — Э. Келли и Ди — были схвачены по приказу императора Максимилиана II и брошены в тюрьму, где им надлежало находиться, пока они не откроют тайны получения философского камня. Максимилиан не учел, правда, того, что стремление к обогащению свойственно не только императорам. Тюремщики, узнав, кто такие их молчаливые узники, выпустили их на свободу, прельщенные надеждами на золото из реторты.

Но этот случай не научил алхимиков ни осторожности, ни благоразумию. Вскоре после приключения, описанного выше, склонившись на лестные приглашения Рудольфа II, Келли прибыл в Прагу и согласился стать придворным алхимиком императора. В первые же дни ему был пожалован титул маршала Богемии вместе с приличествующим этому званию мундиром и знаками отличия.

Это было тем самым хорошим началом, которое предвещает обычно плохой конец. Келли отказался открыть императору секрет философского камня и, как следовало ожидать, был заключен в тюрьму. Зная участь своих предшественников, Келли понимал, что его ждет. Он стал действовать через друзей, оставшихся на свободе. Благодаря их стараниям в судьбе алхимика неожиданное участие приняла английская королева Елизавета. Дело в том, что Келли был англичанином и подданным ее величества. На основании этого королева потребова-

ла от чешского императора его освобождения, и алхимик сделался объектом переписки двух монархов.

Оказалось, однако, что ничто не могло принести ему большего вреда, чем заступничество королевы. Чем больше настаивала она на освобождении алхимика, тем более убеждался Рудольф, что это неспроста и что узник, которого он заполучил, многого стоит. Император приказал перевести Келли в башню и удвоить караулы. Впрочем, не было, очевидно, таких башен и таких замков, которые нельзя было бы открыть золотом. И снова главную роль сыграло даже не само золото, а лишь его отблеск в будущем, в том будущем, когда Келли окажется, наконец, на свободе и сможет щедро вознаградить своих избавителей.

Но на этот раз Келли не повезло. Не повезло последний раз в жизни. Темной, безлунной ночью, спускаясь по веревочной лестнице из окна своей башни, он сорвался вниз и разбился насмерть.

Занятия алхимией были сопряжены с величайшим риском, и жизнь алхимика походила обычно на авантюрный роман. Роман, увы, не всегда со счастливым концом. Многим из искавших золото на темных путях тайных наук не удавалось избежать печальной участи. Для этого нужно было обладать не только значительной долей мужества и хитрости, но и везением. Стоит привести в этой связи исполненный железной логики ответ одного алхимика Леопольду II: «Если я в самом деле умею делать золото, то не нуждаюсь в императоре. А если я не умею делать золото, то он не нуждается во мне».

Вот почему величайшую предусмотрительность проявил Моренн — ученик известного философа александрийской школы Адфара. Утверждают, будто ему, будучи при дворе султана Калида в Каире, удалось убедить султана и его приближенных в том, что он обладает тайной превращения металлов. Более того, в их присутствии он якобы совершил несколько превращений простых металлов в золото. Но, умудренный печальным опытом других алхимиков, не дожидаясь монарших милостей, Моренн тут же поспешил бежать из дворца и скрыться. Многолетние попытки султана найти его, огромная награда, которая была обещана Моренну, ничего не дали. Ученый не польстился на приманку, и ловушка осталась пуста.

Иначе сложилась судьба известного ученого Востока ар-Рази, жившего в X веке.

Ар-Рази много путешествовал и обрел большую известность как врач и человек, занимающийся алхимией. Он же написал трактат о преобразовании металлов, который имел несчастье посвятить своему другу Альмансуру, эмиру хоросанскому.

Эмир окружил ученого уважением и почетом, гордясь, что

знаменитый ар-Рази украсил своим блистательным присутствием его двор. Все было прекрасно до того дня, когда распаляемый любопытством эмир пожелал лично наблюдать превращение металлов в золото. Для этой цели волей эмира была воздвигнута специальная лаборатория со всеми необходимыми инструментами, оборудованием и, самое главное, с особым помостом для высоких посетителей.

В назначенный день и час эмир в сопровождении приближенных и сановников явился к ученому. Лица у посетителей были непроницаемы и надменны. Они заняли места на коврах перед большим очагом, на котором быстрые и безмолвные помощники ар-Рази расставляли уже какие-то тигли и реторты.

Жестом фокусника ар-Рази показал присутствующим пустой сосуд, который тут же у всех на глазах наполнил ртутью. Сосуд поставили на медленное пламя и начали попеременно добавлять в него то серу, то цинк, то олово, несколько раз его снимали с огня и охлаждали, затем снова ставили на огонь. Это продолжалось довольно долго. На лицах царедворцев по-прежнему не было ни интереса, ни досады, ни разочарования. Единственным человеком, который мог бы позволить себе выражать эмоции, был сам эмир. А он настолько был поглощен опытом, что, казалось, забыл о времени.

Но вот наступил наконец момент, когда тяжело и глухо клокотавшая в закрытом сосуде ртуть должна была превратиться в чистое золото. Так гласила древняя рукопись, которой пользовался ученый. Прежде чем открыть сосуд, ар-Рази еще раз мысленно проверил себя, все ли он сделал, в той ли последовательности. Да, все было правильно.

Он поднял крышку. В сосуде плескалась ртуть.

Эмир гневно поднялся. Напрасно ученый умолял его остаться, он повторит опыт, произошла какая-то ошибка... Эмир не слушал его и направился к дверям. Это послужило сигналом. Абу-Бекр, начальник охоты эмира, ударил старика первым. Через секунду цветные, расшитые золотом халаты сбились в одну кучу. Каждый хотел хотя бы раз ударить или пнуть ногой вчерашнего любимца эмира. Этот день перечеркнул всю жизнь и труды ученого. Выгнанный из дворца, ослепший от побоев, он кончил свои дни в нищете и забвении.

Но ар-Рази был не просто одним из многих мечтателей, тщетно искавших золото на дне реторт и пробирок. Его имя дошло до нас как имя одного из крупнейших ученых своего времени. Сейчас, тысячу лет спустя, написанная им «Книга тайны тайн» переведена на русский язык и издана Академией наук.

О каких же тайнах рассказывает она? Увы, она говорит о том, что сегодня можно прочесть в любом школьном учебнике

химии: о способах получения поташа, перегонки медного купороса и т. д. Тем не менее в свое время эти знания составляли секрет, и название сочинения ар-Рази «Книга тайны тайн» далеко не случайно.

Скрывая свои знания от непосвященных, ученые прошлого нередко облекали их в форму условных фраз. Много ли можно, например, понять из следующей фразы, взятой из книги уже знакомого нам Фламеля: «Знайте все, путешествующие на Востоке, что если Марс в блестящем своем вооружении бросится в объятия Венеры, растаявшей от слез, то он вскоре покраснеет»?

Но эта кажущаяся бессмыслица обретает значение, если раскрыть тайный алхимический смысл некоторых символов. Знаком солнца алхимики обозначали золото. Солнце встает на Востоке, поэтому фраза «путешествующие на Востоке» означает «ищущий золото». Символом планеты Марс обозначалось железо, Венеры — медь; слезы — жидкий раствор. Следовательно, приведенный отрывок расшифровывался так: «Знайте, алхимики, если отполировать кусок железа и окунуть его в раствор меди (медного купороса), то железо приобретает красный цвет».

Ученые скрывали свои знания еще и потому, что всеобщее увлечение алхимией породило великую армию обманщиков. Впрочем, это закономерно: каждая большая идея имеет не только своих мучеников и героев, но и неизбежных прихлебателей и шарлатанов. Вот почему, когда одни проводили жизнь у реторт и печей, ставили сотни экспериментов, другие не менее настойчиво искали окольных путей к успеху.

Для обмана существовало много способов. Например, чтобы «превратить» свинец в золото, брали золотой слиток, предварительно покрытый свинцом. При нагревании свинец расплавлялся, и перед изумленными взорами представало золото. Иногда устраивали тигли с двойным дном. Прятали кусочки золота в деревянные палочки, которыми время от времени помешивали расплавленный свинец или ртуть. Золото, появившееся в сосудах, было доказательством того, что превращение металлов произошло...

В прошлом веке в Москве объявился некий врач, проживавший, как говорили тогда, «в глуши, в Сокольниках». Он привлекал к себе богатых москвичей тем, что под величайшим секретом сообщал им, будто нашел средство делать золото, и получал от них значительные суммы на алхимические опыты. Когда же в конце концов опыты эти, как и следовало ожидать, не увенчались успехом, он объяснил это следующим образом:

— Нам недостает только одного растения, которого не найдешь в России.

— А какое это растение?

— Баранец.

— Что это за баранец?

— Дерево, которое пищит, как ребенок, когда на заре вытаскивают его корни.

— А где можно его найти?

— В Азии, на горах.

Было решено организовать экспедицию «в Азию, на горы». На это легковерными москвичами было ассигновано десять тысяч рублей. Только то обстоятельство, что за свои опыты доктор был сослан в Сибирь, помешало состояться экспедиции за растением, «которое пищит».

Некоторые из подобных искателей золота искренне полагали, что жабы, змеи и ящерицы питаются философским камнем, который они якобы усваивают из росы, дождевой воды и воздуха. Для того чтобы добыть из них искомый камень, несчастных тварей сажали на строгую диету, состоявшую из росы, дождевой воды и воздуха, а потом перегоняли на огне. Нетрудно понять горестное разочарование одного из представителей этого направления, который в поисках философского камня проделал, по его словам, следующее: «Я собрал жидкости, вытекающие из носа, мочи и плевков, каждой по фунту, смешал все вместе и сложил в реторту, чтобы извлечь из них квинтэссенцию. Я сделал из нее твердое вещество, которое применил к превращению металла. Но не достиг ничего!»

Алхимика, подвизавшегося при дворе и уличенного в обмане, обычно вешали, как фальшивомонетчика, на позолоченной виселице и в одеждах, усыпанных блестками.

Если же он не был уличен в обмане, считалось, что он действительно обладает тайной философского камня, и тогда его ожидал застенок.

Это был замкнутый круг, и попавшие в него, имевшие смелость (или безумие) избрать опасное ремесло алхимика, могли сойти с круга, только пройдя эшафот или камеру пыток.

Не всякое заблуждение знало столько людей, отдавших за него жизнь, сколько алхимия. В 1483 году Луис фон Неус умер в тюрьме в Гамбурге за отказ открыть тайну философского камня. В 1575 году герцог Люксембургский в железной клетке сжег заживо женщину-алхимика Марию Зиглерин за то, что та не сообщила ему состава философского камня. В 1590 году алхимик Брагадино был повешен в Мюнхене, в 1597 году Георг Гонауэр — в Вюртемберге, Кронеманн — в Пруссии, Келттенберг — в Польше и т. д.

Уже Юлий Цезарь приказал сжечь все алхимические тексты на территории Римской империи. Занятие алхимией было предано проклятию католической церковью. Алхимия официально

была запрещена в Англии, Франции, на территории Венеции. Французского химика Жана Барилло казнили только за то, что он изучал химические свойства элементов и имел лабораторию.

Но, несмотря на все запреты, казни и неудачи, эта тайная и опасная игра не прекращалась.

Еще в прошлом веке во Французскую академию наук поступали разного рода проекты по искусственному превращению металлов в золото. Этой задачей продолжали заниматься, причем не только во Франции и не только беспочвенные мечтатели и фантазеры. Великий Эдисон и известный изобретатель Никола Тесла, уединившись в лаборатории, многие дни проводили какие-то тайные опыты. Ни один из сотрудников не знал, чем они заняты. Чтобы уберечься от досужего любопытства, ученые тщательно зашторивали окна лаборатории, а когда уходили, Эдисон сам внимательно проверял замки на дверях. Увы, величайший соблазн не обошел и их: Эдисон и Тесла пытались достичь того, что тщетно пытались сделать до них многие поколения алхимиков,— превращения других металлов в золото. При помощи рентгеновской установки с золотыми электродами они облучали тонкие пластинки серебра. А в то время, когда, отложив все другие дела и опыты, они предавались этим экспериментам, в Балтиморе профессор Ира-Рамсен сооружал аппарат для «молекулярных превращений одних металлов в другие»...

И вот пришел день, когда всем ожиданиям суждено было, казалось, сбыться. В 1896 году известному американскому химику Кэри Ли удалось изготовить из серебра желтый металл, по внешнему виду весьма напоминавший золото. Хотя химические свойства его оставались теми же, что у серебра, как говорил сам Ли, не все может быть достигнуто сразу.

Действительно, уже через год на первых своих страницах газеты сообщили, что искусственное золото наконец получено. Имя человека, который якобы сделал это, пользовалось доброй репутацией среди ученых и изобретателей: Стефен Эмменс — химик, автор многих серьезных научных публикаций и ряда открытий. Одно из его изобретений — взрывчатое вещество эмменсит — с интересом изучало военное министерство. Эмменс был не случайным человеком в науке, его слова имели вес. Поэтому его заявление о том, что им открыт способ превращения серебра в некий металл, названный им аргентаурум, практически неотличимый от золота, вызвало большой резонанс. Три слитка этого металла после скрупулезной проверки испытательной лабораторией Соединенных Штатов были затем куплены по цене золота.

В ответ на требование газет открыть секрет изготовления золота Эмменс заявил, что такой акт подорвал бы золотой ба-

ланс и для многих превратился бы в катастрофу. Однако он согласился выступить с публичной демонстрацией своих опытов на Всемирной выставке в Париже в 1900 году. Но, как известно, он так и не появился там. Эмменс внезапно исчез. История эта не имела никакого продолжения. Нашлись ли люди, которым инициатива доктора Эмменса показалась слишком опасной, и решили ли они откровенно убрать его, попытались ли они перед этим вырвать у него его тайну — всего этого, вероятно, мы не узнаем никогда.

Точно так же мы едва ли когда-нибудь узнаем, какая участь постигла эксперименты немецкого профессора Адольфа Миетхе, сделавшего в 1924 году заявление для прессы о том, что он нашел способ превращения ртути в золото. Пользуясь своим методом, профессор якобы неоднократно получал чистое золото в своей лаборатории. Следует добавить, что вскоре подобное же известие пришло от японского профессора Нагаоки (Институт физических и химических проблем, Токио).

Казалось бы, чем значительнее развитие науки, тем яснее должна была бы становиться вся мера заблуждений прошлого. Чем же объяснить тогда этот ренессанс алхимии? Почему в перечне тех, кто решил ступить на сомнительную тропу охотников за золотом, мы видим имена даже великих ученых?

Время, когда это происходило, было временем великих надежд в науке. Люди только что научились летать, в их жизнь входило электричество и радио, первые автомобили заполнили улицы городов. Не удивительно, что многим представлялось тогда, будто наука всемогуща и нет проблемы, которой она не могла бы решить. Постепенно на смену такому взгляду пришел другой, более реалистический. Но все-таки дань этим безбрежным ожиданиям воздали многие, и среди них, как видим мы, и ученые.

Значит ли сказанное, что вековые устремления алхимиков были бессмысленны, а все усилия их тщетны? Ни в коей мере. Алхимики искали не только философский камень, но и эликсир долголетия, и универсальный растворитель, и т. п. То есть круг их поисков был весьма широк. А в процессе этих поисков им удавалось, во-первых, открывать новые приемы лабораторной техники (перегонка, возгонка и др.), а во-вторых, получать новые очень важные для человечества продукты, в том числе краски, металлические сплавы, кислоты, лекарства и т. д.

В чешском фильме «Пекарь императора» император спрашивает у придворного алхимика: «Ну как, удалось получить философский камень?» — «Нет еще, ваше величество,— отвечает алхимик,— но я изобрел великолепную мастику для полов...» Алхимия была закономерным донаучным направлением в развитии химии.

* * *

Последовательность нашего рассказа может быть представлена как серия сужающихся концентрических окружностей. Сначала мы говорили о тех, кто искал легендарную золотую страну Эльдорадо. Круг их поисков был огромен, он охватывал дальние страны и материки, которых не было еще на карте.

Этот круг значительно сузился, когда речь зашла об охотниках за сокровищами. Теперь он не превышал развалин какого-нибудь замка или древней гробницы.

И наконец, алхимики. Круг их поисков ограничивался уже овалом реторты, каплей расплавленного золота на дне тигля. Этой золотой точкой, находящейся как бы в центре разбегающихся кругов, мы и завершим наш рассказ об одном из величайших безумий, выпавших на долю человечества,— безумии золота.

Алхимики, охотники за сокровищами, те, кто искал золотую страну Эльдорадо, часто верили, что идут по забытым следам некогда потерянных знаний. Для этой веры у них были свои основания: слишком многое из открытого древними было утрачено позднее и забыто. Что-то случайно, другое сокрыто преднамеренно, третье уничтожено вместе с рукописями и библиотеками, преданными огню.

ПОТЕРЯННЫЕ ЗНАНИЯ

Сожженное прошлое

О них сохранилась только память. Даже горсти пепла не осталось от обширнейших библиотек и книгохранилищ древнего мира.

Считается, что в библиотеках и архивах Карфагена хранились сотни тысяч различных рукописей и книг. Сколько же из них уцелело? Только одно-единственное произведение, которое было переведено на латинский язык. Одно из сотен тысяч. Римляне сожгли все.

Сейчас, производя раскопки на том месте, где некогда был Карфаген, археологи находят тысячи надписей. Но ни одной рукописи, ни одной книги.

Завоеватели старались прежде всего уничтожить прошлое народа, его историю. Отнимая у народа прошлое, они как бы лишали его и будущего. Поэтому путь завоевателей всегда бывал отмечен пожарищами библиотек и книгохранилищ. Подобно римлянам в Карфагене, воины ислама беспощадно уничтожали

библиотеки своих врагов. Мехмед II во время взятия Константинополя в XV веке приказал побросать в море все книги, которые хранились в церквях и обширной библиотеке Константина, насчитывавшей более 120 000 рукописей.

Однажды эмиру Абдуле, который правил в Хорасане, принесли какую-то редкую рукопись. Человек, доставивший ее во дворец, рассчитывал на щедрое вознаграждение. Однако награды не последовало. Абдула повелел, чтобы отныне его подданные вообще не читали никаких книг, кроме Корана. Все другие книги и рукописи должны быть уничтожены. Это и было сделано под страхом гнева великого правителя.

В захваченных областях мусульмане не только насильно изымали все древние книги и рукописи, но и назначали значительные премии тем, кто отдавал их добровольно. Все собранные таким образом памятники письменности сжигались.

Запах горящих книг доносится к нам со страниц истории. Ровным пламенем горят костры инквизиции. Сквозь их огонь прошли книги Галилея, Коперника, Джордано Бруно.

Когда в Америке появились конкистадоры, рукописи, хранившиеся там, постигла та же участь.

В 1549 году в завоеванную Кортесом Мексику прибыл молодой францисканский монах Диего де Ланда. Он приехал в уже покоренную страну для того, чтобы заставить этих язычников забыть своих ложных богов и обратить их сердца к истине.

Верхом на коне, этом страшном для аборигенов животном, которое привезли с собой испанцы, Диего де Ланда въехал в город Мани. Когда-то здесь была столица одной из династий, правивших страной. Де Ланду сопровождал вооруженный отряд.

В городском храме майя солдаты нашли огромную библиотеку древних рукописей. Целый день они носили книги и свитки с непонятными рисунками и значками на площадь перед храмом. Когда работа была закончена, Диего де Ланда поднес к рукописям горящий факел. «Книги эти,— писал он потом,— не содержали ничего, кроме суеверий и вымыслов дьявола, мы сожгли их все».

Через восемнадцать лет де Ланда начал понимать, какое преступление совершил он, перечеркнув прошлое целого народа. И вот движимый запоздалым раскаянием епископ садится за обширный труд. Он хочет написать историю народа майя. Де Ланда, забыв о своей былой нетерпимости, беседует с жрецами, встречается с военачальниками и вождями, пытается разыскать уцелевшие рукописи. Но тщетно. Рукописей нет. Писаная история майя исчезла. Если какие-то книги и сохранились, жрецы тщательно прятали их от испанцев. Так, например, есть сведения, что до прихода завоевателей в одном из

храмов храиилась полиая история майя, выгравироваииая иа 52 золотых досках. Жрецам удалось спрятать эти сокровища от алчиых завоевателей. Потомки жрецов, возможио, до сих пор храият эти золотые доски. Во всяком случае, ни учеиые, ии кладоискатели так и ие иашли их.

Из всех библиотек и летописей майя до иаших дней дошли только три рукописи. Написаиы они иа своеобразиой бумаге из волокои растеиий, склееииых соком каучука. Исторические сведеиия, которые содержатся в этих рукописях, или, как их иазывают, кодексах, скудиы и отрывочны. Поэтому мы зиаем далеко ие все из истории этого иарода. В ией миого белых страииц.

Ворвавшись в Перу, коикистадоры иашли там могущественную империю иико в, древиий иарод. Но иарод этот был лишен прошлого. Возможио, миогое о происхождеиии и прошлом ииков могли бы рассказать их рукописи и хроиики. Одиако, как и у майя, все оии оказались уиичтожеиы. Произошло это так. При одиом из правителей иачалась эпидемия. Запросили оракула, что делать, и оракул ответил, что нужио запретить письмеиность. Тогда все письмеииые памятники были уиичтожеиы, а пользоваиие письмом запрещеио. Только в храме Солица осталось несколько полотен с описаиием истории ииков. Но вход в помещеиие, где храиились оии, разрешался только царствующим иикам и иескольким жрецам-храиителям.

В 1572 году четыре таких полотиища, захвачеииых испаицами, были отправлеиы в Мадрид королю Филиппу II. Но корабль, иа котором их везли, по всей вероятиости, затоиул. Его драгоценный для историков груз так и не попал в Испанию.

Эти погибшие полотиища были едииствеииым памятником письмеииости инков, о котором мы зиаем. Известио также, что, после того как все рукописи были уничтожеиы, а письмеииость запрещеиа под страхом смертиой казни, миого лет спустя одии жрец решился все же изобрести алфавит. Но за это его сожгли заживо.

Миогие авторы прошлого упомииают Алексаидрийскую библиотеку — величайшее книгохраиилище древности. Стремлеиие получить оригииальиый свиток или рукопись было осиовиым принципом, по которому пополиялась эта библиотека. На каждый корабль, который бросал якорь в гаваии, подиимался специальиый чиновник и забирал все рукописи и книги, иаходившиеся иа борту. Их тотчас же отправляли в библиотеку, где писцы поспешно сиимали с них копии. Причем владельцам возвращались только копии. Оригииалы библиотека оставляла себе.

Пополиение библиотеки первейшей своей обязаииостью считали Птолемеи. Один из царей этой династии отказался продать

голодавшим афинянам пшеницу, пока те не согласились передать в Александрийскую библиотеку подлинные рукописи Эсхила, Софокла и Еврипида, с тем, чтобы с них были сняты копии. Однако Птолемей предпочел потерять огромную сумму — 15 талантов,— оставленную у афинян в качестве залога, чем вернуть подлинники. В Афины были возвращены только копии. Правда, прекрасно выполненные, но — копии.

Никто не может сказать теперь, какие сокровища содержала эта библиотека. Некоторые историки упоминают фантастическую цифру — пятьсот тысяч свитков, другие называют еще большую — семьсот тысяч. Большинство рукописей, собранных там, было уничтожено.

Гибель Александрийских книгохранилищ началась в 47 году до нашей эры, когда Юлий Цезарь поджег в гавани египетский флот и огонь перекинулся на город. Позднее император Диоклетиан изъял из библиотеки и уничтожил все тексты, которые содержали магические знания. В его правление и в последующие годы невежественные толпы неоднократно устраивали погромы книгохранилищ, сжигая и уничтожая ценнейшие рукописи.

Довершили уничтожение Александрийской библиотеки завоеватели-арабы. Халиф Омар приказал сжечь все уцелевшие книги. При этом халиф выдвинул следующий довод: если книги содержат то же, что и Коран, то они излишни. Если же в них есть то, чего нет в Коране, тогда они вредны. В обоих случаях книги заслуживают того, чтобы их сожгли.

Правда, халиф Омар пожелал все-таки, чтобы книги принесли хоть какую-то пользу.

Вот почему он распорядился не просто сжечь библиотеку, а поделить ее рукописи между четырьмя тысячами александрийских бань. Полгода все бани города топились только рукописями и книгами.

Когда правители прошлого, подобно халифу Омару или императору Диоклетиану, сознательно уничтожали библиотеки, эти действия не были простой прихотью. Поступки их были продиктованы главной задачей, которая стояла перед любым правителем: сохранение и упрочение своей власти. Появление же человека или людей, чьи знания делают их чрезвычайно сильными, всегда опасно. Поэтому нас не должен удивить и следующий эпизод.

Однажды Ивану Грозному сообщили, что какой-то иностранный купец привез с собой в Москву много книг. Царь, рассказывал современник, узнав об этом, велел часть этих книг принести к себе. Книги показались очень мудреными; сам царь не понимал в них ни слова. Опасаясь, чтобы народ не научился такой премудрости, он приказал все календари (книги) забрать во дворец, купцу заплатить, сколько потребовал, а книги сжечь.

И это делал тот самый Иваи Грозиый, который хорошо известеи как собиратель и цеиитель книг. Достаточно напомиить о ставшей легендариой библиотеке Ивааа Грозиого. Это обшириейшее собраиие книг считается потерянным. Десятилетия розысков ие дали иикаких результатов. Стремясь возможио иадежиее скрыть библиотеку от своих совремеиииков, царь лишил этого сокровища и потомков. Где-то в подземельях, замуроваииые, за двойными стеиами и сейчас, возможио, стоят огромиые темные сундуки, доверху наполиеииые рукописями.

В древности подобиая участь чуть было ие постигла библиотеку Аристотеля. Аристотель завещал свои кииги любимому ученику Теофрасту. Тот, умирая, передал ее своему ученику. Это собраиие кииг знали и ценили в Греции, но вдруг иад библиотекой иависла угроза...

Одиому из греческих царей, Эвмеиу II, пришла мысль создать самую большую библиотеку в мире. И вот специальные чииовники иачииают рыскать по городам и окраииам его царства в поисках кииг для библиотеки царя. Миогие тогда, ие желая расставаться со своими кингами, прятали их. Так поступили и храиители библиотеки Аристотеля. Драгоцеииые свитки и рукописи были спрятаиы в глубоком подземелье, иадежио скрыты от диевиого света и жадиых людских глаз. В этом тайиике иаходились оии 187 лет! Почти два века храиители их из поколения в поколеиие передавали друг другу тайну замуроваииой двери.

Так продолжалось, пока секрет не унаследовал молодой человек ирава веселого и общительиого, который решил, что рукописи следует как можио скорее обратить в деиьги. Когда рукописи стали разбирать, оказалось, что большая их часть сильно пострадала от сырости и червей.

Судьба словио посмеялась над храиителями библиотеки, трудио было выбрать время более иеудачиое, чтобы открыть тайиу спрятаииых кииг. Вскоре в Афины во главе своего войска вошел римский полководец Сулла. По праву победителя ои коифисковал библиотеку и в качестве трофея поспешио отправил иемиогие уцелевшие рукописи в свой дворец в Риме.

Уничтожеиие целых библиотек дополнялось выборочиым истреблеиием кииг. Если в Китае раиьше всех было изобретено киигопечатание, то в Китае же запылали костры, иа которых уиичтожались книги попавших в опалу авторов. III век до иашей эры. По приказу императора чииовиики бросают в огоиь сочииеиия Коифуция.

Коифуций — не едииственый философ, чьи произведеиия постигла столь печальиая участь. Греческий философ Протагор, тот самый, которому прииадлежит фраза «Человек есть мера всех вещей...», был приговореи к смерти, а его сочииеиия — к сожжеиию. Специальный декрет предписывал обыскивать дома част-

ных лиц, изымать произведения этого философа и жечь их на городской площади. Это было сделано. Сочинений Протагора до нас не дошло. Сквозь две с половиной тысячи лет мерцает нам недобрым светом багровая звездочка этого костра. Одного из первых, на котором горели книги.

Вскоре от его пламени вспыхнули и другие. В III веке до нашей эры сирийский царь Антиох Епифан жег книги евреев. А в 272 году до нашей эры запылали костры в Риме. Позднее римский император Август приказал сжечь все книги по астрономии и астрологии.

Даже произведения Гомера не избежали пламени. Недоброй памяти император-садист Калигула пытался запретить «Одиссею» и уничтожить все экземпляры поэмы.

Было бы странно, если бы Нерон, человек столь свободно обращавшийся с огнем, что сжег Рим, пощадил бы книги. И действительно, Нерон не пощадил книг. Ярким костром горели они у ворот императорского дворца. Смотреть на этот огонь императору было, очевидно, особенно приятно: в нем погибли сатиры, написанные против него.

Уничтожение книг привело к тому, что из обширнейших свидетельств прошлого — трудов по истории, литературе, науке — до нашего времени сохранились лишь отдельные фрагменты. По этим отрывочным, неполным, разрозненным произведениям мы вынуждены восстанавливать прошлое, пытаемся узнать о нем.

О многих книгах, многих авторах древности мы не знаем практически ничего — до нас дошли лишь упоминания о них и ссылки. Мечтою историков стало разыскать эти книги. Не исключено, что тысячи лет лежат они где-то в забытых тайниках, ожидая того мгновения, когда счастливый случай обнаружит их. Не раз казалось, что некоторые из потерянных книг вот-вот выйдут из небытия. Но они появлялись только для того, чтобы в следующее мгновение исчезнуть снова — возможно, навсегда.

XVIII век, Истанбул, столица Османской империи. В городе — большой пожар, пылает гарем султана. Секретарь французского посольства с любопытством, свойственным молодости, поспешил туда, откуда доносился запах черной гари и гул толпы. Для одних пожар дворца был развлечением. Для других — прекрасным поводом поживиться. Навстречу французу спешили какие-то люди, которые тащили куски драпировок, вазы, золоченые перила. Попался даже человек, который нес толстый фолиант. Он листал его на ходу, держа вверх ногами. Фолиант заинтересовал француза. Заглянув в него, он изменился в лице. Это были сочинения Тита Ливия, которые сотни лет считались погибшими безвозвратно.

На беду, у француза не оказалось с собой денег. Повторив

несколько раз, что вообще-то он не собирался продавать книгу и что он и сам был бы не прочь почитать ее, человек согласился все-таки дойти до дома секретаря, где у того были деньги. По настоянию француза драгоценный том был спрятан под плащ. Но они не прошли и сотни шагов, как водоворот толпы разлучил их. Бесценная находка была потеряна навсегда.

О печальной судьбе этой книги можно только догадываться. На эту грустную мысль наводит другой случай. Одна из потерянных книг Тита Ливия была порвана на куски и погибла. Ее плотные пергаментные страницы пригодились владельцу для различных хозяйственных нужд. Ученому, который набрел на эту находку, удалось заполучить лишь одну — последнюю — страницу!

Не намного добрее отнеслось время и к другим древним авторам. Из сорока книг Полибия только пять спаслись от гибели, а из тридцати книг Тацита — четыре. Плиний Старший написал двадцать книг по истории. До нас не дошло ни одной!

Кто знает, какие из этих книг погибли на костре, который в I веке до нашей эры устроил римский император Август. Историк Светоний рассказывает, что по повелению императора было сожжено свыше двух тысяч различных книг.

Особое удовольствие римским властителям доставляло уничтожение христианской литературы. Позднее им было воздано той же монетой. Папа Григорий VII приказал предать пламени императорскую библиотеку в Риме. Уникальные рукописи и книги погибли в огне. К 1000 году существовало уже свыше двадцати восьми папских посланий и решений церковных соборов о запрещении книг. Это было в те времена, когда единственным способом распространения книг оставался долгий и малопроизводительный труд переписчика. Нередко изъятие и уничтожение одного-двух экземпляров книги означало ее окончательную гибель.

В 1497 году в Италии были сожжены «Божественная комедия» Данте и «Декамерон» Боккаччо. Сожжение это организовал Савонарола, проповедник, фанатик и кумир толпы. Но судьба прихотлива. Участь, которой Савонарола обрек героев Боккаччо и Данте, через год стала судьбой его самого. Савонарола был обвинен в ереси и публично сожжен вместе со своими сочинениями.

Противоборство переписчиков книг и тех, кто уничтожал их, продолжалось всю историю, с тех пор как существует написанное слово. Чтобы переписать книгу, нужны недели, месяцы. Чтобы сжечь — достаточно нескольких минут. Не удивительно, что в этом противоборстве нередко побеждали факельщики. Европа оскудевала книгами. Как вы думаете, из скольких книг состояла французская королевская библиотека в середине XIV века?

В шкафах из красного дерева, инкрустированных перламутром, стояло всего двадцать книг! Двадцать книг! Таков был прискорбный итог многолетнего истребления литературы.

* * *

Дело, конечно, было не в книгах. Дело было в знаниях, которые несли книги. Не книг, а новых знаний боялись губители библиотек. Знания — это прогресс, это дальнейшее развитие человеческого общества. Но на пути прогресса всегда находились люди, желавшие затормозить его, люди, боявшиеся, что новые знания потрясут старые, привычные устои. И не только привычные, но и выгодные определенным слоям, группам, классам.

Мракобесие не возникает из пустоты, оно всегда имеет конкретные социальные причины. Обскурантизм в средние века, например, был своего рода разновидностью борьбы феодализма за свое существование — властители той эпохи прекрасно понимали, что просвещение ускорит гибель их строя. Еще бы! Если дать образование крепостным массам, что останется от крепостничества? Можно рассказать в этой связи историю еще одной исчезнувшей библиотеки. На этот раз дело было в России.

1773 год. Осень, промозглый октябрь. В столицу Российской империи Санкт-Петербург из далекого Парижа приезжает старый и больной, скромно одетый во все черное человек. Он проделал этот тяжелый для него путь на лошадях, путь, длившийся несколько месяцев, только потому, что его лично пригласила русская императрица Екатерина II. И он сразу же был принят ее величеством. «Двери кабинета императрицы,— пишет он в одном из своих писем,— открыты для меня все дни. Я вижу ее с глазу на глаз с трех до пяти, а порой и до шести». И сама императрица не скрывает своего удовольствия от бесед с парижским гостем. Этим гостем был знаменитый ученый и публицист Дени Дидро, один из славной плеяды французских энциклопедистов.

Знаменитое детище Дени Дидро и его соратников «Энциклопедию, или Толковый словарь наук, искусств и ремесел» называли великой разрушительницей старого: ее толстые фолианты наносили тяжелые удары по церкви, по королевской власти, по невежеству. Энциклопедию ненавидели знать и клерикалы, военные и полиция, мещане и ученые, придерживавшиеся традиционных взглядов на мир. Сам Дидро писал: «Слово «энциклопедист» превратили в какой-то одиозный ярлык: его стали наклеивать на всех, кого желали изобразить перед королем как людей опасных, выставить перед духовенством как врагов религии, передать в руки судей как преступников и представить перед народом как

дурных граждан. До сих пор считают, что энциклопедист — это человек, достойный виселицы». Французское правительство неоднократно пыталось приостановить издание Энциклопедии и уничтожить тома, уже вышедшие в свет.

И вот молодая русская императрица Екатерина II сначала предлагает перенести печатание Энциклопедии в Санкт-Петербург или Ригу, а затем приглашает Дени Дидро к себе в гости. Заигрывание Екатерины II с Дидро, как и дружба по переписке с Вольтером, необходимы были русской императрице в связи с двумя обстоятельствами. Первое — не имевшая никаких формальных прав на русский престол безродная немецкая принцесса, не знавшая даже толком языка страны, которой ей пришлось управлять, всячески пыталась показать, что именно она, а не умерщвленный ею прямой потомок царского рода Романовых ее бывший муж является продолжателем дел Петра I. Отсюда «окно в интеллектуальную Европу», дружба с Вольтером, дружба с Дидро. Второе обстоятельство — умная государыня хотела сама разобраться в опасностях, нависавших не только над французским абсолютизмом, но и над абсолютизмом вообще.

Про Энциклопедию Екатерина II вскоре скажет, что видит в ней всего две цели: «Первую — уничтожить христианскую религию, вторую — уничтожить королевскую власть». Про Дидро она сообщит французскому посланнику Сегуру: «Я подолгу и часто беседовала с Дидро, но более ради любопытства, чем с пользою. Если б я доверилась ему, мне пришлось бы все перевернуть в моей империи: законодательство, администрацию, политику, финансы; я должна была бы все уничтожить, чтобы заменить это непрактичными теориями».

Узнав о смерти Дидро, Екатерина II потребовала у своего постоянного корреспондента Гримма: «Добудьте для меня все произведения Дидро. Вы заплатите за них, что потребуют. Конечно, они не выйдут из моих рук и никому не повредят». В 1785 году русская императрица покупает библиотеку Дидро, около трех тысяч томов на французском, английском, итальянском, латинском и греческом языках. Покупает для себя, чтобы книги «никому не повредили». Екатерина прекрасно понимает, какие опасности для самодержавия могут вызвать книги, «выпущенные из рук». Недаром она считала, что книга Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву» пострашнее Пугачева...

После взятия парижанами Бастилии Екатерина II просит исполнить для нее «Марсельезу», но, не дослушав до конца, молча уходит. Узнав о казни Людовика XVI, русская императрица заболевает. Она приказывает вынести из своего кабинета бюст Вольтера (а парижане тем временем тела Вольтера и

Дидро торжественно переносят в Пантеон). Что касается библиотеки Дидро, то императрица заявила, что книги «не выйдут из моих рук», и действительно, она их не выпустила. Книги постепенно исчезли, библиотека великого французского энциклопедиста пропала бесследно.

Потерянные и забытые знания

Люди не только уничтожали знание. Они стремились сохранить его в тайне, оградить от непосвященных. Эта традиция сокрытия знаний уходит в самое отдаленное прошлое. Один из первых таких фактов связан с именем индийского императора Ашоки (268—232 гг. до новой эры). Внук Чандрагупты, объединителя Индии, он хотел быть достойным своего великого деда. Считая, что для правителя война — наиболее верный способ запечатлеть свое имя в веках, он возглавил поход против соседнего царства Калинги.

Жители Калинги отчаянно сопротивлялись. В одной из битв солдаты Ашоки убили свыше семи тысяч воинов противника. Вечером на поле только что закончившейся битвы прибыл император. Ашока был потрясен зрелищем убитых, видом тысяч людей, истекавших кровью. Такой ценою расплачивались другие за его тщеславие.

Все остальные годы своей жизни Ашока посвятил наукам, распространению буддизма и созидательной деятельности. Существует предание, будто ужасы войны произвели на него такое сильное впечатление, что он решил сделать все, чтобы человеческий ум и познания никогда не смогли быть направлены на уничтожение.

Согласно преданию, Ашока основал одно из самых тайных обществ — Общество Девяти Неизвестных. Целью этой организации было не допустить, чтобы сведения о каких-то важных средствах уничтожения попали в руки людей.

Традиция засекречивания знаний была в древности повсеместна. В «Сравнительных жизнеописаниях» Плутарх пишет, что Александр Македонский, который был учеником Аристотеля, приобщился к неким глубоким знаниям, которые философы называли устными и скрытыми и не предавали широкой огласке. Находясь в походе, Александр узнал, что Аристотель в своих книгах открыл некоторые из этих знаний. Тогда Александр написал ему откровенное письмо, текст которого гласил: «Александр Аристотелю желает благополучия! Ты поступил неправильно, обнародовав учение, предназначенное только для устного преподавания. Чем же будем мы отличаться от остальных людей, если те самые учения, на которых мы были воспитаны,

сделаются общим достоянием? Я хотел бы превосходить других не столько могуществом, сколько знаниями о высших предметах. Будь здоров».

Это был один из путей сокрытия знаний — какие-то самые важные сведения не доверялись письму, а передавались только устно. Другим путем была зашифровка знаний. Различные символы, условные фразы, обозначения и недомолвки преграждали путь к истинному смыслу написанного. Такими предстают, например, перед нами многочисленные рукописи по алхимии. В настоящее время их насчитывается свыше ста тысяч. Это значит, что почти сто тысяч человек стремились изложить на бумаге или пергаменте какие-то сведения, которые, как они считали, не должны исчезнуть вместе с ними. Какова практическая ценность этих сведений? Мы не знаем. Человек проникает в глубь материи, он посылает экспедиции в самые труднодоступные районы Земли и в космос, но было бы неплохо чаще отправлять экспедиции в заповедные области забытых и потерянных человеческих знаний.

Прием скрывать какой-то сокровенный смысл за символами присущ многим священным книгам. Так, традиция Каббалы — мистического учения в иудаизме, проповедовавшего поиск основы всех вещей в цифрах и буквах,— представляет космогонию, или полное знание о создании и развитии мира, в виде некоего символического дворца. Дворец этот имеет пятьдесят дверей, причем все они открываются одним ключом. Знание этого ключа дает доступ к тайнам космогонии. На каждую из четырех сторон горизонта выходит по десять дверей, девять других ведут вверх, в небо. Кроме того, существует еще одна дверь, о которой ничего не известно. Только открыв ее, можно узнать, куда она ведет,— возможно, вниз, в бездну. Во всяком случае, никто из вошедших в нее не возвращался обратно.

Среди сведений, распространение которых находилось в древности под запретом, были и знания чисто практического, так сказать, прикладного характера. Рассказывая о тех, кто пытался получить золото, мы упоминали известного ученого Востока ар-Рази и его сочинение «Книга тайны тайн». А ведь сочинение это посвящено просто-напросто химии. Там есть главы о кальцинации свинца и олова, о растворении, о возгонке, о поташе и извести и т. д.

Можно вспомнить в этой связи и историю компаса. Как гласит предание, когда герой древнегреческого эпоса Геркулес отправился в свое плавание на запад, Аполлон, желая помочь ему в этом трудном предприятии, подарил Геркулесу чашу. Известно много скульптур, на которых Геркулес изображен с чашей в руке. Трудно догадаться, как могла помочь герою в его дальнем путешествии чаша.

Но для финикийцев это не было загадкой. У них чаша Геркулеса означала сосуд, где в воде на поплавке плавала намагниченная иголка. Это и был компас.

Древнегреческий историк Страбон писал о финикийцах: «Они развивают науку и изучают астрономию, арифметику и ночное плавание». Искусство кораблевождения включало в себя, очевидно, и умение пользоваться компасом. Вполне понятно, что финикийцы, будучи морской нацией, опасались утраты этой монополии и не только не спешили поделиться своим умением с другими народами, но всячески скрывали его.

Засекречивание знаний в ряде случаев приводило к тому, что многие из них оказывались утрачены безвозвратно. В других случаях некоторые открытия человечеству пришлось делать дважды и даже трижды.

Принято считать, что первым, кто совершил путь вокруг Африки, был португальский мореплаватель Васко да Гама. Однако, вопреки этому представлению, бытовавшему многие века, честь эта, видимо, принадлежит не ему. Можно полагать, что за две тысячи лет до Васко да Гамы путь вокруг Африки проделали финикийские корабли. Значит, они были первыми? Тоже нет. По сообщению Геродота, за сто лет до того, как мимо мыса Доброй Надежды под красными парусами проплыли корабли финикийцев, вблизи этих берегов, огибая Африку, прошли суда, которые отправил в эту экспедицию фараон Неко.

Так дважды было сделано, а потом забыто это величайшее открытие.

Можно привести пример и из более позднего исторического периода. Один немецкий монах научился делать бокалы из красного стекла очень красивого оттенка. С его изделиями не могло сравниться никакое другое. Понятно, что эти красные бокалы ценились необычайно дорого и не каждый европейский король мог позволить себе уставить свой стол красными рюмками, изготовленными монахом. Пришло время, и монах умер, так и не доверив никому своего секрета. Рассказывают, что перед смертью он сказал: «Я слишком долго искал способ изготовления красного стекла, чтобы кому-то его отдать». Только спустя долгие годы был открыт секрет монаха: он добавлял в стекломассу золото, которое и придавало стеклу изумительный красный цвет. Поэтому такое стекло стало называться «золотой рубин». Сегодня особенно славятся его изготовлением чехословацкие мастера. Когда вы увидите где-нибудь рубиновое чешское стекло, вспомните историю его открытия, которое едва не оказалось утраченным безвозвратно.

К числу потерянных знаний относится и открытие Америки. Неверно, что Колумб был первым европейцем, совершившим путь через Атлантику. О существовании этого материка знали

еще кельты. Их поселение в Америке называлось Витраманналанд — Земля белых людей.

Раз в год, весной, к зеленым берегам Витраманналанда подходили корабли. Они привозили новых переселенцев и вести с родины. Но однажды корабли не пришли. Следующей весной их опять не было. Напрасно десятки глаз целыми днями вглядывались в ровную и безразличную линию горизонта. Шли годы, старики умирали, подрастала молодежь, которая только из сбивчивых рассказов старших знала о какой-то далекой земле там, за морем, откуда все они приплыли когда-то.

Прошло десять веков, прежде чем у этих же берегов снова появились корабли из Европы. Но потомки кельтов, давно уже смешавшиеся с племенами индейцев, не узнали своих ближайших родичей — норманнов. Пуская стрелы в сторону корабля, с криками поспешили они прочь от побережья, в глубь страны.

И опять на берегу задымились печи, с утра до вечера далеко разносился стук топоров. Переселенцы-норманны строили дома. Однако к 1450 году все существовавшие здесь поселения исчезли. Корабли норманнов перестали бороздить северные воды Атлантики, путь в Америку был снова и, казалось, окончательно забыт. Поселенцы смешались с местным населением. В районе Великих Озер и долины Огайо воцарился каменный век ирокезских племен.

Есть свидетельство, что путь за океан знали и ирландцы. В VIII веке папа римский обвинил одного влиятельного ирландского церковного деятеля Виргилия в ереси. Ересь заключалась в том, что Виргилий говорил о существовании антиподов — людей, живущих на противоположной стороне Земли. Это противоречило тогдашнему церковному учению, утверждавшему, что Земля плоская. Виргилий сам поехал к папе римскому и оправдался. Он доказал папе, что ирландцы совершали путешествия за океан, на противоположную сторону Земли, туда, где лежат большие неизведанные земли.

Но еще до норманнов, ирландцев и кельтов о великом морском пути на запад, к далекому континенту, знали историки Древней Греции и Рима. Клавдий Элиан, например, писал в своих «Различных историях»: «Европа, Азия и Ливия (Африка) — это острова, опоясанные океаном. За ними находится континент огромной протяженности. Там есть большие города, где законы и обычаи совершенно отличные от наших...»

Знаменитый римский оратор Цицерон тоже верил в существование этого континента и говорил, что земля, известная римлянам,— только малый остров по сравнению с ним.

Все эти сведения греческие и римские авторы черпали, очевидно, из еще более древних источников — карфагенских и финикийских хроник.

Упоминание об острове (возможно, Кубе, Гаити или другом из группы Антильских островов), открытом карфагенскими мореплавателями, содержится в книге «Удивительные истории», приписываемой Аристотелю. «Говорят, что в море за Столбами Геркулеса карфагенянами был найден остров. В его лесах росли всевозможные деревья и замечательные фрукты, там были судоходные реки, а сам он находился на расстоянии многих дней пути. Когда карфагеняне, которые владычествовали на Западном Океане, увидели, что много купцов и других людей, привлеченных плодородием почвы и приятным климатом, стали часто посещать его, а некоторые даже поселяться на нем, они испугались, что весть об этих землях станет достоянием других народов и что последует великое переселение людей. Поэтому для того, чтобы Карфагенская империя не потерпела ущерба и ее владычество на море не перешло в другие руки, сенат Карфагена издал декрет о том, чтобы никто под страхом смерти не плавал на тот остров. Те же, кто поселился на нем, были преданы смерти».

Отголоски воспоминаний об этих событиях находим мы и у испанского историка начала XVII века Мариануса де Орсселара. Он утверждает, что этот остров был открыт примерно в те времена, когда между Римом и Карфагеном шла война не на жизнь, а на смерть. Часть карфагенян, открывших остров, осталась на нем, а другие вернулись на корабле, чтобы сообщить о своем открытии сенату. «Обсудив этот вопрос,— пишет испанский историк,— сенат принял решение утаить эту новость. Те же, кто привез весть об открытии острова, были казнены. Возможно, в Карфагене боялись, что народ, уставший от войны, которая длилась уже много лет, решит покинуть город и переселиться на новые прекрасные земли».

Так многократно открывали, а затем на долгие века забывали путь к берегам Америки.

Утрата знаний всегда происходила одновременно с накоплением новых. Но бывало, что процесс утраты знаний становился более интенсивным, чем процесс приобретения новых,— тогда общество отбрасывалось назад в своем историческом развитии.

Мы говорили уже, что в XIV — XV веках в Северной Америке образовались довольно многочисленные поселения норманнов. Переселенцы привезли с собой на берега Америки знание гончарного искусства, умение выплавлять и обрабатывать металлы. Но когда их связь с родиной прервалась и они были ассимилированы окружавшими их ирокезскими племенами, знания эти оказались утраченными безвозвратно. Потомки переселенцев были отброшены назад, к каменному веку.

Через двести лет в эти места прибыли европейские завоеватели, они нашли здесь племена, отличавшиеся от других светлой

кожей и употреблявшие значительное число скандинавских слов. Однако жившие здесь люди не имели уже ни малейшего представления о попадавшихся в окрестностях заросших мхом сооружениях, которые некогда были железоплавильными печами и шахтами их дедов и прадедов.

Некогда в древнем городе Тиауанако в Андах жили люди, умевшие строить огромные каменные здания, сведущие в астрономии, изучавшие движение небесных светил. Но ворвавшиеся сюда испанские конкистадоры застали здесь племена, обитавшие в тростниковых шалашах, не знавшие ни астрономии, ни строительного искусства.

Когда-то маори были великим народом — мореплавателем Тихого океана. Осев на Новой Зеландии, они стали терять это умение, пока потомки мореплавателей не забыли его совершенно.

Или другой пример. Общеизвестно, что майя не знали колеса. Это не совсем точно. При раскопках здесь нашли игрушечную телегу из обожженной глины на четырех колесах. Но это была только детская игрушка, смутное воспоминание о том времени, когда предкам майя были известны и колесо, и повозка.

К числу сведений, утраченных безвозвратно, относятся и многие высокие познания древних в астрономии, строительной технике, механике.

В 1600 году на костре инквизиции был сожжен Джордано Бруно. Среди прочих «прегрешений» ему вменялась в вину мысль о бесконечности Вселенной и множественности обитаемых миров, подобных нашей земле. Но за тысячи лет до него эту идею (и не в качестве предположения, а как непреложную истину) излагали священные книги Древней Индии и Тибета. В древней санскритской книге «Вишну-Пуране» говорится, что наша Земля — лишь один из тысяч миллионов таких же обитаемых миров, находящихся во Вселенной. Согласно буддийской традиции, «каждый из этих миров окружен оболочкой голубого воздуха, или эфира».

Представление о том, что на далеких звездах живут существа, подобные людям, бытовало и в древнем Перу.

Населявшие древнюю Мексику ацтеки знали о шарообразности Земли и небесных тел. Известно это было и в Древнем Египте. «Богиня солнца говорит: «Смотри, земли передо мной, как коробка. Это значит, земли бога передо мной, как круглый мяч» («Лейденский демотический папирус»). И другие планеты египтяне называли шарами, а Солнце у них — это «шар, плывущий в недрах богини Ну» (в небе). Часто египтяне сравнивали Землю также с гончарным кругом.

О шарообразности Земли знали и древние греки. В греческой мифологии говорится, что Атлас, который держал свод небес, находился «далеко на востоке, где солнце продолжает еще

сиять, когда оно закатилось в Греции». Платон писал о Земле как о круглом теле, шаре, вращение которого является причиной смены дня и ночи.

Об этом же можно прочесть и в «Каббале»: «Вся обитаемая Земля вращается подобно кругу. Одни ее обитатели находятся внизу, другие вверху... В то время как в одних местах Земли ночь, в других — день».

Все эти истины, хорошо известные древним, были потеряны, забыты, и человечеству пришлось мучительно и долго идти к ним снова. Такими же утраченными оказались и высокие строительные познания древних.

Здания древнего города Тиауанако в Андах выстроены из огромных каменных блоков. Ближайшее место, где можно взять подобную породу, находится на расстоянии пяти километров. Вес некоторых блоков достигает двухсот тонн.

В 1960 году «Правда» писала о трудностях, с которыми при всей современной технике пришлось везти каменную глыбу такого же веса в Москву. «Вчера в Москву прибыл необычайный состав. Со станции Кадашевка на особой, 16-осной платформе доставлен огромный монумент для памятника К. Марксу, который будет воздвигнут на площади им. Свердлова.

Транспортировка каменной глыбы, вес которой достигает 200 тонн, представляла сложную задачу. Из-за больших размеров гранитного блока состав мог передвигаться лишь в том случае, если на линии не было встречных поездов...»

Тиауанако — не единственное место на земном шаре, где имеются подобные сооружения. Среди развалин города Баальбек (на территории теперешнего Ливана) есть постройка, вес отдельных монолитных частей которой достигает тысячи двухсот тонн. В Индии существует храм Черная пáгода, сооруженный якобы всего лишь семь веков назад. Храм этот высотой в семьдесят пять метров венчает крыша из тщательно обработанной каменной плиты. Утверждают, будто вес этой плиты две тысячи тонн! Современная техника была бы бессильна сделать то, с чем справились много веков назад.

Одним из семи чудес света, о которых писали древние, был Александрийский маяк. Прибыв в Египет, Александр Македонский облюбовал участок пустынного песчаного побережья и приказал заложить здесь город. Но сам Александр Македонский так и не увидел его расцвета. Уже после его смерти один из военачальников Александра, Птолемей, основал династию и провозгласил Александрию своей столицей.

Этот город стал центром и культуры, и торговли, и политики всего тогдашнего Востока. Он был необычайно красив. Величественное здание цирка. Виллы богатых людей, окруженные тенистой зеленью и цветами, роскошные бани, мавзолеи. На

многочисленных базарах Александрии можно было купить невольницу из Нубии, благовония из Персии и древнюю книгу по магии, написанную странными значками на неизвестном языке. Почти все религии тогдашнего мира имели в городе своих представителей и свои храмы. Рядом с массивными колоннами храма индийского бога Шивы пристроилось приземистое, тяжелое здание огнепоклонников-зороастрийцев. Через несколько домов — беломраморный храм Зевса.

Но самым удивительным сооружением Александрии считался маяк. Он был виден с каждой улицы и площади города.

Недалеко от берега в море находился небольшой остров Фарос. На нем по приказу Птолемея Филадельфа (285—246 гг. до новой эры) и был построен этот маяк, беломраморное сооружение, которое возвышалось на 150—200 метров над голубыми водами моря. У самого его подножия проходили корабли под красными и лимонно-желтыми парусами. Огромное подвижное зеркало, расположенное наверху, отражало свет маяка, и его видели на расстоянии до четырехсот километров.

Много легенд ходило об этом маяке. Арабы, завоевавшие Египет в VII веке, рассказывали, будто это сферическое зеркало можно было поставить под таким углом, чтобы оно солнечными лучами, собранными в одну точку, зажигало корабли, находившиеся в море.

Название острова, на котором находился Александрийский маяк, вошло во все европейские языки. «Фарос» теперь означает просто «маяк». От него же происходит известное нам слово «фара» — фары тепловоза, фары автомобиля.

Мы никогда не узнали бы имени зодчего этого удивительного сооружения, если бы не его остроумие и дерзость. Когда сооружение маяка подходило к концу, фараон велел на одной из мраморных плит выбить надпись: «ЦАРЬ ПТОЛЕМЕЙ — БОГАМ-СПАСИТЕЛЯМ НА БЛАГО МОРЕПЛАВАТЕЛЯМ». Распоряжение это было выполнено. Фараон осмотрел маяк, прочел надпись и остался очень доволен. Теперь о нем, Птолемее, люди будут помнить и говорить многие сотни лет.

Но прошли годы, надпись потрескалась и обвалилась. Оказалось, архитектор сделал ее не на мраморе, а на застывшей извести, покрытой мраморной пылью. И тогда-то из-под обвалившейся надписи выступили на свет дерзкие слова, глубоко врезанные в мрамор: «СОСТРАТУС ИЗ ГОРОДА КНИДА, СЫН ДЕКСИПЛИАНА,— БОГАМ-СПАСИТЕЛЯМ НА БЛАГО МОРЕПЛАВАТЕЛЯМ».

Стоит рассказать и о том, как это огромное сооружение прекратило свое существование. Порт Александрия был величайшим и сильнейшим соперником Константинополя. Особым преимуществом Александрии был ее маяк. Испробовав все

средства борьбы, император в Константинополе решился на чисто византийскую хитрость. Египет и Александрию к тому времени захватили арабы. Император направил ко двору халифа Али-Валида своего посла. Перед отъездом посол получил устные и совершенно секретные инструкции от самого императора. Вскоре по прибытии ко двору халифа через подставных лиц посол начал распускать слухи, что в основании маяка фараонами были якобы зарыты несметные сокровища. Слухи доходили то до одного высокопоставленного чиновника, то до другого, и каждый спешил шепнуть об этом халифу. Сначала халиф крепился, но в конце концов повелел разобрать маяк. Начались работы. Маяк был разобран почти до половины, прежде чем халиф заподозрил обман. Спохватившись, он приказал восстановить башню, но это оказалось невозможно. Ни за какие деньги халифу не удалось найти людей, достаточно знакомых с расчетами, чтобы они могли вернуть башне прежний облик. Строительное искусство создателей маяка было утрачено. В довершение всего огромное зеркало уронили, и оно разбилось на мельчайшие куски.

Теперь ничто не указывало уже кораблям путь в гавань, и они все реже появлялись на александрийском рейде. Когда же соперничающий Каир стал набирать силу, мореплаватели вообще забыли путь к Александрии, и город окончательно пришел в упадок.

До нас дошли описания маяка. Судя по всему, Александрийский маяк был высотою с шестидесятиэтажный дом! Только в нашем веке человечество накопило достаточно инженерных знаний, чтобы строить такие сооружения. И то при постройке подобных небоскребов используется стальной каркас — своего рода скелет здания, которого не знали строители Александрийского маяка.

Механический человек

1246 год, Кельн. На узких, мощенных плитами улицах редкие прохожие. Над городом плывет медленный гул колоколов. Со старой колокольни, расположенной рядом с собором, открывается вид на остроконечные черепичные крыши. Под одной из этих красных черепичных крыш в мансарде сидит, склонившись над трудами отцов церкви, молодой богослов Фома. Позднее он войдет в историю философии под именем Фомы Аквинского. Пройдут столетия, и разработанные им догмы лягут в основу философской школы. Но этого не знает и не может знать молодой студент Фома. Он смотрит в раскрытый фолиант, однако мысли его в эту минуту далеки от латинских периодов отцов церкви. Фома думает о своем учителе.

Странный и удивительный это человек. Говорят, сюда он приехал из Парижа, где был профессором университета. Там на его лекциях собиралось столько народу, что ни одна аудитория не могла вместить всех желающих. Поэтому чаще всего Альберту приходилось выступать под открытым небом. Что заставило его переехать в Кельн?

Конечно, Альберт — великий ученый и ревностный христианин, а познания его в богословии поистине безмерны. Но как удается ему совмещать служение делу Христа с занятиями черными науками? Фома видел книги в библиотеке своего учителя. Среди них было много непонятных рукописей, посвященных алхимии и магии.

В доме, где жил Альберт Великий, была большая комната, дверь в которую никогда не видели открытой, а ключи от нее учитель всегда носил с собой. Никто не знал, что находится за этой дверью. Окна комнаты были постоянно закрыты плотными ставнями, которые не открывали вот уже несколько лет.

Однажды Фома не удержался и спросил учителя, что скрывает он за закрытой дверью. Альберт поднял на него усталый взгляд.

— Когда-нибудь узнаешь, Фома.— И добавил: — Теперь уже скоро.

Разговор происходил весной. Сейчас была уже осень. Но судьба, казалось, не спешила удовлетворить нетерпение молодого богослова.

На следующий день с утра он, как всегда, отправился к своему учителю. Остановившись у знакомых дверей, он взял чугунный молоток, висевший на ремне, и сделал три сильных удара. Это был его знак. Число три — число, угодное богу. За дверью послышались шаги.

Фома насторожился. Это была не Марта, старая служанка, которая постоянно впускала его. Неужели у учителя новая прислуга? Он услышал звук отодвигаемого засова. Дверь открылась.

— Доброе утро, фрау,— удивленно приветствовал он незнакомую женщину и прошел в прихожую.

— Доброе утро,— ответила она, закрывая дверь.

В голосе ее было что-то, что заставило Фому вздрогнуть и обернуться.

Странной, какой-то неестественной походкой женщина шла прямо на него. Фома едва успел сделать шаг в сторону, и она прошла мимо. Но он успел рассмотреть ее лицо — неподвижное, словно мертвое.

И в сердце его шевельнулась страшная догадка. Сотворив знак креста и повторяя про себя заклинания против дьявола, Фома приблизился к женщине.

Она уже сидела в кресле и делала размеренные движения рукой, в которой был веер. Вдруг рука ее замерла.

— Учитель ждет вас в библиотеке,— произнесла она все тем же безжизненным голосом.

В тот же миг Фома Аквинский прозрел окончательно.

Хотя женщина открывала и закрывала рот, он ясно видел, что эти движения не попадали в такт со звучанием слов. Голос раздавался откуда-то из ее груди или даже из живота. Говорила не она, а кто-то другой, кто сидел в ней. Фома сразу понял, кто был этот другой!

К сожалению, будущий философ оказался храбрым человеком. Он не бросился прочь, как сделал бы на его месте кто-нибудь еще.

Схватив стоявшую у камина палку, богослов вступил в единоборство с дьяволом...

Когда, заслышав шум, седой ученый вбежал в комнату, все было кончено. Железная женщина, разбитая и изуродованная, валялась на полу. Казалось, потрясенный Альберт сейчас рухнет с ней рядом.

— Несчастный! — закричал он.— Несчастный! Ты уничтожил труд тридцати лет моей жизни!

Тридцать лет жизни, тридцать лет работы — такова была цена создания первого механического человека, или, как говорили тогда, андроида. До нас дошло только упоминание об этом эпизоде. Ни расчетов, ни чертежей, которыми пользовался Альберт Великий, естественно, не сохранилось. Поэтому, как это нередко бывает в истории науки, другим ученым, которые стремились построить механического человека, приходилось проделывать всю работу сначала.

Андроид появился снова только через четыреста лет после Альберта Великого. Его создателем был иезуитский миссионер Габриэль де Магеллан. Миссионер Магеллан, родственник знаменитого мореплавателя, видно, носил в крови такую же жажду дальних странствий. Он отправился в Китай.

Прожив в этой стране долгие годы, Габриэль де Магеллан однажды сделал императору удивительный подарок. Это был механический человек, который «приводился в движение скрытыми в нем пружинами. Он маршировал в течение четверти часа, держа в одной руке обнаженную шпагу, а в другой щит».

Мы не знаем о дальнейшей судьбе этого андроида. Известно только то, что, несмотря на шпагу в руке, он оказался плохим защитником своего творца. Когда через несколько лет все миссионеры в Китае были схвачены и подвергнуты изощренным пыткам, Габриэль де Магеллан не избежал этой участи. И в то солнечное утро базарного дня, когда Габриэля везли на казнь, по розовому мрамору дворцового зала все так же четко и раз-

меренно вышагивал железный человек, равнодушный к судьбе того, кто его построил.

Есть сведения о еще более ранних попытках создания механического человека. Так, Аристотель упоминает о статуе Венеры, которая могла передвигаться благодаря какому-то устройству, помещенному внутри нее и приводимому в действие ртутью.

Существуют предания, что император Священной Римской империи Карл V весьма любил подобного рода устройства. Отрекшись от престола, большую часть времени он проводил, созерцая, как механические пешие и конные рыцари маршировали или сражались между собой.

Трудные, казалось бы, неразрешимые проблемы вставали перед создателями первых роботов[1]. Прежде всего: где взять ту энергию, которая могла бы заменить силу человеческих мышц? Обычно пытались использовать системы пружин. Сжимаясь, закручиваясь, пружины становились аккумуляторами механической энергии. Но этой энергии было явно недостаточно. Поэтому, как только появились паровые машины, век пара вторгся и в мастерские создателей роботов.

В конце прошлого века в Соединенных Штатах из города в город разъезжал некий Дж. Мор. Он путешествовал не один, а в компании с паровым человеком. Спутником Дж. Мора был двухметровый железный андроид, который приводился в движение скрытой внутри паровой машиной. Машина эта развивала мощность в половину лошадиной силы.

Необычное зрелище собирало много народа. Паровой человек сначала неуверенно, словно сомневаясь в своих способностях, переставлял одну ногу, потом другую... Сделав первые шаги, он начинал идти все быстрее и, двигаясь по кругу, развивал скорость до 7—8 километров в час. А в то время как он шел, изо рта у него, как на морозе, валил пар.

Но, увы, ни марширующий человек Магеллана, ни паровой человек не могли произносить слов, совершать разные действия. Они умели только ходить. Никому из конструкторов и ученых после Альберта Великого не удавалось повторить его шедевра.

В 1761 году известный математик Леонард Эйлер писал: «Когда удастся сконструировать машину, которая сможет воспроизводить все звуки наших слов со всеми их оттенками,— это будет величайшим открытием... Я не вижу в этом невозможного». Леонард Эйлер мечтал об открытии, которое было сделано за много веков до того, как он написал эти строки.

---

[1] Слово «робот» впервые было введено чешским писателем К. Чапеком в 1920 г. в его пьесе «R.U.R», что означало «Россумские универсальные роботы». К. Чапек обозначал этим словом механических людей. Затем уже как термин оно перешло в технику и науку.

В X веке жил крупнейший ученый своего времени, профессор Реймского университета Герберт-из-Орийака. Есть предположение, что он совершил путешествие в страны Востока, в частности в Индию, где приобщился к каким-то высоким знаниям. Во всяком случае, познания Герберта-из-Орийака в математике, физике, механике намного превосходили уровень знаний его ученых коллег. Хроники тех лет писали, что «Герберт построил в городе Рейм прекрасные фонтаны, струи которых, переливаясь в чаши, издавали гармонические звуки, напоминавшие какую-то мелодию».

Герберт-из-Орийака находился в самом зените своей научной деятельности, когда он был возведен в сан папы и принял имя Сильвестра II. Современники этого папы-ученого утверждали, что в его дворце была бронзовая голова, которая отвечала на вопросы, произнося два слова: «да» и «нет». Сам Сильвестр II в дошедших до нас записях подтверждает это.

Нет сомнения, что интеллектуально папа Сильвестр II намного возвышался над тогдашним церковным миром. А превосходства обычно не прощают. Ученого неоднократно обвиняли в чернокнижничестве, лишь высокий церковный сан ограждал его от костра.

Хотя папа Сильвестр II умер своей смертью, во время последней исповеди его все же заставили признаться, что он был другом дьявола.

Через несколько дней после смерти папы состоялось его погребение. Но оно не походило на похороны высшего церковного сановника. По улицам Вечного города мимо притихших толп ехала никем не управляемая повозка с гробом. В нее были впряжены две лошади — белая и черная. В том месте, где они остановились, тело папы было предано земле. Так прощались с великим ученым его современники.

Имя Сильвестра II связано с первым, достаточно достоверным упоминанием о говорящем устройстве. К сожалению, о дальнейшей судьбе говорящей головы и связанного с ней устройства нам ничего не известно... Возможно, она была уничтожена. Не исключено и то, что до сих пор устройство это хранится где-нибудь в тайниках Ватикана.

Есть любопытные сведения, которые относятся уже к XIII веку. Хроники сообщают, что Роберт Гроссетест, епископ Линкольнский, сконструировал бронзовую голову, способную произносить отдельные слова. На создание этой говорящей головы ушло семь лет. Как писал современник, бронзовая голова могла говорить благодаря устройству, через которое с силой продували воздух.

Нас не должно удивлять, что в средние века многие ученые были наделены высокими духовными званиями. Тогда Ватикан

довольно охотно раздавал крупным ученым церковные должности. Сами ученые шли на это, чтобы обеспечить себе большую свободу научной деятельности. Нетрудно обвинить в ереси человека, проводящего все дни среди реторт и книг сомнительных авторов. Но не всякий посмеет возвести такое обвинение на человека, облеченного доверием церкви. Вот почему тот же Альберт Великий, несмотря на то что он пользовался в свое время славой чернокнижника и алхимика, стал епископом Регенсбургским.

Говорящая голова епископа Линкольнского ненадолго пережила своего создателя. Сменив нескольких владельцев, она затерялась в каких-то забытых коллекциях и кунсткамерах.

Минуло более четыреста лет, и в 1779 году Российская императорская Академия наук объявила конкурс на создание аппарата, который мог бы воспроизводить пять гласных звуков: «а», «е», «и», «о», «у». Премия была присуждена С. Г. Кратценштейну. Его устройство представляло собой систему трубок различной формы и длины. Когда через них с силой продували воздух, возникали звуки, имитирующие человеческий голос.

В июле 1783 года Французской академией наук было получено письмо за подписью некоего аббата Микеля. Он сообщал, что создал две искусственные человеческие головы, которые якобы могут произносить целые фразы. Изобретатель просил академию назначить компетентную комиссию.

Аббат Микель жил в монархической Франции. Поэтому фразы, которые он вложил в уста своих творений, полностью соответствовали и эпохе и месту, где они были созданы.

Первая голова: «О любимый король, отец народов, благополучие которых показывает всей Европе величие твоего трона!», «Король даровал Европе мир!»

Вторая голова: «Мир венчает короля славой!»

После одобрения Академией наук говорящие головы были выставлены для всеобщего обозрения. Изобретатель стал центром внимания публики и журналистов. Успех следовал за ним по пятам. Микель был представлен самому королю Людовику XVI.

Английская пословица — «Чудо длится только три дня»,— к сожалению, часто справедлива. Вскоре мода на аббата Микеля и его говорящие головы прошла. «Невежество,— писал современник,— не видело, чем может оно восхищаться в этих шедеврах, которые не имели ничего от шарлатанства, так необходимого в нашем веке, чтобы обрести симпатии толпы».

Академия наук, желая помочь Микелю, предложила, чтобы правительство купило у него изобретение. Решение этого вопроса было передано в руки полицейского чиновника. Некий лейтенант полиции Ленуар счел покупку нецелесообразной. Без-

думным росчерком пера была перечеркнута судьба открытия и жизнь изобретателя. Измученный безденежьем, преследуемый долгами, Микель в отчаянии швырнул бронзовые головы на пол и разбил их.

Умер он в нищете.

Нередко поиски говорящего устройства заводили конструкторов в тупик. Но некоторым тупики казались путями, ведущими к величайшим открытиям. В таком приятном заблуждении всю жизнь пребывал, например, некий исследователь эпохи Возрождения Гловани Батиста Порта. По его мысли, весь лексикон андроидов мог состоять из своего рода «звуковых консервов». Если в свинцовую трубку, утверждал он, произнести фразу, а затем достаточно быстро закрыть отверстие, то звучание останется там, пока не откроют трубку... В XVIII веке нюрнбергский оптик Грундлер пытался «законсервировать» звук при помощи сосуда в форме замкнутой спирали. Он считал, что эхо должно будет без конца крутиться внутри этого сосуда, пока ему не будет дан выход наружу.

Человеческая мысль снова и снова настойчиво возвращалась к вопросу создания говорящего робота. Когда Т. Эдисон изобрел фонограф, одним из первых его применений, которое пришло ему в голову, было изготовление говорящей модели человека! Но самому Эдисону не удалось воплотить свой замысел. Слабой тенью этой идеи явились говорящие куклы Эдисона, которые в большом количестве стали выпускаться некой расторопной американской компанией. В туловища их был вмонтирован фонограф, повторявший одни и те же затверженные фразы.

Конечно, этим беспомощным созданиям было далеко до механического человека, к которому стремились изобретатели и конструкторы в течение сотен лет. Они мечтали создать механизм, могущий максимально полно имитировать деятельность человека. Нередко лишь мечты и находили отклик в легендах. Так, предания рассказывают о механическом человеке раввина Реб Лоу из Праги. Этот андроид был якобы столь совершенен, что прислуживал раввину дома.

Андроиду Альберта Великого легенды приписывали способность не только произносить отдельные фразы, но и вести сложные богословские споры. А Фома Аквинский в ярости разбил искусственную женщину якобы именно потому, что не мог противостоять в диспуте ее знаниям и логике.

Иными словами, это были мечты о механическом человеке, который мог бы мыслить.

В один из дней 1809 года в штабе наполеоновской армии, расположенном во дворце Шенбрунн в Вене, царило оживление. Накануне сюда в большом закрытом фургоне привезли механического человека. Созданный руками искусного механика, этот

андроид был якобы отличным игроком в шахматы. Узнав об этом, сам император изъявил желание сыграть партию с необычным партнером.

Вечером в большом зале дворца собрались все, кто в знак особого расположения был допущен присутствовать на этом сеансе. Человек против механизма, император против андроида. Высшие офицеры гвардии, маршалы с удивлением рассматривали неподвижную фигуру механического игрока. В чалме, с усами, одетый турком, андроид сидел перед доской, на которой уже выстроились массивные шахматные фигуры. Доска стояла на большом, похожем на ящик столе, закрытом с четырех сторон. Там находился механизм. Да, механизм, и ничего более. В подтверждение этого владелец андроида поочередно отворил дверцы стола. Взглядам присутствующих открылись какие-то колесики, сложные системы зубчатых рычажков...

Император не любил медлить. Он сел перед механическим человеком, и какую-то секунду казалось, что они смотрят друг на друга, словно раздумывая. Наполеон сделал первый стремительный ход.

Сидящая перед ним кукла пришла в движение. Почти человеческим движением она протянула руку и переставила фигуру. Наполеон, очевидно, чувствовал, что сегодня впервые центром внимания является не он. Чуть нахмурившись, император сделал второй ход.

Наполеон играл быстро. Комбинации мгновенно созревали в его уме, изощренном в других играх, игральной доской в которых ему служила Европа, а фигурами — армии и народы. И все же... И все же многие начали догадываться, что император проигрывает. Раньше других понял это сам Наполеон.

Тогда, верный своей военной тактике, он делает неожиданный ход. Императорский ферзь бросился в атаку, перескочив с черной полосы на белую. Наполеон не раз во время сражений добивался удачи, отбрасывая каноны военной науки. Сейчас он решил пренебречь канонами игры.

Каверзность этого хода нельзя было не заметить. Но ропот придворного восхищения, пробежавший по залу, тут же смолк. Железный человек протянул руку к фигуре императора и поставил ферзя на место.

Это была дерзость. Наполеон закусил губу.

Через несколько ходов он снова попытался сделать неправильный ход, и снова андроид все так же бесстрастно поправил его. Но когда Наполеон, не раз испытывавший судьбу, повторил это в третий раз, он был наказан. Андроид поднял руку и сбросил фигуры на пол.

Все замерли, ибо уже не раз видели императора в ярости.

Однако Наполеон умел сдерживать себя. Он обратил все

в шутку. И действительно, на кого сердиться его императорскому величеству? На механизм, на это бездушное сочетание рычажков и колесиков?

Наполеон никогда так и не узнал, с кем играл он в тот вечер. Среди частей ложного механизма, в недрах шахматного стола, был скрыт человек — один из лучших венских шахматистов того времени Альгайер. Как ни печально, автомат для игры в шахматы был мистификацией.

В течение десятков лет автомат, тайна которого тщательно скрывалась, объехал все европейские столицы. Менялись его владельцы, менялись мастера игры. В конце прошлого века, когда секрет железного человека за шахматной доской был раскрыт, следы автомата теряются. Несколько лет назад автомат этот обнаружили в одной из антикварных лавок Парижа.

Механический игрок в шахматы породил целую литературу. Вокруг него создавались легенды. Ряд писателей посвятили ему свои рассказы. О механическом игроке шла пьеса и был поставлен фильм.

Эта ловкая подделка, бесспорно, являлась произведением искусства. Ее автором был венский механик Вольфганг Кемпелен. Стремительная мысль конструктора не хотела следовать за медленной поступью науки его времени. Так творческая мечта обратилась в талантливую мистификацию. Впрочем, это была далеко не единственная мистификация в истории и в науке.

Ложь в истории

Потерянные знания, уничтоженные рукописи и библиотеки породили великие провалы в памяти о минувшем. Не удивительно, что это отсутствие знаний вдохновляло не только исследователей, искателей истины, но и тех, кто готов был сам «творить прошлое» по собственному разумению и произволу. Разные люди предавались этому делу. Разные побуждения двигали ими. Но одному правилу были верны они все — домысливать, искажать историческую действительность нужно только в «лучшую сторону», то есть создавать такую ложь, которая была бы приятна современникам. Мысль эта может быть проиллюстрирована примером из древних.

Древнегреческий историк Фукидид рассказывает, как однажды в Афины из Сицилии прибыл человек, который привез весть о поражении афинян. В городе об этом еще ничего не знали. Брадобрей, услышав эту весть от прибывшего, оставил его с намыленным лицом и бросился к архонтам. Город пришел в смятение. Архонты тут же созвали народное собрание. Несчастный чужестранец оказался лицом к лицу с разгневанной

толпой. Афиняне не могли поверить, чтобы их армия потерпела поражение! За распространение ложных сведений чужестранца решено было подвергнуть пытке на колесе.

Позднее прибыл гонец, который подтвердил весть о поражении. Чужестранец говорил правду. Неизвестно, однако, был ли он утешен этим, когда его снимали с колеса.

Другой, противоположный случай: Плутарх рассказывает о человеке по имени Стратоклес. Узнав, что флот афинян потерпел поражение и уничтожен, он скрыл это от своих сограждан. Более того, Стратоклес радостно сообщил им о победе на море. Он заставил афинян принести торжественную жертву, и три дня в городе не смолкали звуки музыки и пения.

Когда же скрывать поражение оказалось больше невозможно и ложь открылась, афиняне потребовали смерти обманщика.

Однако Стратоклес избежал не только казни, но и не был наказан.

— Афиняне! — воскликнул он.— Разве я причинил вам какое-нибудь горе? Разве не благодаря мне вы целых три дня радовались победе?

Один сообщил правду и был подвергнут пыткам. Другой обманул всех и не был даже наказан. Воистину, «тьмы низких истин нам дороже нас возвышающий обман».

Недаром еще в XIII веке один из французских монахов-летописцев написал такие скорбные строки: «Те, кто пишут историю,— занимаются трудным делом. Если они пишут правду, они вызывают ненависть людей, а если неправду — гнев божий». Нужно ли удивляться, что находились летописцы и историки, которые больше боялись прогневить земных владык, чем бога?

В 1834 году А. Тьер, тогда министр внутренних дел Франции, подавлял рабочие выступления в Париже и Лионе. Для обоснования репрессий ему нужны были доказательства. И вот 21 апреля того же года он пишет верному человеку, префекту Нижнего Рейна: «Я советую вам, приложив величайшую осторожность, подготовить вашу часть документов для предстоящих расследований. Из этих документов должно ясно следовать, что все анархисты переписываются между собой, что существует самая тесная связь между событиями в Париже, Лионе и Страсбурге, иными словами, что имеется широкий заговор, охвативший всю Францию».

Документы эти были сфабрикованы и послужили поводом для целой волны казней, репрессий и террора.

Годы господства фашизма в Германии были в то же время годами массовой фальсификации исторической науки. Для этой цели был создан Имперский институт истории новой Германии. Задача его заключалась в том, чтобы доказывать, что в Европе

всегда существовала некая нордическая раса, которой обязана якобы своим возникновением вся европейская культура. Исторические факты, как известно, не имеют ничего общего с этой схемой. Но тем хуже для фактов! Обращаясь к сотрудникам института, один из фашистских деятелей упрекал их за то, что они «не смогли создать ни одного нового факта».

В гитлеровской Германии была переписана, по сути дела, вся история. Даже история древнего мира. Согласно новому варианту, во II тысячелетии до нашей эры появляются неведомо откуда взявшиеся германо-греческие цари и князья. Даже «Илиада» и «Одиссея», оказалось, «имели» северогерманское и даже древнепрусское происхождение. Что же касается героев этого эпоса, то, естественно, они «принадлежали» к нордической расе или «являлись» древними пруссаками...

Ложь ничуть не смущала ее авторов. Верили ли они в нее сами? Неизвестно. Да, впрочем, и неважно. Важно, как начала действовать эта фальсифицированная история, когда ее вкладывали в умы и сердца солдат. Историческая ложь двигала армиями, опрокидывала границы, развязывала агрессию. Подобно наемнику-ландскнехту, фальсифицированная история служит любому, кто платит.

Нередко фальсификаторы руководствовались и «возвышенными», патриотическими побуждениями. Так, некий шотландец Демистер, живший еще в XVI веке, составил список несуществующих книг шотландских авторов. А в 1817 году научный мир был ошеломлен известием об открытии древних рукописей чешского народного эпоса. Причем события, о которых повествовали эти произведения, уходили в прошлое на тысячу лет. Десятилетия все пребывали в полнейшей уверенности, что рукописи подлинные. Отрывки из них цитировались в солидных научных трудах, крупнейшие исследователи писали к ним комментарии, та или иная строка из эпоса становилась решающим аргументом в научных спорах. Под впечатлением этой находки Гете перевел из нее «Песню о Вышеграде».

Прошло почти полвека, прежде чем подделка была доказана. Некоторые грамматические формы и даже слова, которыми пользовался мистификатор, появились на сотни лет позднее. А под «древним» текстом оказался другой, относившийся к сравнительно недавнему времени.

В 1951 году в ФРГ отмечалось 700-летие церкви св. Марии в Любеке. На торжества прибыл сам канцлер Аденауэр. Ведущие специалисты по готике с восторгом демонстрировали ему фрески, обнаруженные при реставрации церкви. Ученый мир и искусствоведы восприняли находку «фресок периода ранней готики» как большое событие. Открытие это считалось новой страницей в истории средневековой живописи. Фрескам церкви

св. Марии были посвящены многочисленные исследования и научные статьи.

Недавно решением магистрата города Любека «древние фрески» были стерты. Они оказались поддельными. Правда, когда реставратор-художник публично заявил об этом и признался в авторстве, ему никто не поверил. Только после того, как он представил фотографии разных этапов своей работы, когда он расписывал стены, решено было назначить судебную экспертизу. «Патриотически настроенные» историки и искусствоведы никак не хотели расстаться с мыслью о подлинности этого шедевра. Но, увы, результаты экспертизы показали, что произведения «ранней готики» нанесены на штукатурку, которой стены церкви были покрыты всего несколько лет назад.

Существует выражение: «Коллекционеры — счастливые люди». Одним из самых счастливых коллекционеров всех времен был, очевидно, известный французский математик прошлого века Мишель Шаль. Он обладал письмами Рабле, Паскаля, Юлия Цезаря, Клеопатры и даже Александра Македонского. Правда, его несколько удивляло, что другие коллекционеры не выражают никаких признаков восторга по поводу его коллекции. Но он утешал себя мыслью, что причина тому — зависть. Может, это было и так. А возможно, многих смущало то обстоятельство, что Клеопатра, как, впрочем, и Юлий Цезарь из его коллекции, писали почему-то на французском языке XIX века и пользовались той же бумагой, что и современники Мишеля Шаля. Конечно, и Юлий Цезарь, и Клеопатра, как великие люди, имели право на некоторые странности. Но это было уже слишком.

Не один год во Французской академии наук, членом которой был и сам М. Шаль, шли бурные споры по поводу подлинности этих документов. И вот, когда большинство склонялось уже к тому, чтобы признать письма французских авторов подлинными, у Шаля появилось вдруг письмо Паскаля к Роберту Бойлю. Тому самому Бойлю, который известен каждому школьнику по физическому закону Бойля — Мариотта.

В этом письме Паскаль сообщал, что именно ему, а не Ньютону принадлежит честь открытия закона всемирного тяготения. Поскольку Паскаль был французом, такой документ весьма импонировал патриотическим чувствам членов Французской академии наук. Но, к сожалению, в том году, которым датировалось письмо, Ньютон не мог сделать этого открытия: ему было только десять лет.

Автором этих документов, которые чуть было не ввели в заблуждение Академию наук, был безвестный парижский клерк. Его искусство было щедро вознаграждено. В общей сложности он получил солидную сумму — свыше 30 тысяч долларов от

М. Шаля, которому продавал свои произведения. За ошибку же, которая привлекла к нему внимание правосудия, клерк попал в тюрьму.

Подделка древних текстов была делом трудным и требовала величайших познаний, особенно в области стилистики. Искусство это бытовало в свое время на правах литературного жанра. Во Франции существовали даже школы этого жанра. Люди, посвящавшие себя нелегкому искусству фальсификации, нередко относились к этому как к своего рода спорту. Подобно шахматам, где один ошибочный ход приводит к проигрышу партии, здесь достаточно единственного неточного нюанса или неправильно употребленного слова, чтобы обман раскрылся.

Фальсификация текстов древних авторов продолжалась сотни лет. Известны подделки произведений Фемистокла и Пифагора, Платона и Демосфена. Существуют работы, авторами которых считаются псевдо-Цицерон и псевдо-Аристотель. Подделка Цицерона, в частности, была выполнена с таким мастерством, что обнаружилась совершенно случайно только века спустя.

Чему же верить? Какова вероятность, что и другие древние авторы, на свидетельства которых о прошлом мы полагаемся, не были созданы позднее руками умелых, но безответственных фальсификаторов? Историкам всегда необходимо вносить поправки на возможность фальсификации.

Еще в XVI веке Эразм Роттердамский сокрушался, что нет ни одного текста «отцов церкви», который можно было бы бесспорно считать подлинным. Ему вторил ученый-иезуит Дж. Ардуин, который на основании скрупулезного изучения многих древних текстов пришел к выводам самым печальным. Он доказывал, что подлинные только Гомер, Геродот, Плиний и Цицерон. А также несколько произведений Горация и Вергилия. Все остальное, по его мнению,— плоды поздних фальсификаций.

Плутовское племя фальсификаторов прошлого не перевелось и в более близкое нам время.

Ночь на 14 февраля 1493 года была в Атлантике особенно бурной. Многотонные горы воды вздымались к самому небу и начинали свой страшный бег от одного края горизонта к другому Конечно, такие штормы бывали здесь и раньше, но всякий раз лишь пустынные воды и небо были тому свидетелями. Но в ту ночь это безлюдие было нарушено. Волны качали и бросали из стороны в сторону два утлых суденышка, две каравеллы флотилии его величества короля Испании Фердинанда. На одной из каравелл находился человек, чье имя известно каждому. Его звали Христофор Колумб.

Открыв новый, неизведанный материк, корабли возвращались в Европу. Конец путешествия был уже близок, и вдруг но-

чью в открытом океане их настиг шторм. Какое-то время каравеллы подавали световые сигналы, но вскоре потеряли друг друга из виду. Когда шансов на спасение, казалось, уже не было, Колумб сделал то, что обычно делали в таких случаях капитаны гибнущих судов. Он собрал свои записи, письма, отчет о путешествии, завернул в пергамент, обернул сверху промасленным брезентом, поместил все это внутрь большого бревна и приказал бросить бревно в море.

Известен этот факт стал сравнительно недавно, только в конце прошлого века, когда в архиве Мадридского музея была обнаружена испанская рукопись, упоминавшая об этом. Вскоре рукопись эту перевели на английский и напечатали в Америке. Не прошло и нескольких недель после появления американского издания, как пропавшие путевые заметки Колумба нашлись! Какой-то человек принес их в музей города Сан-Франциско. Правда, специалистам не потребовалось особого труда, чтобы обнаружить подделку. Но это не огорчило владельца «находки». И не переубедило некоего любителя автографов, который с готовностью купил «бесценную реликвию».

Этим эпизодом, однако, дело не ограничилось. Поскольку процесс появления потерянных рукописей Колумба начался, ничто уже не могло остановить его. Через некоторое время очередной вариант появился в столице Мексики. На этот раз рукопись была старательно вымочена в морской воде и страницы ее были покрыты песчинками. Но не настолько, чтобы это помешало прочесть текст. Что же касается самого текста, то автору его было почему-то угодно, чтобы Колумб писал по-немецки. В другом случае Колумба заставили писать свой отчет по-английски. Такая рукопись была получена одним лондонским издателем вместе с деревянным ящиком, в котором она была якобы найдена. К ящику со всех сторон столярным клеем было старательно приклеено множество ракушек.

В нью-йоркской публичной библиотеке есть целый отдел поддельных рукописей и исторических документов. Здесь и дневники Эдгара По, и письма Вашингтона, и статьи Линкольна. Эта своеобразная коллекция пополняется и сейчас.

Впрочем, объектом подделок становятся не только тексты, но и сами исторические реликвии. Такова, например, история кардифского гиганта.

В октябре 1869 года все газеты Соединенных Штатов под огромными заголовками сообщили о находке недалеко от городка Кардиф (штат Нью-Йорк) гигантского каменного человека. По мнению одного из исследователей, находка эта представляла собой не что иное, как огромную статую финикийского бога Ваала. Он обнаружил на ней даже какую-то финикийскую надпись и, как и следовало ожидать, без особых затруднений

расшифровал ее. Профессор Дж. Холл, директор нью-йоркского музея, назвал кардифского гиганта «самой удивительной находкой из всех, обнаруженных в этой стране». Профессор не догадывался, до какой степени он был прав.

Ажиотаж продолжался два месяца. Каждый день из разных штатов прибывали тысячи людей, чтобы взглянуть на кардифскую находку. Музеи оспаривали между собой честь выставить гиганта в своих залах.

Гром грянул оттуда, откуда его меньше всего можно было ожидать. Фермер, который якобы нашел гиганта, когда рыл колодец, сам признался в мистификации.

Год назад он приобрел большую глыбу окаменевшего гипса и отправил ее скульптору.

— Изобразите меня в виде голого гиганта,— попросил он.

Когда скульптор сделал свое дело, мистификатор выкрасил огромную фигуру чернилами, а для верности полил еще серной кислотой. После чего каменный человек ростом около трех с половиной метров был тайно предан земле. Прошел год, прежде чем фермер решил, что его гигант приобрел достаточно «ископаемый» вид. Тогда он вызвал рабочих и приказал им рыть колодец.

Мистификатор неплохо заработал на своем гиганте. Когда сенсация улеглась, на счету у него было сто тысяч долларов. К чести его надо сказать, что, затевая это дело, он не ставил перед собой такой цели. Он просто хотел оставить всех в дураках. Что ему и удалось.

Впрочем, этот фермер, наделенный, очевидно, повышенным чувством юмора, имел предшественника. Им был не кто иной, как сам Микеланджело.

Микеланджело долго работал над скульптурой спящего купидона. Вдруг у готовой статуи отломилась рука. Можно представить себе досаду великого художника. Но он нашел выход — закопал статую в землю, а затем подстроил все так, будто она была случайно обнаружена. Историки и ценители античности в один голос принялись восхищаться шедевром прошлого. Находку купил кардинал. Уже после этого Микеланджело приделал к статуе недостающую руку, а заодно и раскрыл свою подделку. Кардинал не скрывал разочарования. Он считал, что произведение безвестного древнего автора превосходит творения Микеланджело, его современника. Обычно художников по-настоящему оценивают только потомки. Микеланджело не был исключением.

Усилиями фальсификаторов на страницах истории порой появляются личности, никогда не существовавшие. Иногда же, наоборот, те, что существовали, исчезают, словно их не было никогда.

С 1410 по 1415 год папский престол занимал Иоанн XXIII. Это был человек, оставивший заметный след в истории: он решил судьбу Яна Гуса, поднял до небывалых размеров торговлю индульгенциями и, по преданию, основал первый банк Ватикана — прообраз теперешнего «Банка Святого Духа». Но характеристика папы Иоанна XXIII будет неполной, если не добавить, что этот человек был убийцей, вором и бывшим пиратом. Карьера его закончилась печально. За свои преступления Иоанн XXIII был лишен сана и предан суду.

Ватикан постарался скрыть эту темную страницу своей истории. История папства была переписана таким образом, что в ней не оказалось места для Иоанна XXIII. На время его правления было «натянуто» время правления других пап, предшествовавшего и последующего. Так Иоанн XXIII, существовавший реально, был вычеркнут, выпал из истории. Поэтому когда в 1958 году новый папа принял имя Иоанна, он стал Иоанном XXIII, как будто того, жившего пять веков назад, не существовало вообще.

О женщине, которая стала папой и управляла церковью под именем Иоанна VIII, сейчас осталась только легенда. Во всяком случае, если такой эпизод и был в истории католической церкви, Ватикан также сделал все, чтобы предать его забвению. Вот почему в дальнейшем появился еще один папа Иоанн VIII, на этот раз мужчина.

* * *

Какая-то часть человеческих знаний, памяти прошлого забывалась, стиралась, исчезала сама по себе. Но другую, значительно бо́льшую часть уничтожали сами люди. Научные знания, географические открытия, память о государствах и целых народах предавались забвению, исчезали, казалось, навсегда. Разные помыслы и цели владели теми, кто совершал это. Одни скрывали знания, чтобы сохранить монополию на них. Другие — потому, что считали их опасными. Третьи искажали или скрывали прошлое, так как это помогало им получить или сохранить власть. Заходила ли речь о праве на престол, о территориальных притязаниях или о том, чтобы очернить врага,— ради этого могущественные владыки, не задумываясь, шли на любую ложь и подлог.

Забытые страницы истории, с которыми вы только что познакомились, воскрешают минувшее, в котором многое еще не понято, не объяснено, противоречиво. Возможно, что некоторые из этих забытых страниц дошли до нас в искаженном виде. Но нам хотелось бы обратить ваше внимание на следующее.

В человеческой истории не бывает и не может быть ничего

необъяснимого. Люди сами творят свою историю, и мотивы их действий, их столкновений, их идей всегда можно понять и объяснить, если подойти к этому с позиций материалистического понимания истории человеческого общества, с позиций научного изучения истории как «единого, закономерного во всей своей громадной разносторонности и противоречивости, процесса»[1].

И, наконец, в исторической науке можно сделать открытия не менее захватывающие, чем в других современных науках. И если кто-нибудь из вас пожелает посвятить себя истории, авторы этих строк будут считать, что они сумели выполнить свою задачу.

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 58.

Г. Гуревич

ПОНИМАТЬ ФАНТАСТИКУ

◇

Все читатели «Мира приключеиий», коиечно, любят фаитастику, иначе ие читали бы «Мир приключеиий». Но любить — это еще ие означает поиимать. К сожалеиию, одиако, этот вид литературы ие проходят в школах, даже в иистнтутах изучают редко, а между тем фантастика иепроста, многообразна, некоторые ее разделы протнвостоят друг другу, друг друга опровергают. И сколько же черннл было пролнто теоретикамн, сколько бумаги исписано, сколько кровн испорчеио в яростных спорах о том, что такое самая настоящая фантастика, иастоящая иаучная фаитастика, и допустима лн иеиаучиая, или же, иаоборот, иенаучиая и есть самая высокохудожествеиная литература, тогда как иаучная — ие литература, жалкое подобие литературы, ие нскусство вообще.

Дело в том, что людям, писателям и литературоведам в частности, свойствеино уважать свой труд, свою личиую деятельность считать важной и даже самой важиой. Мог бы сослаться иа Катюшу Маслову из «Воскресения» Льва Толстого, ио лучше ограиичиться цитатой из Чехова: «Ты, Каштаика, иасекомое существо... Супротив человека ты все равио, что плотник против столяра...» И литературиые столяры в фаитастике, возможио, даже умелые мастера-красиодеревщики, утверждали, что их труд, их спецнальиость, их любимая тематнка и есть иастоящая научиая фаитастика, все же остальиое, что в их направление ие укладывается, все, что пишут лнтературиые плотиики, камеищики, штукатуры, землекопы н прочне стронтели дворца фаитастической литературы,— иеиастоящая, нехудожествеииая, не наша фантастика, следует ее осуждать, не допускать, ие издавать вообще.

Как же характеризовали, как определяли иаучиую фаитастику различные красиодеревщики (или камеищики, штукатуры, плотиики от литературы)? «Это литература крылатой мечты»,— говорили одни. «Нет, литература художествеииого предвидеиия». «Нет, литература заиимательиого изложення науки». «Прнключеиия с элемеитами фаитазии». «Разиовидиость гротеска». «Круг тем, никакой не жаир». «Одни из приемов художествеииого человековедеиия». «Литература иовых идей». «Литература иаучной романтики». «Изображение человека и общества будущего».

Все было верно, н все неверно, потому что узко. Было правнльно для одной группы пронзведеннй, неправнльно для другой группы.

Где же лежала нстнна?

Не посредине, не на одном краю н даже не в сннтезе. Истина была в сумме. Чтобы удовлетворнть требовання всякнх чнтателей, иужны все разновидностн фантастикн н самое шнрокое ее определенне. А нменно: фантастнка — это внд художественной лнтературы, в котором важную роль играет необыкновенное, невероятное, небывалое нлн несуществующее. Так просторно для любого варианта.

Определення в искусстве условны. Их не докажешь вычнсленнямн, не проверншь лабораториыми опытамн. Доказывать прнходится прецедентамн: дескать, бывал такой прнмер в лнтературе. К сожаленню, у научной фантастики, у фантастнки всякой много недоброжелателей, некоторые нз чнсла непонимающих нлн невосприиимающих, другие — нз «краснодеревщнков». Напоминаю, краснодеревщнкамн я назвал мастеров-специалнстов, прнверженцев одного узкого иаправлення. Поэтому нельзя ссылаться на практику современной фантастикн. Недоброжелателн скажут: «Так нельзя пнсать, так не надо пнсать, нельзя фантазировать в лнтературе». Вот н прнходнтся напоминать, что «Мастер н Маргарнта» Булгакова — это тнпнчная фантастика («Ах, что вы, это же высокая лнтература!»). Фантастнка «Клоп» н «Баня» Маяковского, «Трест Д. Е.» Эренбурга, не говорю уж об «Аэлнте» А. Толстого. Фантастнкн не гнушались Достоевскнй, Тургеиев, Купрнн, Брюсов. «Демон» Лермонтова н «Русалка» Пушкнна — тоже фантастнка, а также «Нос» н «Шинель» Гоголя. Добавнм еще «Шагреневую кожу» Бальзака, «Фауста» Гёте, Снрано де Бержерака, Лесажа, Рабле... Спнсок можно продолжать н дальше, в глубь веков, вплоть до «Истинного путешествня на Луну» Лукнана н «Золотого осла» Апулея...

На подобных примерах н прнходнтся вестн рассуждение о свойствах фантастнкн. Протнв классннков не поспорншь. Ннкто не скажет, что так не полагается пнсать.

Всего удобнее для подробного разбора брать «Путешествня Гуллнвера» Свифта. Почему нменно эту книгу? Потому что это не просто фантастнка, а научная н очень характерная нменно для научной фантастнкн.

«Разве научная? Это же высокая лнтература!» — сомневаются протнвннкн научного в лнтературе.

Теперь прнходнтся заннматься определеннем научной фантастнкн. Вот уж где гремелн самые яростные теоретнческне бнтвы.

Сложность в том, что в нскусстве, как в жнзнн, как в прнро-

де вообще, сначала появляются объекты, а потом им дают названия, а после всего, иногда не сразу, выясняется, что название было приблизительным, не слишком точным, но менять уже поздно. Так, например, крайне неудачное слово «атом», по смыслу — «неделимый». Дели́м атом, состоит из ядра и оболочки, а те, в свою очередь,— из элементарных частиц. И слово «элементарные» неудачно; как выясняется, совсем не элементарны эти частицы, тоже достаточно сложны, но название уже не поменяешь. Так и в литературе. В XIX веке сформировалась, в XX веке выделилась разновидность литературы, которую в России назвали научной фантастикой, а на английском языке — научным вымыслом. Потом выяснилось, что термин этот ведет к кривотолкам. Ведь слово «научный» имеет разные оттенки: основанный на науке, ссылающийся на науку, говорящий о науке, подтвержденный наукой, не противоречащий науке, признанный или общепринятый в науке, правильный, серьезный, доказанный и даже безукоризненно точный. В каком же смысле научна научная фантастика, литература, изображающая необыкновенное, невероятное, небывалое, несуществующее, а иной раз и нежелательное? Как же невозможное или нежелательное может быть безукоризненно точным?

Казалось бы, снова спор об условности. Хочешь — условься определять так, хочешь — условься иначе. Но недаром «определение» происходит от слова «предел». Определив по-своему научность, представители той или иной школы старались вытолкнуть за пределы литературы иначе пишущих, иначе понимающих научность. Ведь противовес научной фантастике — ненаучная, а в наше серьезное время «ненаучная» звучит как ругательство.

Позже представители ненаучной фантастики назвали свой раздел чистой фантастикой, намекая, что научная — нечистая, вся в мазуте и машинном масле, к бумаге ее нельзя допускать. Иначе говоря, впали в противоположную крайность. Поэтому я предложил в свое время и поныне отстаиваю самое широкое определение.

Назовем ненаучной фантастикой или чистой фантазией («фэнтези» — в западном литературоведении) ту литературу, где фантастическое создается сверхъестественными силами.

Научной будем считать ту, где фантастическое создается естественным путем — природой или человеком с помощью техники.

И, примирившись с тем, что сверхъестественное вводится в литературу как заведомая условность, предоставим выбор приема автору, а сами будем разбираться, как у него получилось (или не получилось).

Можно было бы, конечно, разделить и научную фантастику

на природную и техническую. Так оно и было исторически: сначала люди верили только в чудеса природы, потом поверили и в чудесные возможности техники. Но ведь в тех же «Путешествиях Гулливера» лилипуты и великаны — чудо природы, а летающий остров Лапута — чудо техники. Нет смысла резать произведение на части во имя жесткой классификации.

Кстати, давно ли вы читали «Путешествие Гулливера»? Перечитайте. Ведь это не детская сказочка, на самом деле — вполне «взрослое», сложное, сатирическое и даже горестное произведение.

Но зачем же Свифт выдумал своих лилипутиков и великанов? Зачем выдумывать вообще? «Надо было и описывать все, как есть»,— говорят иные читатели.

А разве литература обходится без вымысла? Разве жил на Псковщине дворянин Евгений Онегин, разве он дрался на дуэли с Ленским, разве в Петербурге судили сто лет назад студента Раскольникова за убийство старухи-процентщицы?

Для чего писателю вымысел? Для того, чтобы выразить свое обобщенное мнение о жизни и людях. А ради обобщенного мнения сортируется материал, обобщается, отсеивается, выбирается то, что автор считает характерным, самые типичные поступки, самые типичные слова. И даже если есть прототип, не все же его поступки типичны, не все слова выразительны. Приходится менять речь, не сказанное вслух пересказывать, соединять действия, что-то добавлять, заимствуя у других людей. Иначе будет не рассказ, а хроника — и прескучнейшая. И в хронике той утонет то, что именно хотел сказать автор.

«Ну, допустим,— нехотя соглашаются противники фантастики.— Допустим, без вымысла не обойдешься. Но зачем же непомерный вымысел, невероятное, несуществующее, невозможное, да еще и нежелательное?»

Спросим у классиков.

«Фауст» Гёте. Зачем там Мефистофель, черт с рогами и копытами? Говорят, был у Гёте некий друг, язвительный молодой человек, насмешник и отрицатель, этакий нигилист XVIII века. Но почему понадобилось превращать его в черта? Что приобретает сюжет с приходом в него фантастического существа и фантастических событий?

Три качества знаю я: исключительность, наглядное обобщение и значительность вывода.

Интерес к исключительному вообще характерная черта человеческой натуры: обыкновенное мы легче воспринимаем через чрезвычайное. Тысячи детей играют на дороге: неразумно, но привычно, примелькалось. Но вот заигравшийся мальчик попал под машину; для очевидцев потрясение на всю жизнь. Смертью кончилось дело, нельзя не задуматься.

В данном случае в истории Фауста: не вор, не судья, не ростовщик — дьявол самолично явился в гости. Не сад, не дом, не мебель — бессмертная душа продается на вечные муки. Исключительность вносит черт в историю разочарованного ученого.

Второе достоинство фантастического — в наглядном и простом обобщении, как ни странно. Счастливое мгновение остановит доктор Фауст, и автор должен ответить, в чем же счастье. Но чтобы выяснить это, герою надо перепробовать ВСЕ. Однако в реальной жизни ВСЕ получить нельзя. У короля возможности ограничены границами его владений, у миллионера — тем, что покупается на миллионы. ВСЕ может дать только сверхъестественное существо. Мефистофель — это Допустим, Ваша Мечта Выполнена. Если бы его не было, автору пришлось бы долго рассказывать, как именно выполнялась мечта, что удалось получить, а что не удалось получить доктору Фаусту, на каком уровне он вынужден был остановиться. И осталось бы сомнение: а может быть, счастье как раз и начиналось на следующей ступени?

Со всемогущим помощником — чертом — путь к мечте проще.

А в итоге глобальный обобщенный вывод: даже и черт не может предложить ничего, кроме...

Та же глобальная, даже вселенская гиперболизация и в научной фантастике. «Аэлита» А. Толстого кончается апофеозом любви. Слово «любовь» несется через космические просторы от Марса к Земле. Нет для любви преград, десятки миллионов километров — ничто.

Если место действия отнесено в космос, автор как бы убеждает: «Так будет везде-везде-везде!»

Если время действия отнесено в будущее, автор как бы уверяет: «Так будет всегда-всегда-всегда!»

Итак, три достоинства. А недостатки? Конечно, есть и недостатки, оборотная сторона этих достоинств. Самые заметные: деконкретизация и недостоверность.

Если описывается чудовище, которое на самом деле не существует, если действие происходит на Марсе, где автор, конечно, не был, или же в будущем, до которого он не дожил, само собой разумеется, нельзя ожидать тонких наблюдений, конкретных деталей. Исчезают они на широком полотне, смазываются. То же относится и к тонкостям людской психологии. Нередко в фантастике речь идет о глобальных проблемах, общепланетных, общечеловеческих. И действуют не лица, а народы, армии, толпы, государства, ученый мир, человечество вообще...

Недостоверность же — оборотная сторона исключительности. Черт привлекает внимание... но чертей-то не существует! И когда на страницах современного произведения появляется

дьявол или хотя бы зеленый человечек из космоса, приходится долго уговаривать читателя, чтобы он принял этот образ всерьез, если не всерьез, то как условность хотя бы, согласился бы вступить в литературную игру.

Впрочем, и условность и правила игры есть во всяком искусстве.

Классический пример — театральная сцена: комната без передней стены, в которой артисты, «не замечая» сотен зрителей-свидетелей, ведут откровенную интимную беседу.

Есть достоинства у фантастики, есть и недостатки. Как же быть?

Каждый автор решает по-своему, в зависимости от литературной задачи. Что важнее для него в данном случае: обобщение или конкретные детали, глобальная проблема или тончайшие оттенки чувств?

Если глобальный масштаб и обобщение важнее деталей, стоит выбрать фантастику. Если оттенки чувств важнее, зачем же вплетать еще и космические приключения?

А читателям (разным) нужно и то и другое.

Сложная и противоречивая проблема недостоверности доставляет фантастике много хлопот. Но, в сущности, она присутствует в литературе всегда. Автор излагает свой вымысел, но хочет, чтобы к нему относились серьезно, чтобы воспринимали его как подлинную историю, нечто достойное внимания, обсуждения и сочувствия.

Для этого вымысел обставляется правдоподобными деталями: называется подлинно существующее и вполне вероятное место действия, подробно описывается обстановка, выбирается внушающая доверие форма повествования. Рассказ от первого лица: дескать, я сам был очевидцем,— или же ссылка на первоисточник: мне так говорили. Так Платон, повествуя об Атлантиде, ссылается на сведения, полученные от египетских жрецов, а Томас Мор будто бы узнал об Утопии от побывавшего там спутника Америго Веспуччи, того самого, в честь которого Америка названа Америкой.

С веками читатель привык к условностям литературы, хотя и доныне встречаются наивные, которые пишут письма с просьбой сообщить им адрес полюбившегося героя. Общеизвестно, что в Англии по сей день идет почта на имя Шерлока Холмса.

Проблема правдоподобия присутствует в литературе всегда, но в фантастике, с ее режущей глаза выдумкой, она встает особенно остро. Описывается некое чудо, откровенное чудо, и серьезное отношение читателя надо завоевывать усиленным правдоподобием всего окружения: правдоподобным местом действия, правдоподобными героями, правдоподобными деталями, убедительным стилем и формой.

«Путешествия Гулливера» очень показательны для иллюстрации всех этих свойств фантастики.

Правдоподобия ради имитируется стиль морских мемуаров того времени: «Когда буря стихла, поставили грот и фок и легли в дрейф. Затем подняли бизань, большой и малый марсели... Мы укрепили швартовы к штирборту, ослабили брасы у рей за ветром, обрасопили под ветер и крепко притянули булиня...»

Профессиональный морской жаргон. Как же не поверить автору, что он бывалый моряк, как не поверить Гулливеру, что он на самом деле плавал в дальние страны и видел там всякие чудеса? А ведь Свифт пересекал только Ирландское море, и то в качестве пассажира.

Фантастика всегда имитирует стиль современной литературы. Своей собственной моды у нее нет... и не требуется. И так содержание фантастическое, зачем же подчеркивать его еще и необычной формой?

Правдоподобен стиль, и правдоподобен герой. В духе XVIII века роман начинается с генеалогии: «Мой отец имел небольшое поместье в Ноттингемшире; я был третьим из пяти его сыновей (то есть одним из младших, кому не полагалось наследовать землю, полагалось искать самостоятельный заработок»)... Хотя я получал весьма скудное содержание, но и оно ложилось тяжким бременем на моего отца...» Очень правдоподобное начало. И когда же все это происходило? «16 июня 1703 года стоящий на брам-стеньге юнга увидел землю. 17-го мы подошли к острову или континенту...» Книга вышла в свет в 1726 году. Дата событий опять-таки убедительная. В молодости герой-рассказчик странствовал, в преклонном возрасте пишет воспоминания.

А где находится новооткрытая земля, упомянутый остров или континент?

Свифт помещает государство великанов в Тихий океан, где-то между Японией и Америкой, к северу от экватора; в тех широтах никто еще не плавал в те времена. Эту часть океана обследовали и нанесли на карту только полвека спустя. Могли быть там неведомые острова? Могли быть, конечно, и даже были найдены. Гавайские, например. Все очень правдоподобно. Читатель вполне мог поверить, что Гулливер встретил там неведомый народ, даже великанов.

Правдоподобный герой, правдоподобное время и место действия. Подобную борьбу за правдоподобие можно проследить еще с дописьменных времен, со сказки начиная. Ведь фантастика, как и вся литература, произошла от сказки. Стала литературой, когда письменная речь потеснила устное творчество. Литера-тура! От слова «литера», то есть буквенное искусство.

В сказках события обычно происходят в далеком прошлом.

Ведь рассказывают чаще старики, рассказывают слышанное от своих дедов... А старикам всегда кажется, что в годы их молодости все было гораздо лучше. Как же великолепно, как же чудесно жилось при дедах дедов! Золотой век!

Место действия в сказке? Чаще это отдаленные страны: за тридевять земель, в тридесятом государстве, где-то на краю света. Но где находится край света? Можно проследить, как он удаляется от рассказчика по мере расширения географических знаний. У древних греков край света — это Кавказ, Сицилия, Геркулесовы Столбы (Гибралтарский пролив). У арабов в эпоху «Тысячи и одной ночи» край света проходит уже через Китай и Западную Африку.

Чудеса в сказке творят колдуны или же сверхъестественные существа: лешие, водяные, русалки, оборотни. И в фантастике вплоть до XIX века чудеса совершают существа сверхъестественные: бесы, вампиры, демоны, привидения. События обычно происходят в настоящем времени и где-то рядом — на родине автора. Научная же фантастика, утвердившаяся в середине XIX века (появилась-то она раньше), поручает чудеса ученым и изобретателям. После распространения паровых машин, пароходов, железных дорог, телеграфа, фотографии читатель уже легко мог поверить в любые чудеса, созданные техникой. Естественно, для изображения технических чудес прошлое не очень подходит — если были чудеса, куда же они девались? Самое подходящее время — близкое или отдаленное будущее, смотря по масштабу чуда. А место действия? Все чаще и чаще — космос. Ведь на Земле все значительное уже открыто и описано, материки и государства нанесены на карту. Что-нибудь крупное, неведомую страну например, поместить некуда. А на небе просторно, выбирай любую звезду в любом созвездии, описывай ее планеты. Все равно, в телескопы не различишь, есть там планеты или нет.

Но здесь, в научной фантастике, только в научной, произошел поворот, для донаучной или ненаучной невозможный.

Ведь космос существует на самом деле, и будущее на самом деле наступит, и ученые на самом деле трудятся, задумывая осуществимые чудеса. Нельзя написать популярное сочинение о фауне и флоре тридесятого государства, но о природе Марса и Юпитера можно. Нельзя написать трактат о блаженном Золотом веке, его не было никогда, но о будущем можно, будущее наступит. И можно, побывав в лабораториях ученых, писать об их планах и о них самих, современных волшебниках. С наукой нечто подлинное вошло в фантастику. Литературный прием, введенный ради правдоподобия, стал самоценной темой.

Тема эта не вытеснила прежние. Произошло дополнение. В результате удвоился список вариантов внутри фантастики.

1. Существовавшая и прежде фантастика — прием для популяризации, для фантастических приключений, для человековедения (хотя бы «Шагреневая кожа» Бальзака), для сатиры («Клоп», «Баня» Маяковского), для политической сатиры («Война с саламандрами» К. Чапека).

2. И рядом с ней утвердилась фантастика как тема: мечты о человеке и обществе будущего (утопия), о достижениях науки и техники будущего, романы об ученых, занятых фантастическими проблемами, романы о фантастических стройках («Тоннель» Келлермана), рассказы о фантастических идеях — и противовес всем этим мечтам, планам и идеям — антиутопия, сомневающаяся в наивных мечтах утопистов и наивных планах фантазеров.

Как видите, целый список. Можно свести его в таблицу или же, как я сделал в своей книге «Карта Страны Фантазий», изобразить на карте-схеме, располагая близкие разделы фантастики по соседству, а противоположные разделяя горными хребтами. Впрочем, дело не в таблице и не в карте. Суть в том, что под единым именем фантастики объединены разнообразные и даже противостоящие друг другу разновидности литературы с различными задачами, разной системой условностей и требований.

И сколько же лишних переживаний доставили нам критики, не признающие этого разнообразия, требующие мечту в сатире и ищущие сатиру в мечте! Сколько лишних трудностей внесло буквальное понимание прилагательного «научная» в названии научной фантастики! Ведь даже крупнейшего ученого — академика Обручева — осуждали за ненаучность его романов. В «Плутонии» — одном из самых известных романов, постоянно переиздающемся по сей день,— Обручев задался целью занимательно рассказать о доисторических животных, изобразив встречу современных людей с вымершими мамонтами, саблезубыми тиграми, бронтозаврами. Но где могла бы произойти такая встреча? Обручев припоминает устаревшую, отвергнутую наукой гипотезу о том, что Земля наша пустотелая. Во внутренней пустоте могли бы сохраниться ящеры и всякие индрикотерии. Пустота эта — условность, более или менее правдоподобное место действия. Ведь никакая чужая планета не могла бы заменить Землю в данной теме. На других планетах едва ли могут быть именно такие животные, как на Земле.

Условное место действия! Однако нашлись возмущенные любители точности, которые принялись объяснять академику, что никакой пустоты в земном шаре нет.

Голубая мечта любого автора: «Поймите мой замысел, оцените, как я его выполнил, удалось ли мне главное? Не навязывайте мне своих добавочных требований, имеющих боковое отношение к моему замыслу!»

Фантастика особенно чувствительна к такому уважительно-внимательному подходу, потому что вся она переполнена условностями, и то, что условно в одной разновидности, в другой — не условность, а основное содержание.

Разбору разновидностей фантастики я посвятил целую книгу, упоминавшуюся «Карту Страны Фантазий». В каждой разновидности есть свое главное, свои характерные герои, свои типичные сюжеты, свои достоинства и свои — приходится мириться — натяжки. Но в этой статье разобрать десяток разновидностей нет возможности. Важно, чтобы читатель запомнил: фантастика разнообразна, ее нельзя оценивать по единому стандарту. Прочтя вещь, надлежит задуматься, какого сорта эта фантазия, к чему ведет автор, что для него главное, что второстепенное, что правдиво, а что только условно и правдоподобно.

Фантастика в целом существует испокон веков, с той поры, когда письменная литература заменила фольклор. Разновидности же нередко историчны. Главный фарватер фантастики как бы извивается, приближаясь то к одному берегу, то к другому. Можно пояснить это, называя имена видных авторов.

Историческая последовательность их такова: Томас Мор — Свифт — Эдгар По — Жюль Верн — Уэллс — Грин и Беляев — Карел Чапек — Ефремов. Пожалуй, и не так много заметных имен можно добавить к этому списку корифеев фантастики. Но можно ли сказать, что в названной цепочке каждое очередное звено — продолжение предыдущего? Да ничего похожего! Верящий в силу науки Жюль Верн каждой своей строкой опровергает и печального Эдгара По, и свифтовскую Лапуту — карикатуру на ученый мир. Уэллс — никак не продолжатель Жюля Верна, он тяготеет к скептическому Свифту. Беляев — явно единомышленник французского фантаста. А Грин, его современник, почти ровесник? Вероятно, из всех названных Эдгар По ближе всех ему духовно. Чапек — сатирик, он продолжатель линии Уэллса и Свифта в фантастике. А Иван Ефремов? В нем все слилось. Главное же произведение — «Туманность Андромеды» — утопия; стало быть, к Томасу Мору тянется нить.

Выше названы только большие писатели. Конечно, каждый из них самобытен, почти все были основателями нового направления, по меньшей мере — крупнейшими представителями. Как и полагается крупным писателям, все они находились на гребне волны своего времени; следовательно, волны поднимались не на одной прямой линии: то на одном направлении, то на другом. И изменения эти были связаны с велением эпохи. Бывало время строить, бывало время разрушать. И строительные и разрушительные настроения проявлялись, естественно, в искусстве и

в литературе, даже в такой, казалось бы, далекой от реальности области литературы, как фантастика.

Эту четкую связь фантастики с эпохой легче всего проследить на советской фантастике. Легко проследить и потому, что время у нас бурное, развитие идет быстро, каждое десятилетие приносит большие перемены. Нетрудно проследить и потому, что фантастика немногочисленна. Полная библиография всех книг советских авторов-фантастов, составленная свердловчанином В. Бугровым, занимает около тридцати страничек. В ней примерно пятьсот названий (переиздания и переводы не в счет).

И вот если раскидать по годам эти названия, картина получается волнообразная: волна двадцатых годов, волна тридцатых, сороковых, пятидесятых, шестидесятых... И самое интересное: волны не только количественные, но и качественные. Фантастика меняет свое направление в каждой новой волне. До революции самостоятельной русской фантастики почти не было. Были отдельные произведения у видных авторов, но ни одного значительного фантаста, представителя этого рода литературы. В двадцатых годах выделяются книги А. Грина и А. Беляева: фантастика чистой мечты и фантастика научной мечты. Фантазия крылатая, но не всегда серьезно обоснованная. Фантастика же тридцатых годов, наоборот, основательна, технична, склонна к популяризации, переполнена научными сведениями и техническими деталями, нередко близка к производственному роману. Вполне понятный сдвиг. Ведь между этими периодами первая пятилетка. За пять лет крестьянская страна становится индустриальной. Массовый читатель приобщается к технике, в том числе и читатель научной фантастики. В двадцатых годах техники было не так много в стране и среди читателей очень мало технически грамотных. В тридцатых годах знакомых с техникой уже значительное большинство. В 1928 году Беляев мог выпустить свой роман «Продавец воздуха» — о злокозненном капиталисте, который тайком в Якутии выстроил подземный город, чтобы высосать всю атмосферу и потом торговать воздухом для дыхания. Читатель двадцатых годов мог поверить в такое, читатель тридцатых с сомнением отнесся бы к возможности выстроить тайком в Якутии подземный город. Этот новый читатель хорошо понимал, как достаются новые города — Магнитогорск или Кузнецк.

Послевоенная фантастика опять выглядит по-новому. Ее девиз был: «Ближе к жизни! Фантазировать надо на грани возможного!» Теоретики призывали писать о самом близком будущем, о том, что уже испытывается в лабораториях. Возможно, такие настроения были связаны с послевоенным восстановлением хозяйства; казалось, что забегать далеко вперед несвоевременно. Но тенденция эта несколько затянулась. Да и сама

фантастика, сдерживаемая в своем полете, начала выдыхаться. Оживил ее выход в космос... После подлинных космических полетов неудобно уже было фантазировать только о прокладке труб или же о шоссе с литым покрытием.

Лидером новой отважной фантастики послекосмического периода стал И. Ефремов, выпустивший в те годы грандиозный роман-утопию «Туманность Андромеды», а вслед за тем приключенческо-психологический роман «Лезвие бритвы» — о новых возможностях человека. Затем к Ефремову присоединилось новое поколение советских фантастов, работающих в разных направлениях. Среди них был А. Днепров, видевший главную задачу фантастики в популяризации новейших идей науки, а также Г. Альтов и В. Журавлева, предпочитавшие выдвигать оригинальные идеи, С. Снегов — продолжатель линии утопии, выпустивший большой роман «Люди как боги», а также представители линии «фантастика как прием» — С. Гансовский, А. Громова, М. Емцев и Е. Парнов и братья Стругацкие, чуткие, широкого охвата писатели, заметно меняющиеся от волны к волне. В шестидесятых годах вышли самые значительные их вещи — «Понедельник начинается в субботу» — веселая «сказка для младших научных работников», роман с выразительным названием «Трудно быть богом», а также «Хищные вещи века» — о бездумности и вещелюбии.

Пожалуй, рановато характеризовать фантастику семидесятых годов, этот период еще не кончился, поскольку «волны» связаны с настроениями эпохи, а не с круглыми датами. Но заметна тяга к психологичности, к изображению семьи, тесных групп людей. Самым популярным, самым характерным для этих лет оказался писатель Кир Булычев с его мягким юмором и интересом к семейным событиям, к переживаниям детей, родителей, бабушек, влюбленных. Один из его сборников носит программное название — «Люди как люди». Смысл его: фантастика фантастикой, космос космосом, а люди всюду остаются людьми, всюду любовь, дружба, семья, дети, воспитание, спорт...

В связи с возрастающей психологичностью наметился и приход в фантастику представителей главного потока литературы. Такое бывало уже в двадцатых годах, когда фантастики не гнушались А. Толстой, И. Эренбург, В. Катаев, В. Каверин, М. Булгаков. А недавно мы читали новые фантастические (или полуфантастические) произведения М. Анчарова, В. Орлова — «Альтист Данилов», Ч. Айтматова — «И дольше века длится день».

В последнее время литературоведы не раз заводили разговор о кризисе в фантастике, будто бы она идет на убыль, скоро растворится, исчезнет. Рассказанное выше опровергает эти опасения. Фантастика развивается неровно, волнами, за

подъемом действительно следует спад, но за спадом — очередной подъем. Общего кризиса не было никогда, частичные бывали всегда. Всегда жизнь менялась, менялись настроения, надежды и опасения читателей, все это отражается в литературе. Какие-то темы исчерпывались, надоедали, какие-то теряли значение, зато всплывали новые темы, новые направления или оживали основательно забытые старые.

Фантастика и в будущем не исчезнет, но повернет. Куда именно? Я мог бы ответить, если бы мне подсказали, что именно будет волновать читателя через десять и через двадцать лет.

Между прочим, проблема не праздная, имеющая значение для любого прозаика. Если автор сегодня вынашивает роман, несколько лет будет его писать, да не один год издавать, стало быть, сегодняшний замысел писателя дойдет до читателя к концу восьмидесятых. Придется ли книга в резонанс с настроениями того времени? И сохранит ли интерес для читателя двухтысячного года?

Говорить с читателем о его заботах можно и в стихах и в прозе, на языке фантастики и нефантастики. Одни понимают лучше такой язык, другие — иной.

СОДЕРЖАНИЕ

Для среднего
и старшего возраста

МИР ПРИКЛЮЧЕНИЙ

Сборник
фантастических и приключенческих
повестей и рассказов

ИБ № 7211

Ответственный редактор
И. Б. Шустова

Художестаенный редаитор
Л. Д. Бирюков

Техннчесиий редактор
Н. Г. Мохова

Корректоры
В В. Борисова к *Г. В. Романова*

Сдано в кабор 10.10.83. -Подписано к печатк 05.06.84. А02949. Формат $60\times90^1/_{16}$. Бум. кк.-журн. № 2. Шрифт литерат. Печать высоиая. Усл. печ. л. 40. Усл. кр.-отт. 41,0. Уч.-изд. л. 41,83. Тираж 100 000 эиз. Заиаз № 3895. Цека 1 р. 60 к. Орденов Трудового Красного Знамени и Дружбы кародов издательство «Детсивя литература» Государствеиного иомитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и иинжной торговлк. 103720, Мосивв, Центр, М. Черкасский пер., 1. Ордена Трудоаого Красного Знамени фабрииа «Детская иннга» № 1 Росглавполиграфпрома Государстаенного иомнтета РСФСР по делам издвтельств, полкгрвфин и иинжной торговлк. Москаа, Сущевскнй вал, 49.

Отпечатано с фотополнмеркых форм «Целлофот»

М63 **Мир** приключений: Сборник фантастических и приключенческих повестей и рассказов/Сост. А. П. Кулешов; Рис. В. Лыкова.— М.: Дет. лит., 1984.— 639 с., ил.

В пер.: 1 р. 60 к.

Ежегодный сборник научко-фактасткческих и приключенчесиих поаестей к рассказоа соаетских писателей.

М $\frac{4801000000-316}{М101(03)84}$ 040—84

1р. 60к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА“